

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

В.Л. Кубышко, кандидат педагогических наук, начальник Департамента государственной службы и кадров МВД России

Н.В. Румянцев, доктор юридических наук, начальник Московского университета МВД России

С.С. Жевлакович, кандидат социологических наук, доцент, Заслуженный работник Высшей школы Российской Федерации, первый заместитель начальника Московского университета МВД России

К.К. Гасанов, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Московского университета МВД России

А.В. Ендольцева, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Московского университета МВД России по научной работе

В.О. Лучин, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Заслуженный юрист РФ, судья Конституционного Суда РФ (в отставке)

С.С. Маилян, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права Московского университета МВД России, Заслуженный юрист РФ

А.Л. Миронов, кандидат юридических наук, доцент, главный редактор журнала «Вестник Московского университета МВД России»

А.В. Симоненко, доктор юридических наук, профессор, начальник Воронежского института МВД России

Ю.А. Цыпкин, доктор экономических наук, профессор, председатель Учебно-методического центра «Профессиональный учебник»

Н.Д. Эриашвили, кандидат исторических наук, кандидат юридических наук, доктор экономических наук, профессор, лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники, научный редактор журнала «Вестник Московского университета МВД России»

EDITORIAL BOARD

V.L. Kubyshko, candidate of pedagogical sciences, head of the Department of Civil service and Personnel of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

N.V. Rumyantsev, doctor of legal sciences, chief of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

S.S. Zhevlakovich, Candidate of sociological sciences, Associate Professor, Honored worker of higher school of the Russian Federation, first deputy chief of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

K.K. Gasanov, doctor of legal sciences, professor, deputy chief of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

A.V. Endoltseva, doctor of legal sciences, professor, deputy chief of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation on scientific work

V.O. Luchin, doctor of legal sciences, professor, Honored worker of science of the Russian Federation, Honored lawyer of the Russian Federation, judge of the Constitutional Court of the Russian Federation (resigned)

S.S. Mailyan, doctor of legal sciences, professor, professor of the Department of theory of state and law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Honored lawyer of the Russian Federation

A.L. Mironov, candidate of legal sciences, Associate Professor, chief editor of “Vestnik of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation” magazine

A.V. Simonenko, doctor of legal sciences, professor, chief of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

Yu.A. Tsyppkin, doctor of economic sciences, professor, president of the Training and methodology center «Professional book»

N.D. Eriashvili, candidate of historical sciences, candidate of legal sciences, doctor of economic sciences, professor, winner of an Award of the Government of the Russian Federation in the field of science and technology, scientific editor of “Vestnik of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation” magazine

РЕДАКЦИОННО-ЭКСПЕРТНЫЙ СОВЕТ

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Г.А. Аванесов,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ

С.В. Алексеев,
доктор юридических наук, профессор,
Почетный работник высшего профессионального образования РФ,
Почетный работник науки и техники РФ

Ю.М. Антонян,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ

А.В. Барков,
доктор юридических наук, профессор

А.Р. Белкин,
доктор юридических наук, профессор,
академик РАЕН

Е.В. Богданов,
доктор юридических наук, профессор

О.В. Волынская,
доктор юридических наук, профессор

А.М. Воронов,
доктор юридических наук, профессор

Л.Д. Гаухман,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ

М.Х. Гельдибаев,
доктор юридических наук, профессор

О.Ю. Ильина,
доктор юридических наук, профессор

С.М. Иншаков,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист РФ

Н.Г. Кадников,
доктор юридических наук, профессор

Р.А. Каламкарян,
доктор юридических наук, профессор

В.П. Камышанский,
доктор юридических наук, профессор,
Почетный работник высшего образования РФ

И.Б. Кардашова,
доктор юридических наук, профессор

Н.А. Колоколов,
доктор юридических наук, профессор

А.Н. Кузбагаров,
доктор юридических наук, профессор

С.Я. Лебедев,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист РФ

А.Н. Левушкин,
доктор юридических наук, доцент

Е.Г. Ляхов,
доктор юридических наук, профессор

Н.П. Майлис,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист РФ,
Заслуженный деятель науки РФ

В.П. Малахов,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный работник высшей школы РФ

Г.Б. Мирзоев,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист РФ

Н.В. Михайлова,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный работник высшей школы РФ

Р.С. Мулукаев,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ,
академик РАЕН

А.М. Осавелюк,
доктор юридических наук,
профессор

А.С. Прудников,
доктор юридических наук,
профессор,
Заслуженный юрист РФ

В.Н. Ткачев,
доктор юридических наук,
профессор

Л.В. Туманова,
доктор юридических наук,
профессор,
Заслуженный юрист РФ

Е.Н. Хазов,
доктор юридических наук,
профессор

О.В. Химичева,
доктор юридических наук,
профессор

Н.М. Чепурнова,
доктор юридических наук,
профессор

А.П. Щергин,
доктор юридических наук,
профессор,
Заслуженный деятель науки РФ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Ю.Т. Ахвледиани,
доктор экономических наук,
профессор

Р.П. Булыга,
доктор экономических наук,
профессор

Л.П. Дашков,
доктор экономических наук, профессор,
Заслуженный работник высшей школы,
академик РАЕН

В.Г. Когденко,
доктор экономических наук,
профессор

М.А. Комаров,
доктор экономических наук, профессор

А.А. Крылов,
доктор экономических наук, профессор

И.А. Майбуров,
доктор экономических наук, профессор

М.М. Максимцов,
доктор экономических наук,
профессор

В.Б. Мантусов,
доктор экономических наук,
профессор

Т.Б. Поляк,
доктор экономических наук,
профессор, Заслуженный деятель науки РФ

С.Г. Симагина,
доктор экономических наук,
доцент

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

И.В. Groшев,
доктор психологических наук, доктор экономических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ

Л.А. Казанцева,
доктор педагогических наук,
профессор

А.Л. Ласкин,
доктор педагогических наук,
профессор

Ю.Ф. Подлипняк,
доктор педагогических наук,
профессор

А.А. Реан,
доктор психологических наук,
профессор,
Заслуженный деятель науки РФ

А.М. Столяренко,
доктор педагогических наук,
доктор психологических наук,
профессор,
Заслуженный работник высшей школы РФ

В.Л. Цветков,
доктор психологических наук,
профессор

EDITORIAL EXPERT COUNCIL

LEGAL SCIENCES

G.A. Avanesov,
doctor of legal sciences,
professor,
Honored worker
of science of the Russian
Federation

S.V. Alekseev,
doctor of legal sciences,
professor,
Honorary worker
of higher professional
education of the Russian
Federation,
Honorary worker
of science
and technology of the
Russian Federation

Yu.M. Antonyan,
doctor of legal sciences,
professor,
Honored worker of
science of the Russian
Federation

A.V. Barkov,
doctor of legal sciences,
professor

A.R. Belkin,
doctor of legal sciences,
professor,
member of the Russian
Academy of Natural
Sciences

E.V. Bogdanov,
doctor of legal sciences,
professor

O.V. Volynskaya,
doctor of legal sciences,
professor

A.M. Voronov,
doctor of legal sciences,
professor

L.D. Gaukhan,
doctor of legal sciences,
professor,
Honored worker
of science of the Russian
Federation

M.Kh. Geldibayev,
doctor of legal sciences,
professor

O.Yu. Ilyina,
doctor of legal sciences,
professor

S.M. Inshakov,
doctor of legal sciences,
professor,
Honored lawyer of the
Russian Federation

N.G. Kadnikov,
doctor of legal sciences,
professor

R.A. Kalamkaryan,
doctor of legal sciences,
professor

V.P. Kamyshanskiy,
doctor of legal sciences,
professor,
Honorary worker
of higher education
of the Russian
Federation

I.B. Kardashova,
doctor of legal sciences,
professor

N.A. Kolokolov,
doctor of legal sciences,
professor

A.N. Kuzbagarov,
doctor of legal sciences,
professor

S.Ya. Lebedev,
doctor of legal sciences,
professor,
Honored lawyer
of the Russian
Federation

A.N. Levushkin,
doctor of legal sciences,
Associate Professor

E.G. Lyakhov,
doctor of legal sciences,
professor

N.P. Maylis,
doctor of legal sciences,
professor,
Honored lawyer
of the Russian
Federation,
Honored worker
of science of the Russian
Federation

V.P. Malakhov,
doctor of legal
sciences,
professor,
Honored worker
of higher school
of the Russian
Federation

G.B. Mirzoev,
doctor of legal sciences,
professor,
Honored lawyer
of the Russian Federation

N.V. Mikhaylova,
doctor of legal s
ciences,
professor,
Honored worker
of higher school
of the Russian
Federation

R.S. Mulukaev,
doctor of legal sciences,
professor, Honored worker of
science of the Russian Federation,
member of the Russian Academy
of Natural Sciences

A.M. Osavelyuk,
doctor of legal sciences,
professor

A.S. Prudnikov,
doctor of legal sciences,
professor, Honored lawyer
of the Russian Federation

Yu.T. Akhvlediani,
doctor of economic
sciences, professor

R.P. Bulyga,
doctor of economic
sciences,
professor

L.P. Dashkov,
doctor of economic
sciences, professor,
Honored worker
of higher school
of the Russian
Federation,
member of the Russian
Academy of Natural
Sciences

I.V. Groshev,
doctor of psychological sciences,
doctor of economic sciences,
professor, Honored worker of
science of the Russian Federation

L.A. Kazantseva,
doctor of pedagogical sciences,
professor

A.L. Laskin,
doctor of pedagogical sciences,
professor

V.N. Tkachev,
doctor of legal sciences,
professor

L.V. Tumanova,
doctor of legal
sciences,
professor,
Honored lawyer
of the Russian
Federation

E.N. Khazov,
doctor of legal sciences,
professor

ECONOMIC SCIENCES

V.G. Kogdenko,
doctor of economic
sciences,
professor

M.A. Komarov,
doctor of economic
sciences,
professor

A.A. Krylov,
doctor of economic
sciences,
professor

I.A. Mayburov,
doctor of economic
sciences,
professor

PEDAGOGICAL SCIENCES PSYCHOLOGICAL SCIENCES

Yu.F. Podlipnyak,
doctor of pedagogical
sciences,
professor

A.A. Rean,
doctor of psychological
sciences,
professor,
Honored worker
of science
of the Russian
Federation

O.V. Khimicheva,
doctor of legal sciences,
professor

N.M. Chepurnova,
doctor of legal sciences,
professor

A.P. Shchergin,
doctor of legal sciences,
professor,
Honored worker
of science
of the Russian
Federation

M.M. Maksimtsov,
doctor of economic
sciences, professor

V.B. Mantusov,
doctor of economic
sciences, professor

T.B. Polyak,
doctor of economic
sciences, professor,
Honored worker
of science of the Russian
Federation

S.G. Simagina,
doctor of economic
sciences,
Associate Professor

A.M. Stolyarenko,
doctor of pedagogical
sciences,
doctor of psychological
sciences,
professor,
Honored worker
of higher school
of the Russian Federation

V.L. Tsetkov,
doctor of psychological
sciences, professor

УЧРЕДИТЕЛЬ:

**Московский университет
Министерства внутренних дел
Российской Федерации**

*Начальник Московского
университета МВД России
генерал-лейтенант полиции,
доктор юридических наук*
Н.В. Румянцев

*Научный редактор,
ответственный за издание,
лауреат премии Правительста
РФ в области науки и техники,
доктор экономических наук,
кандидат юридических наук,
профессор*
Н.Д. Эриашвили
Е-mail: nodari@unity-dana.ru
Тел. 8 (499) 740-68-30

РЕДАКЦИЯ:

Главный редактор
А.Л. Миронов
кандидат юридических наук

Редактор
И.И. Кубарь
кандидат юридических наук,

Ответственный секретарь
Д.Е. Барикаева

*В подготовке номера
участвовали:*
**Л.С. Антоненко,
М.И. Никитин,
А.И. Антошина**

Верстка номера
Т.А. Гридчина

Журнал зарегистрирован
Министерством Российской
Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств
массовых коммуникаций

**Свидетельство о регистрации
№ 77-14723**

**Индекс по каталогу Агентства
«Роспечать» – 84629**

**Адрес редакции:
109028, Москва,
Малый Ивановский пер., д. 2
Тел. 628-57-16
E-mail:
vestnik.mosu.mvd@mail.ru**

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА МВД РОССИИ

Содержание № 9 • 2014

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ВЫПУСК

Обращение Начальника Московского университета МВД России генерал-лейтенанта полиции Н.В. Румянцева к участникам круглого стола.....	10
В.Ю. Бельский. Современный терроризм как социально-политическое явление: концептуально-теоретический анализ.....	11
А.Б. Моисеев. Генезис и эволюция терроризма как социально-политического явления.....	15
Д.Г. Лоцаков. Исторические разновидности террора и терроризма и их особенности.....	21
А.Н. Бороздин. Проблема политического насилия и террора в истории русской политической мысли.....	26
А.А. Ширинянц. Интеллигенция, нигилизм и терроризм в России второй половины XIX – начала XX вв.....	31
Н.Н. Гусев. Терроризм в контексте социологических парадигм.....	35
И.В. Полозова. Духовные и идейные основы «восточного» терроризма.....	39
И.И. Кальной, Д.А. Попов. Идейные и социальные истоки современного исламского радикализма и экстремизма.....	43
И.Н. Лопушанский. Радикализм и экстремизм как основания терроризма и террора.....	47
Е.О. Кубякин. Экстремальность и экстремизм: пропедевтика социального основания.....	50
И.А. Копылов. Государственный терроризм и его проявления.....	53
А.И. Сацута. Международный терроризм в условиях глобализации.....	58
В.В. Кологуша. Террористическая деятельность в глобализирующемся мире.....	63
В.А. Лепехин. Терроризм как способ борьбы с цивилизационными идентичностями.....	66
А.И. Костин. Глобальные тренды и противодействие международному терроризму.....	70
Д.А. Журавлев. Постиндустриальное общество как среда зарождения и распространения сетевого терроризма.....	74
Е.Б. Фурсова. Гражданское общество в противодействии терроризму.....	78
Л.И. Кемалова. Социальная ответственность молодежи как условие противодействия экстремизму в молодежной субкультуре.....	82
Л.Б. Кристалинский. Формирование социальной базы политического терроризма в Северокавказском регионе России: этнорелигиозный аспект.....	85
Д.В. Шикунов. Антитеррористическая политика современного Российского государства.....	89

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Н.В. Михайлова. Концепции правового регулирования деятельности средств массовой информации в истории российского государства.....	94
Н.Л.Феднева. К вопросу об общих чертах и особенностях генезиса правоохранительных систем: методологический аспект оценивания результатов обучения истории государства и права.....	96
Н.Д. Эриашвили, В.Н. Галузо. Доказывание в гражданском процессе Российской Федерации: состояние теории и законодательства.....	98
Ф.П. Васильев, Л.М. Орехова. К вопросу о современном толковании правовой грамотности.....	100
П.Н. Коршунов, Ю.А. Петрова. Состояние российского кооперативного законодательства и организация жилищного накопительного кооператива.....	105
К.В. Авсеницкая. Деятельное раскаяние в неоконченном преступлении.....	109
И.В. Акимова. Вопросы уголовной ответственности за незаконный оборот сильнодействующих или ядовитых веществ в целях сбыта.....	111
Дамдинсүрэнгийн Гэрэлбаатар. Общесоциальные меры предупреждения разбойных нападений в Монголии.....	115
К.К. Давудова, В.Н. Фадеев. Угроза китайской экспансии.....	120
Р.Ш. Шегабудинов. К вопросу о криминологической характеристике экономических преступлений, совершаемых лицами, имеющими коррупционные связи.....	126

Оригинал-макет подготовлен издательством «ЮНИТИ-ДАНА», журналом «Закон и право»

- Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций. Ответственность за содержание публикаций и достоверность фактов несут авторы материалов. В первую очередь редакция публикует материалы своих подписчиков.

- Редакция не вступает в переписку с авторами писем, рукописи не рецензируются и не возвращаются.

- При перепечатке или воспроизведении любым способом полностью или частично материалов журнала «Вестник Московского университета МВД России» ссылка на журнал обязательна.

- В соответствии со ст. 42 Закона РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» письма, адресованные в редакцию, могут быть использованы в сообщениях и материалах данного средства массовой информации, если при этом не искажает смысл письма. Редакция не обязана отвечать на письма граждан и пересылать эти письма тем органам, организациям и должностным лицам, в чью компетенцию входит их рассмотрение. Никто не в праве обязать редакцию опубликовать отклоненное ею произведение, письмо, другое сообщение или материал, если иное не предусмотрено законом.

Формат 60x84 1/8.
Печать офсетная. Тираж 1500 экз.
(1-й завод – 300).
Отпечатано в типографии «Буки Веди» ООО «Ваш полиграфический партнер»
Москва, Ильменский пр-д., д. 1, корп. 6
Тел. 8 (495) 926-63-96

Батчулуун Батдорж. Некоторые вопросы экстрадиции в сфере уголовного судопроизводства Монголии и России.....	133
Б.Я. Гаврилов. Досудебное производство по УПК РФ накануне очередной реформы (мнение практика и ученого).....	137
В.С. Желонкин. Правовое регулирование порядка рассмотрения кассационной жалобы или кассационного представления прокурора.....	142
И.В. Казначей. Использование технических средств коммуникации в целях получения сведений доказательственного значения при производстве следственных действий.....	146
Н.А. Колоколов. Суд защитил прокурора в гражданском процессе.....	149
Е.Ю. Самолаева. Применение норм о прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон при производстве дознания.....	152
Цэнд Мунхбаатар. Процессуальные сроки возбуждения уголовного дела по УПК Монголии.....	155
Е.А. Осавелюк. Применение интерактивных методов при проведении практических занятий по дисциплине «Международное частное право» по программам магистратуры.....	161
В.Н. Фадеев. Международно-правовые аспекты сотрудничества России с Европейским Союзом и Соединенными Штатами Америки.....	163
В.В. Бачила. Структура полиции Республики Сербия.....	168
А.Ф. Купин. Закономерности проявления в текстах признаков почерка при подражании почерку другого лица.....	176
С.А. Акимова, Т.А. Прудникова. Правовое регулирование миграционной политики и деятельности миграционных служб Австралии, Японии, а также государств, входящих в ассоциацию стран юго-восточной азии.....	180
Ф.Г. Мышко. Основания прекращения трудового договора.....	184
Ю.Ю. Орлова. О видах и формах ведомственного контроля за деятельностью органов внутренних дел Российской Федерации.....	186
И.Ю. Харьбин. К вопросу об агитационно-пропагандистской деятельности ОВД в области безопасности дорожного движения.....	189
А.Ю. Богачева. Частный нотариус как специальный субъект преступления.....	191
С.С. Маилян, А.Л. Миронов. Некоторые вопросы по повышению эффективности государственного управления.....	194

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Ю.В. Быковская. Программно-целевой метод планирования: развитие, анализ, применение в МВД России.....	196
Н.Н. Никулина, Н.Д. Эриашвили, Д.В. Суходоев. Особенности бизнес-планирования в страховых организациях с сетью филиалов.....	201

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

С.Р. Аблеев. Репрезентация научного знания: когнитивные пределы понятийного дискурса в исследованиях сознания.....	206
Н.В. Галанина. Критика принципа детерминизма в гуманитарном знании представителями «философии жизни».....	210
П.П. Марченя. Смутные поиски России: Смута в контексте россиеведения.....	213
А.Л. Золкин. Право и социальная этика в философии русского консерватизма.....	216
Н.Ф. Медушевская. Самоидентификация индивида contra хаос и произвол вольности в отечественной гражданской культуре.....	218
И.В. Чипига. Судебная практика и судебный прецедент в Конституционном Суде РФ и Верховном суде РФ.....	221
А.Ю. Звонарева. Общественный контроль за деятельностью Органов Внутренних Дел.....	224
В.И. Михайлов. Некоторые вопросы организации индивидуальной воспитательной работы в органах внутренних дел.....	226
Н.Д. Эриашвили, Е.Л. Логинов, А.Н. Райков, Д.Н. Ефремов. Компоновка перспективной структуры организационных связей и поддержки взаимодействия научных, образовательных, производственных структур в рамках образовательно-научно-производственной сети с использованием различных форм ГЧП.....	231
Л.Г. Берлявский. Рецензия на книгу: Бондарь Н.С. Российское юридическое образование как конституционная ценность: национальные традиции и космополитические иллюзии.....	236

FOUNDER:

Moscow University of the
Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation

*Head of the Moscow University
of the Ministry of Internal
Affairs of the Russian Federation,
lieutenant general of police,
doctor of legal sciences*
N.V. Rumyantsev

*Scientific editor, responsible
for the publication, the winner
of the award of the Government
of the Russian Federation
in the field of a science
and technics, doctor
of economics, candidate
of law, professor*
N.D. Eriashvili
E-mail: nodari@unity-dana.ru
Tel. 8 (499)740-68-30

EDITORIAL STAFF:

*Editor-in-Chief
candidate of law*
A.L. Mironov

*Editor
candidate of law*
I.I. Kubar

Executive secretary
D.E. Barikaeva

*In edition preparation
participated:*
L.S. Antonenko,
M.I. Nikitin,
A.I. Antoshina

Imposition
T.A. Gridchina

The journal is registered
by Ministry for Press,
Broadcasting and Mass
Communications of the Russian
Federation

The certificate of registration
№77-14723

Zip Code at the List of the Agency
«Rospechat» – 84629

Editorial Staff adress:
109028, Moscow,
Malyj Ivanovskij per., d. 2.
Tel. 628-57-16
E-mail:
vestnik.mosu.mvd@mail.ru

VESTNIK**MOSKOVSKOGO UNIVERSITETA MVD ROSSII**

Contents ❁ № 9 • 2014

SPECIAL EDITION

The appeal of the Head of Moscow University of the MIA of Russia General-Lieutenant of police N.V. Rumyantsev to the participants of the round table.....	10
V.Y. Belskiy. Modern terrorism as a socio-political phenomenon: a conceptual and theoretical analysis.....	11
A.B. Moiseev. Genesis and evolution of terrorism as a socio-political phenomenon.....	15
D.G. Loschakov. Historical varieties of terror and terrorism and their features.....	21
A.N. Borozdin. The problem of political violence and terror in the history of Russian political thought.....	26
A.A. Shirinyants. Intelligentsia, nihilism and terrorism in Russia in the second half of XIX – early XX centuries.....	31
N.N. Gusev. Terrorism in the context of sociological paradigms.....	35
I.V. Polozova. Moral and ideological bases of the «eastern» terrorism.....	39
I.I. Kalnoy, D.A. Popov. Ideological and social roots of the modern Islamic radicalism and extremism.....	43
I.N. Lopushanskiy. Radicalism and extremism as a reason of terrorism and terror.....	47
E.O. Kubyakin. Extremity and extremism: propaedeutics of social base.....	50
I.A. Kopylov. State terrorism and its manifestations.....	53
A.I. Sazuta. The international terrorism in the conditions of globalization.....	58
V.V. Kolotusha. Terrorist activity in a globalizing world.....	63
V.A. Lepekhin. Terrorism as a way of dealing with civilizational identity.....	66
A.I. Kostin. Global trends and opposition to international terrorism.....	70
D.A. Zhuravlev. Postindustrial society as the environment of generation and spreading of network terrorism.....	74
E.B. Fursova. Civil society in countering terrorism.....	78
L.I. Kemalova. Social responsibility of youth as a condition to counteract extremism in the youth subculture.....	82
L.B. Kristalinskiy. Formation of the social base of political terrorism in the North Caucasus region of Russia: ethno-religious aspect.....	85
D.V. Shikunov. Anti-terrorist policy of the modern Russian state.....	89

JURISPRUDENCE

N.V. Mikhaylova. The mass media law regulation conceptions in the state of Russia history.....	94
N.L. Fedneva. The question of the general features and peculiarities of genesis of law-enforcement systems: the methodological aspect of State and Law history training results estimation.....	96
N.D. Eriashvili, V.N. Galuzo. Evidence in civil proceedings of the Russian Federation: state of the theory and legislation.....	98
F.P. Vasilyev, L.M. Orehova. The modern interpretation of legal literacy.....	100
P.N. Korshunov, Yu. A. Petrova. State of Russian cooperative legislation and organization of housing saving cooperative.....	105
K.V. Avsenitskaya. Active repentance in unfinished crime.....	109
I.V. Akimova. The issues of criminal responsibility for illegal turnover of strong or toxic substances for the purpose of marketing.....	111
Damdinsurengeyn Gerelbaatar. General social prevention measures robberies in Mongolia.....	115
K.K. Davudova, V.N. Fadeev. The threat of Chinese expansion.....	120
R.Sh. Shegabudinov. To the question of criminological characteristic of economic crimes committed by persons having ties of corruption.....	126
Batchuluun Batdorj. Some questions of extradition in criminal proceedings of Mongolia and Russia.....	133
B.Ya. Gavrilov. Pre-judicial production according to the Criminal procedure code of the Russian Federation on the eve of the next reform (opinion of the practician and scientist).....	137

The original-model is created by publishing house «UNITY-DANA» and by the journal «Law and Legislation»

- The opinion of editorial staff may not coincide with the point of view of the authors of publications. The responsibility of publications maintenance and reliability of the facts lies on authors. First of all editorial staff publishes materials of the subscribers.

- Editorial staff does not enter into a correspondence to authors of letters, manuscripts does not return.

- At a reprint or reproduction by any method, in full or in part journal materials «Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii» the reference to the journal is obligatory.

- In accordance with the Law of the Russian Federation «About mass media» of 27 December 1991 № 2124-1, letters addressed to the editorial staff, may be used in messages and materials of mass media, if it does not distort the meaning of the letter. Editorial staff is not obliged to answer letters of citizens and to remit these letters to those bodies, the organizations and officials, whose competence includes their consideration. Nobody has the right to oblige editorial staff to publish the product, the letter, other message or a material that has been dismissed earlier, if other is not statutory.

Format 60x84 1/8.

Offset printing

Circulation 1500 copies

(1st batch–300)

It is printed in Company

«Buki Vedi» LLC «Your Publishing Partner»

Moscow, Ilmensky pr-d, d. 1, bldg. 6

Ph. 8 (495) 926-63-96

V.S. Zhelonkin. Legal regulation of the order of cassation appeal consideration or cassation appeal of the prosecutor.....	142
I.V. Kaznachei. Use of technological means of communication in order to obtain proof during conducting investigative actions.....	146
N.A. Kolokolov. The court defended the Prosecutor in the civil process.....	149
E.Yu. Samolaeva. Application of the rules on termination of the criminal case in connection with reconciliation of the parties to the inquiry.....	152
Tsend Munhbaatar. Procedural deadlines of criminal proceedings in criminal procedure code of Mongolia.....	155
E.A. Osavelyuk. Application of interactive methods in conducting workshops on the subject «Private International Law» on the master's degree programs.....	161
V.N. Fadeev. International legal aspects of Russian cooperation with the European Union and the United States of America.....	163
V.V. Bachila. Structure of police of the Republic of Serbia.....	168
A.F. Kupin. Regularities of manifestation in the texts of signs handwriting when the imitation of handwriting of another person.....	176
S.A. Akimova, T.A. Prudnikova. Legal regulation of migration policies and activities of the migration services of Australia, Japan and countries of the association of south-east asia.....	180
F.G. Myshko. Grounds for termination of the employment contract.....	184
Ju.Ju. Orlova. The types and forms of institutional control over the activities of the Interior authorities of the Russian Federation.....	186
I.Yu. Harybin. To a question of agitation and propaganda activity of Department of Internal Affairs in the field of traffic safety.....	189
A.Yu. Bogacheva. Private notary as a special subject of the crime.....	191
S.S. Mailyan, A.L. Mironov. Some questions on increase of efficiency of public administration.....	194

ECONOMIC SCIENCE

Yu.V. Bykovskaya. Target-oriented planning approach: the development, analysis and application to the Russian Interior Ministry.....	196
N.N. Niculina, N.D. Eriashvili, D.V. Sukhodoev. The peculiarities of business-planning in insurance companies with a chain of subsidiaries.....	201

PHILOSOPHICAL SCIENCE

S.R. Ableev. The representation of scientific knowledge: the cognition limits of conceptual discourse in consciousness research.....	206
N.V. Galanina. Criticism of the principle of a determinism in humanitarian knowledge by representatives of «life philosophy».....	210
P.P. Marchenya. Vague Search for the Russia: smuta in the context of russian studies.....	213
A.L. Zolkin. The law and the social ethics in the philosophy of russian conservatism.....	216
N.F. Medushevskaya. Self-identity of the individual contra chaos and arbitrariness of liberty in the Russian civil culture.....	218
I.V. Chipiga. Judicial practice and judicial precedent in the constitutional Court and the Supreme court of the Russian Federation.....	221
A.Yu. Zvonareva. Public control over the internal affairs agencies activities.....	224
V.I. Mikhailov. Some organizational issues of individual educational work in the internal affairs bodies.....	226
N.D. Eriashvili, E.L. Loginov, A.N. Raykov, D.N. Efremov. The layout of the perspective structure of institutional links and support the interaction of scientific, educational, industrial structures within the educational, scientific and industrial networks using different forms of PPP.....	231
L.G. Berlyavskii. Book review: Bondar N.S. Russian legal education as a constitutional value: national traditions and cosmopolitan illusion.	236

**ОБРАЩЕНИЕ
НАЧАЛЬНИКА МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА МВД РОССИИ
ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА
ПОЛИЦИИ
НИКОЛАЯ ВИКТОРОВИЧА
РУМЯНЦЕВА
К УЧАСТНИКАМ КРУГЛОГО
СТОЛА**

Уважаемые товарищи!

От имени руководства и профессорско-преподавательского состава Московского университета МВД России приветствую участников круглого стола: «Терроризм как социально-политическое явление: генезис и эволюция, причины, проявления, противодействие».

В конце XX – начале XXI века терроризм из разряда отдельных преступных действий превратился в самостоятельное социально-политическое явление, феномен современной общественной жизни. Он широко используется в межгосударственном взаимодействии, геополитическом противоборстве, стал способом достижения разнообразных целей разного рода националистических и сепаратистских организаций, клерикальных и экстремистских группировок и сил, представляет глобальную угрозу современной международной безопасности, безопасности личности, общества и государства. Террористические действия и акты приводят к большому количеству человеческих жертв, значительным физическим разрушениям, имеют тяжелые морально-психологические, материальные, финансовые, политические, экологические и другие последствия.

Террористическая деятельность, террор становятся все более профессиональными и эффективными. В них широко используются масштабные акции, в которых применяются локальные военные действия, методы диверсионно-террористической войны и информационно-психологического воздействия, сетевое взаимодействие, современное оружие, современные средства связи, маскировки и видеонаблюдения, инновационное компьютерное программное обеспечение, GPS-навигации. Жестокость, насилие, шантаж, навязывание определенного образа поведения, отсутствие правовых и моральных ограничений в действиях, крайняя радикальность, используемых средств и приемов для достижения цели, характерные для терроризма, предопределили все более широкое использование его в политической борьбе. Терроризм, как свидетельствует современная практика, стал для различных сил изощренным и коварным инструментом захвата и перераспределения власти, свержения политических режимов и лидеров, изменения государственных границ, внедрения в массовое сознание тех или иных ценностно-идеологических установок.

Острой является проблема терроризма и в современной России. Его основным источником является географическое и социальное пространство Северного Кавказа. Это регион, где исторически существует конфликтогенный потенциал в силу его полиэтничности и поликонфессиональности, а в современных условиях на него распространяются геополитические интересы нескольких ведущих игроков мировой политики. По ряду причин здесь также сложилась непростая социально-экономическая ситуация, недостаточно эффективной остается региональная государственная власть. Кроме того, распространению идеологии радикализма и экстремизма на Северном Кавказе способствуют его геополитическое положение, исторические и культурные традиции и связи населения региона.

Терроризм в современных условиях является прямой угрозой и вызовом всем цивилизованным народам и государствам, требует от них согласованных и скоординированных действий, направленных на нейтрализацию террора и террористической деятельности. К сожалению, необходимость объединения народов и государств в борьбе с терроризмом не всегда еще полностью осознается в мировом сообществе, а иногда прямо пренебрегается отдельными западными государствами, которые условием международного взаимодействия в борьбе с терроризмом выдвигают политическую лояльность других народов и стран к ценностям и нормам западной демократии. Более того, чему есть немало примеров, когда, отдавая приоритет своим национальным интересам и в ущерб интересам мирового сообщества, некоторые западные государства поощряют деятельность террористов, используют «двойные стандарты» в оценке терроризма и террористов и исходящих от них угроз.

Российская Федерация проводит последовательную и целенаправленную политику противодействия и борьбы с терроризмом, прилагает значительные усилия по объединению народов и государств в создании международных условий и механизмов для нейтрализации деятельности террористических организаций и группировок, предотвращения террористических актов одиночек-террористов. Для защиты от террористической угрозы и обеспечения национальной безопасности в стране сформирована система противодействия и борьбы с терроризмом, включающая материально-финансовые, политико-правовые и организационные основы ее функционирования, силы и средства борьбы с терроризмом, принципы, способы и методы использования сил и средств в противодействии и борьбе с терроризмом. Составной частью этой системы являются органы внутренних дел. С учетом этого в образовательном процессе в Московском университете МВД России особое внимание уделяется изучению слушателями и курсантами нормативно-правовых актов по проблемам противодействия и борьбы с терроризмом, экстремизмом и радикализмом, формированию у них практических умений и навыков противодействия и нейтрализации террористических действий и актов.

Выражаю уверенность в том, что выступления и дискуссия участников круглого стола: «Терроризм как социально-политическое явление: генезис и эволюция, причины, проявления, противодействие» расширят и углубят представления о терроризме как социально-политическом явлении, как современной глобальной угрозе существованию человеческой цивилизации и борьбе с ним. Надеюсь, что материалы круглого стола станут важным источником развития современной социально-гуманитарной теории, будут полезными и востребованными на практике.

Желаю участникам круглого стола творческой и плодотворной работы!

СОВРЕМЕННЫЙ ТЕРРОРИЗМ КАК СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ: КОНЦЕПТУАЛЬНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

ВИТАЛИЙ ЮРЬЕВИЧ БЕЛЬСКИЙ,
начальник кафедры социологии и политологии
Московского университета МВД России,
доктор философских наук, профессор
E-mail: v.belskiy@bk.ru

Аннотация. Выделяются и анализируются концептуально-теоретические проблемы современного терроризма как социально-политического явления. Дается их авторская оценка; предлагаются подходы к их решению.

Ключевые слова: терроризм, современный терроризм, террористическая деятельность, террористические методы, террология, концептуально-практические проблемы современного терроризма, противодействие терроризму.

Annotation. Conceptual and theoretical problems of modern terrorism as a socio-political phenomenon are highlighted and analyzed in the article. Author's evaluation and approaches to solving are expounded.

Keywords: terrorism, modern terrorism, terrorist activities, terrorist methods terrologics, conceptual and practical problems of modern terrorism, counter-terrorism.

Терроризм – явление настолько же давнее, насколько давними являются социальная жизнь человечества и политика как таковая. Борьба людей и различных сообществ за власть и влияние на всех уровнях всегда сопровождалась не только мирными дискуссиями и стремлением к достижению согласия и взаимопонимания, но также жесткими и бескомпромиссными столкновениями, борьбой на взаимоуничтожение, насильственными действиями, переходящими в вооруженные конфликты и полномасштабные войны.

Терроризм – это, по сути, особые действия участников политического процесса, направленные на достижение поставленных целей самыми жесткими и насильственными методами, которые предшествуют войне, предваряют военные конфликты и, фактически, становятся причинами, предпосылками или следствием геноцида, разного рода революций, мятежей и государственных переворотов, войн разного типа. Террористические действия всегда связаны с устрашением противника (оппонента) и отличаются от прямого военного насилия лишь характером на-

сильственных действий, масштабами использования традиционных вооружений и спецификой отношений между субъектами и объектами противоборства. В Федеральном законе Российской Федерации «О противодействии терроризму» терроризм определяется как «идеология насилия и практика воздействия на принятие решений органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий» [1].

Начало XXI в. ознаменовано резким ростом масштаба и степени интенсивности террористических атак на правящие режимы в самых разных частях света: пожалуй, никогда в истории человечества на планете Земля не действовало такое количество радикально-экстремистских и иных групп и организаций, терроризирующих население и правительства не просто отдельных стран, но и целых континентов. Уже сам факт количественного и качественного разрастания террористической деятельности и, в частности, использование террора в международном масштабе, в глобальных мировых проектах становится причиной и важнейшим фактором необходимости пересмотра сложившихся научных представлений о терроризме как явлении, их обновлении и корректировке с учетом современных реалий.

Во второй половине XX в. новыми формами проявления терроризма стали деятельность леворадикальных групп в ряде развивающихся стран мира, государственный политический террор власти против «левых» сил в США в период маккартизма, террор правящих режимов против населения в ряде стран Азии и Африки (массовые убийства в Камбодже, репрессии против белого населения в Зимбабве, преследования христиан в Центрально-Африканской республике и Египте и берберов в Мали), системные террористические атаки, – к примеру, джихад. Все эти новые формы организованного и стихийного насилия дополняют и видоизменяют традиционное представление о терроризме как о преимущественном способе и совокупности методов борьбы различных протестных групп с государственной властью и неудобными этим группам политическими режимами.

После событий 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке (США) мир заговорил о феномене международного терроризма, который существенно отличается от уже известных проявлений терроризма. Во всяком случае, никто до сих пор не совершал теракты с таким размахом и такой степенью технологичности и, одновременно, анонимности, породив, тем самым, массу вопросов об истинных организаторах нападения на здания Всемирного Торгового центра и их целях. В наши дни в самом центре Восточной Европы – в Украине – народные протестные акции переросли в вооруженные столкновения представителей

оппозиции с властью, завершились вооруженным государственным переворотом и продолжились со стороны «новой власти» информационно-идеологическим устрашением и физическим, с применением военной силы и оружия, подавлением и уничтожением несогласных с ее политикой и действиями; понятия «террор» и «терроризм» наполнились принципиально новыми коннотациями.

До событий сентября 2001 г. в мировой политической науке доминировала точка зрения, согласно которой терроризм считался делом либо одиночек, либо отдельных радикальных групп, прибегающих в борьбе со своими политическими и идеологическими противниками (прежде всего, с авторитарными политическими режимами) к крайне жестким мерам, связанным с намерением вызвать страх у своих «оппонентов» (представителей власти) с тем, чтобы заставить их выполнить те или иные требования. В частности, польский ученый А. Бернгард в книге «Стратегия терроризма» отмечает, что «терроризм это – насилие и устрашение, используемые объективно более слабыми в отношении более сильных» [2].

В принципе, такой взгляд на террор и терроризм доминирует и всячески культивируется и сегодня в западной политической науке. Одновременно еще совсем недавно среди, например, американских социологов (особенно советологов) нередко можно было встретить ученых, которые специализировались на изучении системного «государственного терроризма», источником которого считался СССР, оказывающий систематическую поддержку радикальным политическим группировкам по всему миру. Советский Союз уже давно не существует, а Российская Федерация сегодня – один из самых последовательных противников террора, в каком бы виде он не проявлялся, а государственный терроризм в мире между тем только усиливается. И сегодня мы видим, что субъектность терроризма вновь существенно изменилась: главным источником насилия все больше становятся обладающие властью элиты и транснациональные «группы влияния».

В настоящее время мир столкнулся с тем, что бывшие объекты международного терроризма, т.е. страны Запада, все очевиднее становятся планировщиками и ключевыми мегасубъектами насилия: главными организаторами, участниками, вдохновителями, кураторами и мозговыми центрами разного рода террористических политик и практик в целом ряде стран мира и в международном масштабе. Свидетельством этому служит вооруженное вторжение США и их союзников в Ирак (2003 г.), насильственные действия западных держав в отношении разного рода политических, социальных и религиозных групп (например, в отношении шиитов и алавитов в ряде арабских стран), поддержка силами НАТО косовских боевиков и признание используемых ими методов борьбы с сербами (не только с властью, но

и с рядовыми гражданами) «методами борьбы за свободу», демонстрационные (устрашающие) бомбежки самолетами НАТО Белграда и других городов Сербии (2004 г.). Очевидно, что для западных стран террор стал методом силового подавления инакомыслия и инакодействия в глобальном масштабе. Сегодня он также является для тех или иных правящих политических режимов средством борьбы в других странах против радикальных политических группировок и организаций, против неугодных групп, организаций, движений и отдельных политиков и журналистов. По сути, глобализация и «технологизация» терроризма, вывод и выход террористической деятельности на уровень официальной внешнеполитической практики целого ряда стран (прежде всего, так называемых «цивилизованных» государств Запада), легитимация террористических методов продвижения интересов как способа обеспечения принятия нужных мировым «центрам силы» государственных и международных (глобальных) решений – вот то принципиально новое качество, характеризующее современный международный терроризм.

Если до событий февраля 2014 г. в Киеве новый, глобально-системный тип терроризма не был так заметен и очевиден (он был также как бы не совсем легитимен, хотя и продвигался – настойчиво и последовательно – западными правительствами в Тунисе, Египте, Ливии, Сирии и ряде других стран), то в марте 2014 г., после поддержки Евросоюзом и США украинских радикал-националистов (использующих в своей стратегии и тактике методы террора), официального признания ими сформированной силовым образом новой киевской власти и применения с их стороны экономических и иных санкций к Российской Федерации, выступившей защитником терроризируемых на Украине групп населения, явление миру терроризма нового уровня и нового качества в системе международных отношений стало абсолютно очевидным.

С учетом этого, к числу основных актуальных концептуальных проблем в области террологии следует отнести: пересмотр и корректировку основных дефиниций, характеризующих терроризм как социально-политическое явление, его основные типы, направления, субъекты, объекты, факторы, закономерности развития и т.п.; анализ современного состояния терроризма, а также новых видов и типов террора и террористической деятельности (в том числе – информационного террора, кибертеррора); разработка критериев классификации проявлений терроризма и экстремизма, а также соответствующих политико-правовых и ценностных характеристик террористических актов, практики трендов последних десятилетий; изучение и анализ существующих идеологием политического насилия, а также разработку системы научной аргументации, осуждающей насилие и препятствующей эскалации идеологии, психологии и практики терроризма и экстремизма в любых формах

и разновидностях; оценку деятельности не только террористических групп и организаций, но также государств и международных союзов и коалиций в части соответствия или несоответствия их действий и политик действующему международному праву и различным международным и национальным (цивилизационным) правовым и ценностным системам оценок; осуществление сравнительных и иных исследований в области международного права, квалифицирующего те или иные действия и решения субъектов мировой политики как террористические и экстремистские, а сами террористические акты как действия противоправного, уголовного характера. Остановимся на некоторых из них.

Проблема дефиниций. Очевидно, что универсального определения терроризма, которое бы устраивало большинство исследователей этого явления в настоящее время не существует, поскольку спектр лозунгов и действий террористических организаций чрезвычайно широк, а формы, методы и тактика последних постоянно трансформируются и наполняются новым и всё более спорным и неоднозначным содержанием. Дискуссии вокруг определения понятия «терроризм» не утихают и, к сожалению, до сих пор составляют львиную долю теоретических разработок в области террологии. С учетом этого обстоятельства к числу принятых в современной социально-политической науке определений терроризма следует отнести не только уже общепринятые дефиниции, но также определения нового, не традиционного типа, базирующиеся на представлении о терроризме как о принципиально новом явлении в современной глобальной и субглобальной (межцивилизационной) политике. В этом смысле, наряду с понятием «международный терроризм», в научный оборот следовало бы ввести такие понятия, как «глобальный терроризм», «терроризм сверхдержав», «системный терроризм», «цивилизационный терроризм», и ряд других.

Проблема оценки террористической деятельности. В связи с изменением субъектности террористической деятельности и фактического слияния различных радикальных групп и субкультур с мировыми «центрами силы» чрезвычайно актуальной становится проблема адекватной оценки характера, причин и целей тех или иных террористических организаций, акций и идей. В отличие от известных левоориентированных радикальных групп второй половины XX в., которые вели «антиимпериалистическую» борьбу не только в развивающихся странах, но также в Европе («Красные бригады» в Италии, Фракция Красной Армии (РАФ) в Германии и т.п.), и которые в массе своей были либо ликвидированы, либо самораспущены по причине, прежде всего, краха мировой системы социализма, деятельность большинства современных радикальных групп стала носить откровенно националисти-

ческий и квазирелигиозный характер. Более того, в последние два десятилетия основные сети террористических организаций не только сменили «прописку», сосредоточившись, в основном, в Ближневосточном регионе и в ряде мусульманских стран, но и были интегрированы в глобальные мировые проекты, став одним из важнейших элементов обеспечения «нового мирового порядка». Так, по мнению чеченского полевого командира Ходж-Ахмеда Нухаева, терроризм – это плод развития государства – особым образом трансформированное средство политической борьбы страны, отказавшейся от традиций во имя стремления к технократическому прогрессу [3].

В нулевые годы нашего века не только в Азии, но и во многих странах Европы при поддержке западных политиков и спецслужб были созданы новые радикальные – националистические и неофашистские – группировки, совокупность которых многие политические эксперты характеризуют как некую новую глобальную (не столько идеологическую, сколько информационно-волонтерскую) сеть, находящуюся под контролем сил так называемого «черного интернационала», организованно пришедшего на смену «красному интернационалу» левых сил. Такие группировки особенно активны сегодня в странах Восточной Европы (в Венгрии, Чехии, Румынии, Словакии, странах Прибалтики, на Украине) – и это не случайно: в этих странах порою только правые радикалы оказываются той инструментальной силой, которая позволяет операторам «нового мирового порядка» контролировать национальные элиты и жестко пресекать альтернативные («левые», антиглобалистские, пророссийские и т.п.) точки зрения и практические действия.

Безусловно, в той же Европе сегодня немало антиглобалистских, экологических и иных движений, которые принято относить к «левым», однако эти организации в своей борьбе против «мирового капитала», как правило, не используют насилие, тем более – с применением оружия. Главная причина – отсутствие финансирования леворадикальных групп со стороны этого самого «мирового капитала», который предпочитает поддерживать «правых», а не «левых», и невозможность – в силу отсутствия у антиолигархических и антиглобалистских движений материальной базы – выйти из маргинального состояния. Как результат – повсеместный переход «левых» радикалов в подчинение «правым».

Проблема анализа террористической деятельности. Террористическая деятельность может быть, как известно, системной и антисистемной (надсистемного и внесистемного террора не бывает). Традиционно к террористическим методам борьбы прибегали антисистемные группы и движения, т.е. силы, не встроенные в действующие системы принятия решений, а потому лишенные возможностей, а часто и

прав вести системную – легальную и цивилизованную – борьбу за свои интересы и идеалы. Именно отсутствие в дореволюционной России развитой политической системы с её выборностью, парламентаризмом, многопартийностью и иными институтами и механизмами продвижения во власти интересов тех или иных социальных групп (в особенности – так называемых инновационных групп населения) предопределили использование социалистами-революционерами и иными «антисистемщиками» радикально-террористических методов борьбы с царским режимом. Аналогично в ряде традиционалистских мусульманских стран большинство населения вплоть до настоящего времени лишено возможности отстаивать свои интересы легальным и демократическим путем, а потому является поставщиком кадров для радикальных группировок, апеллирующих в основном к ценностям ислама за неспособностью разработать эффективную социальную доктрину и выдвинуть какие-либо иные (не клерикальные) альтернативные кланово-олигархическим режимам системы ценностей.

В западных странах, где в настоящее время существуют правовые и иные возможности и для свободного участия населения в выборах, и для формирования политических партий, и для критики правящих режимов, градус политического экстремизма не только не снижается, но даже возрастает. При этом отношение же к различным типам насилия (особенно – за пределами евроамериканских территорий) становится все более безучастным, если не сказать толерантным.

Проблема противодействия терроризму. В исследованиях проблем современного терроризма и его перспектив, помимо проблематики, связанной с изучением и анализом различных проявлений террористической деятельности, все более важное место занимают вопросы исследования терроризма как социально-политического феномена, идеологической составляющей террористической деятельности, психологии террора как все более перспективного направления манипулирования массовым сознанием, новых – информационно-сетевых и духовно-ценностных методов террора, цивилизационной составляющей терроризма и экстремизма, [4] а также масса иных вопросов, пока остающихся без адекватных и профессиональных ответов. В этом контексте один из важнейших вопросов современной террологии – это вопрос о правовом обеспечении противостояния насилию, в том числе – правовом противодействии террористическим и иным экстремистским актам и действиям.

Эффективно противостоять терроризму можно только одним способом – совершенствованием мировой системы международного права. К сожалению, именно это направление борьбы с терроризмом на сегодня является самым проблематичным. В частности, известный американский терролог Валь-

тер Лакер отметил, что общая теория терроризма «аргіогі невозможна, потому что у этого феномена непомерно много разных причин и проявлений»[5]. Важнейшей причиной, тормозящей выработку универсального отношения к терроризму, способного получить адекватную правовую оценку ведущих международных организаций и правительств ведущих стран мира, становятся интересы тех субъектов мировой политики, которые, как уже было сказано, заинтересованы в использовании терроризма как одного из самых эффективных способов ведения войны (в том числе – войны превентивной) в современных условиях.

С позиций права в юридической литературе террористическая деятельность рассматривается как разновидность противоправных действий, подлежащих уголовному преследованию. С позиций же интересов ведущих субъектов современной политики разграничительная линия между терроризмом и преступностью всякий раз проходит там, где это выгодно данным субъектам. Между тем, данная проблема должна быть рано или поздно решена в пользу мира на планете Земля, поскольку не сегодня-завтра терроризм готов шагнуть за пределы использования традиционных видов вооружений. В частности, в последние годы возрастает опасность вероятного использования террористами оружия массового уничтожения. К примеру, в Украине, в результате обрушения власти в феврале 2014 г. фактически беззащитными остались несколько атомных станций, а фактическая поддержка политиками Ев-

росоюза и США националистических бандформирований в этой стране по сути означает поощрение политического экстремизма и террористической деятельности в одном из крупнейших государств Европы, подталкивание радикальных националистических группировок к эскалации применения силы и меганасилия как внутри страны, так и за её пределами.

Современная Россия – фактически единственное крупное государство мира, которое открыто обозначило свою антитеррористическую позицию, которая основана на объективной оценке происходящих в мире процессов, терроризма как явления, представляющего глобальную угрозу существованию человечества. Руководство Российской Федерации прилагает значительные усилия по объединению возможностей и ресурсов народов и государств в борьбе с терроризмом, его различными современными проявлениями; на основе принципов международного права проводит активную и целеустремленную антитеррористическую политику.

1. См.: <http://www.rg.ru/2006/03/10/borba-terrorism.html>.

2. *Berngard A.* Strategic terrorism. Warszawa, 1978. S. 22.

3. См.: *Нухаев Ходж-Ахмед.* Терроризм как порождение государства // Казахстан. Интернет-газета Навигатор, 2002, 11 июля. <http://www.navi.kz/articles/?artid=1004>.

4. См.: *Вутюк В.В., Эфирова С.А.* «Левый» терроризм на Западе: история и современность. М. 1987. С. 225.

5. *The Terrorism Reader: A Historical Anthology.* Ed. By Walter Laqueur, Temple University Press. Philadelphia 1983. P. 183.

ГЕНЕЗИС И ЭВОЛЮЦИЯ ТЕРРОРИЗМА КАК СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ЯВЛЕНИЯ

АНТОН БОРИСОВИЧ МОИСЕЕВ,

*старший преподаватель кафедры социологии
и политологии Московского университета МВД России
E-mail: v.belskiy@bk.ru*

Аннотация. Выделяются причины и источники генезиса и эволюции терроризма как социально-политического явления, анализируются различные подходы к выявлению и характеристике этапов этого процесса. Ставится вопрос о необходимости дальнейших исследований этой проблемы.

Ключевые слова: генезис и эволюция терроризма, причины и источники зарождения и эволюции терроризма, этапы генезиса и эволюции терроризма.

Annotation. Causes and sources of the evolution genesis of terrorism as a socio-political phenomenon are highlighted in the article, different approaches to the emphasizing and characterization of the stages of this process are analyzed. The problem of necessity for the further research of this subject.

Keywords: genesis and evolution of terrorism, the causes and sources of the origin and evolution of terrorism, the stages of the genesis and evolution of terrorism.

Терроризм как явление своими корнями уходит вглубь, а его история насчитывает по сведениям авторов фундаментального учебного пособия «Терроризм: борьба и проблемы взаимодействия»[1] не менее двух с половиной тысячелетий. «Спорадически и эпизодически пронизывая всю мировую историю, терроризм, ...относится к разряду столь же древних явлений, как и само насилие», а «...терроризм и террористы существовали задолго до появления этих терминов»[2].

Аргументируя настоящую точку зрения, ее сторонники апеллируют по большей части не к историческим фактам, которые в данном случае играют инструментальную, вспомогательную роль, а к социально-психологическим корням терроризма. Терроризм, как указывает российский ученый Н.Я. Лазарев, является порождением внутрицивилизационного раскола, связанного с кризисом и распадом как внутрицивилизационных взаимодействий (в том числе – межэтнических и межконфессиональных), так и межцивилизационных связей[3]. Сама линия внутрицивилизационного разлома проходит там, где на фоне глубокого духовного кризиса цивилизации возникают межгрупповые социально-политические, этнонациональные и религиозно-конфессиональные антагонизмы, сопровождающиеся коренной ломкой общественных отношений, изменением государственного устройства, отсутствием стабильности и уверенности в завтрашнем дне, проявлениями радикального национализма и ксенофобии, разгулом насильственной уголовной преступности. Проявляющиеся в этих условиях навязчивые идеи о бесперспективности и бессмысленности собственного бытия порождают состояние перманентного стресса у самых разных слоев населения, особенно у молодежи, и тем самым подрывают здоровую психическую основу социальной жизни людей, способствуя возникновению различных форм аберрации общественного сознания. Интенсивная депривация основных потребностей и элементарных прав, неудовлетворенные инстинкты и потребности, нереализованные таланты и надежды, фрустрированные социальные амбиции и устремления, угроза потери или резкого снижения социального статуса формируют особый тип культового кризисного сознания, в основе которого лежит аннигиляция самого культурного кода цивилизации – отрицание самоценности человеческой жизни.

Как свидетельствует история, последовательными носителями этого типа общественного сознания становятся наиболее пассионарные и наименее удовлетворенные индивиды, которые под влиянием самодовлеющего чувства тотального неблагополучия, отчуждения от духовных и материальных благ, отвергнутости и униженности становятся раздражительными и агрессивными, способными на любые немотивированные с точки зрения здравого

смысла поступки, в том числе и на насилие в его самых крайних формах. Вдохновленные идеями противопоставления агрессии невыносимым условиям существования, силы деспотизму, меньшего зла большему злу, а также сознательно или бессознательно руководимые влечением к славе, желанием увековечить свое имя в истории, либо стремлением бросить вызов судьбе, сильным мира сего, а то и сами богам[4], такие люди по принципу «подобное притягивает подобное» объединяются со временем в замкнутые группы, в которых внутригрупповая дисциплина, лояльность и сплоченность, проявление сильной внутригрупповой идентификации и наличие ярко выраженной групповой идеологии являются достаточными условиями и необходимыми предпосылками для развертывания систематического вооруженного насилия по отношению к социальным общностям и социальным институтам, персонифицирующим зло с точки зрения идеологии узаконных групп.

История человечества изобилует примерами такого толка мессианского противоборства. Генезис терроризма, истоки которого понимаются подобным образом, восходит ко временам легендарных тираноборцев Древней Греции и связан в социально-политическом смысле со спонтанной реакцией общества на усиление государства как института деспотической власти. Линия дальнейшей эволюции терроризма в этом ключе видится как асимметричное противостояние «силы» и «слабости», «власти» и «общества», «легальности» и «подполья».

Возникший как протестная деятельность героев-одиночек (античные тираноборцы), терроризм с течением времени совершенствовался организационно (религиозно-мистические общества древней Иудеи времен римского владычества, тайные общества Средневекового Востока и традиционного Китая, террористические организации Европы, России, Азии, Южной и Северной Америки второй половины XIX – первого десятилетия XXI века), стратегически (от нападения на отдельных лиц, которые как конкретные личности, агенты или представители власти являлись помехой для достижения провозглашенных террористами целей, до тотальной войны против всего общества в целом), тактически (от бессистемных эпизодических убийств до последовательного применения тщательно спланированных и отрепетированных приемов и методов регулярных армий и специальных государственных служб) и технически (от использования ножей и кинжалов до применения всего спектра средств вооруженной борьбы, включая оружие массового поражения и компьютерные технологии).

В этой связи заслуживает внимания точка зрения Н.Н. Афанасьева и В.С. Шукшина, согласно которой терроризм как социально-политическое явление в процессе своей эволюции прошел пять

основных этапов[5]. С некоторыми поправками эту схему в настоящий момент можно изложить в следующем виде:

I этап – эпоха раннего терроризма или прототерроризма – продолжительный по меркам исторического времени период от зарождения терроризма в эпоху Античности до середины XIX в. На этом этапе были заложены основы идеологии (Карл Гейнцен – автор опубликованной в 1849 г. статьи «Убийство») и практики терроризма (Хасан бен Саббах – основатель тайной секты воинствующих исмаилитов-низаритов, известной под названием «ассасины», образовавшейся в Иране в конце XI в.), возникли первые организованные сообщества террористов (сикарии в I в. нашей эры, ассасины – в XI–XIII в.в.).

II этап – начало «эры терроризма» или эпоха классического терроризма – вторая половина XIX – первое десятилетие XX в. В этот период были разработаны основные методы и формы террористической деятельности (массовые деперсонализированные убийства представителей власти, взрывы бомб в общественных местах, пересылка взрывчатых устройств по почте, экспроприации), под идеологию и практику терроризма была подведена теоретическая база (так называемая «философия бомбы» немецких революционеров, французских декадентов и анархистов второй половины XIX в.), оформились классические образцы стратегии и тактики террористов (ирландские, армянские, польские, македонские, сербские и финские националисты, Народная воля, испанские, итальянские и французские анархисты, Российская партия социалистов-революционеров).

III этап – переходный – с начала 20-ых до конца 50-ых годов XX в. делится на две стадии. На первой стадии, которая начинается в 20-е годы и завершается во второй половине 40-ых годов, терроризм из эпизодического, локального индивидуального или группового политического вызова государственной власти, который не несет угрозы всему обществу в целом, превращается в постоянно действующий фактор политической жизни многих стран и народов (Франция, Палестина, Польша, западные районы Советской Украины и Советской Белоруссии), представляющий серьезную общественную опасность. На второй стадии этого этапа, т.е. во второй половине 40-ых – конце 50-ых годов, терроризм временно локализуется в периферийных районах земного шара (Ближний Восток, Южная и Центральная Америка, страны Юго-Восточной Азии). Особенности этой стадии эволюции терроризма стали переход от преимущественно индивидуальных к групповым разновидностям террористической активности, возникновение новых форм и методов террористической борьбы (авиационный терроризм, захват заложников).

IV этап – эпоха городской герильи (60-ые – 80-ые годы XX в.) – ознаменовался возникновением крупных организованных террористических группировок (например, «Rote Armee Fraktion» в Федеративной республике Германия или «Brigate Rosse» в Италии), усилением изощренности тактики террористов и жестокости применяемых ими методов воздействия на общество и его политические институты, кооперацией и интернационализацией связей террористов и их нелегальных организаций. Характерной чертой указанного этапа стало сближение интересов террористов с интересами властвующих политических элит. Террористическая деятельность из антисистемной деятельности начала все больше трансформироваться в деятельность «по заказу» системы. Наметился ранее противоестественный симбиоз терроризма и специфических государственных институтов, в рамках которого террористы все чаще становились инструментом скрытого противостояния военно-политических блоков и орудием долговременной политической игры с крайне засекреченным сценарием и тщательно скрываемыми от общества истинными целями игроков. Террористическая деятельность трансформировалась в прагматичную политическую технологию радикального решения элитарными политико-финансово-экономическими кругами деликатных проблем, возникающих в сфере управления мировыми и внутригосударственными социально-экономическими и политическими процессами.

Серьезные изменения на этом этапе претерпела сама личность террориста: на смену террористу-агитатору пришел расчетливый профессионал, которому, по большому счету, все равно, чьи интересы он выражает (Ильич Рамирес Санчес по кличке «Шакал»), а на смену террористу-мстителю – зомбированный верованиями и наркотиками фанатик, слепо готовый на любые преступления. Кульминацией третьего этапа стало превращение терроризма в глобальный фактор международной политики.

V этап – эпоха современного терроризма – непосредственно детерминирована социально-экономическими процессами, происходящими на международной арене, где терроризм, являясь системной составляющей процессов глобализации мирового социально-экономического, культурного и политического пространства, прямо связан с оказанием давления определенными кругами мировой политико-финансово-экономической элиты на внутреннюю политику суверенных государств в том или ином политико-географическом регионе земного шара. Вопреки достаточно распространенной точке зрения, современный терроризм объективно не может рассматриваться в качестве формы протеста против глобализации, поскольку, как свидетельствует феномен пресловутой «Аль-Кайды», деятельность которой сама по себе представляет собой радикаль-

ный псевдоисламский неототалитарный проект глобализации, терроризм только облегчает экспансию Запада в «третьем мире» под предлогом борьбы с террористической угрозой и способствует тем самым осуществлению глобализации в ее самом опасном либерально-мондиалистском варианте. Борьба с международным терроризмом становится не более чем идеологическим прикрытием откровенной политической, экономической и геостратегической схватки за мировое господство.

Вышеизложенный подход к генезису и эволюции терроризма как социально-политического явления, выделению этапов этого процесса вызывает ряд сомнений по поводу его достоверности и правомерности при детальном ознакомлении с историей терроризма и, особенно, при выяснении ее соотношения с феноменом политических убийств. Так, К.В. Жаринов, автор популярного справочника «Терроризм и террористы», не считает политические убийства разновидностью терроризма. «Такие преступления, – пишет К.В. Жаринов, – не обусловлены социальной борьбой», – оговаривая, правда, то обстоятельство, что в их осуществлении как заказчик, так и убийца должны быть заинтересованы корыстно[6]. Н.Н. Афанасьев и В.С. Шукшин, в целом считая политические убийства одной из разновидностей террористической деятельности, в тоже время обращают внимание на то, что точка зрения К.В. Жаринова отчасти справедлива, поскольку «иначе нам придется принять на веру достаточно сомнительное с исторической точки зрения утверждение, что убийства Юлия Цезаря или отца Александра Македонского Филиппа относятся уже к достаточно зрелому этапу развития терроризма. Ни убийца Филиппа Македонского Павсаний, ни участники заговора мартовских ид в 44 году до нашей эры, стоившего жизни Юлию Цезарю, не выдвигали никаких требований обществу в целом, либо какой-то его социально значимой части. Шокирующий эффект происшедшее с влиятельными особами производило только на тех, кто наследовал власть, заставляя последних принимать все более изощренные меры собственной безопасности»[7]. Так может или нет индивидуальная активность одиночек, с которой, как считает К.В. Жаринов[8], началась история политического терроризма, квалифицироваться как терроризм в собственном смысле этого слова?

Профессор РГГУ М.П. Одесский в опубликованной в июле-августе 2007 г. в российском журнале «Moulin Rouge» статье «Наука убивать», отождествляя политические убийства с идеологией и практикой тираноборчества, так отвечает на этот вопрос: «Тираноборчество и террор реализуют прямо противоположные модели жизнестроительства. 1. Террорист метит не в конкретного тирана, а в любого представителя власти. 2. Террорист стремится не наказать преступника, а ужаснуть

общество: «террор» (terreur – франц. ужас) – метод управления социумом посредством устрашения. 3. Террорист совершает героическое дело и отнюдь не обязан жертвовать собой, напротив того, он должен сохранить жизнь для дальнейших подвигов. 4. Террорист должен иметь в распоряжении весь арсенал средств убийства: от традиционного кинжала до чудес технического прогресса (бомбы, самолеты и т.п.). Террорист-тираноборец практичен и в то же время демонстративен»[9].

Американский исследователь Б. Хоффман также сомневается в том, что деятельность одиночек может рассматриваться как проявление терроризма: «Террорист также отличается от убийцы-фанатика, который может применять схожую тактику (убийство, подрыв) и, возможно, даже ставит перед собой те же цели (смерть политического деятеля). Однако, при схожести тактики и объектов нападения террористов и убийц-фанатиков их цели различаются. Несмотря на то, что цель террориста является неизбежно политической (как правило, смена или существенное изменение политической системы посредством применения насилия), цель убийцы-фанатика чаще всего является идиосинкразической, абсолютно эгоцентричной и глубоко личной. ... Более того, как не может один человек называться политической партией, так и убийца-одиночка не должен считаться отдельной террористической группировкой. ... Чтобы называться терроризмом, насилие должно быть совершено организованной общностью с какой-либо конспиративной структурой и распознаваемой цепью управления, а не отдельным лицом, действующим по собственному желанию»[10].

Как следует из вышеприведенных высказываний, практика терроризма и тираноборчество несовместимы. Как же быть тогда с провозглашением легендарных тираноборцев Древней Греции Аристогитона и Гармодия предтечами терроризма?

Вопросы вызывает и соотношение теории и практики терроризма с деятельностью членов религиозно-мистических группировок и тайных обществ Востока, Индии и Китая эпохи древности и средневековья. Было бы большой нелепостью утверждать, что их деятельность уж как-то особо расходилась с общепринятой социально-политической деятельностью того времени, считают Н.Н. Афанасьев и В.С. Шукшин. «Политическое насилие – отмечают они, – не являлось чем-то шокирующим, поскольку относилось едва ли не к главному инструменту осуществления политики вообще и государственной политики в особенности. Политические убийства были в порядке вещей, составляя арсенал методов реализации политической воли не только таких полубезумных фанатиков, как Хасан бен Саббах, но и вполне уважаемых по тогдашним меркам властвующих особ. Убийцы зачастую не скрывали свою причастность к совершению того или иного

преступления, считая его всего лишь исполнением своего общественного, вассального или религиозного долга и даже порой щедро вознаграждались за это деньгами, поместьями, выгодными должностями и высокими титулами»[11].

Вопросы, разночтения и оговорки, подобные вышеприведенным, вызывают сомнение в истинности вышеизложенной универсальной истории терроризма и наводят на мысль, что понимание того, что можно считать «терроризмом» в собственном смысле слова, для разных исторических эпох будет совершенно разным, если не диаметрально противоположным.

Уже упоминавшийся американский исследователь Б. Хоффман предлагает иной взгляд на генезис и эволюцию терроризма, основанный на исследовании этимологии самого понятия терроризм.

Согласно точке зрения Хоффмана, разделяемой другими зарубежными и отечественными исследователями феномена терроризма, такими как У. Лакёр, К. Славик, А.С. Грачев, англоязычный неологизм «терроризм» стал общеизвестен благодаря памфлетам Эдмунда Бёрка против Великой французской революции, который в 1795 г. писал о «тысячах адских псов, называемых террористами, которых спустили на невинных людей»[12]. Конкретизируя эту мысль, Н.Н. Афанасьев и В.С. Шукшин, ссылаясь на мнение чешского ученого К. Славика, поясняют, что почерпнутое У. Лакёром из дополнения к «Словарю Французской академии» 1798 г. определение терроризма как «*sustema, regime de la terreur*» ... применялось для определения политики революционного французского правительства периода якобинской диктатуры[13]. Таким образом, считает Б. Хоффман, термин «терроризм» стал обозначать любые злоупотребления официальной власти с открытым криминальным подтекстом[14].

В дальнейшем, указывает Б. Хоффман, в революционной атмосфере Европы первой половины – середины XIX в. понятие «терроризм» приобрело свое основное, знакомое современному миру значение революционной антиправительственной деятельности[15]. Это согласуется с мнением Н.Н. Афанасьева и В.С. Шукшина, согласно которому начало «эры терроризма» приходится на середину XIX в., когда теоретики леворадикального движения сформулировали «философию бомбы», трансформированную впоследствии идеологами и практиками анархизма в доктрину «пропаганды действием»[16]. Подобное понимание терроризма было актуальным вплоть до начала Первой мировой войны, после окончания которой значение термина «терроризм» снова изменилось. «Теперь он в меньшей степени использовался для описания деятельности революционных движений и актов насилия, направленных против государства или его правителей, и все больше применялся для обозначения массовых репрессий, проводимых

тоталитарными государствами и правителями-диктаторами и направленных против народа. Таким образом, термин вновь приобрел свое прежнее значение, а именно злоупотребление государственной властью»[17].

После окончания Второй мировой войны, – развивает далее свою мысль Б. Хоффман, – понятие «терроризм» вновь приобрело революционный оттенок[18]. Именно с ним терроризм наиболее часто увязывается сегодня. В то время данный термин использовался прежде всего в контексте антиколониальной борьбы, вспыхнувшей в Азии, Африке и на Ближнем Востоке во второй половине 40-х – 50-х годах. Это понимание терроризма сохранилось и в 60-е – 70-е годы с поправкой на то обстоятельство, что многие практиковавшие террористическую деятельность этнонациональные и этносепаратистские группы вышли к тому времени за рамки отдельных стран и даже политико-географических регионов, а сама палитра террористических организаций была существенно дополнена идеологически мотивированными радикальными группами левой и правой политической ориентации, нацеленными на борьбу с институтами современного западного либерально-демократического государства.

Несмотря на то, что упомянутые выше революционно настроенные организации, как считает Б. Хоффман, до сих пор в определенной степени формируют представления общества о терроризме, в последние годы этим термином стали обозначать куда более широкий спектр проявлений публично-социально-политического насилия. Например, в начале 80-х годов XX в. терроризмом стали именовать умышленные действия, осуществляемые с целью нарушения равновесия внутри сложившейся после окончания Второй мировой войны глобальной политической системы. Так появился термин «международный терроризм», внутренняя бессодержательность которого была тем более очевидна, чем явственнее за каждым террористическим актом прослеживались интересы конкретных государств на международной арене. В 90-х годах термин «терроризм» стал использоваться для обозначения «угрозы стабильности национальных государств, исходящей от негосударственных исполнителей и не подконтрольных государству движений и организаций», а также для определения насилия, оказывающего влияние на население «огромных территорий или городской зоны, где власть перешла от законного правительства к новым полурадикальным полукриминальным структурам»[19].

В начале XXI в. значение слова «терроризм» и его использование стали еще более размытыми. В данный момент этим термином обозначают также вооруженные конфликты, не вписывающиеся в рамки традиционных представлений о войне как о вооруженном столкновении двух или более воюю-

щих государств, где боевые действия ведутся регулярными армиями или подконтрольными одной из враждующих сторон иррегулярными силами (партизанами). Использование термина «терроризм» прямо указывает теперь на преимущественно парамилитарный характер по крайней мере одной из участвующих в конфликте сторон, институционализируя практику систематического негосударственного вооруженного насилия, осуществляемого немногочисленными по составу группами, либо отдельными боевиками.

Можно с полной уверенностью утверждать, что все попытки содержательной интерпретации феномена терроризма в настоящее время зашли в тупик, поскольку содержание самого термина оказалось размыто настолько, что его собственный смысл оказался полностью утрачен. А само понятие стало удобным инструментом для различных идеологических и политических манипуляций общественным сознанием. Основанием для подобного утверждения служит тот неоспоримый факт, что под терроризмом сегодня понимается достаточно широкий спектр ассоциируемых с радикальным экстремизмом явлений общественной жизни: от сепаратистских повстанческих движений этнической и религиозно-криминальной ориентации до социально опасных действий, находящихся на грани психического здоровья одиночек вроде пресловутого Унабомбера. Очевидно, что указанные феномены различны по своим мотивам, целям, средствам осуществления, социальной базе, степени общественной опасности и иным объективным факторам, обуславливающим их существование [20]. Все эти обстоятельства подталкивают исследователей природы терроризма к поиску новых подходов к объяснению причин возникновения и воспроизводства, а также эволюции этого социально опасного явления.

В современных научных дискуссиях по вопросу о генезисе терроризма в последнее время все отчетливее проявляется противостояние двух основных точек зрения [21]. В основе первой лежит известная концепция столкновения цивилизаций Сэмюэля Хантингтона, согласно которой терроризм рассматривается в качестве асимметричного ответа недернизированных (вернее, частично модернизированных) традиционных обществ «третьего мира» на вызовы либеральной цивилизации. Именно представители данной точки зрения видят истоки современного терроризма в религиозном экстремизме и агрессивном этнонационализме, а стратегию и тактику противостояния терроризму интерпретируют в военных терминах.

Спорность данной точки зрения состоит в том, что терроризм здесь смешивается с иными формами неконвенционального насилия, например, гражданская война и партизанская война, ведущаяся террористическими методами. «В сравнении

с традиционным социальным устройством современные общества, – пишет английский социолог Энтони Гидденс, – гораздо более мирные и спокойные», поэтому «понять, что такое терроризм, можно только на фоне относительного внутреннего спокойствия, царящего в современных государствах» [22]. Объяснить, как соотносится внутреннее спокойствие с реальной обстановкой в Ираке, Афганистане и на Северном Кавказе, где, судя по новостным сообщениям отечественных средств массовой информации, редкий день проходит без взрывов, стрельбы и гибели людей, можно только тем, что термин «терроризм» используется в данном случае некорректно. Терроризм шокирует общество, а когда режим контртеррористической операции на соседней улице становится непременным атрибутом повседневной реальности, его устрашающее воздействие ослабевает настолько, что акты террора перестают восприниматься как нечто аномальное. «Происходит «бейрутизация» обывательского сознания, когда обычная мирная жизнь и война существуют как две неизбежных реальности целостного восприятия мира. Так отрицание состояния войны путем подмены этого понятия термином «терроризм» порождает состояние социальной шизофрении» [23].

Вторая точка зрения рассматривает терроризм как органическую часть элитаристской, неоконсервативной интерпретации либерального проекта мобилизации излишне «расслабившегося» социума перед лицом глобальных вызовов современной эпохи. Терроризм становится объективно выгодным отдельным влиятельным группировкам внутри властвующих в современных государствах «первого мира» элит, причем не только как средство достижения лояльности и мобилизации масс, но и как инструмент хирургического решения давно назревших, но не решавшихся обычным путем проблем. Системный кризис всех составных элементов либеральной цивилизации, отсутствие ярко выраженного позитивного объединяющего начала и внятного видения перспектив общественного развития становятся основой для инструментализации терроризма в качестве элемента глобального манипулятивного воздействия на общество. Не трудно увидеть, что вторая точка зрения по своим исходным посылкам близка социально-психологическому подходу к пониманию феномена терроризма, только место одержимых «комплексом Прометеев» пассионариев в ней замещает анонимный манипулятор – носитель и концептуальный модератор исходных социально-политических смыслов, управляющий террористами словно марионетками в кукольном театре. Иначе как объяснить тот факт, что индивидуальная мотивация террористов в наши дни может быть одной, а реальные долгосрочные стратегические выгоды, извлекаемые

из последствий террористических актов – прямо противоположными?

Таким образом, вопросы генезиса и эволюции терроризма остаются актуальными по своему содержанию и интерпретации проблемными узлами общей теории терроризма, которые каждое новое поколение исследователей этого крайне противоречивого и неоднозначно воспринимаемого феномена будет распутывать по-своему, в зависимости от общих тенденций развития текущих социально-политических процессов на мировой арене и в каждой отдельно взятой стране.

1. Терроризм: борьба и проблемы взаимодействия: Учебное пособие для студентов юридических вузов / Под ред. проф. В.Я. Кикотя, проф. Н.Д. Эриашвили. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004. С. 83.

2. Афанасьев Н.Н., Шукиин В.С. Исторические корни терроризма. М., 2002. С. 3, 6.

3. См.: Лазарев Н.Я. Терроризм как социально-политическое явление: истоки, формы и динамика развития в современных условиях: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук // http://proflibrary.ru/themes/teorija_politiki_istorija/lazarev_ikolaj_jakovlevich_77540. С. 3.

4. Афанасьев Н.Н. и Шукиин В.С. это свойство человеческого самосознания называют «комплексом Прометея». См.: Афанасьев Н.Н. и Шукиин В.С. Там же. С. 4.

5. См.: Афанасьев Н.Н. и Шукиин В.С. Там же. С. 7–9.

6. Жаринов К.В. Терроризм и террористы: Исторический справочник / Под общей редакцией А.Е. Тараса. Минск: Хорвест, 1999. С. 37.

7. Афанасьев Н.Н., Шукиин В.С. Там же. С. 17.

8. Жаринов К.В. Там же. С. 5.

9. Одесский М. Наука убивать // Новый взгляд. 20.10.2007. № 10 // <http://www.newlookmedia.ru/?p=2761>.

10. Хоффман Б. Терроризм – взгляд изнутри / Перевод с англ. Е. Сажина. М.: Ультра. Культура, 2003. С. 44–45.

11. Афанасьев Н.Н., Шукиин В.С. Там же. С. 16–18.

12. Хоффман Б. Там же. С. 11.

13. Афанасьев Н.Н., Шукиин В.С. Там же. С. 19.

14. Хоффман Б. Там же. С. 11.

15. Хоффман Б. Там же. С. 11.

16. Афанасьев Н.Н., Шукиин В.С. Там же. С. 19.

17. Хоффман Б. Там же. С. 21.

18. Хоффман Б. Там же. С. 23.

19. Хоффман Б. Там же. С. 24, 26. .

20. Моисеев А.Б. Терроризм как инструмент глобального манипулирования обществом // Материалы Шестой международной научной конференции по проблемам безопасности и противодействия терроризму. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. 11–12 ноября 2010 г. Том I. М.: МЦНМО, 2011. С. 201.

21. См.: Моисеев А.Б. Там же. С. 202.

22. Гидденс Э. Терроризм и партизанские движения // http://society.polbu.ru/giddens_sociology/ch109_i.html.

23. Моисеев А.Б. Там же. С. 203.

ИСТОРИЧЕСКИЕ РАЗНОВИДНОСТИ ТЕРРОРА И ТЕРРОРИЗМА И ИХ ОСОБЕННОСТИ

ДМИТРИЙ ГЕОРГИЕВИЧ ЛОЩАКОВ,
доцент кафедры социологии и политологии
Московского университета МВД России,
кандидат философских наук, доцент
E-mail: v.belskiy@bk.ru

Аннотация. Рассматриваются проявления террора и терроризма в исторической ретроспективе, выделяются их разновидности и особенности. С учетом современных научных представлений о терроризме анализируется и оценивается социально-политический характер исторических разновидностей террора и терроризма.

Ключевые слова: террор, терроризм, исторические разновидности терроризма, особенности исторических разновидностей терроризма, социально-политический характер террора и терроризма.

Annotation. The article scrutinizes the acts of terror and terrorism in historical retrospect, their varieties and features are distinguished. The socio-political character of historical varieties of terror and terrorism is analyzed and evaluated considering the modern scientific understanding of terrorism.

Keywords: terror, terrorism, historical forms of terrorism, features of historical varieties of terrorism, socio-political nature of terror and terrorism.

Любое социальное явление имеет свою историю; современный терроризм [1] не является в этом

отношении исключением. Всматриваясь в прошлое, часто удается лучше разобраться в том, что проис-

ходит сегодня. А для понимания современного терроризма это имеет особое значение: несмотря на то, что он уже более полувека держит в напряжении народы и правительства многих стран мира, – в теоретическом плане исследователи так и не пришли к единому мнению относительно сущности данного явления.

Юристы выдвигают на передний план противоправную сторону терроризма и видят в нем, прежде всего, преступное деяние. Психологи делают акцент на самом процессе создания в обществе атмосферы страха и паники. Политологи, в зависимости от контекста, квалифицируют терроризм как форму политического экстремизма или форму политического протеста. Терроризм пытаются трактовать и как дисфункцию социальной системы, и как разновидность социального конфликта и т.п.

Объединить эти подходы к пониманию терроризма в единую концепцию пока не получается, так как они начинают противоречить друг другу. Исследователь попадает в ловушку двойных и тройных стандартов, когда в одной системе координат теракт однозначно оценивается как бесчеловечное преступное деяние, а в другой, – как героическая акция во имя интересов своего народа. В равной степени не удастся подвести под общий знаменатель террор, исходящий от государственной власти, и террор, направленный против государственной власти, притом, что измеряемые в человеческих жертвах последствия массовых репрессий со стороны государства всегда на порядок выше, чем у оппонентов этого государства.

В статье также не ставится задача дать однозначные и готовые ответы на эти и многие другие вопросы, связанные с изучением терроризма. Основное внимание в ней будет уделено анализу и характеристике исторических разновидностей террора и терроризма, что может помочь лучше разобраться в их современных формах.

Во многих работах, посвященных современному терроризму, часто приводится более или менее длинный перечень его исторических форм, призванный подтвердить глубокие исторические корни данного явления. Однако, на деле все происходит наоборот, – в категорию террористических попадают столь разнородные явления, что ситуация только запутывается.

Чтобы убедиться в этом посмотрим на основные вехи истории терроризма, описание которых встречается в большинстве работ по терроризму.

Отсчет исторических форм терроризма обычно начинают с организации сиккариев [2], которая действовала в Иудее в 1 веке н.э. и боролась за автономию провинции Фессалоники против римского владычества.

К разряду террористических относят индийскую секту тугов [3] (душителей), которые грабили

и убивали путешественников, принося их в жертву богине Кали.

В категорию террористических попали ассасины [4] – мусульманская секта исмаилитов, действовавшая на территории Ирана в средние века.

Историки терроризма, конечно, не смогли пройти мимо средневековой инквизиции и ее массовых репрессий против вероотступников [5]. Не вдаваясь в исторические подробности этих событий все же отметим, что папская католическая церковь во времена инквизиции представляла собой политическую надстройку над королевской светской властью и все ее действия, включая гонения на еретиков, осуществлялись в рамках официально провозглашенной политики церкви, весьма схожей с государственной.

К террористическим организациям относят китайские «триады», которые существовали в Китае со II века до н.э. как преступные сообщества [6].

Историю терактов Нового времени открывает так называемый «пороховой заговор» Гая Фокса [7] (1605 г.), который стал реакцией на процессы Реформации и имел целью реставрацию католицизма в Англии.

Классическим примером государственного террора считается якобинский террор периода Великой Французской революции. Шарлотта де Корде, убившая в 1793 г. Жана Поля Марата в отместку за террор, развязанный якобинцами, также зачисляется в террористы.

К террористическим организациям причисляются сицилийская мафия, неополитанская каморра и братство карбонариев, которые возникли в Италии в 1820-е гг. [8].

XIX в. – век классовой борьбы и левого радикализма, – считается знаковым в истории терроризма. В XIX в. методы террора начинают использовать не только национально-освободительные движения, но и революционеры-радикалы (анархисты, социалисты, республиканцы), в среде которых формируются первые варианты идеологии терроризма, получившие название «философия бомбы» и «пропаганда действием» (М. Бакунин, К. Гейнцен, П. Кропоткин и др.). Результатом практического внедрения этих идеологий в Европе и США стала длинная вереница громких политических убийств [9]. Революционеры-радикалы использовали террор не только против представителей политической элиты того времени, но и против крупных и средних чиновников, олицетворявших ненавистную действующую власть.

Историю российского терроризма XIX в. открывает революционная организация «Народная Воля», которая ставила своей задачей передачу политической власти народу и использовала метод политических убийств, чтобы расшатать и ослабить российское самодержавие накануне его полного свержения. В начале XX в. (1902–1911 гг.) дело «На-

родной Воли» продолжила «Боевая организация эсеров», на счету которой тысячи уничтоженных царских чиновников. Мишенями боевиков-эсеров становились только лица, виновные в репрессиях, и особое внимание обращалось на то, чтобы при проведении акций не пострадали женщины и дети.

В историю российского терроризма вписаны «красный» и «белый» террор времен революции 1917 г. и гражданской войны. Каждая из противоборствующих сторон на подконтрольных им территориях проводила массовые репрессии не только в отношении своих противников, но и в отношении сочувствующих и просто подозрительных слоев населения, широко практикуя взятие и расстрел заложников.

Тоталитарные режимы XX в. занимают особое место в истории терроризма, поскольку они впервые на государственном уровне стали систематически использовать методы террора в качестве инструмента внутренней и внешней политики.

Именно тоталитарные режимы XX в. вывели терроризм на международный уровень, превратив его в инструмент внешней экспансии. С подачи этих режимов в период между двумя мировыми войнами формируются глобальные политические движения, – коммунистическое и фашистское, – нацеленные на мировое господство и активно использующие тактику терроризма. Именно в этот период формируется типовая организационная структура международного террористического движения, центром которой является государство, – координатор и спонсор движения, – или некая международная организация типа Коминтерна, а периферию образует широкий спектр локальных террористических организаций в странах, выступающих объектами экспансионистских интересов.

Справедливости ради надо отметить, что внешняя государственная поддержка террористических организаций имела место уже в период первой мировой войны – где каждая из противоборствующих сторон поддерживала организации, действовавшие на территории противника и не гнушавшиеся методами террора [10]. Однако, эта поддержка ограничивалась временными интересами и не имела такой глобальной экспансионистской направленности, как у тоталитарных режимов XX века [11].

Окончание второй мировой войны, крах фашистских режимов и распад колониальной системы империализма положили начало современному этапу в истории терроризма. В первые два десятилетия этого периода, во многом благодаря поддержке СССР, маоистского Китая и Кубы, происходит временное усиление леворадикальной составляющей международного терроризма. Объектами террористических атак стали Испания, Португалия, ФРГ, Франция, Италия, США, многие страны Латинской Америки и даже Япония. Однако уже к концу 1970-х гг. леворадикальное террористическое движение значительно

ослабевает, а после распада мирового коммунизма практически сходит на нет.

Во второй половине XX в. на авансцену международного терроризма выходит исламский терроризм, который, собственно, и является тем, что мы называем современным терроризмом. Он открыто заявил о себе с конца 1960-х гг., когда распалась мировая система колониализма и страны развитого Запада пришли в непосредственное соприкосновение с народами третьего мира вследствие усиления интеграционных и модернизационных процессов, сопровождавшихся миграционной экспансией в страны старого и нового света.

Поддерживаемый тогдашними коммунистическими режимами, с одной стороны, и сверхприбылями арабских стран-экспортеров нефти, – с другой, исламский терроризм постепенно превращается в главный и определяющий фактор современного международного террористического движения.

Таковы основные вехи истории терроризма. Дает ли нам эта история что-то полезное для более глубокого понимания терроризма современного? При рассмотрении и сопоставлении различных исторических разновидностей терроризма можно заметить, что здесь собраны весьма разнородные социальные явления, в том числе, имеющие к терроризму весьма косвенное отношение или не имеющие его совсем.

Так, например, исходным признаком терроризма является использование методов террора в качестве средства достижения политических целей. Однако, террор, или тактика устрашения, во все времена были обязательной составляющей политической жизни. К такому способу управления поведением людей регулярно прибегало и само государство, и альтернативные государству политические структуры (организации, группировки и др.).

Можно, конечно, называть каждый случай применения террора «терроризмом», но тогда придется признать, что в истории человечества в основном действовали одни террористы и главным среди них было само государство. Такой подход может быть оправдан с общегуманистических позиций, осуждающих любые формы применения террора, однако, в научном методологическом отношении он крайне непродуктивен, поскольку никак не продвигает нас в понимании путей борьбы с терроризмом современным.

Во многих формах политического противоборства феномен устрашения присутствует, но не создается намеренно, а выступает лишь побочным продуктом действий конфликтующих сторон.

В период войн, революций, национально-освободительной, партизанской борьбы «свои» и «чужие» ясно обозначены и мишенью насильственных действий становится «враг», «противник», отдающий себе отчет в том, что он и сам может пострадать в ходе противоборства. Уместно ли здесь говорить о «терроризме» или даже о «терроре»?!

Выражения типа «красный террор» или «белый террор», во многом носят метафорический характер. Данные явления имели место в отечественной истории в период открытого военного противостояния (гражданской войны), применительно к которому понятие «терроризм» лишается какой-либо познавательной ценности. Кроме того, и «красный» и «белый» террор исходили от политических субъектов, имевших всю полноту власти на контролируемой территории, и в этом смысле их вполне можно отнести к разряду государственной внутренней политики.

Другим общим признаком терроризма принято считать насилие или угрозу его применения в отношении физического существования человека (включая объекты жизнеобеспечения). Этот признак также плохо работает на историческом материале.

Возьмем, к примеру, политическое убийство – здесь налицо прямая угроза физическому существованию человека, однако значительная, если не большая часть политических убийств в мировой истории является следствием противоборства групп политической элиты и к политическому терроризму никакого отношения не имеет. Ведь не будет же кто-то всерьез утверждать, что Юлий Цезарь или Павел I пали от рук террористов?!

Однако, в истории терроризма достаточно примеров, когда организации и общественные движения протестного характера использовали метод политических убийств не только для физического устранения конкретных политических фигур, но и с целью нагнетания общей атмосферы страха в среде своих политических противников. К такой тактике всегда прибегали движения национально-освободительной и революционной направленности, и на их долю приходится подавляющее число терактов в официально принятой истории терроризма.

Сиккарии, китайские триады, сицилийская мафия, неополитанская каморра, западные и российские радикалы XIX в. использовали политические убийства не только как акт возмездия в отношении конкретных лиц, но и как фактор устрашения своих противников. Однако, от современного терроризма их отличало одно немаловажное обстоятельство – они действовали на «своей» (в политическом, культурном, этническом отношении и т.п.) территории и жертвами их террора становились, в большинстве случаев, лица, вызывавшие недовольство и протест населения, – чужеземцы, их ставленники или представители антинародной власти.

Террористические организации прошлого вплоть до XIX – сер. XX вв. выступали не палачами или могильщиками, а защитниками мирного, неполитизированного населения и, в рамках своего понимания, действовали во имя его блага, часто выполняя функции альтернативных органов местного самоуправления (триады, сицилийская мафия и т.п.).

В этом отношении современный исламский терроризм очень далеко отстоит от своих исторических предшественников: он действует, как правило, на «чужой» территории, намеренно выбирая в качестве своих жертв незащитное мирное население, чтобы посильнее и «побольнее» всколыхнуть общественное мнение в угоду своим политическим целям.

Последней из исторических разновидностей терроризма, на которой следует остановиться, является так называемый «государственный террор».

Террор как средство политического управления широко использовался правителями всех времен и народов для сохранения своей власти на подконтрольных им территориях. Усмирение целых народов в эпоху великих империй Древнего мира, террор государства ассасинов, преследования еретиков во времена инквизиции, якобинский террор периода Великой французской революции, «красный» и «белый» террор времен гражданской войны в России, массовые репрессии коммунистических и фашистских режимов XX в. – все это случаи использования метода террора самой государственной властью.

Террор как инструмент, средство государственной политики всегда направлен на поддержание политической стабильности внутри страны или на подконтрольных (оккупированных) территориях, и этим он принципиально отличается от всех других форм использования террора как исторических, так и современных. Можно, конечно, сожалеть об использовании государством столь негуманных методов управления, но с точки зрения политической науки применять по отношению к этим методам термин «терроризм» просто некорректно.

Другое дело, когда государство использует террористические методы как инструмент вмешательства в дела других стран. Террор как средство внешней экспансии государства нацелен на дестабилизацию ситуации в той или иной стране или регионе путем организации террористических актов своими силами или посредством поддержки местных, локальных террористических организаций. В этом случае террор приобретает деструктивную направленность и использование термина «государственный терроризм» становится вполне уместным в отношении международной практики коммунистических и фашистских режимов XX в., а также ряда стран, поддерживающих современный исламский терроризм.

Так есть ли что-то общее у современного терроризма с его историческими предшественниками? Безусловно, есть, но только с самыми ближайшими. Современный исламский терроризм является преемником международных коммунистических и фашистских движений XX в., с которыми его объединяет глобальный экспансионистский характер идеологии, международный уровень поддержки и так называемая безадресность террора.

Первые два общих признака не нуждаются в особых комментариях – здесь мы наблюдаем непосредственное сходство и преемственность. Стратегические цели исламского терроризма, как и в случае коммунистического и фашистского движения, связаны с установлением единого мирового порядка, т.е. с достижением мирового господства.

Структуры международной поддержки террористических организаций в исламских странах создавались еще в 60-70-е гг. прошлого века усилиями коммунистических режимов того времени. После распада мирового коммунизма эти структуры не исчезли полностью, а были переориентированы и развиты политическими режимами других стран, солидарных с идеологией и практикой исламского терроризма или использующих его для достижения своих собственных политических целей.

Несколько сложнее обстоит дело с безадресностью террора. Жертвами терактов во все времена становились конкретные лица или группы лиц, имеющие отношение к власти и «виновные» в совершении каких-либо действий. Однако, современный исламский терроризм в большинстве случаев в качестве средства давления на власть использует устрашение обычного мирного населения, не причинившего террористам никакого зла и с действиями власти никак не связанного.

В чем причина такого цинизма? Прежде всего, надо иметь в виду, что в случае с исламским терроризмом мы имеем дело со столкновением двух культур с разным пониманием ценности человеческой жизни и прямо противоположными доминантами в отношении «индивид – общность». Существующий цивилизационный разрыв между странами маргинального мусульманского Востока и развитого христианского Запада только усилил эти различия и породил крайне гипертрофированную форму проявления антитезы «свой – чужие» в массовом сознании населения мусульманских стран и идеологов современного исламского терроризма.

Но дело не только в этом. Западный мир в лице коммунистических и фашистских тоталитарных режимов сам подал пример перехода от «адресного» террора к «безадресному». Именно коммунистические и фашистские тоталитарные режимы начали «раздвигать» границы объектов репрессий до размеров целых сословий, классов и этносов.

Пример тоталитарных режимов лег на благодатную почву: трактовка антитезы «индивид – общность» в тоталитарных политических идеологиях и в мусульманской культуре оказалась очень близкой. Идеологи исламского терроризма просто сделали следующий шаг в том же направлении – расширили объект террористических атак до масштабов целых стран и западной цивилизации в целом. Именно так определенная часть мусульманского мира выразила свой протест против несправедливости существующего миропо-

рядка в распределении жизненных ресурсов между странами Запада и Востока. Питательной средой современного терроризма являются страны и регионы, оказавшиеся на периферии мирового цивилизационного развития и не имеющие шансов попасть в майнстрим исторического процесса.

1. В статье речь идет исключительно о политическом терроризме.

2. Члены этой организации нападали на представителей римской власти и иудеев с этой властью сотрудничавших. Действия сиккариев представляли собой форму политического протеста и имели национально-освободительный характер.

3. Секта тугов возникла в раннем средневековье и активно действовала до середины XIX в. Члены секты не выдвигали никаких политических требований, а просто отправляли свой религиозный культ.

4. Ассасины вели тайную войну с противниками своих религиозно-политических взглядов и прибывающими на Ближний Восток крестоносцами. Террор ассасинов выступал как инструмент сохранения ими контроля над своими территориями и как средство их внешней экспансии.

5. К числу терактов средневековья причисляются Варфоломеевская ночь и убийства активных противников папской католической церкви Вильгельма Оранского (1584), Генриха III (1589) и Генриха IV (1610).

6. Триады, объединявшие этнических китайцев, вели партизанскую войну за выход из состава маньчжурской империи и восстановление правления имперской династии Минь. Наряду с использованием методов террора против чужеземного правления, многие триады принимали на себя выполнение административных и судебных функций, превращаясь, таким образом, в альтернативные официальным государственным структурам органы местного самоуправления.

7. Главной мишенью заговора был король Яков I, который открыто симпатизировал протестантам и провел ряд показательных казней католиков.

8. Эти организации ставили перед собой цель создания национального государства Италии и вели борьбу с монархией Бурбонов, австрийским владычеством и собственными коррумпированными компрадорскими режимами.

9. В их числе покушения на короля Франции Луи-Филиппа I, императора Германии Фридриха III, Франца-Иосифа Австрийского, Наполеона III, испанскую королеву Изабеллу (1856), прусского короля Вильгельма I, канцлера Германии Отто Бисмарка, президента Французской республики Сади Карно (1894), президентов США Авраама Линкольна (1865) и Мак-Кинли (1901) и др.

10. В период первой мировой войны Германия спонсировала ирландских сепаратистов, Австро-Венгрия – польских и грузинских националистов, а Россия – боевиков партии «Дашнакцутюн» в Турции.

11. Коминтерн (1919-1943гг.) занимался целенаправленной практической работой по экспорту революции в другие страны, включая обучение коммунистов из Западной Европы и США методам ведения революционной террористической борьбы и гражданской войны. В равной степени и фашизм широко использовал террористические методы в своей внешней политике

ПРОБЛЕМА ПОЛИТИЧЕСКОГО НАСИЛИЯ И ТЕРРОРА В ИСТОРИИ РУССКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

*АРКАДИЙ НИКОЛАЕВИЧ БОРОЗДИН,
профессор кафедры социологии и политологии
Московского университета МВД России,
кандидат философских наук, доцент
E-mail: v.belskiy@bk.ru*

Аннотация. Анализируются проблемы политического насилия и террора во взглядах политических мыслителей и деятелей России в XI – начале XX вв.

Ключевые слова: социально-политическая мысль в России, идеологическая традиция, политическое насилие, политический террор, цель и средства политической деятельности.

Annotation. The article is devoted to the analysis of the problem of political violence and terror in the opinions of Russian political thinkers and doers in the XI – XXth. century.

Keywords: social and political thought in Russia, the ideological tradition, political violence, political terror, the purpose and means of political activity.

Проблема политического террора, несмотря на кажущуюся простоту и очевидность, все-таки достаточно неоднозначна в своих трактовках и проявлениях. Особое значение приобретает вопрос о том, имеет ли проблема политического террора какие-либо национально-государственные аспекты и специфику. Учитывая особенности как нашей национальной психологии, так и отечественной историографии, а также идеологических дискуссий как внутри страны, так и с зарубежными исследователями и политическими деятелями, эта проблема, безусловно, является актуальной и поныне. Многие зарубежные, да и некоторые отечественные «доброжелатели» России, часто изображали ее как дикое, варварское государство, которого только в результате реформ Петра I хотя бы частично коснулись лучи мировой (а именно – западноевропейской) цивилизации. По их мнению на протяжении всей истории это было азиатски-деспотическое, жестокое государство, подавлявшее мазохистски-рабское население. И общим местом, в качестве наглядной иллюстрации подобных заявлений, как правило выступает в изрядной степени мифологизированный образ Ивана Грозного. Для зарубежных авторов (кроме, конечно, идеологического пристрастия или заказа) камнем преткновения являются вероятно трудности перевода. Имя «Грозный» интерпретируется в переводах как «ужасный» – «Ivan the terrible». А раз – «ужасный», а ужас может внушить только террор, то и царство его может быть ничем иным как царством террора. Но эти версии, как отмечал еще более ста лет назад историк К. Валишевский, по меньшей мере не точны: «Никогда Москвичи не называли так Ивана 4-го в его время. Для них он был “Грозный”», и в доказательство этого призывает хотя

бы обратиться «к “Домострою” – знаменитому домашнему уставу москвичей того времени, к главе, где говорится об обязанностях отца семьи: от него требуется быть “Грозным”, т.е. внушающим уважение и уважаемым». «Гроза» – это уважение, которое должен внушать как глава семьи, так и глава государства. «Никогда “гроза” не имела другого смысла». Тем не менее, в исторической критике «эпитет “Грозный” стал синонимом жестокости без смысла и без оправдания, чисто варварского происхождения, доведенной до крайностей в своих проявлениях, и для того, кто знает могущество слов, последствия не оставляют сомнений: слово наложило ложное понятие на вещи» [1].

В отношении же идеологических пристрастий и политического заказа необходимо подчеркнуть, что «нельзя принимать без критической оценки те свидетельства, в которых изображаются ужасы опричнины. Эти свидетельства большею частью исходят или от заинтересованных лиц, как Курбский, или от предубежденных недоброжелателей, какими являются многие иностранцы». Это свидетельство особенно ценно, так как исходит от иностранца К. Валишевского, подчеркивавшего, что предатель родины «Курбский напрасно старался представить Ивана гонителем угнетенной невинности. В народном же творчестве Иван и до ныне остается искоренителем крамолы на русской земле. Истребляя бояр, он казался защитником убогих и немощных», таким образом, «на стороне Грозного был сам русский народ» [2].

Что же касается проблемы «грозы», то одно из первых употреблений этого термина относится еще к середине XI в. В своей «Молитве» митрополит киевский Иларион просил Бога: «Так прости милость

Свою на людей своих, ратных прогоняя, мир утверди, страны соседние укроти, глад обрати избобилием. Владык наших сделай грозой соседям...» [3].

Через пятьсот лет понятие «грозы» встречается в челобитных, поданных московскому государю уже светским политическим мыслителем – И. Пересветовым. Предлагая царю провести в стране ряд радикальных реформ, в качестве одного из необходимых средств их реализации, он указывал на необходимость «грозы», которая означала систему жестких мероприятий, проводимых царем. «Не мощно царю без грозы царства держати» и «без таковыя грозы правды в царство не мощно ввести». «Гроза» – это необходимый способ восстановления «правды», попранной боярами. Если царь кроток и смирен, то царство его скудеет, и наоборот: если он грозен и мудр, то царство его расширяется, и слава о нем растет по всем землям. Править по правде – значит править в соответствии с определенными нормами, прежде всего – моральными, а для Руси того времени это, естественно, сопрягалось с моральными, нравственными нормами Нового Завета, Православия. Данный экскурс в историю русской политической мысли со всей очевидностью показывает, что понятие «грозы», «грозного правителя» совершенно не тождественно по смыслу с ужасами «кроважидного» террора, не связанного ни с какими нравственными нормами и ценностями.

К сожалению, в исторической науке, как и в политике, всегда были, есть и, наверно, долго еще будут иметь место двойные стандарты в оценке тех или иных событий. Так, если Ивана IV народ называл «Грозным», то Петра I официальная историография именуется «Великим». Но еще в начале XIX в. придворный историограф Н.М. Карамзин (кстати, именно его многие исследователи считают зачинателем односторонне негативной оценки личности Ивана IV в официальной историографии) писал: «Славя славное в сем монархе, оставим ли без замечания вредную сторону его блестящего царствования». Среди же многих личных пороков и политических ошибок в деятельности Петра, Карамзин особо выделил проблему жестокого насилия, по сути – террора: «... Петр, любя в воображении некоторую свободу ума человеческого, долженствовал прибегнуть ко всем ужасам самовластия для обуздания своих, впрочем, столь верных подданных. Тайная канцелярия день и ночь работала в Преображенском: пытки и казни служили средством нашего славного преобразования государственного. Многие гибли за одну честь русских кафтанов и бороды: ибо не хотели оставить их и дерзали порицать монарха» [4]. Таким образом, признавая объективную необходимость насилия в политике, Карамзин в то же время критиковал излишнюю степень ее применения (и в отношении Петра I, и, особенно, Ивана IV). Но ответа на вопрос о том, как сформулировать критерии этой излишней степени он не дал.

Что же касается последующих идеологов государственно-охранительного направления, то практически все они, настаивая на сохранении сильной, самодержавной государственной власти, к проблеме насилия относились достаточно осторожно, неразрывно связывая его с правовыми основами. А уж проповедью террора они тем более не занимались. Например, М.Н. Катков писал, что «только по недоразумению думают, что монархия и самодержавие исключают «народную свободу», на самом же деле она обеспечивает ее более, чем всякий шаблонный конституционализм», а «что прямо или косвенно нарушает свободу, то противно и государственному началу, что может принять характер насилия, то должно быть на зоркой примете, и правительство обязано предотвратить или пресекать всякое вынуждение, не на законном праве основанное» [5]. Таким образом видно, что охранители, отстаивая в своих работах ценность сильной самодержавной власти, однако, не акцентировали внимание на проблеме собственно политического насилия, его формах, средствах и границах применения. Это касается и такой фигуры в среде охранительства, как К.П. Победоносцев. Он очень осторожно относился к собственно теоретическим изысканиям в исследовании проблем террора: «кому, когда удавалось, не впадая в ложь или аффектацию, установить теорию политического убийства?» [6]. Последняя фраза говорит о его достаточно неопределенном отношении к этой проблеме.

В отличие от откровенных охранителей, славянофилы, будучи сторонниками исконно русской самодержавной (но не абсолютной) монархии, отдавали приоритет православию и народности. Политическая власть имела для них подчиненное значение по отношению к православию и народности. Они полагали, что русский народ – не политический народ, ему чужды интересы борьбы за власть, как русскому человеку чуждо стремление к господству. Главное для него – свобода не политическая, а духовная. Отсюда – принцип взаимного невмешательства в дела друг друга: «внешняя правда – Государству, внутренняя правда – Земле; неограниченная власть – Царю, полная свобода мнений и слова – народу». Понятно, что позитивного отношения к жесткому политическому насилию, а тем более, к террору у них не могло быть в принципе. Более противоречивое отношение к этой проблеме можно обнаружить у идеологов почвенничества, в частности у Ф.М. Достоевского. Прежде всего это проявилось в его отношении к петровским реформам. Признавая, как и славянофилы, насильственный характер этих реформ, он находил и позитивные моменты в их последствиях. Здесь, естественно, возникает проблема соотношения цели и средств ее достижения. Но Ф.М. Достоевский вошел в историю русской и мировой мысли как горячий поборник приоритета нравственных критериев в оценке поли-

тической деятельности, что нашло свое воплощение в его знаменитой формуле: «высшая гармония не стоит слезинки хотя бы одного только замученного ребенка». Обличение безнравственности в политике стало лейтмотивом и его романа «Бесы».

Анализ проблем политического насилия и террора в идеологиях правого толка в конце XIX в. был бы не полным без обращения к такой сложной и противоречивой фигуре, как К.Н. Леонтьев. В его работах проблема открытого политического насилия ставилась гораздо более четко и в целом решалась в положительном ключе. Прежде всего, он констатирует объективную данность политических репрессий, сопутствующих всем коренным общественным катаклизмам: «На розовой воде и сахаре не готовятся такие коренные перевороты: они предлагаются человечеству всегда путем железа, огня, крови и рыданий!». Леонтьев особо подчеркивает, что законы, принципы власти должны быть строже. Нации, государству нужен вождь, «а вождей создает не парламентаризм..., а некоторая свобода самоуправства. Надо уметь властвовать беззастенчиво!». В несчастях государства «не власть виновата, виновата непокорность!» [7]. Именно поэтому современники иногда его оценивали в качестве «проповедника “сладострастного культа палки” (слова И.С.Аксакова)» [8].

Таким образом, видно, что среди правых в XIX в. подходы к проблеме политического насилия и террора варьировались от определенной минимизации и даже негативной оценки этих факторов (например, у славянофилов, Ф.М. Достоевского), и далее через апологию самодержавной власти, но без террора (Н.М. Карамзин, М.Н. Катков), до «культа палки» у К.Н. Леонтьева.

Не менее чем правый (консервативно-охранительный) и славянофильско-почвеннический сектор в идеологической жизни России XIX в., в плане исследуемой проблемы, интересен и левый фланг. Именно его представители видели будущее России как результат коренных, по большей части – революционных преобразований. А революции самым непосредственным образом связаны с решением проблемы политического насилия и, в том числе, террора.

Среди таковых, прежде всего, обращает на себя внимание деятельность и политические установки декабристов. Наиболее ярко исследуемая проблематика получила отражение в работах лидера более радикального направления – П.И. Пестеля. Не вдаваясь в рассмотрение идеала будущего общества, необходимо остановиться на проблеме средств и путей его достижения. А путь предлагался один – военный переворот с немедленным физическим уничтожением членов царской семьи и установление временной революционной диктатуры в лице Временного Верховного правления на 10–15 лет. При этом, опасаясь беспорядков, Пестель вмнял в обязанность Верховному Временному правлению

«беспощадную строгость употребить против всяких нарушителей общего спокойствия». Таким образом, извечную проблему соотношения благой цели и средств ее достижения многие декабристы решали вполне в макиавеллистском духе, оправдывая и крайние формы насилия, вплоть до террора.

Если брать левый спектр идейно-политических течений XIX в., то революционный демократизм в лице декабристов в дальнейшем стал постепенно окрашиваться в социалистические тона. И здесь проблема политического насилия, террора приобрела принципиальный характер, зачастую носивший апологетическую окраску. Уже В.Г. Белинский фактически воспекает террор: «тысячелетнее царство божие утвердится на земле не сладенькими и восторженными фразами идеальной и прекраснодушной Жиронды, а террористами – обоюдоострым мечом слова и дела, Робеспьеров и Сен-Жюстов» [9]. И более того: «Я понял французскую революцию, – писал он, – понял и кровавую ненависть ко всему, что хотело отделиться от братства с человечеством... Я начинаю любить человечество по-маратовски: чтобы сделать счастливою малейшую часть его, я, кажется, огнем и мечом истребил бы остальную» [10].

В отличие от В.Г. Белинского, революционизм А.И. Герцена не был столь уж последовательным и к насилию он относился очень осторожно, а временами и весьма критически, вплоть до негодования, о чем свидетельствует хотя бы его эмоционально-негативная оценка политических репрессий в отношении участников парижского июньского восстания 1848 г. Он считал, что для социалистических преобразований революции необязательны, можно обойтись мирными преобразованиями, реформами, без особого насилия: «Мы уверены, что нет никакой роковой необходимости, чтоб каждый шаг вперед для народа был отмечен горами трупов» [11].

Революционный настрой В.Г. Белинского, его лояльное отношение к политическому насилию, вплоть до террора были восприняты и продолжены в творчестве революционных демократов 60-х гг. и идеологов революционного народничества 70-х гг. Если либералы, как тот же Б.Н. Чичерин, полагали, что революции не являются объективной исторической закономерностью, их можно избежать проводя реформы; что они бывают неизбежны только в крайнем случае, когда власть сопротивляется реформам, то революционные демократы стояли на последовательно революционных позициях. В письме «Русского человека» в 1870 г. Чернышевский писал Герцену: «Вы все сделали, что могли, чтобы содействовать мирному решению дела, перемените же тон, и пусть ваш “Колокол” благовестит не к молебну, а звонит в набат! К топору зовите Русь...» [12]. Что означает на Руси призыв к топору, вероятно, комментариев не требует, фактически это призыв к массовому террору, но не сверху, со стороны власти, а снизу – против верхов и власти.

Не менее определенно и последовательно установка на насилие, фактически тот же призыв России к топору, проявилась в творчестве М.А. Бакунина. Он провозгласил, что «страсть к разрушению есть вместе и творческая страсть». Поэтому народ надо поднимать на бунт. Объявляя Разина и Пугачева первыми русскими революционерами – бунтовщиками, он добавляет к этому и такой компонент, как разбой. Связывая именно с Россией начало будущего освобождение человечества, он писал: «... в Москве из моря крови и пламени высоко и прекрасно взойдет созвездие революции и станет путеводною звездой для блага всего освобожденного человечества» [13]. «Кровь» и «пламя», призывы к бунту и разбою вполне могут трактоваться как проявления массового политического насилия и террора.

Одним из преемников революционного народничества в конце 1870-х – начале 1880-х гг. была организация «Народная воля», которая сделала ставку на индивидуальный террор против высших государственных деятелей и, прежде всего, царя. Заметных идеологов в этой организации не было, и она занималась не теоретической, а революционно-практической деятельностью.

Начало XX в. ознаменовалось мощным всплеском политической активности в России, возникновением политических организаций самого различного идеологического направления. Кульминацией, естественно, являлись три революции с 1905 по 1917 гг. В этих условиях проблемы политического насилия, политического террора приобрели весьма актуальное значение.

В либеральной и левой революционной публицистике досоветского этапа и в советской научной литературе проблема террора традиционно ассоциировалась с деятельностью правых партий. Но за последнюю четверть века появились исследования, представившие эту проблему в несколько ином ракурсе. В частности, указывается, что: «Официально Союз русского народа и другие черносотенные партии всегда заявляли, что они против насилия», хотя тут же отмечается, что «некоторые лидеры черносотенцев в узком кругу откровенно говорили, что против террористов надо действовать их же методами». Но главное в том, что террор в той или иной степени практиковали не столько правые, сколько все левые партии, а либеральные партии, на словах осуждая террор, «на деле занимали скорее сочувственную позицию. Точно так же сочувствовала террору значительная часть российского общества...». Наконец, принципиальное значение имеет объективная фактология, конкретные цифры, а именно то, что «... Черносотенцы совершили два убийства и одно покушение на убийство...» [14].

Приоритет же в политических убийствах до 1917 г. все-таки принадлежит левым партиям и, прежде всего, эсерам. Историками установлено, что

только эсеры в 1905–1917 гг. совершили 233 покушения. Террор был одним из ведущих направлений деятельности партии, полагавшей себя преемницей в этом отношении «Народной воли». Один из руководителей боевой организации эсеров Б.В.Савинков в «Воспоминаниях» писал, что террору придавал решающее значение. По его словам, «Азеф был практическим руководителем террора, Гоц – идейным». А проект устава боевой организации, составленный при Гершуни, гласил: «Цель боевой организации заключается в борьбе с существующим строем посредством устранения тех представителей его, которые будут признаны наиболее преступными и опасными врагами свободы. Устраняя их, боевая организация совершает не только акт самозащиты, но и действует наступательно, внося страх и дезорганизацию в правящие сферы...» [15].

Среди прочих левых течений и организаций проблема террора особенно активно дискутировалась в среде анархистов. Террор, как одно из самых действенных средств борьбы, признавался многими русскими анархистами в начале XX в., но, конечно, не всеми. Вполне естественно, что представители «христианских анархистов» (А.Тюханов), а также «мирных» анархистов (Л.Н.Толстой и др.) по сути своей не могли исповедовать террор. Но тот же Толстой временами делал определенные моральные поправки анархо-террористам. Не был единым подход к проблеме террора в среде наиболее многочисленного и влиятельного течения в анархизме: анархо-коммунистов. Так, Г. Гогелия в статье «О терроре» утверждал: «Из всех форм террористической борьбы децентрализованный и разлитой террор мы считаем наиболее выгодным и целесообразным» [16].

На подобных же позициях стояла и группа «безмотивников», или «чернознаменцев» во главе с И. Гроссманом, который предлагал организовать индивидуальный и массовый произвольный («безмотивный») антибуржуазный террор.

Но среди анархо-коммунистов апология террора не была общим увлечением. В частности, основоположник и ведущий идеолог анархо-коммунизма П.А. Кропоткин весьма негативно относился к подобным декларациям. Он писал, что террор возводить в систему глупо. Террор как система был для него неприемлем не только потому, что он бессмыслен, но и губителен для перспектив революции: «Избиение буржуа ради триумфа революции – это безумие. Одно их количество уже не допускает этого... Что касается организованного и законного террора, то он в действительности служит лишь для того, чтобы ковать цепи для народа, ... он подготавливает диктатуру» [17]. Таким образом, видно, что в среде анархистов отношение к террору было неоднозначным – от откровенной апологетики, до весьма настороженного и даже негативного отношения к нему.

Из перечня всех левых партий начала XX в. наиболее активно и эмоционально в последние десятилетия проблема насилия и террора обсуждается в отношении российских социал-демократов и, прежде всего, большевиков. С принципиальной точки зрения идеологи большевизма от террора как средства политической борьбы никогда не отказывались, подчеркивая, что он является объективным компонентом политической деятельности в эпоху революционных преобразований, когда происходит крайнее обострение классовой борьбы. Но у того же В.И. Ленина подход к актуализации террора носил все-таки ситуационный характер. Так, в 1902 г. он критиковал группу «Свобода», которая «внося в программу террор, тем самым завет к организации террористов, а такая организация действительно отвлекла бы...» революционеров от сближения с народом. А в отношении эсеров заявлял, «что на деле террор социалистов-революционеров является не чем иным, как *единоборством*, всецело осужденным опытом истории» [18].

Но уже в новых условиях, в условиях революции и гражданской войны, а главное, когда большевики стали уже властвующей партией, в 1918 г. Ленин пишет: «... революционер, который не хочет лицемерить, не может отказаться от смертной казни. Не было ни одной революции и эпохи гражданской войны, в которых не было бы расстрелов» [19]. В этом, к сожалению, Ленин был прав, и история подтверждает это. Подчеркивая конкретно ситуационный подход к проблеме применения террора, Ленин заявлял в 1919 г.: «После революции 25 октября (7 ноября) 1917 г. мы не закрыли даже буржуазных газет, и о терроре не было и речи... Лишь после того, как эксплуататоры, т.е. капиталисты, стали развертывать свое сопротивление, мы начали систематически подавлять его, вплоть до террора» [20]. Ленин всячески подчеркивает вынужденный, ответный характер «красного» террора.

Пока рассуждения Ленина о терроре носят общетеоретический или исторический характер, до тех пор они имеют под собой достаточно весомые основания. Но большинство упреков большевикам относятся к сфере практического применения террора, его масштабности и усиленному стимулированию. Масштабность, беспощадность террора всегда вызывали и будут вызывать соответствующие вопросы и критическое отношение. А Ленин неоднократно заявлял, что «надо поощрять энергию и массовидность террора против контрреволюционеров...» [21].

Причем, круг подвергаемых террору предельно расширяется: «Необходимо провести беспощадный массовый террор против кулаков, попов и белогвардейцев; сомнительных запереть в концентрационный лагерь вне города» [22]. В отстаивании необ-

ходимости террора в революции Ленин был далеко не одинок. На этом же настаивали и иные вожди партии – Н.И. Бухарин, Л.Д. Троцкий и др. В среде идеологов большевистской партии если и были расхождения в плане трактовки нюансов террора, то по вопросу допустимости, а в случае необходимости и неизбежности организованного массового террора, никаких разногласий не было.

Такаим образом, проблема насилия, политического террора на протяжении тысячи лет практически постоянно находилась в поле зрения идеологов почти всех политических течений в России. Трактовки варьировались от специфически русской «Грозы», с неременным увязыванием насилия с моральной ответственностью (если не перед подданными, то уж обязательно перед Богом), до прагматичной интерпретации в духе объективной необходимости, общемировой практики и известного тезиса – «цель оправдывает средства». Но необходимо подчеркнуть, что идеологическая апология террора не являлась ведущей тенденцией на протяжении всей истории России. Определенное ее усиление произошло, пожалуй, лишь в последние два столетия, прежде всего в среде революционно настроенной части общества.

1. Валишевский К. Иван Грозный. М., 1989. С. 5–6.
2. Там же. С. 270, 259–260.
3. Иларион. Слово о Законе и Благодати. М., 1994. С. 106.
4. Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991. С. 32, 35.
5. Катков М.Н. Имперское слово. М., 2002. С. 384, 389–390.
6. Цит. по: Пешков А.И. «Кто разорвет – мал в царствии Христовом...» // Победоносцев К.П. Сочинения. СПб., 1996. С. 22.
7. Леонтьев К.Н. Избранное. М., 1993. С. 111, 97.
8. Цит. по: Константин Леонтьев. 1891–1991. М., 1991. С. 54.
9. Цит. по: История русского утопического социализма XIX века. М., 1985. С. 24.
10. Цит. по: Иоанн, митрополит С.-Петербургский и Ладужский. Самодержавие духа. СПб., 1994. С. 236.
11. Цит. по: Замалеев А.Ф. Курс истории русской философии. М., 1995. С. 91.
12. Цит. по: Башилов Б.П. Русская мощь. Пламя в снегах. М., 2008. С. 332.
13. Бакунин М.А. Собрание сочинений и писем, т. 1–4. М., 1934–1935. Т. 3. С. 360.
14. Степанов С.А. Черная сотня. Что они сделали для величия России? М., 2013. С. 252, 267.
15. Савинков Б.В. Воспоминания террориста. М., 2013. С. 22, 68, 69.
16. Цит. по: Канев С.Н. Революция и анархизм. М., 1987. С. 224.
17. Кропоткин П. Анархическая работа во время революции. Пг.-М., 1919. С. 5.
18. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 175, 375.
19. Там же. Т.36. С. 503.
20. Там же. Т.39. С. 113–114.
21. Там же. Т.50. С. 106.
22. Там же. Т.50. С. 142–144.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ, НИГИЛИЗМ И ТЕРРОРИЗМ В РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

АЛЕКСАНДР АНДРЕЕВИЧ ШИРИНЯНЦ,

*Заведующий кафедрой истории социально-политических учений
факультета политологии Московского государственного*

*университета имени М.В. Ломоносова,
доктор политических наук, профессор*

E-mail: v.belskiy@bk.ru

Аннотация. Рассматриваются сущность и особенности русского революционного нигилизма второй половины XIX – начала XX вв., показана его связь с терроризмом как формой политического действия.

Ключевые слова: интеллигенция, нигилизм, терроризм, Россия второй половины XIX – начала XX вв.

Annotation. The article describes the nature and features of Russian political nihilism in late XIX – early XX centuries. Its connection with terrorism as a form of political action is also described.

Keywords: intelligentsia, nihilism, terrorism, Russia in the second half of XIX – early XX centuries.

Все русские радикально-демократические концепции XIX в. при всем их разнообразии объединяет характерная черта – отрицание. Отрицание «гнусной», по мнению их адептов, российской действительности. А отрицание, как известно, сущностный элемент нигилизма. Поэтому, видимо, можно согласиться с теми, кто обозначает феномен русского интеллигентского радикализма просто как «нигилизм», отождествляя «русский нигилизм» с теорией и практикой революционного движения в пореформенной России. Но делать это следует все же осторожно, с некоторыми оговорками, акцентируя внимание на специфических чертах русского «революционного» нигилизма по сравнению с нигилизмом европейским.

Прежде всего, вслед за А.И. Новиковым, отметим, что психологическая основа нигилизма – общечеловеческое свойство и потребность противодействия влиянию извне, отрицание внушения, принудительного навязывания личности социальных ролей, традиционных норм и ценностей, образцов поведения и общения; разочарование в них, разрыв с ними и стремление изменить. Нигилизм как вид негативного умонастроения (наряду с пессимизмом и скептицизмом) выражает полное отрицание всего общепризнанного, исходит из уверенности в абсолютной ложности отрицаемого. Подобное умонастроение объективируется в социально-негативное поведение, идущее вразрез с институционализированными ожиданиями, т. е. ожиданиями, разделяемыми и признаваемыми законными внутри данной макроструктуры[1].

В начале 1860-х гг. М.Н. Катков, а затем и И.С. Тургенев, впервые применили слово «нигилизм» к общественному умонастроению и некоторым сторонам идеологии и поведения значительной части современной им русской молодежи. В их интерпретации оно фиксировало позицию жесткого отрицания, проповедь разрушения ради самого разрушения, высмеивание всего, «что дорого всякому образован-

ному и культурному человеку», издевательство над всякими проявлениями прогресса в русской жизни, отсутствие положительных взглядов адептов «теорий, создаваемых из ничего».

Так, действия тургеневского хрестоматийного «нигилиста» – Базарова определялись правилом – делать то, что в данное время полезно. «В теперешнее время, – говорил он, – полезнее всего отрицание – мы отрицаем». На замечание, что «надо же и строить», Базаров отвечал: «Это уже не наше дело... Сперва нужно место расчистить»[2]. Устами Аркадия Кирсанова, Тургенев определил нигилиста как человека, «который не склоняется ни перед какими авторитетами, который не принимает ни одного принципа на веру, каким бы уважением ни был окружен этот принцип»[3]. По свидетельству Н.Н. Страхова, «из всего, что есть в романе Тургенева, слово «нигилист» имело самый громадный успех. Оно было принято беспрекословно и противниками и приверженцами того, что им обозначается»[4].

«Коновод нигилистов» – Д.И. Писарев сформулировал боевую программу действий молодежи, «ultimatum нашего лагеря»: «что можно разбить, то и нужно разбивать; что выдержит удар, то годится, что разлетится вдребезги, то хлам; во всяком случае, бей направо и налево, от этого вреда не будет и не может быть»[5]. В обиходе многое неустройство и зло российской жизни стали относить на счет «нигилистов». Яркий пример, – история петербургских пожаров 1862 г. Если в Риме (64 г. н. э.) в пожарах обвинили христиан, то в России – нигилистов. Характерный эпизод приводит И.С. Тургенев: «...когда я вернулся в Петербург, в самый день известных пожаров Апраксинского двора, – слово «нигилист» уже было подхвачено тысячами голосов, и первое восклицание, вырвавшееся из уст первого знакомого, встреченного мной на Невском, было: «Посмотрите, что ваши нигилисты делают! Жгут Петербург!»[6].

А Ф.М. Достоевский со слезами на глазах умолял Н.Г. Чернышевского, – по его мнению, идейного «отца» нигилистов – прекратить диверсионные акты[7].

Писаревский эпатаж сыграл свою роль в том, что в устах обывателей и околказенной печати слово «нигилист» сделалось синонимом слов «преступник», «бунтовщик», а сам «нигилизм» ассоциировался с чем-то «ужасным». Подобное употребление слова стало характерным и для западноевропейской литературы конца XIX–XX в., в которой, с подачи С.М. Степняка-Кравчинского, в очерках 1881–1882 гг., составивших книгу «Подпольная Россия», впервые познакомившего западного читателя с «русскими нигилистами», и не без влияния Н.А. Бердяева и С.Л. Франка, «записавших» в «нигилисты» всех русских, термин «нигилизм» закрепляется для обозначения русского радикализма вообще.

Смысл и содержание нигилизма в России невозможно понять без выяснения и интерпретации существенных черт и специфики так называемого «русского революционного нигилизма» как социального феномена, порожденного реалиями пореформенной жизни России, объясненного русской мыслью и своеобразно «вписавшегося» в историю европейского нигилизма[8].

Специфической чертой русского нигилизма, в отличие от западного идеалистического, является его рационалистический характер, культ «знания». «По философским своим понятиям, – писал П.А. Кропоткин, – нигилист был позитивист, атеист, эволюционист в духе Спенсера или материалист»[9]. Составляющими нигилистского «культа знания» стали отрицание всякой «метафизики», преклонение перед естественными науками и их методами, перенесение методов наук о природе на социальную и духовную сферы, вера в «имманентные законы истории», в ее неизменный и вечный прогресс.

Характерной чертой русского нигилизма стал также культ «дела», «служения», но не государству, а «Народу». В основе этого культа – нелюбовь к чиновничьему положению и богатству. В среде нового поколения стяжательство, барство, карьеризм, стремление к чинам, должностям, высоким окладам и казенным квартирам осуждалось безоговорочно. При этом радикальному отрицанию подвергались и внешние признаки быта «отцов» – «воров, стяжателей, тиранов и эксплуататоров». Эти изменения русские исследователи нигилизма Н.А. Бердяев и С.Л. Франк характеризовали как повсеместное, подчас даже нарочитое, опрощение, переходящее в аскетизм. В своих воспоминаниях А.М. Скабичевский с тонким сарказмом описал стремление нигилистов обособиться от «сонмищ» пошляков и филистеров[10]. Однако, это первоначальное стремление молодежи «обособиться» вскоре приобрело вид «повального заболевания мыслью и совестью»[11]. «Оборотной» стороной подобного псевдокенотизма стал гипертрофирован-

ный эгоизм, представления о собственной личности как о поднявшейся над бытом, а потому освобожденной от «мелочных» обязанностей. Подобная тенденция ярко обнаружила себя в деятельности многих «коммун» 1860-х гг., в образе жизни некоторых революционеров 1870-х гг.

«Реальное дело» мыслилось нигилистами по-разному: как разрыв с традиционной системой ценностей, образования, воспитания, их отрицание (Д.И. Писарев), как борьба за индивидуальность (Н.К. Михайловский), как разнузданная стихия бунта, революции, разрушение всех религиозных, государственных и культурных устоев (М.А. Бакунин) и т.д. Формы этого противодействия также были разнообразны и простирались от бесцензурных публикаций, требовавших общественных преобразований (начало этой традиции было положено письмом В.Г. Белинского к Н.В. Гоголю, ставшим «символом веры» на десятилетия вперед) до террористических актов, наиболее громким из которых стало царевубийство 1 марта 1881 г. Но все интерпретации «дела» и «служения» – и в этом специфика России – сводились, в конечном счете, к одному – обоснованию исключительной роли интеллигентного меньшинства в преобразовании страны, роли «вождя» и «наставника» народа, указующего и разъясняющего народу «Истину», носителем которой последний является. Психологические мотивы этого «дела» – в постоянной неудовлетворенности собой и обществом, в стремлении ускорить ход событий, стремлении, в конечном счете, перераставшем, по выражению Г.В. Плеханова, в «самоуверенность интеллигенции».

Политическое приложение секуляризованной религиозности, хилястических устремлений и желания «стать народом» наиболее ярко высвечиваются в особом отношении нигилистов к власти. Первоначально господствовало романтически окрашенное отношение к ней как «узурпации», «деспотизму» и «тирании», а сама власть персонифицировалась в Монархе и Боге, против которых можно и нужно было выступать, подготавливая «народный взрыв» – социальную революцию. Все это венчалось анархистским отрицанием государственности вообще. К концу 1870-х годов практика противостояния полицейско-самодержавной государственной машине как чему-то нелегитимному, не имеющему «корней» в русской почве, а потому «убираемому» безболезненно, привела многих нигилистов к пониманию необходимости подготовки политической революции, требующей четкой организации и регламентированности действий. «Вера в безграничную силу и расширяемость революционной организации заменила собою всех».

В одной из статей «Набата», отвечая на поставленный вопрос «Что теперь делать?», П.Н. Ткачев указал на задачи, стоящие перед революционным движением в России. По его мнению, это, во-первых, «боевая организация революционных сил»,

во-вторых, «дезорганизация и терроризация правительственной власти». Что касается содержательных моментов революционной деятельности партии, то, с точки зрения Ткачева, господствующим должен стать принцип насилия, принуждения. Путь «железа и крови», «насильственное навязывание готовых идей, готовых идеалов», воздействие пропагандой и агитацией на «аффекты и непосредственное чувство» и т. д. – вот, по его мнению, реальные требования революционной практики. Именно в такого рода деятельности Ткачев усмотрел новую нравственность революционеров. Революционеры в нравственном отношении стоят выше всех других индивидов, потому что в эпоху «всеобщего нравственного растрепания, унижительного холопства и невольного трепета» перед самодержавным произволом только они являются «мстителями за поруганную личность, за втоптанную в грязь человеческие права», – писал он. Нельзя забывать и о том, что Ткачев, страстно стремившийся «сделать» революцию на практике, фактически отверг идею П.Л. Лаврова о предшествующей революционному делу подготовке к участию в революционном преобразовании. Достаточно возбудить «революционные чувства» русской молодежи – эмоции недовольства, озлобления, протеста против существующего порядка, они будут более могущественным стимулом в борьбе, чем «ясное и вполне отчетливое понимание принципиальных недостатков этого порядка»[12].

Характерна в этом отношении и позиция «либерального народника» Н.К. Михайловского. В спорах «за» (или «против») бунта и пропаганды Михайловский не принял крайних точек зрения. Он просто высказался за идею политического характера революционного действия: террор оправдан, если его вызывает несправедливость. Зло существует и с ним надо бороться – бороться иногда жестокими средствами. Такой формой борьбы для тайной, заговорщицкой организации мог стать только террор. Тактику террора в виде покушений на царя и избрала возникшая в 1879 г. новая революционная организация «Народная Воля». Если при этом часть народовольцев, заимствовав идеи Ткачева, надеялась после цареубийства захватить власть, создать революционное правительство и рядом коренных социальных реформ вызвать сочувствие и поддержку народных масс, то главное ядро организации, ее Исполнительный комитет, особенно его вождь А.И. Желябов, по-видимому, рассчитывали только систематическим террором добиться от правительства уступок, заставить его дать конституцию, созвать Учредительное Собрание или хотя бы Земский Собор. К этой второй части и примкнул Михайловский. Но идеалом его была не революция и не захват власти революционной интеллигенцией, а любое воздействие на правительство (от террора до сближения с либералами) в целях достижения главной цели – осуществления демократических преоб-

разований. В терроре Михайловский видел средство добиться политических уступок.

В среде русских радикалов широко дискутировался вопрос «второго дня революции» – что будет сразу после победы? Интересно то, что диспутанты сходились в одном – именно представители революционной организации предназначались ими на роль субъектов властвования в случае успеха готовящегося переворота. Именно они должны были сначала «поднять» неразвитое большинство населения до осознания его собственных интересов и заставить «переустроить свою жизнь сообразно с истинными потребностями, сообразно с идеалом наилучшего и наисправедливейшего общежития»[13]. Комментируя подобные планы, Л.А. Тихомиров замечал, что интеллигенция, отрицающая традиционные основы, предлагает новое общество, которое сама выдумывает, организует, а тем самым оказывается в нем единственной компетентной властью, отвечающей за все. Интеллигенты превращаются в людей, единолично распоряжающихся новым обществом, поскольку уверены, что одни знают, каким оно должно быть, и считают своей обязанностью подчинить своим взглядам других[14].

Идеал же будущего коллективистского общества, несмотря на демократический антураж «Дум», «Советов», «Соборов» и т.п., у нигилистов-революционеров сводился, в конечном счете, к всеобщей регламентации и нивелированию. Равенство здесь отождествлялось с отсутствием различий не только социально-экономического и политического порядка, но и «органического», «физиологического». Главным источником власти становилась сила, власть – механизмом манипулирования массой, а самым простым и эффективным способом манипулирования – насилие. Поэтому, даже моралист Лавров предложил строить виселицы и уничтожать без суда и следствия противников нового строя...

В начале XX в., большая часть этой революционно настроенной интеллигенции составила массовую базу партии эсеров, выражающей интересы и точку зрения крестьянства в революции. Немало сторонников среди этой части интеллигенции было и у большевиков. Характерно, что и эсеры, и большевики вели постоянную работу, направленную на то, чтобы расширить и сделать более сознательным и решительным антисамодержавное движение интеллигенции, в частности, например, студенчества, которое, по выражению В.И. Ленина, являлось самой отзывчивой частью интеллигенции.

Эсеровская политическая идеология пользовалась среди этой части интеллигенции, пожалуй, наибольшим влиянием. И это неслучайно. Дело в том, что в теоретическом отношении идеи социалистов-революционеров (Е.К. Брешко-Брешковской, Б.В. Савинкова, В.М. Чернова и др.) представляли собой сплав воззрений народников и теории Э. Бернштейна. Социалисты-революционеры выступали с позиций единства народа, отказывались видеть классовые раз-

личия в нем. Они поддерживали мелкое крестьянское хозяйство, считая его наиболее устойчивой формой собственности в деревне, способной противостоять капиталистической централизации и поглощению со стороны крупных хозяйств. Крестьян эсеры определяли как социалистических по своей природе и характеру тружеников, тождественных в этом смысле пролетариату. Массовое революционное движение 1905–1907 гг. в России эсеры рассматривали как демократическое, в котором принимали участие все слои населения трудового народа. Главную же роль в этой революции они отводили крестьянству. В своих программных требованиях эсеры выдвигали задачи установления демократической республики с автономией областей и общин на федеральных началах, политические свободы. Они требовали всеобщего избирательного права, созыва Учредительного собрания, организации профсоюзов, введения рабочего законодательства, прогрессивного подоходного налога, активно выступали за 8-часовой рабочий день. Ядром их программы была, конечно, аграрная политика. Именно эсеры выдвигали требование социализации земли и передачи ее крестьянам. Они предлагали установить и дать каждому крестьянину так называемую «трудовую норму», т.е. тот надел земли, который может он обрабатывать своим трудом без привлечения наемной рабочей силы. Несомненно, требование социализации земли с ее уравнительным разделом, равно как и другие общедемократические требования программ социалистов-революционеров, во многом обеспечивали их партии влияние и поддержку многих людей, в том числе и радикально настроенной интеллигенции.

Однако, большинство все же было напугано теми тактическими приемами борьбы, которые предлагались эсерами для демократических преобразований общества. Эсеры полагали, что успех преобразований может быть достигнут только насильем, через индивидуальный террор. Психология нетерпения – все или ничего – основание политической культуры интеллигента-радикала. Для него каждый отдельный человек не важен, важна формула: «Жить нельзя, пока все не перестроится по образцу социалистов-революционеров». Понятно, что призывы социалистов-революционеров к террористическим актам – убийствам царских сановников, поджогам помещичьих усадеб, захвату имущества и т.п., не вызывали и не могли вызвать поддержки у широких кругов общества. Правда, насильственная тактика, ее абсолютизация, была характерна в большей мере для левого крыла эсеров, но массы, да и интеллигенция, мало в этом разбирались. Индивидуальный террор, как правило, они соотносили со всей партией социалистов-революционеров. Неприятие индивидуального террора заставило повернуть интеллигентскую массу к большевикам, которые хотя тоже строили свою тактику в том числе и на насилии, все же официально отвергали методы индивидуального террора.

Таким образом, специфической чертой русско-го политического процесса второй половины XIX – начала XX вв. был нигилизм, породивший особую революционаристскую субкультуру с ее прагматическим культом утилитарной рациональности, отрицанием общепринятых норм морали, разрывом с традиционной системой ценностей образования, воспитания. Нигилизм перерастал в «революционное нетерпение», терроризм и бунтарство, в разрушение всех религиозных, государственных, культурных устоев. Нигилистические и анархистские идеи и террористические акции способствовали распространению представлений о нелегитимности власти вообще, которая стала трактоваться как фактор исключительно организационного порядка, зависящий всецело от «революционной активности» и не связанный с какими-либо правовыми, гражданско-договорными и др. установлениями. Все это, в конечном счете, и привело страну к катастрофе 1917 г.

1. См. подр.: *Новиков А.И.* Нигилизм и нигилисты. Л., 1972.
2. *Тургенев И.С.* Отцы и дети // Тургенев И.С. Собрание сочинений: В 12 т. Т. 3. М., 1954. С. 213–214.
3. *Тургенев И.С.* Отцы и дети // Тургенев И.С. Собрание сочинений: В 12 т. Т. 3. М., 1954. С. 186.
4. *Страхов Н.Н.* «Слово и дело» (1863, янв.) // Страхов Н.Н. Из истории литературного нигилизма 1861–1865. СПб., 1890. С. 203.
5. *Писарев Д.И.* Схоластика XIX века // Писарев Д.И. Сочинения: В 4 т. Т. 1. М., 1955. С. 135.
6. *Тургенев И.С.* Литературные и житейские воспоминания...V. По поводу «Отцов и детей» // Тургенев И.С. Собрание сочинений: В 12 т. Т. 10. М., 1956. С. 347.
7. См.: *Чернышевский Н.Г.* Мои свидания с Ф.М. Достоевским // Достоевский в воспоминаниях современников: В 2 т. Т. 2. М., 1990. С. 5–6.
8. См. подр.: *Ширинянец А.А.* Нигилизм // Русская философия: Энциклопедия. 2-е изд., дораб. и доп. / Под общ. ред. М.А. Маслина. Сост. П.П. Апрышко, А.П. Поляков. М., 2014. С. 411–413; *Ширинянец А.А.* Русское общество и политика в XIX веке: русский революционный нигилизм // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2012, № 1. С. 38–49; *Ширинянец А.А.* Нигилизм или консерватизм? (Русская интеллигенция в истории политики и мысли). М., 2011.
9. *Кропоткин П.А.* Записки революционера. М., 1988. С. 284.
10. *Скабичевский А.М.* Литературные воспоминания. М., Л., 1928. С. 250.
11. Об этом см.: *Ковалик С.Ф.* Революционное движение семидесятых годов и процесс 193-х. М., 1929. С. 109; *Короленко В.Г.* История моего современника. М., 1985. Т. 1–2. С. 486–487. И др.
12. См.: *Ткачев П.Н.* Что же теперь делать? // Избр. соч. Т. 3. М., 1934. С. 443; См. также *Ткачев П.Н.* Новый фазис революционного движения // Ткачев П.Н. Что же теперь делать? // Избр. соч. Т. 3. М., 1934. С. 433 и др.
13. Рефрен многих произведений «революционеров».
14. См.: *Тихомиров Л.А.* Социально-политические очерки. Очерк 1. Гражданин и пролетарий. М., 1908. С. 4.

ТЕРРОРИЗМ В КОНТЕКСТЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ПАРАДИГМ

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ ГУСЕВ,
доцент кафедры социологии и политологии
Московского университета МВД России,
кандидат философских наук, доцент
E-mail: v.belskiy@bk.ru

Аннотация. На основе социологических концептуальных подходов, комплексно рассматривается и характеризуется терроризм как явление. Осуществляется социологический анализ его различных сторон и проявлений.

Ключевые слова: терроризм, социология, социологическая парадигма, познавательные возможности социологических подходов, социологический анализ.

Annotation. Terrorism as a phenomenon is considered and characterized in the article on the basis of sociological and conceptual approaches. Sociological analysis of its various aspects and manifestations is carried out.

Keywords: terrorism, sociology, sociological paradigm, the cognitive capabilities of sociological approaches, sociological analysis.

Исследование терроризма является актуальным для многих наук. Для социологии данное явление представляет интерес с точки зрения выяснения социальных причин появления и существования терроризма, его сущности, форм проявления и влияния на социум. Его изучение связано с определенной специализацией социологов-исследователей, действующих в рамках известных социологических парадигм, которые связаны с ограниченным количеством используемых методов, определяющих специфику исследовательского подхода и имеющих различные познавательные возможности.

Социологический анализ терроризма может иметь различные отправные точки. В принципе не важно, что берется за исходный пункт исследования при наличии внутренней установки самого исследователя на комплексное изучение проблемы, которая на завершающей стадии дает возможность синтезированного понимания сущности изучаемого социального явления. Что касается терроризма, то его многочисленные общественные проявления в сфере человеческого поведения и, конкретно, деятельности, обращают внимание именно на эту его сторону. При этом следует учитывать тот факт, что в анализе поведения социологи вынуждены учитывать психологические, социально-психологические и иные аспекты проблемы, которые играют не просто иллюстрирующую роль, но выступают, зачастую, основаниями разработки гипотез, аргументации выводов.

Важное значение для понимания социальной детерминации терроризма, его поведенческих аспектов имеют методологические установки бихевиоризма. Например, рассмотрение терроризма в характерной

для бихевиоризма связке «стимул-реакция» позволяет выделить основные социальные «стимулы», причины терроризма, а сам терроризм рассматривать в качестве специфической «реакции». В этом смысле терроризм предстает, во-первых, как реакция на социальную действительность в единстве ее системных, социетальных и функциональных компонентов, которые представлены экономическим, социальным и духовным устройством общества и его жизнедеятельностью с присущими им социальной дифференциацией и многообразными формами отчуждения, депривации. Во-вторых, как реакция на невозможность (реальную или мнимую) изменить существующий социум в целом или решить частные задачи, связанные с коренными потребностями или вызванными сложившейся экономической и социально-политической ситуацией легальными и легитимными средствами. В-третьих, как реакция на дисфункцию социальных институтов, призванных обеспечить социализацию. В-четвертых, терроризм предстает как реакция на конкретные действия субъектов власти.

Похожие результаты дает интерпретация проблемы терроризма в рамках теории социального обмена. Здесь имеется также выход на проблему стигматизации субъектов террора, когда любые проявления террористической активности как по факту, так и превентивно, закономерно получают негативную общественную оценку, неприятие и социально-психологическую изоляцию социальной группы террористов, и закрепление у нее субъективных установок на реализацию криминальной карьеры.

Конечно, реакция на все приведенные выше факторы может быть различной: от латентных форм

до участия в массовых акциях протеста, включения в политическую деятельность, а также ухода в сферу деятельности криминальной, крайней разновидностью которой является терроризм. Поэтому рассмотренные подходы ставят проблему терроризма в общем плане и позволяют определить как основные направления его исследования, так и борьбы с ним, противодействия ему, преодоления последствий.

С точки зрения социологии любая реакция на элементы социума должна быть понята и описана в категориях концепций социального взаимодействия. Это позволяет содержательно решать вопрос о том, что явилось причиной реакции, выделить участвующие во взаимодействии субъекты. При этом становится ясно, что терроризм по направленности своих акций представлен, по крайней мере, двумя видами: первый направлен на власть и ее представителей, второй – на массовые общности (толпа, пассажиры и т.п.). В первом случае происходит взаимодействие субъектов террора и субъектов власти, способных и обязанных в силу своего общественного статуса и социального предназначения противодействовать терроризму. Во втором случае речь идет о воздействии на объект, который, как правило, не способен оказать реального противодействия субъектам террора и выполняет, скорее всего, роль опосредующего звена между террористами и органами власти, от которых требуется принятие решения в созданной террористами проблемной ситуации, связанной с угрозой осуществления или осуществлением теракта.

Субъект террора имеет вполне определенные ожидания в отношении возможных вариантов ответных действий субъектов власти. При этом он избирает форму взаимодействия с властью, а именно осуществление коммуникации с ней в форме шантажа с использованием средств насилия.

За рамками таких исследовательских подходов остается объяснение причин того, почему ставка делается исключительно на средства насилия до тех пор, пока характер социального взаимодействия, инициируемого террористами, не определяется в качестве конфликтного, антагонистического. Сами же террористы образуют непримиримую, крайне конфликтную группу антисоциальной ориентации, цели и характер деятельности которой представляют угрозу для существования цивилизованного социума. Как таковой ей присуще инициирование конфликтов, превращение в объект конфликта с властью всевозможных сторон общественной жизнедеятельности, преднамеренное создание поводов для конфликтных ситуаций, выходящих за рамки общепринятых в обществе стереотипов и нарушающих его функционирование. В качестве предмета конфликта всегда выступает сама власть, причем власть политическая. Вопрос в том, каково предполагаемое перераспределение власти, претендует ли субъект террора на захват государственной власти, или его цели дости-

жимы в рамках специфического влияния на государственную власть, принятие политических решений.

Терроризм – всегда претензия на властвование. Это коррелируется с классическим пониманием власти, предложенным в социологии М.Вебера: террористы пытаются проводить свою волю, навязывая приемлемый для них способ социального взаимодействия в рамках данных социальных отношений, несмотря на сопротивление, не ограничивая себя никакими способами и применяя любые средства.

Для достижения своих целей террористами используются атрибуты власти: авторитет, право, насилие. Не обладая собственным авторитетом, они прибегают к авторитету оружия, вооруженного насилия, захвата и насильственного удержания заложников. В своих попытках доказать правомерность применения силы они обращаются к так называемому «моральному праву», обосновывая свои действия соображениями «высшей» нравственности, богоизбранности и т.п. Характерно, что претендуя на властвование, террористы действуют в широком спектре социальных отношений. Их воздействие на общество осуществляется, в том числе, по ряду направлений, по которым обычно ведется легитимация власти: апелляция к силе, манипулирование общественным сознанием как на уровне политической идеологии, так и на уровне политической психологии для создания приемлемого собственного имиджа, насаждение иллюзий, привитие массам определенных стереотипов мышления и поведения.

Субъекты террора стремятся воздействовать на власть методами шантажа, угроз и применением нелегитимного насилия. Поэтому они продуцируют извращенную форму политического участия, паразитирующую на власти. Нелегитимный характер насилия и средств его осуществления, используемых террористами, обуславливают нелегальный, криминальный и скрытый характер их деятельности. Очевидно, что непринятие или недостаточность мер по противодействию террористам, а также заключение компромиссов с ними означают де-факто признание террористов со стороны общества и государства полноправными участниками общественно-политических процессов и принятие их «правил игры». Достижение в этих условиях террористами своих целей и означает их властвование. Именно поэтому такое положение дел является неприемлемым для официальных органов власти.

В социологии конфликта проблема терроризма должна быть выделена в отдельное исследовательское «производство». Она требует правильной, учитывающей специфику самого явления, расстановки акцентов. Прежде всего, это касается оценки самих террористов как социального образования в корне отличного от других существующих в обществе субъектов социальных конфликтов. Их существенное, сущностное отличие состоит в том, что они не пред-

ставляют собой общественно необходимую группу, так или иначе обеспечивающую в процессе своей жизнедеятельности функционирование социума.

Здесь можно видеть одну из возможных точек соприкосновения теории социального конфликта и структурного функционализма, которые принципиально расходятся в понимании и оценке роли конфликтов в обществе.

С позиций классического системного анализа и его структурно-функциональной интерпретации терроризм выступает воплощением дисфункции социальной системы, ее основных подсистем, а также агентов социализации. Он является антисистемным явлением, способным дестабилизировать общество. Это проявляется в следующем. Во-первых, за счет избирательного воздействия угрозой теракта или его осуществлением в отношении некой массовой общности или группы, делая ставку на страх за свою жизнь и жизнь близких людей, который испытывает каждый индивид, чувствуя и осознавая отсутствие реальной защищенности, терроризм выступает фактором разобщения и социальной атомизации. Во-вторых, в таких условиях подрываются духовно-идеологические основы общества, разрушаются культурные образцы, по которым оно строится. Все тот же страх способен снимать слой за слоем пласты цивилизованности как с индивида, так и с массы. В-третьих, терроризм препятствует достижению общественно значимых целей, отвлекая силы и средства на борьбу с ним и с последствиями его деятельности. В-четвертых, терроризм имеет сущностно обусловленную направленность на создание и воспроизводство условий, способствующих дисфункции законной и легитимной власти, а также на ее делегитимацию.

Конечно, терроризм в определенной мере связан и с дисфункцией социально-политических институтов, предназначенных обеспечивать общественную безопасность и правопорядок. Для общества это может означать необходимость жесткой постановки вопроса в отношении соответствующих государственных структур: «не могут или не хотят?».

Общеизвестно, что государство играет главную роль в предупреждении и пресечении террористической деятельности. Для этого оно обладает необходимыми полномочиями, ресурсами и средствами, а также возможностью устранять причины, порождающие это явление. При этом часть государственных органов специализирована на реагирование, работу преимущественно «по факту», на противодействие террористическому насилию. Вместе с тем, органы охраны правопорядка все больше ориентируются на проведение профилактической работы в интересах предупреждения возникновения организованных форм терроризма и создания условий, минимизирующих возможности проведения терактов. Однако, если речь идет об искоренении терроризма в пря-

мом значении этого слова, т.е. устранении социальных причин терроризма, то это должно быть связано с рефлексией меняющегося соответствующим образом общества. Учитывая, что часть социальных детерминант терроризма может быть связана с системными свойствами данного общества, требуется политическая воля для осознания этого факта, принятия соответствующих решений и перевода проблемы в практическую плоскость необходимых общественных преобразований.

Для всего этого важно провести содержательный анализ социальной базы терроризма, выявить группы риска, разобраться с механизмом формирования субъектов террора. Такая задача может быть успешно решена в рамках как микросоциологической, так и макросоциологической парадигм с использованием познавательного инструментария образующих их концептуальных подходов. При этом, как представляется, наибольший познавательный эффект дают методики определения факторов, обуславливающих девиантное поведение.

В качестве некоего смыслового стандарта, как правило, выделяются социальные «низы», деклассированные элементы, маргинальные социальные слои, обладающие высоким конфликтным потенциалом и иными предпосылками к участию в криминальной деятельности в целом. Вместе с тем, практика терроризма показывает, что он способен рекрутировать своих агентов и из других классов и слоев общества. Так, представители класса мелких предпринимателей в силу их двойственного социального статуса как трудящихся и как собственников, приобретая соответствующие социально-психологические свойства, в условиях неопределенности перспектив и генерируемой рынком конкуренции, нестабильности и постоянной угрозы разорения способны, в зависимости от того, на кого направлен террор, испытывать чувства симпатии и оказывать поддержку террористам. При определенных условиях (экономический, политический или системный кризис и т.д.) представители высшего класса могут оказывать разнообразную скрытую поддержку террористам, направляемую на создание для оказывающих соответствующую поддержку группы или индивидов условий, которые представляются необходимыми для реализации их частных интересов (устранение конкурентов, расширение сфер влияния и властвования и т.п.). Следует отметить, что в обществе зачастую имеются факторы, определяющие возможность такого своего рода «спонсорства»: коррупция в аппарате власти, либеральное законодательство в сфере экономики в части, касающейся оффшоров и фирм однодневок и др.

Социальная база терроризма свидетельствует о его многоуровневой структуре как общественно-го явления с присущей ему иерархией участников, фиксирующей распределение их статусов и ролей.

В целом речь может идти, фактически, о наличии или формировании скрытого механизма управления террористической деятельностью или отношениях заказчика и исполнителя, что требует отдельного изучения. Это тем более актуально в связи с проводимой российским государством политики борьбы с коррупцией и терроризмом.

В исследовании терроризма, его разновидностей важные результаты для понимания общего и особенного в его сущностных проявлениях может дать деятельностный подход. Он ориентирует на содержательный анализ и раскрытие главных компонентов террористической деятельности: субъектов с их потребностями, интересами и мотивациями, целей, способов, методов и форм деятельности, избираемых средств, последовательности операций и получаемого результата, соотносимого с ранее поставленной целью.

Террористическая деятельность, в силу ее специфики, как известно, осуществляется как скрытно, так и открыто. Ее скрытая часть представлена комплексом финансовой, организационной, идеологической и других видов деятельности, которые призваны обеспечить возможность открыто действовать в рамках избранной тактики. Фактически речь может идти о наличии определенной поддерживающей, обеспечивающей подсистемы терроризма, функционирование которой настолько многопланово, что требует привлечения лиц, обладающих специальными знаниями и определенным статусом в соответствующей сфере деятельности. В своей открытой, представляемой обществу части, терроризм, кроме угрозы физическим насилием и его применением, использует также идеологическое, моральное, психологическое насилие. Соответственно, состав участников террористической деятельности не может быть ограничен только членами террористических организаций. Это требует выделения среди ее участников не только ее субъектов, но и пособников и провокаторов.

Значительные познавательные возможности в изучении терроризма предоставляет методический комплекс социологии организации. Исходным пунктом свойственного ей анализа выступает понимание того факта, что социальная общность «террористы» всегда представлена закрытыми социальными группами, которые конституируются как организации. Антисоциальная направленность и, соответственно, противостояние с обществом и государством неизбежно приводят к выработке организационных форм их существования и деятельности. Внутренняя логика такого процесса заключается в том, что организованной силе – государству может противостоять также организованная сила – организация.

Как представляется, исходным пунктом изучения организационных вопросов терроризма явля-

ется отнесение террористических группировок к разновидности организованной преступности, что ориентирует на применение соответствующих методик исследования, анализ структуры террористических организаций, установление характера иерархии ее элементов, их специализации, а также способов координации их деятельности. При этом существенные возможности в исследовании внутрigrупповых, внутриорганизационных отношений дает социология управления. Она позволяет выделить особенности распределения социальных ролей участников, принципы закрепления за ними функций руководства и оперативного управления, исполнительских и обеспечивающих функций. Все это становится основой определения основных направлений противодействия терроризму.

Одной из основных задач, стоящих перед террористической организацией, как а и перед любой другой организацией является сплочение своих членов, что выступает важным направлением в обеспечении собственного существования и эффективности осуществляемой деятельности. Ее решение, наряду с общими подходами, связанными с групповой социализацией, имеет в террористической организации обусловленную ее сущностью специфику. Так, осознание руководством террористической организованной группы ее реального общественного статуса связанного с ее неприятием, социальной изоляцией и другими негативными «атрибутами», вызывает у него потребность в позитивной компенсации, в создании «для внутреннего пользования» иллюзорного социального статуса, как части поддерживающей идеологии и основы для самоидентификации. Практика терактов при этом на внутрigrупповом уровне способствует сплочению членов организации на основе солидарно выполненных действий и осознания общей ответственности за совершенные преступления. Возможно, в том числе этим объясняются так называемые «безадресные» теракты, осуществляемые без предварительного и последующего выдвижения требований к кому бы то ни было. В этом случае сам акт насилия выступает для организаторов и исполнителей важным для них «доказательством» необходимости собственного существования.

Важным условием понимания сущности терроризма выступает выделение его социокультурного аспекта и, прежде всего, проблемы нравственного выбора. Во многом именно здесь находится ответ на вопрос, почему индивиды, имеющие одинаковые с другими членами социальной общности условия жизнедеятельности или сходные жизненные обстоятельства, принимают в отношении собственной жизни решения, не просто ставящие их вне социума, как это происходит в большинстве случаев криминальной карьеры, а превращающие их во врагов общества, агентов социальной деградации, распада, энтропии. Именно в сфере со-

знания находятся корни девиантного поведения. Но, чтобы девиация из ментальной перешла в поведенческую область необходима соответствующая мотивация. Конечно, она может, в отдельных случаях, проявиться в результате действия негативных социальных факторов, которые были рассмотрены выше. Но в большинстве случаев это потребует подведения сознания индивида к черте, отделяющей норму от психической реакции на специфические методы воздействия на него, которые дают установку на преодоление требований позитивных социальных предписаний, обеспечивающих сохранность общества (неприятие убийства, тем более массового). Частью такого механизма десоциализации личности может выступать навязываемый образ врага. Все его компоненты рассчитаны на немедленную отрицательную реакцию: приписывание противнику всевозможных

вызывающих ненависть черт; возложение на него вины за какие-либо действия, события; негативные ожидания и недоверие; отказ в сочувствии и понимании и т.п. Вслед за принятием образа врага следует и принятие в отношении него соответствующих поведенческих стереотипов, связанных с проявлением агрессии и пренебрежения к чужой и своей жизни.

Таким образом, социология имеет целый ряд концептуальных подходов с присущими им методологией и методическим аппаратом, которые позволяют изучать терроризм с разных сторон и в различных его проявлениях. Наличие у них общих проблем и областей исследования данного явления позволяет интегрировать получаемые результаты в общую концепцию терроризма с привлечением данных других наук, без которых социологический анализ был бы одномерным.

ДУХОВНЫЕ И ИДЕЙНЫЕ ОСНОВЫ «ВОСТОЧНОГО» ТЕРРОРИЗМА

ИРИНА ВЛАДИМИРОВНА ПОЛОЗОВА,

Заместитель начальника кафедры социологии и политологии

Московского университета МВД России,

доктор философских наук

E-mail: v.belskiy@bk.ru

Аннотация. Раскрываются духовные и идейные основы современного «восточного» терроризма. Определяется методология выяснения их генезиса, показывается суть и содержание этих основ.

Ключевые слова: «восточный» терроризм, духовные и идейные основы терроризма, идеология терроризма, религия, ислам, Коран.

Annotation. The article describes moral and ideological bases of the modern «eastern» terrorism. The methodology of clarifying their genesis is defined, showing the nature and content of these bases.

Keywords: «Eastern» terrorism, religious and ideological foundations of terrorism, the ideology of terrorism, religion, Islam, the Koran.

Терроризм является политикой и практикой экстремистского воздействия, основанного на применении незаконного насилия, генерирующим агрессию, имеет свою идеологию и обусловлен особым видом мессианства.

При рассмотрении духовных и идейных основ терроризма в статье не рассматривается «западная» модель терроризма [1], присущая евроатлантической цивилизации и представленная деятельностью разнородных социально-политических сил, ориентированных на радикальную смену политической системы и её чрезмерное укрепление. Отметим лишь, что «западная» модель терроризма имеет в качестве своих идейных основ принципы и установки идеологий левого и правого радикализма. Индивиду-

альный террор, анархические бунты, политические заговоры, диверсии, военные путчи, «городская герилья», и другие виды террористических действий в западном мире осуществляются под флагом светских лево- и правоэкстремистских идеологий (маоизм, неотроцкизм, неоанархизм, неонацизм).

Остановимся преимущественно на «восточной» модели терроризма, относящейся к обширному азиатско-североафриканскому региону, имеющей как внутрицивилизационный, так и межцивилизационный характер и представляющей собой противостояние террористов отдельному государству, странам целого региона (Ближний Восток), а также ведущим державам мира (США, России). Основными видами террористической деятельности в рамках этой

модели выступают разнообразные методы и формы гражданского нелегитимного насилия. «Восточный» терроризм характеризуется элементами жертвенности, нетерпимости и фанатизма, является наиболее ожесточённым, кровопролитным и непримиримым.

Определение духовных и идейных основ «восточного», прежде всего, исламского терроризма и экстремизма приобретает особую актуальность потому, что в начале XXI в. именно политический ислам рассматривается как несущий основную ответственность за распространение терроризма и политического экстремизма по всему миру. Обращает на себя внимание также и то обстоятельство, что «восточная» модель терроризма в качестве своих основ имеет не столько идейно-политические, сколько религиозные корни.

Необходимо отделить от идеологии терроризма умеренный, цивилизованный ислам, который уже многие столетия существует на территории России. Вместе с тем, можно увидеть, что в идеологическом обосновании терроризма и экстремизма достаточно активно используются исламские концепции джихада, отношения к неверным, пресечения греха, запрещенного шариатом, а также взаимоотношений правоверных с властью. Следует, поэтому, выяснить, насколько правомерно говорить об исламской религии в связи с идейными (духовными) основами терроризма.

По большому счету религия и терроризм – явления несовместимые. Религия связывает человека с высшей духовной основой мироздания и пробуждает в нем лучшие нравственные чувства. В значительной степени это относится и к исламу. В переводе с арабского слово «ислам» означает «мир». Ислам – это религия, которая призвана нести человечеству жизнь, исполненную гуманности, мира и благоденствия. Ислам призывает верующих развивать в своих сердцах самые светлые качества души человека: милосердие, уважение к ближнему, сострадание, смирение, наставляет людей жить в мире и согласии. Кроме того, исламу как религии присущи такие принципы и ценности, как умеренность, стремление к компромиссам, лояльность властям, толерантность, постепенность, совещательность и др.

Ислам осуждает любые формы злонамеренности. Священная книга мусульман Коран содержит стихи (аяты), в которых содержатся повеления людям избегать злых деяний и предотвращать их, если мысли о злых делах вынашиваются другими. Верующим запрещается держать в сердцах чувства подозрения и недоверия к ближнему, порицается безнравственность, жестокость, агрессия и кровопролитие. Считается, что нарушивший эти заповеди совершает величайшее преступление против Создателя и служит духу злобы.

В исламе считается недопустимым все, что может нанести вред людям. Истинный мусульманин

призван совершенствовать мир и нести людям гармонию, содержащуюся в заповедях ислама. Террор и насилие, поэтому, считаются в исламе величайшими преступлениями против Всевышнего. Например, в Коране убийство невинного человека по пагубности и степени греховности приравнивается к убийству всего человечества: «Кто убьет душу не за душу и не за преступление, тот подобен убийце всего человечества» (Коран, 5:32).

Как же могло получиться, что религия, проповедующая мир, стала в сознании многих людей прочно связываться с идеологией терроризма?

Ответим следующим образом. Религия не призывает к насилию и терроризму. Идейным обоснованием терроризма служат те разновидности религиозных течений, которые носят экстремистский, тоталитарный характер. Все они отпочковываются от истинной религии, подвергая ее определенной ревизии. Они тенденциозно трактуют основные положения, вырывая из контекста, делая акценты на одних догматах в ущерб другим. Таким образом, основным рычагом экстремистской стратегии явилась идеология, послужившая суррогатом религии, в данном случае ислама, на которой она паразитировала и от имени которой выступала.

Основанием всякого терроризма является отрицание существующей властной, культурной, религиозной парадигмы. Поэтому настоящей мировоззренческой основой терроризма является не та или иная религия, а её антипод, антирелигия, содержащая в себе мощный посыл мироотрицания.

К подобному пониманию основ терроризма подводит нас исследование Л.Н.Гумилева, по мнению которого большие суперэтнические и религиозные системы зачастую сопровождалась антисистемами, в которых легко можно увидеть предтечу терроризма. По мнению Л.Н.Гумилева, такие предшественники терроризма, как провансальские катары, болгарские богомилы, малоазиатские павликиане, арабийские карматы, берберейские и иранские исмаилиты, имея множество этнографических и догматических различий, обладали одной общей чертой – неприятием действительности, т.е. метафизическим нигилизмом[2].

Л.Н.Гумилев считает, что подобная антисистема существовала и по отношению к исламу. В качестве таковой он рассматривает секту зиндиков, (от персидского слова «зэнд» – смысл, эквивалента греческого «гнозис» – знание), выступивших с террористических позиций по отношению к исламу. «Догматику и принципы нового учения, – отмечает Л.Н. Гумилев, – можно лишь описать, но не сформулировать, так как основным его принципом была ложь». И, несмотря на различные названия сторонников новой доктрины, (наиболее известные названия в Персии – исмаилиты, в Аравии – карматы), цель их была одна – разрушить ислам.

Л.Н. Гумилев описывает и способ формирования подобной антиисламской идеологии. В связи с тем, что свободная пропаганда любых идей была в Халифате неосуществима, проводники искаженной доктрины выдавали себя за мусульман. Они толковали тексты Корана, порождая в собеседниках сомнения, и приводили к мысли о том, что все бедствия проистекают от забвения истинного закона. Обучение новых последователей в основном состояло в посвящении их в идею антимира, являющуюся центром искаженной доктрины. Смысл идеи антимира состоит в построении перевернутой реальности. Мир, в котором мы живем, плохой, потому что здесь эмиры, муллы, халиф со своим войском угнетают и обижают бедных людей, у которых, однако, есть выход: если они достигнут совершенства через участие в их общине, то попадут в антимир, где все будет наоборот, – там они сами будут обижать кадиев, эмиров и т.д. Такая незамысловатая система нашла себе большое количество приверженцев. Так как здешний мир, в котором мы живем, очень многими считался плохим, то антимир, естественно, казался хорошим.

Можно утверждать, в основе генезиса идеологии «восточного» терроризма лежит идея отрицания мира, антимира. В формировании идеи антимира присутствует важная черта, присущая террористическому сознанию, а именно, мифологизация социальной действительности. В идеологии терроризма социальная реальность приобретает искаженные, фантастические очертания, и именно такая мифологическая идеология предшествует акту насилия, совершаемому террористами.

Кроме того, здесь возможно использовать термин «инфернализация», который нередко используется в отношении экстремистских представлений об обществе в исследовательской литературе, что означает превращение в «ад» всего, что не соответствует «правоверным» взглядам и целям. Экстремистская мифология не вполне беспочвенна, имеет определенные объективные основания, но эти основания в идеологии терроризма приобретают несоразмерные, гипертрофированные масштабы.

Созданная подобным образом антирелигия сохраняет определенное внешнее сходство с оригиналом. Но, по сути, она является принципиальным переистолкованием основных положений исходной религии с тем, чтобы, при сохранении внешнего сходства, ее внутренний смысл искажился до неузнаваемости. Это означает, что идейную основу «восточного» терроризма составляют извлеченные отдельные положения из исламской доктрины, которые, будучи взятыми вне контекста, противоречат основной сущности ислама.

Следует понимать, что любая религия представляет собой некую целостность, по отношению к которой выхватывание отдельных мыслей и фраз

и погружение их в другой контекст является деформацией. Собственно, по такому принципу создается большинство тоталитарных сект, каждая из которых находится в оппозиции по отношению к истинной религии. Таким образом, мировоззрение, согласно которому к иноверцам нужно относиться нетерпимо и даже истреблять их, противоречит сущности ислама, проповедующего мир.

Кроме того, религия во многом антиномична, в корпусе священных текстов религии могут встречаться высказывания, противоположные по смыслу, значение которых во многом уравнивается и в осмыслении которых значительная роль принадлежит религиозному опыту. Это связано со сверхразумностью религиозной веры. Мировоззрение антирелигии, напротив, абсолютизирует одно из положений и объявляет его единственной истиной. Известно, что терроризму присуща вера в обладание высшей единственной истиной, уникальным рецептом «спасения» своего народа, социальной группы или всего человечества. Например, известный специалист по терроризму Б. Дженкинс считает, что «террористы могут рассматриваться как абсолютисты, как «истинно верующие»[3]. Такая однобокая вера задает тип ценностных и поведенческих моделей террористических групп.

Продемонстрируем, каким образом происходит деформация истинной религии и создание её антипода – антирелигии, которая может служить идейной базой противоправной и террористической деятельности в силу отсутствия в данной системе духовной основы, координирующей все остальные принципы и обеспечивающей связь человека с высшим порядком бытия. Увидим, что из двух позиций, которые сосуществуют в истинной религии и уравнивают друг друга, антирелигия выбирает и абсолютизирует какую-либо одну. Так, по отношению к иноверцам в исламе существуют две различающиеся позиции: сравнительно мягкая, ориентированная на добрососедские отношения и сотрудничество, и гораздо более жесткая, доходящая до нетерпимости и непримиримости.

Рассмотрим первую позицию, опирающуюся на священную книгу мусульман – Коран, содержащую примеры уважительного отношения к «людям книги». По утверждению Корана, Священные Писания иудеев и христиан – Ветхий и Новый Завет были посланы им самим Аллахом. Во многих сурах Корана весьма определенно утверждается, что Таура (Тора) и Инжил (Евангелие) были настоящими Священными Писаниями, которыми владели иудеи и христиане при жизни Мухаммеда. При этом «людям Евангелия» было сказано «поступать так, как Аллах заповедовал в нем» (Коран, 5:50). Несмотря на то, что Коран часто осуждал иудеев и христиан за отступление от своих учений, он никогда не обвинял их в искажении их Священных Писаний.

Кроме того, в Коране христиане и иудеи именуются не иначе, как «люди Писания» или «обладатели Писания», тем самым подчеркивается, что изначально они принадлежали к небесной религии и что они имеют с мусульманами общие истоки, изначально принадлежат к единой религии, которую проповедовали все посланные к людям пророки: «В религии предписал вам (Всевышний) то, что заповедовал Он Ною, то, что внушили Мы (Мухаммеду) в откровении, то, что заповедовали Мы Аврааму, Моисею и Иисусу, сказав: «Соблюдайте религию и не разделяйтесь» (Коран, 42:13).

Более того, христиан, последователей Иисуса, Коран наделил особым статусом и считает их более близкими для сердец мусульман. «Несомненно, убедись ты, что больше всех дружелюбны к уверовавшим те, кто говорит: «Воистину, христиане мы. Это оттого, что есть среди них иереи и монахи, что не высокомерны они» (Коран, 5: 82). В отношениях со своими братьями-христианами Аллах предписывает мусульманам исключить насилие в принципе: «Если вступаете в спор с людьми Писания, то приводите им доводы наилучшие. И не спорьте с теми из них, кто бесчинствует. Говорите: «Уверовали мы в то, что ниспослано нам и что ниспослано вам. Бог наш и Бог ваш один, и предаемся мы Ему» (Коран, 29:46).

Вторая же позиция является более поздней, сложившейся в исламском богословии после эпохи крестовых походов, согласно которой Библия была «фальсифицирована» христианами и никакой компромисс с «еретиками» невозможен. Родоначальником данного учения является Ибн Хазм, считавший, что Таура и Инжил были искажены «людьми книги» и потому не являются заслуживающими доверия. Данная точка зрения не соответствует ни Корану, ни убеждениям основателя ислама – Мухаммеда, но является господствующей в мусульманском мире по настоящее время.

Таким образом, можно увидеть, что антирелигия абсолютизирует вторичную и позднейшую позицию, которая не подкреплена священными текстами мусульман. Подобное происходит и во всех остальных случаях, когда по определенному поводу имеются две противоположных точки зрения. Кроме того, можно увидеть, что в антирелигии происходит существенная деформация заложенных в истинной религии смыслов. Так, в оправдание терроризма исламские экстремисты обращаются к Корану, в котором, в частности, говорится: «И убивайте многобожников, где бы вы их не обнаружили ... О пророк! Борись с неверными и лицемерами и будь беспощаден к ним» (Коран, 9:5, 73). Известно, что христиане и иудеи не являются многобожниками, речь в данном случае идет о язычниках, но, вместе с тем, в отношении христиан данная позиция последовательно проводится и противопоставляется мирному отношению к «людям книги»[4].

Антирелигия, выступающая как основа терроризма, критическое отношение к христианам считает единственно возможным, тем самым демонстрируя противоречащий основам истинной религии однобокий, односторонний подход. И, как следствие, необходимым элементом антирелигии становится крайняя нетерпимость к инакомыслию. Поэтому важнейшим компонентом экстремистской мотивационной системы служит идея обращения инакомыслящих в собственную веру с помощью всех средств, в том числе насильственных, что с неизбежностью приводит к терроризму.

Покажем осуществление трансформации смыслов истинной религии на примере концепции джихада, активно используемой для обоснования необходимости ведения борьбы против иноверцев. Вопреки убеждениям террористов, джихад отнюдь не сводится к войне с неверными. Ведущие современные мусульманские богословы подчеркивают, что джихад – это, прежде всего, призыв к следованию путем Аллаха, усилия, направленные на самосовершенствование человека («внутренний джихад») и построение истинного исламского общества, основанного не на буквальном следовании положениям шариата, но, главным образом, – на претворении его ведущих начал, ценностей и целей. Кроме того, призыв следовать воле Аллаха, обращенный к иноверцам, исключает любое насилие, о чем прямо говорится в Коране: «Нет принуждения в религии» (Коран, 2:256), «Призывай на путь Господа мудростью и добрым увещанием и веди спор с многобожниками наилучшим способом» (Коран, 16:125).

Что же касается вооруженных действий как одной из форм джихада, то они допускаются лишь в качестве защиты от нападения. Иными словами, война с немусульманами допустима не в качестве способа покончить с неверием, а только как необходимое средство отражения агрессии. Кроме того, джихадом в полном смысле могут быть названы те военные действия, которые нацелены на защиту исламских ценностей и их утверждение. Можно увидеть, что акции террористов, направленные чаще всего против мирного населения и безвинных людей, данному требованию не отвечают.

В Коране недвусмысленно говорится о предпочтении мира перед войной с неверными: «Если неверующие склонны к миру, то и ты, Мухаммад, склоняйся к миру» (Коран, 8:61). Кроме того, Аллах предусматривает суровое наказание за разбой и вообще любые действия, распространяющие порчу и нечестие: «Воистину, те, кто воюет против Аллаха и Его Посланника и творит на земле нечестие, будут в воздаяние убиты, или распяты, или у них будут отрублены накрест руки и ноги, или они будут изгнаны из страны» (Коран, 5:93).

Духовные и идейные основы являются важным источником и фактором современного «восточного»

терроризма, проявляющегося, главным образом, в форме исламского терроризма. Исламский терроризм осуществляется под религиозными лозунгами и выдает себя за продолжение религиозной доктрины ислама, что, по сути, не соответствует действительности. Исламский терроризм основывается на деформации и существенном искажении исламской доктрины. Существует принципиальное различие между подлинным духовным потенциалом истинного ислама и отличающимся от него идейным содержанием восточного экстремизма, без понимания

которого невозможно вести борьбу с исламским радикализмом.

1. Модели терроризма и их характеристика см.: *Лазарев Н.Я.* Терроризм как социально-политическое явление: истоки, формы и динамика развития в современных условиях. Автореферат дис. на соиск. уч. степени канд. полит. наук. М., 2007. С. 13–14.

2. См.: *Гумилев Л.Н.* Конец и вновь начало. М., 2007.

3. См.: *Terrorism.* 1980. Vol. 3. № 3. P. 246

4. Например, ситуация в Сирии.

ИДЕЙНЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ИСТОКИ СОВРЕМЕННОГО ИСЛАМСКОГО РАДИКАЛИЗМА И ЭКСТРЕМИЗМА

ИГОРЬ ИВАНОВИЧ КАЛЬНОЙ,

*профессор кафедры социологии и социальной философии
Таврического национального университета им. В.И. Вернадского,
доктор философских наук*

ДМИТРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ПОПОВ,

*студент исторического факультета Таврического
национального университета им. В.И. Вернадского*

E-mail: v.belskiy@bk.ru

Аннотация. Выделяются и характеризуются идейные и социальные корни и причины современного исламского радикализма и экстремизма как предпосылок терроризма. Рассматриваются проявления современного исламского радикализма и экстремизма и их влияние в глобализирующемся мире.

Ключевые слова: терроризм, ислам, шариат, исламский радикализм, исламский экстремизм, экстремистские организации, глобализирующийся мир.

Annotation. Ideological and social roots and causes of the modern Islamic radicalism and extremism as a precondition of terrorism are discussed and characterized in the article. Manifestations of modern Islamic radicalism and extremism, and their influence in the globalizing world are examined in the article.

Keywords: terrorism, Islam, Sharia, Islamic radicalism, Islamic extremism, extremist organizations, globalizing world.

Современные реалии свидетельствуют об эскалации исламского радикализма и экстремизма, значительном расширении его форм и усилении влияния в мире. Радикализм и экстремизм в исламе выступает как воинствующая идеология, как средство, направленное на мобилизацию населения в кризисные исторические периоды, или как альтернативный путь развития конкретного общества.

Государства и целые регионы, где распространён ислам, в течении последних десятилетий погружены в кризисное состояние, охватывающее все сферы жизни мусульманского общества. В этой ситуации получает дальнейшее распространение и развитие радикализм, который, достигая наивысшей критической точки, трансформируется в экстремизм как одну из форм терроризма.

К методам террора в различных его формах прибегали во все времена и в различных странах. В большинстве случаев они касались стран, которые переживали периоды кризиса. Особенностью современного терроризма (в том числе маскирующегося под религиозные верования) является то, что террор используется не против одного отдельно взятого государства или группы государств, а против всего человечества.

Разнородные радикальные элементы существовали в рамках ислама на протяжении всего исторического прошлого. Их цели и направленность отличаются в разные периоды. Как утверждает большинство исследователей феномена радикализма, экстремизм в исламе наиболее интенсивно стал развиваться с 60-х – начала 70-х годов XX в., когда

стал очевидным провал модернизационных мероприятий в большинстве мусульманских государств, а националистические идеологии не стали в этих государствах консолидирующим фактором.

Радикальные и экстремистские элементы сопровождали ислам на протяжении всего его существования. С IX–XI вв. широкое распространение в мусульманском мире получила школа Ахмада ибн Ханбала. Эта религиозно-правовая школа выступала за недопустимость внедрения различных новшеств – бида, требуя строгого соблюдения правовых норм и основ шариата. Школа возникла на основе взглядов и убеждений мутазилитов, что обеспечило ей возможность приобрести значительное количество последователей в различных мусульманских государствах. Наиболее глубоко она укоренилась в Аравии, где под влиянием Таки ад-Дина ибн Таймии в XVIII в. возникло течение ваххабитов. В 1928 г. в Египте Хасаном аль-Банной была создана организация Братьев-мусульман, в идеологии которой была заложена концепция джихада. Эта организация имела широкую сферу действия и располагала лагерями подготовки специализированных боевиков.

Начав свою деятельность на определенной территории, исламские радикалы постепенно распространили свое влияние на весь мир, сменив характер локальной угрозы на уровень международной. Первоначально их деятельность была направлена против иностранного присутствия, затем она переросла в борьбу против мусульман, не разделяющих их взглядов и стремлений, а позже в открытую войну против ведущих мировых акторов.

При всем разнообразии религий и верований, несущих в современный мир гуманизм и ценностные ориентиры, почему-то ислам стал идеологической оболочкой прикрытия террористических групп и экстремистских организаций. На этот вопрос нет единого и общепринятого ответа, так как он затрагивает противоречивые процессы, господствующие не только в современной религии, но и в мире в целом. Тем не менее, ответ на него следует искать, учитывая при этом, что корни многих современных явлений и процессов в историческом прошлом.

Для мусульман ислам не просто религия, а учение, которое включает в себя не только духовные, но и подавляющее большинство светских положений и законов. В этой связи показательно высказывание Бернарда Льюиса: «Ислам – это не географическая область: это религия. Для мусульман слово «религия» имеет совсем другой смысл, чем для христиан современности или средневековья... ислам – это не просто система веры и культа. Это скорее образ жизни в широком смысле, и его нормы включают элементы гражданского, уголовного и даже конституционного права в нашем понимании»[1].

Мусульманский мир никогда не был единым и устойчивым. Его постоянно терзали как внутрен-

ние противоречия, так и внешние воздействия, которые способствовали появлению и развитию радикальных идеологий и настроений, переросших в идеологию экстремизма. К внутренним, можно отнести множество течений, направлений, имеющих свои взгляды на Священные тексты, вопросы веры, историю, власть и устройство мусульманского общества и государства в целом. Они раскалывали целостность исламской общины и порождали значительные противоречия, отголосок которых можно наблюдать и в наши дни. В качестве примера, можно сделать небольшой экскурс в историю.

На рубеже VII–VIII вв. в среде мусульман возникли расхождения по вопросам веры и в отношении к людям, совершившим тяжкий грех. По этим вопросам высказались и заняли антагонистическую позицию три течения, а именно хариджиты, мурджииты и мутазилиты. Хариджиты заняли наиболее радикальную позицию, утверждая, что человек, совершивший тяжкий грех, перестает считаться мусульманином и переходит в категорию кафира, неверующего. Мурджииты заняли сугубо противоположную позицию. Они считали мусульманином каждого, кто сохраняет в своей душе и сердце чистоту и преданность вере, даже если этот человек совершил тяжкий грех. Мутазилиты в данном споре заняли промежуточную позицию. Они разработали учение о «среднем состоянии» между «правоверным» мусульманином и кафиром и, таким образом, определили статус мусульман, совершивших тяжкий грех.

При халифе аль-Мамуне и последующих двух его приемниках аль-Мустасыме и аль-Высыке деятельность и взгляды представителей этих течений поощрялись государством, но при аль-Мутаваккиле (847–861) они стали подвергаться гонениям. Значительное влияние и на современное состояние исламского мира, оказали события после смерти Мухаммеда. При Мухаммеде власть имела теократический характер, которая и ныне является неким образцом и стандартом управления в мусульманских государствах. Пророк утверждал о нераздельности духовной и светской властей в руках главы общины. После смерти Мухаммеда проблема власти расколола мусульманскую общность на различные группировки, имеющие свое мнение по вопросу власти. Хариджиты настаивали на общинном характере власти и выборности главы общины; шииты видели во власти божественную природу, связанные с родом Али; промежуточную позицию между хариджитами и шиитами заняли сунниты. Все эти антагонизмы внутри исламской общины сделали свое черное дело. Они обеспечили не только раскол в мусульманском обществе по многим вопросам как идеологическим, религиозным, так и политическим, но и породили неопределенность дальнейшего пути развития ис-

ламского мира, создав феномен радикального ислама, высшим проявлением которого является исламский экстремизм.

Внутренняя борьба между разными течениями не стихает до сих пор. Время от времени она выливается в открытую борьбу между сторонниками определенных враждующих течений. Всю совокупность внутренних противоречий в исламском мире усугубили внешние, а именно борьба с Европейским Западом, которая начала активно проявляться еще в Средние Века. Ее отклик доходит до нашего времени. После ряда серьезных поражений, который испытал мусульманский мир, у большинства мусульман сформировался комплекс ненависти к обидчикам-захватчикам и, как следствие, желание взять реванш за свои обиды, причиненные со стороны европейцев. Колонизаторские усилия европейцев внесли свой «вклад» в развитие исламского радикализма. Последствиями национально-освободительной борьбы в арабских странах является не только освобождение от ненавистных захватчиков-иноверцев, но и появление ряда проблем, связанных с обретением суверенитета. Недоверие к верховной власти, которая пошла на уступки захватчикам, а также кризис богословской науки ввиду того, что большая часть исламских богословов вместо того, чтобы заниматься истинной трактовкой и разъяснением Священных текстов, направила свою деятельность на оправдание и подтверждение легитимности колониаторских режимов, стали важнейшими причинами зарождения идеологии исламского радикализма.

Используя память о величайших периодах истории, исламский радикализм ищет опору в Священных текстах. Из них вычлениваются отдельно взятые, как правило, достаточно противоречивые части с последующей интерпретацией в соответствии с современными взглядами и стремлениями исламского радикализма. Представители современного исламского радикализма, выдвигая различные социально-политические цели, приоритетное значение уделяют двум основным, имеющим исторические корни: создание в исламском обществе теократического государства; воссоздание халифата, единого государства мусульман, во главе с халифом – единоличным главой государства.

Мусульманские государства заявленного типа действительно имели место в истории. Это халифаты Омейядов и Аббасидов в средние века, государство Имнат, которое возникло на территории Чечни и Дагестана в XIX в., и государство Иран после революции 1979 г. во главе с Хомейни. Несмотря на ограниченность этого типа государства, радикалы считают его наиболее приемлемым, так как все существующие в настоящее время режимы в мусульманских государствах попадают в категорию «светских», нарушающих устои ислама. Слово

«светский» исламские радикалы и экстремисты, как правило, рассматривают как синоним «кяфир» – неверный.

Как известно, мусульманское государство – Халифат – образовался в VII в. в результате завоевательной политики арабов. Оно просуществовало до XIII в. и было уничтожено монголами. Радикалы выдвигают лозунги, которые призывают воссоздать Халифат. В его состав должны войти все мусульманские государства и территории, где проживают крупные мусульманские общины. Преследуя эту цель, исламские радикалы и экстремисты покушаются на государственную целостность и нормы международного права.

Кроме этих двух целей, современные исламские радикалы важнейшей своей целью считают внедрение в жизнь и широкое использование во всех ее сферах норм шариата. В отличие от христиан, у мусульман вся человеческая деятельность регулируется единой системой норм и правил, которые получили название шариат. Шариат – это «правильный путь», законы установленные Богом. Они открываются людям через освоение Корана, хадисов и произведений религиозных авторитетов, хотя в Коране и Сунне существуют положения, которые можно трактовать и понимать по-разному. Поэтому появилась потребность в комментариях и толкованиях Священных текстов, касающихся регламента отдельных сторон человеческой жизнедеятельности.

В отличие от христианства, ислам является религией завершеного Божественного послания. Со смертью последнего Пророка – Мухаммеда – Божественное откровение прекратилось и мусульманам последующих временных периодов приходилось узнавать о разрешениях и запретах только из Корана и Сунны, что и вызвало к жизни комментаторскую практику Священных текстов. Авторитетные ученые занимались толкованием различных положений Корана и Сунны, адаптируя их к требованиям своего времени.

Заявленные цели, которые ставят перед собой радикальные и экстремистские организации, не только являются утопическими, но и вступают в антагонизм с исламской традицией, современным мироустройством, а также с Кораном и Сунной. Для оправдания своих античеловеческих действий, радикальные организации стремятся найти опору в Священных текстах путем ложной трактовки отдельно взятых из него аятов. Они не учитывают обстоятельств их ниспослания, не рассматривают их в общем содержании Корана, не связывают отдельно взятые аяты с другими, тесно связанными с ними по смыслу, игнорируют разъяснение их авторитетными богословами. К примеру, идеологи радикальных и экстремистских группировок ссылаются на 9-ю суру Корана «ат-Тауба», которая, по их мнению, оправдывает античеловеческие деяния и открыто призывает мусульман

осуществлять расправу с иноверцами. Трактовка этой суры является ошибочной, так как не учитывает ни контекст, ни условия ее ниспослания.

Увеличению экстремистского элемента в рамках ислама способствует и кризис мусульманского общества. Он охватил экономическую и политическую жизнь исламского мира в целом и усугубляется внешним вмешательством. В подавляющем большинстве случаев социальную основу «бойцов за веру» составляют выходцы из маргинальных слоев населения, не имеющих устойчивого материального положения, достаточного образования в области богословия. Это обстоятельство приумножается и становится опасным, если брать во внимание тот факт, что в регионах, где распространен ислам, наблюдается значительный демографический рост. Как показывает мировой опыт, террористами-смертниками часто становятся дети и подростки, акцентированные личности.

Деятельность исламских экстремистских организаций оказывает негативное воздействие не только на экономическое развитие ряда регионов мира, где пересекаются интересы ведущих мировых акторов, но и обостряет отношения между ними. Исламские экстремисты не обращают внимания на нормы международного права, игнорируя такие важные понятия, как государственный суверенитет, территориальная целостность, нерушимость границ государства, недопустимость применения силовых методов борьбы для достижения своих целей. В последние десятилетия зона их деятельности значительно расширилась, охватывает самые разные страны и регионы. «Некоторые исламские радикальные организации, – отмечает В.М. Ахмедов, – не имеющие в силу ряда субъективных и объективных факторов возможности самореализоваться в районах исторического влияния исламской цивилизации, нашли удобную нишу для воплощения своих замыслов на периферии исламского мира»[2]. К подобным «перифериям» можно отнести регионы, где на протяжении значительного исторического прошлого исламские позиции были сильны, но в последствии были утрачены. Это, прежде всего, Северный Кавказ, Крым, Южный Йемен.

Современные исследователи рассматривают феномен исламского радикализма на основе различных подходов. В отечественной политологии связь ислама и политики рассматривается, как правило, с двух позиций. Одни исследователи связывают все процессы, протекающие в ареале распространения ислама, с позиции «мусульманского Ренессанса». Это явление получило в литературе различные наименования: «исламская революция», «исламская реформация», «возрождение». Мусульманские богословы называют это явление «таджид», совмещающая в нем религиозные и социально-политические

изменения. Эта позиция нашла свое выражение в версии, что феномен исламского радикализма является составной частью «таджид» (обновления), за которым кроется желание определенной части мусульман возродить утраченные ценности. «И реформаторы, и те, кто хотел восстановить исконные традиции, – замечает С.М. Хатами, – подчиняясь страсти или ненависти, страдали экстремизмом или бездействием и потеряли свою дорогу в борьбе между традициями и новаторством»[3]. Высказывание С.М. Хатами соответствует характеристике политики, проводимой талибами в Афганистане. Они принялись за реформы, сводившиеся к запрету прогресса и различных новшеств во всех сферах жизни афганского общества, навязывая свои религиозные взгляды, что и возвратило Афганистан к состоянию раннего средневековья.

Другие исследователи связывают распространение радикальных организаций в исламе с экономическими и политическими процессами в мире, в которых ущемляются и игнорируются интересы мусульманских государств, с нерешенностью социально-экономических и политических проблем в мусульманских обществах. Феномен исламского радикализма рассматривается как форма борьбы за равноправную роль в международных процессах, за защиту национального суверенитета, своей религиозно-культурной самобытности, как стремление к решению внутренних проблем.

На развитие исламского радикализма в современных условиях влияет ряд факторов. Важнейшими из них являются: поддержка исламских радикалов некоторыми государствами и международными организациями (основные организационные, финансовые, идеологические центры исламских радикальных организаций расположены в Саудовской Аравии, Иране, Великобритании); нестабильность мусульманских государств в экономическом и социально-политическом отношениях, отсутствие четких программ их дальнейшего развития; неграмотность большинства мусульман в области богословия; отсутствие со стороны улемов, представителей традиционного ислама, активной просветительской деятельности и их неготовность идеологически противостоять радикалам; кризис богословской науки, уходящий своими корнями в историческое прошлое, когда мусульманские государства находились под властью колонизаторов; современные мировые процессы (глобализация, вестернизация) и проникновение инородных ценностных элементов в духовную жизнь мусульманского общества; сотрудничество различных политических организаций и криминальных группировок с радикалами, целью которого является захват власти в государстве одними и оправдание своей деятельности другими; отсутствие идеологической конкурентности после крушения коммунистической иде-

ологии и образование идейного вакуума, который стал заполняться различными, часто радикальными идеями при одновременном сохранении недостатков западной идеологии; использование ведущими международными акторами исламских радикальных организаций в качестве механизмов для решения международных проблем в своих интересах; отсутствие координации действий государств и народов в борьбе с исламским радикализмом (ведущие государства мира, преследуя свои цели, не стремятся активно противостоять ему, вести последовательную борьбу с исламскими радикальными организациями).

Несмотря на наличие значительных разногласий и противоречий в толковании и восприятии

ислама как религии, использовании его положений для обоснования радикализма и экстремизма, традиционный ислам как вероучение является в современных условиях некой консолидирующей идейной основой для мусульман, объединения их в единое целое на основе исконных исторических традиций, обеспечения единства интересов его сторонников в жестких условиях тотальной глобализации мира.

1. Lewis B. L. Europa e L'Islam, Roma – Bari. 1995, P. 5–6.

2. Ахмедов В.М. Россия, арабы и Кавказ // Арабский сборник. М., 2000, С. 8.

3. Хатами С.М. Традиция и мысль во власти авторитаризма. М., 2001. С. 9.

РАДИКАЛИЗМ И ЭКСТРЕМИЗМ КАК ОСНОВАНИЯ ТЕРРОРИЗМА И ТЕРРОРА

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ ЛОПУШАНСКИЙ,
профессор Санкт Петербургского юридического института,
кандидат исторических наук, доцент
E-mail: v.belskiy@bk.ru

Аннотация. Приводится определение соотношения и взаимосвязи радикализма, экстремизма (политического радикализма, экстремизма) и терроризма. Раскрываются подходы к определению природы и причин политического радикализма и экстремизма, факторы их зарождения и проявления.

Ключевые слова: террор, терроризм, радикализм, экстремизм, причины и факторы политического радикализма и экстремизма, личность экстремиста-террориста.

Annotation. The main in the article is to determine the correlation between radicalism, extremism (political radicalism, extremism) and terrorism. Approaches to determining the reasons of political radicalism and extremism, factors of their origin and manifestation are revealed in.

Keywords: terror, terrorism, radicalism, extremism, causes and factors of political radicalism and extremism, extremist terrorist personality.

Деятельность современных радикалов, проявляющаяся в террористических актах, убийствах по политическим мотивам, нарушениях общественного порядка и других действиях, требует соответствующей реакции со стороны политиков и спецслужб: от предупреждающего противодействия до подавления. Соответственно, требуется и научный анализ этих явлений, способный предоставить практикам не только пищу для размышлений, но и конкретные возможности для осуществления ими профилактических, опережающих мер.

Политический радикализм и экстремизм нередко рассматриваются как российский феномен, хотя и сами дефиниции и содержание радикализма и экстремизма как явлений свидетельствуют об их плане-

тарном характере. В самом общем смысле понятие «радикализм» означает коренные общественные преобразования. Политический же радикализм ограничен политической сферой жизни общества, но его содержание и влияние имеют более широкое проявления.

В течение последних полутора столетий терроризм как явление изменяется. Если в прошлом террористические акты носили скорее «прагматический» характер, являясь либо средством физического устранения неугодного политического противника, либо способом устрашения населения путем индивидуального и массового террора со стороны власти, то последние годы дали такие примеры терроризма, которые не только оправдали, но даже превзошли худшие прогнозы его исследователей. Это

касается масштабов, используемых средств, почти полного отсутствия селективности и неадекватности ответных действий.

Анализу этого опаснейшего феномена уделяется серьезное внимание в отечественной и зарубежной науке. Однако, однозначных ответов на поставленные жизнью вопросы нет: нет общепризнанного определения понятия «терроризм»; не решена проблема государственного террора; большинство публикаций ограничивается классификациями признаков терроризма и в итоге общими призывами к необходимости усиления борьбы с ним.

Терроризм с точки зрения науки является методом осуществления экстремистских задач, которые, в свою очередь, представляют крайнее выражение радикальных политических целей. Вероятно, в цепочке «радикализм – экстремизм – терроризм» и следует искать истоки преступного поведения, хотя, на наш взгляд, промежуточные цели терроризма могут достигаться и такими способами, которые не являются общественно опасными, воздействуя нормы господствующей морали и общественное мнение.

Поскольку радикализм (экстремизм его крайняя форма) обычно формулирует свои цели как некий идеал, то терроризм, на наш взгляд, в соответствии с этим идеалом выдвигает промежуточные цели, которые часто выдаются за признаки терроризма и некоторыми авторами включаются в определение понятия «терроризм». Это: дестабилизация общественного строя, политического режима; срыв работы правоохранительных органов, устрашение населения, политиков, журналистов, судей, свидетелей; корысть, нередко связанная с захватом заложников, транспортных средств и т.п.; самоутверждение членов террористических групп, граничащее с психическими отклонениями, мессианством, готовностью к самопожертвованию. Хотим добавить и такую промежуточную цель, имеющую значительные социальные последствия, как воодушевление своим примером единомышленников и колеблющихся.

Институализация понятий «политический радикализм», «политический экстремизм» – явление более позднее, чем сами явления, связанные с борьбой за власть или против существующей власти. Исторически впервые, якобы, присущий русским людям радикализма объяснялся на основе географического подхода. Географическому фактору при характеристике и объяснении различных общественных явлений придавали большое значение такие отечественные исследователи и мыслители, как М.М. Ковалевский, В.О. Ключевский, П.Н. Милуков, Н.А. Бердяев, И.А. Ильин, П.Я. Чаадаев. Представляют интерес их следующие аргументы: положение и протяженность территории нашей страны являются существенным элементом политического величия и истинной причиной умственного бессилия россиян (Чаадаев); с одной стороны, наши предки

были озабочены необходимостью выжить (Ильин), с другой, – лесные и степные просторы давали возможность решать конфликты особым способом, когда «организационное приспособление друг к другу заменяется расхождением в разные стороны» (Ильин), «переселенческим бродяжничеством, бывшим (наряду с колонизацией – И.Л.) основным фактом нашей истории» (Ключевский); бескрайность русских земель является как залогом побед наших предков, так и – низкого уровня жизни населения из-за экстенсивности хозяйствования (период сельскохозяйственных работ в России составлял примерно 130 дней в году – вдвое меньше, чем в Европе) и беспечности, безответственности из-за трудности управления (Бердяев).

И все же взаимосвязь природы и политики – косвенная, приводящая как к неумеренности, максимализму, нетерпимости, так и к апатии и фатализму, к тому же в современном мире возросли плотность и мобильность населения, информационная волна размывает традиционный менталитет, наконец, не только для России характерна бескрайность территории.

Второй подход в объяснении природы политического радикализма приоритетную роль в его зарождении и формировании отводит генетическому фактору, (шире – биосоциальному). Он связан с первым, так как врожденные предпочтения обособывались длительным пребыванием людей в определенной природной и общественной среде. Хотя здесь обычно называется ряд имен зарубежных физиологов, социологов, психологов (Ч. Ломброзо, К. Лоренц, Д. Армстронг и др.), мы вполне можем дополнить этот ряд именами российских историков и философов, искавших традиционные отличительные черты русских в менталитете «от истории».

И наконец при третьем подходе, биосоциальные факторы как причины появления политического радикализма и экстремизма дополняются индивидуальным опытом в рефлексивно-инстинктивном и подсознательном вариантах. Поведение человека в политической среде рассматривается в этом случае разными учеными с разных позиций (З. Фрейд, Э. Фромм, Г. Лебон, Г. Тард, К. Юнг, В. Парето, Г. Маркузе и др.). Основное здесь не столько в том, чтобы отойти от концепций рационального выбора, сколько в том, чтобы не абсолютизировать их и, одновременно, не противопоставлять рациональности подсознательные и рефлексивные основания политических мотивов и действий. В рассматриваемом аспекте для радикала бунт, революция, террористический акт представляются вполне рациональным способом достижения цели – это будет, выражаясь языком М. Вебера, целерациональное действие, но возникает вопрос: с какой границы такое действие становится возможным с точки зрения господствующих в обществе ценностей, т.е. включается ли такое

действие в культурную канву социума, или напротив, разрывает ее, становясь девиантным, преступным действием? Бросая вызов социуму, экстремист совершает преступление против него, но насколько преступно последующее оправдание его действий (например, действий шахида или взятия женщин и детей в заложники со стороны семей преступников или их единомышленников)?

Возникновение и проявление политического радикализма и экстремизма является следствием действия различных факторов, лежащих в основе его непосредственных причин. Наиболее важным из них является социальный фактор. Экономические и социально-классовые критерии подталкивают рассматривать радикализм как феномен, обусловленный не индивидуальными причинами, а социальными, детерминирующими поведение индивидов, социальных групп и слоев. В обществе существуют специфические социальные группы, потенциально склонные к экстремизму как крайней форме радикализма (марксизм предлагал пролетариат в качестве такой группы, хотя можно рассматривать и люмпенов, и городскую и деревенскую бедноту, и просто тех, кто находится «за чертой бедности», и молодежь). Могут быть другие критерии, например, политические, религиозные, культурные, правовые.

Фактор культуры также представляет большую важность в объяснении причин политического радикализма и экстремизма и рассматривается обычно в рамках трех парадигм: культурно-антропологической, цивилизационной и социокультурной, каждая из которых обладает как определенным позитивным вкладом в рассматриваемую проблему, так и границами применения. Для нас важно то, что, во-первых, культура должна рассматриваться как элемент политической жизни, в данном случае России, при отсутствии стойких демократических традиций, при слабом развитии самостоятельного политического мышления у большинства социальных групп, при готовности населения принять «свыше» нелегитимные решения и действия. Во-вторых, культура, будучи закрепленной в виде институтов, организаций, символики, выступает как относительно самостоятельная и устойчивая среда, в которой зарождается и функционирует экстремизм. В третьих, именно культура, дополняя социальный фактор, позволяет объяснить высокий уровень развитости в России левацкой направленности политического экстремизма.

На наш взгляд, радикализм – это обобщающая категория, отражающая стремление к коренным переменам, включающая идеологические цели и средства их достижения. В истории России, например, «догоняющая» модернизация (в XVIII в. – Петра I; в XIX в. – Александра II; в XX в. – Столыпина, Сталина, Гайдара) осуществлялась радикальными методами. Экстремизм же – крайнее ра-

дикальное течение, идеологические цели которого связаны с разрушением существующего строя. Он имеет социальные, этнические, культурные, религиозные корни; для него характерна абсолютизация какого-либо фактора или способа достижения цели (например, в России второй половины XIX в. распространенными были нигилистические и максималистские идеи, террористические методы; в конце XIX – начале XX вв. преобладали эконо-мизм и революционаризм и т.п.). Конфликт потребностей, интересов и ценностей развивается с применением насилия; действия экстремистов противоправны, осуществляются индивидуально или небольшой группой – террористический акт или заговор; либо частью общества в массовых действиях – революция или бунт.

В основе нашего подхода лежит представление о том, что реформизм и экстремизм являются «двумя сторонами медали» – радикализма, а терроризм – методом, индивидуально-групповым или массовым, осуществления экстремистских целей (терроризм может и не иметь идеологических целей, например, как акт мести, но и здесь возможны ценностные корни). Экстремизм в своих методах к тому же отражает разную степень идеологического обоснования (например, бунт и революция) и «нетерпения» вождей и масс. Здесь мы расходимся с некоторыми авторами, дающими сравнительные характеристики одного уровня для понятий «радикал», «реформатор», «революционер», хотя такие критерии сравнения, как характер и вектор направленности недовольства, отношение к политическим изменениям, отношение к власти, формы политической деятельности, отношение к насилию, характер последствий воздействия на общество вполне применимы к анализу радикализма.

Отечественная история богата проявлениями политического радикализма и экстремизма, можно назвать даже примеры того, как экстремизм воплотился в террористических действиях против радикалов-реформаторов (Александра II, Столыпина), против радикалов-революционеров иной партийной принадлежности (Троцкого, Седова), приобрел массовый характер в период репрессий 1930-х гг. Долгое время наше обществоведение обедняло свое содержание абсолютизацией революционного пути, и анализ радикализма выглядел одномерным.

Экстремизм «вырастает» из радикализма также, как и из абсолютизации какой-либо идеи (социальной, национальной, сепаратистской, религиозной и т.п.), имея к тому же свои основания в виде нетерпимости к идеалам общества, нигилизма (в том числе правового), веры в лидера (вождя), личной склонности экстремиста к девиации и в условиях героизации насилия.

В выборе средств радикального действия существенное значение имеют как склонность личности экстремиста к индоктринации идеи, так и

материальные и духовные факторы. Личностные особенности, как правило, связаны с «прошлым» (неполная семья, асоциальная семья, семья с гиперопекой, родство с террористом, «зависимый тип», пережитые психотравмы и др.) и физическим и психическим состоянием личности (физические недостатки, истероид, склонность к паранойе и конфабуляциям – «ложным воспоминаниям», психастения – «галлюцинации воспоминаний», эйдетическое восприятие – галлюцинации наяву и т.п.).

Материальные факторы представляют собой как нереализованные личные потребности экстремиста и противоречия интересов групп между собой и с обществом в целом, так и политический режим в стране, финансовое обеспечение действия, возможность получения оружия, взрывчатки, отравляющих веществ и т.п.

Террорист – экстремист, выбравший в качестве средства действия террористический акт, в современных условиях стал угрозой не только для носителей власти, но и для рядовых граждан. Террористический «модернизм» прошлого,

характерный наличием конкретного врага, конкретного места действия и последствиями в ограниченном регионе, в основном, уступил место «постмодернизму» с отсутствием конкретного врага и конкретного места действия и повышением роли информационных технологий, прежде всего средств массовой информации и сети Интернет. Если в прошлом террорист рассчитывал на громкий судебный процесс с изложением и распространением своих целей, и этому есть примеры в современном терроризме (например, дело Брейвика в Норвегии), то современный терроризм нередко использует в качестве исполнителей смертников.

Направленность действий террористов, «обогащенных» радикальными прожектами и экстремистскими лозунгами и идеями, очевидна: это действия против безопасности личности, общества, государства. Необходимость противопоставить этому научно-обоснованные меры, соответствующие уровню и содержанию угрозы, – постоянная забота правоохранительных органов.

ЭКСТРЕМАЛЬНОСТЬ И ЭКСТРЕМИЗМ: ПРОПЕДЕВТИКА СОЦИАЛЬНОГО ОСНОВАНИЯ

ЕВГЕНИЙ ОЛЕГОВИЧ КУБЯКИН,
начальник кафедры философии и социологии
Краснодарского университета МВД России,
доктор социологических наук
E-mail: v.belskiy@bk.ru

Аннотация. Рассматриваются социальные основания экстремальной деятельности как современного социального феномена. Предлагаются принципы дефиниции и оценки социального статуса личности, являющейся носителем экстремальной деятельности в процессе приобретения ею социальных качеств.

Ключевые слова: личность, экстремальная деятельность, экстремизм, экстремал, социальные основания.

Annotation. The article scrutinizes social bases of extreme activity as a modern social phenomenon. Principles of definition and evaluation of the social status of the person, who is an extreme activity carrier in the process of its acquisition of social qualities.

Keywords: personality, extreme activities, extremism, extreme, social base.

Социальные основания экстремальной деятельности составляют одну из самых насущных проблем современного общества, в то время как психологические ее основания довольно широко изучены. Начиная с психоаналитической концепции Фрейда, популяризовалась мысль о формах сублимации либидо и многообразии его проявлений. Тонатическая, впрочем, как и эротическая направленность либидо рассматривается как глобальная панацея в проблеме действующей природы индивида. Чело-

век понимается и определяется через изначальные и приобретенные в течение жизни, в основном детства, психологические акты. Попытки учеников и последователей Фрейда социализировать индивид, выразить его природу в социальном и тем самым определить его как личность привели только, к усложнению и размыванию границ проблемы социальной определенности личности. Непосредственное сведение психологического к социальному в понимании человека становится популярным сте-

реотипом, одним из естественных элементов современной массовой культуры.

Стереотипизация социального основания экстремальной деятельности тоже существует. В силу новизны проблемы и ее актуальности в экономическом, политическом и социальном институтах основания экстремальной деятельности принято рассматривать либо как этап социализации, либо как форму проявления девиантного или делинквентного поведения, т.е. основания сводятся к общесоциальным явлениям. Стереотипизация здесь заключается в недифференцированном подходе и синдроме глобализации частных для социологии, а тем более для социальной философии, проблем.

Экстремальная деятельность личности как факт современного общества требует сугубого внимания и пристального изучения не только в силу актуальности проблемы и ее исходной стереотипизации, но и как социального явления, существование которого, возможно, демонстрирует действие социальных принципов малоизученных или вовсе не исследованных в теоретической социологии.

Рассматривая экстремальную деятельность как социальное явление, следует различать ее социальную определенность в динамике существования, выделяя, как минимум, три этапа: основания (социальные условия, предпосылки, среду и пр.), социальную реализацию (акт, явление, определенность) и следствия (влияние на социализацию, социальную группу и т.п.). В данной статье предполагается рассмотреть общие принципы выделения оснований экстремальной деятельности как социального явления, исходя из его внутренней дефиниции и социальной интенции.

Экстремальная деятельность личности с необходимостью понимается как проявление в социуме таких статусов, которые выступают крайними формами социальной активности, вызывающими конфликты, или ставящими само существование личности по отношению к социуму проблематичным. Наиболее типично в современной социальной ситуации проблематичность выражена в угрозе жизнедеятельности личности – экстремальные виды спорта (экстрим) и т.п., и в угрозе существованию конкретной социальной группе (государству) – экстремизм (политический экстремизм).

С учетом этого, спецификой экстремальной деятельности следует считать деструктивное проявление социального в личности либо по отношению к себе, либо по отношению к социальной группе, частью которой она является, или по отношению к социальным институтам.

Следующий очевидный вывод – различие социальных оснований экстремальной деятельности личности. По отношению к себе, в самоопределенности личность выступает как формально отличающаяся от социума единица, что позволяет ей

проявлять себя в реальном критическом статусе. Совершая определенные действия, личность демонстрирует особые индивидуальные качества, которые вызывают местный социальный резонанс и позиционируют личность как исключительную. Важно понять, что такое поведение личности связано, прежде всего, с социальным, а не с психологическим – экстремальным действиям необходима социальная санкция, поощрение, среда. Личность таким конфликтным способом социализируется, актуализируя для себя и социальной группы свое существование, приобретая статус неформального лидера. Метафорически можно назвать подобное действие крайним протестом против «среднего человека», специфическим, но очевидным проявлением социальной интеграции. Подобные действия основаны на высоком уровне развития общественных связей, стабильности и, во многом, завершенности системы стратов. Основанием для экстрима служит как раз многоуровневая, стабильная и динамически развивающаяся социальная структура, социальные ожидания от которой определены и усвоены личностью в процессе социализации. В качестве более точного основания экстрима можно назвать способность социального прогресса конкретной социальной группы (человечества, государства, субкультуры и т.п.) к интеграции крайних проявлений личности как сферы экстенсивного саморазвития. Поскольку экстремальный спорт уже имеет свою социальную нишу и самоопределенность, т.е. контролируется основными социальными институтами, прежде других – образовательным и экономическим, о нем можно говорить с достаточной долей очевидности и выделять как нечто особенное в социальном процессе только номинально. Подобное отношение к экстриму социологически правомерно, но социально не закреплено ввиду исключительности и критичности действий экстремалов, т.е. единичности социального опыта. Деструктивный характер экстрима личностно определен и ограничен в своем существовании как социальный тип. Экстрим не может существовать как социальное явление в обществе вне единичности носителя действия: социальная группа экстремалов – это нонсенс современной массовой культуры, стереотип, генерированный СМИ. Экстремальный спорт единичен в носителе – такова его самоопределенность и социальная реальность; экстремалы как социальная группа существуют только во времени.

Однако, с социологической точки зрения сама явленность экстрима как социального явления актуальна в силу своего социального условия – социального формирования экстремала, той социальной группы, где он формируется как социальный статус. Среда формирования экстремала располагается в различных социальных группах, не выделяющихся особыми свойствами, требующих только темпораль-

ной устойчивости и определенности социального института (например: образование – школа – класс, экономика – торговая компания – офис и т.п.). Социологический интерес экстремалы представляют только через опосредование института СМИ, создающего из них явную (темпоральную) и мнимую (стереотипную) социальную группу.

Экстремизм как социальное явление кардинально противоположен экстриму не только в виде определенности личности-носителя, но и в форме своего существования по отношению к социальным институтам.

Экстремизм, прежде всего, – это реальное социальное явление, генератором которого выступает конкретная социальная группа в рамках политического института. Данная дефиниция носит принципиальный характер, ибо существенным здесь выступает деструктивное противостояние власти, а следовательно, проявление экстремизма в других социальных институтах, например религии или экономике, будет носить опосредованный характер.

Как социальное явление экстремизм получает реальность с развитием демократического мирового сообщества и является свидетельством актуализации народовластия как политической силы. Применение понятия экстремизм по отношению к социальной реальности до XX в. является очевидной ретроспекцией и не имеет достаточного социального основания.

В социологии экстремистская деятельность является проявлением действительной социальной силы, направленной на деструкцию действующей социальной системы; носителем этой деятельности выступает определенная идеологически социальная группа. В современных СМИ выработан и поддерживается стереотип об исключительной политической определенности экстремизма, действительным же фактом является социальная определенность этого явления.

Активной средой для формирования экстремистской группы выступает политический социальный институт, однако основания и причины заключаются в самой природе социального явления, а не в сфере его реализации.

Социальное основание экстремизма заключается в крайней форме проявления деструктивной действующей социальной силы социальной группы. Стабилизация социальных связей и закрепление социальной определенности страт вызывает социальный резонанс, который на уровне личности в крайней форме приводит к экстриму, а на уровне социальной группы, отчуждая единичное, – к противостоянию носителю и гаранту стабильности социума – государству.

Экстремист – явление не единичное, поскольку его стремления направлены не на личное отношение к социуму и предполагают системный характер, что

принципиально отличает его от экстремала и преступника. Системность отношения и социальный характер, выраженные в устранении действующей системы социальных ценностей, делает экстремистскую деятельность деструктивной, прежде всего, не в политическом, а в социальном смысле.

Экстремист – генератор и носитель идеологии, содержание которой деструктивно по отношению к социальной системе, прежде всего потому, что его социальные амбиции носят частный характер и противостоят обществу как системе, частными средствами односторонне понимаемому социальному институту политики. Как социальное явление существование экстремизма не может быть обосновано как стремление к изменению принципов и форм власти, поскольку это только идеологическое обоснование, а не исходное социальное основание.

Экстремистская деятельность деструктивна по своей социальной природе не только ввиду противостояния социальной модели, но и как принцип, подразумевающий противостояние самому себе такими же средствами. Другими словами, экстремизм как принцип порождает экстремизм по отношению к самому себе.

Очевидно, что ни один социальный феномен не может противоречить своей природе, ни одна социальная группа не может содержать в качестве своего действительного – внесоциального, следовательно, экстремистская группа только демонстрирует деструктивную природу, а не содержит ее. Социальная группа, осуществляющая экстремистскую деятельность, с необходимостью существует как социальное явление только как часть более значительной социальной группы, часть системы, и рассматривать ее автономно и отдельно – политически обосновано, но социологически неоправданно. Основными системообразующими источниками экстремизма выступают, в первую очередь, социальные институты, определяющие социализацию личности как наиболее активные создающие социальную явление центры. В современном обществе это, прежде всего, политический и этический социальные институты в сфере идеологической определенности. Институты семьи и права не обладают достаточной для этого социальной потенциальностью, экономика – политически определена, а институт образования – хотя и обладает достаточной социальной потенциальностью, не является постоянным в динамике социальных амбиций и должен рассматриваться как латентная социальная среда для формирования экстремистских групп, а не их определения и использования.

Логично определяются, таким образом, две основные проблемы экстремизма в его социальном основании: выявление принадлежности экстремистской группы к определенному социальному институту и выявление механизма ее существования, а через это – принципов социального контроля

в системе государства; определение специфики социальных оснований в конкретном процессе социализации личности с целью выявления предрасположенности к экстремистской деятельности как меры саморегуляции социальной системы.

В завершение следует еще раз подчеркнуть различие социальных предпосылок в формировании экстремиста и экстремала – актуализацию структурных элементов человеческой природы. Как социально деятельные элементы они отличаются аккредитацией в обществе: экстремалы –

единичного, экстремисты – общего. Именно это и позволяет, как бы не казалось это банально вследствие девиантной деятельности СМИ в современной массовой культуре, различить две формы экстремальной деятельности не только по признаку наличия социальной группы, но и по приоритетам ценностного ядра личности: единство предпосылок в формировании экстремиста и экстремала; только психологизация социальной проблемы, которую еще предстоит осознать вне действующего стереотипа.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕРРОРИЗМ И ЕГО ПРОЯВЛЕНИЯ

ИГОРЬ АЛЕКСАНДРОВИЧ КОПЫЛОВ,

доцент кафедры политологии Военного университета,

кандидат политических наук

E-mail: v.belskiy@bk.ru

Аннотация. Рассматриваются особенности и проявления государственного терроризма. Приводятся примеры государственного терроризма, по результатам его анализа и оценки формулируются обобщающие выводы.

Ключевые слова: терроризм, субъекты терроризма, государство, внутригосударственный терроризм, внешнегосударственный (международный государственный) терроризм.

Annotation. Particular qualities and manifestations of state terrorism are describe in the article. Examples of state terrorism are given. General conclusions are formulated as a result of its analysis and evaluation.

Keywords: terrorism, terrorist subjects, state, domestic terrorism, outer state (International State) terrorism.

В современном мире терроризм как явление и террор как его основной метод с каждым годом становятся все более изощренными и многоликими. Основной чертой терроризма было и остается полное пренебрежение нормами человечности, неприятие человеческих духовных установлений, любых юридических норм и правил. Это своеобразный бунт против всего того, на чем основано и функционирует человеческое сообщество.

Термин «терроризм» происходит от латинского «terror» – страх, ужас. Основная функция, террора (терроризма) – решение политических проблем методом насилия. Впервые террор как метод политического насилия был использован во время Великой французской революции радикальными революционерами для репрессий против политических противников.

В настоящее время термин «терроризм» широко употребляется как в научной среде, так и на быденном уровне, но единого мнения по поводу его определения до сих пор нет. Вот лишь некоторые из многочисленных определений понятия «терроризм», которые, на наш взгляд, раскрывают его природу, сущность, свойства и функции как явления.

Так, по мнению израильского ученого Боаза Ганора, терроризм представляет собой «...интенсивное применение или угрозу применения насилия против гражданских лиц или гражданских целей с целью достижения политических целей»[1].

Американские исследователи В. Малисон и С. Малисон предлагают трактовать терроризм как «...систематическое использование крайнего насилия и угрозы насилия для достижения публичных и социальных целей»[2].

По мнению бывшего генерального прокурор России В.В. Устинова, главная особенность терроризма как формы политического насилия заключается в намеренном игнорировании норм права и морали. Как социально-политическое явление терроризм, по его мнению, допустимо охарактеризовать как «...одну из форм насильственной политической борьбы, которая нарушает основные принципы и нормы международного права и международной морали»[3].

Российский ученый Ю.И. Авдеев определяет терроризм как «...систему использования насилия для достижения политических целей посредством принуждения государственных органов, междуна-

родных и национальных организаций, государственных и общественных деятелей, отдельных граждан или их групп к совершению тех или иных действий в пользу террористов во избежание реализации последними угроз по отношению к определенным лицам и группам»[4].

В научной среде прослеживаются три основных взгляда на природу терроризма. Основанием для этого служит деятельность субъектов терроризма, которая подразделяется на собственно террористическую, криминальную и социально-политическую. Террористическая деятельность рассматривается как специфический вид вооруженных действий, как «вооруженный конфликт низкой интенсивности». Криминальная деятельность определяется как вид уголовной преступности. Социально-политическая деятельность является выражением социально-политического протеста. Субъектами террористической деятельности могут быть как отдельные индивиды, так и социальные группы, организации, движения политической и другой направленности, а также различные социальные институты, в том числе государства.

Терроризм является двухсторонним, а иногда и многосторонним процессом взаимодействия различных субъектов политических отношений. Объясняется это тем, что применение насильственных методов в политике осуществляется не только разного рода организациями, оппозиционными группами против господствующего класса и государственных институтов, но и государствами в отношении политической оппозиции, отдельных граждан, а иногда стран и целых народов.

Государство использует метод террора в отношении своих граждан, политической оппозиции с целью парализовать волю к сопротивлению и утвердить свое господство, а террористическая деятельность оппозиционных политических групп почти во всех случаях направлена на достижение политических уступок со стороны государства. Поэтому можно констатировать, что основная цель любых террористических действий – достичь изменения политики посредством устрашающего воздействия на власть, отдельные группы населения не только своей страны, но и других стран, на представителей иностранных государств и международных организаций.

Утверждение известного исследователя У. Лакера, что терроризм есть «применение или угроза применения негосударственного насилия»[5] в настоящее время вызывает большое сомнение. Международные отношения в современных условиях нередко строятся с использованием государственного терроризма, который превращается в решающий инструмент экспансионизма, тем самым, оказывая существенное влияние на мировой политический процесс.

Впервые термин «государственный терроризм» использован в принятой на XXXIX сессии Генеральной Ассамблеи ООН 17 декабря 1984 г. резолюции «О недопустимости политики государственного терроризма и любых действий государства, направленных на подрыв общественно-политического строя в других суверенных государствах». С тех пор, принимая различные по юридической силе нормативно-правовые документы, мировое сообщество так и не смогло четко определить само понятие «государственный терроризм», сформулировать и обосновать его природу, свойства и сущность.

Террор со стороны отдельного государства по объекту направленности его действия, по нашему мнению, допустимо разделить на внешний и внутренний или, если говорить точнее, на внутрисоциальный и внешнегосударственный (международный государственный) терроризм.

Внутрисоциальный террор широко распространен в истории человечества. Особенно часто он проявляется в странах с тоталитарными и авторитарными политическими режимами. При этих режимах данный метод устрашения служит орудием подавления любого противогосударственного движения (например, диссидентского), средством пресечения даже самых робких попыток проявления чуждой режиму идеологии и пропаганды. Достигается это применением различных форм и средств (открытого насилия в виде массового заключения в тюрьмы, применения пыток, массовых убийств, широких репрессий по отношению к своим согражданам) для уничтожения противников режима не только в моральном, психологическом, но и физическом смысле. Примеров такого государственного террора в истории человечества немало. Вот некоторые из них.

● Культурная революция в Китае. Началась она после принятия на расширенном заседании Политбюро ЦК КПК «Сообщения ЦК КПК от 16 мая», в котором излагались основные идеи Мао Цзэдуна о «культурной революции». Была задумана и нацелена, в первую очередь, на то, чтобы устранить из руководящих органов партии всех тех, кто был не согласен с его политикой. Лидер Китая стремился навязать партии и народу свою схему развития страны в духе концепций «казарменного коммунизма», ускоренного строительства социализма, отказа от методов экономического стимулирования. В годы «культурной революции» преследованиям, травле и уничтожению подверглось большое число руководящих работников не только центральных органов коммунистической партии Китая, но и органов общественной безопасности разных ступеней, прокуратуры, суда, армии, органов пропаганды. Жертвами государственной политики стали в общей сложности более 727 тыс. человек, из которых свыше 34 тыс. были физически уничтожены. По

официальным данным, число пострадавших в ходе «культурной революции» составило около 100 млн. человек[6].

● Геноцид в Камбодже. Террор «красных кхмеров», захвативших 17 апреля 1975 г. власть в Камбодже, повлек за собой огромные разрушительные последствия для страны, которую они переименовали в Демократическую Кампучию. Попытка построения в Камбодже «стопроцентного коммунистического общества» привела к выселению всех жителей городов в сельскую местность, запрету иностранных языков и книг, ликвидации товарно-денежных отношений, преследованию буддистских монахов, закрытию школ и университетов, физическому уничтожению чиновников и военнослужащих прежнего режима всех уровней. В годы правления Пол Пота беспрецедентному преследованию подверглись как религиозные служители, так и простые граждане. К примеру с 1975 по январь 1979 г. были убиты более 60 000 последователей христианской веры, их церкви были разграблены и полностью уничтожены. Террор не обошел стороной и буддийскую общину страны. Из 60 000 буддистских монахов в живых осталось чуть более 3 000, 1 968 храмов были разрушены или превращены в складские помещения или тюрьмы. После свержения режима в стране насчитывалось около 150 000 инвалидов, более 200 000 сирот. Было разрушено 634 522 здания, из них 5 857 школ, а также 796 госпиталей, фельдшерских пунктов и лабораторий[7].

● Геноцид Турции против армянского населения Западной Армении, Киликии и других провинций Османской империи. Массовое уничтожение и депортация армянского населения осуществлялись правящими кругами Турции в 1915–1923 гг. Политика геноцида была обусловлена рядом факторов. Ведущее значение среди них имела идеология Панисламизма и Пантюркизма, которую исповедовали правящие круги Османской империи. Эта идеология отличалась нетерпимостью в отношении лиц иной веры, проповедовала откровенный шовинизм, призывала к отуречиванию всех нетурецких народов. На первоначальном этапе массовых репрессий, по приказу военного министра Энвера, в феврале 1915 г. с беспрецедентной жестокостью было уничтожено около 60 тыс. армянских мужчин в возрасте 18–45 лет, служивших в турецкой армии. В мае 1915 г. началась массовая депортация армянского населения Западной Армении (вилайеты Ван, Эрзрум, Битлис, Харберд, Себастья, Диарбекир), Киликии, Западной Анатолии и других местностей. Выбывшие из мест своего постоянного проживания армяне сводились в караваны, которые направлялись в Месопотамию и Сирию, где создавались специальные для них лагеря. При этом армяне уничтожались как в местах своего проживания, так и по пути в ссылку. Отсутствие элементарных са-

нитарных условий, голод, эпидемии явились причиной гибели сотен тысяч людей. В результате геноцида армян, осуществленного младотурками только в 1915–16 гг., погибло 1,5 млн. человек. Около 600 000 армян стали беженцами; они рассеялись по многим странам мира, пополнив собой уже имеющиеся и образовав новые армянские общины. Приведенные показатели людских и материальных потерь служат убедительным аргументом для констатации факта о том, что внутригосударственный террор является одним из самых бесчеловечных методов насилия.

Не менее жестоким является и внешнегосударственный (международный государственный) терроризм, который основан на террористической политике и практике государства за пределами страны. Он выражается в насилии одного государства по отношению к другому государству с целью добиться изменения его внешней или внутренней политики, социально-политического устройства страны, ее границ, политического режима. Современный этап в развитии международного государственного терроризма начался в конце XX в. после распада одного из основных субъектов мирового политического процесса – Союза Советских Социалистических Республик. На планете образовался однополярный мир с лидерством США и их союзников, которые и в настоящее время навязывают миру свою массовую культуру, способы жизни, мировоззрение, свойственную только им толерантность. Нередко западные страны исповедуют и подтверждают своими делами общественно-политическую этику гегемонизма – форму аморализма, циничного отрицания общечеловеческой морали, правил и норм, выработанных человечеством в процессе многовековой борьбы за идеалы справедливости, прогресса и гуманизма.

Примером современного международного государственного терроризма может служить вооруженная агрессия США и блока НАТО против Югославии, которая была осуществлена без согласия на то основного субъекта мировых политических отношений – Организации Объединенных Наций. Этот противоправный акт насилия привел к распаду Югославии на многочисленные отдельные государства, но даже это не остановило западных политиков. Дальнейшие военные акции НАТО в форме необъявленной войны против Сербии характеризовались применением латентных видов оружия – химического, биологического, психотропного, информационного и сопровождалась бомбардировками мирных городов, государственной инфраструктуры, точечными ударами против их вооруженных сил и стратегических объектов.

Итоги агрессии выражаются в следующих показателях. В ходе 11-недельной операции ВВС НАТО нанесли в общей сложности 2,3 тыс. авиаударов по 995 объектам. Было сброшено около 420 000

боеприпасов общим весом 22 000 т., в том числе 20 000 тяжелых авиабомб, 1 300 крылатых ракет, 37 000 кассетных бомб, многие из которых были начинены обедненным ураном. Жертвами бомбардировок стали более 2000 мирных граждан (преимущественно на территории Косово и Метохии) и 1000 военнослужащих, более 5000 человек получили ранения, пропали без вести более 1000 человек.

Фактически полностью была уничтожена военно-промышленная инфраструктура Сербии, разрушено более 1 500 населенных пунктов, 60 мостов, 30% всех школ, около 100 памятников. Материальный ущерб от бомбардировок в зависимости от методики подсчета составил от \$60 млрд до \$100 млрд[8].

Мировое сообщество столкнулось и с такой формой государственного терроризма, как игнорирование США и их союзниками решений Совета Безопасности ООН. Это проявилось, когда под надуманными предлогами, невзирая на протесты других государств, ими была проведена военная операция по свержению режима С. Хусейна в Ираке, были инициированы многочисленные «цветные» революции на Ближнем Востоке и в Европе.

Так, в операции «Иракская свобода», в которой участвовало в разное время до 49 стран, наибольшие контингенты были у Великобритании (до 45 000 человек), Италии (до 3 200 человек), Польши (до 2 500 человек), Грузии (до 2 000 человек) и Австралии (до 2 000 человек). Максимальная численность воинского контингента США в Ираке достигала 170 000 человек. Всего за время войны в Ираке потери коалиционных сил составили более 4 800 человек. Погибло 4 486 военнослужащих США, 179 военнослужащих Великобритании и 139 военнослужащих армий других государств[9]. Данные о жертвах среди иракцев разнятся. Американские СМИ называют разные цифры общих потерь Ирака в войне: от 100 до 300 тыс. человек, включая гражданское население. Вместе с тем, по данным Всемирной организации здравоохранения, только в период с 2003 по 2006 гг. жертвами войны стали от 150 до 223 тыс. иракцев.

С наступлением XXI в. на планете все отчетливее стало проявляться формирование многополярного мира. Стремительное, поступательное экономическое развитие таких государств как КНР, Бразилия, Индия, Аргентина, ЮАР повлекло за собой изменение политического расклада на карте мира. Особую роль в этом процессе играет Российская Федерация, которая в последние годы заявила о себе как об одном из ведущих государств современности.

Одновременно с этим стагнация западной экономики повлекла за собой мировой экономический кризис, который продолжается и по настоящее время. Предпринимая различные экономические меры

по выходу из кризиса, западные политики стремятся воспрепятствовать растущему влиянию развивающихся стран и нередко прибегают к запрещенным методам конкуренции.

Пытаясь ослабить растущую роль КНР, США и их союзники спровоцировали ряд революций на Ближнем Востоке, главной целью которых было не только свержение законно избранных правительств и руководителей, но и перераспределение потока природных ресурсов, добываемых в этих государствах. В данном контексте допустимо привести в качестве примера свержение правительств и лидеров государств Ближнего Востока и Северной Африки. «Арабская весна» затронула Египет, Йемен, Иорданию, Ливию, а в настоящее время западные страны стремятся уничтожить, свергнуть законно избранного президента Сирии Башара Асада, полностью финансируя оппозицию, состоящую в основном из наемников из многих государств мира.

В этой связи хотелось бы отметить следующее. Имеющееся на вооружении многих стран ядерное оружие, современное оружие массового поражения, новейшие образцы оружия тактического и специального назначения, служат определенным гарантом ответного удара государства при возможном нападении. Закрепленный во многих конституциях запрет на использование Вооруженных Сил за рубежом страны также является фактором, тормозящим экспансию отдельного государства против потенциального идеологического противника. Поэтому с началом XXI в. борьба государств все чаще ведется с помощью многочисленных вооруженных негосударственных формирований, число которых неуклонно растет. Отдельные корпорации и в том числе транснациональные компании повсеместно создают свои, только им подчиненные вооруженные формирования, состоящие из квалифицированных наемников, готовых выполнять за вознаграждение любые поставленные задачи. Государственные структуры, негласно контролирующие данные формирования в обход законов приобрели специфическое орудие для выполнения своих целей, которое, в отличие от вооруженных сил, часто стоит «над законом» и может использоваться в любых точках планеты.

Пытаясь оправдать и определенным образом узаконить деятельность негосударственных вооруженных формирований, западные аналитики и ученые целенаправленно проводят в жизнь политику узаконения их деятельности. Ярким примером тому служит изданная в 2013 г. монография заведующего кафедрой международных отношений Колледжа Льюиса и Кларка (США) Роберта Мандела «Global Security Upheaval: Armed Nonstate Groups Usurping State Stability Functions»[10].

Автор анализирует изменение военно-политической обстановки в мире, связанное с относительным упадком государств, их вооруженных сил

и других силовых структур и возвышением негосударственных вооруженных формирований. Такое изменение видится им как одна из основных тенденций политического развития человечества. По мнению автора, военно-политическая обстановка в мире в обозримой перспективе будет характеризоваться наращиванием хаоса и беспорядка. При этом во многих случаях негосударственные вооруженные формирования могут вносить значительный вклад в обеспечение стабильности в различных регионах мира. Для использования их потенциала в этом вопросе, по мнению Р. Мандела, необходимо отказаться от устаревших представлений о монополии государства на применение вооруженной силы, что само по себе влечет за собой пересмотр существующих многие столетия государственных концепций.

Особо хотелось бы подчеркнуть, что таких высказываний с каждым годом становится все больше. Западные идеологи, пытаясь оправдать незаконные действия своих государств за прошлые годы, в настоящий момент делают попытки возвести эти действия в ранг закона, что само по себе составляет серьезную угрозу не только международному праву, но и всей системе общечеловеческих отношений.

В заключение правомерно отметить следующее: современный государственный терроризм развивается в контексте глобализационных процессов, происходящих на планете, что приводит к резкому повышению уровня угроз терроризма для международной и национальной безопасности; в настоящее время происходит стирание границ между внутригосударственным и международным государственным терроризмом; терроризм как явление и террор как метод устрашения всячески поддерживаются рядом государств, становятся средством развязывания современных войн и вооруженных конфликтов; политика государственного терроризма, негласной мотивацией которой является перераспределение ресурсов планеты (человеческих, финансовых, технологических, информационных и др.), в том числе и ограниченных сырьевых, стала составной частью политики ряда современных государств и представ-

ляет угрозу существованию современного человечества; вооруженные силы государств должны оставаться главным и основным орудием государства при достижении политических целей. Возможное выполнение их функций негосударственными военными образованиями (компаниями) в корне неверно и недопустимо, приводит к усилению терроризма как явления и ужесточению террора как метода насилия; противостоять современному терроризму, в том числе и государственному, возможно только при его международной юридической оценке как угрозы безопасности человеческой цивилизации, как преступления перед человечеством.

1. *Ganor B.* Defining Terrorism: Is One Man's Terrorist Another Man's Freedom Fighter? / ICT Papers on Terrorism. Jerusalem, Israel: The International Policy Institute for Counter-Terrorism, The interdisciplinary Center, Herzliya, Israel, 2002. P. 9–10.

2. *Гаврили Ю.В., Смирнов Л.В.* Современный терроризм: сущность, типология, проблемы противодействия: Учеб. пособ. М.: ЮИ МВД России, Книжный мир, 2003. С. 4–5.

3. См.: *Устинов В.В.* Обвиняется терроризм. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. С. 8.

4. См.: *Авдеев Ю.И.* Терроризм как социально-политическое явление. С. 42.

5. *Лакер У.* Терроризм эпохи постмодернизма // США-ЭПИ, 1997, № 2, С. 83.

6. Культурная революция в Китае. URL: <http://china.kulichki.net/history/CulturalRevolution/index.shtml> (дата обращения 12 марта 2014 г.)

7. «Красные кхмеры» и «Геноцид в Камбодже URL: <http://tourweek.ru/guide/different/231668/> (Дата обращения 13 марта 2014 г.)

8. 15 лет со дня начала бомбардировок Югославии силами НАТО/ ИТАР ТАСС URL: <http://itar-tass.com/mezhdunarodnaya-panorama/1069126> (дата обращения 2 апреля 2014 г.)

9. Хроника военной операции США против Ирака в 2003 году/ РИА Новости URL: <http://ria.ru/spravka/20130320/927830711.html#ixzz2y7BTLxEL> (дата обращения 2 апреля 2014 г.)

10. Русский перевод «Глобальный переворот в сфере безопасности. Негосударственные вооруженные формирования узурпируют государственные функции обеспечения стабильности».

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТЕРРОРИЗМ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

АЛЕКСАНДР ИЛЬИЧ САЦУТА,

профессор кафедры социологии и политологии

Московского университета МВД России,

кандидат философских наук, профессор

E-mail: v.belskiy@bk.ru

Аннотация. Раскрываются природа и сущность международного терроризма, его виды и формы. Выделяются причины и источники современного международного терроризма, его особенности в условиях глобализации.

Ключевые слова: терроризм, международный терроризм, глобализация, современный международный терроризм, причины и источники международного терроризма, особенности и черты международного терроризма.

Annotation. In article genesis and evolution, the nature and essence of the international terrorism reveal, its types and forms are defined. The reasons and sources of modern international terrorism, its feature and line in the conditions of globalization are considered.

Keywords: terrorism, international terrorism, globalization, modern international terrorism, reasons and sources of the international terrorism, feature and line of the international terrorism.

В конце XX – начале XXI в. терроризм как явление трансформировался из разряда отдельных радикальных преступных действий против личности, общества и государства в масштабную угрозу их безопасности, безопасности всей человеческой цивилизации, основной способ достижения социально-политических и других целей националистическими, сепаратистскими, клерикальными и экстремистскими силами, их организациями и движениями. Особым феноменом в системе взаимоотношений народов и государств в современном мире является международный терроризм.

Принято считать, что международный терроризм как феномен, фактор международных отношений, является следствием использования террористических актов в национально-освободительных и революционных движениях в странах Азии, Африки и Латинской Америки, в борьбе их народов за государственный суверенитет и независимость в конце XIX – середине XX в. Окончательное оформление международного терроризма как самостоятельного явления, произошло в конце прошлого века в результате формирования устойчивой системы глобальных взаимоотношений народов и государств, установления транснациональных связей террористов и образования их международных организаций и групп, поддержки отдельными государствами террористов и их использования в целях реализации национальных интересов во внешнеполитической деятельности[1].

Международный терроризм представляет одну из разновидностей терроризма как социально-политического явления в широком смысле. Природа и сущность международного терроризма, как и терроризма в целом, проявляются в насилии, устра-

шении, шантаже, эмоционально-психологическом давлении, навязывании определенного образа действий и поведения, организованности, целенаправленности и идейном обосновании действий, отсутствии правовых и моральных ограничений, крайней радикальности используемых средств, приемов и способов при достижении цели, публичности и огласке действий. Кроме этих, общих для терроризма свойств, международный терроризм обладает и своей спецификой. Сферой его проявления являются взаимоотношения и взаимосвязи народов и государств; он затрагивает интересы не только отдельных народов и стран, но и международного сообщества в целом. Международный терроризм имеет значительный общественный резонанс, привлекает особое внимание народов стран разных континентов и представляет собой глобальную угрозу существованию и развитию современного человечества. Международный терроризм – насильственные, идеологически обоснованные действия, игнорирующие нормы международного и национального права, общечеловеческой морали, направленные на дестабилизацию общественного строя в отдельных странах, международного порядка и международных отношений, достижение определенных целей и задач[2].

Как явление, международный терроризм имеет свою структуру, разновидности и формы. Структуру международного терроризма составляют его субъекты и их цели, средства, приемы и способы достижения целей. Субъектами современного международного терроризма являются государства, транснациональные террористические организации и группировки, террористические организации и группы, действующие на территории отдельных

стран, международные преступные сообщества, террористы-одиночки. Цели субъектов международного терроризма являются разноплановыми, касаются всех сфер общественной жизни и человеческой жизнедеятельности: изменение социально-политического строя в отдельной стране, группе стран, политического режима, границ государств, устранение от власти определенных социально-политических сил, политических лидеров, нарушение сложившейся модели жизнедеятельности и взаимоотношений народов и государств, ее норм и правил. Кроме того, целями субъектов международного терроризма могут быть навязывание народам определенной системы ценностей и образа жизни, создание обстановки хаоса и страха, установление контроля над транснациональными и национальными коммуникациями, экономическими и финансовыми структурами, материальное обогащение.

Для достижения целей субъекты международного терроризма используют широкий арсенал средств, приемов и способов. Ими созданы учебные центры и базы для подготовки террористов, в их распоряжении имеются транспортные средства, средства информационно-психологического воздействия, различное оружие и другие средства физического уничтожения людей, финансовые и материальные ресурсы. В международном терроризме широко применяются убийства и покушения на жизнь официальных лиц и граждан, захват и удержание заложников, захват самолетов и морских судов, жизненно важных объектов, экономических и финансовых структур, информационно-психологические приемы и методы воздействия на индивидуальное и общественное сознание. Используются морское пиратство, шантаж, запугивание, угрозы, взрывы в местах массового скопления людей, торговля людьми, наркотиками и оружием, другие насильственные приемы и способы.

Международный терроризм подразделяется на отдельные виды и формы. В соответствии со сферами общественной жизни выделяют экономический, политический, духовно-идеологический, информационный и другие виды терроризма; в зависимости от субъектов – государственный терроризм, терроризм формализованных организаций и движений, криминальный и индивидуальный терроризм. К наиболее распространенным формам современного международного терроризма относятся террористические акты и действия одних государств против других, действия и акции транснациональных и национальных террористических организаций и групп, осуществляемых с различными целями на территории отдельных стран, против международных институтов, в целях нарушения международных коммуникаций и взаимодействия, международная криминальная преступность.

Современный международный терроризм представляет собой сформировавшееся и реально функционирующее специфическое явление. Но, самое главное, он пока не обладает признаками устойчивости, упорядоченности, управляемости и системности.

Причинами и источниками современного международного терроризма являются как традиционные, так и современные проблемы в жизнедеятельности человеческого социума, в международных отношениях и мировой политике. Традиционно питательную среду терроризма составляют нищета, социально-экономическое неравенство различных слоев общества и народов, несовпадение, противоречивость и антагонизм их интересов, незавершенность и неурегулированность различного рода конфликтов как следствие неспособности враждующих сторон договориться, пойти на взаимоприемлемые компромиссы и учесть интересы друг друга. Исторически всегда истоками терроризма были несправедливость и безысходность, осознание которых на психологическом уровне порождает ненависть, жестокость, фанатизм, готовность творить насилие.

В современных условиях существующие традиционные причины и истоки терроризма дополняются новыми, более актуальными. Феномен международного терроризма сегодня непосредственно связан с глобализацией и сопровождающими ее процессами, явлениями и событиями, содержанием, характером и тенденциями развития системы международных отношений и мировой политики. В академических и экспертных кругах считается, что доминирующей предпосылкой распространения терроризма в современном мире является архаичная и асимметричная реакция мировых аутсайдеров на глобальные процессы и тенденции общественного развития, их неспособность действовать в условиях постиндустриального общества с его правилами и нормами организации и жизнедеятельности сообществ и социальных сил. К причинам и источникам современного терроризма относятся обусловленные глобализацией неравномерность социально-экономического развития стран, доминирование в складывающейся модели мироустройства США и наиболее развитых государств, экспансия западной модели общества во все регионы мира, навязывание ее ценностей и норм народам других стран, деятельность радикальных и экстремистских сил, центров и организаций.

Современный международный терроризм порождается противоречиями и противостоянием субъектов глобализации, несовпадением и даже конфликтностью их интересов, геополитическими пустотами в регионах и странах, где ослаблены или не функционируют механизмы правового и политического регулирования общественного развития.

Его причинами также являются различия в общественном устройстве стран, социальной структуре их населения и его культуре, слабость и неэффективность государственной власти, столкновения и борьба различных сил за ее перераспределение[3]. Кроме того, распространению современного международного терроризма способствуют информатизация общества, развитие массовых коммуникаций, технологизация среды существования человечества. Следует учитывать и психологические предпосылки терроризма, и прежде всего социально-политические, идеологически обоснованные амбиции людей, неразрывно связанные с их психической склонностью к крайним способам самовыражения и протеста.

Условия и факторы, складывающиеся в системе международных отношений, во взаимодействии государств и народов, в содержании той или иной модели мироустройства определяют не только генезис, эволюцию и функционирование международного терроризма, его структуру, формы, причины и источники, но и особенности проявления. Процессы глобализации в современном мире, охватывающие все сферы жизнедеятельности человеческой цивилизации, их неоднозначное и противоречивое воздействие на развитие отдельных стран и международных отношений, мировое устройство, статус и роль отдельных государств в мире вызывают существенные изменения в структуре и характере международного терроризма, его проявлениях. В глобализирующемся мире международный терроризм как явление все более интегрируется в новые геополитические реальности, приспосабливается к ним, в его функционировании и эволюции появляются новые черты и особенности, не свойственные этому феномену в период его возникновения и оформления как явления.

Все более широко проявляется государственный характер международного терроризма. Отдельные государства современного мира в последние десятилетия нередко используют насилие, агрессию и шантаж по отношению к другим странам с целью направления внутренних процессов в них в нужное для себя русло, усиления геополитического влияния. Подтверждением тому служат действия США и их союзников в последние два десятилетия в отношении Югославии, Ирака, Ливии. Государственным терроризмом правомерно считать и военную акцию СССР в Афганистане в конце 70-х – 80-е годы XX в.

Проявлением государственного характера международного терроризма является участие спецслужб государств в тайных операциях, направленных на свержение и изменение в других странах политических режимов, политических лидеров, сбор информации по различным аспектам жизнедеятельности общества для использования ее как

средства воздействия на содержание и приоритеты внутренней и внешней политики государств, в целях политического шантажа. В 2013 г. всему миру стало известно о прослушивании и записи в течение длительного времени Агентством национальной безопасности США телефонных переговоров лидеров и других официальных лиц некоторых государств.

Обычной практикой в конце XX – начале XXI в. стала государственная поддержка отдельных террористических организаций и группировок, действующих на территориях других стран. США и другие страны оказывали финансовую, материально-техническую организационную, кадровую и другую помощь террористическим группам, участвующим в боевых действиях против законного правительства Сирии в 2012 – 2014 гг. Материальная и другая помощь, моральная поддержка со стороны различных государств оказывается террористическому бандподполью на Северном Кавказе России, не без поддержки США и других стран формировались, готовились и действовали в 2013 – 2014 гг. экстремистские группировки в Украине. В свое время Советский Союз и другие социалистические страны оказывали значительную помощь Организации Освобождения Палестины: «палестинские партизаны» проходили обучение в спецлагерях на территории СССР. Румыния, Китай и СССР снабжали ООП оружием и деньгами.

В условиях глобализации растет число международных организаций и группировок, расширяются масштабы и география их деятельности. В настоящее время в мире действует около 150 террористических организаций и групп, около 40 из которых являются международными[4]. Наиболее известными из них являются «Аль-Кайда», Движение «Талибан», «Братья мусульмане» «Аль-Ихван аль», «Исламский джихад – Джамат моджахедов», «Хезболла», Рабочая партия Курдистана, «Аум Синрикё», «Баббар халса». Большинство международных террористических организаций имеют своих духовных лидеров, собственную идеологию, стратегию и цели действий, филиалы во многих странах мира.

Особенно широкой является транснациональная сеть воинствующих исламских группировок. Отделения «Аль-Кайды», например, имеются более чем в 60 странах мира[5]. Исламские террористы целенаправленно мигрируют в США, западноевропейские страны, республики Северного Кавказа Российской Федерации. Расширяется география действий и других террористических организаций и групп, ограничивавшихся до недавнего времени борьбой против правительств на территории своих стран. Так, члены Ирландской республиканской армии устраивают взрывы уже не только в конфликтном Белфасте, а и в Лондоне, других городах Англии, баскские сепаратисты действуют в Испании.

ратисты все чаще угрожают Франции, боевики с Северного Кавказа осуществляют террористические акты и участвуют в вооруженных конфликтах далеко за его пределами. Свидетельством расширения масштабов и влияния международного терроризма является увеличение численности в исламских террористических организациях и группах так называемых «неканонических мусульман» – лиц других конфессий и граждан немусульманских государств, ставших на путь борьбы с неверными. По различным оценкам, новообращенные составляют от 3 до 8% численности международных исламских террористических организаций [6].

Международный терроризм в глобализирующемся мире характеризуется тем, что он тесно смыкается с экстремизмом. Терроризм всегда был частью экстремизма, средством достижения его целей. Политическими экстремистами терроризм используется для давления на государственную власть, ее перераспределения и смены, ослабления сложившейся структуры мироустройства, международной и национальной безопасности. Насилие во внутривластной борьбе оппозиционных и враждебных официальной власти сил, особенно при их внешней поддержке, представляет радикальный способ смены властвующей политической элиты, политического устройства в стране, демонстративного осуждения принятых органами государственной власти решений, их изменения и даже отмены. Об этом свидетельствуют факты, которые имели место в последние десятилетия в странах СНГ (Украина, Грузия, Киргизия), Северной и Центральной Африки, других регионов мира.

Наблюдается также взаимопроникновение терроризма и религиозного экстремизма. В современном мире религиозный экстремизм применяется при отстаивании и защите религиозных постулатов и идей, главным образом ислама в форме вахабизма, к тем, кто не принимает, или отрицает их; как правило, исключительно радикальными способами и приемами. В настоящее время исламский религиозный экстремизм все более приобретает политическую направленность в связи со стремлением его лидеров создать мусульманское государственное образование, объединяющее народы, исповедующие ислам. Насилие, шантаж, угрозы, информационно-психологическое воздействие считаются основными способами и приемами достижения этой цели.

В современном международном терроризме возрастают роль и значение исламского фундаментализма как идейной основы его функционирования и эволюции. Обусловлено это тем, что ислам сегодня является основным источником зарождения, формирования и подпитки антизападных, антиамериканских настроений в странах Востока. Ислам-

ский фундаментализм отрицает процессы глобализации и модернизации и все, что с ними связано. Используя традиционно отрицательное восприятие Запада на Востоке, обусловленное историческими конфликтами между христианами и мусульманами, крайне негативными социальными последствиями для восточных народов колониальной политики западноевропейских государств, исламские фундаменталисты призывают вернуться к правовым и бытовым нормам шариата, теократическому правлению, не допустить распространения западных ценностей и институтов.

Главные постулаты исламского фундаментализма – единство правоверных в борьбе с Западом; ислам – основа величия, постоянного обновления и цивилизованности, в отличие от морально устаревших доктрин Запада; глобальный заговор против ислама и против его последователей; джихад это – «наставление на правильный путь», способ распространения исламского вероучения, установления исламского порядка и создания единого мусульманского государства – широко распространены и; как правило, безусловно воспринимаются в террористических организациях и группах, состоящих из мусульман, являются идеологическим обоснованием их насильственных действий в США, Западной Европе, против неверных. Они представляют важнейший моральный фактор для одиночек-джихадистов.

Все более очевидным становится сращивание современного международного терроризма с транснациональной организованной преступностью. В деятельности международных террористических организаций и группировок широко используются акции, которые однозначно трактуются как уголовные преступления. В отдельных международных террористических организациях имеются особые группы для воздействия различными криминальными средствами, способами и приемами на власть, представителей бизнеса и конкурентов в целях перераспределения сфер влияния, собственности и финансовых потоков, для насильственного вымогательства и рэкета. Сегодня самообеспечение и самофинансирование международного терроризма часто достигаются с помощью наркобизнеса, торговли людьми, оружием, незаконной миграции, контроля над добычей ценных ископаемых и их контрабандой.

Для отмывания криминальных доходов международные террористические организации, как и организованные транснациональные преступные синдикаты, создают легальные компании, банки, приобретают супермаркеты, бензоколонки или пользуются теми, которые принадлежат преступным синдикатам. В свою очередь, международные преступные сообщества в целях получения доходов и извлечения прибыли используют террористиче-

ские организации. В свое время террористические группировки, действовавшие в Чечне, в интересах международного криминала контролировали нефтепроводы, организовывали похищение людей, торговлю цветными металлами. Криминализация международного терроризма означает, что он приобретает признаки мафиозных структур.

Глобализация способствует усилению технологической оснащенности международного терроризма, появлению на ее основе новых видов и способов терроризма. В деятельности субъектов международного терроризма в настоящее время широко используются достижения науки и техники, новейшие научные открытия и изобретения. В начале XXI в. получил распространение информационный терроризм, или кибертерроризм. Он представляет собой использование террористами информационных систем для осуществления таких приемов и способов воздействия на людей, как дезинформация, пропаганда, искажение, уничтожение или хищение информации, «информационные ловушки», «логические бомбы», внедрение компьютерных вирусов, подавление информационного обмена в телекоммуникационных сетях, нейтрализация текстовых программ, введение ошибок в программное обеспечение и т.д.

Оформились и такая разновидность международного терроризма, как биотерроризм. В его основе – открытия современной биологической науки в области биогеохимических процессов живого существа биосферы, генетики, молекулярной биологии. Наличие в современном мире ядерных(8) и пороговых(более 20) стран, сотен промышленных и исследовательских ядерных центров и реакторов, имеющих огромный совокупный ядерный потенциал, отсутствие надежных гарантий нераспространения и безопасного хранения ядерного оружия, расщепляющих ядерных материалов являются реальными предпосылками для возникновения и международного ядерного терроризма.

В последние десятилетия существенно расширились источники финансирования, материальной поддержки и помощи международного терроризма. В отличие от прошлого, когда основными источниками финансирования и материального обеспечения терроризма были грабеж, бандитизм, финансовые аферы и другая преступная деятельность, в условиях глобализации кроме них возникли новые, финансово и материально более емкие. Это спонсорство терроризма со стороны крупных международных компаний, помощь отдельных государств, поддержка от теневой экономики и криминальных групп, денежные перечисления частных лиц. Финансирование и материальная поддержка международного тер-

роризма из этих источников осуществляются с определенными целями. Транснациональные корпорации заинтересованы в использовании терроризма для устранения конкурентов или изменения бизнес-климата в тех или иных регионах и странах. Государства стремятся решить при помощи терроризма определенные политические задачи на региональном и глобальном уровнях. Субъекты теневой экономики и криминальные сообщества используют терроризм для прикрытия своей преступной деятельности. Финансовая и другая помощь частных лиц, осуществляемая через посреднические структуры, имеет не только материальное значение, но является, главным образом, фактором моральной поддержки и одобрения терроризма, солидарности с террористами.

Современный международный терроризм представляет собой масштабное, исключительно сложное, многоликое явление, глобальную угрозу существованию и развитию человеческой цивилизации. В условиях глобализации, с ее положительными и отрицательными последствиями, расширились масштабы и география международного терроризма, изменились его содержание, характер и формы, появились новые возможности, средства, приемы и способы негативного и опасного воздействия на мировые процессы, мироустройство, международную безопасность и национальную безопасность отдельных стран. Борьба с международным терроризмом является актуальной задачей народов и государств современного мира, требует объединения их возможностей и усилий в противодействии ему, его локализации и нейтрализации.

1. См.: *Хоффман Б.* Терроризм – взгляд изнутри: пер. с англ. М.: Альпина Паблишер, 2003. С. 76–79.

2. Общепринятого и устоявшегося определения понятия «международный терроризм» в современной научной и учебной литературе пока нет. (О подходах к определению понятия «терроризм», имеющихся дефинициях понятий «терроризм» и «международный терроризм». См.: *Яковлев А.Ю.* И вновь о терроризме: еще одна попытка найти его дефиницию // Социально-гуманитарные знания. 2012. № 4.

3. См.: *Международный терроризм: борьба за политическое господство.* М.: Изд-во РАГС, 2005. С. 4–11; *Мирский Г.И.* Дракон встает на дыбы (о международном терроризме) // Мировая экономика и международные отношения. 2002. № 3. С. 40–45; *Иноземцев В.* Глобализация по-американски как альтернатива вестернизации // Космополис. Зима 2003/2004. №4 (6). С. 46; *Панарин А.С.* Стратегическая нестабильность в XXI веке. М., 2003., С. 73–74.

4. См.: <http://otherrfe rats. allbest.ru>.

5. См.: *Райт Лоуренс.* Аль-Кайда: пер. с англ. М., 2010.

6. См.: *Иванов В.* Новые мусульмане вступают в борьбу с Западом // Независимое военное обозрение, 2006. 20 ноября.

ТЕРРОРИСТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ

ВЯЧЕСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ КОЛОТУША,

профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин МПСУ,

доктор философских наук

E-mail: v.belskiy@bk.ru

Аннотация. Излагается авторское понимание террористической деятельности как насильственного политического принуждения, раскрываются ее особенности в глобализирующемся мире. Предлагаются некоторые меры по нейтрализации террористической деятельности в современных условиях.

Ключевые слова: террористическая деятельность, насильственное принуждение, экстремизм, террористический акт.

Annotation. The article describes the author's understanding of terrorist activity as a political forcible compulsion. Its specialties in the globalizing world are shown. Several measures to neutralize terrorist activities in modern conditions are suggested.

Keywords: terrorist activity, forcible compulsion, extremism, terrorist act.

Общепризнанно, что терроризм в наше время превратился в угрозу глобального масштаба и претерпевает существенные изменения. В отечественных и зарубежных работах это явление находит все большее отражение[1]. Например, В.В. Кафтан отмечает, что современный терроризм существенно отличается от проявлений террористической активности в прошлом по целям, тактике, и средствам борьбы. По его мнению, он представляет собой особым образом организованное насилие, вид социального противодействия, которое по политическим целям, средствам и результатам воздействия является одной из форм ведения войны и представляет собой антиобщественную деятельность крайне агрессивных, организованных, идеологически подготовленных субъектов[2].

Полностью разделяя большинство характеристик относительно терроризма, приведенных В.В. Кафтаном, следует, однако, не согласиться с тем, что терроризм относится к «одной из форм ведения войны». Да, действительно, террористический акт как проявление терроризма, как правило, преследует цель получения односторонних преимуществ путем косвенного воздействия на волю политических деятелей через демонстрацию их политической несостоятельности. Эта несостоятельность выражается в их неспособности защитить себя и, особенно, мирных граждан от насилия. Иногда, впрочем, некоторые насильственные акции толкуются неточно. Например, внезапные нападения на военные объекты или военнослужащих противника во время военных действий отнюдь не являются терактами. Скорее, мы имеем дело с диверсиями, с партизанскими действиями.

Террористический акт может быть вписан в военное противостояние как способ воздействия на население и политическую власть противника. Однако, это в любом случае не оправдыва-

ет его организаторов. Достойным противником считается лишь тот, который соблюдает правила ведения военных конфликтов. Тот, кто нарушает такие правила, является военным преступником. В большинстве случаев террористические акции проводятся вне военного контекста. Самый главный признак, отличающий теракт, – внезапное нападение на мирные объекты, уничтожение мирных граждан, захват заложников из числа мирного населения. Самые омерзительные случаи в истории терактов связаны с нападением на школы и больницы, приводившие к гибели детей и беременных женщин.

Известно, что организаторы терактов всегда имеют целью оказать давление на власть через общественное мнение. В этом им оказывают «помощь» некоторые средства массовой информации. Профилактика терактов, предупреждение новых жертв таких акций состоит только в одном – решительном силовом отпоре террористам как во время самого теракта, так и активном поиске в целях наказания террористов, сумевших уйти от справедливого возмездия. В общественном мнении должна утвердиться однозначная позиция: террористическое нападение – это действие, направленное на все общество; с террористами компромисс невозможен; при нейтрализации терактов возможны жертвы среди заложников, но ответственность за эти жертвы должна возлагаться однозначно на террористов, а не на тех, кто пытается спасти заложников. Заложники террористов должны стремиться при любой возможности освободиться самостоятельно. Террористы должны знать, что при любых условиях они будут уничтожены. Их имена должны быть навсегда преданы позору и осуждению. Компромиссы с террористами только множат жертвы будущих терактов. Борьба с террористической угрозой должна носить международный ха-

рактически, если только мы не имеем дело с мистификацией такой угрозы.

Террористический акт как форма силового принуждения также может быть искусно оформленной силовой провокацией в целях получения искомого повода к войне. История последних ста лет богата такими примерами. Известно, что убийство в Сараево эрцгерцога Фердинанда стало поводом для развязывания Первой мировой войны. Поспешность и неприемлемость ультиматумов, предъявленных вслед за этим убийством, наводит на мысль о желательности такого рода событий для тех, кто желал наступления войны. До сих пор остаются не до конца выясненными обстоятельства совершения террористических актов 11 сентября 2001 г. в США.

В ряде работ последнего времени, посвященных терроризму, это явление осмысливается сквозь призму концепта террористической деятельности. В.П. Емельянов трактует ее как подготовку и непосредственную реализацию террористических актов[3]. С.Г. Барышниковым террористическая деятельность определяется «как новая социально-деструктивная форма военной деятельности, направленная на подрыв или ослабление государства, против системы общественных отношений, на достижение террористами политических целей путем насильственного принуждения органов государственной власти с использованием депрессивных психологических факторов. Современный терроризм является качественно новой и специфической формой войны»[4]. Террористическая деятельность, как предметно-практическая сторона терроризма, выступает как новая форма военных действий – вооруженной (террористической) борьбы, – отличная от классического восприятия философией и логикой ведения боевых действий, вайленсологией, полемологией.

Не вызывает сомнений, что целью террористической деятельности является изменение существующих в обществе политических отношений. Представляется также важным при определении отличительных признаков террористической деятельности исходить из специфики ее элементов. Исходя из субстанциально-деятельностного подхода к исследованию мира социального, элементами всякой деятельности являются ее субъекты, используемые материальные и символические средства, а также социальные связи. В приведенных выше определениях отсутствует указание на то, кто выступает в качестве субъекта террористической деятельности. На наш взгляд, одним из отличительных признаков является то, что непосредственными интегративными субъектами такой активности выступают, как правило, негосударственные организации различного типа. Это обстоятельство не исключает того, что они могут скрытно исполнять волю тех или иных государств. Как не следует отрицать, что

эффективное государство страхом неотвратимости наказания сдерживает преступные позы всякого рода криминальных элементов.

Спектр материальных орудий террористов достаточно известен. В качестве объектов приложения их активности выступают, как правило, гражданские лица или представители власти. В основе символической составляющей террористической деятельности, помимо самих алгоритмов действий террористов, лежит экстремизм. При этом следует учитывать, что носители экстремистских идей не всегда реализуют их на практике, но террористы всегда руководствуются экстремистскими идеями. Сами экстремистские идеи отличает социальный утопизм, мифотворчество, нигилизм, огульное отрицание существующего социального порядка, уместность любых способов для его изменения, отрицание ценности человеческой жизни, пренебрежение к легальным способам выражения своей гражданской позиции. Эти идеи обязательно включают установки на превосходство одних людей над другими. Существенное влияние на действия современных террористических организаций оказывают религиозные идеи экстремистской направленности. Такого рода идеи могут исходить не только от радикальных представителей монотеистических религий, но и адептов религиозных культов языческого характера. Религия используется различными террористическими организациями для оправдания насильственных действий, разжигания религиозной нетерпимости, совершения террористических актов[5]. Противодействие такого рода проявлениям, в том числе с помощью государственного принуждения, предполагает активные усилия по пресечению религиозного экстремизма. Ряд действенных мер, направленных на противодействие использованию исламской религии для прикрытия насилия, предложен авторами монографии «Угрозы национальной безопасности на Северном Кавказе»[6].

С учетом изложенного представляется, что под террористической деятельностью следует понимать насильственное принуждение, направленное на изменение политических отношений, непосредственным субъектом которого выступают негосударственные организации, а идейной основой является экстремизм. Основной формой этой деятельности являются террористические акты, направленные против гражданских лиц или на невоенные объекты.

Такая трактовка террористической деятельности нуждается в ряде уточнений. Разделяя идею С.Г. Барышникова о том, что террористическая деятельность является видом насильственного принуждения, представляется необходимым дать характеристику насильственного принуждения. С социально-философских позиций насильственное принуждение следует рассматривать как вид сило-

вого принуждения. Само же силовое принуждение – это особый вид деятельности, способ социального управления, основанный на применении силы или угрозе ее применения. Под применением силы понимается нанесение прямого ущерба жизни, здоровью, правам и свободам тех людей, против которых оно направлено, условиям их существования как субъектов деятельности. Эти условия включают материальные предметы, опредмеченную информацию, а также необходимые связи и отношения.

Насильственное принуждение есть такое воздействие одного субъекта на другого субъекта или условия его существования, которое направлено на получение односторонней выгоды в ущерб тому, к кому оно применяется. Такое принуждение осуществляется вразрез с нормами международного и национального права. Заметим, что дифференциация насильственного и ненасильственного принуждения есть отражение современной ступени его развития, которая характеризуется, прежде всего, зрелостью правового регулирования, основанного на приоритете прав и свобод личности.

Все случаи нарушения норм международного права, регламентирующего ведение военных конфликтов, однозначно можно квалифицировать как насильственное принуждение. Известно, что международное право в период военных конфликтов – специальная отрасль международного права, регламентирующая ведение войн, средства и методы защиты жертв войны и культурных ценностей, а также другие вопросы. По сфере проявления международное право различает международные и немеждународные военные конфликты; по интенсивности они могут быть высокой, средней и низкой напряженности. Во всех случаях при их ведении запрещаются: убийства, пытки, телесные наказания, нанесение увечий, надругательство над человеческим достоинством, взятие заложников, коллективные наказания, применение наказания без надлежащего судебного решения, все виды жестокого и унижительного обращения; применение репрессалий к лицам и объектам, которым предоставлена защита, т.е. раненым и больным, потерпевшим кораблекрушение, санитарному персоналу и санитарным службам, персоналу и службам гражданской обороны, военнопленным, гражданским лицам, гражданским объектам, культурным ценностям, природной среде, установкам и сооружениям, содержащим опасные силы[7]. Эти требования содержатся в дополнительных протоколах к Женевским конвенциям, принятым 8 июля 1977 г.

В современных условиях террористические организации стали активно использоваться как средство геополитической борьбы. Уточняя мысль В.В. Кафтана о том, что «современный терроризм является качественно новой и специфической формой войны», следует констатировать, что относи-

тельно новым явлением в военных конфликтах выступает активное использование террористических организаций. Например, различные группировки в Сирии активно поддерживаются целым рядом недружественных ей государств, а деятельность этих группировок направлена на достижение интересов спонсирующих их стран. Военный конфликт в Сирии является немеждународным вооруженным конфликтом высокой напряженности. Сирийский конфликт сопровождается игнорированием оппозиционными вооруженными группировками норм международного права, регламентирующих применение силы в немеждународных военных конфликтах. К числу таких нарушений следует, например, отнести нападение на мирных граждан в сирийском городе Кесаб, населенном армянами. В результате нападения террористов были хладнокровно убиты около 100 мирных граждан. Как бы не определяли себя вооруженные группы, совершающие такие преступления, их следует однозначно относить к террористическим организациям.

Следует также констатировать, что относительно новым в организации свержения законных властей в той или иной стране мира является активное использование террористических организаций. Если не так давно упор в так называемых «ненасильственных революциях» делался на относительно мирные массовые протесты, то приметой нашего времени стало сочетание так называемых «ненасильственных акций» с вооруженным террором. Свежий пример такого подхода – события в Украине. Прикрываясь мирным протестом граждан, несогласных с действиями властей, радикальные группировки обеспечили свержение законно избранного Президента. Они подчинили себе парламент, в котором бывшая оппозиция в одночасье переформатировалась в правящую коалицию, неконституционным путем сменив Основной закон и утвердив кандидатуру исполняющего обязанности главы республики, назначив сомнительные с точки зрения права президентские выборы. Угрозы в адрес неугодных политических оппонентов, физические расправы над ними, уничтожение их имущества, снос представляющих культурную ценность памятников, «силовое сопровождение» боевиками голосования парламентариев. Все это происходит при попустительстве нелегитимных государственных властей Украины и западных политиков. Сама же ставшая нелегитимной государственная машина, захваченная террористами, превратилась в орудие террористической деятельности, в заложниках у которой оказалось все население крупной европейской страны. Об этом свидетельствуют массовые нарушения прав человека, разгул экстремизма и нацизма, дискриминация по этническим, языковым, конфессиональным признакам, ограничение свободы слова

и доступа к источникам информации, расправы с политическими противниками тех, кто захватил государственную власть в Украине. К сожалению, эти акции совершаются при информационной поддержке и финансовой помощи стран Запада, которые традиционно позиционируют себя как главные защитники демократии и прав человека. При этом внимание международной общественности искусственно переключается на якобы незаконные события в Крыму, население которого путем всенародного голосования выразило свое нежелание сосуществовать в нелегитимном политическом сообществе, подвергаться дискриминации, реализовало свое право на самоопределение и, в конечном счете, свое право на воссоединение, сохранив свою территориальную целостность.

В качестве выводов следует отметить, что при определении отличительных признаков террористической деятельности следует обращать внимание на специфику ее элементов и, прежде всего, на специфику ее субъектов и идейную составляющую, на преследуемые цели и средства их достижения. Террористическая деятельность является видом политического насильственного принуждения, направленного на изменение существующих общественных отношений. Ее непосредственными субъектами выступают негосударственные организации. Идейной основой террористической деятельности являются экстремистские идеи, а формой реализации – террористические акты, направленные, как правило, против безоружных граждан. В глобализирующемся мире получило широкое распространение сочетание террористической деятельности с другими формами насильственного принуждения, в том числе информационно-пропагандистскими акциями. Терроризм зачастую используется в ка-

честве орудия геополитической борьбы для захвата или разрушения суверенных государств руками незаконных вооруженных формирований, реализующих свои цели незаконными средствами. Нередко имеет место имитация террористической деятельности как повод для вооруженного вмешательства на волне контртеррористической риторики. Террористическая деятельность в современном мире, как и оружие массового поражения, должна быть поставлена под запрет. В случае международных и немеждународных вооруженных конфликтов мировое сообщество должно понуждать их участников к соблюдению норм международного права, отказываясь от любой поддержки террористических организаций.

1. См. напр.: Горбунов Ю.С. Терроризм и правовое регулирование противодействия ему. М.: Молодая гвардия, 2008.
2. См.: Кафтан В.В. Современный терроризм как общественное явление // Философия и будущее цивилизации: тезисы докладов и выступлений IV Российского философского конгресса: в 5 т. М.: Современные тетради, 2005. Т. 5. С. 551.
3. Емельянов В.П. Терроризм и преступления с признаками терроризирования. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2002. С. 63.
4. Барышиников С.Г. Теоретико-методологические основания исследования террористической деятельности (социально-философский анализ): Автореф. дисс. ... докт. филос. наук. Челябинск, 2012. С. 9.
5. См. напр.: Путилин Б.Г. Террористический интернационал. Жуковский: М.: Кучково поле, 2005.
6. Герейханов Г.П., Лукьянов А.Г., Моренов И.С. Угрозы национальной безопасности России на Северном Кавказе (этноконфессиональный аспект). М.: Граница, 2004. С. 82–98.
7. Краткое содержание женеvских конвенций от 12 августа 1949 г. и дополнительных протоколов к ним. М., 1994. С. 4.

ТЕРРОРИЗМ КАК СПОСОБ БОРЬБЫ С ЦИВИЛИЗАЦИОННЫМИ ИДЕНТИЧНОСТЯМИ

ВЛАДИМИР АНАТОЛЬЕВИЧ ЛЕПЕХИН,
директор Института ЕвразЭс
E-mail: v.belskiy@bk.ru

Аннотация. Рассматривается проблема международного терроризма в неожиданном ракурсе – в ее взаимосвязи с цивилизационной проблематикой. Основные акторы глобализации все чаще используют терроризм как метод противодействия развитию локальных цивилизаций.

Ключевые слова: региональные цивилизации, российская цивилизация, внешний вызов, цивилизационный выбор, международный терроризм, информационный террор, террористический метод, цивилизационное противостояние.

Annotation. The article considers the problem of international terrorism from an unexpected angle – in its relationship with civilizational issues. According to the author, the main actors of globalization are increasingly using terrorism as a method of combating the development of local civilizations.

Keywords: regional civilizations, Russian civilization, external call civilizational choice, international terrorism, information terror, terrorist method civilizational confrontation.

В свое время известный американский историк и социолог Арнольд Тойнби в своей знаменитой книге «Постижение истории» выдвинул идею о том, что одним из катализаторов формирования и развития локальных (региональных) цивилизаций является внешний вызов, в том числе – угрозы со стороны соседних стран. «Чем сильнее вызов, тем сильнее стимул» к выживанию – утверждал он[1].

Идея, высказанная Тойнби, безусловно, заслуживает внимания, и особенно справедлив его концепт цивилизационного «вызова-ответа» по отношению к России. В частности, давление на Русь ордынских ханов и баскаков в XIII–XIV вв. действительно способствовало самоопределению и мобилизации северо-восточной Руси (задолго до Тойнби об этом подробно писал известный русский историк и философ-евразиец Николай Трубецкой в книге «Наследие Чингисхана» и некоторых других работах [2]), которая – в стремлении отстоять не только свой политический суверенитет, но также православную Веру и русскую социокультурную самобытность, нашла в себе силы собраться вокруг Москвы и, в конечном счете, освободиться от ордынской зависимости. Одновременно с этим Киевская Русь, в ответ на аналогичную внешнюю угрозу, не нашла в себе силы и возможности противостоять ордынцам, а позднее – завоевателям из Литвы и Польши. Сегодня в условиях новой, на этот раз «Глобальной Орды», Южная Русь (Украина) также, очевидно, не способна дать адекватный цивилизационный ответ на нарастающие внешние угрозы и, скорее всего, снова, как и в XIII–XIV вв., станет жертвой очередного геополитического вызова с Запада, в то время как Российская Федерация еще держится, хотя и она, похоже, пока не в состоянии противопоставить вызовам «Глобальной Орды» и ее новым финансово-торговым и информационным баскакам-еврочинновникам альтернативные и конкурентоспособные технологии[3].

С учетом этих двух примеров, можно утверждать, что для эффективного ответа на новые геополитические вызовы необходимо формирование (или хотя бы восстановление) на базе Российской Федерации полноценной русско-российской цивилизации. И для этого нужны не только немалые ресурсы (кадровые, информационные, социокультурные, финансовые и проч.), но и некая внутренняя сила, определяемая качеством и интенсивностью идущих в пределах Русского мира процессов обретения людьми цивилизационной идентичности.

Однако, внешний вызов – далеко не единственный, и даже не основной фактор формирования на базе какого-либо суперэтнуса региональной (локальной) цивилизации или упрочения уже имеющейся цивилизационности. Хотя, конечно же, внешние вызовы и угрозы действительно способствуют консолидации здоровых сил в стране – объекте ци-

визационного давления перед лицом растущей опасности. Начало именно такой консолидации мы наблюдаем сегодня на Востоке Украины, где русское население вновь начинает осознавать себя частью Русского мира. Некоторое оздоровление ситуации и рост адекватности в решениях и действиях власти мы видим сегодня и в Российской Федерации, где руководство страны, предупрежденное событиями на Украине, начинает предпринимать определенные меры в направлении смены своего внешне- и внутриполитического курса.

В качестве подтверждения нашего тезиса о нарастании внешних угроз в контексте конкуренции и борьбы цивилизаций можно привести ситуацию в 2011–2013 гг. в ряде арабских стран.

В Египте, столкнувшись весной 2011 г. с целым рядом внутренних и внешних угроз и, как следствие, с необходимостью цивилизационного выбора, власть и элиты оказались вполне «цивилизационно зрелыми»: первоначально дрогнув перед Майданом (площадью Майдану-т-Тахрир в Каире), они затем смогли не допустить к власти радикальных либералов-западников, а в последствии вывели из руководства страной и правых радикалов – братьев-мусульман. В свою очередь, в Ливии, пораженной (по аналогии с поздним СССР) чуждыми арабско-бедуинской цивилизации западными идеями и практикой управления «революционной» Джамахирией, зрелых «цивилизационных» сил и соответствующих значимых внутренних ресурсов для отпора агрессии со стороны стран НАТО не нашлось и как результат – полная потеря этой страной политической и экономической суверенности.

Столкновение ряда цивилизаций, наблюдаемое сегодня в пространстве от Марокко и Йемена до Украины и Киргизии (т.е., вдоль границы Западной цивилизации с исламской и православной цивилизациями), предполагает наличие у осуществляющей экспансию на внешние рынки евро-американской цивилизации особой и все более изощренной тактики. Очевидно, что западные элиты уже не довольствуются прямым военным вмешательством в дела суверенных государств; это, по современным меркам, не гуманно, не легитимно, а значит – неэффективно. По сему эти же элиты изобрели и внедрили новую тактику экспансии на национальные рынки по всему миру, которая, во-первых, создает иллюзию не агрессии, а как бы «ответных мер» Запада: его «защиты» от атак представителей так называемого международного терроризма, а во-вторых, предполагает использование в своих целях так называемой «пятой колонны» – волонтеров глобализма в самих аннексируемых странах. При такой тактике становятся неактуальными традиционные военные операции с применением оружия и прямое вмешательство в дела суверенных стран вооруженных сил западных государств. Стержневые элементы новой тактики – поиск ахиллесовой пяты

правляющего режима в той или иной стране-жертве и внедрение в данную страну «Троянского коня» в виде образа, модели и субъектов Западного образа жизни, а также стандартов и ценностей евроамериканской цивилизации.

11 сентября 2001 г. такая – иезуитская (в прямом смысле слова) тактика получила легитимацию и надлежащее оформление в виде доктрины противостояния «сил свободы и демократии» силам «международного терроризма». И никого на Западе особо не смутил тот факт, что большинство террористических группировок в исламских странах – детище именно американских спецслужб. Возвращенный спецслужбами США новый субъект и фактор мировой политики («международный терроризм») и стал тем Троянским конем, который, будучи направленными против, якобы «сил свободы и демократии», на самом деле сплошь и рядом становится инструментом развязывания борьбы (а в ряде случаев и «гражданской» войны) против правительств суверенных стран, как правило, являющихся средоточием каких-либо ресурсов, а также против неугодных Западу политических лидеров.

Второй ключевой момент в легитимации терроризма как метода борьбы с неугодными Западу лидерами и режимами стало знаковое выступление Б. Обамы перед сотрудниками Государственного департамента США 19 мая 2011 г. – сразу же после введения Соединенными Штатами экономических санкций против Сирии. Напомним, что Президент США тогда заявил, что отныне власти этой страны будут поддерживать стремление народов к «реформам» в любой точке мира и любыми возможными способами. В переводе на нормальный язык это означает готовность и стремление американских и иных западных политиков и спецслужб стимулировать и поддерживать выступления населения против законных режимов любыми методами, включая самые радикальные. С тех пор декларируемая «мировым сообществом» поддержка «сил свободы и демократии» и реальная поддержка им террористов стали почти синонимами.

В аналогичном – цивилизационном – контексте разворачиваются сегодня идейно-политические конфликты и на постсоветском пространстве. В частности, эксперты давно говорят о скором исходе террористов из Сирии и других арабских стран в одно из постсоветских государств[4]. В течение последних 2–3-х лет экспертами назывались два основных направления вероятных атак «международных террористов» (при поддержке сил Западной коалиции): в одну из стран Центральной Азии или в одну из стран Кавказа. Тем более что на этих направлениях непосредственно перед «арабской весной» силами радикальных исламистов при поддержке идеологов и акторов «нового мирового порядка» уже были проведены генеральные репетиции.

Речь идет об известных событиях в Киргизии («революция тюльпанов» 2005 г.), затем в узбекском Андижане (май 2005 г.), а также в Грузии и Южной Осетии (август 2008 г.)[5]. С нашей точки зрения, все эти случаи поддержки Западом радикальных (не столько демократических, сколько националистических и иных экстремистских) сил следует рассматривать именно в контексте разворачивания цивилизационной войны Запада как против условного Юга (страны Ближнего Востока и Малой Азии), так и против условного Востока (страны Кавказа, Центральной Азии и Восточной Европы) и условного Севера (Россия).

К счастью для Киргизии, Узбекистана и Грузии, попытки агентов глобализации конвертировать энергию протестных движений в этих странах в широкомасштабные региональные войны не удалось. В Кыргызстане выступления радикалов с самого начала приобрели националистический оттенок, что исключило возможность влияния на массовые выступления в этой стране прозападных сил и либеральных СМИ. В Узбекистане акции националистов в Андижане было жестко подавлены Правительством Ислама Каримова, ну а в случае с событиями в Грузии, Кавказ избежал большой войны исключительно в силу активной позиции России, достаточно быстро остановившей военную операцию режима М. Саакашвили в Южной Осетии.

В 2011 г. слабым звеном постсоветского пространства российским и зарубежным экспертам видится Таджикистан, граничащий с Афганистаном. Именно сюда весной 2011 г. совершила свой визит Государственный секретарь США Хилари Клинтон. Однако, в ходе своих встреч с руководством Таджикистана, а заодно и Узбекистана, она, судя по всему, убедилась, что в этих странах нет главного условия провоцирования и эскалации масштабной региональной войны под видом «демократической революции» – слабого и уступчивого лидера. Соответственно, операции на центрально-азиатском (так же, как и на кавказском) направлении были до поры до времени отложены, после чего главной мишенью американских спецслужб и Запада вновь стал арабско-исламский мир и, в частности, Сирия.

В Сирии тоже не оказалось такого ключевого фактора успеха «революции», как слабый лидер, но зато здесь в борьбе против режима Башара Асада удалось сосредоточить тысячи исламских боевиков, имеющих опыт террористических операций в Египте, Ливии, Тунисе и других странах «арабской дуги». Здесь удалось спровоцировать межрелигиозное противостояние посредством проведения многочисленных информационных атак на власть со стороны пользователей социальных интернет-сетей, катарской «Аль-Джазирой» и различных западных СМИ.

В 2013 г. в качестве приоритетных площадок атак «международных террористов» стали рас-

смагиваться Армения, имеющая территориальные споры с соседним Азербайджаном, Молдавия, часть территории которой занимает непризнанная Приднестровская Молдавская Республика, и Украина, испытывающая позывы к федерализации. В этих странах зарубежными организациями были вложены немалые средства не только в поддержку деятельности прозападных НКО и СМИ, но также в спецподготовку разного рода радикальных националистических групп. Особенно это касается Украины, в которой проблема цивилизационного выбора приобретает особую и все большую остроту.

В Республике Армения руководство страны оказалось достаточно последовательным в своем цивилизационном выборе, не поддавшись на давление международных структур и западных политиков. В Молдавии, не имеющей ответственного руководства (парламент Республики избрал президентом страны откровенно прорумынского политика), напротив, напряженность в стране только нарастает, и сегодня против попыток интеграции этой страны в Евросоюз возражают не только в Приднестровье, но также в Гагаузии, в северной части Молдовы и большинстве ее сельских районов. Что же касается Украины, то именно здесь в 2013–2014 гг. акции в поддержку «демократии» (протестные выступления) постепенно и направляемо приобрели сначала радикальный, а затем и откровенно экстремистский характер. С учетом же последних событий в этой стране, связанных с силовым государственным переворотом и последующими силовыми действиями «новой власти» против оппозиционных ей сил на юго-востоке, уже можно говорить о переходе радикальных националистических сил к методам террора.

Первоначально можно было говорить об активном использовании на Украине методов информационного террора. (Здесь достаточно привести пример публичного высказывания одного из высокопоставленных чиновников США Дэвида Кремера, который в грубой форме посоветовал «заткнуть рот» советнику Президента РФ Сергею Глазьеву, который, в отличие от названного чиновника, родился на Украине и имеет полное право говорить с земляками об их проблемах. Соответственно, в еще более грубой и жесткой форме высказываются западные политики в отношении любой альтернативной точки зрения по поводу событий в Украине). От информационного террора оппозиция постепенно перешла к террору идеологическому (блокированию любых форматов евразийской интеграции, обличению «имперской» политики России, сносу памятников В.И. Ленину, реабилитации идей и практики фашизма и нацизма и проч.), а от него и к политическому – вооруженным акциям и действиям, приведшим к захвату ею государственной власти и силовому, физическому подавлению и уничтожению ее оппонентов.

Симптоматично, что все силовые акции и действия, пришедших к власти сил в Украине, не получают осуждения со стороны западных политиков. Напротив, акции и действия украинских радикалов и верных новой власти частей и подразделений украинской армии в Луганской и Донецкой областях, в Одессе даже поддерживаются и в Европе, и в США, так как ключевыми критериями их оценки априори являются не интересы Украины и большинства ее народа, а утилитарные цели и интересы западных держав.

С нашей точки зрения, события на Украине носят поистине международный характер, поскольку заинтересованной стороной здесь являются не только некоторые граждане Украины, но также политики, чиновники, бизнесмены и иные акторы целого ряда западных стран [6]. А кроме того, сами события в данной стране вызваны не гражданским противостоянием (недовольство властью, как в ряде арабских стран, стало лишь поводом для массового протеста) по социальному, религиозному или даже этническому принципу, но тем обстоятельством, что современная Украина, в силу ряда исторических причин, стала «линией разлома» [7] между восточно-европейской и западно-европейской цивилизациями, между Россией и США и их партнерами.

Современный «международный терроризм» как способ решения геополитических проблем и метод осуществления экспансии был изобретен именно для системного наступления Запада на конкурентные цивилизации. И тот факт, что к этому методу все чаще прибегают разного рода экстремистские исламистские группировки, не может скрыть истинных целей основных бенефициаров региональных войн и конфликтов, являющихся на самом деле элементами и эпизодами развязанной Западом системной и глобальной цивилизационной войны, фронт которой проходит сегодня и по ряду стран Восточной Европы.

Архитекторы «нового мирового порядка», пытающиеся направить мировые политические, экономические и иные процессы в русло глобализации, сегодня легко расправляются с отдельными государствами или лидерами, пытающимися проводить суверенную политику, но они пока не в состоянии нивелировать значение цивилизационных факторов. Именно поэтому наступление всеми возможными способами на слабые звенья конкурентных цивилизаций – это Мегатренд всей внешней политики Запада первой половины XXI в.

Как – с учетом глобального характера международного терроризма и его взаимообусловленности с той политикой, которую проводят сегодня мировые «центры силы», – возможно противостоять этому явлению в одной отдельно взятой стране? В

нашем, российском случае этому можно противостоять только одним способом – укреплением собственной, русско-российской цивилизованности. Соответственно, в случае с Украиной избежать раздела страны между двумя конкурирующими цивилизациями или ее поглощения Западом можно избежать только тогда, когда у народа и политиков Украины появится понимание сути и необходимости «цивилизационного выбора», а также тогда, когда они начнут ориентироваться в своей позиции на сохранение и укрепление собственной, самобытной и суверенной русско-славянской идентичности.

ГЛОБАЛЬНЫЕ ТРЕНДЫ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ МЕЖДУНАРОДНОМУ ТЕРРОРИЗМУ

АНАТОЛИЙ ИВАНОВИЧ КОСТИН,

*профессор кафедры сравнительной политологии факультета политологии
МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор философских наук, профессор
E-mail: v.belskiy@bk.ru*

Аннотация. Статья посвящена анализу сущности и основным тенденциям глобального политического развития в условиях цивилизационного и глобального кризиса. Особое внимание уделено проблеме противодействия международному терроризму в этих условиях.

Ключевые слова: тенденции, глобальное политическое развитие, цивилизационный и глобальный кризис, международный терроризм.

Annotation. Article is dedicated to the analysis of essence and to the basic trends of global political development under the conditions of civilizational and global crisis. Special attention is given to the problem of opposition to international terrorism in these of condition.

Keywords: tendencies, global political development, civilizational and global crisis, international terrorism.

Глобальные тенденции последнего десятилетия определяются совпадением цивилизационного и финансово-экономического кризисов. Анализ происходящих процессов, их причин и возможных последствий показывает взаимосвязь между событиями последнего десятилетия и ослаблением глобального статуса США. Уже с сентября 2008 г. коренной перелом в мировой политике был определен двумя симптоматичными событиями: российско-грузинским конфликтом и глобальным экономическим кризисом. Первое из них можно назвать символическим в смысле определяющей черты, за которой начинается новый этап российской внешнеполитической стратегии [1]. В 2014 г. с воссоединением Крыма и Севастополя с Россией завершилась «остаточная постсоветская фаза», за пределами которой открываются качественно новые горизонты. Эти события, столь разные по масштабам (региональная политика и глобальная экономика) способны вы-

явить интересные тенденции. Глубинной причиной стала перенапряженность державы, стремившейся оправдать заявленный свыше двух десятилетий назад статус глобальной метрополии в моноцентричной планетарной системе. Стратегический просчет США произошел сразу в двух пересекающихся плоскостях: финансово-экономической и международно-политической[2].

Системность американских экономических проблем выражается, прежде всего, в перманентном финансировании собственного дефицита за счет иностранных средств (в течение последних почти четырех десятилетий внешнеторговый баланс США никогда не был положительным). Причем этот процесс приобрел порочную взаимосвязь: кредиторы американской экономики не могут продать долговые обязательства, так как это сразу повлекло бы падение курса доллара и соответственно обесценило бы оставшиеся у них активы.

1. Тойнби А. Постигание истории., М, Прогресс, 1990, С. 116.
2. Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана., М., Эксмо, 2012.
3. Альтернатива – цивилизационный концепт Института ЕвразЭС. (См. От «Новой России» к Евразийской цивилизации. В.Лепехин, В.Бельский и др., М., Наука, 2011).
4. См. <http://inst.eurasec.com/war/97/358/>
5. В данной статье не рассматриваются аналогичные события в Урумчи (Китай) летом 2009 г.
6. Лепехин В.А. Гражданское противостояние на Украине в контексте «столкновения цивилизаций» (См. <http://www.eurasec.com/analitika/4447/>)
7. Термин Сэмюэля Хантингтона.

В западной прессе все чаще появляются публикации авторитетных американских экспертов, подрывающие веру в национальную экономическую стратегию, в страну – бренд, в тот американский символический капитал, который накапливался более 200 лет и во многом сформировал образ США в мире. Пожалуй, никогда за этот период экономическая и политическая репутация Америки не была так низка.

В статье «Конфронтация с Россией Путина» на сайте газеты «New York Times» бывший посол США в России Макфол, помимо рекомендации к жесткой позиции по отношению к России в связи с событиями на Украине, также признает, что Белый дом не имеет того морального авторитета, которым США пользовались в прошлом веке, во времена «холодной войны», и это надо исправить для победы в конфликте с Россией [3].

Одним из элементов геополитической стратегии США (также во многом обеспечиваемой «финансовыми пузырями»), стала «антикремлевская постсоветская игра», начатая в 2000 г. С завидным азартом была запущена цепочка процессов «бархатной циркуляции» государственного менеджмента в Узбекистане, Кыргызстане, Грузии и в Украине. Идеальная цель состояла в конструировании выгодной для США региональной подсистемы международных отношений, в которой в условиях постоянных конфликтов низкой интенсивности укрепляются контролируемые Вашингтоном правящие политические элиты. Соответственно, степень конфликта должна быть достаточно низкой, чтобы не перерасти в военные столкновения, но достаточно высокой, чтобы поглощать значительные экономические и политические ресурсы. Последнее обстоятельство гарантировало бы стабильную зависимость таких элит от заокеанских геополитических дирижеров.

Глобальная перенапряженность США – одна из самых популярных тем в пространстве внешнеполитической экспертизы. Многочисленные научные и публицистические изыскания последнего времени не устают констатировать углубление экономического кризиса и возрастающую хаотичность международной среды. В этих условиях весьма важно сделать хотя бы краткосрочные прогнозы последствий в сфере глобального управления.

При анализе глобальной политики важно определить основные тренды, характер и последствия которых будут иметь судьбоносное значение. В современных условиях можно зафиксировать несколько основных трендов, которые будут определять характер мировой политики в период вероятно повторяющихся кризисных процессов.

Первая и самая очевидная тенденция – это снижение роли США и тесно связанный с этим кризис глобального управления. Мир вступает в период по-

литического хаоса, в ходе которого лица, стоящие во главе западных государств и различных негосударственных структур, стремятся восстановить равновесие, но требуется создать «нечто новое». Переживаемый кризис, подчеркивает И. Валлерстайн, соответствует окончанию политического цикла американской гегемонии, установившейся в 1970-х годах, после окончания которого США останутся важным игроком, но могут стать самой политически нестабильной страной мира[4].

Проявления этого кризиса различны. Ближайшие события не изменят статус США как крупнейшего, хотя и сильно ослабленного, финансового политического центра. Но глобальные претензии Вашингтона будут все сильнее разделяться между традиционными (ЕС, Япония, Китай, Россия) и новыми (Индия, Южная Америка) центрами притяжения экономических ресурсов.

Понижение уровня планетарных возможностей США активизирует неизбежное реформирование ООН (прежде всего Совета Безопасности), а также изменение формата глобальных экономических союзов (G5, G8, G20, G24). Наиболее уязвимой для критики в настоящее время является т.н. «Большая восьмерка», анахронизм состава и механизма консультационных решений которой стал особенно очевиден после прошедшего (2008 г.) саммита в Хоккайдо и отложенного саммита в Сочи (2014).

Вторая тенденция заключается в изменении масштаба политических процессов. В частности, в ближайшие годы наиболее востребованными станут региональные интеграционные стратегии. Для подавляющего большинства государств необходимым условием антикризисных действий будет примат решения локальных задач над глобальными усилиями. Те же самые мировые консультационные альянсы больше сфокусируются на региональных вопросах, ограничиваясь лишь констатацией глобальных проблем.

Третья тенденция состоит в экономизации политического пространства. В отличие от предыдущих трансформаций, наступающие изменения имеют ярко выраженные особенности, определяемые макроэкономическим контекстом. В политический диалог в обязательном порядке входит экономическая составляющая, а геополитические интересы все чаще отождествляются с планами по спасению национальных экономик. Приоритетные сферы: энергетика, маршруты поставок природных ресурсов, протекционистские действия. Реализация долгосрочных и неосязаемых проектов будет перенесена на будущее.

Четвертая тенденция связана с изменением статуса наднациональных акторов в современной (поствестфальской) системе международных отношений. Возрастает роль мировых финансовых институтов (МВФ, Всемирный банк, Парижский

клуб, ВТО, ЕБРР и т.д.). Однако, эта тенденция неоднозначна и потенциально конфликтна. С одной стороны, их кредитные механизмы станут более востребованными, с другой, – процедуры финансового регулирования и выдачи займов станут менее прозрачными. Укрепление транснациональных финансовых элит, стоящих за этими институтами, будет способствовать снижению уровня публичности не только в мире «больших денег», но и (по мере влияния таких элит на политические процессы) на уровне глобальной политики. Кроме того, дискуссия о степени зависимости от мировых финансовых институтов расколет национальные элиты многих стран. Отсюда – возможный рост политической нестабильности и социальных волнений.

Наконец, пятая тенденция, это – геополитическая дестабилизация мировой периферии как следствие цивилизационного и экономического кризиса. В перспективе неизбежна новая волна кризиса, которая больше всего ударит по странам третьего мира.

Всемирный банк в своем специальном докладе «Сопrotивляясь течению: как развивающиеся страны справятся с глобальным кризисом»[5], подготовленного к лондонскому саммиту G20, представил следующие прогнозы. В течение ближайшего времени в мире увеличится число бедных на 46 млн. человек, а голодающих людей (не способных обеспечить физиологический минимум питания) – на 44 млн. В случае осуществления такого сценария все достижения последнего десятилетия в области борьбы с бедностью окажутся полностью обесцененными. По сути, прогноз указывает на скорую люмпенизацию планеты под девизом «back into Penury», последствия которой могут напрямую затронуть международные отношения. В частности, обеднение населения резко усиливает социальные и политические волнения всех форм. Последствия этого, в свою очередь, могут выйти в сферу международной политики[6].

Реализация самой опасной пятой тенденции в условиях экономических неудач приведет к обострению гуманитарных проблем, связанных, в первую очередь, с распределением богатства, энергии, воды и продовольствия. В этих условиях могут проявиться тенденции решить такие вопросы «силовыми способами». Параллельно решается важная задача: вектор массовых волнений отвлекается в сторону внешнеполитических амбиций, включая различного рода реваншизм. Если указанные факторы перестанут быть латентными, в политике большинства стран возрастет роль военной составляющей. С высокой долей вероятности можно предсказать интенсификацию гонки вооружений, активизацию международного терроризма.

Активизацию международного терроризма в значительной степени связывают с усилением ро-

ста международной организованной преступности. Уже к концу XX в. международная преступность приобрела новые черты: преступная деятельность стала носить более широкий и глобальный характер; усилились международные связи как между самими преступными организациями, так и между преступными организациями и другими группами; возможности и мощь международных криминальных организаций выросли настолько, что они могут угрожать стабильности государств, подрывать демократические институты, мешать экономическому развитию и даже наносить ущерб союзническим отношениям или бросать вызов сверхдержавам. Уже сейчас можно допустить, что международные криминальные организации ставят своей главной целью не столько нейтрализацию тех или иных правительств, сколько превращение их самих в правительства в различных странах мира (т.е. легализацию своей деятельности на уровне государства и правительства, захват политической и экономической власти в полном объеме)[7].

Международные криминальные организации усиливают свою деятельность по ряду причин:

- с экономической точки зрения во многих странах, где заметно влияние наркомафии, мелким фермерам выгоднее выращивать растения, содержащие наркотики, ибо рынок наркотиков более стабилен и прибылен, фермеры не платят налогов и никак не контролируются властями;
- рост международной преступности следует за глобальной тенденцией неуправляемости, т.е. сокращением способности правительств управлять современным государством (например, в некоторых странах международные криминальные организации отвоёвали у правительств десятки районов, где фактически осуществляют свое правление). Эксперты по политической географии предсказывают усиление фрагментации мира, поскольку там, где правительства слабы, процветают криминальные структуры;
- расширение и усиление миграционных потоков, за которыми, как правило, следуют этнические преступные организации (в этой связи усиления преступности следует ожидать в США и Западной Европе);
- проницаемость границ, которая увеличивается в связи с созданием и расширением единой Европы, а также Североамериканской зоны свободной торговли. Сюда же можно добавить проницаемость границ на территории бывшего СССР;
- дальнейшее развитие техники, которое облегчает использование транспортных и коммуникационных систем (так, использование цифровой связи затрудняет государственный контроль и позволяет криминальным организациям переводить из региона в регион миллиарды долларов);
- относительно слабая координация законода-

тельства различных стран; юрисдикция ни одной страны не в состоянии нейтрализовать основные виды деятельности международных криминальных организаций.

Таким образом, международная преступность обладает исключительно высокой степенью общественной опасности и характеризуется, как правило, самым высоким уровнем организованности и самыми современными средствами для реализации поставленных задач. В резолюции Всемирной конференции на уровне министров по организованной транснациональной преступности (Неаполь, 1994 г.) названо десять угроз, исходящих от этой преступности: суверенитету государств, обществу, отдельным лицам, национальной стабильности и государственному контролю, демократическим ценностям и общественным институтам, национальной экономике, финансовым учреждениям, демократизации и приватизации, развитию, глобальным режимам и кодексам поведения.

Перед демократическими государствами международный терроризм поставил ряд весьма сложных проблем, затрагивающих основы их политического устройства. Транснациональный характер деятельности террористических организаций делает необходимым согласование базовых позиций государств, которые, при общей приверженности демократическим принципам, реализуют их на практике по-разному. Необходимо решить задачу достижения определенного консенсуса не только между различными государствами, но и между государством и обществом в конкретной стране. На практике основной проблемой является достижение эффективности в борьбе с терроризмом при сохранении существующих достижений в сфере прав и свобод граждан, подотчетности обществу структур государственной власти, включая полицию и спецслужбы, и общественного контроля за ними [7]. Государство может рассчитывать на поддержку общества только в случае подотчетности и соразмерности действий силовых структур, адекватности используемых средств и методов уровню террористической угрозы.

Определение самого понятия «терроризм» представляется весьма сложным делом. Это обстоятельство существенно затрудняет формирование прочной нормативной базы для оценки преступных деяний как террористических. Так, даже среди союзников по НАТО нет полного единства по этому вопросу. Будучи сложным социально-политическим явлением, многие исследователи ключевыми элементами данного понятия считают «устрашение» и «насилие» [8].

Политика противодействия терроризму предполагает активное участие в ее разработке, реализации и оценке не только государственных структур (как силового, так и социально-экономического блоков), но

и институтов гражданского общества. Основным актором в противодействии современному терроризму, несмотря на процессы глобализации, остается национальное государство. Эффективная государственная политика должна ставить своей целью предотвращение и разрешение тех конфликтов, которые могут спровоцировать террористическую деятельность.

Выделяют два основных направления в государственной политике противодействия терроризму: контртеррористическое и антитеррористическое. Контртеррористическое направление связывают с борьбой с причинами террора. Политическим средствам здесь отводится ведущая роль. С помощью политических средств возможен, при определенных условиях, перевод конфликта, лежащего в основе террора, в ненасильственное русло. Антитеррористическое направление ведет борьбу с проявлениями террористических актов и ликвидирует их последствия. Ведущую роль здесь призваны сыграть органы государственной власти: правоохранительные структуры, судебная власть, спецслужбы и т.п.

Один из самых жестоких террористических ударов был нанесен 11 сентября 2001 г. арабскими летчиками-смертниками по важным объектам американских городов Вашингтона и Нью-Йорка. Трагедия унесла несколько тысяч жизней и показала, что в мире нет ценностей, которые были бы свободны от террористической угрозы. Международный терроризм есть результат интернационализации террористической деятельности. «Международность» выражается, с одной стороны, в тесном сотрудничестве различных террористических групп и в «растущей претенциозности», масштабности их целей; с другой стороны, она реализуется посредством глобальной информационной сети, поскольку даже сугубо внутривластный терроризм получает мгновенный отклик в самых отдаленных уголках земного шара, стимулируя тем самым преступные действия других террористических групп планеты.

Опыт показывает, что борьба с терроризмом должна основываться на выявлении реальных, а не декларируемых целей террористических организаций. Основная задача при противодействии националистическому (этносепаратистскому) терроризму состоит в переводе конфликта в русло переговорного процесса. Главный акцент при «революционном» терроризме следует делать на развенчании самого мифа революционности, на предложении конструктивной, позитивной идеологии. Важное значение приобретает борьба с радикализмом внутри конфессии при «конфессиональном» терроризме [9].

Повышение эффективности противодействия международному терроризму зависит: от координации действий и готовности к сотрудничеству, во-первых, между различными ведомствами и спецслужбами одного государства; во-вторых, между различными ведомствами и спецслужбами различ-

ных государств в рамках двухстороннего, регионального или глобального сотрудничества.

1. См.: *Лукин А.* Внешняя политика: от постсоветской к российской. Уроки конфликта с Грузией // «Россия в глобальной политике». № 6. 2008.
2. См.: *Костин А.И., Изотов В.С.* Глобальный кризис в зеркале мировой политики // Вестник МГУ, сер. 12, 2009, № 5.
3. См.: <http://ria.ru/world/20140315/999653058.html>
4. См.: *Wallerstein I.* Le capitalisme touche à sa fin // Monde. P., 2008. 12 oct. P. 8.

5. См.: «Swimming Against the Tide: How Developing Countries Are Coping with the Global Crisis».

6. См.: *Klare M.* The Second Shockwave. <http://www.fpif.org/fpiftxt/5968>.
7. См.: *Репецкая А.Л.* Транснациональная организованная преступность: Характеристика, причины, стратегия контроля. Иркутск, 2001.
8. См.: *Грибанова В.И., Луппов И.Ф.* Противодействие терроризму как функция современного государства. Сыктывкар, 2009.
9. См.: *Там же.*

ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО КАК СРЕДА ЗАРОЖДЕНИЯ И РАСПРОСТРАНЕНИЯ СЕТЕВОГО ТЕРРОРИЗМА

ДМИТРИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ ЖУРАВЛЕВ,
Директор института региональных проблем
E-mail: v.belskiy@bk.ru

Аннотация. Характеризуются современное постиндустриальное общество как среда зарождения и распространения сетевого терроризма. Приводятся примеры проявления сетевого терроризма, указывается на необходимость выработки эффективных методов и способов борьбы с ним.

Ключевые слова: общество потребления, информационное общество, информационное поле, радикальные сайты и материалы, атомизация личности, сетевой терроризм.

Annotation. The article characterizes the modern postindustrial society as the environment of initiation and propagation of terrorism network. Terrorism network manifestations are instanced, attention is paid to the necessity of development of effective methods and ways effective methods and ways to struggle with it.

Keywords: consumer society, informational society, informational field, the radical sites and materials, personality atomization, terrorism network.

Терроризм порождается обществом и для того, что бы определить специфику современного терроризма необходимо определить специфику современного общества.

Каждая историческая эпоха характеризуется определенной формой социальных институтов и определенным уровнем научных и технологических достижений. Марксизм называл это производительными силами и производственными отношениями. Общество – это сложный объект и ему присущи многообразные характеристики. Остановимся лишь на тех из них, которые важны для рассматриваемой темы – терроризма.

Первое специфическое свойство современного постиндустриального общества состоит в том, что это общество потребления. Могут сказать, что общество потребления сложилось уже давно, как минимум после второй мировой войны, а может быть и раньше. В каком то смысле это верно, но мы считаем, что современное общество потрепле-

ния принципиально отличается от общества потребления 70-х – 80-х годов XX в. Тогда потребление было условием развития и сохранения производства (экономики). Чем выше внутреннее потребление в стране, тем стабильней национальная экономика, тем больше у неё (экономики) ресурсов для развития. Сегодня в условиях глобализации и появления дешевых товаров возник удивительный парадокс: потребление стало основой для получения прибыли и, следовательно, роста ВВП – потребление стало «отраслью экономики». Дело в том, что наценка к первоначальной цене производителя в богатых странах потребителей зачастую многократно превосходит первоначальную цену. В результате, не производя никаких материальных ценностей можно получать огромную прибыль. Экономика отрывается от производства – производить не нужно, нужно потреблять. Главным в такой экономике является стимулирование потребления и рост доходов населения. Производство в таких условиях не необхо-

димо, более того оно не рентабельно и деградирует. В таком обществе резко возрастает доступность любого товара. Во-вторых, что гораздо важнее, резко меняются ценностные ориентиры общества – главной ценностью становится само потребление, а это с неизбежностью возрождает гедонизм как единственную ценностную систему (именно через стремление к удовольствиям можно стимулировать рост потребления). Традиционные ценностные системы, в первую очередь религиозные, формально оттесняются на периферию, а фактически отрицаются.

Современное общество потребления порождает удивительное социальное явление – ослабление социальных связей и социальное одиночество человека. Производство не возможно вне общественных отношений и институтов. Потребление вполне может быть индивидуальным. Конечно, цивилизованный человек потребляет через общественную сеть – магазины, увеселительные заведения и так далее. Но он не несет никаких социальных обязательств по отношению к этой сети, кроме обязанности платить за товары и услуги. Причем, в том чтобы у него были деньги общество заинтересовано даже больше, чем он сам, а поэтому деньги воспринимаются им как данность и их получение не налагает на него никаких серьезных обязательств по отношению к обществу. Таким образом, современный человек внутренне не нуждается в обществе, а поэтому отделяется от него. Более того, гедонистическая мораль резко усиливает это отделение. Для гедониста внешние связи есть обязательство, а обязательство есть бремя, от которого нужно избавляться.

Вторая специфическая особенность современного постиндустриального общества состоит в том, что это информационное общество. Развитие электронных СМИ, компьютерных технологий, и, в первую очередь, Интернета, приводит к тому, что сегодня для любого человека доступна любая информация, для получения которой не нужно принадлежать к какой-то социальной или профессиональной группе (например, ученых или чиновников), или использовать какой-нибудь социальный институт (библиотеку, клуб, профессиональную гильдию и так далее). Более того, в современных условиях никакая социализация не нужна не только для того чтобы потреблять информацию, но и для того чтобы её производить и распространять. В результате с информационной точки зрения человеку так же не нужен человек, не нужна социализация, как и с экономической. Конечно, общество все равно необходимо – оно создает и поддерживает инфраструктуру информационного общества, но непосредственно для жизни другие люди и социальные институты человеку практически не нужны. Возникает информационная атомарность – независимость человека от общества.

Современный цивилизованный человек живет в обществе, но он один. Практическим следствием этого является то, что человек перестает согласовывать свои мировоззренческие позиции с окружающими его людьми. Конечно, пока это в большей степени касается мегаполисов, в провинции мнение соседей ещё весьма существенно. Но, во-первых, в мегаполисах живет значительная часть населения цивилизованного мира, а во-вторых, провинция, к сожалению, движется за столицами.

Такая мировоззренческая свобода порождает парадоксальные результаты. Человек не может совсем не иметь мировоззренческих ориентиров, отказ от ориентации на окружающих заставляет его ориентироваться на что-то другое. И таким образом с необходимостью становится информационное поле (электронные СМИ, Интернет) – единственный общественный феномен, с которым атомарный человек находится в постоянном контакте. Причем влияние этого поля на мировоззрение современного человека огромно. Утерев в процессе атомизации объективные (независимые от него) мировоззренческие ориентиры, человек беззащитен перед «объективностью» информационного поля. Прочитанное в Интернете выглядит как объективная информация. В результате современный человек – это щепка, несущаяся в информационном потоке и зачастую некритически воспринимающая все то, что из этого потока получает. В результате создается своеобразное общественное мнение – Интернет-мнение и «свободный» человек полностью зависит от него. Поскольку Интернет-мнение анонимно, то повлиять на него довольно трудно. В свою очередь, уйти из поля этого мнения атомарному человеку собственно некуда; если он выключит Интернет и телевидение он превратится в одинокое, всеми брошенное существо. Поэтому современный «свободный» человек гораздо менее свободен, чем человек двадцатого века.

Состояние и характеристики современного постиндустриального общества порождают новые формы терроризма. Что необходимо для террора? Материальные возможности – ресурсы: оружие, деньги, взрывчатка и так далее. И главное – мотивированный исполнитель, террорист. Собственно производством таких исполнителей и их материальным обеспечением и занимаются террористические организации. И целеполаганием – выбором объекта теракта и его подготовкой. Но современного свободного одиночку очень трудно замотивировать через общение и вовлечение в организацию – пропагандиста он, скорее всего, не станет слушать, в мероприятиях организации не станет участвовать. Зато ему легко можно внести радикальное мировоззрение через Интернет или телевизор, и укоренится оно гораздо крепче, чем внесенное проповедником. С проповедником можно спорить, с телевизором

или компьютером спорить невозможно. Поэтому современные террористы черпают свои взгляды в Интернете. Материальное обеспечения – не проблема – в обществе потребления. Поскольку современный терроризм в своей массе безадресный, он не направлен против конкретной фигуры, а направлен на устрашение общества, то нет необходимости ни в выборе объекта, ни в скрупулезной подготовке террористического акта. И получается, что для террора и терроризма в современных условиях организация становится избыточным фактором. Начитавшийся Интернета человек покупает в магазине материалы, скачивает в Интернете инструкцию по сборке бомбы, собирает её и подбрасывает в мусорный бак на массовом мероприятии – никакая организация для этого не нужна.

Вот ряд примеров таких сетевых террористических актов.

1. Взрыв в Бостоне, осуществленный братьями Царнаевыми. Насколько известно, ФБР проверяло братьев ещё до теракта, но никакой связи их с «опасными» организациями не нашла, да и после события связи братьев с организованным терроризмом обнаружить не удалось.

2. Убийство двумя чернокожими солдата в Великобритании. Здесь вообще не идет речь о подготовке и организации. Если бы убийцы не стали разглагольствовать на камеру, их действия можно было бы принять за уголовные.

3. История мальчика Виталия из тверской деревни, который все дни просиживал за компьютером, общался с наставником, в тринадцать лет сделал себе обрезание, а в пятнадцать смастерил самодельную бомбу – это эталонный пример сетевого терроризма. Никакая террористическая организация до тверской деревни не доберется, да и нужды в этом у такой организации просто нет. Зато точно известно, что свои радикальные взгляды и стремление убивать за веру мальчик почерпнул из Интернета, цель выбрал самостоятельно, компоненты для бомбы купил в магазине. Сетевой терроризм налицо, и ни какое другое объяснение здесь невозможно.

Сетевой терроризм сегодня – это реальность. Конечно, он не отменяет существование террористических организаций, но многие теракты уже не связаны с конкретными террористическими организациями.

Но вот вопрос, почему он появился? Выше названные свойства современного постиндустриального общества: общество потребления, информационное общество, одиночество человека и его полная зависимость от информационного поля, создают условия для возникновения сетевого терроризма, но не делают его неизбежным. Современное информационное поле чрезвычайно широко, и в нем можно найти не только радикальные, но и другие информационные потоки, как собственно и делает

большинство населения. Но число лиц, черпающих информацию с радикальных сайтов и из радикальных передач очевидно возрастает. Необходимо понять, почему это происходит. Иначе понять явления сетевого терроризма и научиться бороться с ним не возможно.

На наш взгляд, усиление влияния радикально настроенных СМИ и Интернета обусловлено рядом причин.

Первая причина технологическая – подобных сайтов и передач стало больше, они уже не тонут в информационном потоке, на них легко натолкнуться. Данная причина важна, но она не объясняет всего. Да натолкнуться стало легче, но почему натолкнувшись, становятся сторонниками радикальных взглядов – на этот вопрос ещё нужно ответить.

Вторая причина социально-психологическая. Для пояснения этого следует обратиться к истории. Масштабный, всемирный сетевой терроризм – явление совершенно новое, но как некий локальный исторический случай оно возникало ранее. Самым ярким примером этого является революция в России в 1905 – 1907 гг. Террор против власти в этот период принял массовый характер. Причем не все теракты проводились террористическими организациями. Больше количество молодежи осуществляло теракты самостоятельно. Побуждало молодежь к этому общественное мнение, которое негативно относилось к власти и всемерно превозносило терроризм и террористов. Формировали это общественное мнение тогдашние СМИ, они составляли единое информационное поле, их позиция распространялась ярко, эмоционально и бескомпромиссно: революция и террор – единственный путь развития общества; тот, кто не действует методом террора, не достоин уважения. В этих условиях молодой человек не считал для себя возможным не стать революционером – боевиком. В современных условиях широкого и объемного распространения радикальных взглядов в Интернете и СМИ, конечно нет, а вот напряженность информационного поля явно присутствует. Сегодняшние сайты и передачи так же бескомпромиссны и эмоциональны, как и статьи в начале XX в. Этому способствует объективная а не информационная напряженность в исламских регионах (Ирак, Ливия, Сирия). Но и это не объясняет всего; напряженность без всеобщности не может влиять на мировоззрение каждого, или хотя бы большинства, как в России в 1905 – 1907 гг. Влияние оказывается на тех, кто готов его воспринимать.

И поэтому следующая причина усиления влияния радикально настроенных СМИ и Интернета, распространения сетевого терроризма – радикализация ислама, в том числе и в тех регионах, где мусульмане не составляют большинство. Этому, в свою очередь, есть несколько причин. Во-первых, как не

парадоксально, радикальные религиозные позиции и не только в исламе продуцирует само общество потребления. Именно гедонистическая антирелигиозность радикализирует взгляды в обществе потребления. У человека, стоящего на религиозных позициях, ценности этого общества вызывают резкое отторжение и его собственные взгляды ужесточаются. Это естественная реакция человека на враждебность внешней среды, на невозможность найти компромисс с нею. Более того, общество потребления продуцирует людей, для которых религиозный радикализм – естественное состояние. Поясним нашу мысль. Человек общества потребления – информационный человек обладает разнообразной информацией, но недостаточным образованием и низкой культурой. Это естественно, потому, что пользуясь компьютером для письма он не нуждается в знании орфографии, не очень нуждается в систематическом знании вообще. А без систематического знания не возможно получить и поддерживать уровень культуры. Тем более, что в условиях атомарности общество не требует от человека ни знаний, ни культуры. Любая радикальная версия мировоззрения, в том числе и религиозного, наиболее проста, более того она предлагает и простые, внешне эффективные методы решения любых проблем (отнять и поделить), а поэтому малокультурные люди тяготеют к радикальным течениям. Так что и здесь общество потребления само создает условия для распространения радикализма. Религиозный человек в обществе потребления часто радикал.

Сегодня радикальные религиозные взгляды становятся популярными не только у людей, выросших в религиозной традиции и воспринимающих современное общество как агрессивную среду, но и среди людей, не имеющих связи с религиозной традицией. Тот же мальчик в тверской деревне вырос не в исламском окружении. Для этих людей действуют иные механизмы, но так же продуцируемые обществом потребления. Общество потребления освобождает человека от обязательств перед обществом и необходимости разделять мировоззрение большинства, практически лишает его мировоззрения, при этом делая его одиноким и зависимым от информационного поля. В результате большинство довольствуется гедонистическим суррогатом – потребляй и живи в свое удовольствие. Но есть те, кому этого мало. Это те люди, которым для самоуважения, а это важнейшая потребность человека,

требуется чувствовать себя деятелями, а не потребителями. И вот парадокс: именно эти люди, которым недостаточно марали жвачного животного, попадают к радикалам. Общество потребления создает мировоззренческий вакуум, но неспособно его заполнить, а радикалы предлагают решение простое и ясное; более того они предлагают подвиг, то чего в обществе потребления быть не может но без чего нежвачному человеку трудно себя уважать.

Что же получается? Современное постиндустриальное общество и его проявления как общества потребления и информационного общества вырывает человека из традиционных связей и отношений, делает его одиноким, и, тем самым, ставит его в полную зависимость от информационного поля. Такое положение человека создает условия для возникновения новой формы терроризма – сетевого терроризма, когда террорист мотивируется на теракт информационным полем, но действует самостоятельно. Причем общество потребления не только создает условия для сетевого терроризма, но и фактически продуцирует его. В этом обществе наиболее вероятная форма религиозных взглядов – взглядов упрощенных, а значит радикальных. Это общество с необходимостью предлагает людям лишь один мировоззренческий выбор: либо гедонизм, либо религиозный радикализм. Возникновение и распространение сетевого терроризма в таком обществе неизбежны.

Но это приводит нас к следующему вопросу: «что делать? Традиционные методы борьбы с терроризмом через выявление террористических организаций и борьбу с ними к сетевому терроризму не применимы. Из классических методов остается лишь пассивная защита: охрана персон, охрана объектов и так далее. Но этого явно не достаточно. Необходимы новые методы выявления террористов, скорее всего они должны быть психологическими. Необходимы механизмы фиксации посещения радикальных сайтов и вообще контроль над Интернетом, хотя возможности такого контроля ограничены. Наконец нужно менять общественное мнение, шире – мировоззрение, а ещё шире – само общество потребления; конечно, это легче сказать, чем сделать, но есть ли у нас выбор?

Возможно, что эти размышления вызовут разочарование своей схематичностью. Но поставленная проблема существует, и она требует решения, в том числе с точки зрения теоретического осмысления.

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ТЕРРОРИЗМУ

ЕКАТЕРИНА БОРИСОВНА ФУРСОВА,

доцент факультета права и лингвистики

Московского государственного машиностроительного университета,

кандидат политических наук, доцент

E-mail: v.belskiy@bk.ru

Аннотация. Анализируется роль гражданского общества в противодействии терроризму в современных условиях. Рассматривается характер взаимодействия государства и гражданского общества в обеспечении личной и общественной безопасности, предотвращении террористических угроз.

Ключевые слова: гражданское общество, терроризм, общественная безопасность, права и свободы человека, противодействие терроризму, взаимодействие гражданского общества и государства, общественный (гражданский) контроль.

Annotanion. The article examines the role of civil society in counteraction to terrorism in the modern world. The nature of cooperation between the state and civil society in ensuring personal and public safety, preventing terrorist threats is examined.

Keywords: civil society, terrorism, public safety, human rights and freedom, counter-terrorism, the cooperation of civil society and the state, public (civilian) control.

Состояние общественной безопасности в Российской Федерации вызывает обоснованное беспокойство государства и граждан, поскольку уровень террористической угрозы пока остается достаточно высоким. Результаты общероссийских опросов общественного мнения показывают, что многие россияне опасаются, что они сами или их близкие могут стать жертвами теракта, не уверены в способности государственной власти защитить граждан от терактов, предотвратить их[1].

Достаточно высокими на протяжении последних лет являются показатели, отражающие обеспокоенность российских граждан за состояние личной и общественной безопасности. В 2011 г. об этом заявило 72%, в 2012 г. – 70, а в ноябре 2013 г. – 78% респондентов. Лишь около трети опрошенных (29%) в январе 2014 г. выразили уверенность в том, что российские власти способны оградить своих граждан от террористических актов. В сентябре 2012 г. такого мнения придерживалась половина опрошенных, а в августе 2013 г. – 55%. После взрывов в московском метро в 2010 г. аналогичный ответ дали 36% респондентов (апрель), а после захвата школы в Беслане (сентябрь 2004) – 28% опрошенных. После Волгоградской трагедии в конце 2013 г. большинство респондентов (63%) скептически оценивает способность властей защитить население от терактов. Более половины россиян (54%) после терактов в московском метро считали, что их можно было предотвратить. В отношении декабрьских терактов 2013 г. в Волгограде 45% респондентов придерживаются такого мнения. Вместе с тем, 44% опрошенных склонны думать, что терактов нельзя было избежать и защититься от терроризма невозможно.

Концепция общественной безопасности Российской Федерации, рассчитанная на период до 2020 г., в качестве одной из главных целей государства определяет повышение уровня защищенности населения от террористических угроз, приоритет в реализации которой отводится профилактическим мерам, совершенствованию «механизмов эффективного взаимодействия сил обеспечения общественной безопасности с общественными объединениями, международными организациями и гражданами по вопросам обеспечения общественной безопасности»[2].

Анализ российского и международного опыта противодействия терроризму показывает, что гражданское общество может и должно быть не только объектом защиты от посягательств, но и институтом поддержания политической, социальной и экономической стабильности в обществе, субъектом, обеспечивающим повышение эффективности превентивных контртеррористических мер[3]. Важная роль принадлежит гражданскому обществу также в осуществлении контроля за реализацией государством принципов законности, соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина.

Жестокость и бесчеловечность террористических актов, новые формы их проявления вызывают необходимость адекватного ответа общества, стремящегося эффективно защищать своих граждан. Международным сообществом разработан ряд правовых документов, регулирующих противодействие терроризму. Национальные системы законодательства различных стран также включают в себя соответствующие документы. В последние годы во многих странах наметилась тенденция ужесточения правовых и других норм противодействия экс-

тремизму и терроризму: ужесточено законодательство по противодействию терроризму во Франции и Великобритании, в различных странах изменяются в сторону радикальности формы и приемы силового реагирования на террористические угрозы. В настоящее время, власти в Англии опасаясь, что окончание активных военных действий в Сирии приведет к возвращению в страну людей с навыками террористических действий, готовят правовые и организационные меры к ограничению их въезда в страну, лишению участников боевых действий в Сирии британского подданства. Такие меры, по мнению ряда политических экспертов Великобритании, угрожают реализации основных прав и свобод граждан. Неоднозначную оценку гражданского общества на Западе получают также действия европейских спецслужб, которые в рамках международных договоров по противодействию терроризму обмениваются данными о боевиках; нередко в их адрес раздаются упреки в пренебрежении демократическими ценностями, поддержке авторитарных режимов[4].

В целях противостояния организованным террористическим группировкам западные государства вынуждены идти на «крайние» меры, так или иначе ущемляющие права граждан. В США в октябре 2001 г., после сентябрьских терактов, был принят Патриотический акт – федеральный закон, который дает правительству и полиции широкие полномочия по надзору за гражданами[5]. Документ, в частности, предусматривает расширение полномочий спецслужб по прослушиванию и записи телефонных переговоров, контролю электронной почты, по доступу к банковским счетам, увеличению срока задержания подозреваемых в террористической деятельности иностранных граждан без предъявления обвинения, возможности проведения негласных осмотров и обысков помещений. Пролонгация этого закона происходит в условиях острой дискуссии, связанной с опасением общества, что наделение чересчур широкими полномочиями правоохранительных и разведывательных органов государства может привести к их использованию против граждан, не связанных с терроризмом, для установления более тщательного контроля над обществом в ущерб конституционным правам и свободам граждан США. Ситуация с разоблачениями Э. Сноудена вновь привлекла внимание общественности к данной проблеме.

Поиск баланса между гражданскими свободами и рамками дозволенного в борьбе с проявлениями радикализма и экстремизма является актуальным для всего мирового сообщества. Российским законодательством о терроризме также предусматриваются определенные ограничения прав граждан, связанные с введением правового режима контртеррористической операции, в рамках которого

допускается, в частности, удаление граждан с отдельных участков местности, введение режима контроля телефонных переговоров, приостановление оказания услуг связи физическим и юридическим лицам, временное отселение лиц, введение карантина и т.д.

В российском обществе в целом с пониманием относятся к необходимости временного ограничения личных прав и свобод граждан и поддерживают жесткую реакцию государства по отношению к посягательствам на общественную безопасность. Так, 78% граждан России считает, что проблему терроризма следует решать только путем уничтожения террористов. Необходимость ведения переговоров с террористами допускают лишь 15% опрошенных[6].

Одной из форм реакции общества на серию терактов в Волгограде в конце 2013 г. стали многочисленные инициативы по внесению изменений в Уголовный кодекс РФ по ужесточению наказания за терроризм. Законопроект, внесенный депутатами Государственной Думы И.А. Яровой, О.И. Денисенко, И.В. Лебедевым, Л.Л. Левиным, А.К. Луговым, Ш.Ю. Саралиевым, Н.А. Шайденко, предлагает отнести пропаганду и поддержку терроризма к отягчающим обстоятельствам за совершенные преступления, не применять сроки давности к лицам, совершившим преступления террористической направленности. Усиливается ответственность за прохождение обучения террористической деятельности, организацию террористического сообщества и участие в нем, за организацию незаконного вооруженного формирования или участие в нем. Предлагается увеличить наказание за теракт, ввести по ряду статей террористической направленности пожизненное заключение.

По большей части с пониманием в российском обществе отнеслись к предлагаемым поправкам в закон «О федеральной службе безопасности», расширяющим полномочия ФСБ. Эти меры направлены на предупреждение и пресечение террористической деятельности; депутаты предлагают разрешить сотрудникам ФСБ не только проверять удостоверяющие личность документы, но и проводить личный досмотр граждан и досматривать транспорт при подозрении, что он используется в противоправных целях.

Неоднозначное отношение вызвали у граждан России инициативы депутата Р. Худякова, внесенные им после встреч с избирателями. Он полагает, что в современном российском уголовном законодательстве существует значительный разрыв между степенью общественной опасности совершенного преступления и наказанием за него и предлагает не только увеличить наказание по ряду статей УК, в частности за «террористический акт» (ст. 205 УК), «содействие террористической деятельности»

(ст. 205.1 УК), «публичное оправдание терроризма» (ст. 205.2 УК), «прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности» (ст. 205.3 УК), «организация террористического сообщества и участие в нем» (ст. 205.4 УК), «организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации» (ст. 205.5 УК) и «захват заложника» (ст. 206 УК), но и ввести новую статью, которая предусматривала бы уголовную ответственность для близких родственников преступника, совершившего теракт, если будет доказаны их взаимоотношения и контакты с ним в течение года. Аргументируя свое предложение, депутат ссылается на опыт Израиля, где дом, в котором проживает семья террориста (или лица каким-либо образом причастного к совершению преступления против общественной безопасности), подлежит сносу[4]. Сторонники распространения ответственности на близких террористов обращают внимание на имеющиеся факты получения средств их родственниками. По их мнению, распространение ответственности на близкое окружение может заставить потенциальных террористов остановиться, осознав, что бремя расплаты за их деяния ляжет также на их близких.

Противники распространения уголовной ответственности на родственников террористов указывают, что в Уголовном кодексе уже закреплены различные виды соучастия в преступлении и этого вполне достаточно для привлечения к ответственности виновных лиц, а возвращение к наказанию по принципу «брат за брата» является отступлением от демократических завоеваний современности. К тому же распространение репрессивных мер на близкое окружение террористов может способствовать расширению социальной базы экстремизма.

Бурное обсуждение вызвали предложения по изменению порядка использования платежных интернет-систем, целью которых является создание препятствий для материального обеспечения террористической деятельности. Однако, многие аналитики полагают, что ограничение суммы переводов денежных средств может ударить не столько по предполагаемым террористам, сколько по легально действующим благотворительным фондам и организациям, оказывающим адресную помощь больным и нуждающимся, а также по населению и экономике страны в целом.

Сложившаяся правоприменительная практика создает обоснованные опасения в российском обществе по поводу распространения вновь вводимых мер на граждан, не связанных с терроризмом. Нахождение необходимого консенсуса в диалоге власти и общества возможно при усилении контроля за правовой составляющей деятельности правоохранительных органов. Поддержка анти-террористических усилий государства должна до-

полняться конструктивной критикой деятельности его представителей. В демократическом обществе это осуществляется независимыми средствами массовой информации, действующими институтами гражданского общества. **Есть основания надеяться, что с принятием закона «Об общественном (гражданском) контроле в Российской Федерации», регулирующего такие формы контроля, как мониторинг, экспертиза, проверки и расследования, появятся правовые основы и реальные условия для создания устойчивого взаимодействия гражданского общества и государства при обеспечении общественной безопасности, предупреждении террористической угрозы.**

Общественная дискуссия по поводу предполагаемых мер законодательного реагирования на посягательства на общественную безопасность должна вестись с учетом всестороннего анализа того, насколько вводимые ограничения могут способствовать предотвращению терактов, искоренению терроризма как явления. Обществу необходимо научиться дифференцировать реальную угрозу от попыток ее использования для усиления политического и экономического влияния.

Эффективность диалога напрямую зависит от уверенности общества в том, что целью предлагаемых ограничений является не установление тотального контроля над обществом в оруэлловском духе, а предотвращение противоправных посягательств на полноценную реализацию прав и свобод граждан. Адекватное восприятие и поддержка государственной антитеррористической политики напрямую зависит от степени информированности общества по вопросам безопасности, понимания предлагаемых мер, уяснения им сути террористической угрозы и осознания необходимости гражданского содействия силовым структурам.

С образованием Национального Антитеррористического Комитета начала складываться определенная система просвещения российских граждан, от доведения до них рекомендаций как правильно ориентироваться и действовать в экстремальных и чрезвычайных ситуациях, как обеспечить создание условий, способствующих расследованию преступлений, информации о структуре и функциях, результатах деятельности государственных органов, противодействующих терроризму, до разъяснения природы, причин и опасности терроризма.

В русскоязычном секторе Интернета размещается большое количество информационно-аналитических материалов, исследующих историю, природу, динамику, тенденции современного терроризма. Создан информационно-аналитический портал НАК, позволяющий ознакомиться с рекомендациями по правилам безопасности, контактной

информацией региональных антитеррористических комиссий и оперативных штабов и оперативной информацией об их текущей деятельности. Аналогичный портал в США содержит официальную информацию об уровне террористической угрозы и советы гражданам, направляющимся в «опасные зоны».

В условиях становления гражданского общества, недостаточной его самоорганизации в современной России ведущая роль в информационном противодействии терроризму принадлежит СМИ. Целью террористических актов является воздействие на государство, в том числе и путем устрашения гражданского населения через влияние на общественное сознание, порождающее ощущение паники и страха. В связи с этим возрастает роль СМИ в информировании общества о совершившихся и готовящихся терактах, в объективном и полном освещении антитеррористических операций.

Анализ информационных материалов ведущих российских СМИ, посвященных трагическим событиям в Волгограде в конце 2013 г. показывает, что большинство журналистов не просто используют их как информационный повод, но и стараются задавать модель восприятия события, включающую негативную оценку насильственных методов террористов, сочувствие к жертвам теракта, поддержку действиям властей по преодолению их последствий. Работники СМИ все чаще демонстрируют понимание, что полнота и свобода передачи информации в подобных условиях ограничивается правом человека на жизнь и спасение, и стремятся проявлять такт и внимание к жертвам и их родственникам.

Велико значение СМИ в превентивной борьбе с идеологией экстремизма и терроризма. Постоянное и целенаправленное разоблачение ее антигуманного характера, выявление ее роли в вовлечении людей в антиобщественную деструктивную деятельность, опровержение навязываемых экстремистами мифов, демонизирующих представителей силовых структур и героизирующих «деятели» бандитского подполья, должно способствовать уменьшению социальной базы терроризма, осознанию неправомерности использования насилия в разрешении социальных, политических и иных противоречий и проблем.

Системное противодействие идеологии терроризма включает в себя реформирование образовательного пространства, предполагающее не только создание безопасной среды, но и изменение содержания образовательного процесса, ориентацию его на воспроизводство ненасильственных норм поведения и разрешения противоречий и конфликтов. Школьные образовательные стандарты предусматривают получение знаний, позво-

ляющих ориентироваться в противоречивых явлениях современности, развитие качеств личности и формирование навыков действий, необходимых для обеспечения безопасного поведения в опасных и чрезвычайных ситуациях. Воспитание молодого гражданина, понимающего противоречивость и небезопасность современного мира, должно продолжаться и в стенах высших учебных заведений, где, с учетом региональной и профессиональной специфики, в учебные программы дисциплин социального и гуманитарного профиля могут включаться разделы антитеррористической направленности (например, обсуждаться формы личного и общественного противодействия терроризму).

Террористические атаки, приносящие боль, страх и разрушения, являясь посягательствами на базовые человеческие ценности – жизнь, здоровье, безопасность, мешают полноценной реализации других прав и свобод граждан в демократическом обществе, поскольку государства, в противостоянии терроризму, вынуждены идти на ограничительные меры. Задачи гражданского общества в противодействии терроризму многоплановы – это и контроль за правомерностью и обоснованностью ограничения прав и свобод человека в целях борьбы с экстремизмом, и поддержка законных действий силовых структур и пресечение злоупотреблений с их стороны в ходе антитеррористических акций, а также формирование негативного отношения к практике и идеологии терроризма и позитивного общественного сознания, исключающего саму возможность использования насилия для достижения каких-либо целей.

1. См.: Пресс-выпуск №2466 ВЦИОМ 2 декабря 2013 г. «Террористическая угроза: вчера, сегодня... завтра?»: <http://wciom.ru/index.php?id=515&uid=114624>; Пресс-выпуск № 2496 ВЦИОМ 21 января 2014 г.; «Террористическая угроза: после трагедии в Волгограде»: <http://wciom.ru/index.php?id=515&uid=114681>.

2. См.: Концепция общественной безопасности в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 20 ноября 2013 г.): <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70425172/>.

3. См.: *Акопян О.А.* Противодействие терроризму как общая задача властей и граждан. Зарубежный опыт М: НИРСИ, 2010.

4. См.: *Озеров М.* Британию ждет джихад? // Комсомольская правда. 2014. 27 января.

5. USA PATRIOT Act of 2001. Public Law. No. 107-56. OCT. 26, 2001.

6. См.: Пресс-выпуск № 2496 ВЦИОМ 21 января 2014 г. «Террористическая угроза: после трагедии в Волгограде»: <http://wciom.ru/index.php?id=515&uid=114681>.

7. См.: Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в гл. 4, гл. 5, ст.ст. 44, 45, 56, 57 и 59 гл. 9, ст. 71 гл. 10, ст.ст. 205, 205¹, 205², 205³, 205⁴, 205⁵ и 206 гл. 24 Уголовного кодекса Российской Федерации»: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28Spravka%29?OpenAgent&RN=437705-6&02>.

СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ МОЛОДЕЖИ КАК УСЛОВИЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ В МОЛОДЕЖНОЙ СУБКУЛЬТУРЕ

ЛИЛИЯ ИСМЕТОВНА КЕМАЛОВА,

*доцент кафедры социологических наук и социальной работы
Керченского государственного морского технологического университета,
кандидат философских наук
E-mail: kemalova@yandex.ru*

Аннотация. Характеризуется социальная ответственность молодежи, раскрывается ее роль в противодействии экстремизму в молодежной субкультуре. Выделяются пути формирования социальной ответственности молодежи в современных условиях.

Ключевые слова: молодежь, социальная ответственность молодежи, молодежная субкультура, экстремизм, формирование социальной ответственности молодежи.

Annotation. The article characterizes the social responsibility of young people, its role in resistance to extremism in the youth subculture is revealed. Stand ways of forming social responsibility of youth in modern conditions. The ways of forming social responsibility of youth in modern conditions are emphasized.

Keywords: youth, youth social responsibility, youth subculture, extremism, the formation of the social responsibility of young people.

Известно, что все крупные социальные преобразования будут успешными в той мере, в какой в них сознательно и ответственно участвуют значимые силы общества. Молодежь – одна из таких сил, которая должна уметь не только принимать самостоятельные решения в нестандартных ситуациях, но и нести за них ответственность. Вместе с тем, молодежная среда, в силу своих социальных характеристик и остроты восприятия окружающей обстановки, является той частью общества, в которой наиболее быстро происходит накопление и реализация негативного протестного потенциала. Этим зачастую пользуются различные социально-политические силы в своих политических и иных целях. Чтобы противостоять этому, крайне важным является наличие у молодежи чувства социальной ответственности за свои действия и их последствия. Формирование социальной ответственности у молодежи, когда под воздействием различных негативных социальных процессов в современном обществе распадаются устоявшиеся социальные институты, утрачиваются нравственные, экономические, правовые, семейные и иные нормы и ценности, является важным фактором противодействия экстремистки ориентированным субкультурам в молодежной среде, сохранения социальной стабильности и обеспечения общественного прогресса. Как отмечал К. Манхейм, «молодёжь – это один из скрытых ресурсов, которые имеются в каждом обществе

и от мобилизации которых зависит его жизнеспособность» [1].

Сознание современного молодого человека, формирующееся в разнообразных потоках коммуникации, в условиях отсутствия целостной культуры и распада социальных связей, представляет собой мозаичную картину с ориентиром на культ максимализма и нигилизма. В этой ситуации, с одной стороны, наблюдается рост бездуховности, утрата меры ответственности личности, а с другой, – создаются возможности для самореализации, проявления чувства ответственности за себя и за то, что происходит вокруг. Создание условий для успешной самореализации молодого человека, формирование в нем не только личной (перед самим собой), но и социальной (перед обществом) ответственности – одна из основных задач современного социума.

Молодежь – социально-демографическая группа, выделяемая на основе обусловленных возрастом особенностей социального положения молодых людей, их места и функций в социальной структуре общества, специфических интересов и ценностей [2]. Молодость как определённая фаза жизненного цикла, биологически универсальна. Однако, её конкретные возрастные рамки и связанные с ними социальный статус и социально-психологические особенности имеют социально-историческую природу и зависят от общественного строя, культуры и

свойственных тому или иному обществу содержанию и характеру социализации. Английский ученый Саймон Фрис предложил рассмотрение социального контекста состояния молодости как процесса перехода от детства к взрослости, *перехода от зависимости – к независимости и от безответственности – к ответственности*, в границах от 11 до 28 – 30 лет [3].

Е. Омельченко при характеристике молодежи использует следующие категории: 1) возраст; 2) зависимость; 3) семья; 4) образование; 5) работа; 6) *ответственность* (выделено мною – Л.К.) [4]. Молодость – это время, когда человек принимает на себя все новую и новую ответственность за то, что он делает, учится ощущать вину за содеянное.

Молодежь – специфическая переходная группа, находящаяся на «жизненном перепутье» и относящаяся к группе так называемых «запланированных маргиналов». Молодёжь находится в маргинальном положении, если рассматривать её в ракурсе поколения, которое переходит из мира детства в мир взрослых, от одних социальных ролей к другим, и этот процесс перехода весьма сложен и противоречив. Стремление юного человека адаптироваться, интегрироваться в различные сферы жизнедеятельности способствует поиску модели жизненного, социального, профессионального, личностного самоопределения. Возникает потребность в идентификации с какой-то общностью. Высокая комфортность в отношении ценностей своей группы сочетается с критическим отношением к ценностям и нормам взрослых, что продуцирует межпоколенческий ценностный конфликт. При этом надо учитывать, что само поколение молодёжи неоднородно в своем составе и дифференцируется в своём социально-групповом и поколенном измерении.

Социальная неопределённость трансформационных процессов в современном обществе формирует большое пространство социальных рисков, в котором пытается реализовать свою субъектность молодёжь, лишённая такой важной опоры, как единая система социокультурных норм и ценностей, выступающая основой социальной регуляции в обществе. В этих условиях растёт численность маргинализирующейся молодёжи, чье социальное положение и будущее неопределённо, нестабильно, что является источником воспроизводства социальных рисков. При этом надо учитывать, что процесс маргинализации молодёжи имеет как позитивные последствия в виде инновационного характера развития молодёжи, апробирующей новые пути социальной адаптации, жизненной самореализации, так и негативные, связанные с тем, что отклоняющиеся от необходимой социальной траектории формы поведения и адаптации часто выводят молодёжь на путь социальной эксклюзии.

Выбор зависит, в том числе, и от меры социальной ответственности молодежи.

Проблеме социальной ответственности в той или иной степени уделяли внимание такие мыслители, как М.М. Бахтин, Н.А. Бердяев, Н.О. Лосский, В.В. Розанов, В.С. Соловьёв. В советский период философия, находясь в рамках марксистской парадигмы, сосредоточивала свой интерес на таких аспектах как: социальная природа ответственности, соотношение свободы и необходимости, свободы и ответственности, ответственность личности. В исследованиях В.И. Вырового, С.И. Дмитриевой, Н.И. Лавриненко, И.Н. Мишурова, В.И. Сперанского, В.С. Яковлева ответственность трактуется как следствие способности человека предвидеть последствия своих поступков, а также как определенное качество личности добровольно согласовывать и творчески направлять свои действия в интересах прогресса человечества. Следует отметить, что под ответственностью понимается ответственность не только личности перед обществом, но и общества перед личностью.

Социальная ответственность молодежи как особой маргинальной(переходной) группы имеет свою специфику. С одной стороны, эти особенности обусловлены биологическими, психологическими, возрастными особенностями молодежи. Ей, в частности, присущи оригинальная форма мышления, эмоциональная избыточность, склонность к переоценке собственных возможностей, искренность, максимализм, категоричность оценок, зачастую некритическое следование авторитетам. С другой стороны, особенности социальной ответственности молодых определяются той общественной микросферой, в которой осуществляется каждодневная жизнедеятельность молодежи.

Как социальное качество личности ответственность – это одна из сторон жизненной позиции человека, она направляет его действия в соответствии с принятыми в социальной группе, обществе нормами. Кроме того, социальная ответственность выступает как необходимое условие деятельности человека и является одним из главных показателей при оценке поступка личности. В результате динамичных и часто изменяющихся по содержанию, характеру и направленности социальных процессов в современном обществе растёт напряженность: молодой человек пытается адаптироваться в меняющемся обществе, но эти попытки зачастую демонстрируют патологический характер; поиск собственной идентичности, попытки закрепиться в жизни ведут к неуверенности, желанию сформировать круг близких по духу людей, найти ответственного за свои беды и неудачи. Нередко такой средой вполне может стать экстремистская субкультура, неформальное объединение, политическая радикальная организация или тоталитарная секта, даю-

щие молодежи простые и конкретные ответы на вопросы: «Что делать?» и «Кто виноват?»

Под молодежной субкультурой понимается культура определенного молодого поколения, обладающего общностью стиля жизни, поведения, групповых норм, ценностей и стереотипов. Молодежные субкультуры влияют на изменение ценностного мира и культурных образцов, регулирующих поведение молодежи, часто выступая источником её маргинализации, которая сопровождается проникновением в культурный мир молодежи элементов антикультуры в виде пороков человеческого поведения, сквернословия, сексуальных извращений.

Антисоциальные, экстремистски ориентированные молодежные субкультуры носят ярко выраженный агрессивный характер, ее члены характеризуются стремлением утвердить себя за счет других. К ним относятся так называемые скинхеды, гопники, «банды», которые, поделив город на зоны влияния, жестоко расправляются с «чужаками». Скинхэды («бритоголовые»), которые под лозунгами крайнего национализма и шовинизма, насаждают ненависть к представителям других национальностей и религий, считают, что на них возложена огромная ответственность за судьбы народов. Они относятся к категории экстремистских молодежных групп. Экстремистская группа – организованное объединение агрессивной направленности, характерными чертами которого является протестная психология, жесткая иерархическая структура, сильное групповое давление на его участников и исходная нацеленность на нарушение социальных норм по принципу противопоставления «мы – они».

Часть молодежи в результате негативных социальных последствий либеральных реформ 1990-х годов в постсоветских обществах оказалась в состоянии дезадаптации к новой системе жизни, что вызвало пессимизм, апатию, дезориентацию, асоциальное поведение, усиление социального протеста. Сила и направленность протестной энергии молодежи, несомненно, определяются кризисным состоянием, общей нестабильностью, расколом общества. В качестве определяющего социального фактора выступает социальный, экономический, духовный кризис современного общества, находящегося в состоянии неустойчивого равновесия. Это общесистемное качество и порождает многие социальные противоречия и конфликты. Seriously сказываются также рост имущественного расслоения, социальной дифференциации и маргинализации общества, отсутствие условий для социализации молодежи, разрыв в межпоколенческой преемственности.

Например, в Украине активность экстремистских групп начала расти с 2005 г., когда о себе заявили ультраправые молодежные неформальные объединения, деятельность которых ориентировалась на насильственные действия на почве расовой

и национальной вражды[5]. Наиболее агрессивные из них – ультраправые группы из числа так называемого движения «Белая Власть – Скинхед Спектрум» (White Power – Skinhead Spektrum), украинский филиал мировой экстремистской сети «Кровь и Честь» (Blood & Honour), военизированная неонацистская секта «Мировая Церковь Творца Рутения» (World Church of the Creator Ruthenia). Их идейная основа – идеология расизма и национализма. Наиболее многочисленные группы скинхедов сформировались в Киеве, Днепропетровске, Запорожье, Львове, Севастополе, Чернигове и Автономной Республике Крым. Причины участия молодых людей в молодежных экстремистских группах, как правило, очень разные: одиночество и стремление самоутвердиться любым путем; стремление разнообразить досуг; стремление к лидерству; вкус борьбы за идею; стремление показать свою нужность сверстникам, псевдоидеалы о чистоте расы.

Среди подобных структур наиболее привлекательными для молодежи являлись крайне правые и крайне левые экстремистские организации, дающие ощущение риска, романтики, возможности активных действий и не делающие упора на моральные и умственные качества индивида. На территории Украины в последние годы, кроме неонацистских объединений, пропагандирующих расизм и крайние формы национализма (что нашло отражение в субкультуре скинхедов), активизировалась деятельность таких исламистских экстремистских групп, как Ат-Такфир-валь-Хиджра и Хизб-ут-Тахрир. Они привлекали молодежь не только идеологическими лозунгами, но и финансовыми «вливаниями», что особенно заманчиво для безработной молодежи.

Значительное число членов молодежных экстремистских группировок в период событий в Украине в конце 2013 – первой половине 2014 годов стали бойцами «Правого сектора», принимали участие в захвате правительственных зданий в Киеве, террористических действиях против сотрудников правоохранительных органов, вооруженном захвате государственной власти. В составе государственных и негосударственных формирований они осуществляли акты геноцида и террора на территориях Донецкой и Луганской областей, в Одессе.

Для противодействия экстремизму в молодежной среде, росту числа экстремистских молодежных субкультур необходимо реализовать определенные меры экономического, социального, политического характера, с целью обеспечения стабильности в этих сферах. Однако, эти меры должны быть дополнены важными изменениями в духовной сфере, нацеленными на создание продуманной системы воспитания, образования, обучения, но главное – на формирование у молодежи чувства социальной ответственности за свои поступки.

Каковы пути формирования социальной ответственности молодежи? Среди организационно-педагогических условий формирования социальной ответственности молодежи и методов разрушения экстремистского пространства можно выделить: 1) ориентированность учебно-воспитательной деятельности на формирование социально значимых качеств личности; 2) организация свободного времени молодежи путем формирования комфортной культурно-досуговой среды; 3) актуализация межэтнической толерантности, воспитание ответственной, успешной личности, ориентированной на ценности гражданственности; 4) разработка системы психокоррекционной работы, ориентированной на профилактику ненормативной агрессии и экстремистской активности; 5) развитие конструктивной социальной активности подростков и молодежи; 6) развитие позитивных, просоциальных молодежных субкультур, общественных объединений, движений, групп; 7) создание альтернативных форм реализации экстремального потенциала молодежи; 5) обеспечение учебных программ аксиологическим компонентом. В связи с этим ядром учебного процесса должны стать дисциплины социально-гуманитарного цикла, одной из задач которых и является формирование творческой, социально ответственной личности. Социальная ответственность

молодежи не может повыситься без радикальных перемен во всей совокупности экономических, социальных, политических и идеологических учреждений. Именно это обстоятельство обуславливает насущную потребность осуществляемых в настоящее время реформ, прежде всего экономической и политической.

Молодежь как маргинальная группа, с одной стороны, является источником социально-экономического и духовного возрождения страны, а с другой, – пополнения криминала, наркомании, формирования социальной напряженности, радикализма и экстремизма как предпосылки терроризма. Она может быть как фактором ускорения, так и торможения общественного развития. Это зависит от меры социальной ответственности молодых людей.

1. Мангейм К. Диагноз нашего времени. Пер. с нем. и англ. / К. Мангейм. М.: Юрист, 1994. С. 443.
2. См.: Социальная энциклопедия /Под ред. А.П. Горкина. М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. С.173.
3. См.: Интернет-ресурс: <http://www.eurolab.ua/news/ukraine-news/42827>.
4. См.: Омельченко Е. Молодёжные культуры и субкультуры. М.: Институт социологии РАН, 2000. С. 7 – 22.
5. См.: Интернет-ресурс: <http://ru.tsn.ua/ukrayina/v-ukraine-stalo-bolshe-skinhedov-i-neonatsistov.html>.

ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ БАЗЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ТЕРРОРИЗМА В СЕВЕРОКАВКАЗСКОМ РЕГИОНЕ РОССИИ: ЭТНОРЕЛИГИОЗНЫЙ АСПЕКТ

ЛЕОНИД БОРИСОВИЧ КРИСТАЛИНСКИЙ,
докторант Национального института бизнеса,
кандидат политических наук, доцент
E-mail: v.belskiy@bk.ru

Аннотация. Рассматривается взаимосвязь терроризма с этническими и религиозными особенностями населения Северокавказского региона России.

Ключевые слова: терроризм, экстремизм, религия, ислам, мусульманское население, этнос, Северокавказский регион, этнорелигиозный фактор.

Annotation: The correlation of terrorism and ethnic and religious characteristics of the population of the North Caucasus region of Russia is examined in the article.

Keywords: terrorism, extremism, religion, Islam, the Muslim population, ethnos, North Caucasus region, ethno-religious factor.

Одной из наиболее сложных и опасных «реалий современного мира» является терроризм. В последние десятилетия он получил довольно широкое распространение как в жизни мирового со-

общества, так и в российской действительности. И нет необходимости доказывать, что большинство крупных террористических актов (далее теракт) в новейшей истории России происходило либо в се-

верокавказском регионе, либо по сложившимся в нем причинам.

Многочисленные проявления террористической деятельности в российском пространстве Северного Кавказа обуславливают внимание к обстоятельствам, порождающим терроризм в регионе. В широком спектре таких обстоятельств особое место принадлежит этнорелигиозным факторам.

Следует уточнить, что автор солидарен с доминирующим в общественном сознании мнением об «отсутствии национальности у террористов». Понятие же «этнорелигиозные факторы» указывает не на отождествление представителей того или иного этноса, той или иной конфессии с сообществом террористов, а на устойчивое стремление деструктивных политических сил в реализации своих намерений опираться на агрессивные религиозные мировоззрения и этносоциальные группы, потенциально подверженные восприятию соответствующих идеологий.

Формирование на Северном Кавказе «очага» терроризма неразрывно связано с событиями периода распада СССР. С прекращением его существования в некоторых регионах России начались так называемые процессы политического размежевания. В 1990-х гг. к открытому вооруженному противостоянию с федеральным центром привели центробежные устремления определенной части политической элиты Чеченской Республики. В это же время до уровня угроз государственной безопасности выросла приверженность сепаратизму некоторых этнических лидеров в ряде северокавказских субъектах. Сложившаяся на Северном Кавказе обстановка обусловила «всплеск» террористической активности, приведшей к многочисленным человеческим жертвам как в самом регионе, так и за его пределами.

Анализ «террористической войны», продолжающейся в России уже почти четверть века, по мнению автора, выявляет определенные характеризующие ее качественные изменения. Следует обратить внимание, что причиной большинства терактов конца XX – начала XXI вв. их организаторы называли «оккупацию Ичкерии российскими войсками». Выдвигались и соответствующие требования террористов к правительству Российской Федерации: вывести из Чеченской Республики вооруженные силы, освободить «военнопленных» (а по сути – преступников, занимавшихся бандитизмом), предоставить независимость Чечне и т.п. Налицо попытки реализации политических амбиций преступного сообщества, в том числе, представителей иностранных государств, выступающего якобы от лица чеченского народа.

В начале третьего тысячелетия стала заметна постепенная трансформация идеологического вектора деятельности террористов, происходящая так-

же не без зарубежного вмешательства. Изменения обозначились в ранжировании ее обоснований: от главенствующей роли этнополитического сепаратизма с элементами религиозной общности «борцов за независимость Ичкерии» (в 1990-х гг.) к приоритетам установления мирового религиозного порядка, основанного на «чистом исламе» (на рубеже первой декады XXI в.). В последнем случае «террористический джихад» в России рассматривается как этап строительства сначала регионального, а в будущем мирового халифата.

О «глобальности» своих намерений исламские радикалы открыто повествуют в собственных информационных ресурсах. Несмотря на ограничение российским законодательством доступа к ним, в реальности не составляет труда с помощью компьютера или смартфона изучить, например, информационное содержание «сайтов-близнецов» UmmaNews.com, UmmaNews.ru, IslamUmma.net, IslamUmma.com и др. Ознакомление с этими ресурсами свидетельствует о целеустремленной деятельности их «хозяев» по привитию пользователям сети Интернет радикальных взглядов на роль, место и перспективы ислама как в мире, так и в России.

Заявления «виртуальных» проповедников «чистого ислама» наглядно знакомят с его приоритетами, отражают презрение фундаменталистов к народам и странам, не почитающим их идеологию, открыто поощряют любые (в том числе террористические) методы уничтожения «кафиров» и замещения шариатом немусульманских политико-правовых систем. Например, Шейх Абу Мухаммад аль-Макдиси на сайте ummanews.ru так объясняет позицию «истинных мусульман»: «двойные стандарты относительно того, как ваши страны относятся к Исламу и мусульманам, разве их недостаточно, чтобы ненавидеть вас и питать отвращение к вам!»[1].

В выборе потенциальных потребителей сведений, представленных в указанном Интернет-ресурсе, достаточно наглядно просматривается этническая основа. Так, ветвление раздела «Кавказ» осуществляется по этнотерриториальному признаку северокавказских земель: «Виляят Дагестан», «Виляят КБК», «Виляят Ногайская степь», «Виляят Галгайче», а в целом все это, по мнению администрации сайта, именуется «Имарат Кавказ».

О международном характере религиозно-политического процесса «построения мирового халифата», с включением в него «мусульманских» регионов России в качестве элементов единой системы свидетельствует происходящая во всем мире, как будто по «глобальному плану», экспансия исламского фундаментализма. Ей сопутствуют многочисленные теракты, религиозные революции, массовая (часто принудительная) миграция немусульман и др.

Единый «сценарий» расширения сферы влияния «чистого ислама» подтверждается и его агрессивным проникновением в постсоветские государства с преобладающим мусульманским населением (Азербайджан, Туркменистан, Казахстан и др.). Ближневосточный и центрально-азиатский «плацдармы» фундаментального ислама геополитически должны быть «скреплены» российскими территориями в интересах формирования неразрывного религиозно-политического пространства. На карте мира видно, что данная «перемычка» между Центральной Азией и Ближним Востоком достаточно «гармонично накладывается» на пограничное пространство России на Северном Кавказе и в нижнем Поволжье.

С учетом изложенного объяснима причина возрастания интереса исламских фундаменталистов к этнорелигиозной специфике северокавказских регионов России, в которых доминирует мусульманское население. Говоря об этой территории, политолог В.Ю. Ильясов справедливо отмечает: «Исламская культура является одним из важнейших составных элементов единой социокультурной системы Северного Кавказа. По отношению к исламу идентифицируют себя большинство его народов. Кроме того, на основе исламской религии инстинктивно выстраивались и политические отношения»[2]. Данная оценка, по мнению автора, достаточно весомо указывает на религиозно-политический потенциал северокавказского региона Российской Федерации с постепенно растущим по абсолютным и относительным показателям мусульманским населением.

Отмеченная специфика Юга России детерминировала активность использования в своих интересах лидерами радикальных течений ислама оживившиеся после распада Советского Союза процессы религиозного возрождения в этом пространстве. По мнению автора, доминирование мусульман в северокавказских республиках, в сочетании с периферийным расположением последних, облегчает исламским фундаменталистам решение ряда задач на пути создания халифата. Судя по развитию этнорелигиозной обстановки на Северном Кавказе, такие задачи сводятся к дестабилизации политической ситуации в регионе (России в целом); постепенному отторжению от России ее приграничных территорий, населенных мусульманами; дальнейшему распространению идей «чистого ислама» с соответствующей политической и территориальной экспансией.

Одним из средств реализации указанной цели избран терроризм, который в спектре методов деятельности воинствующих исламистов занял доминирующую позицию. Это стало особенно заметно, когда российскими Вооруженными Силами были уничтожены основные военные ресурсы чеченских

сепаратистов. В этот период, как верно отмечает С. Иванов, «боевики и их лидеры смогли приспособиться к новым для себя условиям, перешли в глубокое подполье, сменили тактику действий, распространили организационную и террористическую активность практически на все республики Северного Кавказа»[3].

Весомую роль в организации террористической деятельности в северокавказских территориях продолжает играть возможность пополнения рядов экстремистов местными людскими ресурсами. Рекрутирование «добровольцев» на «террористический джихад» производится преимущественно за счет тех северокавказских этносов, для которых ислам традиционно является частью религиозной культуры.

Немногочисленные пока факты участия в террористической деятельности на Северном Кавказе лиц другой этнической принадлежности, из других мест их проживания на территории России свидетельствуют об умышленном расширении проповедниками «чистого ислама» мобилизационной базы своих последователей. Например, нельзя отрицать наличие пропаганды идей исламского экстремизма в среде этносов, для которых ислам не является традиционной религией. Это наглядно подтверждается, например, фактами выявления среди террористов русских мусульман.

Однако, по-прежнему основным источником увеличения числа последователей «исламского радикализма» остаются сообщества мусульман и, прежде всего, в Северо-Кавказском федеральном округе. Например, почти 66% российских граждан, официально включенных в перечень лиц, сопричастных к экстремизму или терроризму, являются уроженцами Северного Кавказа[4]. Говоря о Северокавказском регионе, политологи небезосновательно отмечают, что «ваххабиты успешно работают здесь с населением (особенно молодежь), грамотно используя просчеты государственных структур и нейтрализуя контрпропаганду традиционных мусульман, в том числе и посредством физического устранения их лидеров. ... наиболее ваххабизированным регионом России на данный момент является Дагестан... увеличение количества ваххабитов практически от нуля до половины (по оценкам некоторых экспертов) всех мусульман республики заняло всего 14 лет...»[5].

Приведенное мнение подтверждает предположение, что коренное население южных республик может рассматриваться как основной источник рекрутирования адептов радикального ислама в России. Этому способствует также сохраняющаяся в течение нескольких десятилетий тенденция уменьшения в этнической структуре российского населения доли русских и увеличения числа представителей этносов, традиционно исповедующих ислам.

Это особенно заметно в республиках Северного Кавказа.

Результаты переписей населения, проводившиеся в СССР и РФ с 1970 по 2010 г., свидетельствуют, что за этот период более чем в 1,5 раза уменьшилась доля русских в Кабардино-Балкарии и Северной Осетии – Алании, в 4 раза – в Дагестане, в десятки раз – в Чеченской Республике и в Республике Ингушетия (34,5% в Чечено-Ингушетии в 1970 г. до 1,9% и 0,8% в 2010 г. соответственно). Особенно явно эта тенденция проявилась в постсоветские годы.

Отвечает интересам исламских фундаменталистов и повышенная мобильность представителей северокавказских этносов, что способствует «расползанию» идей «чистого ислама» за пределы традиционного проживания российских мусульман. В этой связи примечательно наблюдение исследователя Р.А. Силантьева, который в 2006 г. констатировал: «За последнее десятилетие выходцы из Северного Кавказа заметно изменили этнический состав всех крупных и средних городов страны, что позволило им оспорить монополию Поволжской уммы на Дальнем Востоке и в центральной России»[6].

Несмотря на то, что традиционный ислам, бесспорно, является последовательным проводником общечеловеческих ценностей и идей бесконфликтного развития мирового сообщества, именно мусульмане стали в России объектом первоочередного внимания проповедников радикальных религиозных взглядов. Умело подменяя гуманистическое содержание ислама агрессивными постулатами псевдомусульманского толка, они организуют нередко открытые акции «вербовки» новых «братьев» у стен (а иногда и внутри) мечетей, медресе, мусульманских культурных центров. Подобные факты зафиксированы даже в столице России (16 сентября 2011 г. мечеть на ул. Хачатуряна, 3 октября 2013 г. Историческая мечеть, 27 сентября 2013 г. мечеть Ярдям и др.). На радикальное восприятие ислама деструктивные силы, как было отмечено выше, нацеливают и информационно-коммуникативный потенциал глобальной сети Интернет.

Правомерно отметить наращивание в России усилий исламских фундаменталистов по втягиванию в противоправную религиозную деятельность представителей «немусульманских» этносов. Однако, анализ официального списка российских граждан, причастных к экстремистской деятельности или терроризму, позволяет

сделать ряд выводов. Так, в этом списке 77% фамилий преимущественно соответствуют антропонимической коннотации российских регионов с преобладающим мусульманским населением, при этом аналогичная выборка по уроженцам Северо-Кавказского федерального округа составляет 98,65%. Следует также учесть, что в последнее время фактов проповедей «чистого ислама» в российских христианских церквях и семинариях, равно как и в пагодах, синагогах, кирхах и др. немусульманских культовых религиозных учреждениях не зафиксировано.

Следовательно, не исключая необходимости воспрепятствования распространению идей «чистого ислама» среди населения России в целом, основные усилия по искоренению террористических религиозных идеологий необходимо концентрировать в регионах с доминированием населения традиционно исповедующим ислам, с сосредоточением основных усилий в Северокавказском регионе страны. Этому преимущественно уделяется основное внимание политическим руководством страны, лидерами духовенства, гражданским обществом, органами безопасности. Вместе с тем, осознанное понимание опасности для национальной безопасности страны описанных выше явлений и процессов необходимо формировать также и в общественном сознании населения других регионов России.

1. URL: <http://ummanews.ru/minbar/2924--l-r.html> (дата обращения 10 октября 2013 г.)

2. *Ильясов В.Ю.* Международные аспекты развития политических процессов на Северном Кавказе в постсоветский период: Дисс. ... канд. полит. наук. М., 1997. С. 59.

3. *Иванов С.* Северный Кавказ: борьба с терроризмом по-прежнему актуальна URL: <http://www.arms-expo.ru/049057054049124050054054055056.html> (дата обращения 3 февраля 2014 г.)

4. См.: Перечень организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму URL: <http://www.fedsfm.ru/documents/terrorists-catalog-portal-act> (дата обращения 6 февраля 2014 г.)

5. Карта этнорелигиозных угроз. Северный Кавказ и Поволжье. Доклад института национальной стратегии под редакцией М.В. Ремизова // НГ-Политика. 4 июня 2013 URL: http://www.ng.ru/ng_politics/2013-06-04/15_map5.html (дата обращения 16 августа 2013 г.)

6. *Силантьев Р.А.* Новейшая история исламского сообщества России. 2-е изд., исправленное и дополненное. М.: Информационно-издательская продюсерская компания «ИХТИОС», 2006. С. 152.

АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

ДМИТРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ШИКУНОВ,
заместитель начальника кафедры социологии
и политологии Московского университета МВД России,
кандидат политических наук
E-mail: dim.shikunoff@yandex.ru

Аннотация. Анализируется современная политика России по борьбе с терроризмом; раскрывается структура общегосударственной системы противодействия терроризму.

Ключевые слова: антитеррористическая политика государства, противодействие терроризму, террористическая угроза, национальная безопасность.

Annotation. The article attempts to analyze of modern policy of Russia on fight against terrorism, reveals the structure of nationwide system of counteraction to terrorism.

Keywords: anti-terrorist policy of the state, counteraction to terrorism, terrorist threat, national security.

8 сентября в России отмечается День солидарности в борьбе с терроризмом. В этот день по всей стране ежегодно проходят мероприятия, приуроченные сентябрьским 2004 г. трагическим событиям в Беслане, когда в результате беспрецедентного по своей жестокости террористического акта погибли более 300 человек, в основном женщины и дети. День солидарности в борьбе с терроризмом символизирует единение государства и общества в борьбе с таким страшным явлением, как терроризм.

В этот день Россия отдает дань памяти тысячам соотечественников, погибшим от рук террористов в Беслане, в театральном центре на Дубровке, в Буденновске, Первомайском, при взрывах жилых домов в Москве, Буйнакске и Волгодонске, в сотнях других террористических актов.

В Российской Федерации проблема борьбы с терроризмом встала ещё в 1990-е годы. Тогда возник основной очаг распространения терроризма в России на Северном Кавказе. Начиная с 1999 г. у российских граждан возникает осознание возможности террористической угрозы, причём эта опасность ощущается ими как одна из наиболее значимых. Государство, стремясь защитить своих граждан, создало систему защиты от террористической опасности.

Последние годы в российской научной литературе понятие «антитеррористическая политика государства» подвергается детальному анализу и рассматривается как одно из важнейших направлений деятельности современного государства. Это деятельность по профилактике и борьбе с терроризмом, по устранению причин терроризма, пресечению и предупреждению террористиче-

ских актов, с целью сохранения существующего общественного и государственного строя, целостности и суверенитета страны, а также обеспечения безопасности граждан, промышленных и гражданских объектов от действий террористов¹. В этой деятельности должны принимать активное участие не только государственные органы, но и гражданское общество, прежде всего, через СМИ, политические партии, общественные и религиозные организации. Система пропаганды и агитации, воспитания и образования должны формировать устойчиво отрицательное отношение к террористической деятельности.

Центральное место в борьбе с терроризмом занимает антитеррористическая деятельность государства, направленная, согласно Федеральному закону «О противодействии терроризму», на предупреждение терроризма, в том числе на выявление и последующее устранение причин и условий, способствующих совершению террористических актов (профилактику терроризма), выявление, предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование террористического акта (борьбу с терроризмом), минимизацию и (или) ликвидацию последствий проявлений терроризма.

Основные направления деятельности системы противодействия терроризму – силовое противодействие терроризму, устранение внутренних источников терроризма, противодействие международному терроризму и участие в устранении его источников, снижение тяжести последствий террористических атак, мониторинг обстановки внутри страны и за ее пределами в целях выявления потенциальных террористических угроз.

Общегосударственная система противодействия терроризму представляет собой совокупность организационных структур (субъектов противодействия терроризму), которые в рамках полномочий, установленных законами и изданными на их основе нормативными правовыми актами, осуществляют деятельность по противодействию террористическим угрозам, разрабатывают и реализуют комплекс мер по профилактике террористических угроз, выявлению и пресечению террористической деятельности, минимизации и ликвидации возможных последствий террористических актов.

Организационные основы общегосударственной системы противодействия терроризму в нашей стране определены Федеральным законом от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», Указом Президента Российской Федерации от 15 февраля 2006 г. № 116 «О мерах по противодействию терроризму», Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г.», Концепцией противодействия терроризму в Российской Федерации, утверждённой Президентом Российской Федерации 5 октября 2009 г., иными нормативными актами Российской Федерации, нормативными актами субъектов Российской Федерации.

Согласно Концепции противодействия терроризму в Российской Федерации, субъектами противодействия терроризму являются уполномоченные органы государственной власти и органы местного самоуправления, в компетенцию которых входит проведение мероприятий по противодействию терроризму, негосударственные организации и объединения, а также граждане, оказывающие содействие органам государственной власти и органам местного самоуправления в осуществлении антитеррористических мероприятий².

Президент Российской Федерации определяет основные направления государственной антитеррористической политики, устанавливает компетенцию непосредственно руководимых им федеральных органов исполнительной власти в сфере противодействия терроризму, а также принимает решение об использовании воинских и специальных подразделений за рубежом для борьбы с террористическими проявлениями против Российской Федерации и её граждан.

Федеральное Собрание Российской Федерации формирует законодательную основу противодействия терроризму.

Контроль за законностью действий должностных лиц при осуществлении мероприятий по борьбе с терроризмом осуществляет Прокуратура Российской Федерации.

Правительство Российской Федерации определяет компетенцию федеральных органов исполнительной власти в сфере противодействия терроризму, организует разработку и реализацию антитеррористических мероприятий, всестороннее обеспечение антитеррористической деятельности федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления.

Федеральные органы исполнительной власти осуществляют деятельность по противодействию терроризму в пределах своих компетенций. Особая роль здесь принадлежит силовым и чрезвычайным органам государственной власти: Вооружённым Силам Российской Федерации, Федеральной службе безопасности Российской Федерации, Министерству внутренних дел Российской Федерации и Министерству Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий.

Вооружённые Силы Российской Федерации в борьбе с терроризмом могут применяться для пресечения полетов воздушных судов, используемых для совершения террористического акта либо захваченных террористами, пресечения террористических актов во внутренних водах и в территориальном море Российской Федерации, на объектах морской производственной деятельности, расположенных на континентальном шельфе Российской Федерации, а также для обеспечения безопасности национального морского судоходства, участия в проведении контртеррористической операции, пресечения международной террористической деятельности за пределами территории Российской Федерации³.

Одним из основных направлений деятельности органов федеральной службы безопасности является борьба с терроризмом, т.е. деятельность, осуществляемая органами федеральной службы безопасности и (или) их подразделениями, а также должностными лицами указанных органов и подразделений по выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию террористических актов посредством проведения оперативно-боевых и иных мероприятий. Основаниями для проведения органами по борьбе с терроризмом соответствующих мероприятий является необходимость пресечения террористического акта, выявления лиц, причастных к подготовке и совершению террористического акта, и добывания информации о событиях или действиях, создающих угрозу терроризма.

При этом в борьбе с терроризмом проводятся гласные и негласные оперативно-боевые и иные мероприятия, особый характер которых определя-

ется условиями борьбы с терроризмом. Сотрудники органа по борьбе с терроризмом имеют право беспрепятственно входить в жилое помещение, а также приостанавливать оказание услуг связи юридическим и физическим лицам или ограничивать использование сетей и средств связи.

Подразделения специального назначения органов федеральной службы безопасности по решению Президента Российской Федерации могут использоваться против находящихся за пределами территории Российской Федерации террористов и (или) их баз для устранения угрозы безопасности Российской Федерации⁴.

Согласно Федеральному закону «О полиции», на полицию возлагается обязанность участвовать в мероприятиях по противодействию терроризму и в обеспечении правового режима контртеррористической операции, а также в обеспечении защиты потенциальных объектов от террористических посягательств и мест массового пребывания граждан, в проведении экспертной оценки состояния антитеррористической защищенности и безопасности объектов⁵.

Особая роль в контртеррористической деятельности принадлежит Внутренним войскам МВД Российской Федерации. На них возложена обязанность участия в борьбе с терроризмом и обеспечения правового режима контртеррористической операции.

На различные соединения и воинские части Внутренних войск МВД Российской Федерации, помимо других, возлагаются задачи, в той или иной степени связанные с антитеррористической деятельностью: участие совместно с органами внутренних дел в локализации и блокировании районов чрезвычайного положения или районов вооруженных конфликтов, пресечении в указанных районах вооруженных столкновений и разединении противоборствующих сторон, в изъятии оружия у населения, в проведении мероприятий по разоружению незаконных вооруженных формирований, а в случае оказания ими вооруженного сопротивления - в их ликвидации, в принятии мер по усилению охраны общественного порядка и общественной безопасности в районах, примыкающих к районам чрезвычайного положения или районам вооруженных конфликтов, в непосредственном пресечении актов терроризма, в обезвреживании лиц, захвативших заложников, важные государственные объекты, специальные грузы, сооружения на коммуникациях, а также здания органов государственной власти, в охране общественного порядка посредством несения патрульно-постовой службы в населенных пунктах, а также в обеспечении общественной безопасности при проведении массовых мероприятий, в принятии неотложных мер по спасению людей,

охране имущества, оставшегося без присмотра, обеспечению охраны общественного порядка при чрезвычайных ситуациях и других чрезвычайных обстоятельствах, а также в обеспечении режима чрезвычайного положения и иные задачи⁶.

На Министерство Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий (МЧС) в связи с антитеррористической деятельностью государства также возлагаются важнейшие обязанности в пределах своей компетенции: меры по предупреждению, выявлению и пресечению террористической деятельности, осуществление совместно с войсками (силами) и средствами федеральных органов исполнительной власти противодействия терроризму, проведение аварийно-спасательных работ, участие в обеспечении пострадавшего населения продовольствием, водой, предметами первой необходимости, другими материальными средствами и услугами, жилыми помещениями для временного проживания, а также в оказании пострадавшему населению первой помощи, тушение пожаров и проведение связанных с ними первоочередных аварийно-спасательных работ в населенных пунктах и на объектах, оказание экстренной психологической помощи населению, пострадавшему в чрезвычайных ситуациях⁷.

Координацию деятельности по противодействию терроризму, организацию планирования применения сил и средств федеральных органов исполнительной власти и их территориальных органов по борьбе с терроризмом, а также управление контртеррористическими операциями обеспечивают Национальный антитеррористический комитет, Федеральный оперативный штаб, антитеррористические комиссии и оперативные штабы в субъектах Российской Федерации⁸.

В состав Национального антитеррористического комитета по должностям входят: Директор ФСБ России (председатель Комитета), Министр внутренних дел Российской Федерации (заместитель председателя Комитета), Заместитель директора ФСБ России (заместитель председателя Комитета – руководитель аппарата Комитета), Заместитель Председателя Правительства Российской Федерации – полномочный представитель Президента Российской Федерации в Северо-Кавказском федеральном округе, Первый заместитель Руководителя Администрации Президента Российской Федерации, Первый заместитель Председателя Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, Первый заместитель Председателя Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, Министр Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, Министр

иностранных дел Российской Федерации, Министр обороны Российской Федерации, Министр юстиции Российской Федерации, Министр здравоохранения Российской Федерации, Министр промышленности и торговли Российской Федерации, Министр связи и массовых коммуникаций Российской Федерации, Министр транспорта Российской Федерации, Министр энергетики Российской Федерации, Директор Службы внешней разведки Российской Федерации, Директор Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков, Директор Федеральной службы охраны Российской Федерации, Директор Федеральной службы по финансовому мониторингу, Начальник Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации – первый заместитель Министра обороны Российской Федерации, Председатель Следственного комитета Российской Федерации, Заместитель Секретаря Совета Безопасности Российской Федерации⁹.

Основными задачами Национального антитеррористического комитета являются: подготовка предложений Президенту Российской Федерации по формированию государственной политики в области противодействия терроризму, а также по совершенствованию законодательства Российской Федерации в этой области, координация деятельности по противодействию терроризму федеральных органов исполнительной власти, антитеррористических комиссий в субъектах Российской Федерации, а также организация их взаимодействия с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, общественными объединениями и организациями, разработка мер по противодействию терроризму, устранению способствующих ему причин и условий, в том числе мер по обеспечению защищенности потенциальных объектов террористических посягательств, участие в международном сотрудничестве в области противодействия терроризму, в том числе в подготовке проектов международных договоров Российской Федерации в этой области, подготовка предложений по обеспечению социальной защиты лиц, осуществляющих борьбу с терроризмом и (или) привлекаемых к этой деятельности, а также по социальной реабилитации лиц, пострадавших от террористических актов.

Аппарат Национального антитеррористического комитета состоит из трёх управлений.

- Управление координации деятельности по профилактике терроризма, на которое возложены разработка общегосударственных мер по профилактике терроризма (нормативно-правовой базы в области противодействия терроризму, защищенности населения и критически важных объектов, противодействию финансирования терроризма,

ликвидации и минимизации последствий террористического акта, реабилитации лиц, пострадавших от террористических актов), координация и контроль деятельности антитеррористических комиссий в субъектах Российской Федерации, международное сотрудничество в области противодействия терроризму.

- Управление координации деятельности по борьбе с терроризмом, на которое возлагается организация оперативного реагирования на террористические угрозы, планирование применения сил и средств оперативных штабов при проведении контртеррористической операции, организация оперативно-тактических и командно-штабных учений по пресечению террористических актов, организационное обеспечение Федерального оперативного штаба.

- Информационно-аналитическое управление, обязанное осуществлять аналитическую деятельность в сфере противодействия терроризму, разработку и сопровождение автоматизированных информационных систем в сфере противодействия терроризму.

В целях организации планирования применения сил и средств федеральных органов исполнительной власти и их территориальных органов по борьбе с терроризмом, а также для управления контртеррористическими операциями в составе Национального антитеррористического комитета функционирует Федеральный оперативный штаб, а для управления контртеррористическими операциями в субъектах Российской Федерации – оперативные штабы субъектов Российской Федерации.

Так, 8 апреля 2014 г. в Москве под руководством Председателя Национального антитеррористического комитета, Директора ФСБ России А.В. Бортникова было проведено 45-е заседание НАК.

Оценивая проделанную работу по обеспечению безопасности в ходе подготовки и проведения XXII Олимпийских и XI Паралимпийских зимних игр в Сочи он отметил тесное взаимодействие с представителями 42 спецслужб и правоохранительных органов из 32 стран.

Кроме того, были подведены итоги работы по пресечению преступной деятельности бандгрупп, действующих на территории Северного Кавказа. Только в первом квартале 2014 г. были ликвидированы 13 главарей и 65 активных членов бандгрупп. В ходе активных упреждающих действий удалось задержать более 250 бандитов и их пособников, изъять из незаконного оборота большое количество взрывчатых веществ, оружия и боеприпасов.

Совместными усилиями сил правопорядка предотвращено 19 преступлений террористической направленности. На территории Московской области, Хабаровского края, республик Башкортостан и Тыва пресечена деятельность 18 эмиссаров

и членов законспирированных ячеек преступных организаций «Исламская партия Туркестана» и «Хизб-ут-Тахрир Аль-Ислами». Раскрыты теракты в городах Волгограде и Пятигорске¹⁰.

В субъектах Российской Федерации координацию деятельности федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления в сфере противодействия терроризму осуществляют антитеррористические комиссии, возглавляемые главами субъектов Российской Федерации¹¹.

Для противодействия террористическим угрозам, направленным против российских граждан и учреждений за рубежом, в том числе военных и важных государственных объектов, организации и проведения неотложных действий по реагированию на угрозы террористических актов при дипломатических представительствах создаются кризисные штабы.

При возникновении новых угроз террористических актов в законодательном порядке могут создаваться и иные организационные структуры по противодействию терроризму.

Современное общество столкнулось с угрозой терроризма. В ответ на эту угрозу общество вырабатывает естественные защитные механизмы. В Российской Федерации активно работает общегосударственная система противодействия терроризму. Однако, без сотрудничества с гражданским обществом эта система вряд ли сможет решать свои задачи в полном объеме. Поэтому сегодня встает задача объединения усилий государства, общественных объединений и организаций, средств массовой информации и самих граждан. Только в этом случае возможна победа в этой борьбе.

¹ См.: *Перенджиев А.* Современная антитеррористическая политика: постановка проблемы // РИА Новости <http://ria.ru/spravka/20131229/987132908.html#ixzz2xN>

² См.: Концепцию противодействия терроризму в Российской Федерации, утв. Президентом Российской Федерации 5 октября 2009 г. // <http://nac.gov.ru/content/3916.html>

³ См.: Ст. 6–10 Федерального закона «О противодействии терроризму» от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ (с изменениями и дополнениями) // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_154022/

⁴ См.: Ст. 8, 9 Федерального закона от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности» (с изменениями и дополнениями) // <http://base.garant.ru/10104197/2/>

⁵ См.: Ст. 12, п. 1, пп. 17 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // <http://www.consultant.ru/popular/police/>

⁶ См.: Ст. 2, 18, 19, 23 Федерального закона от 6 февраля 1997 г. № 27-ФЗ «О внутренних войсках Министерства внутренних дел Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // <http://base.garant.ru/10128200/#ixzz2y6ymY4Ip>.

⁷ См.: Официальный сайт МЧС // <http://www.mchs.gov.ru/law>

⁸ См.: Концепцию противодействия терроризму в Российской Федерации, утв. Президентом Российской Федерации 5 октября 2009 г. // <http://nac.gov.ru/content/3916.html>

⁹ См.: Национальный антитеррористический комитет: информационно-аналитический портал // <http://nac.gov.ru/document/839/sostav-nak.html>

¹⁰ Информационный центр НАК сообщает // <http://nac.gov.ru/nakmessage/2014/04/08/v-moskve-pod-rukovodstvom-predsdatelya-nak-direktora-fsb-rossii-av-bortnikova.html>

¹¹ Что представляет собой общегосударственная система противодействия терроризму в Российской Федерации // Антитеррористическая комиссия Смоленской области. Оперативный штаб в Смоленской области. <http://admin-smolensk.ru/~antiterror/raznoe/vopros/v4/>.

Социология для юристов: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / [В.Ю. Бельский и др.]. 3-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. 311 с.

Раскрыты основополагающие проблемы теоретической и прикладной социологии, дающие целостное представление о современном обществе, его структурных элементах и процессах, о социальных проблемах современного российского общества и тенденциях его развития. Значительное внимание уделено специфическому содержанию социологии права, а также специфике социологической проблематики в сфере правоохранительной деятельности.

Для студентов и преподавателей юридических специальностей, а также специалистов-практиков.

КОНЦЕПЦИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА МИХАЙЛОВА,

доктор юридических наук, профессор,

профессор кафедры истории государства и права

Московского университета МВД России,

Заслуженный работник высшей школы РФ

Научная специальность 12.00.01 – теория и история права и государства;

история учений о праве и государстве

E-mail: net-46@mail.ru

Аннотация. Прослеживается процесс формирования сменявших друг друга концепций правового регулирования деятельности средств массовой информации; рассматриваются особенности их реализации в истории России.

Ключевые слова: цензура, средства массовой информации, регистрация, лицензирование, императивные и диспозитивные нормы.

Annotation. The article features the development process of the formation of mass media law regulation concepts and the peculiarities of its realization in Russia.

Keywords: censorship, mass media, registration, licensing, imperative and dispositive regulations.

Развитие человеческой цивилизации с древнейших времен осуществлялось за счет коммуникационных актов – получения, усвоения и передачи информации. В процессе своего генезиса средства массовой информации приобретали черты социальных институтов, удовлетворяя потребности общества и действуя в рамках правовых норм. Осмысление их функций общественным сознанием принимало различные формы.

Особенностью становления средств массовой информации в России стало раннее осознание государственной властью их значимости для модернизации и интеграции общества. Основы концепции правового регулирования печати заложил Петр I, специальным указом ликвидировав стихийно сложившуюся монополию монастырей на распространение печатной продукции. Петр I стал инициатором создания первого органа русской периодической печати – «Ведомости» («Куранты»), предложил использовать газеты для ознакомления населения с деятельностью государственных учреждений и распространения подданнической правовой культуры (1).

Таким образом, функции СМИ на момент возникновения в России были определены императивными нормами публичного права (1). Аналогичным был подход к регулированию первых печатных периодических изданий в Западной Европе, в отличие, например, от США, где первая газета возникла как частное предприятие, а первый федеральный закон о прессе был издан только в 1924 г.

Однако, в дальнейшем, по мере возникновения в России частных типографий, в которых печаталась

периодика, ее распространение осуществлялось на основе диспозитивных норм, традиционно регулировавших сделки гражданского оборота. Правительство ввело систему регистрации частных изданий в Сенате и практику лицензирования частных типографий, включавшую, в разные периоды, как разрешительные, так и уведомительные меры. Содержание печатной продукции, выходящей из стен частных типографий, первоначально не подлежало контролю. Однако, 6 сентября 1763 г. Екатерина II распорядилась «книгопродавцам ежегодно реестры посылать в Академию Наук и университет Московский, какие книги намерены выписывать» (2). Так возникла первая концепция цензуры в России, в которой цензура рассматривалась как результат деятельности экспертного сообщества ученых Академии наук и профессоров университета, т.е. как общественный институт. Подобные представления согласовывались с общим подходом к регулированию прессы на основе диспозитивных норм.

Изменения в эту концепцию внес внешнеполитический фактор – Французская революция 1789–1794 гг., поколебавшая все правовые и нравственные общественные устои. Указом Екатерины II от 16 сентября 1796 г. частные типографии упразднили; в Москве, Петербурге, Риге и Радзивилове учреждались таможенные цензурные комитеты. Павел I указом от 17 марта 1798 г. ввел централизованную цензуру во всех портах и подчинил ее Сенату (3). Цензура рассматривалась как институт полицейского государства, в функции которого вменялась забота о подданных и попечение о спокойствии обще-

ства. Контроль над реализацией цензуры возлагался на управу благочиния – полицию (4).

После восшествия на престол Александра I указом Сенату 1802 г. был восстановлен уведомительный порядок создания типографий с оповещением управ благочиния (5). Концептуально-правовое осмысление института цензуры было предпринято в процессе разработки Устава о цензуре 1804 г. Устав закреплял принцип свободы информации, в нем подчеркивалось, что данным документом «не стесняется свобода мыслить и писать, но взяты пристойные меры против злоупотребления оной» (6). Цензура была возвращена комитетам из университетских профессоров. Этот подход допускал формирование элементов правовой культуры гражданского общества. В дальнейшем последовало ужесточение цензуры, закрепленное в Уставах 1826 и 1828 гг., что способствовало попятному движению общества к подданнической культуре, которое, однако, не уничтожило полностью предшествующих результатов, достигнутых в сфере правосознания гражданского общества.

Новая официальная концепция законодательства о печати возникла в период Великих реформ и революционных событий 1905–1907 гг. под влиянием идей о правовом государстве, в целом, и либерализации требований к периодическим изданиям, в частности. Она содержала идеи формирования плюралистической правовой и политической культуры российского общества, и, вместе с тем, требовала наличия механизмов ограничения распространения информации, которая могла бы способствовать нарушению закона. Эта концепция характеризовалась тенденцией к постепенному умалению роли императивных и усилению диспозитивных норм регулирования печати.

В рамках реализации этой концепции были изданы указы Александра II от 6 апреля 1865 г. «О некоторых переменах и дополнениях действующих цензурных постановлений» и «О даровании некоторых облегчений и удобств отечественной печати». В соответствии с ними периодические издания в Санкт-Петербурге и Москве освобождались от цензуры, при условии внесения залога в казну в размере 2,5 – 5 тыс. руб. Сохранялась цензура провинциальной печати; санкции включали предупреждение, штрафы, закрытие изданий, осуществивших «неблагонадежные» публикации.

Указ Николая II от 24 ноября 1905 г. «О временных правилах для периодической печати» полностью упразднил предварительную цензуру. Местные органы по делам печати имели право налагать на газеты арест в том случае, если содержание имело признаки преступного деяния, предусмотренного законом. Ответственность за публикации преступного содержания в периодических изданиях подлежала определению исключительно в судебном порядке.

Принципиально иная концепция средств массовой информации как органов оппозиционной партии, борющейся за власть, разработанная В.И. Ульяновым-Лениным, была практически осуществлена в деятельности эмигрантской и подпольной отечественной большевистской прессы.

После прихода к власти большевики активно способствовали реализации агитационно-пропагандистских функций печати и радио для формирования общественного сознания, в котором право отождествлялось с силой. Декрет СНК РСФСР от 28 октября 1917 г. «О печати» положил начало борьбе с печатными изданиями, оппозиционными Советской власти. Введенная последующими декретами государственная монополия на печать была смягчена в период НЭПа, когда было возобновлено действие принципа лицензирования и регистрации негосударственных газет и журналов, а также возникших радиостанций.

В 1930-е гг. внеправовой режим контроля над средствами массовой информации со стороны правящей партии был восстановлен и ужесточен. При отсутствии закона о СМИ порядок их деятельности определялся подзаконными нормативными актами цензурных ведомств СССР. Концепция регулирования СМИ на основе тотального контроля над их содержанием базировалась на отрицании их правовой природы как субъектов гражданского оборота.

В современной России регулирование деятельности средств массовой информации осуществляется на основании Закона РФ от 27 декабря 1991 г. «О средствах массовой информации», указами Президента РФ и постановлениями Правительства РФ, которые устанавливают, наряду с регистрацией, обязательное лицензирование печати и телерадиовещания и определяют его порядок. В Федеральном законе от 14 июня 2011 г. № 142-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового регулирования в сфере средств массовой информации» положения о лицензировании телерадиовещания были систематизированы.

В целом, историко-правовой анализ концепций регулирования деятельности СМИ и практики их реализации дает основания для вывода о том, что юридическое обеспечение функционирования средств массовой информации как носителей общественного сознания должно основываться на принципе свободы и независимости их деятельности по сбору и предоставлению информации. При этом оно должно обеспечить наличие механизмов, позволяющих блокировать информацию, распространение которой нарушает нормативные правовые акты и оказывает негативное воздействие на состояние правовой культуры общества.

1. См.: Феднева Н.Л. Основные этапы формирования междисциплинарного подхода к истории отечественного права / Михайлова Н.В. Традиции и инновации в постижении истории государства и права. М., 2009. С. 805.

2. Полное собрание законов Российской империи (далее ПСЗ). Т. IV. С. 201.

3. См.: Скабичевский А.М. Очерки истории русской цензуры

(1700–1863 гг.). СПб. 1892. С. 35.

4. ПСЗ. Т. XXIII. № 17508; Т. XXV. № 18524.

5. Шанская Т.А. Французская литература и российская цензура в первой четверти XIX в. // Россия и Франция. XVIII–XX века. М.: Наука, 2001. С. 121–122.

6. Шанская Т.А. Указ. соч. С. 122.

К ВОПРОСУ ОБ ОБЩИХ ЧЕРТАХ И ОСОБЕННОСТЯХ ГЕНЕЗИСА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ СИСТЕМ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ОЦЕНИВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ОБУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

НАТАЛИЯ ЛЬВОВНА ФЕДНЕВА,

кандидат исторических наук,

доцент кафедры истории государства и права

Московского университета МВД России

Научная специальность 12.00.01 – теория и история права и государства;

история учений о праве и государстве

E-mail: vfedneva@mail.ru

Аннотация. В статье выделены общие черты и особенности генезиса правоохранительных систем в Европе до начала Нового времени. По мнению автора, их усвоение можно считать необходимым пороговым уровнем при оценивании результатов обучения первокурсников, изучающих историю государства и права зарубежных стран по программам специалитета и бакалавриата, в части, касающейся указанного хронологического периода.

Ключевые слова: правоохранительная система, генезис, общее и особенное, преподавание, оценивание результатов обучения.

Annotation. The article allocates the common features and peculiarities of the genesis of the law-enforcement systems in Europe prior to the beginning of the Modern times. According to the author the assimilation of them can be considered the necessary threshold level at the estimation the training results of the first-year students studying State and Law history of foreign countries by the specialist programs and bachelor degree programs in the part concerning the specified chronological period.

Keywords: law-enforcement system, genesis, the general and the special, teaching, estimation of results of training.

Данная публикация имеет целью вынести на обсуждение соображения и выводы, возникшие при попытке соотнесения понятия «правоохранительная система» с традиционно представленным в учебниках по истории государства и права зарубежных стран фактическим материалом, характеризующим генезис общественных и государственных институтов, обеспечивающих функционирование и развитие правоохраны. В рамках данной публикации будут рассмотрены общие черты и некоторые особенности генезиса правоохранительных систем в Европе в период от зарождения до начала Нового времени. Сформированные о них представления представляются пороговым промежуточным итогом обучения на 1 курсе, ко-

торый послужит когнитивной базой для формирования общекультурных и профессиональных компетенций, предусмотренных ФГОС РФ для специальностей 030901.65 правовое обеспечение национальной безопасности; 031001.65 – правоохранительная деятельность; направления подготовки 030900.62 – юриспруденция.

При сопоставлении исторических инвариантов с идеальным типом «правоохранительная система» внимание было обращено на материал, характеризующий составляющие элементы правоохранительной системы, подлежащий усвоению обучающихся, а именно на:

- общие черты правового сознания, возникшие в процессе его генезиса и нашедшие отражение в

индоевропейской мифологии, философии античности, Средневековья, начала Нового времени (концептуальная составляющая);

- выделение дифференцированных норм права из системы мононом и их дальнейшую специализацию по отраслям на примере римского права с учетом степени его рецепции и соответствующего влияния на формирование правовых систем Нового времени в Европе и России (нормативная составляющая);

- общие черты социальных и политических институтов, осуществлявших правоохрану в сменявшиеся исторические периоды (организационная составляющая);

- эволюцию процессуальной технической стороны деятельности лиц и правоохранительных органов, которая находила отражение в форме судебного процесса (деятельностная, функциональная составляющая системы).

Концептуальная составляющая. Осмысление необходимости ограничить кровную месть, которое произошло в догосударственный период внутри родовой общины и явилось первым проявлением правового сознания, привело к возникновению первых элементов правоохранительной системы. Советы старейшин, при поддержке жрецов, опираясь на решения народных собраний, начали выносить решения о примирении и ограничении кровной мести. Как отмечает Э. Аннерс, с этого времени можно говорить о появлении *примирительного права*(2). Запрет на кровную месть представлял собой действие, сознательно ориентированное на сохранение рода от уничтожения в ходе саморасправы, т.е. целерациональное действие. В мифологическом сознании индоевропейцев, памятником которого является Ригведа, отразилось представление о *gita, rta, rote* как мононорме – вселенском справедливом порядке, согласно которому все элементы Вселенной нерушимо и гармонично соединены друг с другом(3). В дальнейшем идеи поддержания порядка и гармонии через обретение справедливости сложились в *концепцию естественного права* в античной философии и юриспруденции Древнего Рима, которая, видоизменяясь, присутствовала в христианском богословии и достигла высокой степени развития в рационалистических теориях Возрождения и Просвещения.

Нормативная составляющая. Запрет на кровную месть как мононорма и как целерациональное действие инициировал выделение правовых норм из религиозно-этических; внутри правовых норм начался процесс дифференциации по отраслям права. Так, ограничение кровной мести представляло собой взаимное *обязательство* племен; решение об обязательстве принималось народным собранием как высшим органом и имело принудительную силу по отношению ко всем членам племени; так

из примирительного права возникли императивные нормы. Вместе с тем, обязательства ограничивать кровную месть содержали в себе зародыши уголовно-правовых (если дело касалось лишения жизни и имущественного ущерба) и гражданско-правовых (если речь шла о похищении женщин) норм.

По мере развития индивидуального сознания и социального расслоения внутри родовой общины ее члены вступали в имущественные и договорные отношения, которые регулировались нормами, творимыми самими участниками оборота (напр., самозаклад – *pehnum*), которые в дальнейшем стали называться диспозитивными. Исчерпывающе для своего времени нормы публичного и частного права, категории вещных и обязательственных прав, были разработаны в римском праве, что обусловило его рецепцию правовыми системами европейских государств к началу Нового времени.

Организационная составляющая правоохранительной системы прошла в разных странах, несмотря на асинхронность, сходные этапы, характеризовавшиеся изменениями в формах правления.

В архаический период (в Риме 753–367 гг. до н.э. – от основания Рима до введения должности выборного претора; в Афинах – от «темных веков» до середины I тыс. до н.э.; в Европе – V–IX вв. – период варварских королевств) правоохранительная система была встроена в социальную систему – общину и существовала *относительно независимо* от власти. В период классической античности, когда в Афинах, Спарте, Риме, до установления империи, преобладали республиканские формы правления, судебные системы также характеризовались *независимостью* от исполнительной власти, *выборностью* судей и должностных лиц, осуществлявших досудебные действия. В императорский период судебная власть в Римской империи слилась с исполнительной, принцип выборности магистратов был вытеснен принципом назначения из центра.

В Средневековье (в Европе IX–XVI вв. – от провозглашения империи Карла Великого до образования абсолютных монархий) судебная власть, сохранявшая в течение некоторого времени черты архаического периода, представленная аристократией в форме местных децентрализованных судов (суды рахинбургов, феодалов с правами судебного иммунитета), постепенно утрачивала свою независимость и сливалась с властью монарха. При дворах монархов возникли специализированные институты чиновников, занимающихся досудебным рассмотрением дел, поиском обвиняемых и исполнением приговоров. В период абсолютизма правоохранительные системы востребовали опыт организации правоохраны в императорском Риме, возникла *регулярная полиция*.

Деятельностная, функциональная составляющая системы должна быть охарактеризована

сменой форм судебного процесса, которые эволюционировали от состязательности к розыску. Состязательная форма процесса, общая для всех народов на начальной стадии развития, характеризуется ценностнорациональным действием, сохранением черт религиозного ритуала, представлений о коллективной ответственности членов рода. Техника расследования и система доказательств отражает формализм правового сознания. В основе инквизиционного процесса лежит переход от методов получения доказательств, предполагающих наличие веры, к методам обвинения по показаниям «добрых людей» и пытки обвиняемого. Причины перехода к инквизиционному процессу лежат, с одной стороны, в десакрализации массового правосознания, с другой, – в централизации государства и бюрократизации правоохранительной системы.

1. Авторство метода сопоставления модели, явившейся результатом исторических реконструкций, с абстрактным идеальным типом, представляющим универсальные свойства процесса или явления, принадлежит историку и социологу М. Веберу. См.: Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.

2. Под правоохранительной системой мы понимаем составную часть правовой системы общества, представляющую

собой «упорядоченную совокупность нормативных, инструментальных и процессуальных институтов, посредством которых осуществляется реализация охранительной функции права», «включающую в себя в качестве статической (относительно постоянной) составляющей... существующие в обществе идеи и представления об охране объективного и субъективного права (концептуальная составляющая), акты действующего законодательства (нормативная составляющая) и наделенные соответствующими правоохранительными функциями учреждения (организационная составляющая); а в качестве динамической характеристики – соответствующую юридическую практику – функциональную деятельность отдельных субъектов правовой охраны и взаимодействие между ними». См.: Ланцова О.М. Органы внутренних дел как структурный элемент правоохранительной системы современной России: Теоретико-правовой аспект: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. СПб., 2002. С. 8.

2. Михайлова Н.В. Традиции и инновации в постижении истории государства и права. М., 2009. С. 30–33; Аннерс Э. История европейского права. М.: Наука, 1994, с. 12–14.

3. См.: Иванов В.В., Топоров В.Н. О языке древнего славянского права // Славянское языкознание. VIII Международный конгресс славистов. Доклады советской делегации. М., 1978; Ригведа. Мандалы I–IV. М., 1989, I. 133.1; Ригведа. Мандалы IX–X. М., 1999, IX. 73.6.

ДОКАЗЫВАНИЕ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СОСТОЯНИЕ ТЕОРИИ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

НОДАРИ ДАРЧОЕВИЧ ЭРИАШВИЛИ,

доктор экономических наук, кандидат юридических наук,
кандидат исторических наук, профессор
E-mail: nodari@unity-dana.ru

ВАСИЛИЙ НИКОЛАЕВИЧ ГАЛУЗО,

кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник НИИ образования и науки
E-mail: vgrmn@yandex.ru

Научная специальность 12.00.01 – теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве
12.0.03 – гражданское право; предпринимательское право;
семейное право; международное частное право

Аннотация. В статье предпринята попытка определить состояние теории и законодательства о доказывании в гражданском процессе Российской Федерации.

Ключевые слова: монография, уголовный процесс, гражданский процесс, Российская Федерация, теория гражданского процесса, «теория доказательств», «теория доказывания и доказательств», «теория познания», «теория судебных доказательств», «теория доказывания», «теория механизма доказывания», «теория процессуального доказывания», Гражданский процессуальный кодекс РФ, «доказательства и доказывание».

Annotation. The article attempts to identify the state of the theory and legislation on civil procedure in proving the Russian Federation.

Keywords: monograph, criminal procedure, civil the process, the Russian Federation, the theory of civil process, «theory of evidence», «theory of proof and evidence», «theory of knowledge», «theory of forensic evidence», «proof theory», «theory of the mechanism of proof», «theory of Procedure Evidence», Citizensky Procedure Code, «The evidence and proof».

Выход в свет монографии, специально посвященной доказыванию в уголовном процессе¹, побуждает обратить пристальное внимание и на иные виды процессов (гражданский, арбитражный, административный).

В этой статье в качестве предмета избраны закономерности доказывания при рассмотрении гражданских дел в судах общей юрисдикции (гражданский процесс) в Российской Федерации².

В теории гражданского процесса для характеристики избранных нами закономерностей используются разные категории – «теория доказательств», «теория доказывания и доказательств», «теория познания», «теория судебных доказательств», «теория доказывания», «теория механизма доказывания», «теория процессуального доказывания» и др.).

Наиболее известный специалист в области науки гражданского процесса М.К. Треушников и доныне развивает положения теории судебных доказательств: «Познавательная работа суда подчинена и правилам логического мышления и правовым нормам, установленным волей законодателя Если бы познавательная деятельность суда подчинялась только законам познания, диалектики, логики, то отпала бы потребность существования процессуальной теории доказательств, объектом изучения которой и являются правовые регламенты доказывания, установленные государством. Правовые нормы доказывания отражают и волю законодателя, и естественные законы верного мышления»; «Судебное познание ... имеет своеобразные черты, не позволяющие отнести этот тип познавательной деятельности людей ни к житейскому (донаучному), ни к научному познанию»; «Если бы судебное познание (доказывание) совпадало по своим параметрам с научным, то не требовалась бы теория судебных доказательств как отрасль правового знания»³.

И.В. Решетникова развивает положения теории доказательств и доказывания: «... вашему вниманию в предлагается новый вид учебника, который посвящен лишь одному институту гражданского процессуального права, но который можно отнести к межотраслевому и комплексному институту – доказательствам и доказыванию»; «Но прежде всего учебное пособие ориентировано на теорию и практику доказательств и доказывания в гражданском процессе»; «... это первый в России учебник доказательств и доказывания в гражданском процессе»⁴. А.К. Сергун в основу изложения отдельной главы учебника положил «теорию доказательств»⁵.

Вероятно, не столь совершенные разработки видных представителей науки гражданского процесса предопределяют и несовершенство гражданского процессуального законодательства Российской Федерации.

Как известно, гражданское процессуальное законодательство в Российской Федерации кодифици-

ровано и представлено в виде Гражданского процессуального кодекса РФ, принятого Государственной Думой ФС РФ 23 октября 2002 г.⁶ и введенного в действие с 1 февраля 2003 г.⁷.

В ГПК РФ имеется гл. 6 «Доказательства и доказывание» (ст.ст. 55–87).

Перечень существенных признаков понятия «доказательство» можно определить при анализе положений абз. 1 – абз. 2 ч. 1 ст. 55 ГПК РФ. Таковых четыре: сведения о фактах; их получение способами, предусмотренными ГПК РФ; значимость для гражданского дела; сведения должны быть получены из определенных источников. Источниками подобных сведений (но не источниками доказательств, что необходимо рассматривать ошибочным утверждением⁸) являются: объяснения сторон и третьих лиц, показания свидетелей, письменные и вещественные доказательства, аудио- и видеозаписи, заключения экспертов (всего семь видов доказательств по источникам фактических данных) (абз. 2 ч. 1 ст. 55 ГПК РФ).

Упомянутый выше автор (А.К. Сергун) в одном из комментариев к ГПК РФ относительно положений ст. 55 ГПК РФ ограничивается лишь абстрактной формулировкой: «Прежде всего, в ней дается определение доказательств»⁹. В ГПК РФ не определяются понятия, это исключительная прерогатива ученых, причем с использованием правил формальной логики (определение всякого понятия через его существенные признаки).

Еще менее совершенно утверждение И.И. Решетниковой относительно положений ст. 55 ГПК РФ: «Доказывание – это один из важнейших институтов процессуального права, действующий на всех стадиях и во всех видах гражданского процесса. ... Комментируемая статья приводит определение понятия доказательств, перечисляет их основные черты, акцентируя внимание на относимости и допустимости доказательств»¹⁰.

Нельзя не обратить внимание и на противоречия между положениями абз. 2 ч. 1 ст. 55 и ст. 69 ГПК РФ. Если в первом случае использован термин «показания свидетеля», то во втором – «свидетельские показания». По правилам комплексного правоприменения положение ст. 69 ГПК РФ, как противоречащее положению ст. 55 ГПК РФ, в этой части не действуют.

Разумеется, нормы доказательственного права как подотрасли гражданского процессуального права закреплены не только в гл. 6 ГПК РФ, но и в иных статьях иных глав этого же кодифицированного нормативного правового акта. В частности, таковые закреплены в ст.ст. 170, 171, 174–188 ГПК РФ.

Проведенный нами анализ результатов научных изысканий видных представителей науки гражданского процесса и гражданского процессуального законодательства позволяет нам высказать несколько суждений.

Во-первых, результаты научных изысканий относительно объединения пяти видов судопроизводства (конституционное, гражданское, уголовное, административное и арбитражное) в единый юрисдикционный процесс (процессуальное право) представляются несовершенными.

Во-вторых, термин «процессуальное доказывание» необходимо рассматривать как условный, подчеркивающий лишь характер взаимосвязи между отдельными видами доказывания: гражданско-процессуальным, уголовно-процессуальным, административно-процессуальным и арбитражно-процессуальным.

В-третьих, основу гражданско-процессуального доказывания в Российской Федерации как одного из видов государственной деятельности составляет исключительно теория доказывания. Все иные наименования (теория доказательств, теория доказательств и доказывание и др.) представляются несовершенными.

В-четвертых, наименование гл. 6 ГПК РФ должно быть видоизменено: вместо наименования «Доказательства и доказывание» использовать исключительно наименование «Доказывание». Нуждаются в корректировке и отдельные статьи гл. 6 ГПК РФ (в первую очередь, путем приведения в соответствие их наименований правилам формальной логики).

¹ См. об этом: Доказывание в уголовном процессе Российской Федерации (теория и правоприменительная практика): Монография / Под ред. В.С. Афанасьева. М.: ТЕИС, 2012; Доказывание в уголовном процессе Российской Федерации (теория и правоприменительная практика): Монография. 2-е изд., испр. и доп. / Под ред. В.Н. Галузо. М.: ТЕИС, 2014.

² Мы полагаем, что с 25 декабря 1991 г. для наименования государства необходимо использовать исключительно этот термин (подробнее об этом см.: Галузо В.Н. Конституционно-правовой статус России: проблема именования государства // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 5. С. 119-в основу

³ Треушников М.К. Судебные доказательства: Монография. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Городец, 2005. С. 7, 8, 9.

⁴ Решетникова И.В. Доказывание в гражданском процессе: Учебно-практическое пособие для магистров. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2014. С. 10–11, 13.

⁵ См.: Гражданское процессуальное право России: Учебник для вузов / Под ред. М.С. Шакарян. М.: Юристъ, 2002. С. 235–277; Гражданское процессуальное право России: Учебник для вузов / Под ред. М.С. Шакарян. М.: ТК Велби; Проспект, 2004. С. 162–197.

⁶ См.: СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

⁷ См.: О введении в действие Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации: ФЗ РФ от 23 октября 2002 г. // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4531.

⁸ Результаты наших научных изысканий при определении понятия «доказательство» в уголовном процессе могут быть использованы и относительно аналогичных закономерностей в гражданском процессе (см. об этом: Галузо В.Н., Якунов Р.Х. Уголовный процесс: Учебник. 7-е изд., перераб. М.: ТЕИС, 2013. С. 232–238).

⁹ См.: Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации. 2-е изд., перераб. и доп. / Отв. ред. М.С. Шакарян. М.: ТК Велби; Проспект, 2007. С. 148.

¹⁰ См.: Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации. 4-е изд., перераб. и доп. / Под общ. ред. В.И. Нечаева. М.: Норма; ИНФРА-М, 2013. С. 150.

К ВОПРОСУ О СОВРЕМЕННОМ ТОЛКОВАНИИ ПРАВОВОЙ ГРАМОТНОСТИ

ФЕДОР ПЕТРОВИЧ ВАСИЛЬЕВ,

доцент кафедры УДССОП Академии управления МВД России,

доктор юридических наук, полковник полиции,

член Российской академии юридических наук (РАЮН)

E-mail: vasilev17@mail.ru

ЛЮБОВЬ МИХАЙЛОВНА ОРЕХОВА,

адъюнкт 1-го курса 3-го факультета Академии управления МВД России

(следователь специализированного следственного отдела

по расследованию преступлений в сфере экономики СУ МВД

по Удмуртской Республике)

E-mail: yula745@mail.ru

Аннотация. Вопросы о правосознании актуальны в связи с тем, что в правовом государстве классовые признаки и наличие нарушений прав и свобод граждан требуют научно-практического толкования. При этом они актуальны также и с научной точки зрения.

Ключевые слова: административное право, государство, грамотность, гражданин, закон, запрет, исполнение, лицо, личность, ответственность, отношение, ограничение, право, правосознание, правопослушность.

Annotation. Questions about pravosoznanii are due to the fact that in a State governed by the class traits and the existence of violations of citizens rights and freedoms require a scientific and practical interpretation. They are also from the scientific point of view. In this article on the basis of the analysis of the authors is given a different position, the views of legal literacy.

Keywords: Administrative law, State, literacy, national, official, law enforcement, interdiction, face, personality, relationship, responsibility, sense of Justice, law, limit, pravoposlušnost.

Необходимо отметить, что если Россия с момента принятия (1993) всенародным голосованием Конституции РФ выступает как правовое государство, то вопросы правового воспитания, развитие правового сознания граждан (госслужащих всех уровней, категорий и видов) следует рассматривать не только с научно-теоретических позиций, но и с практических. К примеру, административно-правовое регулирование, определение субъектов, способствующих развитию правового государства и правового сознания общества (индивидуума). В рамках исследуемой темы термин «грамотность» следует толковать в следующем порядке. *Во-первых*, термин «грамотность», является одним из важнейших показателей развития индивидуума, гражданского общества, культуры народа, страны, имеет тенденцию к расширению с ростом общественных требований *к развитию индивида*: от элементарных умений читать, писать, толковать (разговаривать), считать – к владению некоторым комплексом различных общественно необходимых знаний, навыков, умений, позволяющих человеку сознательно участвовать в социальных процессах. Следовательно, термин «грамотность» выступает как некая основополагающая потребность для индивидуума и для общества в целом. *Во-вторых*, в последующем термин «правовая грамотность» следует употреблять в адресном порядке (конкретизирование), который имеет квалифицирующие признаки и непосредственное отношение к юридическим наукам.

Безусловно, изданное Распоряжение Президентом России еще в 2011 г. за № Пр-1168 «Основы государственной политики России в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан» позволяет утверждать, что государство создает условия, обеспечивающие развитие правовой грамотности и правосознания граждан. Человек (госслужащий, сотрудник ОВД), обладающий высоким уровнем правовой грамотности и культуры, разделяющий демократические ценности, – является гарантией успеха в решении задач дальнейшего совершенствования развития как правового государства, так и гражданского общества в России. С учетом этих и других социальных факторов полагаем, методологически верно начать с уяснения смысла такого ключевого понятия как «правовая грамотность». Иными словами, понятие «правовая грамотность» целесообразно вначале анализировать в контексте общепринятого понятия «грамотность», а затем уже на основе общих характеристик понятия

«грамотность» следует перейти к анализу понятия «правовая грамотность». Для должного теоретико-научного понимания правовой грамотности необходимо обратить внимание на процессы ее развития и толкования.

В нашем случае уместно, наверное, привести ряд основополагающих суждений и взглядов. Еще Цицерон слово «грамотный» (греч. Literatus) использовал для определения образованного человека¹. А в Древней Руси грамотным стали называть умеющего читать на латыни, а после – тех, кто мог читать и писать на родном языке. Со временем понятие «грамотность» стали использовать для обозначения некоторого уровня знаний, наработанных привычек или даже уровня развития той культурной традиции, которая использует навыки чтения и письма².

Менялись времена, изменялось и конкретное содержание понятия «грамотности». Так, Генеральной конференцией ЮНЕСКО (Организация Объединенных наций по вопросам образования, науки и культуры) на одной из сессий в 1958 г. введено понятие «грамотность» как совокупность умений, включающих чтение и письмо, применяемых в социальном контексте; при этом понятие грамотности базируется на процессе использования, применения знаний или «процедурных» знаниях, отличающихся от «декларативных» знаний³.

Заслуживает определенный научно-теоретический интерес и то, что уже во времена бывшего СССР в 1978 г. был принят новый дополнительный вариант *определения грамотности*: грамотным считается тот, кто может участвовать во всех видах деятельности, в которых грамотность необходима для эффективного функционирования его группы или общины и которые дают ему также возможность пользования чтением, письмом и счетом для своего собственного развития, группы или общины⁴.

Кроме того, в 1979 г. толкование термина «грамотность» было представлено в Советском энциклопедическом словаре и Словаре русского языка в 4х томах, а прилагательного «грамотный» – также в Словаре русского языка. *К примеру, Грамотность*: 1. В широком смысле – владение навыками устной и письменной речи в соответствии с нормами литературного языка; 2. В узком смысле – умение только читать или читать и писать простейшие тексты; 3. Наличие знаний в какой-либо области (техническая, политическая) (1979). *Грамотность*: 1. Умение читать и писать, перен. – наличие соответствующих знаний в какой-либо области; 2. Свойство по прилагательному грамотный во втором значении.

Грамотность сочинения (1981). *Грамотный*: 1. Умеющий читать и писать. Умеющий грамматически правильно писать и говорить, перен. – обладающий необходимыми сведениями в какой-либо области, сведущий; 2. Не содержащий грамматических и стилистических ошибок. Выполненный со знанием дела (1990)⁵.

Аналогичное вышеуказанному определение «грамотности» имеется и в толковом словаре Д.Н. Ушакова⁶, а в «Словаре профессионального образования» под редакцией С.М. Вишняковой «грамотность» – это обладание пониманием, знаниями и умениями, необходимыми для успешной деятельности в какой-либо области⁷.

Таким образом, мы видим, что из приведенных толкований, более распространенным для настоящего времени в русском языке является трактовка грамотности в узком смысле – умение читать и писать. И на основе рассмотренных вышеизложенных определений грамотности мы можем отметить, что универсального определения термина «грамотность», которое отражало бы общую суть всех ее видов и разновидностей, пока не выработано. И из множества классификационных вариантов «грамотности», как правило, наиболее распространенным является выделение двух групп «грамотности», а именно общей и функциональной. В *первом* случае общая грамотность складывается из совокупности систематизированных знаний и базируется на адекватном понимании человеком окружающей действительности⁸. Во *втором*, под функциональной грамотностью понимается – способность человека использовать навыки чтения и письма в условиях его взаимодействия с социумом, т.е. это тот уровень грамотности, который дает человеку возможность вступать в отношения с внешней средой и максимально быстро адаптироваться и функционировать в ней⁹.

В сущности, функциональная грамотность содержит столько видов грамотности, сколько видов и разновидностей человеческой деятельности. К числу наиболее значимых, на наш взгляд, следует отнести такие *виды грамотности как*: правовая, технологическая, экономическая, политическая, социально-коммуникативная, методологическая, общекультурная и др.

Следовательно, правовая грамотность является одной из разновидностей грамотности, т.е. должна иметь свою индивидуальность. Данная классификация грамотности показывает многообразие ее видов и, тем самым, дает представление об основных элементах, из которых складываются современные стандарты грамотности. Каждый вид имеет свою классификацию, которые характеризуют грамотность и позволяют детализировать границы стандартов грамотности.

Далее следует перейти к понятию «правовая грамотность», являющемуся видом грамотности,

который необходим человеку, живущему в современном мире взаимоотношений. От того, насколько граждане знают свои права и обязанности, информированы о НПА¹⁰, принимаемых законодательной властью, умеют ими пользоваться, во многом зависит социально-экономическая ситуация в стране. При этом как Президент и Правительство России, так и большинство федеральных органов исполнительной власти (в том числе и МВД России) нередко свои НПА не опубликовывают в СМИ¹¹. Таким образом, можем ли мы идеализировать вопрос о развитии правовой грамотности в России. Зачастую граждане не только слабо ориентируются в законах и методах защиты своих прав, но и не стремятся к повышению своей правовой грамотности. Исходя из этого исследование понятия и содержания правовой грамотности имеет весьма важное научное и социальное значение.

Ныне в научных работах учеными раскрыто понятие правовой грамотности; так, правовую грамотность ученый-юрист Вольская С.Ф. в своей работе «Современные методы активизации учебного процесса как база формирования правовой грамотности в техническом вузе» отражает как «совокупность профессионально ориентированных и граждански значимых знаний законов, умений и определенных навыков, умение руководствоваться ими в конкретной области трудовой деятельности на основе гражданской позиции личности»¹². А.В. Терехина в статье «Правовая грамотность обучающихся как условие формирования их правовой культуры» раскрывает понятие правовой грамотности, как сформированную способность человека участвовать в демократическом сообществе, проявляющуюся *в наличии у него*: критичности мышления; осознания своих прав как члена человеческого сообщества; умения действовать обдуманно *в условиях плюрализма* – делать свой выбор и нести ответственность за его последствия; знания конституции страны и принципов построения законодательной базы; освоенности языка коммуникации; сформированных механизмов и способов саморазвития; опыта участия в демократических процедурах¹³.

Определенного характера толкование, значимое для административно-правовой науки, мы встречаем в словаре «Ключевые понятия, термины, актуальная лексика»: правовая грамотность – это общее знакомство с правовыми основами государства, видами права и нормами, регулирующими отношения людей на основе закона¹⁴. В данных случаях мы видим толкования о качествах правовой грамотности как определенного индивидуума – гражданина (физического лица – участника правоотношения), так и общества в целом. В целом правовая грамотность граждан формируется на базе проводимой государством правовой идеологии. Они требуют

правильного толкования сущности и задач правовой организации в стране, воспитания уважения к закону, внушения им необходимости соблюдения действующих и установленных правил поведения, а также защиты государством указательных, распорядительных, контрольных и административно-правовых полномочий должностных лиц, закрепленных в нормах КоАП и УК РФ. Знание гражданами (сотрудниками правоохранительных органов) своих прав и обязанностей, умение ими пользоваться, информированность о НПА, принимаемых законодательной властью, во многом определяет социально-экономическую ситуацию в стране. На сегодняшний день, граждане недостаточно ориентируются в НПА и методах защиты своих законных прав, но и не стремятся к повышению своей правовой грамотности. Незнание гражданином (должностным лицом) своих прав и обязанностей приводит к снижению степени защищенности личности от преступных посягательств и росту правонарушений, усиливается агрессивность и жестокость отдельных членов общества.

Следует подчеркнуть, что в правовом государстве **каждый гражданин должен знать свои права и обязанности. Если граждане, должностные лица (сотрудники полиции) будут юридически безграмотными, если будут иметь нечеткие представления о тех или иных правилах, регламентирующих их отношения друг с другом, с различными институтами и социальными группами, с государством в целом, то и законы будут функционировать неэффективно. В этом и заключается вопрос правовой грамотности населения.**

В свою очередь, наличие такого отрицательного явления как, нигилизм требует максимального использования потенциала органов государственной власти (в том числе правоохранительных органов, органов прокуратуры, судебной власти), общественных и правозащитных организаций, СМИ для систематического правового воспитания и просвещения населения.

Вместе с тем, нельзя отрицать, что по рассматриваемому вопросу потенциал правоохранительных и иных государственных органов (например, ОВД РФ) далеко не полностью используется, так как даже в теоретическом плане не рассматривается их роль в развитии правовой грамотности граждан. Так, авторский коллектив в учебнике, разработанном в соответствии с требованиями Федерального государственного стандарта высшего профессионального образования третьего поколения, рассматривая основы психологической работы в полиции и уделяя внимание таким вопросам, как психологическая подготовка сотрудников ОВД, технологии психологической помощи и психологической их реабилитации, организация психоло-

гической работы в ОВД¹⁵, или же авторы учебного пособия, рассматривая проблемы психологии личности, деятельности, профессионального обращения оперативных работников с различными категориями участников ОРД, психологические основы раскрытия преступлений оперативными аппаратами органов внутренних дел¹⁶, не учитывают Распоряжение Президента России «Основы государственной политики России в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан». Почему бы не принять в порядке реализации Основ государственной политики России в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан федеральную и региональные целевые программы, где будут более подробно расписаны формы, методы, субъекты повышения правовой грамотности с обозначением роли ОВД (полиции) в обеспечении деятельности по повышению правовой грамотности граждан.

Возможно, это связано с тем, что в названном Распоряжении¹⁷ не даны ключевые понятия, в том числе и понятие правовой грамотности. Считаем целесообразным сформулировать, на наш взгляд, наиболее полное понятие «правовой грамотности», которое следует понимать как целенаправленный процесс государства (его федеральных и региональных органов) и органов местного самоуправления, организуемый специально для достижения намеченных целей страны, *направленных на*: правовое просвещение и правовое информирование граждан; развитие правового образования и воспитания подрастающего поколения в образовательных организациях различного уровня; улучшение системы образования и подготовки квалифицированных юристов и педагогических кадров в области права; преобразования в сферах культуры, СМИ, рекламной и издательской деятельности, нацеленные на формирование высокого уровня правовой культуры и правосознания граждан; совершенствование деятельности государственных органов всех уровней и видов для обеспечения законности и правопорядка и повышения правосознания госслужащих всех категорий и видов; совершенствование деятельности в области оказания квалифицированной юридической помощи, в том числе создание эффективной системы бесплатной юридической помощи.

Безусловно, по мнению авторов (Л. Ореховой), толкования о правовой грамотности и правовом сознании¹⁸ должны отражать точку зрения ведомственной деятельности. Например, МВД, Минюста, Минобороны и других ФОИВ. Учитывая сказанное, деятельность субъектов управления в развитии правовой грамотности следует классифицировать по ряду оснований, *среди которых*: а) по субъекту – коллективные (структурные подразделения); индивидуальные (должностные лица структурных

подразделений); б) по объекту – коллективные (применяется ко всем гражданам); индивидуальные (применяется к конкретному индивиду); в) в зависимости от способа обеспечения правовой грамотности граждан (например, ОВД – полицией) – административно-профилактические меры (развитие правовой грамотности, осуществляется через профилактическую деятельность, такими средствами, к примеру, как обучение, пропаганда, агитация, разъяснительная работа, критика, осуждение антиобщественного поведения); меры по пресечению административного пресечения (развитие правовой грамотности, осуществляется через принудительные меры противоправных действий граждан. Ими являются: задержание, доставление, личный допрос); меры административной ответственности (развитие правовой грамотности, осуществляется через юридические действия); стимулирование (развитие правовой грамотности, осуществляется через получение материального, морального или иного поощрения).

Таким образом, вопрос о правовой грамотности является достаточно дискуссионным и нуждается в более глубоком научно-практическом изучении при учете значительной роли конкретного субъекта управления, например, ОВД (полиции) как одного из правоохранительных органов, взаимодействующего с населением и пресекающего правонарушения.

¹ Сметанникова Н.Н. Грамотность, единственное или множественное число? (К вопросу о функциональной неграмотности) [Электронный ресурс]. / Н.Н. Сметанникова. URL: http://www.library.ru/1/sociolog/text/article.php?a_uid=77

² Франклин С. Письменность, общество и культура в Древней Руси. СПб., 2010. С. 22–23; Goody J. The Interface Between the Written and the Oral. Cambridge, 1993.

³ Электронный бюллетень № 3 Экспертного совета НМЦ Калининского района Санкт-Петербурга Серия: Образовательная политика школы Рецензенты д.п.н. Ксенофонтова, д.п.н. Тряпицына Б.В. Авво Е. С. Заир-Бек. СПб., 2007. <http://window.edu.ru/resource/126/79126/files/Материалы20семинара.pdf>

⁴ Кузьмин М.Н. Грамотность // Российская педагогическая энциклопедия. В 2х томах. М., 1993. Т. 1. С. 227.

⁵ Сметанникова Н.Н. Грамотность. Единственное или множественное число? // Школьная библиотека, 2001.

⁶ Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. Т. 1. М., 1947.

⁷ Вишнякова С.М. Профессиональное образование Словарь. Ключевые понятия, термины, актуальная лексика. М., НМЦ СПО, 1999. 538 с.

⁸ Мацкевич В., Крупник С. Всемирная энциклопедия: филология. Режим доступа: <http://worvik.narod.ru>

⁹ Бунеев Р.Н. Понятие функциональной грамотности // Образовательная система «Школа 2100». Педагогика здравого смысла. Сборник материалов / Под науч. ред. А.А. Леонтьева. М.: «Баланс», Издательский Дом РАО, 2003. 368 с.

¹⁰ Имеется в виду нормативные правовые акты.

¹¹ По мнению авторов (Л. Орехова), в целях недопущения подобных за фактов субъектами, обладающими нормотворческими полномочиями следует закрепить ответственных лиц, которые будут обеспечивать должную правовую информационную систему данного ведомства. Кроме того, что касается НПА, относящегося к категории «секретно» или «ДСП», следует дать исходные регистрационные данные, наименование НПА и краткую аннотацию. Если даже Президент страны в целях реализации правовой информационной технологии (информирования участников правоотношения) дает краткую информацию о секретном указе! от 15 января 2013 г. № 31с «О создании государственной системы обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы Российской Федерации» на электронном сайте <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=140909/>. Что же касается МВД России и других силовых (правоохранительных органов) структур, то они, ссылаясь на категории «ДСП» или «секретно», вообще не обеспечивают соответствующего информирования.

¹² Вольская С.Ф. Современные методы активизации учебного процесса как база формирования правовой грамотности в техническом вузе // Вестник МГТУ. Т. 9. 2006. № 4. С. 591.

¹³ Теоретический аспект понятия «правовая культура». / Теребенина А.В. // Вестник Шадринского государственного педагогического института, 2012. № 1. С. 158–162.

¹⁴ Профессиональное образование. Словарь. Ключевые понятия, термины, актуальная лексика / Под ред. С.М. Вишнякова. М., НМЦ СПО, 1999. 538 с.

¹⁵ Психология служебной деятельности: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности / [Н.В. Румянцев и др.] / Под ред. Н.В. Румянцев, В.Л. Цветкова. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2014. -367.

¹⁶ Психология оперативно-розыскной деятельности: учеб. Пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / [В.М. Шевченко и др.]. 2-е изд., перераб. И доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2013. 257 с.

¹⁷ Имеется в виду «Основы государственной политики России в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан».

¹⁸ См.: Орехова Л.М. Понятие правосознания // Конституция РФ как гарант прав и свобод человека и гражданина при расследовании преступлений: материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 14 ноября 2013 г.) В 3-х частях: Практическая значимость. М.: Институт повышения квалификации СК РФ, 2013, Ч. 3. С. 182–187; а также Васильев Ф.П., Орехова Л.М. Административно-правовое регулирование правового воспитания граждан органами внутренних дел (полицией) Российской Федерации как средство предупреждения правонарушений: Практическая значимость // Конституция Российской Федерации как гарант прав и свобод человека и гражданина при расследовании преступлений: материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 14 ноября 2013 г.) В 3-х частях: Практическая значимость. М.: Институт повышения квалификации СК РФ, 2013, Ч. 2. С. 75–80.

СОСТОЯНИЕ РОССИЙСКОГО КООПЕРАТИВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ОРГАНИЗАЦИЯ ЖИЛИЩНОГО НАКОПИТЕЛЬНОГО КООПЕРАТИВА

ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ КОРШУНОВ,

*кандидат юридических наук, консультант организационно-аналитического
и контрольного отдела Арбитражного суда г. Москвы,
Специалист по гражданскому праву, кооперации,
банкротству, арбитражному процессу*

ЮЛИЯ АЛЕКСАНДРОВНА ПЕТРОВА,

*адъюнкт кафедры гражданского права и процесса
Московского университета МВД России*

*Научная специальность 12.00.03 – гражданское право, предпринимательское право,
семейное право; международное частное право*

Научный руководитель: кандидат юридических наук, доцент,

доцент кафедры гражданского права и процесса

Московского университета МВД России,

полковник полиции Лебединец О.Н.

E-mail: Aleksandrovna-88@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются проблемы современного состояния российского кооперативного законодательства и организации жилищного накопительного кооператива как новой формы удовлетворения потребности в жилье сотрудников ОВД.

Ключевые слова: кооперативное законодательство, организация жилищного накопительного кооператива, сотрудники ОВД.

Annotation. The article investigates the current state of Russian legislation and the cooperative organization incremental housing cooperative, as a new form to meet the housing needs of law enforcement officers.

Keywords: cooperative legislation, the organization of incremental housing cooperative, members of ATS.

Для современного кооперативного законодательства России характерно разделение кооперативной организации экономической деятельности на два различных организационно-правовых типа: 1) производственный кооператив (предпринимательская структура); 2) потребительский кооператив (некоммерческое юридическое лицо)¹. Для производственных кооперативов установлены две различные организационно-правовые формы: производственный кооператив; кооператив сельскохозяйственный. Первый, создаваемый и действующий на основании Федерального закона «О производственных кооперативах» от 8 мая 1996 г. № 41-ФЗ, является общей организационно-правовой формой всех видов производственных кооперативов: он регулирует отношения, возникающие при образовании, деятельности и прекращении деятельности кооперативов, осуществляющих производство, переработку, сбыт промышленной и иной продукции, торговлю, строительство, бытовое и иные виды обслуживания, добычу полезных ископаемых, других природных ресурсов, сбор и переработку вторич-

ного сырья, проведение научно-исследовательских, проектно-конструкторских работ, а также оказывающих медицинские, правовые, маркетинговые и другие не запрещенные законом виды услуг. Однако, принятый ранее Федеральный закон «О сельскохозяйственной кооперации» от 8 декабря 1995 г. № 193-ФЗ устанавливает принципиально отличные от него организационно-правовые формы сельскохозяйственной кооперации: не одну, а сразу три организационно-правовые формы сельскохозяйственного кооператива. Видами производственных сельскохозяйственных кооперативов являются сельскохозяйственная артель (колхоз), рыболовецкая артель (колхоз) и кооперативное хозяйство (коопхоз). После этого ссылка в первом законе (п. 2 ст. 2) на то, что «особенности создания и деятельности сельскохозяйственных производственных кооперативов определяются законом о сельскохозяйственной кооперации» можно считать признанием возможности применения к сельскохозяйственным кооперативом отдельных положений «общего закона», не касающихся важнейших особенностей организационно-

правовой формы, т.е. в рамках общекооперативных принципов и общих правил предпринимательской деятельности кооперативов.

Федеральный закон «О производственных кооперативах» относит к производственным кооперативам: «осуществляющие производство, переработку, сбыт промышленной и иной продукции, торговлю, строительство, бытовое и иные виды обслуживания, добычу полезных ископаемых, других природных ресурсов, сбор и переработку вторичного сырья, проведение научно-исследовательских, проектно-конструкторских работ, а также оказывающие медицинские, правовые, маркетинговые и другие не запрещенные законом виды услуг» (п. 1 ст. 2)². Существуют сельскохозяйственные потребительские кооперативы (перерабатывающие, сбытовые (торговые), обслуживающие, снабженческие, садоводческие, огороднические, животноводческие, кредитные), статус которых определяется ст. 4 Федерального закона «О сельскохозяйственной кооперации». Отдельными законами устанавливается статус потребительских кредитных кооперативов (Федеральный закон «О кредитных потребительских кооперативах граждан» от 7 августа 2001 г. № 117-ФЗ, не распространяющийся на сельскохозяйственные кредитные кооперативы), статус жилищных и жилищно-строительных кооперативов (ЖК РФ, раздел V), статус садоводческих, огороднических и дачных кооперативов (Федеральный закон «О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан» от 15 апреля 1998 г. № 66-ФЗ) и, наконец, статус жилищных накопительных кооперативов (Федеральный закон «О жилищных накопительных кооперативах» от 30 декабря 2004 г. № 215-ФЗ).

И это при всем том, что кооперативов в Российской Федерации осталось крайне немного. А многие из предусмотренных законом форм существуют только на бумаге. На этом фоне даже кажется странным отсутствие статутного закона о столь распространенных в России гаражных (гаражно-строительных) кооперативах³.

Весь советский период кооперативы в России развивались как вспомогательное по отношению к государству публичное образование, мало чем отличающееся от государственных юридических лиц и действующее под жестким публичным контролем. Обобществление средств участников, безусловно, выделяет кооперативы из состава хозяйственных товариществ и обществ. Оно означает не только окончательную утрату прав собственности на паевые взносы, компенсируемую приобретением прав на паенакопление и выплаты по паям, но и отсутствие каких-либо прав на приращения в кооперативном имуществе. Если члены хозяйственного общества участвуют в распределении прибыли и имеют право на ликвидационную квоту, то члены

кооператива не имеют ни того ни другого. Совместный труд в общем предприятии не может считаться необходимым признаком. Он не требуется в потребительских, жилищных и кредитных кооперативах. Но зато обязательное удовлетворение общих нужд членов кооператива хозяйственной деятельностью кооператива составляет еще одну существенную черту кооперации. Ее члены всегда являются ее приоритетными клиентами. В современных условиях российское законодательство являет собой пример «компанизации» кооперативов, применения к ним юридических конструкций, свойственных хозяйственным товариществам и обществам: отступление от демократического принципа управления в пользу доли участия в капитале; расширение участия инвесторов; отпадение конструкции «членской сделки»; раздел прибыли и иного имущества, ликвидационная квота⁴.

Кооперативными принципами, используемыми действующим российским законодательством в организационно-правовых формах производственной и потребительской кооперации, являются: добровольность членства; свобода выхода; равенство голосов всех членов и независимость числа голосов от участия в капитале, комплектование органов управления собственными членами. Их поддержание, пусть и в ослабленном виде, является условием существования кооперативов как особой организационно-правовой формы юридического лица.

Вместо единой организационно-правовой формы кооператива, российское законодательство знает два типа кооперативной организационно-правовой формы: производственный кооператив и потребительский кооператив. Тип производственного кооператива представлен сельскохозяйственным кооперативом (колхоз, рыболовецкая артель и кооперативное хозяйство), производственным кооперативом в сфере производства, строительства, торговли и услуг. Потребительские кооперативы существуют в виде потребительских (сельских торгово-закупочных, бытовых и перерабатывающих), кредитных, жилищных, жилищно-строительных, дачных, гаражных, садоводческих и, наконец, жилищных накопительных. Многие из них фактически утратили право называться кооперативами (жилищные и жилищно-строительные), другие (например, гаражные) формально даже не имеют организационно-правовой формы потребительского кооператива, поскольку таковой не могут считаться по одной статье в ГК РФ.

Жилищный накопительный кооператив считается созданным с момента его государственной регистрации налоговым органом в порядке, установленном Федеральным законом «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ, и как юридическое лицо со дня внесения соответ-

ствующей записи в Единый государственный реестр юридических лиц. Кооператив создается без ограничения срока деятельности, если иное не установлено его уставом (ч. 4 ст. 3 Закона).

В процедуре возникновения юридического лица по российскому гражданскому праву различают: 1) волеизъявление учредителей о создании юридического лица; 2) утверждение учредительных документов юридического лица; 3) формирование органов юридического лица; 4) формирование имущества юридического лица; 5) государственную регистрацию юридического лица.

Два события, по справедливому мнению Н.В. Козловой, предопределяют возникновение юридического лица: подписание учредительного акта, каковым является решение единственного учредителя либо соглашение двух и более учредителей о создании юридического лица, и государственная регистрация, устанавливающая юридическую личность⁵. Действия учредителей как юридические факты корпоративного права в совокупности с государственной регистрацией, являющейся фактом административного права, составляют юридический состав, порождающий возникновение нового субъекта гражданского права⁶.

Закон не определяет, что следует считать *волеизъявлением учредителей* о создании юридического лица. В соответствии со ст. 12 Закона кооператив создается по инициативе не менее чем пятьдесят человек и не более пяти тысяч человек. Из чего можно сделать вывод, что таким волеизъявлением может быть решение общего собрания учредителей о создании ЖНК. Для того чтобы считать такое решение действительным, достаточно, чтобы за него проголосовало 50 человек от числа собравшихся. Только те, кто отдал свой голос за создание ЖНК, и могут впоследствии считаться его учредителями. Это чисто теоретическое рассуждение лишено практического смысла, поскольку в общем случае на государственную регистрацию представляются решения собрания учредителей, принимаемые единогласно.

По мнению Н.В. Козловой, при наличии у юридического лица двух или более учредителей между ними должно быть достигнуто соглашение о создании юридического лица⁷. Соглашаясь с этим в целом, необходимо уточнить, что такое соглашение не обязательно должно принимать вид многостороннего договора, поскольку в нем существенным является только само решение о создании юридического лица. Иные условия, относящиеся к организационно-правовой форме, имуществу, правам и обязанностям в процессе создания могут быть дополнительной урегулированы в учредительных документах будущего юридического лица либо отдельном договоре, заключенном между ними.

Когда юридическое лицо создается несколькими учредителями (гражданами и (или) юридическими

лицами) в форме хозяйственного общества, то, по мнению большинства юристов, с момента заключения учредительного договора либо договора простого товарищества (о совместной деятельности) по созданию юридического лица до момента государственной регистрации нового субъекта права учредители объединены в простое товарищество⁸. Однако, для создания кооператива вообще и потребительского кооператива в частности такой договор не обязателен. Он, разумеется, может быть заключен учредителями, но при регистрации юридического лица не принимается во внимание и не влияет ни на объем его правоспособности, ни на права и обязанности участников.

Как справедливо указывалось в юридической литературе, действующее российское законодательство не определяет понятие учредителя, устанавливая лишь его права и обязанности по созданию юридического лица⁹. Между тем анализ многих правовых актов приводит к выводу, что учредителем юридического лица может быть назван субъект права, т.е. гражданин, юридическое лицо или публичное образование, который принимает решение о создании юридического лица, принимает (утверждает) его учредительные документы, передает ему в собственность (или иное вещное право) часть своего имущества для формирования его уставного капитала. Учредителями в узком смысле являются субъекты, указанные в этом качестве в учредительных документах юридического лица на момент его первоначальной государственной регистрации в Едином государственном реестре юридических лиц¹⁰.

В ЖНК, представляющем собой классическую корпорацию, основанную на фиксированном членстве, учредитель не всегда является участником (членом) юридического лица¹¹.

Главное ограничение закона на участие в создании ЖНК относится к юридическим лицам, которые не могут приобретать в нем права членства. Это положение закона неоднозначно оценивается в литературе. Высказывается мнение, что такое ограничение ни на чем не основано, что нет никаких причин отказывать юридическим лицам в том, чем они пользуются в жилищных и жилищно-строительных кооперативах¹². Такое решение является не случайным недосмотром, а обдуманное решение, призванное препятствовать использованию организационно-правовой формы ЖНК в качестве прикрытия инвестиционной деятельности компаний.

В соответствии со ст. 5 Закона, членом кооператива может быть гражданин, достигший возраста 16 лет. Данное ограничение – второе из числа установленных законом для учредителей ЖНК. Учитывая, что учредители ЖНК никаких преимуществ перед остальными пайщиками не имеют, в том числе и в области распоряжения средствами ЖНК и форми-

рования органов ЖНК, этого оказывается вполне достаточно. Тем более что минимальное число учредителей (50) способно свести к минимуму последствия участия нескольких лиц, имеющих противоположные намерения. К тому же все равно эта норма может реально применяться только на этапе государственной регистрации, а поскольку она в России носит неслыханно либеральный характер, то установить такие факты здесь можно только полагаясь на чудо.

Ни договора о совместной деятельности по созданию ЖНК, ни, тем более, учредительного договора учредителям ЖНК, в отличие учредителей акционерных обществ, обществ с ограниченной ответственностью, некоммерческих организаций¹³, как уже говорилось, заключать не обязательно. Вместе с тем, нет никаких препятствий к заключению такого договора, если учредители сочтут это необходимым. Учредители производственных и потребительских кооперативов, общественных организаций, автономных некоммерческих организаций и даже фондов, справедливо утверждает Н.В. Козлова, могут заключить такое соглашение по собственной инициативе¹⁴.

Данный договор регламентирует только обязательственные отношения учредителей в ходе создания юридического лица и обладает некоторыми признаками предварительного договора (ст. 429 ГК РФ), закрепляет желание участников совершить многостороннюю сделку, направленную на принятие (утверждение) устава юридического лица. После регистрации юридического лица он в общем случае обязывает каждого учредителя заключить со вновь созданным субъектом отдельный договор о передаче имущественного вклада в его уставный капитал в порядке и на условиях, согласованных сторонами в договоре о совместной деятельности по созданию юридического лица. После государственной регистрации юридического лица и завершения формирования его уставного капитала обязательства, возникшие из этого договора, обычно прекращаются исполнением (ст. 408 ГК РФ).

Корпоративные отношения между учредителями (участниками, членами), созданным юридическим лицом и его управляющими регламентируются учредительными документами юридического лица. Фактически на основании ст. 421 ГК РФ учредители заключают соглашение, сочетающее элементы двух разновидностей договора простого товарищества (о совместной деятельности): простого гражданского товарищества и договора о совместной деятельности по созданию юридического лица¹⁵. В зависимости от срока действия и условий этого договора исполнение возникающих из него обязательств начинается до регистрации юридического лица, а заканчивается иногда вместе с его ликвидацией.

Литература:

1. Коршунов П.Н. «Жилищный накопительный кооператив: проблемы правового статуса и защиты прав его членов» / Под ред. Заслуженного юриста Российской Федерации, кандидата юридических наук, профессора Иванова В.И.; Москва, 2009.
2. Суханов Е.А. Указ. соч.
3. Тычинин С.В. Потребительская кооперация с позиций гражданского права.
4. Гримм Д.Д. Лекции по догме римского права. М., 2003. Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права. Т. 1. М., 2003.
5. Грось Л.А. Участие публично-правовых образований в отношениях собственности: гражданско-правовые проблемы // Хозяйство и право. 2001. № 5.
6. Козлова Н.В. Правосубъектность юридического лица.
7. Брауде И.Л. Акционерные общества и товарищества в торговле и промышленности. Пг., 1923.
8. Вавин Н.Г., Вормс А.Э. Товарищества простое, полное и на вере. М., 1924; Данилова Е.Н., Перетерский И.С., Раевич С.И. Советское хозяйственное право. М., 1926.
9. Вольф В.Ю. Основы учения о товариществах и акционерных обществах. М., 1927.
10. Мамай В. Договор о совместной деятельности – исходная основа формирования состава учредителей // Хозяйство и право. 1997. № 7; Мельгунов В. Правовое регулирование совместной хозяйственной деятельности // Хозяйство и право. 1999. № 10;
11. Ем В.С., Козлова Н.В. Договор простого товарищества (комментарий главы 55 Гражданского кодекса Российской Федерации) // Законодательство. 2000. № 1;
12. Степанов Д.И. Особенности договора учредителей о создании акционерного общества // Хозяйство и право. 2000. № 2.

¹ Этот подход укоренился благодаря Закону СССР «О кооперации в СССР» от 26 мая 1988 г., из п. 2 ст. 3 которого вытекало «необходимость четкой дифференциации кооперативов на производственные (осуществляющие коммерческую деятельность) и потребительские (направленные на удовлетворение определенных потребностей своих членов)» (Суханов Е.А. Указ. соч. С. 110).

² С.В. Тычинин даже полагает, что в России формируется прототип второй системы кооперативного законодательства – системы множественности актов, по-разному регулирующих правовой статус кооперативов в зависимости от сферы их деятельности. Оптимальным же, по его мнению, может служить вариант наподобие французского, когда наряду с общим кооперативным законом для всех кооперативов существуют специальные законы, распространяющие свою силу только на отдельные виды кооперативов (см.: Тычинин С.В. Потребительская кооперация с позиций гражданского права).

³ Правовой основой их деятельности служат (номинально) ГК РФ, Примерный устав Кооператива по строительству и эксплуатации коллективных гаражей-стоянок для автомобилей индивидуальных владельцев, утв. Постановлением Совета Министров РСФСР от 24 сентября 1960 г. № 1475, и разнообразные подзаконные акты, в том числе органов местного самоуправления. По сути же все сводится к разработке устава, в основном аналогичного уставу дачно-строительного кооператива (см.,

напр.: Тихомиров М.Ю. Учредительные документы некоммерческих организаций. М., 2000).

⁴ Любопытно, что этот процесс заставляет вспомнить историю зарождения жилищной кооперации. В Германии, например, строительные общества, создаваемые в середине XIX в., были совсем не товариществами, а акционерными обществами либо частными фондами. Так продолжалось до вступления в силу первого закона о кооперации 1867 г., принятого в Пруссии, а затем распространенного на всю остальную Германию (см.: Ringle G. Op. cit. S. 5–6).

⁵ См.: Гримм Д.Д. Лекции по догме римского права. М., 2003. С. 93–94; Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права. Т. 1. М., 2003. С. 301–310, 347–349, 361–362; и др.

⁶ См.: Грось Л.А. Участие публично-правовых образований в отношениях собственности: гражданско-правовые проблемы // Хозяйство и право. 2001. № 5. С. 33.

⁷ См.: Козлова Н.В. Правосубъектность юридического лица.

⁸ См.: Брауде И.Л. Акционерные общества и товарищества в торговле и промышленности. Пг., 1923. С. 55; Вавин Н.Г., Вормс А.Э. Товарищества простое, полное и на вере. М., 1924; Данилова Е.Н., Петерский И.С., Раевич С.И. Советское хозяйственное право. М., 1926. С. 77–190; Вольф В.Ю. Основы учения о товариществах и акционерных обществах. М., 1927. С. 98–99; и др.

⁹ См.: Козлова Н.В. Правосубъектность юридического лица.

¹⁰ См.: Тарасов И.Т. Учение об акционерных компаниях. М., 2000. С. 198–220; Козлова Н.В. Учредительный договор о создании коммерческих обществ и товариществ. М., 1994. С. 39–46; Сыродоева О.Н. Акционерное право США и России (сравнительный анализ). М., 1996. С. 34–38.

¹¹ «...В юридических лицах – корпорациях не всякий участник (член) юридического лица непременно считается его учредителем» (Козлова Н.В. Правосубъектность юридического лица).

¹² См., напр.: Лебедева О. Предпринимательство или кооператив?

¹³ См.: Мамай В. Договор о совместной деятельности – исходная основа формирования состава учредителей // Хозяйство и право. 1997. № 7; Мельгунов В. Правовое регулирование совместной хозяйственной деятельности // Хозяйство и право. 1999. № 10; Ем В.С., Козлова Н.В. Договор простого товарищества (комментарий главы 55 Гражданского кодекса Российской Федерации) // Законодательство. 2000. № 1; Степанов Д.И. Особенности договора учредителей о создании акционерного общества // Хозяйство и право. 2000. № 2.

¹⁴ Козлова Н.В. Правосубъектность юридического лица.

¹⁵ См.: Ем В.С., Козлова Н.В. Указ. соч. С. 17–18.

ДЕЯТЕЛЬНОЕ РАСКАЯНИЕ В НЕОКОНЧЕННОМ ПРЕСТУПЛЕНИИ

КСЕНИЯ ВЯЧЕСЛАВОВНА АВСЕНИЦКАЯ,

аспирант кафедры уголовного права Российской правовой
академии Минюста России

Научная специальность 12.00.08 – уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право

Научный руководитель: доктор юридических наук,
профессор Звечаровский И.Э.

Рецензент: кандидат юридических наук, доцент Соктоев З.Б.

E-mail: vesnavip@mail.ru

Аннотация. На основе возможных причин недоведения преступления до конца, анализа обстоятельств, отграничивающих добровольный отказ от доведения преступления до конца от деятельного раскаяния, в статье приводятся аргументы, подтверждающие возможность такого раскаяния в неоконченном преступлении с наступлением соответствующих ему уголовно-правовых последствий.

Ключевые слова: оконченное и неоконченное преступление, добровольный отказ от доведения преступления до конца, деятельное раскаяние, причины недоведения преступления до конца.

Annotation. On the basis of the possible reasons nedovedeniya crime to an end, analyzing the circumstances to delimit the voluntary renunciation of bringing crime to the end of active repentance, the article argues, confirming the possibility of such remorse unfinished crime with the advent of its corresponding penal consequences.

Keywords: a completed and uncompleted crime, voluntary renunciation of consummation of crime, active repentance, reason not to bring crime to an end.

Согласно действующему уголовному законодательству России, преступление может признаваться

неоконченным в силу двух обстоятельств: по причинам, не зависящим от лица, его совершающего

(ст. 29, 30 УК РФ), и в силу добровольного отказа от доведения преступления до конца (ст. 31 УК РФ). В данном случае нас интересует первый вид неоконченного преступления.

В работах, посвященных деятельному раскаянию, его начальная граница обычно определяется словами «после совершения преступления», либо «после его окончания». Очевидно, что из двух приведенных словосочетаний более широким по объему содержания является первое, поскольку включает в себя и оконченное, и неоконченное преступление. Последнее, как известно, также преступно и уголовно наказуемо. В этой связи ответим на вопрос: может ли иметь место деятельное раскаяние после совершения неоконченного преступления в том его понимании, которое присутствует в ст. 29, 30 УК РФ? Этот вопрос актуален в связи с тем, что в теории и практике уголовно-правового регулирования на этот вопрос обычно отвечают отрицательно, причем, данный ответ в различных интерпретациях в конечном итоге служит основанием еще и для отграничения деятельного раскаяния от добровольного отказа. Так, по мнению Н.Ф. Кузнецовой, граница между добровольным отказом и деятельным раскаянием «проходит по факту наступления вредных последствий. Добровольный отказ возможен... до наступления преступных последствий. Деятельное раскаяние следует после окончания преступления, когда преступные последствия уже наступили»¹. Автор повторила эту позицию и в более позднем издании уже в период действия УК РФ 1996 г., добавив при этом, в частности, что содержание деятельного раскаяния зависит от характера причиненного вреда (физического, психического, социального, имущественного, организационного). «При добровольном отказе – нет состава преступления. При деятельном раскаянии – состав преступления налицо»². С последним трудно не согласиться, но «налицо» может быть и состав неоконченного преступления. Помимо этого, представляется, что содержание деятельного раскаяния может быть гораздо шире по своему характеру, чем уже причиненный вред. Деятельное раскаяние не исключено и при оконченом убийстве, вопрос лишь в том, в чем оно выражается, помимо «невозможности заглаживания физического вреда».

Решение вопроса о разграничении деятельного раскаяния и добровольного отказа, на наш взгляд, должно зависеть не от последствий (очевидно – от последствий, являющихся признаком объективной стороны данного состава преступления), которые частично могут наступить и при неоконченном преступлении, а от того, окончено преступление *фактически* или нет. Отсюда следует вывод, что добровольный отказ возможен только до момента окончания преступления, но это не означает, что

деятельное раскаяние невозможно при неоконченном преступлении. Поэтому нельзя безоговорочно согласиться с мнением тех ученых, которые отграничивают деятельное раскаяние от добровольного отказа только по моменту *юридического* окончания преступления. С учетом сказанного, при определении понятия деятельного раскаяния его начальная граница, по нашему мнению, должна определяться словами «после совершения оконченого или неоконченного преступления». Если же говорить об отличиях добровольного отказа от деятельного раскаяния, то важно иметь в виду и то, что первый возможен при совершении только умышленного преступления; деятельно раскаиваться можно как в умышленных, так и в неосторожных преступлениях. Отличия между этими институтами обычно усматривают еще и в характере уголовно-правовых последствий: для добровольного отказа – это исключение уголовной ответственности (ст. 31 УК РФ), для деятельного раскаяния – это освобождение от уголовной ответственности (например, ст. 75 УК РФ) и смягчение наказания (п. «и», «к» ч. 1 ст. 61, ст. 62 УК РФ). Следует, однако, уточнить, что хотя на практике дела, связанные с добровольным отказом от доведения преступления до конца, как правило, прекращаются за отсутствием в деянии состава преступления (п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ), по нашему мнению, более правильно в этом случае говорить об освобождении от уголовной ответственности. Нельзя забывать и то, что уголовно-правовым последствием неудавшегося добровольного отказа организатора и подстрекателя может быть также смягчение наказания (ч. 5 ст. 31 УК РФ).

Возвращаясь к тезису о возможности деятельного раскаяния после совершения неоконченного преступления, уместно воспроизвести позицию А.В. Бриллиантова по этому вопросу. Автор отмечает, что, по-видимому, указывая на то, что действия по деятельному раскаянию осуществляются после совершения преступления, законодатель имел в виду не только стадию оконченого преступления, но и завершение преступления на другом этапе его развития, когда все действия, которые лицо полагало необходимым выполнить, были совершены, но преступные последствия не наступили по причинам, не зависящим от воли виновного³. Опять же уточним: дело не в последствиях, которые как признак объективной стороны отсутствуют в так называемых формальных и усеченных составах преступлений. Здесь правильнее говорить о недоведении преступления до конца. Если мы допускаем ситуацию, при которой преступление не доводится до конца по причинам, не зависящим от воли лица, его совершающего, после чего это лицо деятельно раскаивается в содеянном, то такое в принципе возможно на любой стадии совершения преступления, в том числе и на стадии приготовления⁴. А.В. Бриллиан-

тов, ограничивающий возможность проявления деятельного раскаяния стадией оконченного покушения⁵, по нашему мнению, недооценивает причину, в силу которой преступление не доводится до конца: воля виновного или обстоятельства, не зависящие от него. Поскольку автор допускает возможность деятельного раскаяния и при неоконченном преступлении, именно это обстоятельство, а не стадия предварительной преступной деятельности, имеют решающее значение для отграничения добровольного отказа от деятельного раскаяния.

Таким образом, деятельное раскаяние с присущими ему уголовно-правовыми последствиями может иметь место как после юридически оконченного преступления, так и после фактически оконченного преступления, не доведенного до момента его юри-

дического окончания, по причинам, не зависящим от воли лица, его совершающего.

¹ См.: Советское уголовное право. Общая часть: Учебник / Под ред. Г.А.Кригера, Н.Ф.Кузнецовой, Ю.М.Ткачевского. М., 1988. С. 173.

² Курс уголовного права. Общая часть. Том 1: Учение о преступлении. Учебник для вузов / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М., 2002. С. 379.

³ Бриллиантов А.В. Освобождение от уголовной ответственности: с учетом обобщения судебной практики: научно-практическое пособие. М., 2013. С. 19.

⁴ См., напр.: Волков Б.С. Мотивы преступлений. Казань, 1982. С. 9; Астахов П. Повинную голову и меч не сечет // ЭЖ-Юрист. 2006. № 32.

⁵ Бриллиантов А.В. Указ.соч. С. 20–21.

ВОПРОСЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ СИЛЬНОДЕЙСТВУЮЩИХ ИЛИ ЯДОВИТЫХ ВЕЩЕСТВ В ЦЕЛЯХ СБЫТА

ИРИНА ВАСИЛЬЕВНА АКимова,

*адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров
Московского университета МВД России,
Научная специальность 12.00.08 – уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право*

*Научный руководитель: профессор кафедры уголовного права,
кандидат юридических наук, доцент **Боровиков В.Б.***

*Рецензент: доцент кафедры уголовного права,
кандидат юридических наук **Гриневский Р.Г.***

E-mail: Sleep02@mail.ru

Аннотация. Рассматривается понятие незаконного оборота сильнодействующих или ядовитых веществ в целях сбыта. Проводится анализ нормативных правовых актов, регламентирующих порядок оборота названных предметов. Разграничиваются понятия незаконного оборота и нарушение правил производства, приобретения, хранения, учета, отпуска, перевозки или пересылки сильнодействующих и ядовитых веществ.

Ключевые слова: сильнодействующие вещества, ядовитые вещества, порядок оборота, незаконный оборот, нарушение правил производства, сбыт.

Annotation: This paper is devoted to the concept of illicit trafficking of potent or toxic substances for marketing purposes. The analysis of normative legal acts regulating the procedure mentioned turnover items. Differentiated concepts of illicit trafficking and violation of rules governing the production, acquisition, storage, recording, release, transport or delivery of potent and toxic substances.

Keywords: Potent substances, toxic substances, the procedures for circulation, trafficking, violation of rules governing the production, distribution.

Незаконный оборот сильнодействующих или ядовитых веществ в целях сбыта представляет угрозу здоровью населения, чему способствует их относительная доступность по сравнению с наркотическими и психотропными веществами, менее жесткие меры контроля и невысокая цена.

Объективную сторону рассматриваемого престу-

пления составляют различные по своему содержанию деяния: изготовление, переработка, приобретение, хранение, перевозка, пересылка, сильнодействующих или ядовитых веществ, а так же незаконный оборот оборудования для их изготовления или переработки.

Диспозиция ч. 1 ст. 234 УК РФ незаконный оборот сильнодействующих и ядовитых веществ опре-

деляет как незаконное изготовление, переработку, приобретение, хранение, перевозку или пересылку в целях сбыта, а равно незаконный сбыт сильнодействующих или ядовитых веществ, не являющихся наркотическими средствами или психотропными веществами, либо оборудования для их изготовления или переработки.

По своему содержанию перечисленные деяния тождественны таким же действиям, совершаемым в отношении наркотических средств или психотропных веществ. В ФЗ от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» дается определение оборота наркотических средств, психотропных веществ, под которым понимается разработка, производство, изготовление, переработка, хранение, перевозка, пересылка, отпуск, реализация, распределение, приобретение, использование, ввоз на территорию Российской Федерации, вывоз с территории Российской Федерации, уничтожение наркотических средств, психотропных веществ, разрешенные и контролируемые в соответствии с законодательством Российской Федерации. Под незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, согласно этому закону, понимается оборот наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, осуществляемый в нарушение законодательства Российской Федерации¹. Итак, незаконный оборот сильнодействующих и ядовитых веществ – это оборот указанных предметов, осуществляемый в нарушение законодательства Российской Федерации.

Часть 1, ч. 2, ч. 3 ст. 234 УК РФ устанавливают ответственность за собственно незаконный оборот, а именно, изготовление, переработку, приобретение, хранение, перевозку или пересылку в целях сбыта, а равно незаконный сбыт сильнодействующих или ядовитых веществ, либо оборудования для их изготовления или переработки. В ч. 4 данной статьи речь идет об ответственности за нарушение правил производства, приобретения, хранения, учета, отпуска, перевозки или пересылки сильнодействующих или ядовитых веществ, установленных в сфере законного оборота этого же предмета. Законодатель, разделив понятия законного и незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, в ФЗ от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» не дифференцировал ответственность за незаконный оборот и нарушение правил оборота сильнодействующих и ядовитых веществ. Это создает определенные сложности в применении данной нормы. В связи с этим, считаем целесообразным разделить ст. 234 УК РФ на две самостоятельные статьи, исключив ч. 4 ст. 234 и дополнив УК РФ ст. 234¹. «Нарушение правил производства, приобретения, хранения, учета, отпуска, перевозки или пересылки сильнодействующих или ядовитых веществ». Это позволит реально

оценить общественную опасность указанных выше различных форм преступного поведения с учетом признаков субъективной стороны деяния и особенностей личности лиц, их совершивших.

В настоящее время существует огромное количество нормативных актов, регулирующих оборот сильнодействующих и ядовитых веществ в целях сбыта. К таким нормативным правовым актам относятся как регулирующие оборот названных веществ внутри нашего государства, так и на международном уровне. Однако, четкого определения понятия незаконного оборота сильнодействующих и ядовитых веществ до сих пор нет. В юридической литературе, а так же в нормативных документах данное определение трактуется по-разному. По нашему мнению, под незаконным оборотом следует понимать оборот сильнодействующих и ядовитых веществ в нарушение закона и других нормативных актов, регулирующих порядок изготовления, переработки, приобретения, хранения, перевозки или пересылки в целях сбыта названных веществ, не являющихся наркотическими средствами или психотропными веществами, либо оборудования для их изготовления или переработки.

Объективная сторона исследуемого нами деяния включает несколько альтернативных действий, совершения каждого из которых в отдельности достаточно для признания в содеянном составе преступления. Такое детальное перечисление альтернативных действий одного состава позволяет единообразно толковать закон и более правильно уяснять волю законодателя, который объединил в одном составе несколько схожих по степени и характеру общественной опасности и противоправности деяний².

Оборот сильнодействующих или ядовитых веществ регулируется различными нормативными правовыми актами в зависимости от сферы распространения и их свойств. Например, относятся ли они к медицинским препаратам, лекарственным средствам, химическим веществам и т.д.

Так, деятельность, связанная с оборотом лекарственных средств, в том числе содержащих сильнодействующие и ядовитые вещества, регулируется ФЗ от 12 апреля 2010 г. № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств», в котором указано, что для каждого препарата необходимо соответствующее лицензирование производства лекарственных средств и фармацевтической деятельности в соответствии с законодательством Российской Федерации; организация экспертизы лекарственных средств, этической экспертизы возможности проведения клинического исследования лекарственного препарата для медицинского применения; выдача разрешений на проведение клинических исследований лекарственных препаратов, ведение реестра выданных разрешений на проведение клинических

исследований лекарственных препаратов; государственная регистрация лекарственных препаратов, ведение государственного реестра лекарственных средств³. Формирование государственного задания на проведение экспертизы лекарственных средств и финансовое обеспечение выполнения этого задания осуществляются в порядке, установленном ФЗ от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях»⁴.

Существует специальный порядок ввоза на территорию Российской Федерации и порядка вывоза с территории Российской Федерации лекарственных средств. При этом Министерство здравоохранения Российской Федерации обязано предоставить в распоряжение Федеральной таможенной службы государственный реестр лекарственных средств, а также информацию о выданных разрешениях на ввоз на территорию Российской Федерации конкретной партии незарегистрированных лекарственных средств, предназначенных для проведения клинических исследований лекарственных препаратов, проведения экспертизы лекарственных средств в целях осуществления государственной регистрации лекарственных препаратов или для оказания медицинской помощи по жизненным показаниям конкретного пациента⁵.

Кроме того, оборот сильнодействующих и ядовитых веществ регламентируется большим количеством нормативных правовых актов. Например, осуществление оборота таких лекарственных средств, как алпрозолам, барбитал, бромазепам, бротизолам, диазепам, золпидем, клоназепам, лоразепам, медазепам, мезокарб, мепробамат, мидазолам, нитразепам, оксазепам, темазепам, тетразепам, фенобарбитал, флунизепам, флуразепам, хлордиазепоксид, эстазолам должно осуществляться только юридическими лицами, имеющими лицензию на деятельность по обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, культивированию наркосодержащих растений, с указанием видов работ (услуг), выполняемых (осуществляемых) по обороту соответствующих видов веществ⁶. Хранение сильнодействующих веществ, находящихся под международным контролем, осуществляется в помещениях, оборудованных инженерными и техническими средствами охраны, аналогичными предусмотренным для хранения наркотических и психотропных лекарственных средств. Лекарственные средства, подлежащие предметно-количественному учету (которыми являются сильнодействующие вещества, находящиеся под международным контролем), выписываются на аналогичных формах рецептурных бланков⁷. Требования к охране помещений установлены только для помещений хранения наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров наркотических средств и психотропных веществ, внесенных в список I перечня нар-

котических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации⁸. К охране помещений хранения сильнодействующих и ядовитых лекарственных средств, находящихся под международным контролем, могут быть привлечены подразделения вневедомственной охраны МВД России, ведомственная охрана или организации, имеющие лицензию на частную охранную деятельность⁹.

Не менее распространенной является реализация биологических активных добавок (БАД), содержащих в своем составе сильнодействующие и ядовитые вещества. В связи с увеличением ассортимента производимых и реализуемых БАД, расширением контингентов их потребителей и с учетом накопленного опыта в настоящее время возникла необходимость внесения изменений в методические документы по рекомендуемым уровням потребления биологически активных веществ, список запрещенных при производстве БАД компонентов, внедрения в практику новых методов их определения, ужесточение требований к сырью, повышения эффективности государственного надзора за указанной продукцией¹⁰.

В соответствии с ФЗ от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения»¹¹ и ФЗ от 2 января 2000 г. № 29-ФЗ «О качестве и безопасности пищевых продуктов»¹² биологически активные добавки – природные (идентичные природным) биологически активные вещества, предназначенные для употребления одновременно с пищей или введения в состав пищевых продуктов не должны содержать сильнодействующие и ядовитые вещества.

Оборот биологических активных добавок должен осуществляться в соответствии с Санитарно-эпидемиологическими правилами и нормативами «Гигиенические требования безопасности и пищевой ценности пищевых продуктов», устанавливающими гигиенические нормативы безопасности и пищевой ценности для человека пищевых продуктов, а также требования по соблюдению указанных нормативов при изготовлении, ввозе и обороте биологических активных добавок¹³. Перечень основных биологически активных веществ и допустимые величины их суточного потребления для взрослых в составе биологически активных добавок к пище установлены Приложением 5 к разделу Единых санитарных требований¹⁴.

Оборот биологических активных добавок, содержащих сильнодействующие и ядовитые вещества, образует состав преступления, предусмотренный ст. 234 УК РФ.

На наш взгляд, в связи с наличием большого количества нормативных правовых актов, регулирующих оборот биологических активных добавок, содержащих сильнодействующие и ядовитые веще-

ства, возникают проблемы, требующие совершенствования нормативной базы и правоприменительной практики.

Таким образом, незаконный оборот сильнодействующих или ядовитых веществ, а именно незаконные изготовление, переработка, приобретение, хранение, перевозка или пересылка, а так же сбыт данных веществ представляют значительную угрозу здоровью населения, как и нарушение правил производства, приобретения, хранения, учета, отпуска, перевозки или пересылки этих предметов. Применение уголовной ответственности за деяния, предусмотренные ст. 234 УК РФ, в ряде случаев сопряжено со сложностями, связанными с установлением предмета этого преступления, наличием бланкетной диспозиции, противоречивостью правовой основы, регламентирующей оборот сильнодействующих и ядовитых веществ в нашей стране. Устранение этих сложностей, в частности, совершенствование правовой базы, определяющей специфику регулирования отношений в сфере обращения с названными выше предметами, является важнейшим направлением в борьбе с незаконным оборотом сильнодействующих и ядовитых веществ.

¹ Федеральный закон от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» // «Собрание законодательства РФ», 12 января 1998 г., № 2, ст. 219.

² См.: Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений : закон, теория, практика. М.: Центр ЮрИнфор, 2010.

³ Федеральный закон от 12 апреля 2010 г. № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств» // «Собрание законодательства РФ», 19 апреля 2010 г., № 16, ст. 1815.

⁴ Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» // «Собрание законодательства РФ», 15 января 1996 г., № 3, ст. 145.

⁵ Постановление Правительства РФ от 7 февраля 2011 г. № 59 «О предоставлении информации о ввозе лекарственных средств на территорию Российской Федерации и вывозе лекарственных средств с территории Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 14 февраля 2011 г., № 7, ст. 990.

⁶ <Письмо> Минздрава России от 28 мая 2013 г. № 25-4/10/2-3714 «Об изменении требований к обороту некоторых сильнодействующих веществ» // Интернет ресурс Консультант плюс.

⁷ Приказ Минздравсоцразвития РФ от 14 декабря 2005 г. № 785 «О Порядке отпуска лекарственных средств» (Зарегистрировано в Минюсте РФ 16 января 2006 г. № 7353) // «Бюлле-

тедь нормативных актов федеральных органов исполнительной власти», № 5, 30 января 2006 г.

⁸ Постановление Правительства РФ от 31 декабря 2009 г. № 1148 «О порядке хранения наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров» (вместе с «Правилами хранения наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров») // «Собрание законодательства РФ». 2010. 25 января. № 4. ст. 394.

⁹ <Письмо> Минздрава России от 17 декабря 2012 г. № 2182796/25-4 «О хранении сильнодействующих и ядовитых лекарственных средств» // Интернет ресурс консультант плюс.

¹⁰ Постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 6 марта 2007 г. № 8 «Об усилении надзора за производством и оборотом БАД» (Зарегистрировано в Минюсте РФ 9 апреля 2007 г. № 9267) // «Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти», № 18, 30 апреля 2007 г.

¹¹ Федеральный закон от 30 марта 1999 г. №52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» // «Собрание законодательства РФ», 5 апреля 1999 г., № 14, ст. 1650, Изменения, внесенные Федеральным законом от 25 ноября 2013 г. № 317-ФЗ, вступили в силу со дня официального опубликования (опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> 25 ноября 2013 г.).

¹² Федеральный закон от 2 января 2000 г. № 29-ФЗ «О качестве и безопасности пищевых продуктов» // «Собрание законодательства РФ», 10 января 2000 г., № 2, ст. 150. Изменения, внесенные Федеральным законом от 19 июля 2011 г. № 248-ФЗ, вступили в силу по истечении 90 дней после дня официального опубликования (опубликован в «Российской газете». 2011. 22 июля).

¹³ Постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 14 ноября 2001 г. № 36 «О введении в действие Санитарных правил» (вместе с «СанПиН 2.3.2.1078-01. 2.3.2. Продовольственное сырье и пищевые продукты. Гигиенические требования безопасности и пищевой ценности пищевых продуктов. Санитарно-эпидемиологические правила и нормативы», утв. Главным государственным санитарным врачом РФ 6 ноября 2001 г. (Зарегистрировано в Минюсте РФ 22 марта 2002 г. № 3326) // «Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти», № 22, 3 июня 2002 г. Изменения, внесенные Постановлением Главного государственного санитарного врача РФ от 6 июля 2011 г. № 90 // «Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти» 2012. 30 января.

¹⁴ Решение Комиссии Таможенного союза от 28 мая 2010 г. № 299 «О применении санитарных мер в таможенном союзе» // Официальный сайт Комиссии Таможенного союза <http://www.tsouz.ru/>, 28 июня 2010 г.

ОБЩЕСОЦИАЛЬНЫЕ МЕРЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ РАЗБОЙНЫХ НАПАДЕНИЙ В МОНГОЛИИ

ДАМДИНСУРЭНГИЙН ГЭРЭЛБААТАР,

Адъюнкт Московского университета МВД России

Научная специальность 12.00.08 – уголовное право и криминология;

уголовно-исполнительное право

Научный руководитель: доктор юридических наук, профессор Лебедев С.Я.

E-mail: Lebesem@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрены этапы появления и развития исторических источников права предупреждения борьбы с разбойными нападениями в Монголии.

Ключевые слова: Закон Монголии «О профилактике преступлений» от 5 декабря 1997 г., борьба с преступностью и правонарушениями, предупреждение, профилактика, система деятельности, экономические меры.

Annotation. The article describes the stages of development and the emergence and historical sources of law preventing combat robberies in Mongolia.

Keywords: Mongolian Law «On prevention of crime» of 5 December 1997, the main direction of the fight against crime and offenses was and remains their prevention, prevention, safety, warning, system activities, economic measures.

Задачи усиления борьбы с разбоями, поставленные правительством и властью, обуславливают необходимость выявления причин и условий этих преступлений и на основе этого разработки действенных мер по их предупреждению.

Для осуществления целенаправленной борьбы с разбойными нападениями в нашей стране существует целая система мер уголовно-правового воздействия, которая представляет собой не что иное, как основанную на законе деятельность правоохранительных органов по предупреждению и пресечению данной категории преступлений, а также по реализации ответственности лиц, их совершивших.

Многолетний опыт работы наших и зарубежных правоохранительных органов свидетельствует, что в борьбе с разбойными нападениями недостаточно лишь строгих мер уголовной ответственности. Необходимо социальная профилактика данных преступлений как система мер, направленных на нейтрализацию и устранение негативных социальных явлений, их порождающих. К фактам, положительно воздействующим на преступность в целом и на разбойные нападения в частности, следует отнести такие общесоциальные меры, как стабилизация политической ситуации в стране, повышение жизненного уровня монголов, чтобы можно было беспрепятственно обеспечивать физические, интеллектуальные и духовные потребности человека.

После вступления в ООН (1961 г.), Монголия приняла на себя обязательство претворять в жизнь идеи, принципы и требования международных правовых актов, отражая их в положениях национального законодательства.

Криминологическая характеристика разбойных нападений в Монголии имеет высокие темпы роста,

вызванные изменениями в экономике страны. Наблюдается качественные изменения среди разбойников: преступления становятся все более организованными и профессиональными.

Важное значение имеет закон Монголии «О профилактике преступлений» от 5 декабря 1997 г. Ряд его положений сформулирован в строгом соответствии с нормами международных документов. В частности, закрепляется положение об участии общественности в профилактической работе (п. 5), об устранении условий и причин преступности (п. 6), об обязанностях телевидения и средств массовой информации в профилактической работе (п. 11) и др.

В стране главным направлением борьбы с преступностью и правонарушениями было и остается их предупреждение.

В науке криминологии принято делить меры предупредительной деятельности на общие и специальные.

Общие меры направлены на решение глобальных, всеобщих экономических и социальных проблем; они не ориентированы специально на борьбу с преступностью. Предупреждение преступности значимое для экономической, духовной и социальной жизни общества, способствует и решению проблем борьбы с преступностью. Скажем, меры по развитию экономики, стимулированию торговли и предпринимательства, повышению благосостояния общества, отдельных групп населения, помощь, например, беженцам или вынужденным переселенцам, нуждающимся семьям выступают и мерами профилактики правонарушений со стороны тех, кому эти общие меры адресованы.

Специальными называются меры, направленные именно на решение проблем борьбы с пре-

ступностью. Они могут быть адресованы всему населению, т.е. неопределенному кругу людей, или отдельной социальной группе. Например, принятие уголовного кодекса или новых уголовно-правовых норм является специальной мерой, поскольку она нацелена на предупреждение именно преступности. Можно сказать, что специальные меры направлены на борьбу с преступностью в целом, с отдельными ее видами и на предупреждение преступного поведения отдельного человека.

Поэтому, в зависимости от целевой направленности и характера, меры предупреждения преступления принято делить на общие и специальные.

На наш взгляд, к общим мерам следует отнести планомерное повышение реальных доходов населения, постепенное поднятие доходов менее обеспеченной части населения путем выделения различных пособий многодетным семьям и нетрудоспособным, расширение материальной базы культурно-просветительных и воспитательных учреждений, воспитание граждан в духе уважения и строгого соблюдения законности и правопорядка, непримиримости к любым антиобщественным явлениям, обеспечение широкого участия общественности в охране общественного порядка.

Проведение комплексных мер по дальнейшему повышению культуры, сознательности и организованности людей является одним из главных направлений профилактики разбойных нападений¹.

Важнейшей составной частью борьбы с преступностью является профилактика и предупреждение преступлений.

Предупреждение – достаточно важная информация, предоставляемая заблаговременно с целью оказать корректирующее воздействие на события будущего; *профилактика* (от греческого предохранительный, предупредительный), который означает комплекс мероприятий, направленных на обеспечение высокого уровня здоровья людей, их творческого долголетия, устранения причин преступлений. Многие ученые отождествляют смысл этих двух понятий.

Основатель классического направления криминологии как науки, известный итальянский учёный Ч. Беккерия предположил совершенно новую в те времена концепцию теории о преступных деяниях. В своем труде «О преступлениях и наказаниях» он говорит о трех источниках, направляющих и руководящих человеком: открытие Бога, законы природы, добровольные общественные отношения.

Ч. Беккерия считал, что основой существования преступных деяний является именно антогонизм общества, результат всеобщей борьбы корысти и страсти человечества. Он также считал: «сам человек имеет выбор действовать или не действовать». Он написал дальше: «Поэтому и все зависит от того, какое поведение он выбрал в процессе воспитания.

Наказание, противопоставляемое преступлению не должно быть слишком жестким, однако оно должно быть неременным. Можно предупредить преступления, а это является самым главным и верным нашим путем. Намного лучше предупредить преступление, нежели наказать. Цель всяких разумных и хороших законов заключается именно в этом². Доктор юридических наук, академик Н. Жанцан отметил: «Под профилактикой преступности можно подразумевать систему деятельности, проводимую государством, общественными организациями, гражданами в целях снижения совершения преступных деяний, постепенного устранения причин и условий, прооуждающих преступность³».

В законе Монголии «О предупреждении преступности» от 1997 г. предусмотрено: «Профилактика и предупреждение преступности – это комплексные мероприятия, направленные на установление причин и условий преступления на основе изучения информации и сведений о преступлениях, устранение этих причин, предупреждение и пересечение преступлений⁴».

Заслуженный юрист России, доктор юридических наук, профессор В.Н. Кудрявцев определил виктимологическую профилактику, проводимую в рамках криминологической профилактики; это «особая деятельность общественных институтов, направленная на выявление, устранение, нейтрализацию факторов и ситуаций, обуславливающих совершение преступления, выявление определенных лиц и групп, имеющих высокий риск подвержения к преступлению, путем восстановления и активации их иммунных защитных функций, а также разработку специальных методики и средства для защиты граждан от преступлений⁵». Превенция имеет целью избежание повторности совершения преступлений, устранение ситуаций и условий, причин преступных деяний⁶.

Изучение вопросов предупреждения преступлений является самостоятельной составной частью криминологической науки. Преступные деяния как социальное явление тесно связаны с условиями и причинами на разных уровнях и сферах общественной жизни, свойственными им. Меры предупреждения и профилактики преступных действий, преступлений должны быть организованы таким образом, чтобы эти меры могли оказывать соответствующее влияние на такие ситуации, условия и причины преступлений; при этом решающим моментом профилактической деятельности является реализация мер, направленных на выявление и устранение причин и условий, обуславливающих преступления, преступные деяния.

В ст. 3 закона Монголии о предупреждении преступлений деятельность по предупреждению преступлений охарактеризована следующим об-

разом: «предупреждение преступлений – это комплекс мер, направленных на установление и пресечение преступлений на основе изучения данных о преступлениях». Предупреждение преступлений неразрывно связано со всеми процессами и изменениями, происходящими в обществе, социально-экономической, идеологической других сферах жизнедеятельности и социальной жизни. Целью субъектов, реализующих меры предупреждения преступлений является выявление и устранение объективных и субъективных обстоятельств, влияющих на преступление. Каждый субъект имеет свои правила и порядок в борьбе с преступностью, в связи с чем к каждому из них необходимо подходить дифференцированно с учетом их специфических особенностей, и исходя из этого правильно организовывать силы и средства борьбы; социальное исследование и изучение при этом должно опираться на достижения науки и техники.

Система предупреждения преступлений – совокупность субъектов предупреждения преступлений, экономических, правовых, организационных и материально-ресурсных мер, осуществляемых на различных уровнях, по выявлению и устранению причин преступлений и условий, способствующих их совершению, а также непосредственному профилактическому воздействию на объекты предупредительной деятельности.

Какие же меры предупреждения преступности имеются в распоряжении общества?

Это, в первую очередь, *экономические меры* – меры по повышению экономического благосостояния людей. Они являются материальной основой профилактики преступности, оказывая, в то же время, психологический эффект. Например, в настоящее время экономические меры активно способствуют оздоровлению нашего общества, снятию глубокой депрессии, охватившей наше общество в первые пять–восемь лет постсоциалистического развития. Тогда от нее пострадали не только действительно бедные слои населения, но и достаточно хорошо обеспеченные, скажем, предприниматели, которые жили в вечном страхе. Они боялись чиновников, вымогавших взятки, обиравших их рэкетиров, экономической нестабильности. Сейчас нравственно-психологический климат монгольского общества несколько улучшился. Если в середине 90-х годов социологи фиксировали в Монголии высокий уровень тревожности и беспоконья, то в 2012 г. социологические опросы в Монголии дали более обнадеживающие результаты: 90% опрошенных ответили, что хотели бы иметь спокойную совесть; 10% – получить доступ к власти; 65% – видеть равенство возможностей; 40% – интересную работу.

Социально-экономическое развитие страны в последние годы происходит под влиянием объек-

тивных внутрисистемных и внешнеполитических воздействий, сформировавшихся в посткризисный (после 2000 г.) период и связанных с ликвидацией накопившихся в отечественной экономике диспропорций. Отличительной чертой современной экономической ситуации является то, что развитие хозяйства происходит в условиях замещения внешнеэкономических источников внутренними. Совершенно закономерной при этом является активизация ряда негативных факторных тенденций.

Анализ текущего социально-экономического развития страны показал, что основными тенденциями стали:

- низкие темпы развития экономики;
- высокие издержки производства и ухудшение финансового состояния как отдельных групп предприятий, так и целых отраслей народного хозяйства;
- нарастание объема импорта, ухудшение его структуры, вытеснение отечественного производителя из многих секторов внутреннего рынка;
- замедление роста инвестиционной активности;
- повышение социальной и дотационной нагрузки на бюджеты всех уровней

Эти обстоятельства являются источником материального неблагополучия населения Монголии.

Меры социальной помощи и поддержки должны оказываться тем конкретным группам людей, семьям и отдельным личностям, которые в такой поддержке нуждаются. Помощь и поддержка нужна всем, кто беден, стар, выбит из жизненной колеи, кого преследуют неудачи, отчужден от нормальных связей и отношений. Это должна быть не только материальная, но и духовная помощь. К сожалению, сейчас подобные меры явно недостаточны, о чем свидетельствует, например, большое число попрошаек и бродяг в стране.

Педагогические меры направлены на воспитание людей, в необходимых случаях – на ресоциализацию, скажем, осужденных в местах лишения свободы. Особого внимания заслуживают подростки из неблагополучных семей, совершающие мелкие правонарушения и аморальные поступки.

Организационные меры должны реализовываться ради улучшения деятельности предприятий и учреждений, в том числе правоохранительных, повышения их эффективности в борьбе с правонарушениями и преступлениями в пределах их компетенции и профессиональных обязанностей.

Можно также выделить *медицинские меры предупреждения* преступности. Они необходимы применительно к лицам, страдающим психическими расстройствами и склонным к совершению преступлений. Принудительные медицинские меры применяются к преступникам, которые признаны судом нуждающимися в принудительном лечении от алко-

голизма и наркомании во время отбывания наказания. Кроме этого, они должны применяться к:

- подросткам из неблагополучных семей, ведущих антиобщественный образ жизни; как показывают выборочные исследования, среди них до 60–70% лиц с различными расстройствами психической деятельности;

- лицам, ведущим бездомное существование; среди них велика доля алкоголиков.

Отдельную группу людей, нуждающихся в медицинской помощи, составляют ранее судимые, больные туберкулезом. Большинство из них отбывали наказание в местах лишения свободы, многие утратили родственные связи, не имеют крыши над головой, трудоустроить их сложно.

Арсенал технических мер предупреждения преступности сейчас чрезвычайно обширен; сложилась даже особая индустрия производства соответствующих технических средств. Технические меры всеохватывающие – они могут быть применены для охраны жилищ, имущества, безопасности граждан, защиты ценных бумаг и т.д. Однако, в Монголии такие меры применяются реже, чем в западных странах: во-первых, они достаточно дороги, особенно наиболее эффективные из них; во-вторых, у нас просто не успела сложиться жизненная практика их широкого применения, люди не знают, как ими пользоваться, да и просто не привыкли к ним.

На любом этапе развития общества важны *духовные меры*, в том числе религиозного характера, которые поднимают духовность людей и, тем самым, могут обеспечивать их надлежащее поведение. Не менее нужны меры, направленные на повышение уровня образования и культуры людей, в том числе и отбывающих уголовное наказание. В связи с этим следует подчеркнуть исключительную роль гуманитарного образования в средней школе.

Необходимо отметить, что все перечисленные меры должны применяться в совокупности, взаимно дополняя друг друга и реализуясь тогда и там, где они нужны и могут принести наибольшую пользу.

Слабостью нашей системы борьбы с преступностью являются громкие, как и в социалистическое время, призывы к ее усилению. При этом стараются как можно меньше денег потратить на профилактику преступлений, а еще лучше вообще не выделять на это средств; но дешевизна предупредительной работы дает только дешевые результаты, которые обществу не очень-то и нужны. Пока общество не будет тратить на профилактику преступности достаточные материальные средства, значительных успехов в борьбе с преступностью быть просто не может. Останутся призывы, благие намерения, но не будет действительных результатов в обеспечении правопорядка, учитывая к тому же масштабы коррупции в правоохранительных органах.

Естественно ожидать, что законы, принимаемые в свете борьбы с преступностью, будут максимально содействовать ее профилактике. Для этого они должны отвечать следующим одинаково важным требованиям: соответствовать социальным реалиям и условиям существования данного общества, его мировоззрению, мировосприятию, традициям; развивать имеющиеся демократические и гуманистические основы правосудия; всемерно содействовать профилактике преступности; опираться на современные достижения науки и техники; обеспечивать справедливое и обоснованное, в соответствии с законом, разрешение уголовных дел, удовлетворяя общественное чувство справедливости. Только в этом случае, как представляется, можно говорить, что закон действительно «работает» на правосудие, на борьбу с преступностью.

Думаю, что именно с этой точки зрения следует оценивать новый Уголовно-процессуальный кодекс (УПК) Монголии, принятый в весьма сложных условиях, связанных с ростом преступности. Подразумевается не просто увеличение числа преступлений, но и их значительное усложнение из-за использования новейших технологий, переплетения разных видов преступности, роста организованной преступности, связанной со вполне законопослушными группами и социальными институтами. В настоящее время раскрытие и расследование преступлений, доказывание вины, в том числе в суде, требует самых разнообразных знаний, в частности психологических. Это обстоятельство также крайне важно при оценке нового уголовно-процессуального законодательства.

Крайне усложнилась работа по профилактике преступлений. Действовавшие в условиях тоталитарного режима профилактические институты и организации давно распались, и сейчас, в принципиально новых условиях, их ни в коем случае не следует восстанавливать в прежнем виде. Они попросту будут нежизненными. Поэтому возникает задача создания принципиально новых организаций, форм, мер и путей предупреждения преступлений. Важную роль в этом будут играть законы, в частности, уголовно-процессуальный, профилактическое значение которого трудно переоценить.

В названных аспектах следует освещать как несомненные достоинства нового УПК Монголии 2002 г., так и его весьма существенные недостатки и упущения, которые могут иметь далеко идущие последствия для всего общества, для его нравственности, состояния законности и правопорядка.

Предупреждение преступности представляет собой антикриминальную деятельность, направленную на поддержание правопорядка в обществе. Данная система включает в себя различные мероприятия, осуществляемые государственными и не-

государственными субъектами профилактики путем выявления, устранения или нейтрализации причин и условий преступности, в целях обеспечения упреждающего воздействия на криминогенные факторы и криминально опасные ситуации.

В настоящий момент в Монголии отсутствует эффективное целостное правовое регулирование предупреждения преступлений, что указывает на объективную необходимость принятия единого нормативно-правового акта, взяв за основу Проект закона «Об основах государственной системы предупреждения преступлений», в текст которого, предлагается внести следующие дополнения:

- дать перечень основных субъектов государственной системы предупреждения преступлений и их конкретные задачи, за выполнение которых они будут нести ответственность;
- обозначить роль органов местного самоуправления как особого субъекта предупредительной деятельности;
- внести в перечень мер общего предупреждения преступлений виктимологическую профилактику.

Эффективность системы предупреждения преступности определяется не только необходимостью грамотной организации и совершенствования правового обеспечения деятельности по предупреждению преступлений, но и обязательным учетом существенных изменений, произошедших в экономической, политической и социально-культурной сферах жизни страны, а также использованием исторического опыта и передовых методов зарубежных стран в области предупреждения преступлений и правонарушений.

В целях повышения эффективности системы предупреждения преступлений, необходимо наравне с увеличением внимания со стороны государства посредством принятия социальных законодательных актов и программ способствовать развитию сотрудничества различных социальных институтов. Ключевым элементом данных отношений будут являться органы внутренних дел, основным критерием эффективности которых будет считаться предупреждение преступлений, а первоочередной задачей – ликвидация социальной изолированности.

Представляется целесообразным создать в системе предупреждения преступлений специализированную аналитическую службу, к основным задачам которой будет относиться изучение проблем, разработка мероприятий и рекомендаций по предупреждению преступности отдельно для каждого субъекта профилактики с учетом специфики территориальных, этнических, экономических особенностей региона.

Профилактика преступлений – одно из главных направлений деятельности органов внутренних дел; при этом успешность предупредительной деятельно-

сти зависит от информации об объекте профилактики, требуемой для соответствующего воздействия. Необходимо создание специализированной базы данных, где будут учтены не только факты совершения самих преступлений, но и будут накапливаться сведения о преступлениях по различным основаниям классификации.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что в нем в одном из первых, с учетом изменившихся условий существования современного общества, сформулированы положения, определяющие и раскрывающие роль и место предупреждения преступности как приоритетного направления борьбы с ней.

Практическая значимость исследования определяется возможностью использования полученных результатов в противодействии преступности. Кроме того, материал, изложенный в работе, может быть использован сотрудниками органов внутренних дел, осуществляющими на различных уровнях борьбу с преступностью, предупреждение преступлений. Полученные результаты могут быть использованы в деятельности правоприменительных органов, а также в учебном процессе при чтении курсов по уголовному праву, криминологии, уголовно-исполнительному праву и другим дисциплинам, в подготовке и выпуске учебной, научной и методической литературы по указанным предметам.

Из 300 опрошенных, участвовавших в исследовании «какие меры необходимо принимать для того, чтобы предупредить преступления?» 43 респондента или 13,4% ответили: необходимо усилить политику наказания, 45 или 11,6% повышать бдительность граждан; 35 или 11,6% – улучшить деятельность правоохранительных органов, улучшить их взаимодействие; 34 или 11,3% указали на необходимость разъяснения законов; 33 или 11% – на своевременное и оперативное выявление полицейскими органами преступлений; 29 или 9,6% – на своевременное обращение в случае подверженности разбойным нападениям; 20 или 6,6% – на снижение уровня безработицы и бедности; 13 или 4,3% – повышение сознательности граждан; 28 или 9,3% – усиление борьбы с пьянством; остальные 3,3% назвали постановку на учёт и надзор лиц, совершающих разбой, правильную организацию полицейских нарядов.

На основе изучения и разработки криминологических признаков разбоя следует принимать следующие меры предупреждения преступлений по разбою.

1. Последовательно принимать комплексные социально-экономические меры по снижению таких негативных социальных последствий, как бедность, пьянство, безработица.

2. Разъяснение и пропаганда законов, агитация и реклама через СМИ; описание не преступлений

и их жестокие признаки, а условий и причин, обуславливающие эти преступления, а также мер предупреждения.

3. Совершенствование деятельности полицейских органов (учёта и регистрации сведений и данных о преступлениях, улучшения контроля, снижение количества нераскрытых преступлений).

4. Уделить особое внимание своевременному и оперативному выявлению полицейскими органами преступлений разбоя, резкое снижение количества нераскрытых преступлений, совершенствование методики и тактики раскрытия преступлений, внедрение в практику современных методов и методологий по раскрытию преступлений, формирование правовой и экономической среды.

5. Предупреждению преступлений разбоя способствует назначение справедливого наказания.

6. Повышение бдительности граждан, своевременное обращение в полицейские органы в случае разбойного нападения, усиление контроля и надзора над лицами, отбывшими наказания и условно осужденными лицами.

¹ Закон о профилактике преступлений от 5 декабря 1997 г. // Вестник Правительства Монголии. 1998. № 1. С. 15.

² Беккерия Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 1995.

³ Жанцан Н. Криминология. УБ., 2004. С. 86.

⁴ Статья 3 Закона Монголии «О предупреждении преступности» // Государственные информации, 1998, № 1.

⁵ Криминология: Учебник / Под ред. акад. В.Н. Кудрявцева, проф. В.Е. Эминова. М.: Юрист, 1997.

⁶ Криминология. Словарь-Справочник / Сост. Х.-Ю. Кернер. М., 1997. С. 229.

УГРОЗА КИТАЙСКОЙ ЭКСПАНСИИ

КАМИЛЛА КАРИМОВНА ДАВУДОВА,

адъюнкт Московского университета МВД России

ВИКТОР НИКОЛАЕВИЧ ФАДЕЕВ,

доктор юридических наук, профессор,

профессор кафедры криминологии Московского университета МВД России

Научная специальность 12.00.08 – уголовное право и криминология;

уголовно-исполнительное право

Рецензент: доктор экономических наук,

кандидат юридических наук,

профессор Эришвили Н.Д.

E-mail: fadei87@mail.ru

Аннотация. Угроза китайской экспансии на Российские территории Сибири и Дальнего Востока, по сравнению с наступлением НАТО и исламского экстремизма, сегодня кажется малозначительной и менее заметной. Однако, проблема территориальных претензий со стороны нашего южного соседа существует не одно столетие и спор этот, как бы многие не надеялись, отнюдь не разрешен до конца.

На сегодняшний момент, вроде бы, до конца урегулирован и спор о границе. Однако, для правильного выстраивания антиколлапсических действий нужны не пустые прогнозы и «страшилки» и даже не эмоции первых лиц, а трезвые оценки сложившейся геостратегической, военно-политической, экономической, демографической обстановки, на основе которых только и можно выстроить реалистичные прогнозы развития мира в целом и России в частности.

Ключевые слова: угроза экспансии; территориальные претензии; военная агрессия; геополитические интересы; природные ресурсы; экономические, политические и военные конфликты; незаконные миграционные процессы; многонациональное государство; однополярный мир; экономическая и технологическая деградация; закат демократии.

Annotation. The threat of Chinese expansion on the Russian territories of Siberia and the Far East, in comparison with the NATO and Islamic extremism offence today seems insignificant and less visible.

But the problem of territorial pretensions on behalf of our southern neighbor exists for centuries and this dispute, however much most would hope, has not been resolved.

For the present moment, the dispute on the border seems to have been resolved.

But for the right planning of the anticollapsing actions it is necessary to make not the empty forecasts and «horrors», and even not the emotions of the first persons, but the sober estimates of the present geostrategic, military-political, economic, demographic situation, on the basis of which it is possible to make realistic forecasts of the development of world on the whole and Russia in particular.

Keywords: threat of expansion, territorial pretensions, military aggression, geopolitical interests, natural resources, economic, politic and military conflicts, illegal migration processes, multinational state, unipolar world, economic and technical degradation, demise of democracy.

Угроза китайской экспансии на Российские территории Сибири и Дальнего Востока, по сравнению с наступлением НАТО и исламского экстремизма, сегодня кажется малозначительной и менее заметной.

Однако, проблема территориальных претензий со стороны нашего южного соседа существует не одно столетие и спор этот, как бы многие не надеялись, отнюдь не разрешен до конца.

Во всяком случае, со стороны руководства КНР нет четкого заявления об отказе от территориальных претензий к Российской Федерации.

На сегодняшний момент, вроде бы, до конца урегулирован спор о границе. Но, как мы видим из истории, любые договоры не вечны и, при наступлении определенных обстоятельств, они нарушаются либо пересматриваются под благовидным предлогом более сильной стороной.

Значит, несмотря на международные обязательства, в будущем возможны различные варианты.

Не надо питать иллюзий: территориальная проблема с Китаем только временно заморожена, но не решена до конца.

В этой связи, нас должны настораживать некоторые моменты.

Во-первых, Китай имеет территориальные претензии ко всем граничащим с ним государствам.

Во-вторых, эти претензии, при ослаблении соседей, или при других неблагоприятных для них обстоятельствах, периодически вызывают военную агрессию со стороны КНР. Пример тому СССР, Индия, Вьетнам.

В-третьих, имеет место постоянное дипломатическое давление Китая на приграничные государства с целью территориальных уступок. Надо сказать, не без успеха. Ослабленные страны, чтобы сохранить отношения с Великим Китаем, как правило, уступают.

В-четвертых, военное строительство, модернизация и перевооружение армии, которые ведутся в последнее время в стране невиданными темпами, со сдвигом на наступательные компоненты родов войск и видов оружия. Это все подталкивает к мысли, что Китай стремится в XXI в. войти в список мировых военных супердержав. И какие после этого, на фоне откатившейся в 90-е годы прошлого столетия, в разряд второстепенных держав России, у них возникнут территориальные претензии к нам, остается только догадываться.

В-пятых, необходимо учитывать, что быстро и динамично развивающаяся экономика КНР и громадный прирост населения в наступившем веке потребует новых, огромных ресурсов и территорий.

На юге, все районы Азии давно перенаселены и освоены, там хозяйничают свои «азиатские тигры». На востоке – Япония и США со своими геополитическими интересами в бассейне Тихого

океана вряд ли допустят экспансии Китая в зоны своих интересов.

России с такими гигантами в ближайшие десятилетия тягаться сложно и страшно. На западе – Индия, главный конкурент Китая в борьбе за господство в южной Азии, и громадные, малопригодные для хозяйственной деятельности и жизни населения, горные районы. Выход один – двигаться на север, в Россию и Монголию, с их неисчерпаемыми природными ресурсами, малой плотностью населения и неспособностью на современном этапе, серьезно противостоять экспансии южного соседа.

В-шестых, с выходом КНР в космос для мира произошло поистине эпохальное событие. Возможно, кто-то этого еще не понял или не придавал значения, но эра господства США и России в космосе закончилась. Пришел сильный и дерзкий конкурент, который потеснит их на околоземной орбите, в первую очередь, ослабленную Россию. Это, возможно, приведет все стороны к конфликтам экономическим, политическим и военным как на земле, так и в космосе.

Чем привлекательно для Китая северное направление и «северные территории»?

Во-первых, своим геополитическим и транспортным положением.

Транссибирская магистраль, БАМ – это выход на восточное побережье к портам Дальнего Востока, в Сибирь, на Урал, Европейскую часть России, и далее в Европу. Россия – кратчайший маршрут, связывающий восточную и юго-восточную Азию с экономически развитым Западом.

Во-вторых, это выход к магистралям и источникам углеводородного сырья Западной Сибири, по сибирским рекам – к Северному морскому пути.

В-третьих, здесь сосредоточены огромные запасы природных и биологических ресурсов, полезных ископаемых, в которых Китай остро нуждается. Уголь, руды металлов, золото, алмазы, а нефть и газ не только Сибири, но и шельфа морей Дальнего Востока, запасы промышленной древесины, ценных пород деревьев, целебных растений, промыслового зверя, речной и морской рыбы.

Все это уже сегодня законными и незаконными путями втянуто и продолжает втягиваться в орбиту экономики Китая. На Дальнем Востоке сосредоточены весьма привлекательные с экономической точки зрения крупнейшие в России ГЭС на реках Оби, Енисее, Ангаре, Зее, Буре, ведущие оборонные заводы, предприятия цветной металлургии, машиностроения, здесь же расположены наиболее благоприятные районы земледелия и животноводства.

С другой стороны, кроме узкой полосы вдоль рек, дорог, морского побережья, Дальний Восток – малоосвоенные территории. На сотни, тысячи километров нет населенных пунктов, военных баз, а,

значит, нет, и не будет контроля, сопротивления продвижению вглубь нашей территории. Слабо охраняемые, по сравнению с временами СССР, границы, разрушенные гарнизоны делают Россию беззащитной со стороны южного соседа. Дальний Восток и Сибирь обезлюдивают. Россияне бегут в Европейскую часть, освобождая свои места для переселенцев с юга. Они, в отличие от нас, хотят и умеют работать, грамотно торгуют.

В недалеком будущем, при неограниченном и неконтролируемом притоке китайцев, что и происходит «тихим сапом» сегодня, на них замкнется рынок трудовых ресурсов в промышленности, сельском хозяйстве, на транспорте. Сфера торговли ими уже захвачена и не только на Дальнем Востоке.

Китайское мирное нашествие – это катастрофа для будущей России. Река Амур еще в состоянии, пока, удерживать массовый поток с юга. Но надолго ли?

Экспансия уже идет полным ходом. Зачем завоевывать, если можно купить, зачем просить разрешения, если можно самовольно заселяться? Дальний Восток тихо, медленно, пока мирно, но неотвратимо попадает в экономическую зависимость от Китая. В последние годы в Китай по бросовым ценам легально и нелегально вывозятся лес, металлы, полезные ископаемые, промышленная продукция, морские биоресурсы, дикие растительность и животные.

Китайское население на Дальнем Востоке осваивает сельское хозяйство и работает лучше русских. Бурно растет поток нелегальных мигрантов в города, формируются китайские рынки и целые районы с китайским населением.

Сегодня возникла чрезвычайно опасная для России ситуация, когда из Китая движется гигантский поток дешевого некачественного китайского ширпотреба, а миллионы долларов «уходят» в Китай и работают на его экономику. Это приводит к тому, что приходят в упадок местная промышленность, транспорт, флот, торговля, сельское хозяйство, но главное – деградирует местное население.

В итоге, на китайской стороне российско-китайской границы растут города, бурно развивается промышленность, процветает торговля, а на нашей – культивируется бедность, запустение, упадок.

Необходимо заметить, что экспансия идет не только вдоль наших границ с Китаем. Китайцы уже проникли в Западную Сибирь, на Урал, в Поволжье, в Центральные регионы. В крупных городах формируются целые китайские анклав, «закрытые» для наших властей и правоохранительных органов.

Что происходит внутри них, какая информация собирается о нас, какой объем денежных средств уходит на историческую родину, и какие инструкции идут «оттуда», мы не знаем? Кто туда прибывает на жительство? Только ли это простые торговцы и нелегальные рабочие? А если, нет? Остается только догадываться. Мы не можем точно ответить

даже на простейший вопрос: сколько китайцев уже внедрилось среди нас и где конкретно?

Истории известны подобные примеры. Вспомним, как в годы гражданской войны Советское правительство, чтобы обезопасить страну, решило выслать захваченных в плен чехов через Дальний Восток. Эшелоны с солдатами растянулись по всей Транссибирской магистрали, многие поселились в городах. Позже, при поддержке местной оппозиции было организовано совместное восстание – «белочешский мятеж». Советская власть была свергнута на огромном пространстве – от Пензы до Дальнего Востока в течение нескольких дней.

Но, видимо, история мало чему учит нас. Сейчас Россия вновь наступает на те же «грабли», что и в 1918 г., но уже с китайцами. Тихая китайская колонизация идет вдоль транспортных магистралей в крупные города, а оттуда перебирается в мелкие населенные пункты и сельскую местность. Они незаметно растворяются среди нас. Наступит момент, когда мы, русские, «утонем и полностью растворимся в желтой реке».

В будущем, из сферы торговли китайский финансовый поток перекинется в нашу промышленность, энергетику, добывающие отрасли, на транспорт. Постепенно они перейдут под контроль китайцев. На следующем этапе Россию и Китай свяжет еще более разветвленная сеть железных, автомобильных дорог, линии электропередач, трубопроводы, возникнут новые погранпереходы. Появятся и китайские СМИ. Возможно, это не так уж плохо в целом для экономики России, ведь строят китайцы у нас. Но не надо забывать, что все это будет строиться на китайские деньги, а, значит, хозяевами будут китайцы. Кто ими будет командовать: Москва или Пекин? Вопрос очевиден!

Если бы эта проблема была чисто экономической – это полбеда!

Но за экономикой всегда следует политика! Не зря Ленин любил повторять, что политика есть концентрированное выражение экономики. Это только Борис Ельцин и сотоварищи пытались запрячь телегу впереди лошади! Что из этого получилось, мы сегодня прекрасно видим!

За китайскими инвестициями потечет дешевая и трудолюбивая китайская и вьетнамская рабочая сила. Это значит, что завтра в Россию может хлынуть неконтролируемый поток переселенцев и рабочей силы. Мы видим, что Россия уже сегодня не справляется с относительно незначительной миграцией китайцев и вьетнамцев.

До середины XXI в. Китай может тихо и спокойно довести численность своего населения на нашем Дальнем Востоке и юге Сибири до 80-90% в общей доле проживающего там населения, а, возможно, это произойдет и раньше.

Дальний Восток и Восточная Сибирь мирно и дальше вместе с инвестициями будут постепенно

вращать в экономику Китая, хотя уже сегодня без нее не могут стабильно существовать.

Вместе с ростом инвестиций может произойти почти полная переориентация этих регионов с России на Китай. Этому способствует в значительной мере немислимый рост тарифов на перевозки, грузов и пассажиров железнодорожным и, особенно, авиатранспортом. Не пора ли вспомнить Александра III, который ввел прогрессивный рост тарифов только до Самары, а дальше был постоянный тариф, а издержки перевозок оплачивала казна.

Видимо, хозяину России – царю, была нужна единая Россия, а нашим одноименным политикам, что, не нужна?

Естественно, остановить интеграционные и инвестиционные процессы невозможно, да и недальновидно, а вот жестко контролировать их политически и удерживать в безопасных границах экономически просто необходимо. В противном случае может наступить очередь военных.

Если эти процессы взять под контроль в соответствии с международными нормами и обновленной (новой) конституцией России, когда те же китайцы или другие мигранты, получая российское гражданство автоматически лишаются двойного гражданства и являются полноправными гражданами только России, то, снятие ограничения на рождаемость, приведет к резкому росту российских китайцев на востоке России. Эти новые граждане России будут способны в будущем поставлять большую часть новобранцев в нашу армию и пограничные войска. Естественно, они будут успешно осваивать нашу военную технику и оружие.

После этого, возможно, будет поднят вопрос об культурно-национальной автономии для российских китайцев, как и для других национальностей, в том числе и для русских. Компактно проживающих на территории национальных анклавов. Это наиболее рациональный путь для России в отношении с Китаем. А почему бы, и нет?

В противном случае, если не менять действующую конституцию, развитие происходящих процессов на Дальнем Востоке и Восточной Сибири может пойти по резко отрицательному для будущего России сценарию.

Россия по конституции – многонациональное государство, в котором даже у малочисленных народов есть свои автономии. Почему не иметь ее многомиллионной китайской диаспоре? В действующей конституции нет прямой статьи, запрещающей выход автономной республики из состава России.

При нынешних темпах ослабления военной мощи России в регионе не исключен и вооруженный захват части нашей территории, учитывая давние споры с Китаем по этой проблеме. Ни для кого не секрет, что в Китае давно существуют географические карты, на которых наш Дальний Восток и южная Сибирь вклю-

чены в состав этого государства. Это не афишируется, но от этого не отказываются. Отдельные силы в Китае негласно поощряют эту политику.

Япония при таком развитии событий не будет соблюдать нейтралитет, а попытается вернуть себе Сахалин и Курилы. Остальные страны в этом регионе слабы. Там России союзников не найти. Возможно, пассивно Россию поддержит Европа и США, но только из-за боязни укрепления их главного конкурента с претензиями на мировое господство. Но и от этой, малой, поддержки нам не следует отказываться.

Вероятнее всего, Китай имеет далеко идущие планы и на Среднюю Азию.

Цель – вытеснить оттуда Россию, подчинить регион своим интересам, втянуть его в орбиту своей экономики. С этих позиций Китай уже давно активно расширяет свое экономическое присутствие и в других регионах.

Но из этого ничего не выйдет, пока у России будет сильная, боеспособная армия и ракетно-ядерный щит. Ядерное оружие – это наш главный и единственный, к большому сожалению, на сегодня инструмент сдерживания. Скажем, вынужденная мера защиты, а не нападения.

В современном мире, Россия ищет в Китае союзника в борьбе с господством США на мировой арене. Это похвально, это надо развивать, особенно в сфере экономики, но действовать политикам надо очень осторожно и осмотрительно. В будущем как бы России не пришлось заново с чистого листа налаживать союз с США и НАТО, чтобы противостоять могучей (селевой) экспансии Китая на территорию Дальнего Востока и Восточной Сибири.

В этой связи следует обратить внимание на мало-заметный факт – участвовавшие вояжи американцев в Монголию. Американский президент Барак Обама как-то не удержался и заявил, что Монголия – это страна фактически чуть ли не граничащая с Америкой. Вывод очевиден: США в ближайшее время попытаются создать там свои военные базы, чтобы вбить клин между Россией и Китаем, контролировать ситуацию, природные ресурсы и давить на опасных для них конкурентов. Поверьте, ждать осталось недолго. А как найти повод? Способ проверенный – дестабилизация обстановки в России. Остается только ждать!

С учетом изложенного, возможно, это не самый плохой для России вариант, если использовать его с умом.

Однако, наибольшую роль в нашей поддержке может сыграть давний оппонент Китая – Индия. Вот с кем России необходимо укреплять экономический и военно-политический союз и беречь его как зеницу ока.

Поэтому, даже незначительное ухудшение отношений с Индией – удар по национальной безопасности России.

Итак, что же надо делать, чтобы избежать или смягчить негативные последствия китайской экспансии в Россию?

Во-первых, надо окончательно решить вопрос с Китаем по границе. Закрепить его международными договорами. Далее, после заключения всех договоров не уступать ни пяди российской территории. Никому. Отдадим хоть островок, хоть пядь своей земли или воды – потеряем все.

Во-вторых, никаких новых автономий, а в контексте обновленной (новой) конституции России пересмотр всего административно-территориального устройства с предоставлением всем народам и регионам равных прав и свобод. Национальные особенности закрепить только в местах компактного проживания нации в рамках национально-культурной автономии.

В-третьих, укрепление и модернизация, в первую очередь, своей армии и флота, а не соседей. Да, это бремя для экономики и народа, да, на это уйдут десятилетия, но нужно начинать это делать уже сейчас. Сохранить ракетно-ядерные силы и военно-морской флот на Дальнем Востоке.

В-четвертых, развивать экономику этого региона, активно осваивать и заселять территории. Установить жесткий контроль над природными ресурсами, транспортом, промышленностью, миграционными процессами. Остановить неконтролируемое заселение наших земель выходцами из соседних государств. Естественно, в сегодняшнем мире происходят интеграционные и миграционные процессы, какая-то часть китайского, корейского, монгольского населения оседает на нашей территории. Необходимо прививать им наш язык, учить нашим законам, вводить возрастной и ценз оседлости, принимать в гражданство РФ. Это мировая практика, и нам нельзя от нее отказываться. Рожденные у «новых» российских граждан дети – это россияне, и родиной у них должна быть Россия. Но подходить к решению вопроса нужно взвешенно и осторожно.

В-пятых, во власть, в управление экономикой, на службу в армию должны идти люди, которые имеют только гражданство РФ, годами живут и работают в нашей стране. В рамках обновленной (новой) конституции в перспективе отменить двойное гражданство.

В-шестых, выселять принудительно всех нелегалов. Нужно создать необходимые условия для возобновления нового потока русского и русскоязычного населения и представителей других народностей с запада на восток. Но строиться этот процесс должен не на принуждении, а на экономических началах и долговременной программе. Необходимо законодательно гарантировать предоставление рабочих мест, земли, материальной помощи на Дальнем Востоке мигрантам из бывших союзных республик.

В-седьмых, концентрировать основную массу населения на юге региона, благоустраивать города, поселки, улучшать транспортное сообщение и магистраль, реконструировать промышленность, создавать новые рабочие места. Северную и центральную часть восточного региона осваивать вахтовым методом, постепенно переходя на постоянное заселение.

В-восьмых, России необходимо более активно внедряться в зону торговли Тихоокеанского региона, вступать в действующие там политические организации. Торговать не только полезными ископаемыми и биоресурсами, но переносить упор на экспорт готовой продукции и технологий. Создавать совместные со всеми странами региона предприятия, активно привлекать инвесторов и их капиталы во все отрасли. Китай, в этом случае, может и должен быть главным, но не единственным нашим партнером.

Другие страны, вложившие в экономику Дальневосточного региона финансы, имеющие там свое производство, будут активно противодействовать его захвату южным соседом.

В-девятых, нельзя забывать, что шельфы дальневосточных морей являются кладовыми нефти, газа, рудных и нерудных полезных ископаемых. Легче добывать и перерабатывать природные ресурсы на месте, чем тянуть трубопроводы и гнать составы с запада. Освоить ресурсы и переработать их поможет совместный капитал заинтересованных стран, но под контролем России.

В-десятых, Дальний Восток может стать и крупнейшим перевалочным пунктом на пути следования товаров с востока на запад и наоборот. Для этого у России есть все: морские порты, транспортные магистраль и безтаможенный проход через всю Азию, вплоть до границ европейских государств. Таких уникальных возможностей нет ни у одной страны в этом регионе.

И, последнее, безотлагательно необходимо решать проблему использования и охраны наших биологических ресурсов на суше и в морях. Вводить квоты, контроль или запрет на заготовку, вылов ресурсов, вывоз их за границу. Все операции должны проводиться только с соблюдением международных законов и российского законодательства. Охотское море необходимо срочно объявить внутренним, чтобы предотвратить варварское расширение морских ресурсов сопредельными государствами. Более активно и жестко необходимо использовать пограничников по наведению в этой сфере порядка. Не останавливаться, в рамках закона, перед применением силы против своих и чужих браконьеров. Как только они почувствуют жесткую силу государства, неотвратимость наказания за беспредел на наших землях и в морях, ситуация существенно улучшится.

Огромные просторы России, ослабленной войнами, кризисами и катаклизмами предыдущего столетия, на фоне вымирающего населения и ослабленной армии, с неустойчивой деградирующей экономикой, но все еще фантастически богатой природными ресурсами в текущем столетии могут стать приманкой для более сильных, динамично развивающихся супердержав или группы государств.

После распада СССР, особенно в 90-х годах, России стали предъявлять территориальные претензии многие союзные государства и большинство приграничных государств «дальнего зарубежья».

Россию сегодня беспардонно грабят, не считаясь с нашим мнением, «выбивают» долги, а свои отдавать не спешат. Дело доходит до абсурда. На нашу территорию проникают браконьеры, незаконные мигранты, боевики и террористы из сопредельных государств, а мы не можем дать достойный отпор по причине боязни, что нас, не примут в ВТО, по причине карликового государства, например, Грузии, не дадут кредита или натравят на нас очередную международную комиссию ПАСЕ.

НАТО уже на территории государств бывшего Советского Союза. Контроль сухопутный, подводный, воздушный и космический над Россией не прекращается ни на минуту, несмотря на все заверения НАТО о дружбе и сотрудничестве.

Давление на Россию, как не парадоксально, постоянно усиливается. Запад, в политике, экономике, военных вопросах, в отношении России, в основном, остается на позициях «холодной войны», «двойных стандартов» и отказываться от них не собирается.

С Россией продолжают разговаривать с позиции силы. Мы должны отвечать гибко, но в том же ключе. К сожалению, современный западный мир иных позиций не приемлет.

Мы четко должны понимать, что борьба Запада и США с коммунизмом – это всего лишь предлог для борьбы с Россией за геополитическое господство в современном мире. Запад не интересовал наш строй, сам по себе, для Запада более важно было нейтрализовать равного по силе соперника на мировой арене. С развалом СССР результат был достигнут. Равновесие нарушено в пользу США и Запада. Мировой маятник резко качнулся в их сто-

рону. Корабль мировой экономики резко накренился в сторону транснациональных корпораций, а политика – в сторону однополярного мира. Кардинально поменялись центры противостояния.

Хорошо это или плохо – России предстоит еще разобраться.

А пока Россия должна определиться в своих первоочередных приоритетах: экономика, армия, динамично растущее население, целостность государства, неприкосновенность границ, борьба с терроризмом, сотрудничество с различными государствами только на взаимовыгодной экономической и политической основе, жесткое отстаивание национальных интересов на международной арене; четко определить свое место.

К сожалению, большинство среднесрочных и долгосрочных прогнозов развития России – отечественных и зарубежных – имеют, как правило, пессимистичную направленность. Предсказывается примерно один и тот же набор негативных тенденций: демографический упадок и падение качества человеческого капитала, экономическая и технологическая деградация, закат демократии и возврат к тоталитарным методам управления государством и т.д. и т.п.

Как следствие, много пишут об откате России в разряд третьестепенных стран мира, по существу на периферию мирового развития с последующим её расчленением и дележом «российского наследства» более успешными международными игроками – США, Евросоюзом, Китаем, Японией и исламскими государствами.

Конечно, судя по ряду признаков, пессимистичный сценарий вероятен и его не следует огульно отрицать, но и замыкаться особо на нем не стоит. Его надо рассматривать как средство мобилизации народов России на действие, на не допущение его реализации. Однако, для правильного выстраивания антиколлапсических действий нужны не пустые прогнозы и «страшилки», и даже не эмоции первых лиц, а трезвые оценки сложившейся геостратегической, военно-политической, экономической, демографической обстановки, на основе которых только и можно выстроить реалистичные прогнозы развития мира в целом и России в частности.

К ВОПРОСУ О КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ ЛИЦАМИ, ИМЕЮЩИМИ КОРРУПЦИОННЫЕ СВЯЗИ

РАВИЛЬ ШАЙХЛИСЛАНОВИЧ ШЕГАБУДИНОВ,

кандидат юридических наук, заместитель начальника УВД

по Юго-Восточному административному округу

ГУ МВД России по г. Москве

Научная специальность 12.00.08 – уголовное право и криминология;

уголовно-исполнительное право

E-mail: Shegabudinov@mail.ru

Аннотация. Рассматривается криминологическая характеристика экономических преступлений, совершаемых лицами, имеющими коррупционные связи, а также факторы, обуславливающие их повышенную общественную опасность.

Ключевые слова: экономические преступления, совершаемые лицами, имеющими коррупционные связи; характеристика данных видов преступлений; основные элементы характеристики; совокупность криминогенных факторов, влияние их на указанный вид преступлений.

Annotation. This paper examines the criminological characteristics of economic crimes committed by individuals with ties of corruption and the factors contributing to the increased their danger to the public.

Keywords: economic offences committed by persons having ties of corruption, the characteristic of these types of crimes, the main elements of features, the combination of criminogenic factors, and their influence on the specified crimes.

Для того чтобы понять внутреннюю сопряженность таких явлений, как преступность в сфере экономики, коррупция и организованная преступность, на наш взгляд, следует обратиться к характеристике самих экономических преступлений, совершаемых в организованной форме лицами, имеющими коррупционные связи.

В связи с этим рассмотрим *криминологическую характеристику названных видов преступлений*, т.е. дадим их «фотографию».

Следует особо отметить, что не определяя внутреннее содержание организованной экономической преступности, сопряженной с коррупцией, трудно «выйти» на конкретное ее определение¹. Для этого существует криминологическая характеристика. Чаще всего такая характеристика применяется, когда речь идет о конкретных проявлениях преступности. Например, существует в криминологической литературе такое понятие, как криминологическая характеристика экономических преступлений. Почему-то непринято давать такую характеристику применительно к экономической преступности в целом, чаще ее дробят по составным частям (видам преступлений). Думается, что это вовсе не противоречит сложившемуся среди специалистов в области криминологии мнению. Разумеется, чтобы проникнуться вглубь того или иного вида преступления, необходимо его изучить в отдельно взятом виде, ибо в совокупности преступлений, как это делается, беря экономическую преступность в целом, трудно

«разглядеть» все детали (компоненты) конкретного вида преступления. В этом плане сам исследователь должен выбирать, исходя из цели и задач, которые он поставил перед собой, что ему более приемлемо.

Мы, со своей стороны, считаем наиболее продуктивным рассмотрение криминологической характеристики исследуемых видов экономических преступлений с позиции системы (системного подхода), состоящей из множества взаимосвязанных между собой элементов, хотя среди криминологов существуют и иные мнения. Продолжаются дискуссии по структуре криминологической характеристики. Здесь существуют разные точки зрения. Так, А.В. Жаданов, раскрывая содержание криминологической характеристики экономических преступлений, совершаемых, например, на объектах железнодорожного транспорта, помимо состояния, структуры и динамики, причин и условий (факторов), способствующих совершению преступлений, характеристики лиц, совершивших преступления, в него включает криминологическую классификацию преступлений, а также показатели состояния экономической деятельности – экономическую ситуацию в сфере функционирования объектов железнодорожного транспорта².

Любая характеристика (уголовно-правовая, криминологическая, криминалистическая, социологическая и иная), на наш взгляд, должна иметь совокупность признаков, ее отличающих. Возможна и смешанная (комплексная) характеристика.

Криминологической характеристике экономических преступлений, совершаемых в организованной форме лицами, имеющими коррупционные связи, присущи характерные сугубо ей элементы. Проведенное нами исследование отчасти позволило выявить их и сформулировать. Рассмотрим взаимосвязанные между собой элементы.

К числу основных элементов характеристики следует отнести *криминологический портрет личности преступника*, совершающего в организованных формах экономические преступления, сопряженные с коррупцией.

Как известно, криминология изучает не только закономерности отдельных преступлений, индивидуального преступного поведения, но и преступности как массового преступного поведения. Следовательно, ученых криминологов интересует, помимо преступности, ее видов, преступлений и их причин, сам преступник и личность преступника. Такое изучение «подчинено выявлению закономерностей преступного поведения, преступности как массового явления, их детерминации, причинности и разработке научно обоснованных рекомендаций по борьбе с преступностью»³. Преступники в криминологическом их изучении выступают как объект и предмет исследования. Между тем, следует констатировать тот факт, что изучение преступника только в рамках криминологии не может быть исчерпывающим, ибо это комплексная проблема, которая связана с человеком и его деятельностью. Немалый вклад в исследование этой проблемы вносили и вносят Г.А. Аванесов, Ю.М. Антонян, В.Г. Асеев, М.М. Бабаев, Ю.Д. Блувштейн, Б.С. Волков, А.А. Герцензон, А.И. Долгова, В.П. Дубинин, А.Э. Жалинский, К.Е. Игошев, И.И. Карпец, В.Н. Кудрявцев, Н.Ф. Кузнецова, В.В. Лунеев, Г.М. Миньковский, Б.Я. Петелин, А.Б. Сахаров, В.Е. Эминов, А.М. Яковлев и многие другие известные ученые.

Существует комплекс «преступление – преступник – потерпевший», в котором выражено единство деяния и всех причастных к нему лиц⁴. При этом мы разделяем мнение криминологов о том, что «... в любом случае основной вопрос – это личность преступника, все ее связи и действия»⁵. В частности, А.Б. Сахаров, обращаясь к личности преступника, писал, что из преступления надо «извлекать» человеческий фактор. Преступление, т.е. преступное поведение всегда наполнено личностным содержанием⁶. Отсюда следует, что «нет преступления без лиц, причастных к нему, однако без них нет и преступления»⁷.

В юридической литературе под личностью преступника понимается совокупность социально значимых свойств, признаков, связей и отношений, характеризующих абстрактного нарушителя уголовно-правового запрета⁸. Личность преступника играет в криминологии важную роль, она – «отрасль

криминологического знания, объект криминологического исследования, без которого существование криминологии невозможно, поскольку с его помощью решается главная задача криминологии – объяснение преступности»⁹.

В структуре личности преступника выделяют несколько подсистем (компонентов, признаков)¹⁰.

Учеными-криминологами давно доказано, что нельзя изучать личность преступника вне ее связи с обществом, а главное – обусловленности социальной сущности данной личности общественными отношениями. Характер общественных отношений так или иначе связан с поведением личности. Любое поведение, в том числе и преступное, должно рассматриваться в системе общественных отношений. Отсюда следует, что социальное в личности преступника – это процесс, в основе которого лежит превращение «внешних» общественных отношений во «внутреннюю» структуру человека: его потребности, интересы, цели, взгляды, установки, направленность поведения и т.д.¹¹ Безусловно, все это в личности преступника существует объективно, а потому личность создает самую себя. В этом плане уместно вести речь об индивидуальности самого преступления.

Теоретико-методологическую основу настоящего исследования составили труды ученых-криминологов, заложивших крепкий фундамент учения о личности преступника и причинах преступности, ими же представлена научной общественности типология личности преступника. Предметом их углубленного криминологического изучения стала и мотивация преступного поведения.

С учетом имеющихся разработок, нами была предпринята попытка рассмотреть личность преступника как одного из объектов криминологического изучения, поскольку для теории уголовного права не меньший интерес представляет субъект преступления. При этом наличие составленного на основе исследования портрета личности преступника, совершившего в организованной группе экономическое преступление, сопряженное с коррупцией, может послужить составной частью криминологической характеристики указанных видов преступлений.

Как нам представляется, для более углубленного изучения портрета личности преступника, его условно можно представить в виде отдельных взаимосвязанных компонентов. Основными из них, на наш взгляд, являются:

1) *субъекты преступления*. Лидируют счетно-бухгалтерские и материально-ответственные лица предприятий, учреждений и организаций независимо от форм собственности (69,9%). Должностные лица (постоянно, временно или по специальному полномочию, осуществляющие функции представителя власти либо выполняющие организационно-

распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях) занимают также немалый удельный вес – 16,7%. Технический и обслуживающий персонал представлен 5,3%;

2) *образовательный их уровень*. Так, по итогам проведенного автором пилотажного исследования, 89% современных «беловорничков» преступников имеет довольно высокий образовательный уровень, интеллектуальный потенциал и общий культурный уровень, что затрудняет их вычлнить из массы добросовестных граждан; 98% преступников совершает исследуемые преступления с использованием современных информационных технологий. Во многих случаях в интересах создания внешней видимости правомерности своим противоправным действиям составляют подложные документы.

Сопоставление данных проведенного нами пилотажного исследования с результатами криминологических исследований 70-80 годов прошлого столетия (Дубовик О.Л., Жалинский А.Э., Игошев К.Е., Карпец И.И. и др.) показывает, что в личностных характеристиках «беловорничков» преступников произошли существенные изменения. Все они принадлежат к интеллектуальной прослойке общества. Пополнение «армии» организованных преступных формирований идет за счет высвободившихся в результате сокращения объемов производства инженерно-технических и иных высококвалифицированных работников. Это позволяет предположить, что организованная экономическая преступность, сопряженная с коррупцией, имеет тенденцию к интеллектуализации. По существу – это «преступность высокообразованных»;

3) *половозрастной ценз*. В числе лиц, привлеченных к уголовной ответственности, около 80,0% – это мужчины. Возраст колеблется от 30 до 50 лет. Характерно и то, что холостые доминируют, нежели состоящие в браке либо в разводе. Доля их составила около 59,2%. Свыше 83,0% среди привлеченных к ответственности – это лица с высшим образованием. Такое положение объясняется более высокими социальными ролями мужчин по отношению к женщинам и их статусом.

Проведенное нами исследование показывает, что к экономическим преступлениям, совершаемым в организованной форме лицами, имеющими коррупционные связи, причастны должностные лица и руководители коммерческих и иных организаций;

4) *прежняя судимость за аналогичное преступление*. Доля ранее судимых из числа привлеченных к уголовной ответственности составила свыше 17,3%. По нашим данным, 17% преступников в прошлом судимы; большинство судимостей – за экономические и должностные преступления. При

этом преступники по экономическим преступлениям рассматриваемой категории не составляют однородную массу, в связи с чем различаются между собой их личности.

Причина такого положения состоит в том, что более зрелые и опытные люди ставят перед собой не общественные интересы превыше всего, а личные, причем корыстного плана;

5) *социально-групповая распространенность преступности (преступление совершено в составе группы)*. Почти в 100% случаев рассматриваемые преступления совершаются в составе групп. По этому критерию исследуемые преступления существенным образом отличаются от иных. При проведенном автором пилотажном изучении 75 уголовных дел об экономических преступлениях установлено, что 98% случаев преступление совершено в составе организованной группы и преступного сообщества (преступной организации);

6) *мотивация экономических преступлений, совершенных в организованных формах лицами, имеющими коррупционные связи*. В криминологической характеристике организованной экономической преступности, сопряженной с коррупцией, корыстная мотивация находится в центре внимания исследователей. Это не случайно. Мы данный вид преступности, наряду со многими (экономической, коррупционной, налоговой преступности и др.), относим к числу корыстных.

Термин «мотивация» так же, если не более, неопределен, как и понятие мотива. В криминологической литературе встречается несколько определений мотивации. К.Е. Игошев, отмечая, что «мотивация более широкое понятие, чем мотив», указывает на следующие ее компоненты: первоначальные побуждающие силы человеческой активности (психологическая мобилизованность и готовность личности к совершению определенных действий); факторы, направляющие, регулирующие и поддерживающие эти действия или изменяющие их исходную направленность. По его мнению, мотивация может пониматься и как «процесс внутренней аргументации мотивов»¹².

Исходя из криминологических задач мы считаем более продуктивным понятие, сформулированное В.Д. Филимоновым, который, в частности, считает, что «мотивация – это процесс определения личностью характера и направленности поведения, процесс формирования его мотива. Мотив же является результатом этого процесса»¹³. Иными словами: мотив преступного поведения есть побуждение, которое формируется под влиянием среды и является внутренней непосредственной причиной преступной деятельности.

Как известно, УК предусматривает мотив преступления во многих своих статьях в качестве обязательного или факультативного признака.

Среди мотивов рассматриваемого нами вида преступления, как показывает проведенное исследование, превалирует корысть (81,0%). Такой удельный вес корысти в преступном поведении, безусловно, настораживает. В связи с этим В.В.Лунеев справедливо отмечает, что процесс «окорыствования» общественных отношений, не только экономических, но и политических, нравственных и даже творческих, продолжается¹⁴. Мы полагаем, что рост организованной экономической преступности преимущественно за счет корыстной ее части можно рассматривать как вполне закономерное явление на этапе становления и упрочения рыночных отношений.

Исследование показывает, что есть и другие побуждения (личная выгода). В их числе личная заинтересованность при совершении денежных и иных операций (сделок) – 35,5%. Корпоративная же заинтересованность, по данным исследования, почти в три раза уступает личной.

Корыстная мотивация имеет множество своих разновидностей. Так, В.В.Лунеев обоснованно ее дифференцирует на: «1) жадность накопления денег и материальных ценностей, алчность, жадность, стяжательство; 2) стремление к материальному комфорту и благополучию, приобретению престижных ценностей, к жизни «не хуже других»; 3) пьянство, стремление к разгульной жизни и другие порочные наклонности, требующие материальных затрат; 4) ложно понятые интересы службы, карьеристские устремления, желание угодить вышестоящему начальнику, приобрести и поддержать нужные для службы знакомства и связи; 5) личную материальную нужду (временную или относительно постоянную), бытовые потребности в дефицитных предметах или материалах, стремление помочь семье и другие побуждения»¹⁵. Названные разновидности корыстной мотивации, на наш взгляд, характерны и криминологической характеристике организованной экономической преступности, сопряженной с коррупцией. Следует также иметь в виду, применительно к данному виду преступности, то, что «в современных условиях достаточно распространенной формой корыстной мотивации становится жадность власти»¹⁶.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в криминологической литературе отстаивается точка зрения, согласно которой коррупционные деяния не ограничиваются рамками корыстной направленности. В этом плане, в частности, заслуживает внимания мнение А.И.Гурова, который отмечает, что «... чиновники аппарата власти вступают в противоречие с нормами морали и закона не столько из-за получения взяток, сколько из-за сложившихся клановых отношений, в которых главенствующим является принцип «рука руку моет», из-за родственных связей, кумовства и т.д.»¹⁷. Комментируя сказанное, Л.Ю. Тарасенко подчеркивает, что «не корысть является основной движущей силой раз-

вития коррупционных отношений, а страх потерять незаслуженно полученную власть. Именно этот инстинкт лежит в основе создания и культивирования следующего принципа: имеешь всевластие вплоть до произвола, если постоянно подтверждаешь личную преданность вышестоящему начальству и соблюдаешь групповые интересы. В этом случае, можно не бояться разоблачения, круговая порука обеспечит защиту»¹⁸.

Изучая личность преступника, необходимо иметь в виду возможность исповедования ими, особенно из числа должностных лиц и лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческой или иной организации, двойной морали, когда они выдают себя за заботливых хозяев вверенного им имущества и, в то же время, не упускают возможностей для его расхищения.

Большинству преступников присущи такие мотивы, как приобретение капитала любым путем ради обеспечения достойного существования в будущем, материальные трудности и иные корыстно-потребительские интересы.

Важно учитывать и то обстоятельство, что существует закономерная взаимосвязь между потребностями и мотивами поведения лиц. Эта взаимосвязь проявляется в том, что потребности индивида формируют побуждения и цели, которые, в свою очередь, выступают в роли «пускового механизма», заставляющего человека целенаправленно действовать либо пребывать в определенном состоянии;

7) *предметы преступного посягательства*. Среди них стали появляться такие, которые прежде не встречались. Предметами преступного интереса все чаще становятся энергоносители, цветные и редкоземельные металлы, драгоценные металлы и драгоценные камни, земельные участки, здания и сооружения, продукты интеллектуальной деятельности и др.;

8) *способы совершения организованных экономических преступлений, сопряженных с коррупцией*. Способ совершения преступления – это совокупность приемов, используемых преступником при реализации своих намерений¹⁹.

В.Н. Кудрявцев обращает внимание на четыре основных обстоятельства, определяющих выбор способа совершения деяния: «а) эффективность данного способа достижения цели ...; б) относительную безопасность для преступника использовать данный способ ...; в) умение (навыки) преступника ...; г) привычные стереотипы поведения ...»²⁰. Автор полностью согласен с таким набором обстоятельств. Они присущи рассматриваемому нами виду преступлений. Представляется, что частота встречаемости того или иного способа совершения организованных экономических преступлений, сопряженных с коррупцией, определяется наличием совокупности для этого условий.

Как показывает исследование, способы совершения организованных экономических преступлений, сопряженных с коррупцией, довольно таки разнообразны. В то же время, им свойственна и полноструктурность, т.е. способы складываются из подготовки, совершения и сокрытия следов организованных преступлений в сфере экономики.

9) *причины преступного поведения*²¹. Проведенное исследование убедительно доказало наличие множества причин, подтолкнувших к совершению преступления рассматриваемой окраски. Несмотря на их многообразие, следует среди них выделить основные, а именно: объективные сложности в доказывании преступной деятельности членов организованной группы (41,7%); реальные возможности «откупиться» (63,1%); уверенность в своей безнаказанности (43,9%); трудности в обеспечении неотвратимости ответственности (59,3%).

Говоря о причинном комплексе, «надо отличать субъективные причины от объективных. Первые связаны с волевыми усилиями государственной власти или общественных институтов, а вторые с действиями объективных процессов»²².

В криминологии нередко, помимо причин и условий, употребляют понятие «детерминанты»²³. Речь идет о факторах (условиях), способствующих совершению преступлений.

Наличие условий совершения экономических преступлений, как показывает исследование, во многом детерминирует поведение криминально активного лица. Сфера функционирования, например, бюджетобразующих объектов, где возможны такие условия, может подвергнуться преступному посягательству.

Условий достаточно много, в укрупненном виде чаще всего различают: правовые, экономические, организационные, технологические, технические.

Отдельные специалисты группируют их следующим образом, выделяя при этом социально-экономические, законодательные и правоприменительные, политические, социально-психологические, организационно-управленческие, технико-технологические. Даже пытаются выстраивать так называемую шкалу влияний, т.е. определяют значимость различного рода факторов с точки зрения их способности активно влиять на криминальные процессы в сфере экономических отношений. По этому параметру социально-экономические факторы «претендуют» на первое место. В области правоприменительной практики сложилась ситуация, когда искусственно были разделены функции государственного управления, надзора (контроля) и хозяйствования; сразу же обнаружили правовые пробелы и коллизии законодательства. В течение многих лет они не были устранены и в результате криминально активные лица воспользовались этим положением. В частно-

сти, им на руку оказались конкурсы и аукционы по приватизации государственной и муниципальной собственности (имущественного комплекса), проводимые бесконтрольно.

Положение в социально-психологической сфере на сегодня повсеместно напряженно и, как следствие, все это негативно отражается на развитии криминогенной ситуации. К примеру, продолжает сохраняться социальная напряженность в обществе (низкий уровень жизни, бытовая неустроенность, инфляция, экономический кризис, существенный разрыв между богатыми и бедными, безработица и др.).

Как нам представляется, не менее важным элементом криминологической характеристики выступают сами формы проявления организованной экономической преступности, сопряженной с коррупцией.

Как показывает проведенное нами исследование, экономические преступления, совершенные в организованных формах и сопряженные с коррупцией, наиболее распространены в виде незаконного присвоения активов, экономических мошенничеств, коррупции в сфере взаимоотношений бизнеса и власти.

Некоторые исследователи к числу форм противоправной деятельности организованных групп и преступных сообществ относят: незаконный оборот стратегически важных сырьевых товаров, алкогольной и табачной продукции, драгоценных металлов и драгоценных камней, изготовление и сбыт поддельных денег и ценных бумаг, аферы с кредитными картами, электронными платежами. Мы считаем, что вполне возможны такие формы проявления противоправной деятельности.

Составной частью криминологической характеристики рассматриваемых преступлений, по нашему мнению, выступают данные уголовной статистики, отражающие сведения о состоянии, структуре и динамике указанных видов преступлений.

В настоящее время перечень экономических преступлений, совершаемых в организованных формах и сопряженных с коррупцией, исходя из анализа судебной-следственной практики, включает в себя совокупность деяний, «ядром» которых чаще всего выступают:

- 1) хищения путем присвоения или растраты;
- 2) экономическое мошенничество²⁴. К сожалению, российские компании несут в результате экономических мошенничеств весьма солидные потери;
- 3) незаконное предпринимательство;
- 4) легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем. Отмывание преступных доходов таит в себе высокий уровень общественной опасности. На это акцентировали свое внимание и участники межвузовской научно-практической конференции молодых ученых, специально посвященной про-

блеме противодействия легализации доходов. Так, Ю.В. Осадчая в своем выступлении справедливо подчеркнула, что «легализованные доходы – финансовая основа международной организованной преступности, терроризма и коррупции, а противодействие легализации (отмыванию денег) путем установления уголовной и других видов юридической ответственности – единственный эффективный способ борьбы с этими опасными криминальными проявлениями»²⁵. Со своей стороны считаем, что одними правовыми мерами вряд ли удастся повысить эффективность противодействия легализации доходов. Мировой опыт показывает, что, помимо юридических, для этого успешно применяются экономические, социальные, организационные и иные меры;

5) контрабанда стратегически важных сырьевых товаров; данная норма (ст. 188 УК РФ) утратила силу в соответствии с Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ. В то же время, некоторое распространение получили факты уклонений от уплаты таможенных платежей, взимаемых с организаций или физических лиц;

6) невозвращение из-за границы средств в иностранной валюте;

7) криминальное банкротство (неправомерные действия при банкротстве, преднамеренное банкротство, фиктивное банкротство);

8) незаконное получение кредита.

Названные виды преступлений в сфере экономики «обрастают» преступлениями коррупционной направленности и совершаются, как правило, в организованных формах. Иначе говоря, взаимообусловленность экономических преступлений, совершенных в организованных формах, и преступлений коррупционной направленности подтверждается также анализом материалов судебно-следственной практики. По данным нашего исследования, примерно в 25% случаев лицам, обвиняемым в хищении в различных формах, одновременно инкриминировалось совершение коррупционных преступлений (злоупотребление полномочиями – 15%, подлог документов – 35%, взяточничество – 11% и др.).

Заметим, что в структуре организованной экономической преступности, сопряженной с коррупцией, растут наиболее опасные преступления: широкомасштабные финансовые аферы, причиняющие огромный материальный ущерб людям²⁶, многомиллионные хищения бюджетных средств. Большое распространение сегодня получает компьютерная преступность. В структуре данного вида преступности посягательства на собственность государства, товаропроизводителей и граждан традиционно занимает преобладающую долю.

Проведенное исследование убедительно показывает, что социально-экономическое развитие, стратегической целью которого является повыше-

ние благосостояния населения и уменьшение бедности, существенным образом влияет на криминальную ситуацию в сфере экономики. На смену традиционным способам совершения преступлений экономической направленности приходят все новые и новые виды противоправного обогащения. На организованной экономической преступности на сегодня паразитирует целый слой криминально активных лиц: лидеры и активные участники организованных преступных структур, коррупционеры, дельцы «теневой» экономики. Данное обстоятельство ускоряет процесс трансформации простейших способов в более сложные и изощренные схемы, адаптированные к изменившимся экономическим условиям.

Яркой демонстрацией применения усовершенствованных способов преступного посягательства может служить незаконный передел прав на объекты собственности (посягательства на права собственников и акционеров). Преступления, связанные с рейдерскими захватами, являются классическим примером организованной экономической преступности, сопряженной с коррупцией.

Негативное ее развитие во многом обуславливают криминогенные факторы. Существует их достаточно много. Основными среди них являются:

- *влияние остаточного явления кризисного состояния народного хозяйства.* Одновременно это сказывается и на кредитно-финансовой системе страны. На этом фоне организованные преступные формирования (организованные группы и преступные сообщества) заметно расширили сферы своего влияния; они поразили практически те отрасли экономики, которые отличаются высокой доходностью. В легальный оборот вводят незаконно полученные капиталы. Под криминальным влиянием, прежде всего, оказались: топливно-энергетический комплекс, металлургическая промышленность, оборот водных биоресурсов, лесопромышленный комплекс, производство и оборот этилового спирта, спиртосодержащей и алкогольной продукции;

- *неравномерное развитие различных форм собственности.* Формирование и развитие на данном этапе многоукладной экономики, базирующаяся на различных формах собственности, наряду с положительными факторами, одновременно обусловило и рост экономической преступности. Так, в 2008 г. органами внутренних дел было выявлено 448,8 тыс. экономических преступлений, из них уголовные дела, по которым предварительное следствие обязательно, составляют 207,9 тыс. Привлечено к уголовной ответственности по этой категории дел 165,1 тыс. преступников²⁷.

Таким образом, экономические преступления, совершаемые в организованной форме лицами, имеющими коррупционные связи, имеют достаточно много отличительных особенностей, последние без

особого труда можно обнаружить, давая им развернутую криминологическую характеристику.

¹ Единого мнения не только по формулировке понятия «организованная экономическая преступность, сопряженная с коррупцией», но и преступных групп, организаций и сообществ, но и по строгому разграничению видов их криминальной деятельности учеными до сего времени не достигнуто. Членами организованных структур на сегодня совершаются преступления с использованием различных схем и приемов и очень трудно их привести к общему знаменателю без предварительного теоретического осмысления.

² Жаданов А.В. Экономические преступления, совершаемые на объектах железнодорожного транспорта, и их специально-криминологическое предупреждение (по материалам Южно-Уральской железной дороги): Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С.13–14.

³ Криминология. Учебник для юридических вузов / Под общ. ред. докт. юрид. наук, проф. А.И. Долговой. М.: Издательская группа ИНФРА-М-НОРМА, 1997. С. 274.

⁴ Франк Л.В. Виктимология и виктимное поведение. Проблемы теории и практики. Душанбе, 1974. С. 7; Ривман Д.В. Личность преступника и проблемы виктимологии. Л., 1988. С. 46.

⁵ Личность преступника и преступное поведение. М., 1982. С. 18.

⁶ Сахаров А.Б. О личности преступника и причинах преступности в СССР. М., 1961. С. 21.; Филимонов В.Д. Общественная опасность личности преступника. Томск, 1970. С. 6–9.

⁷ Солодовников С.А. Криминологическое исследование насильственных преступлений против собственности граждан и проблемы их предупреждения органами внутренних дел (Теория и практика): Дисс. ... докт. юрид. наук. М.: Московский университет МВД России, 2004. С. 200.

⁸ См.: Максимов С.В. Краткий криминологический словарь. М.: Юрист, 1995. С. 12; Сахаров А.Б. Учение о личности преступника и его значение в профилактической деятельности ОВД: Лекция. М.: МВШМ МВД СССР, 1984. С. 4; Криминология / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, Г.М. Миньковского. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 95.

⁹ Антонян Ю.М. Изучение личности преступника: Учеб. пособие. М.: ВНИИ МВД СССР, 1982. С. 42.

¹⁰ Четверяков В.С. Криминология: Учеб. пособие. М.: ИНФРА-М-НОРМА, 1996. С. 66.

¹¹ Игошев К.Е. Типология личности преступника и мотивация преступного поведения. Горький, 1974. С. 15; Кудрявцев В.Н. Право и поведение. М., 1978. С. 45.

¹² Игошев К.Е. Типология личности преступника и мотивация преступного поведения. Горький, 1974. С.86–87.

¹³ Филимонов В.Д. Криминологические основы уголовного права. Томск, 1981. С. 115.

¹⁴ Лунеев В.В. Правовое регулирование общественных отношений – важный фактор предупреждения организованной и коррупционной преступности // Предупреждение организованной и

коррупционной преступности средствами различных отраслей права. М., 2002. С.15.

¹⁵ Лунеев В.В. Преступное поведение: мотивация, прогнозирование, профилактика. М., 1980. С. 242.

¹⁶ Криминология: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности 021100 «Юриспруденция» / Г.А. Аванесов, С.М. Иншаков, С.Я. Лебедев, Н.Д. Эриашвили / Под ред. Г.А. Аванесова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2007. С. 369.

¹⁷ Гуров А.И. Организованная преступность – не миф, а реальность. М., 1992. С. 22.

¹⁸ Тарасенко Л.Ю. О соотношении коррупции и организованной преступности // Преступность и проблемы борьбы с ней / Под общ. ред. А.И. Долговой, В.И. Каныгина. М., Российская криминологическая ассоциация, 2007. С. 193.

¹⁹ Подробнее см.: Криминалистика: Учебник / Под ред. Н.П. Яблокова. М., 1996. С. 527.

²⁰ Кудрявцев В.Н. Генезис преступления. Опыт криминологического моделирования: Учеб. пособие. М.: Издательская группа «ФОРУМ-ИНФРА-М», 1998. С. 113.

²¹ Общие причины преступности подробно рассмотрены в работах: Кудрявцева В.Н., Эминова В.Е. Причины преступности в России. Криминологический анализ. М.: Норма, 2006; Эминов В.Е. Причины преступности в России: криминологический и социально-психологический анализ: Монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. 128 с.

²² Абызов Р.М., Абызов К.Р. Проблемы предупреждения региональной преступности // Реагирование на преступность: концепции, закон, практика: Книга. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2002. С. 271.

²³ Нередко в криминологической литературе употребляют понятие «причины и условия, способствующие совершению экономических преступлений».

²⁴ Существует множество разновидностей мошеннических действий, а именно: незаконное присвоение активов, мошенничество при привлечении заемного капитала, мошенничество с фиксацией цен в рамках картельных соглашений.

²⁵ Осадчая Ю.В. Теоретический аспект понятийного аппарата легализации доходов, полученных преступным путем // Институциональные, экономические и юридические основы противодействия легализации доходов, полученных преступным путем: материалы межвузовской научно-практической конференции молодых ученых / под ред. д-ра юрид. наук, проф. А.Г. Хабибуллина. М.: Академия экономической безопасности МВД России, 2008. С. 28.

²⁶ Так, в 2009 г. изобличены представители 39 организаций, совершавших мошенничества с привлечением денежных средств граждан под различные «высокодоходные проекты». В результате их противоправной деятельности причинен ущерб более чем 40 тыс. граждан на сумму свыше 4 млрд 300 млн руб..

²⁷ Гирько С.И. Криминологическая обстановка в Российской Федерации и прогноз ее развития. М., 2008. С. 18.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЭКСТРАДИЦИИ В СФЕРЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА МОНГОЛИИ И РОССИИ

БАТЧУЛУУН БАТДОРЖ,

адъюнкт кафедры уголовного процесса

Московского университета МВД России

Научная специальность 12.00.09 – уголовный процесс

Научный руководитель: кандидат юридических наук,

профессор кафедры Бобров В.К.

E-mail: dorj_1208@yahoo.com

Аннотация. Исследуются некоторые вопросы экстрадиции в сфере уголовного судопроизводства Монголии и России.

Ключевые слова: Уголовный процесс, международное сотрудничество, борьба с преступностью, экстрадиция.

Annotation. This paper investigates some of the issues of extradition in criminal proceedings Mongolia and Russia.

Keywords: Criminal procedure, international cooperation, the fight against crime, extradition.

Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства – относительно новый правовой термин, который в научной обиход и в России, и в Монголии был введен с момента включения в уголовно-процессуальное законодательство этих государств специальных разделов, посвященных правовому регулированию процессуального порядка оказания взаимной помощи двух и более государств в расследований преступлений.

В России это нормы были включены в ч. 5 Уголовно процессуального кодекса, принятого в 2001 г., в Монголии – в гл. 45 Уголовно процессуального кодекса, принятого в 2002 г.

До этого, да и сейчас, процессуальная деятельность взаимодействующих государств в борьбе с преступностью именовалась «международной правовой помощью по уголовным делам».

Часть 5 УПК РФ и гл. 45 УПК Монголии регламентируют только такую совместную деятельность государств в борьбе с преступностью, которая осуществляется в рамках уголовно-процессуального законодательства и поэтому носит процессуальный характер.

Иные направление сотрудничества по уголовным делам, связанные с проведением совместных оперативно розыскных мероприятия, координацией деятельности правоохранительных органов, взаимным обменом информацией и т.д., находятся за рамками уголовного процесса.

Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства представляет, на наш взгляд, основанное на нормах международного и внутринационального уголовно-процессуального законодательства или на принципе взаимности взаимодействие уполномоченных органов и должностных лиц двух и более государств по оказанию друг другу процессуальной помощи в рамках уго-

ловного судопроизводства по конкретным уголовным делам.

Такое взаимодействие осуществляется в различных направлениях, в числе которых особое место занимает выдача лица (экстрадиция) для уголовного преследования или исполнения приговора.

Само слово «экстрадиция» происходит от латинского термина *extraditio*, что означает выдачу лиц. Выдаче лиц, совершивших преступление на территории той или иной страны, в рамках сотрудничества государств мирового сообщества по борьбе с преступностью отводится достаточно значимая и обособленная роль. «Посредством подобной формы международного сотрудничества на практике достигается почти универсальная система защиты самых значимых общих ценностей и обеспечиваются серьезные гарантии того, что лица, виновные в совершении тяжких преступлений, будут наказаны независимо от того, где они находятся, и того, компетентно ли государство, в котором они скрываются..., привлечь их к уголовной ответственности»¹.

Перед лицом бурного развития транснациональной преступности государства стремятся найти общий язык в вопросах экстрадиции, идут навстречу друг другу, на уступки при заключении двусторонних договоров, совершенствуют национальное законодательство в целях упрощения процедуры выдачи².

В современной юридической науке определено, что институт экстрадиции представляет собой совокупность нормативных предписаний, регламентирующих передачу лица, совершившего преступление, одним (запрашиваемым) государством другому (запрашивающему) государству для привлечения к уголовной ответственности и (или) отбывания наказания³. К институту экстрадиции также относят

передачу преступника, осужденного в одном государстве, другому, гражданином которые он является, для отбывания наказания⁴.

Понятию выдачи лица, совершившего преступление, предлагается множество определений. Так, А. Князев пишет: «Институт выдачи преступника (экстрадиция) состоит в передаче лица, совершившего преступление, государством, на территории которого он находится, запрашивающему государству. Запрашивающее государство может быть государством, чьим гражданином является преступник или на территории которого совершено преступление, или, в соответствии с международными договорами, имеющим право запрашивать о выдаче»⁵.

Согласно, например, точке зрения профессора Р.М. Валева, поддержанной многими другими авторами, институт выдачи представляет собой основанный на международных договорах и общепризнанных нормах и принципах международного права акт правовой помощи, состоящий в передаче обвиняемого или осужденного государством, на территории которого он находится, требующему его передачи государству, на территории которого требуется лицо совершило преступление или гражданином которого оно является, или государству, потерпевшему от преступления, для привлечения его к уголовной ответственности или для приведения к исполнению приговора⁶.

Наиболее широкое и обобщенное определение сформулировано следующим образом: «Экстрадиция являет собой форму социально необходимой взаимопомощи государств в реализации экстра-территориального действия их национальных уголовно-правовых систем, отвечающей, в конечном счете, интересам обеспечения безопасности всех участвующих в ней стран»⁷.

Данная позиция состоит в том, чтобы усматривать в экстрадиции не только аспекты выдачи преступников и наказания виновных, но и более широкий круг вопросов. В частности, речь идет о правовой помощи и сотрудничестве между государствами, понимаемых в более широком плане. В этом случае понятие экстрадиции уже более широкое. Оно охватывает не только выдачу преступников, но и целый ряд иных действий, мер и целей. Например, таких, как меры по обеспечению необходимых правовых и процессуальных гарантий, имплементация соответствующих юридических процедур и принципов, эффективное правовое сотрудничество между государствами, повышение доверия к их правовым системам, укрепление международного правопорядка, норм и требований права, соблюдение прав человека и т.д. Приведенное выше определение, в общем и целом, обрисовывает значимость роли института выдачи лица для государств мирового сообщества с точки зре-

ния международного права.

Более же конкретизированное и распространенное определение выдачи гласит: «Под экстрадицией понимается передача лиц, совершивших преступления, одним государством (запрашиваемым), на территории которого они находятся, другому государству (запрашивающему), на территории которого было совершено преступление либо гражданином которого является преступник»⁸.

Некоторыми учеными в определении выдачи конкретизируется уголовно-процессуальный статус выдаваемого лица. Так, И.И. Лукашук отмечает: «Под выдачей преступников (или экстрадицией) в международном праве понимается передача лица, совершившего преступление (подозреваемого, обвиняемого или осужденного), одним государством другому государству для привлечения его к уголовной ответственности или для исполнения в отношении последнего обвинительного приговора»⁹. Здесь необходимо сделать оговорку применительно к термину «преступник», поскольку, как представляется, в данную категорию нельзя включать всех выдаваемых лиц.

Как верно отмечается, «экстрадиция и выдача преступников не однозначные понятия... лицо заранее называют «преступником», хотя оно таким может быть и не является. В ряде случаев лицам... даже еще не предъявлено обвинение»¹⁰. На наш взгляд, следует проводить различие между выдачей осужденного для исполнения приговора и передачей осужденного лица в государство его гражданства для отбывания наказания. Необходимо четко видеть различие между терминами «выдача» и «передача», поскольку, как совершенно справедливо учеными-правоведами замечено, «указанное различие носит не лексический, а юридический характер»¹¹. Это отличие уже официально закреплено российским законодателем, разделившим положения, регулирующие институт выдачи лица для уголовного преследования или исполнения приговора и положения, регламентирующие институт передачи лица, осужденного к лишению свободы, для отбывания наказания в государстве, гражданином которого он является, в две самостоятельные главы – соответственно ст. 54 и ст. 55 УПК РФ.

В уголовно-процессуальном законодательстве Монголии и России, к сожалению, различие в указанных понятиях не проводится. И тот, и другой институты именуется, как: институт «выдачи преступного лица с целью привлечения к уголовной ответственности или в целях исполнения обвинительного постановления» (гл. 46 УПК Монголии) и институт «выдачи осужденного к наказанию в виде лишения свободы для отбывания наказания в государстве, гражданином которого он является» (гл. 47 УПК Монголии).

Учитывая вышеизложенные аргументы, мы полагаем, что в УПК Монголии, как и в УПК РФ, рассматриваемые институты должны именоваться соответственно институтом выдачи и институтом передачи.

Государство-исполнитель запроса о выдаче (запрашиваемая сторона) для осуществления процедуры выдачи лица должно располагать официальными документами, подтверждающими уголовно-процессуальный статус выдаваемого.

«Выдача преступников (экстрадиция) представляет собой согласованный между заинтересованными государствами на основе норм международного права акт правовой помощи, заключающийся в передаче физического лица, совершившего преступление международного характера, другому государству в целях привлечения его к уголовной ответственности...»¹².

Институт выдачи лица, совершившего преступление, носит межотраслевой характер. Еще М.Д. Шаргородский писал о том, что институт выдачи выступает смежным для международного, государственного и уголовного права¹³. Подобное мнение имеет место и в современной юридической науке. В частности, А.К. Чермит пишет: «Анализируя природу регулятивного воздействия института экстрадиции, становится очевидным, что институт экстрадиции имеет межотраслевую природу, а международное право является лишь одним из его предполагаемых сфер реального назначения»¹⁴.

Экстрадиция, как уже отмечалось, впервые закреплена в гл. 45 УПК Монголии 2002 г. Она представляет собой совокупность нормативных предписаний, регламентирующих передачу лица, совершившего преступление, одним (запрашиваемым) государством другому (запрашивающему) государству для привлечения к уголовной ответственности и (или) отбывания наказания. Нормативная база рассматриваемого института имеет двухуровневую структуру:

1) внутригосударственное (в частности, конституционное, уголовное, уголовно-процессуальное) законодательство

2) международное законодательство (в частности, многосторонние и двусторонние межгосударственные соглашения, заключенные с участием государства Монголии).

Далее следуют многосторонние конвенции, посвященные борьбе с отдельными видами международных преступлений и попутно регламентирующие связанные с ними вопросы экстрадиции: Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказания за него от 9 декабря 1948 г., Конвенция о борьбе с захватами заложников от 17 декабря 1979 г., Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных ве-

ществ от 20 декабря 1988 г. и др. Замыкают рассматриваемую систему договоров многочисленные (их более 50) двусторонние межгосударственные договоры Монголии. Следует отметить, что Монголия ведет активную деятельность по разработке и заключению двусторонних международных договоров с отдельно взятыми государствами, в которых отдельно оговаривались вопросы экстрадиции.

Двусторонние договоры о правовой помощи и правовых отношениях по уголовным делам, в которых регламентированы вопросы выдачи, заключены с Болгарией (1975 г.), Венгрией (1958 г., с Протоколом 1971 г.), Вьетнамом (1981 г., 1998 г.), КНДР (1957 г.), Кубой (1984 г.), Россией (1988 г., 1999 г.), Польшей (1957 г., с Протоколом 1980 г., 1997 г.), Румынией (1958 г.), Чехословакией (1982 г.), а также договоры о выдаче с Китаем (1995 г.) и Индией (1998 г.).

Вместе с тем, Монгольским государством были заключены и отдельные международные двусторонние договоры, посвященные только вопросам экстрадиции. Например, такие договоры о выдаче лиц были заключены Монголией с Китайской Народной Республикой (ратифицирован 1996 г.), с Индией (ратифицирован 2000 г.).

В ч. 2 ст. 403 УПК Монголии отмечается, что иностранные граждане и лица без гражданства, совершившие преступление вне пределов Монголии и находящиеся на ее территории, могут быть выданы иностранному государству для привлечения к уголовной ответственности или для отбывания наказания в соответствии с международным договором Монголии. Кроме того, в Конституции Монголии, содержится запрет выдачи гражданина Монголии, совершившего преступление на территории иностранного государства.

Характерной особенностью правового реагирования выдачи лица в Монголии является и то, что основная, ведущая функция по исполнению ходатайств о выдаче (проведение проверок, подготовка соответствующих документов и, наконец, принятие решения об удовлетворении либо об отказе в удовлетворении таких ходатайств), возложена на Генеральную прокуратуру Монголии и на ее подразделения. Соответственно, при организации оказания такого вида международной правовой помощи, как выдача лица для уголовного преследования или исполнения приговора, органы прокуратуры на местах, помимо положений международных договоров и внутреннего законодательства Монголии, в практической деятельности руководствуется также и требованиями, предусмотренными внутренними ведомственными документами.

В этой связи необходимо упомянуть и о том, что между генеральными прокуратурами ряда стран ближнего и дальнего зарубежья заключены отдель-

ные соглашения о правовой помощи и сотрудничестве. Такие соглашения, в частности, имеются между генеральными прокуратурами Монголии и России (1995 г.), Монголии и Китая (1997 г.).

Из буквального толкования законодательства можно сделать вывод, что экстрадиция – это право, а не обязанность государства. В каждом случае компетентные органы должны рассматривать этот вопрос индивидуально.

Монголия может отказать в выдаче иностранного гражданина или лица без гражданства, если преступление, в связи с которым требуется выдача, совершено полностью или частично на ее территории. При этом не имеет значения, начато совершение деяния или вредные последствия преступления наступили на нашей территории. Не выдается лицо при недостаточности или неубедительности доказательств причастности запрашиваемого лица к совершению преступления, относительно которого поступил запрос о выдаче.

Основные цели экстрадиции:

1) уголовное преследование лица, обвиняемого в совершении преступления, влекущего за собой применение уголовного наказания в виде лишения свободы на срок не менее одного года;

2) исполнение постановленного судом и вступившего в силу приговора, предусматривающего наказание в виде лишения свободы на срок не менее шести месяцев или более тяжкое наказание в отношении лица, не отбывшего данного наказания.

Анализ международно-правовых актов позволяет сделать вывод, что единственным основанием экстрадиции выступает совершение иностранным гражданином или лицом без гражданства экстрадиционного, т.е. влекущего выдачу, преступления. Исходя из принципа «тождественности» (или «двойной криминальности») в таком качестве признается преступление, наказуемое в соответствии с уголовным законодательством запрашивающего и запрашиваемого государств лишением свободы на срок не менее одного года или более строгим наказанием.

Условиями экстрадиции выступают следующие положения:

1) преступление совершено на территории запрашивающего государства, либо направлено против интересов этого государства, либо преступник является гражданином этого государства;

2) лицо, совершившее преступление, находится на территории запрашиваемого государства;

3) запрашиваемое и запрашивающее государства, как правило, являются участниками соответствующего международного договора о выдаче;

4) соблюдается принцип *pop bis in idem*, запрещающий дважды привлекать к ответственности за одно и то же преступление;

5) не истекли сроки давности привлечения к ответственности за совершенное преступление;

6) предоставление запрашиваемому государству, законодательство которого, в отличие от законодательства запрашивающего государства, не предусматривает за совершенное преступление смертную казнь, достаточных гарантий того, что этот вид наказания к выданному лицу применен не будет;

7) преступление не преследуется в порядке частного обвинения (по заявлению потерпевшего) и т.д.¹⁵

¹ *Велчев Б.* Политические преступления в международном уголовном праве // *Международная жизнь.* 1999. №5. С. 79–80.

² *Дашков Г.В., Быкова Е.В.* Проблемы теории и практики экстрадиции (выдачи) в странах СНГ // *Прокурорская и следственная практика.* 1998. № 2. С. 120.

³ *Коняхин В.* Институт экстрадиции: уголовно-правовая регламентация // *Законность.* 2005. № 1. С. 24.

⁴ *Пургина О.В.* Экстрадиция: основания и порядок её осуществления // *Миграционное право* 2009. № 4.

⁵ *Князев А.* Выдача преступника (экстрадиция) // *Законность.* 2006. № 7. С. 21.

⁶ *Валеев Р.М.* Выдача преступников в современном международном праве. Казань, 1976; *Международное уголовное право / Под общ. ред. В.Н. Кудрявцева.* М., 1999. С. 28–29.

⁷ *Уголовное право. Общая часть / Под ред. И.Я. Казаченко.* М., 2000. С. 54.

⁸ *Бойцов А.И.* Выдача преступников. СПб., 2004. С. 205.

⁹ *Лукашук И.И.* Международное право. Особенная часть. М., 1997. С. 261.

¹⁰ *Сайфулов Р.А.* Экстрадиция в уголовном процессе (по материалам МВД и прокуратуры Республики Узбекистан): Автореф. ... канд. юрид. наук. Ташкент, 2001. С. 4.

¹¹ *Минкова Н.В.* Институт выдачи преступников в международном праве: Автореф. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 9.

¹² *Международное уголовное право / Под ред. В.Н. Кудряшова.* М., 1999. С. 237.

¹³ *Шаргородский М.Д.* Уголовный закон. М., 1948. С. 290.

¹⁴ *Чермит А.К.* Институт экстрадиции в Российской Федерации. Майкоп, 2003. С. 177.

¹⁵ *Коняхин В.* Институт экстрадиции: уголовно-правовая регламентация // *Законность* 2005. № 1.

ДОСУДЕБНОЕ ПРОИЗВОДСТВО ПО УПК РФ НАКАНУНЕ ОЧЕРЕДНОЙ РЕФОРМЫ (МНЕНИЕ ПРАКТИКА И УЧЕНОГО)

БОРИС ЯКОВЛЕВИЧ ГАВРИЛОВ,

доктор юридических наук, профессор,

заведующий кафедрой управления

органами расследования преступлений

Академии управления МВД России

Научная специальность 12.00.09 – уголовный процесс

E-mail: profgavrilof@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются актуальные проблемы досудебного производства, в том числе действие институтов возбуждения уголовного дела и предъявления обвинения; дифференциация процессуальных полномочий между прокурором и руководителем следственного органа; роль начальника подразделения дознания в повышении эффективности расследования и ряд других.

Ключевые слова: уголовное дело, возбуждение и отказ в возбуждении уголовного дела, прокурор, руководитель следственного органа, начальник подразделения дознания, обвиняемый, сокращенное дознание, процессуальные сроки расследования.

Annotation. Article is devoted to actual problems of pre-judicial production including to action of institutes of initiation of legal proceedings and charge presentation; differentiations of procedural powers between the prosecutor and the head of investigative body; roles of the chief of division of inquiry in increase of efficiency of investigation and some other.

Keywords: criminal case, excitement and refusal in excitement of the criminal case, prosecutor, head of investigative body, the chief of division of the inquiry, accused, the reduced inquiry, procedural terms of investigation.

Одна из особенностей развития российского права в XXI в. в том, что уголовно-процессуальное право отмечает 150-летие Уставу Уголовного Судопроизводства. Этот период приходится на тот этап развития юридической науки, когда стоит задача выработки концепции дальнейшего развития уголовной политики, в том числе такой ее составляющей, как уголовно-процессуальное право. В свою очередь, постановка этой задачи на Парламентских слушаниях, состоявшихся 18 ноября 2013 г. в Совете Федерации Российской Федерации, обусловлена тем, что за последние годы в законодательство уголовно-правового комплекса были внесены многочисленные изменения и дополнения, не всегда носящие системный характер, а в ряде случаев – и противоречащие нормам действующего законодательства.

На это накладывается и то обстоятельство, что, несмотря на произошедшие в России за три последних десятилетия экономические и социально-правовые изменения, современное уголовное судопроизводство, в том числе его досудебная часть, содержит в своей основе положения принятого более 50-лет назад УПК РСФСР и по-прежнему остается чрезвычайно бюрократизированным, высоко затратным и недостаточно эффективным (ежегодно в суд направляется только каждое третье уголовное дело), в силу чего не способно обеспечить реализацию задач, сформулированных в ст. 6 УПК РФ. Основной

из них, чтобы не говорили по этому поводу, является борьба с преступностью с целью ее удержания на социально терпимом уровне.

При этом законодатель, вследствие оказываемого на него «давления» со стороны правоохранительных и судебных органов, неоднократно допускал принятие в УПК РФ поправок, носящих характер контрреформ (например, фактическое возвращение в УПК РФ положений ст. 205 УПК РСФСР, регламентирующей правила изложения в обвинительном заключении доказательств; расширение оснований возвращения судом уголовного дела прокурору (*фактически, на дополнительное расследование – выделено Б.Г.*) и ряд других) [1, С. 21–24].

При этом необходимо учитывать, что деятельность правоохранительных органов, основную составляющую которых представляют органы внутренних дел, осуществляется в условиях осложнения криминогенной обстановки, обусловленной, в числе других причин, значительным увеличением (с 19,3 млн в 2006 г. до 28,4 млн в 2013 г.) количества зарегистрированных сообщений о преступлениях и иных правонарушениях и, соответственно, возрастанием в 2013 г. объема процессуальной деятельности, которая складывается как из расследованных уголовных дел (1,8 млн), так и процессуальных решений об отказе в возбуждении уголовного дела (6,7 млн).

С учетом изложенного, в первоочередном порядке требуют изменения нормы, регламентиру-

ющие начало производства по уголовному делу; принципиальному пересмотру подлежит институт предъявления обвинения; необходимо введение сокращенного, приближенного к протокольной форме, дознания, в первую очередь, по преступлениям небольшой тяжести, и обеспечение возможности их перевода в уголовные проступки; упорядочение процессуальных сроков расследования в соответствии с введенной в УПК РФ нормой – принципом ст. 6.1 и ряд других.

В числе первоочередных задач требует изменения порядок начала производства по поступившему сообщению о преступлении, в том числе исключение из УПК РФ ст. 148, предоставляющей правоприменителю право отказывать в возбуждении уголовного дела. Ее наличие влечет за собой ряд негативных последствий. Так, решения органов расследования об отказе возбуждения уголовного дела (в 2012–2013 гг., соответственно, по 6,4 млн и 6,7 млн заявлений и сообщений о преступлениях) не только ограничивают конституционное право граждан на доступ к правосудию, но и, зачастую, нарушают закон. От 25% до 40% таких решений ежегодно признаются незаконными или необоснованными и отменяются. Следует также учитывать и нерациональность затрат, связанных с принятием процессуальных решений об отказе в возбуждении уголовного дела. В 2013 г. их количество с отмененными и повторно вынесенными составило порядка 11 млн, что эквивалентно затратам (на государственном уровне нигде не учитываемым) труда порядка 30 тыс. сотрудников органов дознания и следствия, не считая затрат десятков миллионов рублей на бумагу, почтовые расходы.

Хотя количество возбужденных уголовных дел после отмены процессуальных решений об отказе в возбуждении уголовного дела остается незначительным (7–8%), однако за 20 лет оно возросло почти в 7 раз (с 32,5 тыс. в 1991 г. до 215,3 тыс. в 2013 г.).

Последствия отказа в возбуждении уголовного дела заключаются и в том, что до 3–3,5 тыс. сотрудников органов внутренних дел, которые принимали указанные процессуальные решения, ежегодно в предшествующие годы привлекались к уголовной ответственности, а всего в 2013 г. допущено 530,3 тыс. нарушений учетно-регистрационной дисциплины и статистической работы, за совершение которых 44 тыс. сотрудников привлечены к ответственности.

При выработке нами предложений об исключении из УПК РФ института отказа в возбуждении уголовного дела учитывалось, что ни Устав уголовного судопроизводства 1864 г., ни УПК РСФСР 1923 г. его не предусматривали, отсутствует он и в зарубежном процессуальном законодательстве, за исключением ряда государств бывшего СССР.

Возбуждение уголовного дела. Обусловленность по УПК РФ начала расследования по заявлению, сообщению о преступлении вынесением постановления о возбуждении уголовного дела заведомо влечет за собой ограничение доступа граждан к правосудию, поскольку принятие следователем, дознавателем, органом дознания таких решений за последние годы сократилось почти в три раза (с 16,9% в 2006 г. до 6,0% за 2013 г.).

	2006	2009	2010	2011	2012	2013
Всего зарегистрировано заявлений, сообщений о преступлениях, млн	19,3	22,8	23,9	24,7	26,4	28,4
Возбуждено уголовных дел, млн	3,3	2,4	2,2	2,0	1,9	1,78
В т.ч. удельный вес к числу зарегистрированных заявлений, сообщений	16,9 %	10,7 %	9,0%	8,0%	7,2%	6,0%

О складывающейся негативной практике свидетельствует и соотношение удельного веса процессуальных решений о возбуждении уголовного дела к числу решений об отказе в возбуждении уголовного дела, который за последние 20 лет сократился в 8 раз.

Период	Возбуждено уголовных дел	Количество «отказных» материалов	Удельный вес к возбужденным делам, %
1992	2,8 млн	1,3 млн	47,7 %
2002	2,5 млн	3,8 млн	148,4 %
2010	2,2 млн	6,0 млн	272,7%
2012	1,9 млн	6,4 млн	336,8%
2013	1,8 млн	6,7 млн	380%

В результате показатель преступности в России ежегодно колеблется в зависимости от требований МВД России и Генеральной прокуратуры РФ к соблюдению учетно-регистрационной дисциплины от +32,7% в 1989 г. до –14,9% в 2002 г. Последствия этого приобрели гипертрофированный характер в форме так называемого «административного» фактора регулирования показателей преступности, на что автор в последние 10 лет обращал особое внимание [2, С. 20–35]. Для сравнения, в Германии за последние 10 лет ежегодные изменения преступности при ее количественной составляющей 6,5 млн в

год не превышают 1–1,5%.

Изложенное позволяет констатировать необходимость срочного изменения порядка начала производства расследования путем исключения процессуальной нормы о возбуждении уголовного дела. Так, ст. 303 Устава уголовного судопроизводства 1864 г. [8] устанавливала, что «жалобы почитаются достаточным поводом к начатию следствия. Ни судебный следователь, ни прокурор не могут отказать в том лицу, потерпевшему от преступления или проступка»*. Указанные предложения автора включены в Дорожную карту дальнейшего реформирования органов внутренних дел и положены в основу подготовленного в МВД России с непосредственным участием автора проекта соответствующего федерального закона.

Пересмотр процессуального порядка предъявления обвинения. Необходимо признать, что Устав Уголовного Судопроизводства не предусматривал института привлечения лица в качестве обвиняемого. Его потребность обуславливается тем, что на протяжении десятилетий предъявление обвинения являлось правовым основанием (моментом) допуска защитника к участию в уголовном деле. Однако, сегодня, в соответствии с требованиями ст.ст. 46 и 49 УПК РФ, участие защитника в уголовном деле предусмотрено не только с момента его возбуждения в отношении конкретного лица, а, в соответствии с нормами Федерального закона от 4 марта 2013 г. №23-ФЗ, – с момента начала осуществления процессуальных действий с лицом, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении. Кроме того, сегодня по сути нивелирована разница в правовом статусе подозреваемого (ст. 46 УПК РФ) и обвиняемого (ст. 47 УПК РФ).

Одновременно системный анализ УПК РФ в совокупности с решением Конституционного Суда РФ от 16 мая 2007 г. № 6-П [6] о том, что «пределы судебного разбирательства должны определяться обвинением, сформулированным в обвинительном заключении (обвинительном акте)» позволяют сделать предположения о возможности исключения из УПК РФ института предъявления обвинения (ст. 171–175 УПК РФ).

Возможность такого решения подтверждена практикой расследования в форме дознания без предъявления обвинения и последующего судебного разбирательства около 4 млн уголовных дел за 11 лет действия УПК РФ. Этим фактически подтверждена конституционность положений УПК РФ об обвинении в форме обвинительного акта.

Кроме того, в соответствии с решениями Европейского Суда по правам человека, например, гр. Экле против Германии [7], термину «обвинение» должно придаваться содержательное, а не формальное (как в настоящее время по УПК РФ) значение.

Понятие «обвинение» может быть определено как официальное уведомление лица компетентным органом государственной власти о наличии предположения о том, что этим лицом совершено уголовно-наказуемое правонарушение. Более подробно данная проблема была обсуждена на круглом столе Академии управления МВД России [4, С. 9–16].

О реализации Федерального закона от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ [9]. Внесение указанным Законом принципиальных изменений в процессуальный статус прокурора в досудебном производстве способствовало, по мнению автора, улучшению показателей качества и сроков следствия, сокращения числа лиц, незаконно, необоснованно привлеченных к уголовной ответственности, в том числе содержащихся под стражей, особенно по уголовным делам, расследованным следователями органов прокуратуры. Это подтверждается приведенными ниже сравнительными статистическими данными о результатах работы следователей в период действия УПК РСФСР и УПК РФ, в том числе до и после внесения в УПК РФ изменений Федеральным законом № 87-ФЗ.

Период	Число оправданных судом лиц, в том числе на 1000 обвиняемых по направленным в суд делам, из них незаконно, необоснованно содержащихся под стражей			
	Следователи МВД	Из них содержалось под стражей	Следователи прокуратуры и СК РФ	Из них содержались под стражей
2006	1372 – 2,0	524	1885 – 18,0	954
2007	1191 – 1,8	364	1417 – 11,9	742
2008	954 – 1,5	316	966 – 8,0	595
2009	721 – 1,3	362	796 – 7,0	518
2010	878 – 1,8	639	801 – 8,0	534
2011	699 – 1,6	399	658 – 7,0	368
2012	553 – 1,3	260	615 – 6,0	364
2013	509 – 1,3	250	654 – 5,8	411

Период	Возвращено прокурором уголовных дел для дополнительного расследования				Возвращено дел судом для доследования и судом прокурору в порядке ст. 237 УПК	
	Следователям МВД	Удельный вес, %	След. прокуратуры и СК РФ	Удельный вес, %	Всем органам расследования	В том числе следователям/удельный вес, %
1999	21249	2,7	1102	1,4	41340	34209 – 4,0%
2000	19502	2,6	833	1,0	37106	31381 – 3,7%

2006	18373	3,3	1286	0,8	35930	–
2007	17557	3,2	1860	1,6	33300	–
2008	17573	3,5	3524	3,2	26502	20955 – 3,6%
2009	17652	3,8	3664	3,5	12163	8952 – 1,6%
2010	18089	4,4	2640	2,8	11141	7816 – 1,6%
2011	18560	4,8	3118	3,5	7689	5962 – 1,3%
2012	17908	4,9	3873	3,7	6227	4930 – 1,1%
2013	15104	4,3	4029	3,9	5992	4689 – 1,1%

Сокращенная форма дознания. Значительная роль в совершенствовании досудебного производства придается дифференциации расследования – «дознания в сокращенной форме» [10]. Введенный Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ данный порядок расследования вызвал у правоприменителей и ученых ряд вопросов (публикации С.И. Гирько, Н.Н. Ковтуна [3, с. 47-49] и др.). Как следствие ежеквартально в 2013–2014 гг. оканчивалось расследованием с направлением в суд чуть более 3 тыс. уголовных дел, хотя их количество под расследование в указанной форме подпадало порядка 50 тыс.

В свою очередь, автором высказывается предложение о том, что расследование должно производиться по протокольной форме досудебной подготовки в отношении конкретного лица, признавшего факт совершения преступления, обстоятельства которого очевидны и не требуют производства всего комплекса следственных действий. При этом дознание должно предусматривать ограничение перечня следственных действий допросом подозреваемого и потерпевшего. Проведение экспертизы предусматривается лишь в случаях, оговоренных п. 2 ст. 196 УПК РФ. К материалам уголовного дела подлежит приобщению справка о судимости для определения судом вида уголовного наказания. Подозреваемый подлежит задержанию в порядке ст.ст. 91, 92 УПК РФ и в течение 48 часов уголовное дело предлагается направлять прокурору для утверждения обвинительного протокола и передачи его в суд. Последний, в соответствии с требованиями ч. 7 ст. 108 УПК РФ, с учетом внесения в нее необходимых изменений, продлевает срок задержания до 72 часов, в течение которых рассматривает уголовное дело. В случае невозможности рассмотрения уголовного дела в сокращенной форме, суд возвращает его прокурору для расследования в общем порядке. При этом дознание производится как дознавателем, так и иным должностным лицом органа дознания (полиции).

Данная новация способна существенно повысить эффективность процессуальной деятельности органов предварительного расследования и судебной системы, обеспечить незамедлительную защи-

ту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, при сохранении уровня гарантий прав личности от незаконного и необоснованного обвинения.

Совершенствование процессуального контроля и прокурорского надзора за расследованием уголовных дел в форме дознания. Реальная возможность совершенствования процессуального контроля по данной категории уголовных дел создалась в связи с принятием Федерального закона от 6 июня 2007 г. №90-ФЗ [11], которым впервые за 80-ти летний период действия в России кодифицированного уголовно-процессуального законодательства в него введена процессуальная фигура начальника подразделения дознания с процессуальными полномочиями, аналогичными начальнику следственного отдела (в редакции УПК РФ 2001 г.).

С его принятием возрос уровень прокурорского надзора, о чем свидетельствуют складывающиеся тенденции усиления прокурорского надзора за качеством расследования уголовных дел в форме дознания:

- в 5 раз (с 7344 в 1999 г. или 1,7% к направленным в суд делам до 1303 в 2012 г. или 0,37%) сократилась доля уголовных дел, направленных судом прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ;

- уменьшилось число оправданных судами (с 651 лица в 1999 г. до 183 – в 2013 г., а их доля на 1 тыс. обвиняемых по направленным в суд делам составила в 2013 г. – 0,52 против 1,52 – в 1999 г.) и многократно сократилось число оправданных и реабилитированных, содержащихся под стражей (с 60 лиц в 1999 г. до 17 – в 2013 г.).

Приведенные данные свидетельствуют как о качественно ином уровне требований прокуроров к состоянию законности, так и о необходимости совершенствования процессуального контроля со стороны начальников подразделений дознания путем передачи им полномочий от прокурора, по аналогии с руководителем следственного органа.

Избрание меры пресечения в отношении лиц, скрывшихся от органов расследования и объявленных в федеральный розыск. Требуется внесения в УПК РФ принципиальных изменений и порядок заключения по стражу подозреваемых, обвиняемых, скрывшихся от следствия и объявленных в федеральный розыск, число которых достигло на 1 января 2014 г. 148 тыс., в том числе 55 тыс. числится за судом.

Действующий порядок избрания меры пресечения, не допускающий заочного вынесения судом решения о заключении под стражу, за исключением обвиняемого, объявленного в международный розыск (ч. 5 ст. 108 УПК РФ), соответствует положениям Конституции РФ и Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод, предоставляющим задержанному лицу право предстать

перед судом незамедлительно после задержания.

С учетом этого предлагается предоставить суду по месту расследования уголовного дела возможность заочного вынесения решения (с участием защитника) о заключении объявленных в федеральный розыск подозреваемых, обвиняемых под стражу. Одновременно в УПК РФ следует предусмотреть процессуальный механизм, который предоставляет лицу, объявленному в федеральный розыск и задержанному вне места производства предварительного расследования, в течение 48 часов с момента фактического задержания предстать перед федеральным судьей ближайшего районного суда по месту фактического задержания для допроса с целью установления личности задержанного и проверки, не отменено ли ранее вынесенное решение суда о заключении его под стражу, а после доставления к месту производства предварительного расследования – в течение 48 часов предстать перед судом (судьей), избравшим меру пресечения для решения вопроса о возможности ее изменения.

Изложенное позволяет автору констатировать необходимость внесения существенных изменений в законодательство уголовно-правового комплекса, которое сегодня не обеспечивает реализацию правоохранительными органами, в том числе полицией, требований о повышении эффективности борьбы с преступностью.

Указанные предложения по изменению законодательства неоднократно озвучивались учеными и практическими работниками [5], в том числе в материалах конференций Академии управления МВД России. Необходимы и другие изменения. Тем более, что законодатель Украины с учетом изложенных выше предложений по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства многие проблемы досудебного производства уже разрешил в новом УПК, вступившем в действие с 20 ноября 2012 г., исключив из него процессуальные нормы о возбуждении уголовного дела, об отказе в возбуждении уголовного дела, институт предъявления обвинения с заменой его на уведомление о подозрении и, внося ряд других изменений. По аналогичному пути, вероятно, будет развиваться и уголовно-процессуальное законодательство Казахстана, парламент которого приступил к обсуждению проекта нового УПК. Дело за российскими учеными и законодателем.

Литература

1. Гаврилов Б.Я. Современная уголовная политика России: цифры и факты. Монография. М., 2008. С. 21–24.
2. Гаврилов Б.Я. Латентная преступность: понятие, структура, факторы латентности и меры по обеспечению достоверности уголовной статистики. Монография. М.: Проспект, 2007. С. 20–35.
3. Ковтун Н.Н. Дознание в сокращенной форме: коллизии и лакуны нормативного регулирования // Российская юстиция. 2013. № 12. С. 47–49.
4. Материалы круглого стола: Предъявление обвинения в уголовном судопроизводстве будет отменено? // Юридический консультант. 2010. № 3. С. 9–16.
5. Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Проблемы современного состояния и пути развития органов предварительного следствия (к 150-летию образования в России следственного аппарата)», 28–29 мая 2010 г. // Российский следователь. 2010. № 15. С. 2–48; материалы Всероссийской научно-практической конференции «Правовое и криминалистическое обеспечение управления органами расследования преступлений», 26 мая 2011 г. // Российский следователь. 2011. № 16. С. 2–39.
6. По делу о проверке конституционности положений ст. 237, 413 и 418 УПК РФ в связи с запросом президиума Курганского областного суда: Постановление Конституционного суда РФ от 16 мая 2007 г. № 6-П // СЗ РФ. 2007. № 24. Ст. 2830.
7. Решение от 15 августа 1982 г. по делу «Экле (Eckle) против Федеративной Республики Германии» (жалоба № 8130/78) // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. М.: НОРМА, 2000.
8. Российское законодательство X–XX веков. Т. 8. Судебная реформа. М.: Юрид. лит., 1991. С. 150.
9. Федеральный закон от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» // СЗ РФ. 2007. № 24. Ст. 2830.
10. Федеральный закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в ст.ст. 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2013. № 9. Ст. 875.
11. Федеральный закон от 6 июня 2007 г. № 90-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2007. № 24. Ст. 2833.

* Содержание ст. 311 Устава Уголовного Судопроизводства о том, что прокурор и его товарищи могут возбудить дело не означает наличия в Уставе специальной правовой нормы для реализации этого права, как это имеет место в уголовном процессе России, начиная с УПК РСФСР 1960 г.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПОРЯДКА
РАССМОТРЕНИЯ КАССАЦИОННОЙ ЖАЛОБЫ
ИЛИ КАССАЦИОННОГО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ
ПРОКУРОРА

ВАСИЛИЙ СЕРГЕЕВИЧ ЖЕЛОНКИН,

Аспирант Российской Правовой Академии

при Министерстве Юстиции Российской Федерации

Научная специальность 12.00.09 – уголовный процесс

Рецензент: доктор юридических наук, профессор Водин Р.Д.

E-mail: zhelonkinvasiliy@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена проблемам правового регулирования порядка рассмотрения кассационной жалобы, кассационного представления на вступившее в силу судебное решение. Проводится сравнительное исследование действующих положений о кассационном производстве с ранее действовавшими нормами, регулировавшими надзорное производство. В ходе анализа законодательства и правоприменительной практики выявлены пробелы и упущения в правовом регулировании порядка рассмотрения кассационной жалобы, кассационного представления. Предложены направления совершенствования действующего уголовно-процессуального законодательства.

Ключевые слова: кассационное производство; право на обращение в суд кассационной инстанции; кассационная жалоба, представление; рассмотрение кассационной жалобы, представления; субъект изучения кассационной жалобы, представления; судебное решение; отказ в передаче кассационных жалобы, представления.

Annotation. The article investigates the legal regulation of consideration order of cassation appeal which has entered into force by the court decision. Herein a comparative study is being conducted whereas existing provisions of the appeal proceedings are being set against previously applicable regulations governing regulatory review proceedings. While analysing legislation and law enforcement practices we were able to identify several gaps and omissions found in legal regulation of the order of the appeal hearing and submission of the latter. In this article we propose several ways to improve criminal law procedures.

Keywords: the appeal proceedings; right to appeal to the court of cassation; cassation appeal; regulatory review proceedings; consideration order of cassation complaint submission; study subject of the appeal, representation; judgment; refusal to transfer cassation complaint representation.

Рассмотрение кассационной жалобы, представления предваряется ее изучением судьей единолично, что соответствует назначению производства по пересмотру вступивших в силу судебных решений как исключительной стадии процесса [1]. В соответствии со ст. 401.7 УПК РФ, кассационные жалобы и представления, поданные в президиум верховного суда республики, краевого или приравненного к нему суда, предварительно изучаются судьей соответствующего суда, а жалобы и представления, поданные в Судебную коллегия по уголовным делам или Военную коллегия Верховного Суда РФ – судьей Верховного Суда РФ. При этом по результатам изучения кассационных жалобы или представления судья может вынести постановление:

1) об отказе в передаче кассационных жалобы, представления для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции, если отсутствуют основания для пересмотра судебных решений в кассационном порядке;

2) о передаче кассационных жалобы, представления с уголовным делом для рассмотрения в судеб-

ном заседании суда кассационной инстанции (ч. 2 ст. 401.8 УПК РФ).

Следует обратить внимание на некоторую несогласованность терминологии, используемой законодателем для обозначения этапа, на котором кассационная жалоба, представление предварительно рассматривается судьей для решения вопроса о ее передаче в суд кассационной инстанции. В наименовании ст.ст. 401.8 и 401.9 УПК РФ употребляется термин «рассмотрение кассационных жалобы, представления», в то время как в тексте ст. 401.8 УПК РФ речь идет об «изучении кассационных жалобы, представления», а не о рассмотрении; в тексте ст. 401.7 УПК РФ также говорится о том, что кассационные жалоба, представление «изучаются».

В целях упорядочения и обеспечения единообразия терминологии закона, полагаем целесообразным изменить редакцию наименования ст.ст. 401.8 и 401.9 УПК РФ следующим образом:

• озаглавить ст. 401.8 как «Предварительное рассмотрение (изучение) кассационных жалобы, представления»;

• озаглавить ст. 401.9 как «Сроки предварительного рассмотрения (изучения) кассационных жалоб, представления».

В юридической литературе высказано мнение, что с введением Федеральным законом от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ в УПК РФ этапа предварительного рассмотрения кассационной жалобы или представления и предоставлением судье права отказа в передаче кассационных жалобы, представления для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции само кассационное производство «в значительной степени утратило характер диспозитивного для сторон средства судебной защиты. Если ранее заявление надлежащим субъектом кассационной жалобы автоматически означало ее рассмотрение этой инстанцией, то теперь на усмотрение сторон отведена лишь подача жалобы» [8, 691].

Однако, сравнение действующего кассационного производства – т.е. производства по пересмотру вступившего в силу судебного решения, с ранее действовавшим кассационным производством – т.е. с производством по пересмотру не вступившего в силу судебного решения, нельзя признать обоснованным; оно не позволяет выявить тенденции в развитии правового регулирования пересмотра вступивших в силу приговоров, постановлений, определений суда.

Сравнение же действующего кассационного производства с ранее действовавшим надзорным производством показывает, что введение законодателем этапа предварительного изучения судьей кассационной жалобы, представления, не является кардинальной новеллой, а представляет собой логическое развитие положений действовавшего уголовно-процессуального законодательства, регулировавших процедуру рассмотрения надзорных жалоб и представлений на вступивший в силу приговор суда.

Субъектом изучения кассационной жалобы, представления закон определяет судью соответствующего суда, причем, из содержания ст.ст. 401.7 и 401.8 УПК РФ вытекает что, судья, уполномоченный изучать жалобу (представление), не обязательно должен являться членом президиума верховного суда республики, краевого или приравненного к нему суда (если жалоба или представление подается в президиум этого суда) или членом Судебной коллегии по уголовным делам, либо Военной коллегии Верховного Суда РФ (если жалоба или представление подается в Верховный Суд РФ). Тем самым законодатель фактически наделяет судью, не являющегося судьей кассационной инстанции, правом предрешать судьбу кассационной жалобы.

Такое решение представляется спорным. Согласно ч. 1 ст. 47 Конституции РФ, никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом. Однако, возможность того, что решение об

отказе в передаче кассационных жалобы, представления для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции, будет принято судьей, не являющимся судьей кассационной инстанции, означает, что в таком случае судья принимает решение по делу, которое ему неподсудно, чем нарушаются указанные требования Конституции РФ.

Ранее действовавшая применительно к надзорному производству аналогичная норма УПК РФ наделяла полномочиями по изучению надзорной жалобы (представления) и определения ее судьбы судью именно надзорной инстанции. Это вытекало из содержания ч. 1 ст. 406 УПК РФ устанавливавшей, что надзорные жалоба или представление рассматриваются судом надзорной инстанции. Полагаем, что российскому законодателю следует вернуться к прежнему решению данного вопроса.

Председатель Верховного Суда РФ, а также его заместитель вправе, в случае несогласия с постановлением судьи Верховного Суда РФ об отказе в передаче кассационной жалобы или представления для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции, вынести постановление об отмене такого постановления и о передаче кассационных жалобы, представления с уголовным делом для рассмотрения в судебном заседании соответствующего суда кассационной инстанции (ч. 3 ст. 401.8 УПК РФ). Однако, вне сферы регулирования оказался вопрос о возможности отмены аналогичного решения судьи верховного суда республики, краевого или приравненного к нему суда: процедуру, направленную на преодоление единоличного решения судьи об отказе в удовлетворении кассационной жалобы или представления, новая редакция УПК РФ не предусмотрела.

Данное решение российского законодателя вызвало критику в научной юридической литературе [4, 63; 5, 132]. Ранее действовавший порядок обжалования вступивших в силу решений суда (надзорное производство) допускал возможность отмены решения судьи любой надзорной инстанции об отказе в удовлетворении надзорной жалобы. Согласно ч. 4 ст. 406 УПК РФ в прежней редакции, председатель верховного суда республики, краевого или областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области и суда автономного округа, Председатель Верховного Суда Российской Федерации либо его заместители вправе не согласиться с решением судьи об отказе в удовлетворении надзорных жалобы или представления. В этом случае он отменяет такое решение и выносит соответствующее постановление. Следует отметить, что Конституционный Суд РФ, рассмотрев указанные полномочия председателя суда надзорной инстанции, указал: «Часть четвертая статьи 406 УПК Российской Федерации, наделяющая председателя суда надзорной инстанции при его несогласии с решением судьи об отказе в удовлетворении надзорных жа-

лобы или представления полномочиями отменить такое решение судьи и вынести постановление о возбуждении надзорного производства и передаче надзорной жалобы (представления) на рассмотрение суда надзорной инстанции, не нарушает право граждан на судебную защиту, а, напротив, направлена на обеспечение его реализации, поскольку устанавливает дополнительный механизм возбуждения производства в надзорной инстанции» [2].

Свою трактовку ранее действовавшего права председателя президиума суда надзорной инстанции и Председателя Верховного Суда РФ отменять решение судьи об отказе в удовлетворении надзорной жалобы, представления, дал Верховный Суд РФ. Верховный Суд РФ полагает, что «Председатель Верховного Суда Российской Федерации и его заместители, председатель верховного суда республики, краевого или областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области и суда автономного округа, председатель окружного (флотского) военного суда по смыслу статьи 406 УПК РФ во взаимосвязи с положениями статьи 15 УПК РФ вправе реализовать свои процессуальные полномочия в надзорном производстве лишь в случае внесения в суд надзорной инстанции жалобы или представления, в которых оспаривается правильность выводов судьи, решением которого в их удовлетворении было отказано. При этом рассмотрению подлежат как жалоба или представление, оставленные ранее судьей без удовлетворения, так и жалоба или представление, в которых оспаривается решение судьи, при условии, что они отвечают требованиям статьи 375 УПК РФ» [3]. Такое толкование представляется расширительным. Следует согласиться с А.В. Смирновым, который считает, что «справедливость данного разъяснения вызывает сомнение» [7, 865]. Законодатель не обусловил возможность отмены решения судьи об отказе в удовлетворении надзорной жалобы (в старой редакции УПК РФ, или кассационной жалобы в новой редакции УПК РФ) фактом внесения в суд надзорной инстанции жалобы или представления, в которых оспаривается правильность выводов судьи. В то же время, учитывая Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11 января 2007 г. № 1, закрепившее указанную позицию Верховного Суда РФ, является действующим, полагаем необходимым указать непосредственно в уголовно-процессуальном законе положение о том, что председатель суда кассационной инстанции вправе отменять решение нижестоящего судьи об отказе в удовлетворении кассационной жалобы как по просьбе субъекта обжалования, так и по своей инициативе.

Полномочия председателя суда кассационной инстанции отменять решения судьи об отказе в удовлетворении кассационных жалобы или представления направлены на обеспечение прав граждан на судебную защиту и их необходимо закрепить в действующем уголовно-процессуальном законе. В

связи с этим ч. 3 ст. 401.8 УПК РФ целесообразно изложить в следующей редакции:

«3. Председатель Верховного Суда Российской Федерации, его заместитель, председатель президиума верховного суда республики, краевого или областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области, суда автономного округа, окружного (флотского) военного суда, их заместители вправе не согласиться с постановлением нижестоящего судьи об отказе в передаче кассационных жалобы, представления для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции и вынести как по собственной инициативе, так и по просьбе субъекта кассационного обжалования, указанного в частях первой и второй статьи 401.2 настоящего Кодекса, постановление об отмене такого постановления и о передаче кассационных жалобы, представления с уголовным делом для рассмотрения в судебном заседании соответствующего суда кассационной инстанции».

О решении судьи о передаче кассационных жалобы, представления с уголовным делом для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции должны быть извещены лица, участвующие в деле.

В соответствии с ч. 1 ст. 401.12 УПК РФ, суд кассационной инстанции направляет лицам, интересы которых затрагиваются жалобой или представлением, копии постановления о передаче кассационных жалобы, представления с уголовным делом для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции и копии кассационных жалобы, представления. Такая формулировка данной нормы представляется не вполне четкой и определенной и несет в себе скрытую возможность нарушения законных прав и интересов субъектов кассационного обжалования.

Мы не можем согласиться с мнением А.В. Смирнова, что под указанными в ч. 1 ст. 401.12 лицами, интересы которых затрагиваются кассационной жалобой или представлением, «следует понимать лиц из состава того круга субъектов, которые вправе подавать кассационные жалобы или представления» [6], т.е. лиц, указанных в ст. 401.2 УПК РФ. Используемое законодателем понятие «лицо, интересы которого затрагиваются жалобой или представлением» не совпадает с понятием «лицо, имеющее право на обращение в суд кассационной инстанции» или «субъект кассационного обжалования» и не полностью охватывает их.

Прежде всего, строго говоря, к лицам, интересы которых затрагиваются жалобой или представлением, не может быть отнесен прокурор, поскольку прокурор не имеет своего интереса в уголовном деле, а призван осуществлять от имени государства уголовное преследование в ходе уголовного судопроизводства, а также надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия (ч. 1 ст. 37 УПК РФ). Между тем, согласно

ч. 2 ст. 401.13 УПК РФ, в судебном заседании при рассмотрении уголовного дела по кассационным жалобе, представлению участие прокурора обязательно, и, следовательно, обязанность кассационного суда направить прокурору копию постановления о передаче кассационных жалобы, представления с уголовным делом для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции и копию кассационной жалобы, а также известить его о дате, времени и месте рассмотрения уголовного дела по кассационным жалобе, представлению, должна быть особо закреплена в уголовно-процессуальном законе.

Также не имеют своего особого интереса в уголовном деле представители осужденного, оправданного, потерпевшего, частного обвинителя, гражданского истца и гражданского ответчика, а потому их интересы не могут затрагиваться кассационными жалобами и представлениями. Следовательно, исходя из буквального толкования ст. 401.12 УПК РФ, кассационный суд не обязан извещать представителей указанных участников уголовного судопроизводства о передаче кассационных жалобы, представления для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции, даже в том случае, когда кассационная жалоба была подана самим представителем соответствующего участника уголовного судопроизводства в порядке реализации права, предоставленного ему ст. 401.2 УПК РФ.

Поэтому полагаем необходимым прямо указать в ч. 1 ст. 401.12 УПК РФ в качестве субъектов, которые должны быть извещены о судьбе кассационной жалобы, всех лиц, указанных в ст. 401.2 УПК РФ.

Таким образом, действующее законодательное регулирование процедуры извещения участников уголовного судопроизводства о судьбе поданных ими кассационных жалоб или представлений нуждается в совершенствовании. В частности, необходимо более четко определить круг лиц, имеющих право на извещение о судьбе кассационной жалобы или представления, а также законодательно закрепить обязанность судьи извещать этих лиц об отказе в передаче кассационной жалобы или представления для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции.

Анализ особенностей правового регулирования порядка рассмотрения кассационной жалобы или кассационного представления прокурора действующим уголовно-процессуальным законодательством показывает, что кардинально изменив концепцию кассационного производства, российский законодатель не избежал упущений в его правовом регулировании, в частности, в правовом регулировании порядка рассмотрения кассационных жалобы, представления.

Совершенствование уголовно-процессуального законодательства в этой области должно осуществляться, на наш взгляд, по следующим направлениям:

- 1) унификация терминологии, использование более точных и строгих терминов;
- 2) ограничение круга судей, имеющих право изучать кассационные жалобы и представления, строго судьями суда кассационной инстанции;
- 3) расширение полномочий Председателя Верховного Суда РФ, его заместителя, председателя президиума верховного суда республики и приравненных к нему судов, их заместителей по отмене постановлений нижестоящих судей об отказе в передаче кассационных жалобы, представления для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции;
- 4) более четкое определение круга лиц, которые должны извещаться о судьбе кассационных жалобы и предложения по результатам ее изучения судьей, и расширение их прав, предусмотрев также право на получение копии постановления об отказе в передаче кассационных жалобы, представления для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции.

Литература

1. Определение Конституционного Суда РФ от 29 сентября 2011 г. № 1228-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лыкосова Максима Викторовича на нарушение его конституционных прав ст. 406 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».
2. Определение Конституционного Суда РФ от 16 ноября 2006 г. № 547-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Ерастова Алексея Анатольевича на нарушение его конституционных прав ст. 109, ч. 1 ст. 125, ст. 162 и ч. 4 ст. 406 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Справочная правовая система «Консультант Плюс».
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11 января 2007 г. № 1 «О применении судами норм главы 48 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих производство в надзорной инстанции».
4. Аширбекова М.Т., Омарова А.С. Новая кассация в приезде действия принципа правовой определенности // Российская юстиция. 2012. № 6.
5. Лазарева В.А. Апелляция, кассация, надзор: анализ формы // Апелляция, кассация, надзор: новеллы ГПК РФ и УПК РФ. Первый опыт критического осмысления / Под ред. Н.А. Колоколова. М., 2011.
6. Смирнов А.В. Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу. URL: // <http://law-znatock.ru/docs/index-1604.html?page=37> (30.08.2013).
7. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Под общ. ред. А.В. Смирнова. М., 2009.
8. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс. М., 2012.

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ
КОММУНИКАЦИИ В ЦЕЛЯХ ПОЛУЧЕНИЯ СВЕДЕНИЙ
ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОГО ЗНАЧЕНИЯ
ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ**

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ КАЗНАЧЕЙ,

адъюнкт кафедры уголовного процесса Волгоградской академии МВД России

Научная специальность 12.00.09 – уголовный процесс

Научный руководитель: заслуженный юрист России, профессор,

кандидат юридических наук, профессор

Волгоградской академии МВД России, Назаров С.Д.

Рецензент: доктор юридических наук, профессор Шматов М.А.

E-mail: 2013ivk@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены вопросы использования технических средств коммуникации при производстве следственных действий. Выявлены особенности закрепления результатов, полученных с помощью технических средств коммуникации при составлении протокола следственного действия. Уделено внимание необходимости унификации положений ст. 166 УПК России, регламентирующей порядок подготовки протокола следственного действия.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, технические средства коммуникации, доказательства, протокол следственного действия.

Annotation. This article deals with the problems of use of technological means of communication during conducting investigative actions. Peculiarities of fixing results obtained with the help of use of technological means of communication during recording investigative actions are touched upon in the article. Attention is also paid to the necessity of unification of provisions of the Article 166 of the Criminal Procedure Code of Russia, which regulates rules of drawing up a report of an investigative action.

Keywords: legal proceeding, technological means of communication, evidence, report of an investigative action.

При детальном исследовании в рамках уголовного судопроизводства процессуального порядка производства следственных действий с использованием технических средств обращает на себя внимание факт отсутствия терминологического описания самих понятий «технические средства» и «следственные действия». Не обозначены эти термины в виду их отсутствия в контексте ст. 5 УПК РФ, устанавливающей перечень основных понятий, применяемых в уголовном судопроизводстве.

По мнению Б.Т. Безлепкина, следственные действия – это такие процессуальные действия органа расследования по уголовному делу, которые подчинены задаче обнаружения, собирания, закрепления и проверки доказательств, иначе говоря, действия по доказыванию на досудебных стадиях уголовного судопроизводства [1, С. 249]. С.А. Шейфер отмечает, что следственное действие в познавательном аспекте выступает как способ собирания (формирования) доказательств и представляет собой регламентированный уголовно-процессуальным законом и осуществляемый следователем комплекс познавательных и удостоверительных операций, соответствующих особенностям определенных следов и приспособленных к эффективному отысканию, восприятию и закреплению содержащейся в них

доказательственной информации, т.е. получению соответствующего вида доказательств [2, С. 19.]. В.Т. Очередин, закрепляя собственное видение процессов, предшествующих формированию доказательств посредством следственных действий, указывает, что под ними правильно понимать: «процессуальные действия познавательно-исследовательского характера, регламентированные уголовно-процессуальным законом, производство которых осуществляется дознавателем, следователем и судом в досудебном и судебном производстве с целью обнаружения, изъятия и проверки доказательств, их исследования и использования по уголовному делу при принятии решений» [3, С.11.].

В каждом из представленных авторских определений, наглядно прослеживается основная задача следственного действия ориентированная на получение различных видов доказательств, в том числе с использованием специализированного оборудования. Предполагаемое использование, само по себе устанавливает необходимость корректного законодательного закрепления понятий «следственные действия» и «технические средства коммуникации», с обозначением взаимосвязанной процессуальной формулировки обоих понятий по отношению к процессу доказывания.

В условиях реформирования уголовно-процессуального законодательства представляется необходимым следующее.

1. *Сформулировать понятие «технические средства коммуникации», применимое к современным реалиям.*

Исторически сложившееся состояние понятийного аппарата уголовного судопроизводства характеризуется тем, что в настоящее время законодатель применяет в УПК РФ разнообразные формулировки, связанные с использованием технических средств коммуникации. К ним относятся: «технические средства фиксации» – ч. 6 ст. 164, «электронные носители» – п. 5 ч. 2 ст. 82; «автоматизированная информационная система» – ч. 1 ст. 30; «информационно-телекоммуникационная сеть «Интернет»» – п. 4 ч. 7 ст. 107 УПК РФ и т.п. Подобная нечеткость правовой природы технических средств влечет за собой неопределенность их использования и применения субъектами процедуры доказывания в области уголовного процесса, в связи с чем ст. 5 УПК РФ предлагается дополнить п. 54.1, устанавливающим универсальное понятие: «технические средства коммуникации», изложив его в следующей редакции:

«54.1) *Технические средства коммуникации* – средства технического обеспечения процесса сбора, проверки, оценки и использования сведений, полученных из различных источников информации».

2. *Установить взаимосвязь между понятием «технические средства коммуникации» и следственными действиями, указанными в УПК РФ.*

Привлекаемый в рамках следственных действий инструментарий методов познания целенаправленно обращен на соби́рание, использование и изучение конкретных фактов, доказательственных сведений посредством технических средств коммуникации. К часто употребляемым методам относятся: наблюдение, измерение, моделирование, эксперимент, опрос и описание. [4] Принимая изложенную позицию, можно предположить, что любой из представленных методов познания, неотделимо взаимосвязан с современными процессами техногенной эволюции, ориентированной, в первую очередь, на использование технических средств коммуникации в наблюдении, измерении, моделировании, эксперименте, опросе и описании.

Подтверждением объективной взаимосвязи технических средств коммуникации с познавательными методами следственных действий является потребность использования данных средств при производстве следственных действий, что подтверждается ст. 166 УПК России, регламентирующей порядок подготовки протокола следственного действия. В п. 2 данной статьи указано, что протокол может быть изготовлен не только от руки, но и с помощью технических средств без уточнения их

видов, т.е. допуская возможность расширительного толкования. Кроме того, при производстве следственного действия разрешено применять фотографирование, киносъемку, аудио- и видеосъемку для фиксации хода следственного действия, отдельных, наиболее узловых моментов, обнаруживаемых и используемых вещественных доказательств. Основопологающим смыслом использования этих средств является доступность и наглядность воспроизведения процесса производства следственного действия, способного в полной мере заменить ограниченность и шаблонность устоявшегося протокольного описания, с встречающимися замысловатыми оборотами речи или неоконченными предложениями. На этот счет А.А. Леви заметил: «В протоколе фиксируемые мысли в определенной степени шлифуются, оформляются в четкие фразы. Это, с одной стороны, положительный момент, так как благодаря сжато изложению сведений о фактах с протоколом легко ознакомиться. Но, с другой стороны, отбор материала, занесенного в протокол, носит в значительной мере субъективный характер, так как абсолютно точно передать на бумаге содержание сказанного или увиденного практически невозможно; помимо того, каждый человек обычно имеет присущий ему стиль письменного изложения» [5, С. 6.]. Допустимо предположить, что протокол можно изготовить в виде электронного документа, содержащего электронные росписи участников следственного действия, с использованием в виде вкладок в нем аудио- и (или) видеозаписи пояснений следователя, очевидцев или иных лиц, чьи сведения фиксируются. Описанная конфигурация в составлении протокола следственного действия исключает затрачивание времени на изготовление фототаблиц, начертательных схем, и других визуальных приложений, привлечение понятий, путем замены их физического присутствия современными средствами технической фиксации. Однако, данная прогрессивная форма протокола в электронном виде, хотя и не возбраняется положениями ст. 166 УПК РФ, тем не менее функционально не развита в правоприменительной деятельности ввиду отсутствия процессуальных правил ее составления. Другим недостатком является незакрепленность в рамках УПК РФ процессов последующего хранения цифровой информации о полученных доказательственных сведениях, использования электронной подписи (ее аналога в виде электронного отпечатка папиллярных узоров пальцев рук), возможного сканирования фиксируемых в протоколе обстоятельств в формате 3 D для исследовательских и демонстрационных целей предварительного расследования и др.

Единственным законодательно-адресующим документом периода советского уголовного судопроизводства являлись установленные законодателем положения ст. 141 УПК РСФСР, предполагающие

выверенный список допустимых к применению технических средств: фото- киносъемка, составление планов, схем, получение слепков и оттисков следов, фонозапись. Узко ориентированный и императивно предписанный перечень технических средств коммуникации не допускал их расширительного толкования, тем самым исключая сопутствующие процессы в развитии возможностей технических средств. В результате с конца 60-х до начала 80-х годов 20-го столетия прогрессивная для того времени и довольно развитая техника видеозаписи не использовалась при производстве следственных действий, так как уголовно-процессуальный кодекс предусматривал киносъемку, предполагавшую иной процесс и технологию фиксации. А.И. Винберг замечал: «Сложившаяся в ст. 141 УПК РСФСР пагубность формулировок, строго очерчивающих конкретный перечень технических средств, губительна, так как не предполагает возможность использования современных устройств фиксации и собирания доказательств. Единственным объяснением этому может быть нерасторопность и громоздкость документооборота бюрократической машины, способной изменить существующее положение вещей в УПК РСФСР» [6, С. 45–47.].

Консерватизм имевшихся суждений об использовании и применении технических средств в УПК РСФСР характерен и для современной модели УПК РФ. Предписание п. 8. ч. 4. ст. 166 УПК РФ устанавливает исчерпывающий перечень приложений к протоколу следственного действия, закрепляя конкретные виды результатов применения технических средств коммуникации. Среди них вызывают вопросы технические средства, использующие киноленты, негативы, диапозитивы, которые в условиях современного компьютеризированного пространства представляются архаичными. Вместе с тем, п. 6 ст. 164 УПК России устанавливает возможность применения любых «технических средств» при производстве следственных действий.

Основываясь на результатах проведенного опроса 240 респондентов из числа судей, работников органов предварительного расследования, адвокатов, сотрудников органов дознания в различных субъектах РФ, 83% опрошенных никогда за свою практическую деятельность не встречались и не оформляли в качестве приложений к протоколу результаты использования технических средств коммуникации, представленных в виде кинолент, негативов и диапозитивов, кассет с магнитной записью. 93% утвердительно заявили, что современные технические устройства коммуникации, находящиеся в распоряжении лиц, вовлеченных в процесс доказывания, должны предусматривать исключительно цифровой формат обработки информации.

Нередко в роли приложений к протоколу выступают такие электронные носители сведений, как технические устройства, способные к накоплению и хранению сведений доказательственного значения. На вопрос о целесообразности современной формулировки п. 8 ч. 4 ст. 166 УПК РФ, содержащий конкретный перечень допустимых приложений к протоколу следственного действия, 35% интервьюированных, возражают против какой либо конкретизации допустимых приложений к протоколам следственных действий, 65% считают необходимым более корректно изложить указанную формулировку с учетом современного развития технических средств коммуникации. Дополнительным аргументом является анализ 287 уголовных дел, изученных в различных регионах России, позволивший установить, что ограничительность в приложениях к протоколу следственного действия существенно затрудняет производство по уголовным делам.

Опираясь на результаты проведенного исследования, считаем возможным предложить собственное видение роли технических средств коммуникации в следственных действиях, изложив п. 8. ч. 4. ст. 166 УПК РФ в следующей редакции:

« п. 8.) К протоколу прилагаются чертежи, планы, схемы, слепки и оттиски следов, выполненные при производстве следственного действия, а так же результаты использования технических средств коммуникации, в том числе с полученными или скопированными на электронный носитель сведениями в ходе производства следственного действия».

Предложенной формулировкой достигается цель устранения современных процессуальных барьеров, устанавливающих ограничительный перечень допустимых приложений, подчас вовсе не используемых при производстве следственных действий.

Литература

1. Безлепкин Б.Т. Уголовный процесс России. М., 2003.
2. Шейфер С.А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. М., 2004.
3. Очередин В.Т. Следственные действия в уголовном процессе: Учеб. пособие. Волгоград, 2008.
4. См.: Шейфер С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. М., 1981. С. 5–6. О понятии метода собирания, исследования и оценки доказательств см. также: Белкин Р.С. Собираание, исследование и оценка доказательств. М., 1966. С. 104–113; Белкин А.Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. М., 2005. С. 200–220.
5. Леви А.А., Горинов Ю.А. Звукозапись и видеозапись в уголовном судопроизводстве. М., 1983.
6. Винберг А.И., Корухов Ю.Г. Регламентация применения научно-технических средств // Соц. законность. 1983. № 10.

СУД ЗАЩИТИЛ ПРОКУРОРА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

НИКИТА АЛЕКСАНДРОВИЧ КОЛОКОЛОВ,

доктор юридических наук,

профессор кафедры судебной власти и организации правосудия

Национального исследовательского

университета Высшей школы экономики

Научная специальность 12.00.09 – уголовный процесс

E-mail: nikita_kolokolov@mail.ru

Аннотация. В текущий момент законодатель дозирует допуск прокурора к материалам уголовных дел, передав данный вопрос на усмотрение следственных органов. Автор анализирует практику преодоления прокурорами препятствий, чинимых руководителями следственных органов.

Ключевые слова: УПК РФ, компетенция следователя, руководителя РСО, прокурора и суда, пробелы в законодательстве и личное противостояние.

Annotation. currently the legislator dispenses the admission of the Prosecutor in the criminal case file, passing this issue to the discretion of the investigating authorities. The author analyzes the experience of overcoming prosecutors of obstacles put by heads of the investigative bodies.

Keywords: the code of criminal procedure, the competence of the investigator, the head of North Ossetia, the Prosecutor and the court, gaps in legislation and personal confrontation.

Общеизвестно, что ценность прокурорского надзора в стадии предварительного расследования заключается в таких его качествах, как оперативность, непрерывность, всеобъемлющая полнота и эффективность.

В действующий УПК РФ заложено противоречие; с одной стороны, на прокурора возложена обязанность осуществления полноценного прокурорского надзора, обладающего всеми перечисленными качествами, а с другой, – законодатель дозирует допуск прокурора к материалам уголовных дел, передав данный вопрос на усмотрение следственных органов.

Поскольку наличие данного противоречия не снимает с прокуроров ответственности за общее качество надзора, постольку органы прокуратуры вынуждены прибегать к всевозможным хитростям, чтобы оперативно получить доступ, если не ко всему делу, то хотя бы к отдельным его частям.

Например, потерпевший жалуется прокурору на то, что обвинение сформулировано без учета всех конкретных обстоятельств дела. Прокурор, зная, что оперативного доступа к материалам дела у него нет, предлагает потерпевшему обжаловать действия следователя в суд, который по закону уже в течение пяти суток обязан вынести возникший между участниками процесса со стороны обвинения спор в открытое судебное разбирательство.

Практика знает и иные способы воздействия прокуроров на следственные органы, наличие которых побуждают руководителей следственных органов исполнять уголовно-процессуальный закон.

Прокурор Зимовниковского района в интересах неопределенного круга лиц и Российской Федерации обратился в суд с заявлением об оспаривании действий руководителя Зимовниковского МСО СУ СК РФ по Ростовской области Б. (Далее РСО Б.), связанных с непредоставлением в установленном законом порядке прокурору уголовных дел, по которым предварительное следствие приостановлено, и материалов, по которым приняты решения об отказе в возбуждении уголовных дел.

В обоснование требований заявитель указал, что в соответствии с нормами Закона «О прокуратуре РФ», приказов Генерального прокурора РФ, совместного приказа прокурора Ростовской области и руководителя СУ СК РФ по Ростовской области от 1 февраля 2013 г. № 14/5, на прокуратуру Зимовниковского района возложен надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия, в том числе и в отношении Зимовниковского МСО СУ СК РФ по Ростовской области.

В течение 2013 г. для выполнения возложенной на прокуратуру федеральным законодательством функции заявителем в Зимовниковский РСО Б. неоднократно запрашивались вышеуказанные документы. Несмотря на это, документы либо информация о невозможности их предоставления в установленный срок в прокуратуру района не поступали. Прокурор пришел к выводу, что в Зимовниковском МСО СУ СК РФ по Ростовской области сложилась незаконная практика укрытия от прокурора уголовных дел с целью сокрытия допущенных нарушений закона.

Так, уголовное дело № «Х» требовалось прокуратурой в следственном отделе семь раз (7 марта 2013 г., 18 марта 2013 г., 18 июня 2013 г., 25 июня 2013 г., 24 июля 2013 г., 29 июля 2013 г., 12 августа 2013 г.). Однако, все запросы о предоставлении дела как в период предварительного расследования, так и после его приостановления были проигнорированы.

Также РСО Б. были проигнорированы требования и о предоставлении других уголовных дел, в равно и материалов проверок.

26 июля 2013 г. прокурором Зимовниковского района в адрес РСО Б. внесено требование об устранении нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе предварительного расследования по уголовному делу № 2011197263 по состоянию на 25 июля 2013 г., ответ от него о результатах рассмотрения требования не поступил. Указанное бездействие препятствует прокуратуре Ростовской области обратиться с требованием об устранении указанных нарушений к руководителю вышестоящего следственного органа.

Непредоставление информации о результатах рассмотрения указанного требования прокурора об устранении нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе предварительного расследования по уголовному делу № «У» со стороны ОСО Б., и непринятие мер по устранению допущенных нарушений закона по внесенному акту прокурорского реагирования лишает прокурора возможности осуществлять надзор за процессуальной деятельностью Зимовниковского МСО в соответствии с требованиями ст. 37 УПК РФ.

Прокурор пришел к выводу о том, что указанные нарушения затрагивают интересы неопределенного круга лиц и Российской Федерации, после чего просил суд признать незаконными действия РСО Б., выразившиеся в укрытии уголовных дел, находящихся в производстве Зимовниковского МСО СУСК РФ по Ростовской области от прокурорского надзора, непредставлении прокурору Зимовниковского района уголовных дел, по которым предварительное следствие приостановлено и материалов, по которым приняты решения об отказе в возбуждении уголовных дел.

Прокурор также просил суд обязать РСО Б. устранить допущенные нарушения и не допускать их в дальнейшем.

В суде прокурор района Шебалков Д.А. требования поддержал, пояснив, что в настоящее время Зимовниковским МСО по ранее направленным запросам представлены на проверку все уголовные дела и часть истребованных материалов. Однако, до настоящего времени не представлен ряд материалов.

В суде РСО Б. требования заявления не признал, пояснив, что по всем поступившим запросам в адрес прокурора были представлены уголовные дела и материалы, просил суд прекратить производство по делу, поскольку оспаривание прокурором действий

(бездействия) руководителя следственного органа ГПК РФ не предусмотрено. По его мнению, устранение препятствий в проведении прокурорской проверки не подпадает под действие Гл. 25 ГПК РФ.

Решением Зимовниковского районного суда Ростовской области от 23 августа 2013 г. заявление прокурора Зимовниковского района было удовлетворено частично.

Суд признал незаконными действия РСО Б., связанные с непредставлением по требованию прокурора Зимовниковского района Ростовской области материалов, по которым приняты решения об отказе в возбуждении уголовных дел и других материалов (в статье не перечисляются).

Суд обязал РСО Б. устранить допущенные нарушения и не допускать их в дальнейшем.

В удовлетворении остальной части требований прокурора отказано.

В апелляционной жалобе РСО Б. просил решение отменить, производство прекратить. По мнению апеллятора, судом нарушены нормы материального и процессуального права, неправильно определены обстоятельства дела, а именно то, что им нарушены чьи-то права и свободы, ибо ни на кого не возложена какая-либо обязанность, никто незаконно не привлечен к ответственности. Ссылки прокурора на защиту прав неопределенного круга лиц несостоятельны, поскольку предметом заявленных требований является не устранение выявленных в МСО нарушений законодательства, а устранение препятствий в проведении прокурорской проверки, что не затрагивает прав неопределенного круга лиц. На момент рассмотрения дела в первой инстанции уголовные дела и материалы уже были направлены по запросу, следовательно, предмет спора исчез.

В суд апелляционной инстанции РСО Б. не явился. Судебная коллегия сочла возможным рассмотреть дело с учетом положений ст. 167, 327 ГПК РФ.

Выслушав прокурора отдела Ростовской областной прокуратуры Корниенко Г.Ф., проверив материалы дела, обсудив доводы апелляционной жалобы и поданных прокурором Зимовниковского района возражений, проверив законность и обоснованность решения суда, судебная коллегия в порядке ст. 327.1 ГПК РФ пришла к выводу об отсутствии оснований для отмены судебного акта.

В ст. 44 ФЗ «О Следственном комитете РФ» закреплено, что надзор за исполнением законов СК РФ осуществляют Генеральный прокурор РФ и подчиненные ему прокуроры в соответствии с полномочиями, предоставленными федеральным законодательством.

Совместным приказом прокурора Ростовской области и руководителя СУ СК РФ по Ростовской области от 1 февраля 2013 г. № 14/5 «Об организа-

ции взаимодействия при обеспечении законности принятых процессуальных решений об отказе в возбуждении уголовного дела, о приостановлении предварительного следствия, прекращении уголовного дела, а также при предоставлении материалов проверок сообщений о преступлениях и уголовных дел для проверки в порядке ведомственного контроля и прокурорского надзора» закреплены сроки предоставления для проверки законности и обоснованности процессуальных решений об отказе в возбуждении уголовного дела, о приостановлении предварительного следствия и прекращении уголовного дела (уголовного преследования), а именно в случае принятия указанных решений материалы проверок и уголовные дела в срок не более 7 суток с момента вынесения соответствующего постановления обязаны быть направлены надзирающему прокурору.

Оценивая характер спорных публичных правоотношений, не связанных с применением норм уголовного и уголовно-процессуального права при осуществлении производства по конкретному уголовному делу, и заявленный прокурором Зимовниковского района предмет судебного разбирательства на соответствие требованиям ст. 129 Конституции РФ, ГПК РФ (ст. 45, гл. 25), УПК РФ (ст. 37, 123, 125), ФЗ «О прокуратуре РФ» (ст. 1, 21), ФЗ от 28 декабря 2010 г. № 403 «О Следственном комитете РФ» (ст. 1, 44), с учетом рекомендаций Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. № 2 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании решений, действий (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих», судебная коллегия нашла необходимым отметить следующие обстоятельства.

Суд первой инстанции правильно пришел к выводу о рассмотрении дела в порядке Гл. 25 ГПК РФ. Доказательства, представленные сторонами в порядке ст. 56, 249 ГПК РФ, свидетельствуют о непредставлении должностным лицом по требованию надзирающего прокурора района конкретных материалов, по которым приняты решения об отказе в возбуждении уголовных дел и других материалов.

Суд обоснованно посчитал, что в рассматриваемом случае действия (бездействие) должностного лица по непредставлению по требованию прокурора района конкретных материалов, по которым приняты решения об отказе в возбуждении уголовных дел и других материалов, являются неправомерными, затрагивающими интересы неопределенного круга лиц и Российской Федерации.

Поэтому решение суда о частичном удовлетворении требований прокурора следует признать правильным.

У суда первой инстанции отсутствовали основания для прекращения производства по делу по указанным заинтересованным лицом обстоятельствам. При этом у суда не было доказательств о том, что на день рассмотрения дела по существу РСО Б. предоставил прокурору района требуемые материалы, по которым приняты решения об отказе в возбуждении уголовных дел и других материалов (перечень в статье не приводится).

При таких обстоятельствах решение суда о частичном удовлетворении требований прокурора в порядке ч. 1 ст. 258 ГПК РФ было признано правильным. Доводы, содержащиеся в апелляционной жалобе сделать иной вывод не позволяют, ибо позиция апеллятора не учитывает особенности разграничения и особый характер урегулирования спорных публичных правоотношений и уголовно-процессуальных правоотношений между надзирающим прокурором и руководителем следственного отдела при обеспечении законности принятых процессуальных решений. РСО Б. неправильно понимает публичный характер нарушения интересов неопределенного круга лиц и Российской Федерации в ситуации, когда заявитель обязан в силу закона осуществлять прокурорский надзор в соответствии с полномочиями, предоставленными федеральным законодательством, в том числе осуществлять надзор за исполнением законов Зимовниковским МСО СУ СК РФ по Ростовской области.

Руководствуясь ст. 328 ГПК РФ, судебная коллегия определила решение Зимовниковского районного суда Ростовской области от 23 августа 2013 г. оставить без изменения, а апелляционную жалобу руководителя Зимовниковского МСО СУ СК РФ по Ростовской области Б. – без удовлетворения¹.

Анализируемый конфликт – проблема кадровая, в его основе просматривается личная неприязнь между прокурором района и РСО Б.

Очевидно также и то, что спор искусственный он легко разрешим путем отстранения Б. от должности, поскольку, судя по материалам дела, он не только не выполнял закон, но и в конечном итоге не получил поддержки в региональном отделе СК РФ. Как правило, такие конфликты решаются на уровне контактов между руководителями ведомств в регионе. К сожалению, Ростовская область явилась непотытным исключением.

Всяческого одобрения заслуживает позиция судов Ростовской области, которые совершенно обоснованно усмотрели в действиях РСО Б. факт грубого попрания прав неограниченного круга лиц, ибо, препятствуя осуществлению прокурорского надзора (как видим из текста апелляционного определения, Б. данный факт признал), он лишил граждан прокурорской защиты.

Автор последовательно придерживается пози-

ции, согласно которой, споры между такими представителями стороны обвинения, как следствие и суд не допустимы. Все споры оперативно должны разрешаться вышестоящим прокурором; лица, нарушившие его требования, подлежат не только безжалостному отстранению от должности, но и должны нести ответственность в соответствии с законом, вплоть до уголовной.

Расходы, понесенные государством на рассмотрение искусственного спора, следует взыскать с руководителей следственных органов.

С учетом данной практики законодателю не лишним будет вернуться к вопросу о достаточности прерогатив прокурора для осуществления полноценного надзора.

¹ Апелляционное определение от 11 ноября 2013 г. судебной коллегии по гражданским делам Ростовского областного суда по делу №33-14390. Архив Ростовского областного суда за 2013 г. Апелляционное определение от 11 ноября 2013 г. судебной коллегии по гражданским делам Ростовского областного суда по делу №33-14390. Архив Ростовского областного суда за 2013 г.

ПРИМЕНЕНИЕ НОРМ О ПРЕКРАЩЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В СВЯЗИ С ПРИМИРЕНИЕМ СТОРОН ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ДОЗНАНИЯ

ЕВГЕНИЯ ЮРЬЕВНА САМОЛАЕВА,

*кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры
предварительного расследования Московского университета МВД России
Научная специальность 12.00.09 – уголовный процесс
E-mail: samolaeva@mail.ru*

Аннотация. Рассматриваются вопросы применения органами дознания норм, регламентирующих основания освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением сторон. Анализируются проблемы реализации положений уголовного и уголовно-процессуального законодательства о прекращении уголовного дела в связи с примирением с потерпевшим. Высказываются предложения по разработке механизма примирительных процедур для целей уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: прекращение уголовного дела, органы дознания, примирение сторон, примирение с потерпевшим, уголовно-процессуальное законодательство, освобождение от уголовной ответственности.

Annotation. This article considers the issues of application of the inquiry bodies of the rules governing grounds for exemption from criminal responsibility in connection with reconciliation of the parties. Addresses issues of implementation of provisions of criminal and criminal-procedural legislation on termination of the criminal case in connection with reconciliation with the victim. Proposals on the development of a mechanism of conciliation procedures, for the purposes of criminal proceedings.

Keywords: The termination of criminal proceedings, the bodies of inquiry, mediation, conciliation with the victim, criminal procedure law, the release from criminal responsibility.

Исследование современного состояния правового института прекращения уголовного дела и уголовного преследования имеет существенное значение в обеспечении законности деятельности правоохранительных органов, а также гарантий прав граждан, попавших в сферу уголовно-правовых отношений. Анализ правоприменительной практики показывает, что процессуальные решения о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) составляют значительную часть от общего объема окончанных производством уголовных дел (около 25%). Больше половины уголовных дел прекращается по различным нереабилитирующим основаниям. Одним из таких оснований является прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон (ст. 25 УПК РФ).

Согласно положениям ст. 25 УПК РФ, если лицо впервые совершило преступление небольшой и средней тяжести, примирилось с потерпевшим и загладило причиненный потерпевшему вред, закон позволяет на основании заявления потерпевшего или его законного представителя прекратить уголовное дело в связи с примирением сторон еще на стадии предварительного расследования. Основной объем указанных категорий уголовных дел расследуют органы дознания (ч. 3 ст. 150 УПК РФ), но решение о прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон в ходе дознания также принимается редко. Как правило, уголовные дела «доводят» до суда и решение о прекращении уголовного дела выносится судьей. В то же время, при производстве дознания

право на прекращение уголовного дела по основаниям ст. 25 УПК РФ может быть обеспечено и после составления обвинительного акта (или обвинительного постановления) на основании ст.ст. 226 и 226.8 УПК РФ. В нормах указано, что при поступлении уголовного дела с обвинительным актом (или обвинительным постановлением) прокурору, решение о его прекращении может быть вынесено им.

Причинами недостаточного применения норм о прекращении уголовного дела в связи с примирением с потерпевшими в ходе производства дознания можно назвать: недостаточное уяснение правоприменителями содержания данных норм и отсутствие единства в практике их применения; конкуренцию норм, регламентирующих основания применения положений о прекращении уголовных дел в связи с примирением с потерпевшим; влияние показателей о количестве направленных в суд уголовных дел, характеризующих качество работы органов расследования.

В целях разъяснения порядка применения норм, устанавливающих оснований освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим, а также ряда других норм, регламентирующих освобождение от уголовной ответственности, Пленум Верховного Суда РФ вынес Постановление от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности». В нем разъяснены: содержание характеристики «впервые совершившего преступление»; положения о том, кем может быть возмещен ущерб и (или) заглаживание вреда; условия освобождения от уголовной ответственности по рассматриваемому основанию; содержание «заглаживания вреда» для целей ст. 76 УК РФ; рассмотрены условия примирения с несовершеннолетним потерпевшим; порядок освобождения от уголовной ответственности при наличии нескольких потерпевших и нескольких подозреваемых (обвиняемых) по уголовному делу; и др.

Положения данного Постановления оказывают существенную помощь правоприменителям, но полностью не устраняют проблемы принятия решений дознавателями о прекращении уголовных дел в связи с примирением сторон.

Не рассматривая статистическую составляющую причин отказа в принятии решения о прекращении уголовного дела по основаниям ст. 25 УПК РФ, затронем теоретическую и правовую сторону этой проблемы.

Во-первых, данная норма указывает на право дознавателя (с согласия прокурора), а не обязанность прекратить уголовное дело в связи с примирением сторон. В норме ст. 76 УК РФ (Освобождение от уголовной ответственности и связи с примирением с потерпевшим) также употребляется словосочетание «может быть освобождено», а не «освобожд-

ается» (ст. 76.1 УК РФ в отношении преступлений в сфере экономической деятельности). Таким образом, даже в случае соблюдения всех указанных условий, лицо «может быть и не освобождено» от уголовной ответственности. Волеизъявление о прекращении уголовного дела по рассматриваемому основанию со стороны потерпевшего и лица, виновного в причинении вреда, является лишь одним из условий прекращения уголовного дела, и не влечет автоматического принятия данного решения.

До принятия решения о его прекращении дознавателю необходимо установить все обстоятельства, подлежащие доказыванию по расследуемому уголовному делу, предусмотренные ст. 73 УПК РФ. В частности, необходимо установить в ходе производства дознания обстоятельства, подтверждающие совершение преступления конкретным лицом; получить доказательства совершения данным лицом преступления впервые; установить факт добровольного волеизъявления потерпевшего на примирение; подтвердить возмещение потерпевшему причиненного вреда; получить согласие подозреваемого (обвиняемого) на прекращение уголовного дела в связи с примирением с потерпевшим. Наличие достаточных доказательств может послужить основанием для предъявления обвинения (ст. 171 УПК РФ) или окончания дознания составлением обвинительного акта (обвинительного постановления) (ст. 225, 226.7 УПК РФ). Принятие данных решений влечет изменение статуса привлекаемого к ответственности лица.

Следует отметить, что процессуальный статус обвиняемого при производстве дознания встречается значительно реже, чем подозреваемого. По мнению ученых, прекращение уголовного дела в связи с примирением с потерпевшим в отношении подозреваемого должно носить исключительный характер и должно осуществляться после привлечения лица в качестве обвиняемого [2]. Мы поддерживаем данную позицию, поскольку она в полной мере служит обеспечению прав привлекаемого к уголовной ответственности лица. Прежде всего, потому, что права обвиняемого шире. Так, при сравнении статей, определяющих процессуальный статус подозреваемого и обвиняемого, можно видеть, что в ст. 46 УПК РФ (Подозреваемый) не прописано право на возражение против прекращения уголовного дела (уголовного преследования) в связи с примирением с потерпевшим, предусмотренное в п. 15 ч. 4 ст. 47 УПК РФ (Обвиняемый).

В ходе дознания по уголовному делу также должны быть установлены подозреваемый или обвиняемый в порядке ст.ст. 46 и 47 УПК РФ. Лица, не обладающие данными статусами, не могут воспользоваться положениями ст. 25 УПК РФ. Применение данной нормы означает признание себя виновным в содеянном (что также не каждый подозреваемый

или обвиняемый готовы сделать, признавая себя виновным, например, только частично).

Аналогичное требование ст. 25 УПК РФ имеет место в отношении установления процессуальных статусов потерпевшего. Решение о прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон возможно только на основании заявления потерпевшего или его законного представителя. В этом случае отмечается расхождение в формулировках норм уголовно-процессуального (ст. 25 УПК РФ) и уголовного (ст. 76 УК РФ) законов.

Практика органов дознания решает этот вопрос в пользу уголовно-процессуальных норм, т.е. получает заявление об отказе от уголовного преследования, процессуально фиксирует факт примирения (заглаживания причиненного потерпевшему вреда). Если соответствующие заявления в уголовном деле отсутствуют, то решение о прекращении уголовного дела не принимается.

Не по всем категориям преступлений, непосредственному объекту которых преступлением причиняется вред, могут быть определены лица, которых можно признать потерпевшим в соответствии со ст. 42 УПК РФ и причиненный им вред может быть заглажен виновным лицом. В этой связи часть уголовных дел, подследственных органам дознания, не может быть прекращена по основаниям ст. 25 УПК РФ (например, при совершении преступлений против здоровья населения).

В рамках рассматриваемого вопроса отметим, что в практику стали активно вводиться элементы так называемого восстановительного правосудия. Под ним понимается модель реагирования на преступления, которые объединены общей целью и идеологией: направленностью на психологическое и душевное исцеление жертв, ресоциализацию правонарушителей и восстановление отношений между ними, обществом и государством [3]. Пока эта модель применяется в форме «судебного эксперимента». Специальная комиссия в рамках этого эксперимента пытается помирить жертв и преступников. Такие примирительные процедуры официально проводились, например, в Юрьевецком районе Ивановской области [4].

Существующее законодательство о медиации [5] не затрагивает уголовного судопроизводства. Но, несмотря на это, данное движение активно развивается и в этом направлении по инициативе представителей общественности [6]. В основном такая работа, правда, ведется по делам о правонарушениях и уголовно-наказуемых деяниях, совершаемых несовершеннолетними.

В то же время, некоторые российские ученые полагают, что медиации невозможно придать уголовно-процессуальный характер, так как ее принципы не в полной мере соответствуют уголовно-процессуальным (в частности, о признании своей вины при желании принять участие примирительном процессе) [7].

Но, несмотря на это, данное движение активно развивается и в этом направлении по инициативе представителей общественности. В основном такая работа, правда, ведется по делам о правонарушениях и уголовно-наказуемых деяниях, совершаемых несовершеннолетними. В зарубежных странах такая практика применяется давно. Собственно, отсюда она и заимствована.

Несомненно, нам интересны предлагаемые идеи и мы считаем возможными применение некоего механизма урегулирования споров по уголовным делам. Несмотря на то, что и у данной формы примирения могут возникнуть проблемы по ее реализации, в том числе в связи с необходимостью регламентации механизма ее применения, и не во всех случаях она может быть осуществлена, она, несомненно, имеет право на существование и будет полезна в отдельных случаях. Применение данной формы в уголовном процессе мы рассматриваем, не как способ избежать наказания, а как способ достижения таких важных в наше время уголовно-правовых целей, как восстановление справедливости и обеспечение интересов потерпевших.

Непосредственную положительную роль в развитии данного направления прекращения уголовно-правовых конфликтов и в успешном его осуществлении может сыграть защитник по уголовному делу. Деятельность адвоката в таком процессе может состоять в участии в разработке примирительного соглашения, а также в наблюдении за примиряющимися сторонами и медиатором с целью предотвращения «оказания психологического давления на доверителя» или соблюдения прав и интересов доверителя [8].

В завершение хотелось бы отметить, что практику прекращения уголовных дел органами дознания по основаниям ст. 25 УПК РФ несомненно следует расширять. Принятие данного процессуального решения должно основываться на неукоснительном соблюдении норм УПК РФ.

Решение проблем в практике применения норм о прекращении уголовных дела в связи с примирением сторон при производстве дознания нам видится, прежде всего, в реализации цели, направленной на защиту интересов граждан; постоянном повышении и поддержании правовой грамотности дознавателей и иных лиц, уполномоченных на принятие решений, затрагивающих права и интересы граждан в уголовном процессе; надлежащем ведомственном контроле и прокурорском надзоре за законностью и обоснованностью прекращения уголовного дела (уголовного преследования); своевременном судебном контроле, который должен осуществляться на всем протяжении судопроизводства по уголовному делу. Также обращаем внимание на положение Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законо-

дательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» о том, что посредством применения норм, определяющих условия освобождения от уголовной ответственности, реализуются принципы справедливости и гуманизма.

Литература

1. Петров А. Примирение с потерпевшим как основание освобождения от уголовной ответственности // Законность, 2010, № 11. С. 51.
2. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под общ. Ред. В.М. Лебедева; науч. Ред. В.П. Божьев. 9-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2014. С. 68.
3. Исмаилов Б.И. Развитие моделей восстановительного правосудия в рамках системы ювенальной юстиции.
4. Козлова Н. Перемирие под надзором // Российская газета.

Неделя № 5004 (180) от 24 сентября 2009 г.

5. Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ (ред. от 23 июля 2013 г.) «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // Российская газета, № 168, 2010. 30 июля.

6. Карнозова Л. Восстановительное правосудие в российской правовой системе // Восстановительное правосудие в России / Под общ. ред. Н.В. Путинцевой. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2012. С. 13.

7. Смирнова И.Г. Медиация как альтернативное средство защиты прав и интересов граждан в уголовном судопроизводстве: к вопросу о совершенствовании законодательства // Совершенствование законодательства в сфере защиты прав человека и гражданина: проблемы и перспективы: материалы Международной научно-практической конференции, Иркутск, 5 апреля 2013 г.: в 2 ч. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2013, Ч. 1. С. 184–192.

8. Понасюк А.М. Медиация и адвокат: новое направление адвокатской практики. М.: Инфотропик Медиа, 2012.

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ СРОКИ ВОЗБУЖДЕНИЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПО УПК МОНГОЛИИ

ЦЭНД МУНХБААТАР,

адъюнкт кафедры уголовного процесса

Московского университета МВД России

Научная специальность 12.00.09 – уголовный процесс

Научный руководитель: доктор юридических наук,

профессор кафедры Мичурина О.В.

E-mail: tsend-munhbator@rambler.ru

Аннотация. Исследуются процессуальные сроки возбуждения уголовного дела по УПК Монголии.

Ключевые слова: уголовный процесс, процессуальный срок, дознание, расследование, процессуальная деятельность.

Annotation. This article is devoted to the study of procedural deadlines criminal case by the Criminal Procedure Code of Mongolia.

Keywords: Criminal proceedings, procedural term, inquiry, investigation, procedural activity.

Вся уголовно-процессуальная деятельность осуществляется в определенных временных границах, общее назначение которых исходит из направленности уголовного процесса. Проблема процессуального обеспечения быстроты судопроизводства всегда была и остается актуальной. Чем меньше отрезок времени между моментом совершения преступления и привлечением лица к уголовной ответственности, определением ему меры наказания, тем успешнее будут реализованы задачи как общей, так и частной превенции преступности¹. Время в уголовном судопроизводстве рассматривается как:

1) фактор, влияющий на дифференциацию уголовно-процессуальной формы; УПК ввел упрощенный и ускоренный порядок расследования и разрешения уголовных дел; расширены рамки восстановительных производств;

2) обстоятельство, подлежащее установлению по каждому уголовному делу;

3) процессуальный срок, т.е. имеющий правовое значение период, в течение которого должно совершаться конкретное действие (или требуется воздержаться от его совершения); принимается решение, предусмотренное законом; участник находится в определенном процессуальном состоянии; устанавливается продолжительность стадии процесса и т.д.

Правовой характер процессуальных сроков определяется тем, что одни из них устанавливаются законом, а другие определяются решениями уполномоченных государственных органов и должностных лиц. И те, и другие сроки обладают признаком обязательности для участников процесса, их соблюдение, при необходимости, обеспечивается государственным

принуждением, они определяют временные границы уголовно-процессуальных отношений, в рамках которых реализуются конкретные права и обязанности.

Сроки занимают особое место в числе уголовно-процессуальных гарантий, их установление и соблюдение являются показателями соблюдения законности, обеспечения быстрого и полного исследования обстоятельств дела, своевременной реализации участниками своих процессуальных возможностей, завершения производства по уголовному делу. Совершение процессуальных действий с нарушением установленных сроков может привести к их недействительности или немедленной отмене решений.

В теории уголовного процесса с учетом неоднородности процессуальных сроков предлагаются их различные классификации. Поскольку соблюдение тех или иных сроков сопряжено с определенными правилами, основания той или иной классификации имеют практическое значение.

Процессуальные сроки – установленные законом временные рамки для совершения процессуальных действий, принятия процессуальных решений, начала и завершения конкретного этапа судопроизводства.

Основные правила исчисления, соблюдения, продления и восстановления процессуальных сроков в уголовном судопроизводстве закреплены в разд. 5 гл. 13 ст. 96 (Исчисление срока), ст. 97 (Соблюдение и продление срока), ст. 98 (Восстановление пропущенного срока) УПК Монголии.

Процессуальные сроки обязательны для исполнения всеми участниками процесса.

Все нормы закона, устанавливающие уголовно-процессуальные сроки, можно разделить на нормы:

1) предписывающие немедленное совершение уголовно-процессуального действия (например, постановление судьи об избрании в отношении подозреваемого или обвиняемого меры пресечения в виде заключения под стражу подлежит немедленно исполнению);

2) устанавливающие конкретно определенные сроки (например, предварительное следствие должно быть закончено не позднее чем в двухмесячный срок).

Сроки можно условно классифицировать на три группы:

- гарантирующие быстроту судопроизводства –

- 1) сроки разрешения вопроса о возбуждении уголовного дела (ч. 1 и 2 ст. 171 УПК Монголии);

- 2) сроки дознания – 21 сутки²;

- 3) сроки предварительного следствия – 2 месяца³;

- 4) срок производства неотложных следственных действий – 10 суток⁴;

- 5) срок начала рассмотрения дела в судебном заседании – 10 суток с момента вынесения судьей постановления о назначении судебного заседания⁵ и др.;

- гарантирующие обеспечение прав и законных интересов участников процесса –

- 1) сроки задержания и допроса подозреваемого;

- 2) сроки применения меры пресечения в отношении подозреваемого;

- 3) сроки предъявления обвинения и допроса обвиняемого;

- 4) сроки содержания под стражей;

- 5) сроки рассмотрения жалоб т.д.;

- гарантирующие осуществление прокурорского надзора за соблюдением законов органами дознания и предварительного следствия –

- 1) срок изготовления копий постановлений об окончании или приостановлении расследования, копий постановлений о прекращении уголовного дела;

- 2) сроки направления прокурору сообщений о задержании, о произведенном без судебного решения обыске и др.

Процессуальные сроки можно разделить по источникам на императивный и диспозитивный. Императивный срок – это четко установленный срок какого либо процессуального производства. Этот срок отличится тем, что:

- устанавливается законом;

- его никто не может менять;

- не продлевается.

Рассмотрим указанный императивный срок на кодексе.

Диспозитивный срок. Этот срок установлен на кодексе высшие меры сроки. В этом сроке следователь, дознаватель, прокурор, судья производят процессуальную деятельность. На кодексу постановлен сроков главным образом по диспозитивным. Например:

Согласно ч. 1 ст. 171 УПК Монголии⁶ срок принятия и проверки сообщения о любом совершенном или готовящемся преступлении не может превышать 5 суток (ч. 1 ст. 171 УПК Монголии). Принять и проверять сообщение о преступлении имеет право прокурор, следователь, дознаватель (ч. 1 ст. 170 УПК Монголии). При этом начальнику следственного отдела, начальнику органа дознания предоставлено право, по ходатайству, соответственно, следователя, дознавателя, продлевать указанный срок до 14 суток при необходимости производства документальных проверок, ревизии, исследования документов, предметов, осмотра места происшествия (ч. 2 ст. 171 УПК Монголии).

Предусмотренная УПК Монголии проверка любого сообщения о преступлении заключается не в собирании дополнительных (помимо сообщения о преступлении) сведений, а в мысленной (логической) оценке сообщения о преступлении в целях установления наличия повода для возбуждения уголовного дела и признаков преступления. Следова-

тельно, нет необходимости в указанных сроках для проверки сообщения и принятия по нему решения.

Так, приказ начальника Главного управления полиции Монголии предписывает: «Создать при дежурных частях необходимое количество групп

немедленного реагирования и следственно-оперативных групп, в том числе на постоянной основе. Обеспечить принятие ими процессуальных решений по материалам, как правило, в течение дежурных суток»⁷.

№	Части УПК Монголии	Исполнитель процессуальных действия	Процессуальное действия	Императивный срок
1	60.2	Судья	Если не поступило постановление о заключении под стражу обвиняемого, начальник следственного изолятора имеет право освободить его.	Окончен 72 часов
2	69.5	Следователь	Посылает постановление о продлении срока заключения под стражу	Через 7 дней
3	142.2	Следователь	Имеет право дать перерыв, если допрос продолжается свыше 4-х часов	1 час
4	178.1	Дознаватель	Производит дознание по преступлениям небольшой и средней тяжести	14 суток 30 суток
5	178.3	Прокурор	Устанавливает срок для производства дополнительных действий по возвращенным уголовным делам	15 суток
6	182.1	Следователь	Устанавливает первый срок расследование	2 месяц
7	182.7	Следователь	Направляет к прокурору постановление о продление срока расследования	Через недели
8	215.3	Прокурор	Пишет обвинительное заключение	10 суток
9	215.3	Городской прокурор	Продлевает срок написания обвинительного заключения	14 суток
10	309.3	Суд второй инстанции	Объявляет о судебном заседании	Через 3 дня
11	332.1.1	Суд	Принимает постановление об отсрочке исполнения приговора об обсуждении лица приговоренного к обязательным работам, исправительным работам, к ограничению свободы, аресту или лишению свободы по причине тяжелой болезни	До выздоровления
12	346.2	Судья второй инстанции	Продлевает срок решения уголовного дела в суде 2-й инстанции	14 суток
13	366.4	Следователь дознаватель	Принимает решение о заключении под стражу несовершеннолетнего	1 месяц

Дежурная следственно-оперативная группа при совершении преступления, произвести неотложные следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия должна немедленно отреагировать на сообщение о

№	Часть УПК	Участник	Процессуальные действия	Диспозитивный срок
1	35.4	Следователь, дознаватель	Уведомляет близких родственников подозреваемого	До 48 часов
2	59.5	Следователь, дознаватель	О произведенном задержании орган дознания, дознаватель или следователь обязан сообщить прокурору в письменном виде	До 24 часов
3	59.6	Суд	Даёт разрешение арестованному заключить под стражу или освободить	48 часов
4	61.1	Следователь дознаватель	Уведомляет защитника и родственников подозреваемого об аресте	24 часа
5	69.1	Суд	Определяет срок заключения подозреваемого под стражу	До 14 суток
6	69.2	Суд	Определяет срок заключения обвиняемого под стражу	До 2 месяцев
7	69.3	Суд	Определяет срок заключения обвиняемого под стражу, в зависимости от преступления – средней тяжести, тяжкого, особого тяжкого	Не может превышать 24 месяцев
8	69.4	Суд	Продлевает срок заключения под стражу по некоторым преступлениям, перечисленным в Уголовном кодексе	До 6 месяцев
9	69.5	Суд	Утверждает постановление о продлении срока заключения под стражу или возвращает	72 часа
10	104.4	Судья, прокурор, следователь, дознаватель	Принимет решение по заявлению участников процессуального действия	5 суток
11	112.2	Прокурор, начальник следственного и органа дознания	Принимает решение по жалобам на действия следователя, дознавателя, прокурора	72 часа За 7 дней / обязаны дополнительные материалы /
12	133.2	Следователь, дознаватель	Уведомляет прокурора о производстве обыска и выемки в неотложных случаях	24 часа
13	142.2	Следователь, дознаватель	Определяет срок непрерывного допроса	Не более 4 часов Не может превышать 8 часов
14	171.1	Следователь, дознаватель	Принимает решение о рассмотрении сообщения о преступлении	Не позднее 5 суток
15	171.2	Начальник следственного органа и органа дознания	Продлевает срок проверки сообщения о преступлении	До 14 суток
16	173.3	Следователь, дознаватель	Утверждает постановление о возбуждении уголовного дела; обращается к прокурору за присвоением делу регистрационного номера	72 часа
17	175.2	Следователь, дознаватель	Направляет мнение об отказе в возбуждении уголовного дела с обосновывающими материалами прокурору	3 суток

18	178.2	Прокурор	Продлевает срок дознания	До 15 суток
19	182.4	Прокурор	Продлевает срок преследования	До 2 месяцев
20	182.4	Районный прокурор	Продлевает дополнительный срок преследования	До 5 месяцев
21	182.4	Областной прокурор	Продлевает дополнительный срок преследования	До 9 месяцев
22	182.4	Заместитель начальника Главного управления прокуратуры	Продлевает дополнительный срок расследования	До 3 месяцев
23	182.4	Заместитель начальника Главного управления прокуратуры	Продлевает дополнительный срок преследования	До 3 месяцев
24	182.6	Прокурор	Утверждает срок расследования на восстанавливаемом деле	До 1 месяца
25	205.3	Следователь, дознаватель	Направляет мнение о приостановлении дознания и следствия с уголовным делом к прокурору	В 3 суток
26	209.3 210.1	Следователь дознаватель	Направляет мнение об прекращении уголовного дела с материалом к прокурору	В 3 суток
27	215.1	Прокурор	Осуществляет надзор за преследованием и дознанием	В 14 суток

ятия по «горячим следам». Дежурный по органу внутренних дел, при поступлении сообщения о преступлении, обязан незамедлительно организовать выезд следственно-оперативной группы на место преступления.

Типовое положение о едином порядке организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях предписывает должностному лицу, правомочному либо уполномоченному, проводить проверку или организацию проверки сообщения о преступлении с учетом содержащихся в сообщении сведений, требующих неотложного реагирования, в пределах своей компетенции принять незамедлительные меры по:

- предотвращению и пресечению преступления;
- обнаружению признаков преступления, сохранению и фиксации следов преступления, а также доказательств, требующих закрепления, изъятия и исследования.

Срок предварительного расследования преступления зависит от его формы. Согласно ч. 1 ст. 182 УПК Монголии предварительное следствие по уголовному делу должно быть закончено в срок, не превышающий двух месяцев со дня возбуждения уголовного дела. В срок предварительного следствия включается время со дня возбуждения

уголовного дела и до дня его направления прокурору с обвинительным заключением или постановлением о передаче уголовного дела в суд для рассмотрения вопроса о применении принудительных мер медицинского характера либо до дня вынесения постановления о прекращении производства по уголовному делу.

Дознание производится в течение 21 суток со дня возбуждения уголовного дела (ч. 1 ст. 178 УПК Монголии). При необходимости сделать некоторые процессуальные действия этот срок может быть продлен прокурором еще на срок до 15 суток (ч. 2 ст. 178 УПК Монголии). Если суд направил уголовное дело прокурору на дополнительное дознание или возбудил приостановленное или прекращенное уголовное дело, прокурор имеет право продлить срок до 15 суток (ч. 3 ст. 178 УПК Монголии).

В ч. 2 ст. 142 УПК Монголии предусматривается продолжительность допроса не превышающая 4-х часов, в случае необходимости продолжения допроса, должен быть произведен перерыв на 1 час, а затем допрос может продолжаться еще 4 часа. Всего продолжительность допроса не должна превышать 8 часов. Но здесь не указано, кто допрашивается: потерпевший, свидетель, подозреваемый или обвиняемый.

Таким образом, сегодня реальный (а в некоторых случаях и предусмотренный законом с учетом

продления) срок принятия решений по сообщениям о преступлениях сопоставим со сроком предварительного расследования преступлений.

Представляется непоследовательной регламентация начальных этапов досудебного производства. С одной стороны, закон предписывает органу дознания при наличии признаков преступления, по которому производство предварительного следствия обязательно, возбудить уголовное дело и произвести неотложные следственные действия в порядке ст. 166 УПК (ч. 1 ст. 172 УПК Монголии). На практике понимают, что в период рассмотрения сообщения или дознания, могут производиться неотложные следственных действия.

Вместе с тем, действующий уголовно-процессуальный закон до недавнего времени позволял вести проверку сообщения о преступлении в течение многих месяцев за счет неоднократного возвращения прокурором материалов для дополнительных проверок (ч. 3 ст. 173, ч. 2 ст. 175 УПК Монголии).

Следует учитывать, что цели раскрытия преступлений по горячим следам состоят не только в быстром установлении лица, совершившего преступление, но и в сборе доказательств, необходимых и достаточных для установления всех обстоятельств, подлежащих по закону доказыванию (ст. 79 УПК Монголии).

С точки зрения криминалистики, чем быстрее начато расследование, тем больше существует возможностей для раскрытия преступления и установления всех обстоятельств, подлежащих доказыванию, а также пресечения или предотвращения дальнейших преступных действий.

Как отмечал Х.А. Рооп,⁸ «по делам, возбужденным в течение 2–3 дней с момента обнаружения преступления, процент совершения новых преступлений в 2, 3 раза больше по сравнению с делами, возбужденными в течение 1 дня». «Процент приостановления уголовных дел из-за не установления лиц, подлежащих привлечению к уголовной ответственности, возрастает в 3,5 раза в делах, возбужденных в течение 2–3 дней, по сравнению с делами, возбужденными в течение первого дня с момента обнаружения преступления».

По результатам исследования по изученным 686 уголовным делам, возбужденным в первый день поступления сигнала, раскрыто по горячим следам

почти 60% преступлений, на второй день – около 16, а на третий – лишь 5%».

По данным, полученным в ходе изучения 600 уголовных дел, в случаях производства следственных действий сразу после получения заявления о преступлении приостановлено и прекращено 27% уголовных дел, тогда как при проведении указанных действий после осуществления доследственной проверки – 49%⁹. Следственная практика убедительно подтверждает возможность и эффективность возбуждения уголовного дела и начала расследования незамедлительно после получения сообщения о преступлении.

В ходе опроса сотрудников следственных подразделений и подразделений дознания органов полиции Монголии, проведенного в 2010 г., ответы на вопрос: «Приходится ли Вам производить допросы, обыски, выемки до вынесения постановления о возбуждении уголовного дела?» распределились следующим образом: «никогда» – 54%; «иногда» – 35,9%; «постоянно» – 10,1%. Таким образом, каждый третий сотрудник признал, что иногда или постоянно производит эти следственные действия до возбуждения уголовного дела.

Установленная ст. 166 УПК Монголии возможность в течение длительного времени откладывать принятие решения по сообщению о преступлении выступает в качестве обстоятельства, снижающего эффективность борьбы с преступностью и способствующего совершению вышеуказанных нарушений уголовно-процессуальных норм.

¹ Б. Батэрдэнэ. «Процессуальные сроки УПК Монголии» Улаанбаатар 2009. С. 98.

² Ч. 1 ст. 178 УПК Монголии.

³ Ч. 1 ст. 182 УПК Монголии.

⁴ Ч. 3 ст. 157 УПК Монголии.

⁵ Ч. 1 ст. 233 УПК Монголии.

⁶ Утвержден по Постановлению Государственного великого хурала Монголии от 1 января 2002 г.

⁷ Приказ начальника Главного управления полиции Монголии от 18 сентября 2002 г. № 338.

⁸ Рооп Х.А. Возбуждение уголовного дела в советском уголовном процессе: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Тарту, 1967. С. 5.

⁹ Журнал «Вопросы борьбы с преступлениями» Улаанбаатар. 2009. С. 25.

ПРИМЕНЕНИЕ ИНТЕРАКТИВНЫХ МЕТОДОВ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЙ ПО ДИСЦИПЛИНЕ «МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО» ПО ПРОГРАММАМ МАГИСТРАТУРЫ

ЕЛЕНА АЛЕКСЕЕВНА ОСАВЕЛЮК,

*кандидат юридических наук, доцент, член Российской ассоциации
международного права, декан юридического факультета Института
международного права и экономики имени А.С. Грибоедова,
профессор кафедры административного и международного права Института
международного права и экономики имени А.С. Грибоедова,
доцент кафедры «Предпринимательское право» ФГБОУ ВПО
«Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»
Научная специальность 12.00.03 – гражданское право; предпринимательское право;
семейное право; международное частное право
E-mail: osaveluk@mail.ru*

Аннотация. Рассматриваются преимущества и особенности применения интерактивных методов обучения при проведении практических занятий по дисциплине «Международное частное право» по программам магистратуры.

Ключевые слова: интерактивные методы обучения, формы занятий, семинары, практические занятия, дисциплина Международное частное право, программа магистратуры.

Annotation. Discusses the advantages and characteristics of the interactive methods in conducting workshops on the subject «Private international law» on the master's degree programs.

Keywords: interactive methods, form of training sessions, seminars, practical training, subject Private international law, master's degree program.

В соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом высшего профессионального образования по направлению подготовки 030900 Юриспруденция (квалификация (степень) «Магистр»)¹ удельный вес занятий, проводимых в интерактивных формах, должен составлять не менее 30% аудиторных занятий, при том, что занятия лекционного типа для соответствующих групп студентов не могут составлять более 20% аудиторных занятий (п. 7.3. ФГОС).

Таким образом, одной из основных (80% аудиторных занятий) активных форм формирования профессиональных компетенций, связанных с ведением того вида (видов) деятельности, к которым готовится магистр (научно-исследовательской, правотворческой, правоприменительной, правоохранительной, экспертно-консультационной, организационно-управленческой, научно-исследовательской, педагогической), для ООП магистратуры является семинар.

Думается, это оправдано тем, что сам по себе семинар как вид практического занятия предполагает активную работу обучающихся, преследуя цель научить студентов самостоятельно формулировать свои мысли и аргументировать свои выводы.

Следовательно, в практических занятиях должны сочетаться: информирование обучающихся, под-

ведение итогов их самостоятельных занятий, проверка приобретаемых ими знаний, их закрепление, расширение и углубление.

Практические занятия должны научить обучающихся ориентироваться в нормативном правовом материале, дать навыки творческого подхода к изучению дисциплины, к осмысленному пониманию значения рассматриваемых вопросов и того, как пользоваться приобретенными знаниями на практике, в конкретной юридической действительности.

Таким образом, получается, что семинар – это своеобразная творческая лаборатория, в которой знания, полученные обучающимися на лекции и в результате самостоятельной работы, приобретают новое качество.

Во-первых, практические занятия позволяют приобрести качественно иное, более осмысленное и прочное знание.

Во-вторых, расширяют имеющиеся знания, поскольку в ходе занятий выдвигаются новые положения, не попавшие ранее в сферу внимания обучающихся на лекции или в ходе самостоятельной работы.

В-третьих, углубляют их содержание, двигая мысль обучающихся от одного уровня знания к другому, более высокому.

Согласно п.п. 7.3–7.4. ФГОС в программы базовых дисциплин профессионального цикла должны быть включены задания, способствующие развитию компетенций профессиональной деятельности, к которой готовится выпускник, в объеме, позволяющем сформировать соответствующие общекультурные и профессиональные компетенции.

При этом реализация компетентностного подхода должна предусматривать широкое использование в учебном процессе активных и интерактивных форм проведения занятий (семинаров в диалоговом режиме, дискуссий, компьютерных симуляций, деловых и ролевых игр, разбора конкретных ситуаций, психологических и иных тренингов, групповых дискуссий, результатов работы студенческих исследовательских групп, вузовских и межвузовских телеконференций, игровой судебный процесс) в сочетании с внеаудиторной работой с целью формирования и развития профессиональных навыков обучающихся.

Термин интерактивный («Inter» – это взаимный, «act» – действовать) означает взаимодействовать, находиться в режиме беседы, диалога с кем-либо². Другими словами, в отличие от активных методов, интерактивные ориентированы на более широкое взаимодействие студентов не только с преподавателем, но и друг с другом и на доминирование активности студентов в процессе обучения.

Таким образом, интерактивное обучение – это, прежде всего, диалоговое обучение, в ходе которого осуществляется взаимодействие между студентом и преподавателем, между самими студентами.

Практические занятия в интерактивной форме – это большая взаимная работа.

Задачами интерактивных форм обучения являются:

- пробуждение у обучающихся интереса к предмету;
- эффективное усвоение учебного материала;
- самостоятельный поиск учащимися путей и вариантов решения поставленной учебной задачи;
- формирование профессиональных навыков;
- выход на уровень осознанной компетентности студента.

Внедрение интерактивных форм обучения – одно из важнейших направлений совершенствования подготовки студентов в современном вузе. Теперь для преподавателя недостаточно быть компетентным в области своей специальности

Говоря простым языком, студенты легче вникают, понимают и запоминают материал, который они изучали посредством активного вовлечения в учебный процесс. Исходя из этого, основные методические инновации связаны сегодня с применением именно интерактивных методов обучения.

В ходе практических занятий использование интерактивных форм не должно быть бессистемным.

Во-первых, их выбор необходимо коррелировать с конкретной темой³, а во-вторых, введение арсенала интерактивных форм следует проводить от простого к сложному. При этом следует оговориться, что сами формы, как таковые, сложно отнести к простым или сложным – такая квалификация проводится самим преподавателем в контексте конкретного их наполнения для того или иного случая.

Так, применительно к тематике международного частного права сначала рекомендуется использовать ситуативные задания, когда слушатели просто идентифицируют себя с учебным материалом, например, предлагается помочь своему родственнику или знакомому, объяснив ему каким образом, имеющееся у него на руках судебное решение может быть исполнено в другой стране, например, в Украине или в Узбекистане.

Здесь студент в развернутом, но относительно простом, ответе на вопрос демонстрирует умение применять знания на практике, давать квалификацию. При этом он видит конкретность и утилитарность полученных знаний.

Более сложный мыслительный, творческий и познавательный процесс происходит при использовании таких интерактивных методов, как круглый стол или проектная работа. Приоритетно эту форму следует использовать, когда необходимо охватить большой однородный материал из значительного количества обособленных частей, например, при изучении наследственных отношений в международном частном праве невозможно ограничиться одними коллизионными нормами, поскольку сама система принятия наследства, формы завещания, очередность наследников принципиально разнятся, что сказывается даже на терминологии. Более того, в английском праве наследование – институт семейного, а не гражданского права, поэтому арсенал коллизионных норм, отраслевой подход и весь механизм иной.

В ходе проектной работы или круглого стола заслушиваются доклады студентов по различным странам, в том числе по коллизионным нормам, затем происходит обсуждение докладов в сравнительно-правовом контексте. Во-первых, именно этой формой достигается максимальное запоминание материала, так как каждая страна у студентов начинает ассоциироваться с конкретным докладчиком, а не сливается в единый котел, во-вторых, тема очень живая, всегда вызывает много юмора и живое участие в последующей дискуссии, когда студенты начинают сопоставлять, в какой стране и почему более благоприятные условия для детей или для пережившего супруга или для дальних родственников. Студенты как бы включаются в изучаемую ситуацию.

При обсуждении в аудитории несколько раз проговаривается квинтэссенция докладов в разной эмоциональной окраске, что способствует необыкновенно продуктивному результату. В заключении,

аудитория решает последний вопрос: о коллизионных нормах представленных государств. Вопрос значительно более сложный. Однако, когда студенты ошибаются – теперь ими ощущается яркое понимание «цены» ошибки и полное представление того, что скрывается за сложными формулировками.

Следующий уровень сложности может быть выражен моделированием ситуации, когда дается некая фабула, в рамках которой студент сначала сам должен спрогнозировать несколько вариантов ее развития, после чего выбрать наиболее удачный. Например, при изучении брачно-семейных отношений в международном частном праве, когда студенту предлагается дать юридическую консультацию будущим супругам, желающим заключить смешанный брак или супругам, желающим расторгнуть такой брак. Теоретически и то и другое можно сделать в любой стране (странах гражданства каждого или стране совместного места жительства), но практически, от выбора места будут зависеть и сама возможность расторжения (заключения) брака: и процедура, и правовые последствия. Рассуждая, примеряя варианты, студент должен выбрать наиболее выгодную схему для своего условного клиента,

т.е. студенты побуждаются к активным действиям, переживают состояние успеха и, соответственно, мотивируют свое поведение.

В результате, будущим специалистом приобретается целый ряд важнейших профессиональных компетенций, таких как: способность квалифицированно толковать нормативные правовые акты (ПК-7); способность квалифицированно применять нормативные правовые акты в конкретных сферах юридической деятельности, реализовывать нормы материального и процессуального права в профессиональной деятельности (ПК-2); способность разрабатывать нормативные правовые акты (ПК-1); и др.

Это становится возможным именно при использовании интерактивных методов.

¹ Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 14 декабря 2010 г. № 1763 (Зарегистрировано в Минюсте РФ 1 февраля 2011 г. № 19648)

² Дзуличанская Н.Н. Интерактивные методы обучения как средство формирования ключевых компетенций // Наука и образование апрель 201 г.

³ См. напр.: Осавелюк Е.А. Программа учебной дисциплины «Международное частное право». М.: Финуниверситет, 2013. С. 40.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ С ЕВРОПЕЙСКИМ СОЮЗОМ И СОЕДИНЕННЫМИ ШТАТАМИ АМЕРИКИ

ВИКТОР НИКОЛАЕВИЧ ФАДЕЕВ,

доктор юридических наук, профессор,

профессор кафедры криминологии Московского Университета МВД РФ

Научная специальность 12.00.08 – международное право, европейское право

Рецензент: доктор экономических наук, кандидат юридических наук,

профессор Эришвили Н.Д.

E-mail: fadei87@mail.ru

Аннотация. За последние два десятилетия Запад и США привыкли к новому образу России как поверженной стране, правопреемнице капитулировавшего в «холодной войне» Советского Союза. Но Россия – независимое государство, и, как у любого государства, у России имеются свои геополитические интересы, а значит, существуют силы, которые угрожают или будут угрожать России в XXI в. Необходимо это понимать и принимать меры, чтобы сглаживать и преодолевать все эти негативные моменты, используя международно-правовые механизмы, если мы хотим остаться сильным, независимым, авторитетным на международной арене государством.

Ключевые слова: экономический, финансовый и политический кризис; «холодная война»; наркотрафик; геополитические интересы; военно-политический кордон; однополярный мир; цивилизационный кризис; дестабилизация; очаги нестабильности, международное право, международные отношения.

Annotation. For the last two decades West and USA got used to the new image of Russia as defeated country, successor-state of the capitulated in the «cold war» Soviet Union. But Russia is an independent country, as an any state Russia has her own geopolitical interests, which means that there are forces that threaten or will threaten to Russian in the 21-st century. It is necessary to understand and to take necessary measures in order to smooth out and overcome negative points, if we want to remain strong, independent, recognized on the international scene state.

Keywords: economic, financial and political crisis, «cold war», drug traffic, geopolitical interests, military – political cordon, unipolar world, civilization crisis, destabilization, centers of instability, International law, European law.

Сегодня мировое сообщество, да и Россия, находятся на этапе смены цивилизационных эпох. Этому периоду обычно свойственно утрата устойчивости и возрастание вероятности различных кризисных явлений: от экономических и политических до техногенных и природных. Экономический, финансовый и политический кризис начался в конце 2008 г., и продолжается в настоящее время. Россия не очень пострадала от этого кризиса, но угрозы второй и третьей волны кризиса еще не миновали. Впереди Россию ждут непростые времена в связи с необходимостью смены парадигмы развития.

Евросоюз – важнейший международный партнер, с которым Россия заключила масштабное соглашение торгово-политического характера. Подписанное в 1994 г. и вступившее в силу три года спустя СПС является международно-правовым документом, который по-прежнему определяет основы отношений Россия–ЕС. До этого действовало соглашение о торговле и сотрудничестве между СССР и Европейскими сообществами от декабря 1989 г. Затем оно по объективным обстоятельствам утратило силу.

Один из самых существенных нынешних «перекосов» в сотрудничестве между Россией и ЕС состоит в том, что мы все еще руководствуемся базовым документом, который, во-первых, разрабатывался с учетом целей и интересов сторон почти двадцатилетней давности; ими определялись его содержательная нагрузка и приоритеты. Во-вторых, уже давно весьма успешно выполнено большинство заявленных в нем задач. Наконец, он не охватывал многие сферы, прежде всего неэкономического характера, по которым Москва и Брюссель стали взаимодействовать позднее – причем по обоюдному согласию и в обоюдных интересах. Не говоря уже о том, что СПС было сориентировано на тогдашний, более «компактный» состав членов Евросоюза. Тем не менее, опыт, связанный с разработкой и реализацией СПС, представляется полезным для, надеемся, финальной стадии усилий по заключению НБС. Если исходить из целесообразности именно интеграционных процессов между Россией и Евросоюзом, то СПС весьма дозировано ограничивалось преимущественно экономической и торговой сферами. Поэтому сторонники более тесных отношений призывали к «особой ассоциации» Россия–ЕС, что требовало полной замены Соглашения на новый договор, прописывающий такую задачу. Даже та часть экспертных сообществ, ратовавшая за самые тесные контакты, не ставила в обозримой перспективе цель вхождения России в Евросоюз. Такая ассоциация, в свою очередь, должна быть нацелена на содействие в развитии демократических институтов и гражданского общества – наряду с экономической модернизацией России¹.

Но Россия – независимое государство, и, как у любого государства, у России имеются свои геополитические интересы, а значит, существуют силы, которые угрожают или будут угрожать России в XXI в. Необходимо это понимать и принимать меры, чтобы сглаживать и преодолевать все эти негативные моменты, если мы хотим остаться сильным, независимым, авторитетным на международной арене государством².

Рассмотрим основные моменты противостояния и сшибки интересов России с другими странами.

Начнем с того, что Россия унаследовала минимум две трети территории, весь «гардероб» проблем и сложившиеся десятилетиями отношения Советского Союза с США и Западом, а также с остальным миром. Поэтому западная угроза, в первую очередь, со стороны стран НАТО во главе с США для России не нова. Известно, что наиболее острые формы военно-политическое противостояние приобрело после окончания второй мировой войны. Оно, то затухало, то вспыхивало с новой силой, и, в той или иной форме, продолжается до сих пор.

На современном историческом этапе Запад, в первую очередь США, претворяют в жизнь в отношении России следующие цели:

- взять Россию с помощью военной силы в, так называемые, «клещи»;
- создать тройной, назовем его для простоты понимания, «военно-политический кордон», который бы отгораживал и защищал их от России и деградирующего населения;
- в конечном итоге, уничтожить Россию как политическую, экономическую, военную супердержаву, расчленив её на части, создав абсолютно однополярный мир, во главе с США.

Напомним, что удав убивает жертву обхватом трех колец.

К этой цели западные державы стремятся давно, и, как мы видим, успешно претворяют ее в жизнь. И не надо думать, что во всем виноваты только большевики, разрушившие российскую империю в 1917 г. и начавшие строить пресловутый коммунизм, который после 1917 г. был просто поводом, чтобы более активно и сообща довершить ранее задуманное. Известно, что до 1917 г. в России коммунизма не существовало, да и сегодня он почти разгромлен и отторгнут большинством населения. Тем не менее, угроза была и до 1917 г. и существует сегодня.

Значит, причины более глубокие.

Не будем здесь докапываться до истины, оставим это историкам.

Нас интересует эффективность реакции государства на эти угрозы и навязанное России противостояние. Ибо сегодня стоит задача о реформировании основного закона государства – конституции, которая должна обеспечить наиболее эффективное мирное сосуществование России в первую очередь

с США и Европой на западе, а на востоке – с Китаем и Японией.

Итак, первая линия противостояния с СССР была создана с образованием Северо-Атлантического союза. Это была и есть самая мощная военная группировка западных стран и США против бывшего СССР. Она протянулась от Северной Америки через Гренландию, Северную Атлантику, Норвегию, всю Западную Европу, Средиземноморье, Турцию. Разветвленная сеть военных баз и военно-морских флотов подпирают Россию с северного и южного направлений.

С распадом СССР ничего не изменилось. Наоборот, для России, ситуация только ухудшилась. В настоящее время ударными темпами строится вторая военная линия. Она должна включить в себя так называемые страны бывшего социалистического лагеря. Первыми в НАТО были втянуты Польша, Венгрия, Чехия, страны Балтии. Они приняты в НАТО по одной простой причине – через их территории пролегает наиболее короткий путь из России в Западную Европу. Цель очевидна – нейтрализовать Россию, в первую очередь, по этому направлению. Что и было сделано. Вопрос с некоторыми бывшими республиками Югославии, Болгарией, Румынией, Словакией также решен – они согласны были даже на коленях ползти в НАТО.

Ситуация на Балканах сегодня сложилась против России. Осталось только добить остатки Сербии, и вторая линия готова. И это дело времени.

Одновременно, пока еще осторожно, с оглядкой на Россию, Запад начинает формировать третью «линию обороны» – окраинную для них, но ближнюю для России – третий санитарный кордон. Уже просматривается дуга этого кордона – члены НАТО Эстония, Латвия, Литва, а также рвущиеся в НАТО Грузия, Азербайджан, Молдова и, вероятно, Украина.

Временные трудности пока возникли со Среднеазиатским регионом. Но, благодаря афганскому конфликту, США и НАТО узаконили свое пребывание в Узбекистане, а также согласовали использование воздушного пространства России для переброски военных грузов в Афганистан.

Конечно, вожделенный кусок для НАТО – Белоруссия. Проблема вступления в НАТО Белоруссии более актуально для США и Запада, чем даже Украины. Грузия и Азербайджан отгорожены от России Большим Кавказским хребтом и особыми экономических интересов у России в этих странах нет. Бакинская нефть спокойно перекачивается по нефтепроводу Баку-Джейхан через территорию Грузии, минуя Россию. «Кость в горле» у Запада – Калининградская область.

В ближайшие годы России следует быть готовой к тому, что атмосфера вокруг Калининградской проблемы будет одогреваться и накаляться.

Стратегическая цель – вернуть Калининградскую область бывшим хозяевам – Германии под эгидой исторического возрождения Восточной Пруссии. И вообще, с развалом СССР начала активно проявляться тенденция к пересмотру итогов второй мировой войны. Главный аргумент – Советского союза как одного из гарантов послевоенного устройства мира и Европы уже нет, к тому же Советский Союз сам нарушил незыблемость послевоенных границ, пойдя на объединение Германии, а Россия в этом вопросе не является полноправной наследницей СССР, так как де-юре не участвовала во второй мировой войне. Учитывая нашу «слабость», этот сценарий развития событий вокруг Калининградской области вполне вероятен.

Что нам могут предложить в обмен на открытие границы анклав с Европой?

Скорее всего, это будет контроль территории анклава совместными с НАТО и Россией силами, или различными комиссиями, введение спецпропусков для пересечения границы с единой Европой только для жителей Калининградской области. Но, главное условие, – вывести все вооруженные силы РФ с территории Калининградской области. Это будет та ключевая проблема, на которую замкнется решение всех вопросов.

НАТО не нужен этот клин между второй и третьей линией санитарного кордона от России. Для России – это единственный силовой инструмент давления на НАТО. Если Россия уступит, выведет войска, с нами просто перестанут считаться. Это будет началом конца, которое приведет к потере Россией территории Калининградской области.

Рано или поздно – это может произойти. Но сегодня армии нельзя уходить, России нельзя выпустить ситуацию из-под контроля. Надо сопротивляться всей имеющейся политической, экономической и военной мощью. Надо выждать, надо оттянуть время. США и Запад сегодня накануне глобального цивилизационного кризиса, последствия которого для этих стран трудно предсказать.

В целом, совершенно очевидно, что в ближайшие годы или десятилетия, если не произойдет кардинальных изменений на международной арене, Запад попытается сформировать эти три линии или полосы безопасности.

После этого Россия окажется в тисках НАТО, которые будут сжимать нашу территорию с севера и юга. В центральной, европейской, части этой дуги будет размещаться самая мощная по вооружениям военная группировка в истории человечества – блок НАТО. Все это даст возможность Западу, во главе с США, диктовать свою волю России, требовать от нас военных, политических и экономических уступок. Более того, этот процесс, не без успеха с их стороны, и, не без помощи со стороны наших либералов всех уровней, включая политическое руковод-

ство, идет семимильными шагами уже с конца 80-х годов прошлого века.

Дальнейшие их действия будут направлены на то, чтобы разрушить союз Белоруссии и России. Ставка будет делаться на оппозицию. Совершенно очевидно, что если оппозиция придет к власти, разумеется, не без помощи Запада и наших либералов, то она разрушит все, что было сделано ранее для союза России и Белоруссии.

И страшно даже не то, что этот союз распадется, а то, что это подорвет экономику обеих стран, внесет хаос в политические процессы, да и, просто, приведет оба государства к огромным материальным и финансовым потерям, затормозит интеграционные процессы на всем постсоветском пространстве.

Запад будет добиваться именно этого любыми средствами.

Этому надо противостоять любой ценой.

В этой связи инициатива Владимира Путина о создании евразийского союза и зоны свободной торговли, которую подписали восемь республик бывшего СССР в Санкт-Петербурге в конце октября 2011 г. (уже девять – Узбекистан вошел в зону свободной торговли в начале 2014 г.), весьма важный шаг в нужном направлении.

По сути, этим соглашением наряду с таможенным союзом трех государств России, Белоруссии и Казахстана, заложен фундамент для четвертого экономического центра, наряду с США, Японией и Западной Европой.

Безусловно, четвертый экономический центр, который создается на постсоветском пространстве, серьезно нарушает планы стратегов из НАТО и Пентагона.

Надо заметить: чем более нестабильна обстановка в «колеблющихся» республиках бывшего СССР, тем усиленнее Запад поддерживает эту нестабильность, тем выгоднее им эта нестабильность. Пользуясь этим, американцы под любым предлогом проникают в эти страны, создают сеть военных баз. Показательным примером является Афганский конфликт, Иракская война и проникновение американцев в Среднюю Азию, Южно-Осетинский и Абхазский конфликт и проникновение их в Грузию.

В тех республиках бывшего СССР, которые находятся на прозападных позициях: Эстония, Латвия, Литва – все спокойно.

В государствах, которые еще решают куда вернуться: Молдова, Украина, Азербайджан, республики Средней Азии – политическая, экономическая, военная нестабильность.

Отсюда, и нестабильность во взаимоотношениях этих республик с Россией. При этом, и Запад и отдельные политические силы в этих государствах, во всех грехах обвиняют Российскую Федерацию и русских. Мы не успеваем оправдываться.

Одновременно идет массированное выдавливание, под любыми предлогами, русских из этих республик.

Дальнейший этап борьбы Запада с Россией – дестабилизация обстановки в национальных административных образованиях, входящих в состав Российской Федерации. Конечная цель – выход их из состава Российской Федерации.

В результате, это ведет к развалу остатков Российского государства и прекращению его существования как великой мировой державы. У нас перед глазами пример Югославии.

Показателен также и пример с Ираком. Сначала военное вторжение, основанное на ложных обвинениях, казнь лидера, разоружение страны с использованием международных организаций и санкций, оккупация, создание сети военных баз для подавления всякого сопротивления, введение удобного политического режима. Наконец, использование страны в своих политических, военных и экономических интересах, в том числе, с целью военного проникновения в соседние страны.

Ливия повторила судьбу Ирака. Тот же сценарий только силами наемных легионеров и «отмороженной молодежи», ваххабитов и террористов из Аль-Каиды с использованием авиации НАТО.

В будущем, чтобы Россия меньше вникала в мировые дела, будут поддерживаться очаги нестабильности на ее территории и территориях бывшего СССР. Не секрет, что создавая третью линию обороны, Запад будет ссылаться на нестабильную обстановку в некоторых регионах Северного Кавказа (Чечня, благодаря усилиям Рамзана Кадырова, постепенно перестает быть очагом нестабильности), Таджикистане, Южной Осетии и Абхазии, Киргизии.

Возможно возникновение новых очагов нестабильности: Крым, Дагестан, Осетия, Ингушетия, Татария, Башкирия, в перспективе – весь Северный Кавказ, Калмыкия, Тува, Бурятия, Якутия.

Запад и либералы не перестают «мусолить» русский вопрос в бывших республиках СССР, осуждение тоталитарных режимов и идеологий, под которым в первую очередь понимается советский коммунизм, в экспансии которого винят Россию и русский народ. Цель очевидна: «бывшие» постсоветские республики держать на коротком строгом поводке, запугивая угрозой со стороны России.

Запад всячески старается нарушить торговые экономические связи России с бывшими республиками СССР. Им обещают, их завлекают. А те, «разинув рот», ждут, когда западные инвестиции потекут к ним.

Однако, если рассматривать проблему Россия – Запад в глобальном измерении, то становится очевидно, что благополучному Западу большая война с Россией не нужна, им желательно нас использовать для решения своих глобальных или национальных

интересов. Мы еще сильны, и Запад это понимает – Наполеон и Гитлер пока у всех на памяти.

Но совершенно отчетливо просматривается тенденция и стремление ослабить, раздробить, отодвинуть Россию в ряд стран «третьего мира», чтобы использовать наши природные, экономические, финансовые ресурсы для своего развития и процветания.

Сегодня мир как глобальный супермегаполис, где «золотой миллиард» живет в фешенебельных кварталах с высоким уровнем доходов, комфортной средой обитания и жизнедеятельности и прекрасным сервисом, а остальные территории отведены для промышленных площадок с различным уровнем производства промышленной и сельскохозяйственной продукции, хранения и переработки отходов. Россия занимает восьмую часть суши, располагает огромными до сих пор не оцененными запасами природных ресурсов, обладает ядерным оружием. Европа с этим не считается просто не может. Что касается США, то им Россия пока нужна как противовес против растущих амбиций Европы и сдерживания экспансии Китая, прежде всего в США.

Поэтому Россию пока принимают в различные мировые клубы, которые практически ничего не решают. При этом выдвигаются особые для России требования, заставляя ее идти на уступки. Это говорит о том, что Россия, в отличие от Советского Союза, перестала быть самодостаточной страной, способной себя прокормить и защитить. В то же время, Россия пытается сохранить некоторые признаки былого величия Советского Союза как мировой Державы. Чтобы окончательно унижить Россию, по многим рейтингам нас причисляют к группе отсталых африканских стран.

Собственно в этом виновата российская политическая и бизнес элита, которая предпочитает делать деньги в России, а в перспективе жить за границей. Не зря Збигнев Бжезинский как-то обмолвился, что непонятно чья элита сегодня в России – наша или ваша. Судя по пятистам миллиардам долларов, которые российская элита (бизнес и чиновники) держат на счетах в западных банках получается, что российская элита не наша, не российская, а западная. Становится понятным, чьи интересы она защищает.

То, что из нищей России сегодня утекают в развитые страны миллиарды долларов, по сути, финансируя их сытую жизнь, ни для кого не секрет.

То, что мы весь золотовалютный запас, да и собственные деньги в основном храним в долларах и евро, а это дает возможность Западу в любой момент обрушить нашу экономику, тоже все знают. При любом конфликте или отказе следовать их установкам, Запад может легко заблокировать валютные счета России.

Запад не хочет долгосрочного равнопартнерского взаимодействия с Россией. Место России на ба-

заре, а не в роли постоянного сетевого поставщика. Покупать можешь, почти, что угодно, но продавать только то, что Западу крайне необходимо.

Запад больше устраивает торговля с Россией как на колхозном рынке – базаре. Пришел на рынок – купил, сколько надо, а если не надо, то можно и не покупать. А то, что привез товар, потратил время и деньги на производство и транспортировку – твои проблемы.

В ВТО так нельзя поступать. Раз кто-то что-то произвел, значит, кто-то это должен обязательно купить.

К России это правило стараются не применять, держат Россию в зоне постоянного риска.

Вот почему Россию с большим трудом пустили в ВТО, обставив наше вступление невыносимыми условиями, хотя в ВТО много далеко не самых передовых в экономическом отношении стран.

ВТО, как и МВФ, давно превратились в политические организации, в оружие давления США и Запада на другие страны.

Более того, в последние десятилетия идет открытое разграбление и вывоз наших природных богатств и полезных ископаемых через страны Прибалтики, регионы Дальнего Востока. Эстония, благодаря Таллинскому порту, стала мировым лидером по отгрузке цветных металлов, в первую очередь меди.

Пора переставать кричать на всех перекрестках, что надо что-то делать, чтобы не превратиться в сырьевой придаток Запада. Поздно! Мы уже давно в него превратились. Для этого достаточно посмотреть на структуру нашего экспорта и импорта.

В финансовый капкан мы себя загнали сами без советов консультантов из МВФ и при активной помощи доморощенных либеральных доценто-экономистов. Миллиарды долларов, которые наш крупный бизнес брал в долг, тут же уплывали на Запад, смывая туда же и наши финансовые ресурсы.

А что же осталось России? Эти же долги плюс проценты.

Когда наступит час «X» туда же эмигрируют хозяева этих миллиардов, оставив России и народу право рассчитывать по кредитам.

Деньги, заработанные в России, особенно в последние годы, оседают на Западе. Вместе с нашими природными ресурсами, образцами передовой техники и технологий, наши деньги работают на западную экономику, на западного потребителя, а значит против России, против нас.

Не пора ли остановиться и сказать твердо «нет!» тем, кто поставил Россию в такую позу. Мы практически все отдаем, а у нас остается разруха и в стране, и в головах.

Мы боимся отказаться от роли сырьевого придатка с вороватыми посредниками. Мы упорно отапливаем всю Европу, невзирая на то, что Евро-

па активно ищет нам альтернативу. США отдали на растерзание Ливию Европе в знак благодарности за Ирак. Пока Запад не найдет весомую замену российской нефти и газу, нам, всеми доступными и недоступными средствами, не позволят отказаться от роли сырьевого придатка.

Мы спокойно наблюдаем, как Запад и США внедряются в Каспий и Среднюю Азию, Афганистан, Ближний Восток, Закавказье, Турцию, Украину, Польшу. Им нужны новые источники сырья и новые путепроводы, минуя Россию.

Нас с большим трудом пустили в сетевой мировой рынок под названием ВТО. Владея дефицитом, не проще ли сказать: не хотите российского сырья по нашим ценам, покупайте у других. А вот как прокормить себя без «ножек Буша», аргентинской говядины, немецкой свинины и испанских огурцов – вопрос к нашему политическому руководству. Да, валюта нам нужна. Но для каких целей? В этом надо еще разобраться.

Безусловно, Россия должна иметь пути транспортировки своих ресурсов напрямую, без посредников, исключив малейшую попытку шантажа «перекрытием крана» или завышением цен на транзит. Это вопрос национальной безопасности.

Но дальновиднее – наладить переработку природных ресурсов у себя, внедрять передовые технологии, максимально сориентировать экономику на внутренний рынок в рамках таможенного союза и единого экономического пространства. Затраты окупятся сторицей. В ближайшие годы перейти со всеми, без исключения, на мировые цены. Скидок, поблажек – никому, ни под каким предлогом.

Никакие потуги Запада не смогут компенсировать их зависимость от российского сырья, нефти и газа. Не пора ли нам переходить на более глубокие уровни переработки сырья и продавать на внешнем рынке если не готовую продукцию, то полуфабрикаты.

Запад давно уже понял: чтобы жить стабильно и достойно, надо дать работающей массе населения, как это ни примитивно звучит, хорошее жилье, достойную зарплату, дешевые автомобили, продукты питания и товары ширпотреба, доступный отдых, гарантированное пенсионное обеспечение. Другими словами, создать комфортные условия жизни для большинства, а не для меньшинства, используя свои ресурсы и ресурсы других государств. И все это необходимо надежно охранять с помощью вооруженных сил.

Таким образом, Российской Федерации необходимо активно развивать международную правовую базу как на двусторонней, так и на многосторонней основе с ЕС и США в целях обеспечения национальных интересов в различных сферах. При этом основной упор должен быть сделан на экономической и военно-стратегической сферах. Заключение же договоров в данных областях должно осуществляться после комплексного стратегического анализа последствий на длительный период.

¹ Кулик С.А. Россия – Европейский союз: о развилках стратегического партнерства. URL: http://www.mgimo.ru/alleurope/2006/68/Russia_EU_Kulik.pdf

² Фадеев, В.Н. Россия и глобальные вызовы цивилизации // В.Н. Фадеев, А.В. Долганов // Российский криминологический взгляд. 2012. № 1 (29) С. 306–374.

СТРУКТУРА ПОЛИЦИИ РЕСПУБЛИКИ СЕРБИЯ

ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ БАЧИЛА,
кандидат юридических наук, доцент,
генерал-майор милиции,
начальник учреждения образования
«Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь»
Научная специальность 12.00.12 – криминалистика;
судебно-экспертная деятельность;
оперативно-розыскная деятельность

Аннотация. Рассматривается структура полиции Республики Сербия; анализируются функции и задачи подразделений полиции Министерства внутренних дел.

Ключевые слова: департамент полиции, жандармерия, специальное антитеррористическое подразделение, противотеррористическое подразделение, вертолетный отряд и др.

Annotation: The article describes the structure of the police in Serbia, analyzes the functions and tasks of the police departments of the Ministry of Interior.

Keywords: police department, gendarmerie, special anti-terrorist unit, counterterrorism unit, helicopter detachment and others.

Сербская полиция имеет централизованную структуру и находится под юрисдикцией Министерства внутренних дел (МВД) Республики Сербия, которое состоит из различных служб и подразделений. МВД возглавляет министр, он же является премьер-министром Республики Сербия. Три государственные секретариата помогают министру исполнять свои полномочия. Управление полиции находится в ведении директора полиции. Полиция включает в себя 161 муниципальную станцию (полицейский участок), 62 станции (участка) пограничного контроля и 49 станций (участков) по контролю дорожного движения. Полиция Сербии является профессиональной организацией, в которой по данным 2014 г. служат 46 652 человека, из них 27 667 аттестованных сотрудников и 16 430 гражданских лиц. До 3 января 1997 г. полиция именовалась милицией. Переименование было проведено в соответствии с Законом о внутренних делах.

В структуру МВД входят:

- кабинет министра;
- секретариат;
- дирекция полиции;
- сектор по аналитике, телекоммуникациям и информационным технологиям;
- сектор внутреннего контроля полиции;
- сектор по чрезвычайным ситуациям;
- сектор внутреннего аудита;
- сектор финансов, кадровой работы (человеческих ресурсов) и общих вопросов.

Кабинет министра обеспечивает своевременную и полную информацию министра о событиях, мероприятиях и информации, относящейся к работе МВД, осуществляет сбор, обработку, анализ и обмен информацией по вопросам безопасности, обеспечивает защиту от утечки информации в устной, письменной или электронной форме и принимает соответствующие меры в этом направлении, организует взаимодействие между подразделениями МВД, международными полицейскими организациями, средствами массовой информации, готовит материалы для заседаний министра и др.

Все это выполняется соответствующими подразделениями кабинета министра: отделом по безопасности, бюро по стратегическому планированию, бюро по международному сотрудничеству и европейской интеграции, бюро по жалобам и претензиям, бюро по связи со средствами массовой информации, бюро по информации общественной значимости.

Секретариат представляет интересы МВД в целом, обеспечивает плановую, эффективную и скоординированную работу всех структурных подразделений, а также правовую деятельность. Данное структурное подразделение сотрудничает с другими учреждениями и организациями.

Секретариат состоит из отдела по вопросам законодательства, отдела по общим вопросам, отдела по жилищному строительству.

Центральным звеном министерства выступает *Дирекция (департамент) полиции*, включающая:

- управление криминальной (уголовной) полиции;
- управление полиции;
- управление по безопасности лиц и объектов;
- подразделение по защите свидетелей;
- управление дорожной полиции;
- управление по международному оперативному сотрудничеству полиции;
- управление пограничной полиции;
- управление по административным делам;
- оперативный центр;
- жандармерию;
- специальное антитеррористическое подразделение (SAJ);
- противотеррористическое подразделение;
- вертолетный отряд;
- команду переговорщиков;
- координационное управление Косово и Метохии;
- управление полицией в Белграде;
- региональные полицейские управления.

Подразделения Дирекции полиции осуществляют полицейские функции, связанные с защитой жизни, безопасности и собственности граждан: оперативно-розыскную деятельность; применение оперативных, специальных технических средств и тактических мер по выявлению и документированию всех уголовных преступлений; выявление и предотвращение преступлений; выявление и задержание преступников; обнаружение и уголовное преследование лиц, совершивших преступления, для которых в соответствии с законом введены специальные процедуры (организованная преступность, военные преступления, киберпреступность и т.д.); защиту участников уголовного судопроизводства; международную помощь и другие формы международного сотрудничества; охрану общественного порядка, обеспечение митингов и собраний граждан; защиту определенных лиц и объектов, в том числе иностранных дипломатических представительств и консульских учреждений Республики Сербия; контроль за работой региональных отделений полиции; обеспечивают безопасность, контроль и регулирование на дорогах; безопасность государственной границы и пограничный контроль, а также контроль за передвижением и проживанием в приграничной зоне; следит за нелегальной миграцией и торговлей; приобретением, хранением и ношением оружия и боеприпасов; гражданством; присвоением персонального идентификационного номера; выдачей удостоверений личности, паспорта, пропиской, регистрацией транспортных средств и осуществлением других административных процедур и др.

Управление криминальной (уголовной) полиции:

- отдел по оперативной аналитике (включает отдел по оперативной аналитике, отдел по оператив-

ному учету и документам, отдел по поддержке программного обеспечения);

- отдел по мониторингу и исследованиям феномена (явлений) терроризма (включает отдел по наблюдению и расследованию терроризма, совершаемого на этнической почве, отдел по мониторингу и исследованию терроризма, мотивированного на религиозной почве);

- отделение контрразведки;

- отдел по наблюдению и документированию (включает отделение по наблюдению, отделение по эксплуатации и техническому обслуживанию оборудования, отделение по аресту и задержанию);

- группа криминальной психологии и полиграфных испытаний;

- служба по борьбе с организованной преступностью (включает отдел по борьбе с незаконным оборотом наркотиков¹, отдел по борьбе с организованными финансовыми (экономическими) преступлениями², отдел по борьбе с киберпреступностью³, отдел по борьбе с организованной общеуголовной преступностью⁴, отдел оперативной связи, дежурной части и безопасности⁵, группу по финансовым расследованиям⁶);

- служба по предупреждению преступности (включает отдел по борьбе с экономическими преступлениями⁷, отдел по борьбе с общей преступностью⁸);

- служба по военным преступлениям (WAR) (включает отдел по расследованию преступлений против человечности и международного права и поиску пропавших без вести, отдел по сотрудничеству с Гаагским трибуналом, аналитической разведки и документации);

- служба по специальным методам расследования (включает отдел по обычному наблюдению⁹, отдел по электронному наблюдению¹⁰, отдел по эксплуатации и предоставлению информации¹¹);

- служба по полицейской разведке и негласным (тайным) агентам (включает отдел по полицейской разведке (отделения по полицейской разведке имеются в Белграде, Нише, Крагуеваце, Кралево, Валево, Пожареваце, Нови-Саде, Панчево, Суботице, Ужице), отдел по негласным (тайным) агентам¹²).

Национальный судебно-технический центр включает отдел по анализу ДНК и управлению коллекциями профилей ДНК, отдел по экспертизам, отделение по регистрации и идентификации лиц и неопознанных тел через АФИС / ФИС и фоторобот, отделение по судебно-медицинским и биологическим исследованиям и экспертизам, отделения в Нише и Нови-Саде, имеющие в своем составе соответственно две и одну группы.

Управление полиции (аналог милиции общественной безопасности):

- отдел по организации, профилактике и охране общественного порядка (включает отделение по ор-

ганизации и развитию полиции, отделение по профилактике, отделение по работе полиции с обществом);

- отдел по общественному порядку и другим видам деятельности полиции (включает отделение по общественному порядку и миру, отделение по общественным собраниям, отделение по контролю за преступностью и другим вопросам полиции);

- отдел по контролю и предотвращению насилия на спортивных мероприятиях – Национальный футбольный информационный центр (включает отделение планирования и контроля мер безопасности при проведении спортивных мероприятий, отделение по отслеживанию (мониторингу) группы фанатов и обмен информацией о спортивных мероприятиях);

- отдел по спецоперациям, особым подразделениям полиции, подготовке обороны и составу вспомогательной полиции (включает отделение по конкретным действиям специального полицейского подразделения, отделение по подготовке обороны и состава вспомогательной полиции с группой для специального назначения);

- отдел по контролю за законностью в работе (включает отделение по слежению и контролю за законностью в работе, отделение по отслеживанию использования силы);

- отдел по мониторингу и планированию комплектования, подготовки и оснащению полиции (включает отделение по мониторингу и планированию комплектования, отделение по профессиональному образованию, отделение по физической подготовке, отделение по мониторингу и планированию оснащения).

Управление по безопасности лиц и объектов:

- отдел по сотрудничеству (взаимодействию) со службами разведки и безопасности учреждений и обеспечению безопасности работников управления;

- отдел обязанностей PDZ, ВНЗ и РТЗ;

- отдел по безопасности президента;

- отдел по безопасности спикера Национального собрания;

- отдел по безопасности председателя и некоторых членов правительства;

- отдел по безопасности министра;

- отдел по безопасности отдельных должностных лиц МВД;

- отдел по безопасности некоторых других лиц;

- отдел по безопасности отдельных иностранных деятелей и делегаций;

- отдел по безопасности дипломатических и консульских учреждений и других объектов;

- отдел по организации, мониторингу и планированию комплектования, обучения и оснащения.

Подразделение по защите свидетелей:

- отдел по оперативной работе (включает отделение по оперативной работе, отделение по оперативной работе с защищаемыми лицами);

- отдел по логистической работе (включает от-

деление по поддержке, отделение по внутренней безопасности);

- отдела по защите (включает отделение по тактической деятельности, отделение по чрезвычайным мерам);

- отделения по международному сотрудничеству и оперативно-технической работе.

Подразделения защиты свидетелей выполняют задачи, связанные с защитой участников уголовного судопроизводства и членов их семей, которые давали с риском для жизни, здоровья, физической неприкосновенности или имущества показания либо информацию, относящуюся к доказательствам в уголовном процессе.

Управление дорожной полиции:

- отдел по контролю и регулированию дорожного движения (включает отделение по контролю и регулированию аварийных участков дороги, отделение по контролю дорожно-транспортных происшествий и правонарушений, отделение по повышению безопасности движения, отделение развития, законности и оборудования);

- отдел по профилактике и транспортной безопасности (включает отделение по контролю транспортного потока, группу транспортной безопасности);

- отдел по дорожно-технической работе и разбирательству проступков (включает отделение по дорожно-технической и инспекторской работе, отделение по организации и производству по проступкам).

Управление по международному оперативному сотрудничеству полиции:

- отдел по работе с Интерполом;

- отдел по работе с Европолом;

- отдел по координации других форм международного сотрудничества;

- отдел по управлению информацией (включает отделение внешних связей, отделение обработки данных).

Управление пограничной полиции:

- оперативно-дежурный центр;

- отдел по границе (включает отделение человеческих ресурсов, отделение контроля пересечения государственной границы, отделение по пограничным делам, различным видам транспорта и внутренним пограничным переходам с пограничными полицейскими участками в Белграде¹³, Ниш-Аэропорте и Приштин-Аэропорте);

- отдел по развитию интегрированной системы управления границей (включает отделение по контролю за осуществлением комплексного управления границей, отделение планирования и развития, отделение по международному сотрудничеству);

- отдел по делам иностранцев (включает отделение по вопросам состояния, контроля за пребыванием и перемещением иностранцев, отделение по приему и размещению иностранцев в иммиграционных цен-

трах для задержанных и подразделение безопасного убежища для иностранцев, отделение убежища);

- отдел по борьбе с международной преступностью и уголовным делам (включает отделение по уголовным делам, отделение по борьбе с международной преступностью, отделение по борьбе с нелегальной миграцией и торговлей людьми) с региональными центрами в Венгрии, Румынии, Болгарии, Македонии, Албании, Боснии и Герцеговине, Хорватии.

Управление по административным делам:

- отдел по гражданству и другим административным процедурам (включает отделение по гражданству, отделение по регистрации личности, места жительства и других административных процедур, отделение по оружию);

- паспортный отдел (включает отделение контроля за выдачей паспортов в стране и дипломатическо-консульских миссиях, отделение по реализации приглашения о реадмиссии);

- отдел регистрации транспортных средств и водительских удостоверений (включает отделение административного контроля, отделение регистрации служебного автотранспорта).

Оперативный центр обеспечивает непрерывный мониторинг событий и явлений; оценку информации о чрезвычайных ситуациях; поддержку постоянной связи с дежурным персоналом в МВД и постовой службы в региональных полицейских подразделениях; доклад о всех значимых событиях и происшествиях министру, государственным секретарям, секретарю и помощникам министра; рассмотрение всех поступивших депеш; передачу приказов, инструкций и распоряжений; подготовку ежедневных отчетов об оперативно-служебной обстановке в стране и принятых мерах; выполнение задачи под руководством других организационных подразделений Дирекции полиции и др.

В структуру полиции входит несколько спецподразделений: *жандармерия*, выполняющая как гражданские, так и военные функции; предназначенные для борьбы с терроризмом и организованной преступностью *специальное антитеррористическое подразделение* (серб. Специјална антитерористичка јединица), основанное еще в Югославии и участвовавшее в боевых действиях в Косове и Метохии, и *противотеррористическое подразделение* (серб. Противтерористичка јединица), созданное в 2003 г. во время масштабных акций по борьбе с мафией. Известным специальным подразделением является *вертолетный отряд* (серб. Хеликоптерска јединица), созданный в 1965 г. и в настоящее время насчитывающий 22 вертолета.

Жандармерия состоит из командования жандармерии и четырех отрядов жандармерии.

Командование жандармерии объединяет управление командующего жандармерией, отделение информатики, отдел операций (включает отделение

планирования, отделение операций), отдел подготовки и обучения (включает отделение специальной подготовки, отделение физической подготовки), отдел разведки (включает отделение разведки, отделение аналитики), отдел безопасности и законности (включает отделение безопасности, отделение законности), отдел логистики, отдел связи (включает отделение электронного наблюдения, отделение радиопеленгации, отделение противозлектронных действий и криптографии, отделение эксплуатации и обслуживания средств связи), отдел здравоохранения и дайвинг-центр (центр подводного плавания).

Отряды жандармерии во многом дублируют управленческую структуру командования.

Специальное антитеррористическое подразделение (SAJ):

- группа по вопросам безопасности;
- группа оперативной техники;
- четыре специализированные команды (команды «А» и «В» с тремя группами в своей структуре, команда «С» с четырьмя группами в своей структуре и команда «D» с двумя группами в своей структуре);
- группа проектирования, исследования оружия и боеприпасов;
- медицинская группа;
- аварийная служба;
- техническая служба.

Противотеррористическое подразделение:

- группа обеспечения безопасности и законности;
- группа связи;
- группа операций;
- группа обучения;
- три специализированные команды;
- команда средств защиты и огневой поддержки;
- группа логистики.

Вертолетный отряд:

- отдел полетов;
- авиационно-техническая служба;
- отдел авиационно-технического и материально-го обеспечения;
- отдел по общим вопросам.

Команда переговорщиков МВД занимается освобождением заложников при беспорядках в тюрьмах и захвате зданий, во время уличных демонстраций, а также при угрозе самоубийства и убийства, когда можно влиять на поведение лиц, создавших конфликтные ситуации, с целью предотвращения их незаконного поведения и др.

Команда переговорщиков состоит из нескольких подкоманд, каждая из которых имеет руководителя, первого переговорщика, второго переговорщика, переговорщика, отвечающего за наблюдение за семьей жертвы, документалиста, психолога, специалиста по оперативно-технической поддержке.

При необходимости руководство команды может привлечь консультантов (по взрывчатым веществам, радиоактивным материалам и др.), профессиональ-

ного переводчика, человека, которому доверяет преступник или самоубийца (родственник, друг, священник, врач и др.), других лиц, которые могут внести свой вклад в разрешение конфликта.

Дирекция полиции осуществляет руководство *региональными полицейскими подразделениями, управлением полицией в Белграде* и координирует управление *полицейскими подразделениями в Косово и Метохии*.

В региональных полицейских подразделениях имеются службы, аналогичные Дирекции полиции МВД.

Сектор по аналитике, телекоммуникациям и информационным технологиям:

- управление аналитики (включает отдел аналитики, отдел оперативно-аналитической информации и учета, отдел планирования и развития);
- управление информационных технологий (включает отдел логистики, отдел проектирования и интегрирования, отдел интегрирования и аппликативной поддержки, отдел сетевой инфраструктуры, отдел компьютерной инфраструктуры, отдел использования компьютерных систем, отдел защиты, отдел подготовки информации и материалов, отдел персонализационного центра);
- управление связи и криптографической защиты (включает отдел планирования, развития и обслуживания систем коммутации связи, отдел оперативного планирования, защиты и эксплуатации связи, отдел планирования, развития и обслуживания систем радиосвязи, отдел электронной защиты и оперативной техники).

Управление аналитики непосредственно выполняет аналитические и информационные мероприятия, обеспечивает анализ внешней и внутренней информации, статистических исследований и мониторинга состояния безопасности и событий, стратегическое планирование и развитие МВД, а также подготовку аналитических материалов и отчетов.

Управление информационных технологий отвечает за организацию, развитие, совершенствование и эксплуатацию интегрированной автоматизированной информационной системы МВД и материально-технической поддержки оперативной деятельности в области применения информационных технологий. Основным сегментом интегрированной автоматизированной информационной системы является система для записи, обновления, хранения и обработки буковенно-цифровых данных.

Управление связи и криптографической защиты отвечает за планирование, разработку, строительство, надзор, эксплуатацию, техническое обслуживание и совершенствование телекоммуникационных систем МВД; организует и выполняет передачу речевой информации и неречевых данных, а также проводит шифрование, выявляет несанкционированных лиц, которые владеют и пользуются телекоммуникаци-

онным оборудованием, ведет контроль радиочастотного диапазона; проводит учебные курсы, семинары и другие формы профессионального образования и подготовки кадров для пользователей телекоммуникационного оборудования и обеспечивает непрерывное профессиональное развитие своих сотрудников; следит за последними событиями в области телекоммуникаций и предлагает методы повышения существующих и внедрения новых телекоммуникационных систем и услуг; участвует в подготовке и разработке правил, которые устанавливают единые правила эксплуатации связи в области безопасности на уровне МВД, а также в целом по республике.

Сектор внутреннего контроля полиции:

- бюро управления внутреннего контроля полиции;
- управление внутреннего контроля полиции (включает отдел по уголовным операциям¹⁴, отдел по профилактике правонарушений, работе с жалобами и информационно-аналитической работе¹⁵, отдел координации работы центров¹⁶).

Сектор внутреннего контроля полиции проводит внутренний контроль, например в отношении уважения и защиты прав человека во время выполнения полицейских обязанностей и осуществления полицейских полномочий. В рамках этого процесса отдел профилактики действует в целях выявления и предотвращения всех форм злоупотреблений и нарушений, в том числе преступных деяний, преступлений и неправомерных действий сотрудников полиции, в порядке, определяемом специальным постановлением министра.

Сектор по чрезвычайным ситуациям:

- управление профилактической защиты (включает отдел по осуществлению профилактических мер при строительстве зданий, отдел по осуществлению превентивных мер в области использования объектов, отдел по контролю перевозки и транспортировки опасных материалов);
- управление пожарно-спасательных подразделений (включает отдел материально-технического оборудования для пожарных и спасательных подразделений, отдел по контролю пожарных и спасательных подразделений, отделение психологической профилактики здоровья);
- управление рисками (включает республиканский центр оповещения, отдел по наблюдению, оповещению, тревоге и телекоммуникациям, отдел управления рисками технических и техногенных аварий и террористических актов; отдел управления программами и проектами);
- управление гражданской обороны (включает отдел оперативных организационных мероприятий по гражданской обороне, отдел стратегического планирования и координации, отдел технической поддержки);

Национальный учебный центр по чрезвычайным ситуациям;

• управления по чрезвычайным ситуациям в Белграде¹⁷, Крагуеваце, Нише и Нови-Саде;

• отделы по чрезвычайным ситуациям в Боре¹⁸, Валево, Вранье, Ягодине, Кикинде, Крушеваце, Панчево, Сремске Митровице, Ужице, Шабаце, Кралево, Лесковаце, Нови-Пазаре, Пироте, Пожаровеце, Прокупле, Чачаке, Приполье, Смедерево, Суботице, Сомборе, Зренянине и Заечаре.

Сектор внутреннего аудита выполняет задачи, связанные с оперативным планированием, организацией и проведением аудиторских заданий, тестированием, анализом и оценкой бизнес-функций в рамках юрисдикции МВД, подготовкой доклада о результатах аудита с соответствующими мнениями и оценками; осуществляет проверку использования средств Европейского союза и других международных организаций и учреждений, контроль за осуществлением рекомендаций, изложенных в докладах предыдущих проверок; оказывает консультативную и экспертную помощь по внедрению новых систем и процедур; разрабатывает стратегические и оперативные планы и программы, которые являются основой для реализации функции внутреннего аудита; определяет потребности в обучении и др.

Сектор финансов, кадровой работы (человеческих ресурсов) и общих вопросов:

- отдел по управлению проектами, финансируемыми из фондов Европейского союза;
- управление кадровой работы (человеческих ресурсов);
- управление по общим вопросам;
- управление продовольствия и размещения;
- управление профессионального образования, обучения, повышения квалификации и науки.

Сектор финансов, кадровых (человеческих) ресурсов и общих вопросов выполняет задачи по финансовой и бухгалтерской деятельности; вопросам бюджета, закупки, имущества и других финансовых операций; строительству и обслуживанию объектов; эксплуатации и техническому обслуживанию транспортных средств; организации труда и предоставлению питания и проживания; управлению проектами, финансируемыми из фондов Европейского союза; кадровым вопросам и трудовым правоотношениям; обучению базовой подготовке полиции, профессиональному развитию и обучению сотрудников; научному исследованию проблем, представляющих интерес для полиции; издательской деятельности, материально-техническому обеспечению образовательной деятельности и др.

Отдел по управлению проектами, финансируемыми из фондов Европейского союза:

- отделение по подготовке проектов и программ;
- отделение по реализации и мониторингу проектов.

Управление кадровой работы (человеческих ресурсов):

- отдел кадровой работы (включает отделение планирования организационно-штатной работы, введения и исполнения штатного расписания, отделение по приему кадров);

- отдел по правовой работе и защите (включает отделение трудовых отношений, отделение трудовой юридической защиты и определения дисциплинарной ответственности);

- отдел здравоохранения и психологической профилактики (включает отделение здравоохранения и профилактики, отделение психологической профилактики);

- отдел по общим вопросам (включает отделение делопроизводства и архива, отделение издательства, отделение микрофильмирования).

Управления по общим вопросам:

- отдел по материальным вопросам (включает отделение государственных закупок, отделение по коммерческим (торговым) вопросам, отделение приема, хранения и выдачи имущества);

- отдел по имущественно-правовым вопросам (включает отделение по правовым вопросам, отделение по вопросам собственности);

- отдел финансов и бюджета (включает отделение планово-аналитической деятельности и бюджета, отделение по финансовым вопросам);

- отдел бухгалтерского учета и отчетности (включает отделение отслеживания дебиторской и кредиторской задолженности, отделение бухгалтерского учета);

- отдел строительства и обслуживания объектов и оборудования (включает отделение по делам строительства с группой подготовки и регистрации объектов, отделение гигиены и упорядочения объектов, отделение по обслуживанию электроэнергетических систем и оборудования, отделение по обслуживанию телекоммуникационно-сигнальных установок и оборудования, отделение пожарной охраны, отделение по обслуживанию термотехнических установок);

- отдел технического обслуживания и эксплуатации транспортных средств (включает отделение технического обслуживания автотранспортных средств, отделение эксплуатации транспортных средств).

Управление продовольствия и размещения:

- отдел по организации питания (имеет отделения по организации питания во всех региональных полицейских управлениях, а также в отдельных региональных подразделениях районного уровня);

- отдел по организации отдыха, оздоровления и жилья (имеются ведомственные дома отдыха, санатории и общежития);

- отдел коммерческих и общих вопросов (включает отделение по осуществлению коммерческой деятельности, отделение по юридическим и общим вопросам, отделение по технологическому, санитарному и финансовому контролю, отделение по техническим вопросам);

- отдел финансовых и бухгалтерских вопросов (включает отделение планово-финансовой деятельности, отделение бухгалтерского учета).

Управление профессионального образования, обучения, повышения квалификации и науки; в него входят следующие подразделения.

Центр первоначальной полицейской подготовки (включает отдел физической и электронной безопасности; отдел подготовки и разработки учебных планов и программ организации обучения с отделением по подготовке и разработке учебных планов и стандартов оценки, отделением обучения наставников (инструкторов), организации и проведения практических занятий и отделением организации улучшения документации преподавания; отдел обучения с отделением по общим вопросам, работе полиции и подготовке сотрудников полиции, отделением по полицейским полномочиям, деятельности полиции и обеспечению общественного порядка, отделением по безопасности дорожного движения, отделением по предупреждению преступности; отдел проживания и стандартной базовой подготовки полиции; отдел кадровой работы (человеческих ресурсов) с отделением кадров, связанным с занятостью и общей деятельностью, отделением психологической профилактики, отбора и приема кандидатов; отдел общих вопросов с отделением материально-финансового и бухгалтерского учета, отделением по эксплуатации и техническому обслуживанию транспортных средств, отделением по обслуживанию объектов и оборудования);

Центр специальной подготовки и повышения квалификации (включает отдел специальной подготовки и повышения квалификации (имеет в своем составе отделение специальной подготовки, отделение повышения квалификации, отделение планирования, контроля и оценки обучения, отделение по общим вопросам), учебные центры «Авала», «Макиш», «Кула», «Митрово поле»).

Отделение специальной подготовки организует и проводит специализированное обучение на основе программы специальных курсов и плана реализации.

Отделение повышения квалификации разрабатывает, контролирует и оценивает программу профессиональной подготовки сотрудников полиции, которая реализуется через постоянное обучение, учебные визиты, консультации, научные и профессиональные встречи и форумы.

Отделение планирования, контроля и оценки обучения проводит анализ потребностей в области образования, разрабатывает учебные планы и программы подготовки, планы занятий и пособия, оценивает учебные программы и осуществляет контроль за обучением.

Отделение по общим вопросам создает необходимое материально-техническое обеспечение для организации и осуществления обучения и эксплуатации учебных центров.

Управление профессионального образования, обучения, повышения квалификации и науки отвечает за выполнение задач, связанных с созданием и реализацией политики МВД по обучению сотрудников полиции с целью получения ими профессионального образования и решения вопросов материально-технического обеспечения данного направления служебной деятельности, а также проведения научных исследований в области борьбы с преступностью.

Таким образом, подготовка полицейских кадров осуществляется в рамках первоначальной подготовки для поступающих на службу в полицию и повышения квалификации для действующих сотрудников.

Особое место в системе полиции и образования Республики Сербия занимает Криминалистическо-полицейская академия. Академия не является организационным подразделением МВД Республики Сербия. Тем не менее, Закон о высшем образовании, Устав Академии и другие акты четко и однозначно определили место и роль МВД по отношению к ней. Академия является единственным учреждением высшего образования в Сербии, в котором обучение предоставляется исключительно для полиции и других субъектов безопасности (частные охранные службы, службы безопасности).

Такова структура полицейских подразделений МВД Республики Сербия и их полномочий.

¹ Состоит из отделения по борьбе с контрабандой кокаина, героина, марихуаны и конопли, отделения по борьбе с синтетическими наркотиками и злоупотреблением прекурсорами, отделения по координации, обмена информацией и оперативной работе, отделения оперативной поддержки.

² Состоит из отделения по борьбе с отмыванием денег, отделения по борьбе с контрафактной продукцией и другими платежными средствами, отделения по борьбе с коррупцией.

³ Состоит из отделения по борьбе с киберпреступностью, отделения по предупреждению преступности в области интеллектуальной собственности.

⁴ Состоит из отделения по борьбе с похищениями людей, вымогательством и шантажом с элементами организованной преступности, отделения по борьбе с торговлей людьми, отделения по борьбе с контрабандой оружия и опасных материалов, отделения по борьбе с контрабандой культурных ценностей, отделения по борьбе с организованной международной контрабандой автомобилей.

⁵ Состоит из отделения оперативной связи и криптографии, отделения дежурной части и безопасности (с постоянным режимом работы).

⁶ Состоит из отдела финансовых расследований организованной преступности, отдела по планированию и координации финансовых расследований. Последнее подразделение вклю-

чает отделение планирования и координации финансовых расследований и отделения расследования финансовых дел в Белграде, Нише, Крагуеваце, Кралево, Шабаце, Ужице, Боре, Нови-Саде и Зреняине.

⁷ Состоит из отделения по борьбе с экономическими преступлениями на производстве, охраны окружающей среды, по исследованию пожаров и несчастных случаев, отделения по борьбе экономической преступностью вне экономики и услуг, отделения по борьбе с экономической преступностью в области финансов, других денежных потоков и фальшивомонетничества, отделения по борьбе с экономической преступностью в области мошенничества в торговых сделках и интеллектуальной собственности.

⁸ Состоит из отделения по борьбе с убийствами, отделения по борьбе с преступлениями в сфере недвижимости, отделения по предупреждению и борьбе с незаконным оборотом наркотиков, отделения кредитного бизнеса и оперативного контроля в учреждениях исполнения наказаний, отделения предупреждения и пресечения правонарушений несовершеннолетних.

⁹ Состоит из отделения по координации и мониторингу, отделения по технической поддержке операций.

¹⁰ Состоит из отделения электронного наблюдения телекоммуникаций, отделения применения оперативно-технических средств физического наблюдения, отделения по предоставлению и анализу электронных доказательств и электронной судебно-медицинской экспертизы, отделения центрального управления и контроля.

¹¹ Состоит из оперативно-технического центра, отделения эксплуатации и предоставления информации.

¹² Состоит из оперативно-технического центра, отделения эксплуатации и предоставления информации.

¹³ В своем составе имеет группу по уголовным делам и борьбе с нелегальной миграцией и торговлей людьми.

¹⁴ Состоит из отделения негласного (тайного) аудио- и видеонаблюдения за подозреваемыми, отделения по уголовным операциям.

¹⁵ Состоит из отделения по профилактике правонарушений, работе с жалобами, отделения информационно-аналитической работы.

¹⁶ Координирует работу отделений центров в Белграде, Нови-Саде, Нише и Крагуеваце.

¹⁷ Состоит из отдела по осуществлению профилактических мер в строительстве зданий, отдела по осуществлению превентивных мер в области использования объектов, отдела управления рисками и гражданской защиты, отделения по административным делам, отделения технической защиты и исследований, отделения по контролю за перевозкой и транспортировкой опасных материалов, пожарной бригады спасения. Примерно аналогичная структура и в остальных региональных управлениях.

¹⁸ Состоит из отделения профилактической защиты, отделения управления рисками и гражданской защиты, пожарно-спасательного батальона. Примерно аналогичная структура и в остальных региональных отделах.

ЗАКОНОМЕРНОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ В ТЕКСТАХ ПРИЗНАКОВ ПОЧЕРКА ПРИ ПОДРАЖАНИИ ПОЧЕРКУ ДРУГОГО ЛИЦА

АЛЕКСЕЙ ФЕДОРОВИЧ КУПИН,

*доцент кафедры юриспруденции,
интеллектуальной собственности и судебной
экспертизы ФГБОУ ВПО «Московский государственный
технический университет имени Н.Э. Баумана», кандидат юридических наук
Научная специальность 12.00.12 – криминалистика; судебно-экспертная
деятельность; оперативно-розыскная деятельность
E-mail: alexcrim@rambler.ru*

Аннотация. На основании результатов проведенных экспериментальных исследований, а также анализа специальной литературы сформулированы закономерности проявления некоторых общих и частных признаков почерка, отображающиеся в рукописях, выполненных с подражанием почерку другого лица. Рассмотрены особенности выявления этих признаков с учетом степени сформированности ПД ФДК навыков исполнителей рукописей.

Ключевые слова: рукописный текст, признаки почерка, намеренное изменение почерка, подражание почерку другого лица.

Annotation. In the present article on the basis of the results of experimental studies and analysis of the special literature, formulated regularities of manifestation of some General and particular characteristics of the handwriting that appears in the manuscript, made with imitation of handwriting of another person. Peculiarities of detection of these signs of taking into account the degree of development of PD FDC skills of performers manuscripts.

Keywords: handwriting, signs of handwriting, the deliberate change of handwriting, the imitation of handwriting of another person.

В настоящее время актуальной проблемой является разработка методических основ решения экспертных задач, связанных с исследованием рукописных текстов, выполненных с подражанием почерку другого лица. Разработкой данной проблемы занимались ученые-криминалисты и практики-почерковеды [1. С. 209–213; 2. С. 153–156]. Особенности проявления, идентификационная значимость и частота встречаемости отдельных групп общих и частных признаков в рукописных текстах, выполненных с подражанием почерку другого лица, в этих работах изложены на основе изучения экспериментального материала – почерков лиц, обучавшихся по старым нормам прописи.

Сегодня, многие из этих признаков в почерках проявляются значительно реже, что связано с произошедшими изменениями норм прописи.

С целью повышения научной обоснованности и достоверности выводов судебно-почерковедческой экспертизы на современном этапе автором статьи было проведено экспериментальное исследование, направленное на изучение возможностей намеренного изменения общих и частных признаков почерка при подражании почерку другого лица исполнителями.

В эксперименте приняло участие 200 человек (96 мужчин и 104 женщины), все природные правши. В связи с тем, что подражателю, степень вы-

работанности почерка которого намного ниже, чем подражаемого лица, осуществить успешную подделку почерка рукописным способом невозможно [4]; основным критерием отбора лиц для участия в эксперименте стало наличие у исполнителя высокой степени выработанности письменно-двигательного функционально-динамического комплекса навыков (далее ПД ФДК навыков).

С учетом того, что вариационность признаков во многом зависит от местоположения письменных знаков в слове, от определенного буквосочетания и соединения рядом стоящих букв, а новые варианты признаков в движениях, образующих письменные знаки, проявляются в непосредственной связи с выполнением какой-либо другой буквы – предшествующей или последующей, для эксперимента был составлен специальный рукописный текст среднего объема (328 знаков), выполненный высоковыработанным почерком, содержащий одни и те же буквы, расположенные в начале, в середине и в конце слов. Этапы эксперимента были построены с учетом неодинаковой степени сформированности ПД ФДК навыков в результате кратковременной или относительно длительной предварительной тренировки и соотношения степени совершенства движений и вариационности почерков подражателя и имитируемого лица.

На первом этапе участники эксперимента выполнили указанный рукописный текст шариковой

ручкой на листах белой нелинованной бумаги при естественном освещении и удобном положении рабочих поверхностей, сидя в привычной при письме позе, неизменным почерком. Затем им было предложено выполнить этот же текст после кратковременной и длительной предварительной тренировки с подражанием высоковыработанному почерку. Таким образом, каждый участник эксперимента подготавливал комплект текстов, в который входило по три образца (один рукописный текст, выполненный привычным почерком и два измененным – после кратковременной и длительной предварительной тренировки).

По результатам изучения полученного экспериментального массива рукописей выявлены следующие закономерности, раскрывающие особенности проявления отдельных групп признаков почерка при подражании почерку другого лица.

Первая закономерность. В сымитированных рукописных текстах, исполненных после кратковременной предварительной тренировки, при отсутствии близкого естественного сходства почерков подделывателя и подражаемого, произошло снижение степени выработанности. Появились признаки необычности выполнения в виде нарушений темпа письма и координации движений. Эти признаки обусловлены отсутствием согласованности в движениях пальцев, кисти, предплечья и плеча исполнителя. Искажались и другие общие признаки: строение почерка в целом, преобладающая форма, размер, разгон, степень связанности, признаки, характеризующие пространственную ориентацию движений. В рукописных текстах одновременно проявились: большой и малый размер письменных знаков и их элементов, высокая связанность при исполнении отдельных слов, слитный способ соединения движений некоторых букв при общей низкой либо средней связанности с преобладанием присоединения над слитным выполнением.

Общие признаки почерка, отражающие пространственное размещение фрагментов рукописи, были сымитированы неудачно. Сложности воспроизведения этой группы признаков объясняются, в первую очередь, тем, что они тесно связаны с телерецепторами и мало зависят от зрительно-двигательного образа букв, на изменении которого сосредоточены основные усилия исполнителя [3. С. 65].

В рукописных текстах, выполненных с подражанием, размещение самостоятельных фрагментов, размер интервалов между словами и строками, размер полей и форма их линий, наличие и размер красных строк, направление и форма линии письма в строке, место размещения знаков препинания в интервалах между словами и относительно строки письма, перенос слов проявились в виде особенностей почерка имитатора. Линия письма изменялась, как правило, с прямолинейной на ломанную, первые буквы слов оказывались выше либо ниже

заклучительных. Искажение этого признака объясняется рассогласованностью движений предплечья и ограниченностью степеней движений кисти, произошедшими при выполнении несвойственных для имитатора движений, используемых для воспроизведения признаков из почерка другого лица.

Преобладающая форма движений изменилась на смешанную, появились фрагменты, выполненные различными по типу движениями (угловатыми и округлыми). Размер почерка в ряде случаев подражания увеличился, а в некоторых уменьшился. Трансформация этого признака объясняется желанием подражателя, в первую очередь, в точности срисовать конфигурации букв, их отдельные особенности. Выполнение деталей букв без соблюдения пропорций неизбежно вызывает увеличение размеров самих букв, в то время как скованность кисти исполнителя приводит к замедлению приводящих движений в процессе письма, и, как следствие этого, к их уменьшению. В изменении размера и разгона наблюдалась следующая закономерность: при уменьшении протяженности движений по вертикали одновременно увеличивалась протяженность по горизонтали, а сознательное стремление исполнителя сделать буквы мельче приводило к появлению ряда непривычных движений в соединении букв и их элементов большого размера.

Наиболее успешно при подражании был воспроизведен наклон. Однако, если привычный наклон почерка подражателя и подражаемого лиц различался, то в сымитированных рукописных текстах, в отдельных словах, частях слов проявлялись различия в направлении продольных осей букв.

Таким образом, можно констатировать, что общие признаки почерка в рукописном тексте, выполненном с подражанием после кратковременной предварительной тренировки, при отсутствии естественного сходства почерков, проявляются либо в виде особенностей собственного почерка исполнителя, либо в виде признаков, несвойственных почерку подражаемого лица.

Вторая закономерность проявилась в том, что при увеличении времени тренировки исполнителя, собственный почерк которых не обладает значительным естественным сходством с почерком подражаемого лица, успешнее воспроизвели топографические признаки – форму полей, размер интервалов между словами, форму и направление линии письма. Увеличилась выработанность сымитированного почерка и, как следствие этого, повысилась степень сходства его общего строения по форме и направлению движений, связанности, уменьшились угловатость, деформированность букв и их элементов. Несмотря на повышение общего сходства размера и разгона почерка, имитаторам не удалось успешно воспроизвести соотношение надстрочных и подстрочных частей отдельных письменных знаков к строчным.

Третья закономерность заключалась в том, что в ситуации естественного сходства почерков подражателя и подражаемого, после длительной предварительной тренировки, с высокой степенью сходства воспроизведено большинство общих признаков, поскольку эти признаки являлись привычными для системы движений обоих лиц. Наиболее удачно имитировались такие общие признаки, как темп, связанность, преобладающая форма движений при соединении элементов, наклон, цикличность. Менее успешно выполнялись относительная протяженность движений по вертикали и по горизонтали, координация движений, так как эти признаки связаны с одновременным взаимодействием двигательного, зрительного и кинестетического анализаторов, согласованная работа которых требует длительных тренировок.

Изучение особенностей проявления частных признаков почерка, в рукописных текстах, выполненных с подражанием почерку другого лица, в зависимости от длительности тренировки и естественного сходства сравниваемых почерков, позволило определить следующие тенденции, свидетельствующие о потенциальных возможностях исполнителей к намеренному изменению почерка рассматриваемым способом.

Признаки группы конструктивного строения (сложности) письменных знаков, в первую очередь букв, имеющих строение отличное от норм прописи, были успешно воспроизведены после длительной тренировки, в том числе и при отсутствии естественного сходства почерков подражателя и подражаемого лица. Объясняется это тем, что указанные признаки легко опознаются и фиксируются зрительным анализатором, их выполнение тщательно контролируется. Менее успешно имитировались частные признаки почерка, входящие в группу «последовательность движений», особенно в буквах, строение которых включает в себя большое количество разнохарактерных движений, отличных от норм прописи – «ф», «к», «ж». Последовательность движений многоэлементных букв воспроизводилась либо произвольно, либо, значительно реже, привычным, неизменным почерком.

С незначительной степенью сходства воспроизведены формы движений, связанные с выполнением овальных, полуовальных и петлевых элементов букв «а», «д», «у», «з», «ы», «ь», «б», «в», «е», «я», «ч», «с», а также формы, характеризующие петлевые соединения элементов букв «п», «т», «ш», «м», «и», «ф». Чаще всего неудачными оказывались попытки симитировать дуговые движения при выполнении начальных штрихов букв «к», «н», первого элемента букв «ь», «я» и заключительных штрихов букв «е», «а», «г». Безуспешные попытки выполнения удлиненного овала и полуовала, петлевой формы связаны с тем, что для их исполнения необходимо

совершить различные сочетания видов движений при участии нескольких звеньев пишущей руки: осуществляющие разгибание пальцев, отведение кисти, сгибание пальцев, приведение кисти и опять разгибание пальцев. Прямолинейная форма движений букв «р», «п», «ю» изменялась на дуговую. Это объясняется тем, что при письме с подражанием почерку другого лица к сгибательным движениям кисти и пальцев подключаются дополнительные: разгибательные, приведение и отведение, обеспечиваемые мышцами других звеньев руки.

С высокой степенью сходства в процессе подделки выполнялось направление движения при выполнении надстрочного элемента буквы «б», подстрочных элементов букв «у», «д», «з», соединительных элементов букв «х», «ы», строчных элементов буквы «т». Менее удачно воспроизводилось направление знаков, близких по строению собственному почерку подражателя, букв, имеющих простое строение, а также элементов букв, выполняемых сгибательными движениями. Такие особенности почерка, как правило, выполнялись исполнителями не так, как в образце подражания, а своими, привычными движениями. Слабый контроль за точным воспроизведением направления движений элементов букв из имитируемого почерка обусловлен тем, что сознательно подражателем в процессе письма воспринимается только общее представление о букве, которое строится на основе так называемых «опорных элементов», т.е. элементов, имеющих наибольшее значение для отличия этой буквы от других в конкретном изображении. Чем устойчивее выражены эти «опорные» элементы, тем легче воспроизводится направление движений. Например, в букве «ы» отчетливо направление движений меняется трижды, поэтому исполнитель осознанно фиксирует внимание на ее строении при подражании, а в букве «ч» – один раз, в связи, с чем имитатор не уделяет изменению этого признака должного значения.

Относительная протяженность движений по вертикали и по горизонтали при выполнении букв и их элементов воспроизводится редко, так как на выполнение указанной группы признаков почерка решающее влияние оказывает двигательный анализатор, сложнее поддающийся коррекции по сравнению со зрительным.

В ходе выполнения рукописных записей с подражанием, даже после длительной тренировки, не воспроизводились пропорции отдельных элементов букв, особенно надстрочных и подстрочных, начальных и заключительных штрихов относительно других элементов буквы либо других букв, в частности:

- соотношение размеров площадей, очерченных штрихами строчной и подстрочной частей букв «у», «д», «ц», «щ», «з»;

- относительная протяженность движений по вертикали при выполнении надстрочной части пер-

вого элемента буквы «р», первых элементов букв «т», «п», подстрочных элементов букв «р», «з», «д», «у», «ц», вертикальных элементов в буквах «ж», «ь»;

- относительная протяженность движений по горизонтали при выполнении заключительных штрихов в буквах «х», «я», «а», «с», «г», «и», «к», «ч», «е», овальных элементов в буквах «ь», «в», надстрочного элемента в букве «т», знака краткости в букве «й».

При соединении элементов букв в рукописных текстах, выполненных с подражанием, чаще всего наблюдалась замена слитного соединения на примыкание. Незначительное сходство в имитации этих признаков объясняется влиянием на процесс письма зрительного анализатора. Исполнитель стремится воспроизвести наиболее броские особенности букв и, тем самым, выполняет их медленно. Замедление, как известно, сопровождается отрывистым выполнением букв и элементов, которые необходимо выполнить слитно. Снижением темпа, в свою очередь, объясняется успешное воспроизведение интервального вида соединения элементов письменных знаков букв «о», «а», «л», «м».

В основном удачно имитировались признаки, характеризующие количество движений при выполнении букв и их элементов в знаках, выполненных с отступлениями от норм прописи – содержащих дополнительные элементы, либо не имеющих элементов, предусмотренных правилами скорописи. Вместе с тем, в ряде букв простого конструктивного строения – «о», «и», «с», «ю», «ь» – исполнители неудачно воспроизвели уменьшение количества движений, связанное с отсутствием заключительных штрихов. Трудности выполнения этих признаков объясняются тем, что зрительный анализатор, в силу простоты конструктивного строения букв, не в полной мере контролирует их имитацию, мелкие особенности ускользают от внимания и воспроизводятся автоматизированными движениями, свойственными обычному почерку подражателя.

Способы размещения точек пересечения движений, начала и окончания движений относительно других элементов и линии строки в большинстве случаев отображались в виде особенностей почерка имитатора. Связано это с тем, что выполнить с подражанием особенности размещения движений поддельваемого почерка сложно, так как эти признаки являются неброскими, они не фиксируются и ускользают от внимания исполнителя. В частности, неудачно воспроизведены следующие признаки из этой группы:

- размещение точек начала и окончания движения при выполнении определенных элементов букв (чаще всего не первого элемента буквы, являющегося наиболее «броским») относительно линии строки или частей той же буквы;

- размещение штрихов и точек их присоединения к элементам букв относительно линии строки, строчных, надстрочных и подстрочных частей букв;

- размещение продольных осей определенных элементов букв относительно расположенных рядом букв и линии строки;

- размещение точек пересечения штрихов и элементов букв относительно этих же элементов, соединительных штрихов, частей букв, связанных между собой, а также линии строки;

- относительное соотношение линий вершин и линий оснований частей букв.

При подражании, чаще всего, успешно выполнялся такой частный признак, как размещение точки начала движения при выполнении строчных элементов букв «а», «о», «б», «в». Неудачно воспроизводилось размещение точек начала и окончания движений в буквах: «с», «е», «т», «ф», «р»; размещение точек пересечения штрихов в буквах: «з», «у», «д», «х», «ф», «ж».

Результаты эксперимента показали, что наиболее явно признаки почерка исполнителей из группы относительное размещение движений, проявились:

- во-первых, в отдельных частях письменных знаков, сходных по начертанию с почерком подражателя;

- во-вторых, в элементах знаков, которые не входят в конструктивное строение буквы, так как при их выполнении за движением руки нет надлежащего контроля (знак краткости над «й», подстрочные и надстрочные штрихи над буквами «т», «ш»).

Подводя итог результатов, полученных в ходе проведенного эксперимента, необходимо отметить, что выявленные закономерности, разумеется, не учитывают всех причин проявления различных групп особенностей почерка в рукописных текстах, выполненных с подражанием почерку другого лица. Однако, принятие во внимание обозначенных обстоятельств позволяет получать обоснованные и достоверные выводы при исключении из числа исполнителей лица, от имени которого выполнен рукописный текст, определении факта выполнения его с подражанием почерку другого лица, а также установлении конкретного исполнителя.

Литература

1. Берзин В.Ф., Ковальчук З.А., Меленевская З.С., Павленко С.Д., Топольский А.Д., Сегай М.Я., Ципенюк С.А., Штерн Б.А., Федоренко Т.М. Некоторые вопросы исследования рукописей, выполненных с подражанием почерку другого лица // Криминалистика и судебная экспертиза. 1969. Вып. 6.
2. Винберг Л.А., Шванкова М.В. Почерковедческая экспертиза: учебник для вузов МВД СССР / Л.А. Винберг, М.В. Шванкова / Под ред. Р.С. Белкина. Волгоград: ВСИ МВД СССР, 1977.
3. Евстигнеев Б.А., Бондаренко П.В. Криминалистическое исследование рукописей, выполненных печатным шрифтом / Б.А. Евстигнеев, П.В. Бондаренко. Саратов: СЮИ МВД России, 2010.
4. Манцетова А.И., Орлова В.Ф., Славуцкая И.А. Теоретические основы судебного почерковедения: труды ЦНИИСЭ / А.И. Манцетова, В.Ф. Орлова, И.А. Славуцкая / Под ред. А.Р. Шляхова. М.: ЦНИИСЭ, 1967. Вып. 1.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МИГРАЦИОННОЙ
ПОЛИТИКИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МИГРАЦИОННЫХ
СЛУЖБ АВСТРАЛИИ, ЯПОНИИ, А ТАКЖЕ ГОСУДАРСТВ,
ВХОДЯЩИХ В АССОЦИАЦИЮ
СТРАН ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

СВЕТЛАНА АНАТОЛЬЕВНА АКИМОВА,

*кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры конституционного
и муниципального права
Московского университета МВД России
Научная специальность 12.00.14 – административное право;
административный процесс
E-mail: 203.019@mail.ru*

ТАТЬЯНА АНАТОЛЬЕВНА ПРУДНИКОВА,

*кандидат юридических наук, старший преподаватель
кафедры административного права
Московского университета МВД России
Научная специальность 12.00.14 – административное право,
административный процесс
E-mail: tanya_198307@mail.ru*

Аннотация. Исследуются этапы становления и развития правовых механизмов регулирования миграционной политики в ряде зарубежных государств. Проводится сравнительный анализ формирования и деятельности миграционных служб Австралии, Японии, а также государств, входящих в Ассоциацию Стран Юго-Восточной Азии. Дается правовая характеристика деятельности миграционных служб в зависимости от того или иного этапа развития миграционной политики.

Ключевые слова: миграция, миграционная политика, АСЕАН, АТР, миграционные службы.

Annotation. The article is devoted to the study of the stages of formation and development of legal mechanisms of regulation of migration policy in a number of foreign States. A comparative analysis of the formation and activities of the migration services of Australia, Japan, and countries of the Association of South-East Asia. Given the legal description of the activities of the migration services depending on a different stage of development of migration policy.

Keywords: Migration, migration policy, ASEAN, the Asia-Pacific region, the migration service.

После Второй мировой войны страны классической иммиграции превратились в мировых лидеров по приему беженцев и вынужденных переселенцев. В таких странах, как Австралия, Япония, а также государствах, входящих в Ассоциацию стран Юго-Восточной Азии актуализировался дефицит трудовых ресурсов, что повлекло за собой пересмотр существующей миграционной политики.

Так, в Австралии почти каждый четвертый житель родился за рубежом. Особенность австралийской иммиграции – разнообразие стран исхода иммигрантов. По закону 1958 г. правительство отказалось от концепции «белой австралийской иммиграции» (отмена обязательного письменного теста на владение европейским языком), что обеспечило устойчивый приток в страну выходцев из азиатских стран.

В 1973 г. были внесены поправки в закон о гражданстве, отменившие привилегии для британских иммигрантов: натурализация предусматривалась

для всех без исключения иммигрантов после трех лет пребывания в стране. Были также определены основные категории иммигрантов, которые могли претендовать на постоянное место жительства: семейный класс (иммиграция по линии воссоединения семей); гуманитарный класс (гуманитарная иммиграция и прием беженцев); квалифицированные специалисты (независимая профессиональная иммиграция, спонсорская иммиграция, семейно-спонсорская иммиграция). Кроме этого, в Австралии существует независимая и спонсорская иммиграция иностранных студентов¹.

Миграционной политикой в Австралии занимается Департамент иммиграции и межэтнических отношений. После завершения политики открытых дверей в странах Нового Света были введены квоты для иммигрантов, которые в современной Австралии переросли в систему планирования численности мигрантов. Отбор квалифицированных

работников осуществляется через систему балльной оценки. При расчете баллов учитывается образование, род занятий, владение языком, возраст. Действует ряд программ бизнес-иммиграции, в том числе порядок получения бизнес-виз, автоматически предоставляющий право на постоянное проживание в стране без прохождения системы отбора. Правительством Австралии поддерживаются также программы по привлечению временных мигрантов, не имеющих высшего образования по ряду специальностей в сельском хозяйстве, здравоохранении и сфере обслуживания (младший медицинский персонал, социальные работники, сельскохозяйственные рабочие и др.)².

Право на получение социальных выплат иммигранты приобретают в Австралии лишь спустя два года пребывания в качестве резидентов страны, а возможность получения пенсий по возрасту и инвалидности (минимальный социальный пакет) имеют лица, прожившие в Австралии десять лет.

До 1980-х годов в Японии осуществлялось проверка прибывающих в страну иностранцев. В настоящее время в стране проводится политика, жестко регламентирующая въезд мигрантов на ее территорию. Вопросами иммиграционной политики занимается Иммиграционное бюро, состоящее из Иммиграционного департамента министерства юстиции, региональных департаментов и отделений на местах³. Основными законодательными документами в рассматриваемой сфере являются: законы «Об иммиграционном контроле и статусе беженцев» и «О регистрации иностранцев».

В последние годы наметилась тенденция к изменению иммиграционной политики. В соответствии с иммиграционным законодательством основной разрешительной системы въезда иммигрантов в Японию, проживания и работы в ней является система статусов пребывания. Для въезда в страну разработаны семь категорий виз (дипломатическая, служебная, рабочая, общая, особая, краткосрочная и транзитная) и утверждены 28 статусов пребывания иностранных граждан (цель, служебная принадлежность, профессиональная квалификация, образовательный уровень, трудовой стаж, финансовое положение и др.). За каждым статусом закреплен период, в течение которого иностранец может находиться в Японии⁴. Для получения работы предусмотрены 16 статусов: дипломатический работник, чиновник, преподаватель, деятель искусства, религиозный деятель, журналист, инвестор, юрист, финансист, медицинский работник, исследователь, инженер и др. Кроме вышеперечисленного, существуют шесть видов безвизового разрешения на въезд в страну (воздушным или морским транспортом) и на транзит. Иностранец, получивший безвизовое разрешение на въезд в страну, должен соблюдать сроки пребывания, маршруты передви-

жения, нормы поведения и другие указанные в нем ограничения.

Получение одного из статусов дает иностранцу право заниматься в течение отведенного времени только разрешенной деятельностью. В 1999 г. в Японии были реализованы правительственные программы «Идеальное общество и политика для экономического возрождения» и «9-й основной план мероприятий в области занятости», направленные на обеспечение притока в страну квалифицированных кадров.

В целях борьбы с нелегальной миграцией и нарушениями иммиграционного законодательства (въезд иностранных граждан по фальшивым документам, нарушение статуса и сроков их пребывания) предусмотрены депортация, крупный денежный штраф или тюремное заключение до трех лет. В соответствии с действующим законодательством любой сотрудник местного органа самоуправления или муниципалитета должен, при обращении иностранного гражданина, проверить наличие у него разрешения на пребывание в Японии и при отсутствии такового немедленно сообщить в иммиграционную службу для принятия соответствующих мер. Запрет на повторный въезд в Японию для лиц, уличенных в незаконном пребывании, увеличен до пяти лет.

В 1989 г. было пересмотрено законодательство в отношении нелегально работающих квалифицированных мигрантов в сторону расширения их возможностей. В целом Япония смягчает запреты на въезд иммигрантов. Это вызвано тем, что трудоспособное население страны сокращается, а потребность в трудовых ресурсах растет. Сегодня Японии необходимо ежегодно принимать не менее 600 тыс. иммигрантов, чтобы избежать возникновения нежелательных проблем.

Ассоциация Стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) – одно из наиболее известных и представительных объединений в азиатско-тихоокеанском регионе (АТР). Она основана в августе 1967 г. в Бангкоке (Таиданд) пятью странами – Индонезией, Малайзией, Сингапуром, Таиландом и Филиппинами. Позже к организации присоединился Бруней, Вьетнам, Лаос, Мьянма и Камбоджа. Статус специального наблюдателя имеет Папуа – Новая Гвинея.

Одной из наиболее важных и нормативно урегулированных сторон сотрудничества стран АСЕАН является сфера противодействия незаконной миграции в регионе. С этой целью в сентябре 2003 г. создается региональный Центр АСЕАН по борьбе с нелегальной миграцией. Штаб-квартира Центра расположена в г. Джакарта (Индонезия). В его состав входят полномочные представители от правоохранительных органов государств-участников по направлениям борьбы с отдельными видами преступлений. На Центр возложены координация оперативных действий стран региона, повышение

эффективности сотрудничества в вопросах обмена информацией, унификация национальных законодательств, направленных на пресечение терроризма, наркоторговли, контрабанды оружием, пиратства и отмывания денег.

Помимо Центра по борьбе с нелегальной миграцией, в рамках Ассоциации существует азиатский аналог Интерпола – Асеанопол, принципы и механизм деятельности которого почти копируют параметры международной организации уголовной полиции.

Как международная организация Асеанопол действует на основании Устава, принятого в 1981 г., определившего цели, задачи, структуру и компетенцию этого органа, условия членства, права и обязанности членов.

Среди основных направлений и форм деятельности Асеанопола выделяются информационный обмен, координация взаимодействия полицейских служб, проведение совместных операций по борьбе с незаконной миграцией, создание единых баз данных и др. При этом разработка и заключение конвенций странами АСЕАН осуществляется преимущественно на базе универсальных международных соглашений, что позволяет адаптировать отдельные их положения к особенностям региона. В тоже время, страны Ассоциации формируют и собственную правовую основу сотрудничества в данной сфере путем принятия совместных решений и заявлений глав государств и правительств. Не являясь формально источниками права, такие решения на практике служат основой не только для взаимодействия правоохранительных органов, но и для внесения изменений в национальные законодательства государств-участников.

Например, Филиппины не относятся к числу государств, принимающих трудовых мигрантов, тем не менее, проводят надлежащую политику и формируют соответствующие структуры, позволяющие регулировать миграционные процессы. Трудящиеся мигранты, естественно, предпочитают мигрировать через установленные законом каналы, предоставляющие им более полную защиту. Сегодня, в условиях высокого прироста населения в трудоспособном возрасте (примерно 1 млн человек ежегодно) и ограниченного количества рабочих мест, основной целью миграционной политики Филиппин является экспорт национальной рабочей силы. Важнейшими приоритетами эмиграционной политики в стране являются:

- предвыездная подготовка трудового мигранта (включающая профессиональную подготовку и ориентировочные семинары) к работе в конкретном государстве;

- обеспечение правовой защиты своих граждан, направленных на работу в другие государства, на основе ответственности как работодателя (у которо-

го работает филиппинский трудовой мигрант), так и частного агентства занятости (через которое он был трудоустроен);

- активное использование частно-государственного партнерства в работе по подготовке и направлению филиппинской рабочей силы за рубеж;

- четкое взаимодействие государственных и негосударственных структур и разделение функций между ними⁵.

Культура миграции на Филиппинах начала формироваться 30 лет назад, когда миллионы филиппинцев изъявили желание работать за границей. В настоящее время ее дальнейшему развитию способствует институционализация миграции. Правительство формирует миграционную политику, регулирует деятельность агентств по найму, а также следит за правами своих мигрантов за рубежом. Более того, денежные переводы трудовых мигрантов, высылаемые домой, стали одним из важнейших факторов развития экономики Филиппин. Реализацией миграционной политики в стране занимаются несколько ведомств, при этом главная роль принадлежит министерству труда и занятости, имеющему разветвленную сеть работников за рубежом. Последние содействуют филиппинцам в подборе работодателя, оказывают правовую помощь в случае нарушения их трудовых прав, а также финансовую помощь при возникновении чрезвычайных ситуаций.

В структуре министерства созданы Агентство по вопросам трудоустройства за рубежом и Агентство по вопросам социальной поддержки работающих за рубежом. Агентство по вопросам трудоустройства занимается набором рабочей силы совместно с иностранными работодателями, определяет ответственность за возможные нарушения трудовых контрактов, а также стимулы и вознаграждения за хорошую работу и т.п. В результате филиппинские работники пользуются высоким спросом за рубежом и получают более высокую заработную плату по сравнению с другими иностранными работниками той же квалификации.

Агентство по вопросам социальной поддержки работающих за рубежом защищает их интересы за границей и управляет Фондом поддержки филиппинцев-мигрантов, оказывает образовательные услуги (семинары, тренинги перед выездом за границу), социальную помощь (на основе идентификационной карты мигранта), услуги по страхованию жизни и т.п.

Ежегодное число филиппинских рабочих, выезжающих за рубеж, составляет сотни тысяч человек. В настоящее время, по разным оценкам, за рубежом проживает около 3,2 млн постоянных поселенцев (большинство из которых находятся в США), причем женщины более востребованы в международной миграции с Филиппин, их число с каждым годом увеличивается. Большинство используются

в качестве домработниц, а также в сфере развлечений. Трудящиеся женщины особенно уязвимы: помимо обычных проблем, преследующих мигрантов, здесь добавляются проблемы средней продолжительности рабочего дня, чрезмерного наблюдения и контроля со стороны работодателей, непосильных условий (включая насилие и сексуальные домогательства). В силу этих причин миграция женщин вызывает особую озабоченность правительственных структур в части их безопасности и благополучия, заставляя тщательным образом контролировать ситуацию на этом рынке труда.

К законам, регулирующим миграционную политику в стране, относятся: закон 2003 г. о борьбе с торговлей людьми, который определяет политику и институциональные механизмы для оказания поддержки жертвам торговли людьми; закон 2003 г. о заочном голосовании, который дает право квалифицированным филиппинцам голосовать на национальных выборах; закон 2003 г. о сохранении гражданства, который допускает двойное гражданство. Кроме того, Филиппины ратифицировали Конвенцию ООН о правах всех трудящихся-мигрантов и их семей, а также Протокол ООН о предупреждении и пресечении торговли людьми.

В свое время в стране велись долгие дискуссии о проблемах, связанных с мигрантами; выказывались опасения по поводу дестабилизирующих последствий для семей мигрантов, экономической безопасности страны и т.д. Однако, успешная миграционная политика внесла свои коррективы. Сегодня денежные переводы мигрантов из-за рубежа на родину являются мощной опорой для экономики Филиппин, подготовка мигрантов и их добросовестный труд за рубежом высоко оцениваются принимающими странами. По всей видимости, трудовая миграция из Филиппин будет сохраняться благодаря социальной сети, социальному капиталу и социальным денежным переводам. За годы развития миграционной политики филиппинское общество научилось быстро реагировать и адаптироваться к меняющимся требованиям мирового рынка труда.

Как известно, участие или неучастие конкретных правоохранительных органов в международном сотрудничестве по борьбе с незаконной миграцией определяется наличием или отсутствием соответствующих угроз конкретному государству. Так, в последнее десятилетие наметилась тенденция к расширению сотрудничества сил правопорядка в странах азиатско-тихоокеанского пространства, что обусловлено ростом отдельных видов преступлений в сфере миграции (например, торговля людьми, использование рабского труда, незаконный оборот наркотиков и др.). С Россией страны АТР осуществляют сотрудничество по таким направлениям, как переподготовка и повышение квалификации полицейских кадров; противодействие нелегальной

миграции, торговле людьми, незаконному вывозу культурных ценностей; разработка договоров о правовой помощи, экстрадиции и т.д.

Следует отметить, что многие полномочия по взаимодействию с правоохранительными органами стран АТР сегодня напрямую возложены на территориальные подразделения федеральных органов государственной власти России на Дальнем Востоке. Такое решение вполне оправдано, поскольку создает условия для быстрого реагирования в складывающейся в приграничных районах оперативной обстановке. Впрочем, это не означает полной самостоятельности территориальных подразделений, а всего лишь дает им право осуществлять международные контакты на основе действующего российского законодательства.

Что касается борьбы с нелегальной миграцией, то практически все правоохранительные органы АТР в настоящее время вовлечены в процесс сотрудничества в этой сфере. Различия в масштабах и формах взаимодействия зависят как от политической урегулированности отношений с конкретными странами, так и объективных потребностей в таком сотрудничестве. Основной формой совместных действий является проведение следственных, оперативно-розыскных мероприятий, а также операций по задержанию и обезвреживанию преступников. Планирование совместных операций обычно осуществляется на двусторонней основе. На современном этапе наибольшее количество их направлено на пресечение незаконного оборота наркотиков, незаконной миграции и торговли людьми, пиратства и т.д.

В современном мире существует большое количество универсальных и региональных соглашений, направленных на противодействие незаконной миграции и торговле людьми⁶. Почти все страны АТР присоединились к этим документам, однако в самом регионе пока не заключено ни одного многостороннего договора по данной проблематике. Правовыми основами противодействия незаконной миграции и торговле людьми на пространстве АТР выступают либо двусторонние соглашения, либо перечисленные документы универсального характера.

В заключение необходимо отметить, что противодействие незаконной миграции подразумевает целый комплекс социально-экономических, политических и информационно-психологических мер, выходящих далеко за рамки уголовно-процессуальной сферы борьбы с преступностью и предполагающих воздействие не столько на субъект преступной деятельности, сколько на факторы, его порождающие. Специфика миграционных отношений в странах исследуемого региона показала, что сама по себе незаконная миграция, хотя и несет опасность, но потенциально менее опасна, когда находится под контролем. Поэтому особенно важным представля-

ется дальнейшее совершенствование многостороннего сотрудничества в сфере миграции.

¹ См.: Денисенко М.Б., Хараева О.А., Чудиновских О.С. иммиграционная политика в российской Федерации и странах Запада. М., 2003.

² Барциц И.Н., Егоров В.К. Основы миграционной политики. М., 2010. С. 376.

³ Денисенко М.Б., Хараева О.А., Чудиновских О.С. Указ. Раб. С. 284.

⁴ Барциц И.Н., Егоров В.К. Указ. Раб. С. 403.

⁵ Власова Н.И. Филиппинская идиллия // Российская миграция: Информационно-аналитический журнал. 2009. № 5–6.

⁶ Женевская Конвенция относительно рабства, Конвенция о борьбе с торговлей людьми и с эксплуатацией проституции третьими лицами от 21 марта 1950 г., Конвенция международной организации труда № 143 о злоупотреблениях в области миграции и об обеспечении трудящимся-мигрантам равенства возможностей и обращения, Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности (Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее и др.

ОСНОВАНИЯ ПРЕКРАЩЕНИЯ ТРУДОВОГО ДОГОВОРА

ФЕДОР ГЕОРГИЕВИЧ МЫШКО,

доктор юридических наук, заведующий кафедрой

предпринимательского и трудового права, ФГБОУ ВПО

«Государственный университет управления»

Научная специальность 12.00.14 – административное право;

административный процесс

E-mail: fredyqr@gmail.com

Аннотация. Рассмотрены особенности, порядок и основания для прекращения трудового договора.

Ключевые слова: порядок, особенности, основания, трудовой договор.

Annotation. Issues of particular order and grounds for termination of an employment contract.

Keywords: order, especially the grounds of employment contract.

Основные и решающие требования закона к расторжению трудового договора с работником по инициативе стороны работодателя предполагают определенный перечень оснований для расторжения трудового договора по инициативе работодателя. Увольнение по причинам, не предусмотренным законом, является грубым, недопустимым нарушением трудового законодательства; при этом в Трудовом кодексе определен круг лиц, трудовой договор с которыми может быть расторгнут по основаниям, установленным в самом трудовом договоре. Таким образом, трудовой договор по инициативе работодателя может расторгаться по основаниям, указанным в законе, а также установленным в трудовом договоре по соглашению сторон, в тех случаях, когда это допущено законодательством. Общими основаниями прекращения трудового договора являются следующие.

Соглашение сторон (п. 1 ч. 1 ст. 77, ст. 78 ТК РФ). Данное основание отражает договорный характер труда. По нему трудовой договор может быть прекращен в любое время, но для прекращения договора необходимо взаимное волеизъявление сторон. При достижении договоренности между работником и работодателем трудовой договор пре-

кращается в срок, определенный сторонами. Аннулирование такой договоренности возможно лишь при новом взаимном согласии на это работника и работодателя. Истечение срока трудового договора, за исключением случаев, когда трудовые отношения фактически продолжают существовать и ни одна из сторон не потребовала их прекращения (п. 2 ч. 1 ст. 77 ТК РФ). Срочный трудовой договор прекращается с истечением срока его действия, о чем работник должен быть предупрежден в письменной форме не менее чем за три календарных дня до увольнения. Договор, заключенный на время выполнения определенной работы, прекращается по завершении этой работы; договор по замещительству отсутствующего работника – с выходом этого работника на работу; договор выполнения сезонных работ в течение определенного периода (сезона) – по окончании этого периода (сезона) (ст. 79 ТК РФ). Специальными нормами для отдельных категорий работников (например, государственных служащих, руководителей организаций) предусмотрены сроки продления срочных трудовых договоров, а также порядок досрочного их расторжения.

Расторжение трудового договора по инициативе работника (п. 3 ч. 1 ст. 77, ст. 80 ТК РФ).

Расторжение трудового договора по инициативе работодателя (п. 4 ч. 1 ст. 77, ст. 71, 81 ТК РФ).

Перевод работника по его просьбе или с его согласия на работу к другому работодателю или переход на выборную работу (должность) (п. 5 ч. 1 ст. 77 ТК РФ). Данное основание применяется, когда есть ясно выраженная в письменной форме воля трех субъектов: работодателя (его представителя), приглашающего на работу; самого работника, переходящего с одного места работы на другое в порядке перевода, и прежнего работодателя, отпускающего работника в порядке перевода к другому работодателю. При этом на новом месте работнику не могут отказать в приеме на работу. В случае перехода на выборную должность, необходим акт избрания работника на освобожденную от производственной или иной работы выборную должность.

Отказ работника от продолжения работы в связи со сменой собственника имущества организации, изменением подведомственности (подчиненности) организации либо ее реорганизацией (п. 6 ч. 1 ст. 77, ст. 75 ТК РФ). По сути, это три самостоятельных основания для увольнения, связанных с различными организационными изменениями в организации, с которой работник заключил трудовой договор. Но если при смене собственника инициативу в увольнении руководителей организации проявляет новый собственник в течение первых трех месяцев, то при изменении подчиненности или реорганизации организации – работник, отказавшийся работать в новых условиях.

Отказ работника от продолжения работы в связи с изменением определенных сторонами условий трудового договора (п. 7 ч. 1 ст. 77, ст. 73 ТК РФ). Увольнение по данному основанию может последовать, если в связи с изменением организационных или технологических условий труда работник не согласился работать в новых условиях. Работодатель обязан в письменной форме предложить работнику другую имеющуюся у него работу (как вакантную должность или работу, соответствующую квалификации работника, так и вакантную нижестоящую должность или нижеоплачиваемую работу), которую работник может выполнять с учетом его состояния здоровья. При отсутствии указанной работы или отказе работника от предложенной работы трудовой договор прекращается.

Отказ работника от перевода на другую работу, необходимую ему в соответствии с медицинским заключением, выданном в порядке, установленном федеральными законами и иными нормативными правовыми актами РФ, либо отсутствие у работодателя соответствующей работы (п. 8 ч. 1 ст. 77, ч. 3 и 4 ст. 73 ТК РФ). Если в соответствии с медицинским заключением работник нуждается во временном переводе на другую работу на срок

более четырех месяцев или в постоянном переводе, то при его отказе от перевода либо отсутствии у работодателя соответствующей работы трудовой договор прекращается.

Отказ работника от перевода на работу в другую местность вместе с работодателем (ч. 1 ст. 72 ТК РФ). По данному основанию могут быть уволены только те работники, которым работодатель предложил переехать вместе с организацией. Остальные работники увольняются по п. 1 ч. 1 ст. 81 ТК РФ в связи с ликвидацией организации в данной местности. Уволенному работнику выплачивается выходное пособие в размере двухнедельного среднего заработка.

Обстоятельства, не зависящие от воли сторон (п. 10 ч. 1 ст. 77, ст. 83 ТК РФ).

Нарушение установленных ТК РФ или иным федеральным законом правил заключения трудового договора, если это нарушение исключает возможность продолжения работы (п. 11 ч. 1 ст. 77, ст. 84 ТК РФ). Слова «исключает возможность продолжения работы» означают, что, если в период действия трудового договора будет обнаружено то или иное, указанное в ст. 84 ТК РФ, нарушение, работодатель не вправе оставить лицо на работе, обусловленной таким трудовым договором. При этом прекращение трудового договора производится с его письменного согласия. Если нарушение правил заключения трудового договора допущено не по вине работника, то работнику выплачивается выходное пособие в размере среднего месячного заработка. В случае, когда нарушение указанных правил допущено по вине работника, то работодатель не обязан предлагать ему другую работу, а выходное пособие работнику не выплачивается. К числу нарушений правил заключения трудового договора, установленных ТК РФ или иным федеральным законом, исключающих возможность продолжения работы, обусловленной трудовым договором, относятся:

- заключение трудового договора о работе, если приговором суда работник лишен права выполнять такую работу или занимать такую должность. Лишение таких прав ст. 47 УК РФ устанавливается на срок от одного года до пяти лет в качестве основного и на срок от шести месяцев до трех лет в качестве дополнительного вида уголовного наказания;

- заключение трудового договора о работе, если она противопоказана работнику по состоянию здоровья и если это обстоятельство установлено медицинским заключением. Заключение может быть выдано лишь тем органом или учреждением, которому это право предоставлено (например, клинико-экспертными комиссиями, учреждениями федеральной службы медико-социальной экспертизы);

- отсутствие у работника, заключившего трудовой договор, документов, которые подтверждают его квалификацию (образование) для выполнения

работы, требующей специальных знаний, если это требование установлено федеральным законом или иным нормативным правовым актом;

- заключение трудового договора в нарушение постановления судьи, органа, должностного лица, уполномоченных рассматривать дела об административных правонарушениях, о дисквалификации или ином административном наказании, исключающем возможность исполнения работником обязанностей по трудовому договору;

- другие случаи, предусмотренные федеральными законами.

Согласно ст. 84⁷ ТК РФ прекращение трудового договора оформляется приказом (распоряжением) работодателя. С данным приказом (распоряжением) работник должен быть ознакомлен под роспись. По требованию работника работодатель обязан выдать ему надлежащим образом заверенную копию указанного приказа (распоряжения). В случае, когда приказ (распоряжение) невозможно довести до све-

дения работника или работник отказывается ознакомиться с ним под роспись, на нем производится соответствующая запись. Днем прекращения трудового договора во всех случаях является последний день работы работника, за исключением случаев, когда работник фактически не работал, но за ним, в соответствии с Трудовым кодексом или иным федеральным законом, сохранялось место работы (должность). В день прекращения трудового договора работодатель обязан выдать работнику трудовую книжку и произвести с ним расчет. По письменному заявлению работника работодатель также обязан выдать ему заверенные надлежащим образом копии документов, связанных с работой. Запись в трудовую книжку об основании и о причине прекращения трудового договора должна производиться в точном соответствии с формулировками ТК РФ или иного федерального закона. В ней должна быть ссылка на соответствующие статью, часть или пункт статьи законодательного акта.

О ВИДАХ И ФОРМАХ ВЕДОМСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ ЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ЮЛИЯ ЮРЬЕВНА ОРЛОВА,

адъюнкт факультета подготовки

научно-педагогических и научных кадров

Московского университета МВД России,

Научная специальность 12.00.14 – административное право;

административный процесс

Научный руководитель: начальник кафедры административной деятельности

органов внутренних дел, кандидат юридических наук,

доцент Кардашевский В.В.

Рецензент: доцент кафедры административной деятельности органов внутренних дел,

кандидат юридических наук, доцент Сулова Г.Н.

E-mail: orl.55@mail.ru

Аннотация. Рассматривается контроль с его видами и формами как направление управленческой деятельности в органах внутренних дел МВД России.

Ключевые слова: управленческая деятельность; контроль; инспектирование; контрольные, целевые проверки; зональный, отраслевой и особый контроль; кураторство.

Annotation. this article examines the types and forms of control and the direction of management activity in the organs of Internal Affairs of Russia.

Keywords: management activity; control; inspection; control and target inspections; zoned, industrial and custom control; curator.

Согласно приказу ГУВД по г. Москве от 31 декабря 2006 г. № 673 «Об управленческой деятельности» под контролем понимается «совокупность действий, направленных на обеспечение своевременного и полного выполнения планируемых ме-

роприятий, распорядительных документов, управленческих решений и поручений»¹. Иначе, контроль – это деятельность, устанавливающая соответствие исполнения принятому решению путем сравнения фактически достигнутых промежуточных или

конечных результатов и задач, предусмотренных управленческим решением.

Для эффективного достижения целей, необходимо постоянно контролировать, насколько сделанное соответствует поставленным задачам. Однако, это вовсе не означает, что следует только выявлять недостатки и упущения в работе. На наш взгляд, прежде всего, важно анализировать любые отклонения как в положительную, так и в отрицательную сторону, уметь вовремя поправить, оказать помощь исполнителю.

В соответствии с приказом ГУВД по г. Москве № 673 – 2006 г. в органах внутренних дел МВД России осуществляются следующие формы контроля: изучение информационных материалов, характеризующих работу подконтрольных органов и подразделений; заслушивание исполнителей об их работе; непосредственное ознакомление с деятельностью исполнителей на местах путем: непосредственного наблюдения руководителя за работой исполнителей; проведение инспекторских, контрольных проверок деятельности, комплексных или целевых выездов. Осуществляются следующие виды контроля в органах внутренних дел МВД России:

а) по месту в процессе управления: предупредительный контроль; текущий контроль; последующий контроль;

б) по назначению контроль в системе органов внутренних дел делится на: зональный контроль, который осуществляется по территориальному принципу (по зонам контроля), охватывает все стороны деятельности контролируемого органа; отраслевой контроль, осуществляемый по отраслевому принципу (по направлениям контроля), охватывает отдельные направления деятельности органов внутренних дел; особый контроль (устанавливается и осуществляется в течение определенного периода времени как за деятельностью органов внутренних дел в целом, так и за отдельными направлениями их деятельности)².

Согласно толковому словарю русского языка под видом понимается «разновидность, тип»³, а под формой «способ существования содержания, неотделимый от него и служащий его выражением»⁴.

По своей сути инспектирование является формой контроля. К примеру, рассмотрим проведение инспектирования ГУ МВД России по г. Москве как УВД округов по г. Москве, так и своих управлений (подразделений). Если проводится инспектирование ГУ МВД России по г. Москве в управлении уголовного розыска, то формой контроля будет инспектирование, а видом контроля – отраслевой контроль. Если рассмотрим инспектирование ГУ МВД России по г. Москве в УВД по ЮАО ГУ МВД России по г. Москве, то формой контроля является инспектирование, а видом контроля – зональный контроль. Так же и с особым контролем. Он может устанавливаться

ГУ МВД России по г. Москве за отраслевым подразделением ГУ МВД России по г. Москве, в этом случае контроль будет особым и отраслевым. Так же может устанавливаться ГУ МВД России по г. Москве особый контроль за УВД по округу ГУ МВД России по г. Москве, то в этом случае контроль будет и особым и зональный.

Контрольные проверки отличаются от инспекторских содержанием и объемом работы, сроком их проведения и способом обобщения результатов. Обязательно контрольной проверке подвергаются органы и подразделения, получившие неудовлетворительные оценки и поставленные на особый контроль как в целом, так и по направлениям деятельности, а также допустившие после инспектирования ухудшение результатов деятельности. Вместе с тем, контрольной проверке подвергаются все органы внутренних дел, за исключением тех подразделений, в которых существенно изменились результаты деятельности в лучшую сторону.

Таким образом, зональный, отраслевой и особый контроль – это виды контроля, а проведение инспекторских, контрольных и целевых проверок деятельности – формы контроля. Сам же контроль является одним из основных направлений управленческой деятельности.

На основе полученной информации в ходе осуществления контроля принимается новое решение и управленческий цикл повторяется. Контроль объективно присутствует везде, где осуществляется управленческая деятельность, а инспекторские аппараты выполняют главную роль в осуществлении инспектирования. Не случайно, в центре внимания руководства МВД России находятся вопросы совершенствования нормативной правовой базы инспекторских проверок и повышения уровня их проведения. Повышение организационного уровня инспектирования в последнее время стало неотъемлемой составной частью крупномасштабного реформирования системы МВД России.

До 1995 г. отсутствовали единые критерии оценки деятельности органов внутренних дел, что негативно сказывалось на результатах инспекторских проверок, не позволяло объективно оценивать оперативно-служебную деятельность органов внутренних дел. Лишь с введением в действие приказов в 1995 и 1997 гг., инспекторские подразделения получили методику о порядке инспектирования ОВД. Эта методика способствовала дальнейшему развитию нормативной базы, регулирующей порядок организации и проведения инспекторских и контрольных проверок, а также целевых выездов по оказанию практической и методической помощи отделам органов внутренних дел. При наличии определенных недостатков это был четкий нор-

мативный документ, с ясными требованиями для проверяющих и проверяемых. С изданием последующих приказов МВД России нормативная база инспектирования определенным образом была усовершенствована, учтены новые моменты в организации работы органов внутренних дел и новые требования к их оценке. Ныне действующий приказ МВД России от 3 февраля 2012 г. № 77 «Об основах организации ведомственного контроля за деятельностью органов внутренних дел Российской Федерации» ввел ряд Инструкций по осуществлению зонального, особого, ведомственного контроля, а также контрольных, целевых проверок деятельности подразделений⁵.

Механизмом осуществления зонального и отраслевого контроля в органах внутренних дел МВД России является институт кураторов⁶.

По нашему мнению, не совсем корректно под механизмом осуществления зонального и отраслевого контроля подразумевать один лишь институт кураторов, ведь бывают ситуации, когда проводится инспектирование комиссией ГУ МВД России по г. Москве.

Согласно приказу ГУВД по г. Москве от 31 декабря 2006 г. № 673 «Об управленческой деятельности», целью института кураторов является повышение эффективности всех видов контроля за оперативно-служебной деятельностью органов внутренних дел. Куратор – это высококвалифицированное должностное лицо из числа руководящего состава аппарата управления, которому в дополнение к имеющимся должностным обязанностям, поручено осуществлять общий или специальный контроль за состоянием оперативно-служебной деятельности закрепленного за ним органа (подразделения). Следует различать кураторов и по должности – должностные лица из числа руководящего и оперативно-начальствующего состава аппарата управления, в функциональные обязанности которых входит осуществление контроля за деятельностью вверенных ими курируемых органов. Основными задачами кураторов является обеспечение всех видов контроля в подконтрольном органе с целью повышения эффективности его деятельности, устранения имеющихся недостатков и усиления результативности в решении поставленных задач. Обеспечение всех видов контроля осуществляется при использовании учета, анализа, прогнозирования и т.д.⁷

По нашему мнению, не совсем правильно относить осуществление всех видов контроля к задачам кураторов, так как не всегда это возможно. Например, куратор не имеющий соответствующей формы допуска, не может осуществлять все виды контроля. Он не может осуществить контроль за оперативной, агентурной деятельностью, контроль за организацией боевой готовности и гражданской обороны и т.д.

Итак, можно предположить, что деятельность института кураторства является одним из частных направлений управленческой деятельности в органах внутренних дел МВД России, так как осуществляется при использовании одного, двух или практически всех основных направлений управленческой деятельности (например, для оказания помощи и осуществления контроля куратор должен использовать учет, анализ и т.д.).

Изложенное позволяет нам сделать следующие выводы:

- контроль имеет свои виды и формы; является одним из основных направлений управленческой деятельности в органах внутренних дел МВД России;
- виды контроля – зональный, отраслевой и особый контроль;
- формы контроля – инспектирование; проведение контрольных, целевых проверок;
- деятельность института кураторов является одним из частных направлений управленческой деятельности в органах внутренних дел МВД России.

¹ См.: Приказ ГУВД по городу Москве от 31 декабря 2006 г. № 673 «Об управленческой деятельности».

² См.: Приказ ГУВД по г. Москве от 31 декабря 2006 г. № 673 «Об управленческой деятельности»

³ www.lib.ru/DIC/OZHEGOW/ozhegow_a_d.txt.

⁴ См.: Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1988, С. 699.

⁵ См.: Приказ МВД России от 03 февраля 2012 г. № 77 «Об основах организации ведомственного контроля за деятельностью органов внутренних дел Российской Федерации».

⁶ См.: *Кардашевский В.В.* Организация и осуществление зонального, отраслевого и особого контроля оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел (на примере ГУВД по г. Москве): учебное пособие/ М.: Московский университет МВД России, 2009. 42 с.

⁷ См.: Приказ ГУВД по г. Москве от 31 декабря 2006 г. № 673 «Об управленческой деятельности».

К ВОПРОСУ ОБ АГИТАЦИОННО-ПРОПАГАНДИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОВД В ОБЛАСТИ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

ИГОРЬ ЮРЬЕВИЧ ХАРЫБИН,

адъюнкт очной формы обучения

кафедры административного права и административной деятельности

ОВД Орловского юридического института МВД России

Научная специальность 12.00.14 – административное право;

административный процесс

Научный руководитель: кандидат юридических наук,

профессор Бочаров С.Н.

Рецензент: кандидат юридических наук,

доцент Низаметдинов А.М.

E-mail: besser-57rus@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются вопросы агитационно-пропагандистской деятельности ОВД в целях повышения безопасности дорожного движения; выявляются возможные проблемы в информационно-разъяснительной практике, предлагаются пути их решения.

Ключевые слова: информационная работа, органы внутренних дел, дорожное движение, безопасность.

Annotation. In article questions of agitation and propaganda activity of Department of Internal Affairs for safe traffic are considered, and also arising problems in information and explanatory practice come to light and ways their solutions are proposed.

Keywords: information work, law-enforcement bodies, traffic, safety.

Для современной реальности характерно существенное возрастание роли и значения информационной сферы жизни общества. В этих условиях одним из важнейших направлений противодействия правонарушениям становится информационно-разъяснительная и агитационно-пропагандистская деятельность, которую можно рассматривать в двух аспектах: как средство обеспечения эффективности правоустановительных и правоохранительных мероприятий; как самостоятельный метод профилактики правонарушений.

Агитационно-пропагандистская деятельность в сфере национальной безопасности, осуществляемая в том числе органами внутренних дел, имеет целью оказание постоянного, наступательного, целенаправленного, конкретно содержательного воздействия как на элементы мотивации отдельного человека, определенных групп людей, так и на общественное сознание в целом.

Принимая во внимание наличие различных по своим характеристикам участников дорожного движения, различную степень и способы их влияния на состояние общественной безопасности, а также различный уровень потенциальной угрозы охраняемым общественным отношениям, носителями которой они являются, вполне уместно задуматься о необходимости учета подобных различий при организации и осуществлении агитационно-пропагандистской деятельности.

При этом надлежит исходить из того, что агитационно-пропагандистская деятельность – это особая форма относительно превентивного управленческого воздействия на волю и сознание объекта управления для формирования у него стремления к социально желаемому поведению, которое реализуется на всех стадиях функционирования механизма административно-правового регулирования в рассматриваемой сфере.

Для обеспечения надлежащей эффективности такой деятельности прежде всего требуется подвергнуть детальной дифференциации и последующей юридической оценке объекты агитационно-пропагандистского воздействия, сущностные и содержательные признаки которых обуславливают не только его организацию, но и все элементы механизма реализации.

Кроме того, следует принять во внимание, что арсенал задействованных при этом средств и методов, используемые формы, организационно-тактические и оперативно-тактические приемы влияния находятся в прямой и непосредственной зависимости от сопровождаемых и обеспечиваемых ими стадий функционирования механизма административно-правового регулирования сферы безопасности дорожного движения.

Данное обстоятельство с необходимостью вызывает потребность фактического определения количественных и качественных параметров, а также административно-правовой характеристики стадий

упомянутого механизма (нормотворчество, контроль и надзор, правоприменение) и его элементов (нормы административного права, административные правоотношения, акты применения административно-правовых норм) в контексте решаемой научной задачи.

Важно учитывать, что достижение обозначенной выше цели невозможно без учета и оценки современных угроз охраняемым законом отношениям в сфере безопасности дорожного движения, а также условий и факторов, влияющих на организацию и осуществление агитационно-пропагандистской деятельности.

Крайне необходимо также понимать, что формирование и реализация механизма агитационно-пропагандистского воздействия в рассматриваемой сфере должны строиться на определенных принципах, нуждающихся в систематизации на основе их научной классификации и характеристики.

К определению содержания понятий «пропаганда безопасности дорожного движения» и «агитация за безопасность дорожного движения» существует достаточно много подходов.

Так, легальное определение одного из них содержится в Приказе МВД от 2 декабря 2003 г. № 930 «Об организации работы государственной инспекции безопасности дорожного движения МВД России по пропаганде безопасности дорожного движения»¹ (далее – Приказ). В соответствии с данным нормативным правовым актом, *пропаганда безопасности дорожного движения* представляет собой целенаправленную деятельность, осуществляемую субъектами пропаганды по распространению знаний, касающихся вопросов обеспечения безопасности дорожного движения, разъяснению законодательных и иных нормативных правовых актов Российской Федерации, регламентирующих поведение участников дорожного движения. С учётом современных реалий данное определение следовало бы расширить и видоизменить, поскольку основные усилия субъектов пропаганды должны быть сосредоточены не столько на распространении информации (количественный, промежуточный показатель), сколько на изменении с её помощью сознания участников дорожного движения (качественный показатель, желаемый результат). В основу рассматриваемой деятельности должен быть положен принцип целеполагания, с помощью которого обозначаются конкретные ее результаты.

В самом общем виде цель деятельности по пропаганде безопасности дорожного движения можно обозначить как снижение уровня дорожно-транспортного травматизма, смертности на дорогах, повышение состояния защищённости участников дорожного движения от наличных в данной сфере угроз.

Достижение указанной цели возможно с помощью решения следующих задач:

- повышение общей и специальной культуры поведения участников дорожного движения;
- формирование положительного образа сотрудника полиции и иных субъектов обеспечения безопасности дорожного движения при использовании ими различных механизмов воздействия на сознание участников дорожного движения;
- снижение уровня детского дорожно-транспортного травматизма, развитие программ обучения детей различного возраста безопасному поведению на дорогах;
- распространение положительного опыта организации работы по профилактике травматизма, взаимодействие с негосударственными субъектами обеспечения общественной безопасности;
- повышение эффективности использования возможностей СМИ и Сети Интернет;
- разработка новых методов и приёмов работы и их реализация.

К перечню субъектов пропагандистской деятельности названным Приказом отнесены подразделения Госавтоинспекции, средства массовой информации, автотранспортные предприятия, общественные объединения, деятельность которых связана с дорожным движением, а также дошкольные и иные образовательные учреждения. Хотелось бы отметить, что в современных условиях в связи с возрастанием значимости проблемы обеспечения безопасности дорожного движения, этот перечень должен быть значительно расширен посредством включения в него иных органов государственной власти и органов местного самоуправления, представителей широкой общественности и предпринимательства. Полагаем, что только такое, комплексное воздействие способно обеспечить достижение поставленной цели.

Объектами пропаганды безопасности дорожного движения являются как весь социум, так и отдельные социальные группы, индивиды, их объединения. В этом отношении важно соблюдать всеобщность и повсеместность воздействия, максимально используя возможности широкого круга участников. Пропагандистская работа не должна ограничиваться каким-либо одним направлением, сводится к показательному авралу, довольствуясь промежуточными результатами, поскольку только комплексный, системный, наступательный подход, при наличии устойчивой и объективной обратной связи с объектом управленческого воздействия, способен обеспечить ее действительную результативность.

¹ СПС «Консультант плюс».

ЧАСТНЫЙ НОТАРИУС КАК СПЕЦИАЛЬНЫЙ СУБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

АННА ЮРЬЕВНА БОГАЧЕВА,

*адъюнкт ФПНФ и НК Московского университета МВД России
Научная специальность 12.00.08 – уголовное прав и криминология;
уголовно-исполнительное право*

*Научный руководитель: доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного права
Московского университета МВД России
полковник полиции Диника В.И.*

E-mail: yrann 13@rambler.ru

Аннотация. В данной статье рассматривается вопрос о возрасте уголовной ответственности за злоупотребления полномочиями частными нотариусами. Дается краткий анализ содержания полномочий нотариуса. Особое внимание уделено рассмотрению вопроса о его правовом статусе. Данные вопросы имеют определяющее значение при квалификации данного вида преступлений.

Ключевые слова: частный нотариус, специальный субъект преступления, возраст уголовной ответственности, полномочия, правовой статус.

Annotation. This article considers the question of the age of criminal liability for abuse of authority by private notaries. A brief analysis of the content of the powers of a notary. Special attention is paid to consideration of the question of its legal status. These questions are crucial for qualification of this type of crime.

Keywords: private notary, special subject of the crime, the age of criminal responsibility, authority, legal status.

Буквальное уяснение смысла диспозиции ч. 1 ст. 202 УК РФ свидетельствует, что субъектами этого преступления являются частные нотариусы и частные аудиторы, относящиеся к категории специальных субъектов, поскольку являются носителями специальных прав и обязанностей и потому имеют особый правовой статус. Их специфическое правовое положение позволяет установить признаки, которые по своему содержанию близки к признакам, характеризующим такую многочисленную категорию специальных субъектов, как должностные лица.

Анализ содержания ч. 2 ст. 20 УК РФ, показывает, что возраст уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ст. 202 УК РФ, установлен законом с 16 лет. Вместе с тем, очевидно, что несовершеннолетнее лицо, достигшее 16-ти летнего возраста не может быть частным нотариусом в соответствии с требованиями законодательства о нотариате¹. Согласно указанного закона, порядок назначения на должность нотариуса имеет свои особенности. Во-первых, на данную должность может быть назначено только то лицо, которое выдержало конкурсные испытания, что вызвано существующими ограничениями по их численности на определенное количество населения на конкретной административной территории. Во-вторых, обязательным условием для назначения на должность нотариуса является наличие гражданства РФ, в том числе высшего юридического образования. В-третьих, для замещения

должности нотариуса кандидат должен пройти стажировку сроком не менее одного года в государственной нотариальной конторе или у нотариуса, занимающегося частной практикой. И только после этого, происходит сдача квалификационного экзамена, по результатам которого рассматривается вопрос о выдаче лицензии на право нотариальной деятельности. С момента выдачи указанной лицензии фактически происходит наделение нотариуса специальными полномочиями, что подтверждается путем принятия решения (рекомендация) нотариальной палатой, Министерством юстиции РФ или по ее поручению органом юстиции. Фактический допуск лица к нотариальной деятельности завершается проведением конкурса среди лиц, получивших лицензию (ст.ст. 2, 12 Основ).

Исходя из изложенного выше, следует, что специальным субъектом анализируемого преступления может быть только лицо, которое прошло определенную законом процедуру назначения на должность и было допущено к выполнению профессиональных функций на основе выданной лицензии.

Следует заметить, что частнопрактикующий нотариус выполняет свои функции на границе соприкосновения частной и публичной сфер. С одной стороны, он выступает, как уполномоченный представитель государства, а с другой – как представитель свободной профессии, своеобразный независимый юридический консультант клиентов. Однако, нотариуса нельзя в полной мере относить

к представителям свободной профессии, поскольку назначение на должность нотариуса, место исполнения им профессиональных обязанностей, а также сама деятельность нотариуса контролируется государством².

Нотариус, занимающийся частной практикой, представляет собой лицо, которое является носителем определенных полномочий с чертами государственно-властного свойства. Так к примеру, его деятельность напрямую связана с защитой прав и законных интересов граждан и юридических лиц, где нотариус в РФ действует от имени государства (ст. 1 Основ). В подтверждение данного статуса он имеет личную печать с изображением Государственного герба РФ (ст. 11 Основ). Соблюдение правил нотариального производства по степени своей обязательности и процедурно-процессуального содержания имеет такой же государственно-властный характер. Это связано с тем, что частный нотариус в своей работе активно использует положения гражданско-процессуального, арбитражного, уголовно-процессуального и конституционного производства. Он также вправе истребовать от организаций, должностных лиц, граждан, не подчиненных ему по службе, те сведения и документы (в том числе содержащие персональные данные), которые необходимы для совершения нотариальных действий. Он вправе обязать заинтересованных лиц либо их представителей явиться в нотариальную контору для дачи устных или письменных пояснений. Данные требования обязательны для исполнения всеми участниками гражданского оборота. В случае неисполнения требований нотариуса, он вправе применить к ним особую меру воздействия – отказать в совершении нотариального действия, что лишает их того результата, к которому они стремились (ст. 16 Основ). К сожалению, такая мера не направлена на защиту интересов лица, обратившегося за помощью к нотариусу, поскольку при отсутствии ответа на соответствующий запрос, направленный третьим лицам, нотариус вынужден отказывать этому лицу, при этом, не имея возможности административного воздействия на лиц, не исполняющих его требований.

Краткий анализ содержания полномочий частного нотариуса показывает, что их содержание свидетельствует о присутствии определенных признаков указывающих на то, что он, в узком смысле, имеет определенные права и обязанности, которые позволяют рассматривать его в качестве публичного должностного лица. Этот вывод подтверждается научной позицией ученых, считающих, что нотариальная деятельность носит государственно-властный, публично-правовой организующий характер³. Следовательно, и с точки зрения законодательства о нотариальной деятельности и с науч-

ной позиции можно утверждать, что нотариус – это лицо, которое действует в строго определенных законом правовых границах специфической профессиональной деятельности с правом на совершение в установленном законодательством РФ нотариальных действий, с использованием для этих целей официально утвержденных правовых и процессуальных процедур.

Между государственным и частным нотариусом имеются некоторые отличия, которые заключаются в следующем.

1) Деятельность государственного нотариуса финансируется полностью за счет бюджетных средств. Оплата расходов по обеспечению нотариуса помещением, оргтехникой, канцелярскими товарами, выплата заработной платы нотариусу и другим сотрудникам государственной нотариальной конторы производятся из средств государственного бюджета. За совершение нотариальных действий (составление проектов, выдачу копий документов, выполнение технической работы и т.д.) государственный нотариус взимает государственную пошлину по ставкам, установленным законодательством РФ о налогах и сборах. Полученные им, при осуществлении нотариальной деятельности, денежные средства поступают в государственный бюджет.

2) Частнопрактикующий нотариус, не имеет государственного источника финансирования. Материальную основу его деятельности составляют доходы полученные по установленным законом тарифам (государственная пошлина – гл. 25.3 НК РФ), а также другие финансовые поступления, не противоречащие законодательству Российской Федерации⁴. Денежные средства, полученные частнопрактикующим нотариусом после уплаты налогов и других обязательных платежей (выплаты заработной платы работникам нотариальной конторы, аренды помещения, коммунальные платежи и иные расходы технического характера), поступают в его собственность. Исключение составляют лишь денежные средства, находящиеся на депозитных счетах (ст. 23 Основ). Частный нотариус, согласно гражданского законодательства, при совершении нотариальных действий (заверение сделок, удостоверение документов и т.п.) отвечает перед клиентом всем своим имуществом. При этом уплачивает в бюджет соответствующие для его деятельности налоги.

3) Исходя из ст. 36 Основ в перечне совершаемых частнопрактикующим нотариусом нотариальных действий отсутствуют:

- выдача свидетельства о праве на наследство.
- принятие мер к охране наследственного имущества.
- выдача свидетельства о праве собственности в случае смерти одного из супругов.

Дополнительные полномочия, вытекающие из специфики организации деятельности частнопрактикующего нотариуса (иметь контору, нанимать и увольнять работников, участвовать в арбитражном суде от своего имени, наличии имущественных и личных неимущественных прав и т.д.) обнаруживают наличие у него определенных признаков организационно-распорядительных и административно – хозяйственных функций.

Приведенные отличия показывают, что государственные и частнопрактикующие нотариусы не обладают равными правами и обязанностями. Однако наделение государственных нотариусов полномочиями на осуществление нотариальных действий, связанных с наследственными делами, нельзя считать исключительными. В случае отсутствия в нотариальном округе государственной нотариальной конторы, нотариальные действия, связанные с оформлением наследования поручаются одному из частнопрактикующих нотариусов (ст. 36 Основ). Решение о наделении частнопрактикующего нотариуса полномочиями по совершению подобных нотариальных действий принимается территориальным органом Минюста России совместно с региональной нотариальной палатой.

В современных условиях, вопрос о правовом статусе нотариусов относится к числу дискуссионных. Так, Р.Ф. Асанов, Е.Ф. Молчанова, С.А. Гордейчик считают, что нотариуса, занимающегося частной практикой необходимо признавать должностным лицом⁵. Такая точка зрения, не является бесспорной. По этому поводу Президиум Верховного Суда РФ посчитал необоснованным отнесение частнопрактикующих нотариусов к представителям власти и возможности признания их субъектами должностных преступлений⁶. В этой связи, следует отметить, что нотариальная деятельность представляет собой контроль над соблюдением законности и правомерности юридических действий, совершаемых в сфере гражданского оборота. Анализ норм Законодательства о нотариате показывает, что полномочия государственных и частнопрактикующих нотариусов имеют незначительные различия в их содержании. Сущность но-

тариальной деятельности по существу заключается в осуществлении специальных полномочий по реализации публичной функции государства, непосредственно связанной с защитой прав и законных интересов граждан, юридических лиц, общества и государства⁷. При этом дифференциация уголовной ответственности субъектов нотариальной деятельности в УК РФ существенно отличается: частнопрактикующие нотариусы несут ответственность по ст. 202 УК РФ, в то время как государственные нотариусы по ст. 285 УК РФ, которая имеет более строгие санкции.

Подводя итог, можно сделать вывод, что нотариус является индивидуальным субъектом правоотношений. В связи с этим возникает необходимость закрепления в Уголовном Кодексе РФ понятия нотариуса, а так же комплексного анализа и научного обоснования его правового статуса.

¹ Закон Российской Федерации «Основы законодательства Российской Федерации о нотариате». 13-е изд. М.: Ось-89, 2012. 64 с. (Федеральный закон). Далее – Основы.

² Ярков В. Публично-правовой характер нотариальной деятельности // Российская юстиция. 1997. № 6. С. 31.

³ См.: Ярков В. Публично-правовой характер нотариальной деятельности // Российская юстиция. 1997. № 6. С. 31.

⁴ Тариф соответствуют размеру государственной пошлины, предусмотренной за совершение аналогичных нотариальных действий в государственной нотариальной конторе, с учетом особенностей, установленных законодательством РФ о налогах и сборах. Ст. 22 Основ.

⁵ Асанов Р.Ф. «Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях: квалификация и ответственность» : Дисс... канд. юрид. наук // Н. Новгород, 1999. С. 97–98; Молчанова Е.А. «Уголовная ответственность нотариусов за злоупотребление полномочиями» : Автореф. Дисс... канд. юрид. наук // Рязань, 2010 / электронный ресурс: <http://lawtheses.com/>; Гордейчик С.А. «Преступления управленческого персонала коммерческих и иных организаций в сфере экономической деятельности» : Дисс... канд. юрид. наук // Волгоград, 1997. С. 65.

⁶ Обзор судебной практики ВС РФ за третий и четвертый кварталы 1996 Постановление № 448П96 // Бюллетень ВС РФ. 1997. №4. С. 13 / электронный ресурс: <http://www.allpravo.ru/>

⁷ Ст.ст. 2, 5, 9, 11, 13, 16, 18, 28, 34, 48 Основ.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПО ПОВЫШЕНИЮ ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

САМВЕЛ СУРЕНОВИЧ МАИЛЯН,

доктор юридических наук, профессор,

Заслуженный юрист РФ

АРТУР ЛЕВОНОВИЧ МИРОНОВ,

доцент кафедры конституционного и муниципального права

Московского университета МВД России,

кандидат юридических наук

Научная специальность 12.00.02 – конституционное право;

конституционный судебный процесс; муниципальное право

E-mail: arturmironov@yandex.ru

Аннотация. В статье определен перечень направлений повышения эффективности государственного управления, осуществляемого федеральными органами исполнительной власти. Также говорится о необходимости нормативного закрепления проведения ряда мер упреждающего контроля.

Ключевые слова. Государственное управление, контроль, органы исполнительной власти, эффективность управления.

Annotation. In article the list of the directions of increase of efficiency of the public administration exercised by federal executive authorities is defined. Also it is said about need of normative consolidation of carrying out of a number of measures of anticipatory control.

Keywords. Public administration, control, executive authorities, management efficiency.

На основе анализа многолетней практики государственного и ведомственного контроля в федеральных органах исполнительной власти, нормативной правовой базы, регламентирующей контроль, изучения структуры Правительства Российской Федерации, его Аппарата и их взаимоотношений в исследуемой сфере с министерствами, службами, агентствами Российской Федерации, другими органами государственной власти, исследования научной и специальной литературы, зарубежного опыта, автор в целом определил перечень направлений повышения эффективности государственного управления, осуществляемого федеральными органами исполнительной власти:

- создание условий для формирования целостной системы государственного контроля в Российской Федерации;
- формирование единой организационной основы государственного контроля;
- создание правовой основы государственного контроля и ее постоянное совершенствование;
- организация координации федеральных органов исполнительной власти в процессе осуществления государственного контроля с позиций единого государственного контрольного органа власти;
- правовое обеспечение деятельности единого государственного контрольного органа;
- организация взаимодействия федеральных

органов исполнительной власти в процессе осуществления государственного контроля;

- использование принципа разделения властей в процессе осуществления государственного контроля;
- совершенствование соотношения государственного контроля и надзора;
- совершенствование перечня факторов, оказывающих влияние на результативность государственного контроля, постоянный учет этих факторов в контрольной деятельности;
- создание в федеральных органах исполнительной власти ведомственных систем контроля и подразделений контроля;
- формирование в федеральных органах исполнительной власти ведомственной нормативной правовой базы, регламентирующей контроль;
- создание (формирование) системы упреждающего государственного контроля.

Автор полагает необходимым подробнее остановиться на ряде из них. Так, изучение организации контроля в федеральных органах исполнительной власти свидетельствует о том, что чем больше в ходе проверки контролируется решений, поручений и резолюций руководства государства, указаний должностных лиц органов власти разного уровня, тем выше необходимость осуществления координации деятельности и организации взаимодействия субъектов и объектов контроля

между собой. При этом можно выделить ряд особенностей:

1) координация деятельности и организация взаимодействия федеральных органов исполнительной власти в процессе осуществления государственного контроля охватывает только тех исполнителей и соисполнителей, которые являются участниками решения общей для них конкретной задачи или проблемы;

2) цель координации деятельности и организации взаимодействия в процессе контроля заключается в обеспечении совместной слаженной работы различных федеральных органов исполнительной власти – исполнителей и соисполнителей в ходе реализации принятых руководством государства решений;

3) основной результат координации деятельности и взаимодействия федеральных органов исполнительной власти в процессе исполнения решений руководства государства состоит в экономии усилий исполнителей путем устранения дублирования, характеризующегося большим количеством соисполнителей, задействованных в этой работе;

4) координацию деятельности и организацию взаимодействия в процессе исполнения принятых решений необходимо осуществлять с позиций единого контрольного органа, осуществляющего свою деятельность на основании государственных нормативных правовых актов;

5) взаимодействие на уровне федеральных органов исполнительной власти представляется целесообразным осуществлять с позиций их делопроизводственных департаментов и подразделений;

6) для обеспечения эффективного и своевременного исполнения решений, принятых руководством государства, необходимо, чтобы деятельность по обеспечению координации и взаимодействия самих федеральных органов исполнительной власти-исполнителей и соисполнителей регламентировалась ведомственными нормативными правовыми актами.

Вместе с тем, анализ положений действующей в Российской Федерации нормативной правовой базы, регламентирующей государственный контроль, позволяет сделать вывод, что в настоящее время ни на один орган власти ни функционально, ни нормативно не возлагается функция координации деятельности и организации взаимодействия в процессе контроля за исполнением принятых решений, хотя именно благодаря этим важным функциям может осуществляться распорядительная и исполнительная деятельность, организуются взаимодействие федеральных органов исполнительной власти – исполнителей, согласование действий объектов контроля, определяется порядок приложения совместных усилий, устанавливается рациональное сочетание и пропорциональность действий участников решения общей задачи, проблемы, поручения.

Следовательно, орган власти, осуществляющий координацию и взаимодействие в процессе государственного контроля (координатор¹), должен обладать соответствующими полномочиями на осуществление этой деятельности, что требуется закрепить в государственных правовых актах. При этом необходимо нормативно определить также методы, формы и средства координации и взаимодействия в процессе контроля за исполнением принятых решений, которые в значительной мере зависят от статуса субъекта контроля в общей системе государственного контроля и от характера исполняемого решения. Эти меры, по мнению автора, позволят значительно повысить эффективности государственного управления, осуществляемого федеральными органами исполнительной власти.

Кроме того, как показывает практика, на повышение эффективности государственного управления, осуществляемого федеральными органами исполнительной власти, существенное влияние может оказать внедрение упреждающего контроля, который представляет из себя совокупность мер по осуществлению поэтапных контрольных действий, направленных на обеспечение выполнения всех видов решений, поручений и указаний руководства государства, и, прежде всего, срочных и оперативных. Необходимо нормативно закрепить проведение следующих мер упреждающего государственного контроля (как важной формы государственного управления):

- определение средств и методов контроля за своевременным исполнением поручений, в том числе принятие решений, разработка планов, других мероприятий с указанием конкретных сроков и работников, ответственных за исполнение поручений;
- направление ответственным исполнителям предупредительных запросов с целью получения и анализа промежуточной информации о принятых мерах по выполнению решений руководства;
- осуществление контрольных проверок хода исполнения решений и поручений;
- регулярное заслушивание на совещаниях либо заседаниях сообщений (отчетов) должностных лиц о проделанной работе по выполнению решений руководства;
- проведение разбирательств по фактам несвоевременного исполнения решений руководства;
- внедрение автоматизированной системы контроля за своевременным исполнением решений и поручений с целью регулярного представления руководству государства соответствующей информации по данному вопросу.

¹ Координатор – орган власти или должностное лицо, призванное осуществлять координацию действий участников решения общей задачи и наделенное для этого соответствующими правами.

ПРОГРАММНО-ЦЕЛЕВОЙ МЕТОД ПЛАНИРОВАНИЯ: РАЗВИТИЕ, АНАЛИЗ, ПРИМЕНЕНИЕ В МВД РОССИИ

ЮЛИЯ ВИКТОРОВНА БЫКОВСКАЯ,

кандидат экономических наук,

старший преподаватель кафедры бухгалтерского учета и аудита

Московского университета МВД России

Научная специальность 08.00.05 – экономика и управление народным хозяйством

E-mail: zima7327@yandex.ru

Рецензент: член-корреспондент РАЕН,

доктор экономических наук Нестеров Г.Г.

Аннотация. Рассмотрены основные направления бюджетных реформ, проводимых в России с конца 1990-х гг. Проанализированы преимущества и недостатки программно-целевого метода планирования. Проанализированы вопросы применения программного метода в органах внутренних дел. Предложено в целях повышения эффективности программно-целевого управления в ОВД включить в число индикаторов, определяющих результативность программ, показатели, имеющие отношение к стимулированию профессиональной деятельности сотрудников.

Ключевые слова: бюджетная реформа, государственная программа, программно-целевой метод, социальная политика, органы внутренних дел.

Annotation. The article describes the main directions of budget reforms in Russia since the late 1990s. The advantages and disadvantages of program-target method of planning. The problems of software method in the internal affairs bodies. Proposed to improve the efficiency of program-oriented management in the police department to include in the indicators of the impact of programs, indicators relevant to stimulate professional work of employees.

Keywords: fiscal reform, the state program, program-target method, social policy, internal affairs agencies.

В рыночной экономике, в условиях ограниченных финансовых возможностей государственного бюджета, роль бюджетной системы как одного из важнейших инструментов государственного регулирования экономических отношений трудно переоценить. Процесс реформирования бюджетной системы – это естественная реакция на запросы и потребности общества как в части повышения качества предоставляемых общественных услуг, так и в отношении повышения уровня благосостояния и качества жизни граждан. В этой связи, очевидно, что направления и приоритеты бюджетной политики государства прямым образом находят свое отражение в вопросах формирования бюджетов государственных структур, в том числе органов исполнительной власти, и, как следствие, в вопросах формирования направлений и приоритетов социальной политики в отношении сотрудников этих структур.

В Российской Федерации активное развитие бюджетной системы ведется последние пятнадцать лет, начиная с принятия основополагающего документа, регулирующего бюджетный процесс, – Бюджетного Кодекса Российской Федерации [1] (принят в 1998 г.).

Анализ показывает, что с этого момента началась целенаправленная государственная политика в части становления, развития и совершенствования бюджетных отношений и бюджетной системы

в целом, основной целью которой стало повышение эффективности бюджетных расходов.

Так, в 1998 г. была утверждена Концепция реформирования межбюджетных отношений в Российской Федерации в 1999–2001 гг. [3], в которой в качестве основной задачи проведения реформы межбюджетных отношений обозначено повышение эффективности использования и управления финансовыми ресурсами бюджетной системы Российской Федерации, прежде всего, путем разграничения доходных источников между уровнями бюджетной системы. В отношении правоохранительной деятельности в Концепции определено, что ее финансирование осуществляется за счет средств федерального бюджета, бюджетов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований.

В развитие данной Концепции в 2001 г. была принята Программа развития бюджетного федерализма Российской Федерации на период до 2005 г. [4]. В указанной Программе предусматривались:

- формирование системы межбюджетных трансфертов;
- упорядочение бюджетных отношений путем проведения реформирования федеративных отношений и местного самоуправления;
- разграничение расходных обязательств и доходов.

В 2003 г. были разработаны «Принципы ре-

структуризации бюджетного сектора в Российской Федерации 2003–2004 гг. и на период до 2006 г.» [14]. В данном документе Минфином России, на основании анализа основных проблем, существующих в бюджетной сфере, в качестве основных направлений реструктуризации бюджетного сектора предлагались:

- оптимизация сети получателей бюджетных средств;
- уточнение правового статуса и реорганизация бюджетных учреждений;
- внедрение методов формирования бюджета, ориентированного на результат;
- переход к новым формам финансового обеспечения предоставления государственных (муниципальных) услуг.

Таким образом, уже в первой половине 2000-х гг. начала активно и целенаправленно развиваться идея о необходимости введения программно-целевого метода планирования при формировании бюджета.

С учетом вышеуказанных принципов, а также во исполнение бюджетных посланий Президента РФ и программ социально-экономического развития Российской Федерации, в 2004 г. была принята Концепция реформирования бюджетного процесса в Российской Федерации в 2004–2006 гг. [5]. В данной Концепции было указано, что основной целью реформирования бюджетного процесса должно стать создание условий и предпосылок для максимально эффективного управления государственными финансами в соответствии с приоритетами государственной политики.

Значение проведения подобной реформы, заключалось, прежде всего, в необходимости смещения акцентов бюджетного процесса от «управления бюджетными ресурсами (затратами)» на «управление результатами» путем применения модели «бюджетирования, ориентированного на результаты в рамках среднесрочного финансового планирования». Суть данной модели формирования бюджета заключается в распределении бюджетных ресурсов между администраторами бюджетных средств и реализуемыми ими бюджетными программами с учетом и в прямой зависимости от достижения конкретных конечных результатов (предоставления услуг) в соответствии со среднесрочными приоритетами социально-экономической политики и в пределах прогнозируемых на долгосрочную перспективу объемов бюджетных ресурсов.

Таким образом, основой данной Концепции явились идеи перехода на среднесрочное финансовое планирование и преимущественно с помощью программно-целевых методов, обеспечивающих прямую взаимосвязь между распределением бюджетного финансирования и фактическими или

планируемыми результатами его использования в соответствии с установленными приоритетами государственной политики. Причем бюджетное планирование, ориентированное на результат, рассматривалось в Концепции как один из ключевых элементов системы взаимодополняющих мер по повышению эффективности государственного управления, способное дать максимально положительный эффект при условии применения комплексного подхода к реформированию системы государственного управления. В качестве основного направления повышения эффективности использования бюджетных ресурсов в Концепции предлагалось создание механизмов, при которых бюджетные услуги могли бы предоставляться организациями различных организационно-правовых форм.

В этой связи предусматривалась возможность преобразования государственных учреждений, способных функционировать в рыночной среде, в организации иной организационно-правовой формы. Суть такого преобразования – освобождение государства от обязанности финансового обеспечения таких организаций на основе сметы доходов и расходов и от ответственности по их обязательствам.

Итак, начиная с 2005 г., федеральный бюджет стал планироваться как составная часть утверждаемого исполнительным органом трёхлетнего перспективного финансового плана. В 2007 г. были приняты комплексные поправки в Бюджетный кодекс Российской Федерации по вопросам организации бюджетного процесса, в том числе, в отношении перехода к трёхлетнему бюджету, в соответствии с которыми, начиная с 2008 г., федеральный бюджет стал планироваться на 3 года в режиме скользящей трёхлетки.

Вступление в действие Федерального закона № 83-ФЗ [2] стало началом нового этапа проведения бюджетной реформы в Российской Федерации.

Основной целью проводимых преобразований было создание необходимых условий для сокращения затрат государственных учреждений, привлечения ими дополнительных источников финансового обеспечения и, в результате – снижение темпов роста расходов бюджетов, привнесение в деятельность государственных учреждений рыночных принципов хозяйствования, обеспечивающих их самостоятельность, в том числе финансовую, и конкурентоспособность. Иными словами, предусмотренные Федеральным законом № 83-ФЗ изменения, прежде всего, коснулись порядка финансирования государственных и муниципальных учреждений.

Так, с 1 января 2011 г. финансовое обеспечение деятельности из средств бюджета на основе бюджетной сметы осуществляется только в отношении

казенных учреждений. Для бюджетных учреждений «нового типа» и для автономных учреждений гарантированное бюджетное финансирование по бюджетной смете заменено предоставлением субсидий на выполнение государственного (муниципального) задания и субсидий на иные цели.

Отметим, что в ходе проведения бюджетной реформы 2011–2012 гг. в отношении финансирования учреждений системы МВД России не произошло серьезных изменений. Учреждения МВД России были преобразованы в казенные учреждения с финансированием их деятельности на основе бюджетной сметы.

Вместе с этим, начиная с 2014 г., формирование, утверждение и исполнение государственного бюджета для всех Министерств и ведомств, в частности МВД России, осуществляется в программном формате.

Как уже отмечалось, идея о реформировании бюджетного процесса с целью повышения эффективности использования бюджетных ассигнований существовала с начала 2000-х годов. Так, в Послании Президента РФ «О бюджетной политике на 2000 год» отмечено: «В основу расходной части бюджета целесообразно закладывать концепцию бюджетной политики, базовыми параметрами которой стали бы конкретные характеристики тех рубежей, достижение которых государство обязуется безусловно обеспечить бюджетными ассигнованиями... Параллельно следует готовиться к поэтапному введению иного подхода, основанного на отражении в названной концепции предполагаемых реальных результатов, достигаемых с помощью бюджетных расходов» [7]. В Бюджетном Послании Президента РФ «О бюджетной политике на 2004 год» сказано: «уменьшение объема перераспределяемых государством финансовых ресурсов должно сопровождаться принятием адекватных мер по оптимизации бюджетных расходов, внедрению современных методов бюджетного планирования, ориентированного на достижение конкретных результатов и стимулирующих органы власти... к максимально эффективному использованию бюджетных средств... Государство должно отказаться от сметного финансирования бюджетной сети и прямого предоставления значительной части бюджетных услуг и перейти к принципу их оплаты в соответствии с получаемыми обществом результатами» [8].

Иными словами, главной задачей бюджетной реформы, связанной с введением механизмов бюджетирования, ориентированного на результат, явились:

- необходимость создания действенных механизмов, направленных на эффективное управление общественными финансами;
- смещение акцентов бюджетного процесса с

управления бюджетными ресурсами на управление результатами путем повышения ответственности и расширения самостоятельности участников бюджетного процесса в рамках четких среднесрочных ориентиров.

В соответствии с новым порядком финансирования бюджетного сектора на основе программно-целевого метода государство рассматривается как субъект рынка, который представляет гражданам и юридическим лицам разного рода услуги. К таким услугам относится и обеспечение безопасности граждан и общества.

В основу нового порядка финансирования государственных учреждений положен принцип финансирования в соответствии с объемом оказанных услуг. Бюджетные ресурсы распределяются между получателями бюджетных средств и (или) реализуемыми ими государственными программами с учетом и в прямой зависимости от достижения конкретных результатов. Эти результаты оцениваются в соответствии со среднесрочными приоритетами социально-экономической политики и в пределах объемов бюджетных ресурсов, прогнозируемых на долгосрочную перспективу.

Таким образом, считается, что программно-целевой метод планирования является одним из наиболее эффективных методов государственного регулирования социально-экономических процессов, адекватных рыночной экономике и позволяющих концентрировать ресурсы на приоритетных направлениях развития страны [14].

Активные шаги для перехода к программно-целевому методу управления общественными финансами на всех уровнях государственной власти предпринимаются последние несколько лет. По словам специалистов, переход к программному бюджету позволяет сосредоточиться на достижении целей и задач социально-экономического развития, обеспечить связь объемов финансирования с достигнутыми результатами, повысить эффективность бюджетных расходов и создать прозрачную и понятную систему представления бюджета [13].

Применение программно-целевого метода в бюджетном процессе обеспечивает:

- повышение обоснованности и прозрачности бюджетных расходов;
- распределение бюджетных ресурсов по стратегическим целям и задачам;
- расширение сферы применения стратегического подхода к управлению;
- повышение эффективности механизма реализации государственных программ;
- определение положительного общественного эффекта от оказания государственных услуг, а не только размера финансовых затрат на их предоставление;

- контроль над расходами на бюджетные услуги путем выбора наиболее экономичного способа их предоставления;

- смещение акцента с внешнего контроля над целевым расходованием средств на повышение внутренней ответственности и внутреннего контроля за эффективностью расходов.

Наряду с этим, еще с 2000-х гг., вопросы изменения схемы финансового обеспечения государственных структур, т.е. постепенный отказ от сметного финансирования и переход на метод «бюджетирования, ориентированного на результат» в соответствии с объемом оказанных бюджетных услуг, имели неоднозначную оценку [11, 12].

Действительно, несмотря на преимущества программно-целевого метода финансирования, существует ряд проблем, связанных, в первую очередь, с практической реализацией этого метода, в том числе:

- 1) необходимость наличия существенных временных и финансовых затрат для разработки четкой и полной системы количественных индикаторов оценки бюджетных расходов;

- 2) сложность быстрого достижения видимых результатов государственных программ;

- 3) сложность формализации социально-экономического эффекта и результатов оказываемых бюджетных услуг;

- 4) стремление (в ряде случаев) к достижению определенного количественного значения показателя, при котором не учитывается связь достигнутых результатов с необходимым общественным эффектом;

- 5) сложность определения взаимосвязи между затраченными ресурсами и полученными результатами, что влечет за собой неэффективное и неоптимальное расходование бюджетных средств;

- 6) сложность управляемости программ;

- 7) необходимость слаженного и скоординированного взаимодействия всех участников программы, если этими участниками являются несколько Министерств или ведомств;

- 8) необходимость изменения форм предоставления отчетности;

- 9) сложность изучения общественного мнения о предоставляемых бюджетных услугах.

На сегодняшний день перечисленные проблемы являются весьма актуальными. Так, в Бюджетном послании Президента РФ «О бюджетной политике в 2014–2016 годах» [9] отмечено, что «...планирование мер социально-экономического развития и бюджетное планирование по-прежнему остаются недостаточно скоординированными... Задачи социально-экономической политики и итоги их реализации, по-прежнему, рассматриваются отдельно от вопросов бюджетной политики. Отсутствует четкая система оценки эффективности бюджетных расходов».

Таким образом, переход к программно-целевому бюджетированию, к эффективному выполнению целей и задач программ – это сложный, трудоемкий и достаточно длительный процесс. Ведь от того, насколько оптимально распределены бюджетные ресурсы между программами, между ключевыми целями и задачами внутри программы; насколько полно и четко продуман механизм увязки показателей результативности и конечных целей программ; насколько качественно и полноценно осуществляется контроль за ходом выполнения программы зависит эффективность выполнения государственных программ, и, следовательно, качество услуг, оказываемых населению, в том числе, в отношении обеспечения общественного порядка и противодействия преступности.

Говоря об МВД России, отметим: федеральный бюджет, сформированный на основе программно-целевого метода планирования, предусматривает участие МВД России в 2014 г. в нескольких государственных программах (табл.):

Таблица 1.

Перечень государственных программ, участником которых является МВД России в 2014 г.

№/№ п/п	Наименование государственной программы РФ (непрограммного направления)	Статус МВД России
1.	Государственная программа «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности»	Ответственный исполнитель
2.	Государственная программа «Социальная поддержка граждан»	Участник
3.	Государственная программа «Защита населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, обеспечение пожарной безопасности и безопасности людей на водных объектах»	Участник
4.	Государственная программа «Космическая деятельность России»	Участник
5.	Государственная программа «Информационное общество (2011–2020 гг.)»	Участник
6.	Непрограммное направление деятельности «Развитие пенсионной системы»	Участник

7.	<p>Федеральная целевая программа «Совершенствование системы комплектования должностей сержантов и солдат военнослужащими, переведенными на военную службу по контракту, и осуществление перехода к комплектованию должностей сержантов (старшин) Вооруженных Сил РФ, других войск, воинских формирований и органов, а также матросов плавсостава Военно-Морского Флота военнослужащими, проходящими военную службу по контракту (2009–2015 годы)» в рамках непрограммного направления деятельности «Реализация функций иных федеральных органов государственной власти»</p>	Участник
----	---	----------

Государственная программа «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» [6], в реализации которой МВД России является ответственным исполнителем, рассчитана на период с 2013 по 2020 гг. Цель Государственной программы – повышение качества и результативности противодействия преступности, охрана общественного порядка, собственности, обеспечение общественной безопасности и безопасности дорожного движения, а также повышение доверия к органам внутренних дел Российской Федерации со стороны населения. Ожидаемыми результатами программы являются:

- реализация принципа неотвратимости наказания за совершенное преступное деяние за счет сокращения числа наиболее общественно опасных (тяжких и особо тяжелых) преступлений, оставшихся нераскрытыми, а также числа неразысканных подозреваемых, обвиняемых, подсудимых, осужденных;

- увеличение удельного веса возмещенного ущерба от фактически причиненного по оконченным уголовным делам за счет повышения эффективности работы следователей и дознавателей органов внутренних дел;

- повышение уровня безопасности граждан за счет сокращения числа тяжких и особо тяжких преступлений, совершенных на улицах, площадях, в парках, скверах;

- сохранение положительной динамики сокращения количества лиц, погибших в результате дорожно-транспортных происшествий.

В числе показателей (индикаторов) данной Государственной программы находятся такие социальные показатели, как:

- уровень денежного довольствия военнослужащих внутренних войск МВД относительно оплаты

труда работников организаций ведущих отраслей экономики;

- количество служебных жилых помещений и жилых помещений в общежитиях органов внутренних дел;

- количество построенных (приобретенных) жилых помещений для постоянного проживания сотрудников органов внутренних дел;

- количество сотрудников органов внутренних дел, получивших единовременную социальную выплату для приобретения или строительства жилого помещения;

- количество сотрудников органов внутренних дел, нуждающихся в жилых помещениях для постоянного проживания.

Приведенные выше социальные показатели Государственной программы имеют отношение к уровню денежного довольствия и жилищному обеспечению сотрудников. Вместе с этим, думается, что в дальнейшем в число показателей, определяющих результативность программ, должны быть также включены показатели, имеющие отношение к стимулированию профессиональной деятельности сотрудников, медицинскому обслуживанию. Ведь эффективность программно-целевого управления деятельности органов внутренних дел может быть определена только при наличии системы четко сформулированных показателей, в том числе социальных.

Литература

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ.
2. Федеральный закон от 8 мая 2010 г. № 83-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений».
3. Постановление Правительства РФ от 30 июля 1998 г. № 862 «О Концепции реформирования межбюджетных отношений в Российской Федерации в 1999–2001 годах».
4. Постановление Правительства РФ от 15 августа 2001 г. № 584 «Программе развития бюджетного федерализма в Российской Федерации на период до 2005 года».
5. Постановление Правительства РФ от 22 мая 2004 г. № 249 «О мерах по повышению результативности бюджетных расходов» (вместе с «Концепцией реформирования бюджетного процесса в Российской Федерации в 2004–2006 годах», «Планом мероприятий по реализации Концепции реформирования бюджетного процесса в Российской Федерации в 2004–2006 годах»).
6. Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 345 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности».
7. Послание Президента РФ Правительству РФ от 12 апреля 1999 г. «О бюджетной политике на 2000 год».
8. Бюджетное послание Президента РФ Федеральному Собранию от 30 мая 2003 г. «О бюджетной политике в 2004 году».

9. Бюджетное послание Президента РФ Федеральному Собранию от 13 июня 2013 г. «О бюджетной политике в 2014–2016 годах».

10. Принципы реструктуризации бюджетного сектора в Российской Федерации в 2003–2004 гг. и на период до 2006 г. URL: http://www.urbaneeconomics.ru/texts.php?folder_id=210&mat_id=500 (дата обращения: 3 мая 2014 г.).

11. *Афанасьев Мст.* Бюджетная реформа в России: первые итоги и возможные перспективы / Мст. Афанасьев, И. Кривоногов // Вопросы экономики. 2005. № 11.

12. *Гамукин В.* Новации бюджетного процесса: бюджетирование, ориентированное на результат // Вопросы экономики. 2005. № 2.

13. *Нестеренко Т.Г.* Бюджетная реформа: Альтернативы поступательному движению вперед нет // Финансы. 2012. № 4.

14. *Нижегородцев Р.М., Секерин В.Д., Горохова А.Е.* Адаптация метода программно-целевого планирования экономики к современным Российским условиям // Вестник ЮРГТУ (НПИ). 2012. № 2.

ОСОБЕННОСТИ БИЗНЕС-ПЛАНИРОВАНИЯ В СТРАХОВЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ С СЕТЬЮ ФИЛИАЛОВ

НАДЕЖДА НИКОЛАЕВНА НИКУЛИНА,

кандидат экономических наук, доцент

E-mail: nnniculina@yandex.ru;

НОДАРИ ДАРЧОЕВИЧ ЭРИАШВИЛИ,

доктор экономических наук, кандидат юридических наук,

кандидат исторических наук, профессор

E-mail: nodari@unity-dana.ru

ДМИТРИЙ ВИКТОРОВИЧ СУХОДОЕВ,

кандидат экономических наук, доцент

Научная специальность 08.00.10 – финансы, денежное обращение и кредит

Аннотация. В современных условиях деятельности страховых организаций, развитие филиальной сети, выход на внешние рынки – приоритетные направления реализации через бизнес-планирование.

Ключевые слова: бизнес-процесс, бизнес-планирование, бизнес-функции, макросреда, внешняя среда, концептуальная модель, информационные потоки.

Annotation. The activity of insurance companies and the development of subsidiary chain as well as penetration to the international markets – are the priority areas of realization through business-planning under modern conditions.

Keywords: business-process, business-planning, business functions, macro environment, external environment, competitive model.

В последние годы страховые организации активно расширяют сеть филиалов, что способствует освоению крупными страховщиками новых регионов, новых рынков сбыта. Однако, общего подхода к согласованию плановых показателей между главными организациями и филиалами нет.

Показатель оценки страховых премий лежит в основе процесса планирования деятельности страховых организаций, так как с его помощью легко поставить плановую задачу по отделенным видам страхования и по конкретным исполнителям на всех уровнях управления.

Эффективная организация планового процесса в головном офисе страховой организации с региональной сетью – важнейшая составляющая всего процесса страхования, деятельности филиалов.

Страховые организации планируют свою деятельность на различные периоды; планы при

этом могут иметь как общие черты, так и некоторые особенности, это зависит от целей и периода организации планирования. Например, *долгосрочные планы* направлены на перспективу, носят стратегический характер. *Краткосрочные планы* ставят оперативные задачи на короткий плановый период. Долгосрочные планы (срок от 3 лет) имеют определенную экономическую основу, в том числе:

- темпы роста поступления страховых премий;
- доля на рынке;
- развитие тех или иных видов страховых продуктов;
- достижение установленных норм доходности капитала и др.

При разработке долгосрочной стратегии развития учитывается много направлений и показателей. В системе годового планирования важное место занимают показатели поступления страховых

премий. Для корректировки трехлетнего плана развития ежегодно формируются и утверждаются новые планы поступления страховых премий.

Краткосрочные планы составляются на квартал, месяц, неделю (например, платежный календарь). *Среднесрочные планы* – это, например, квартальные поступления страховых премий, поступления по договорам входящего перестрахования. Долгосрочные планы составляются на период от 1 года и больше (смета расходов, общий бюджет).

Однако, для конкретной страховой организации классификации могут быть различными, так как различны и условия их деятельности. Например, в страховой организации с большим количеством стабильно возобновляемых договоров планировать поступления легче, чем в организациях с единичными, но крупными договорами. Важно проводить систематически анализ структуры страхового портфеля.

Одна из проблем планирования для страховых организаций с филиальной сетью – сложность применения одного общего подхода, а также трудность согласования плановых показателей.

Бизнес-планирование на следующий год начинают в середине или по окончании третьего квартала текущего года, – это зависит от степени стабильности работы страховщика и организации взаимодействия между подразделениями, участвующими в процессе планирования. Те страховщики, которые применяют бюджетирование, плановый процесс выступает составной частью и сроки определяются бюджетным регламентом. Те страховщики, которые не используют бюджетирование, плановый процесс надо начинать как можно раньше, чтобы был запас времени для получения и обобщения исходных данных от все филиалов. Важно определить характер взаимодействия между подразделениями, сроки и периодичность подготовки плановых данных.

При бизнес-планировании целесообразно рассмотреть все составляющие процесса, связанные с плановой работой страховщика, используя реинжиниринг.

Важнейшей составляющей бюджетирования выступает планирование доходов и расходов, т.е. поступление страховых премий и расходы по урегулированию убытков, расчет плановой величины страховых резервов и др. Все то, что связано с массой информационных потоков. В результате возникает потребность в совершенствовании организации плановой работы.

Основные проблемы, с которыми сталкивается страховая организация при планировании:

- нечеткая формулировка и обоснование стратегии развития бизнеса;
- неправильная организация бизнес-планирова-

ния и распределение бизнес функций между подразделениями–участниками этого процесса;

- не в полной мере сформулированная внутренняя нормативная база, используемая при планировании;
- непроработанность регламентов по всем этапам бизнес-использования;
- недостаточная автоматизация бизнес-планирования;
- непроработанность бюджетного процесса в целом и др.

Прежде всего, необходимо определить, как получать первоначальные плановые показатели. Используются различные подходы, в которых критерием выступает источник первоначальных данных для бизнес-планирования, т.е. тот, от кого поступают первоначальные сведения (см. рис. 1):

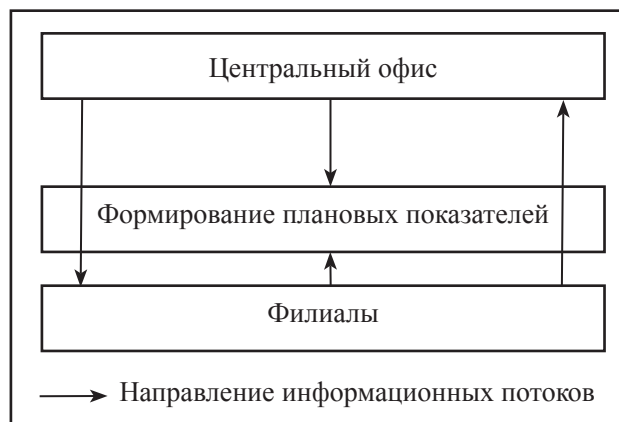

Рис.1. Направления информационных потоков при различных подходах формирования плана поступления страховых премий

- 1) плановые величины устанавливаются головными офисом СО «сверху-вниз»;
- 2) плановые величины определяют филиалы «снизу-вверх»;
- 3) планы устанавливаются по согласованию филиалов с головным офисом; сочетание «сверху-вниз» и «снизу-вверх».

Это, по-сути, централизованный подход, когда планы поступления страховых премий директивно спускаются «сверху-вниз» и обязательны для исполнения всеми филиалами. Однако, у данного подхода есть определенные минусы, например, не всегда головной офис («центр») может поставить реально выполнимые плановые задания филиалу с учетом его специфики в конкретном регионе.

Второй подход – децентрализованный, который имеет смысл использовать при наличии небольшого числа крупных самостоятельных филиалов, разрабатывающих бизнес-план и сопутствующие плановые нормативы с учетом стратегических задач страховой организации. Однако, при недостаточ-

ном контроле со стороны головного офиса, филиал поддерживает достигнутый объем деятельности и средства на свое развитие «просят» от центра.

Наиболее правильный для бизнес-планирования – третий подход, суть которого в том, что плановая информация идет как от «центра», так и от филиалов. Все данные для бизнес-планирования неоднократно проходят рассмотрение и согласование на всех уровнях. На рис. 2 представлен процесс формирования плана с использованием третьего подхода, учитывая влияние факторов внешней и внутренней среды.

Рис.2. Процесс формирования плана с учетом макросреды

Собственники исходят из общей стратегии развития страховой организации на долгосрочный период, ставят задачи перед советом директоров, в том числе:

- размер дохода на собственный капитал;
- размер дивидендов;
- новые страховые продукты;
- развитие новых каналов продвижения и др.

При планировании необходимы материалы анализа показателей в динамике за несколько периодов. Например, если в филиале сформировался отрицательный результат от основной деятельности, выявлено превышение фактической задолженности над нормативной по отдельному виду страхования, то руководство на будущий период принимает решение снизить объемы заключенных договоров по данному виду страхования, снизить расходы, увеличить плановые величины по более прибыльным страховым продуктам. Концептуальная модель процесса бизнес-планирования может быть представлена в следующем виде (рис.3.):

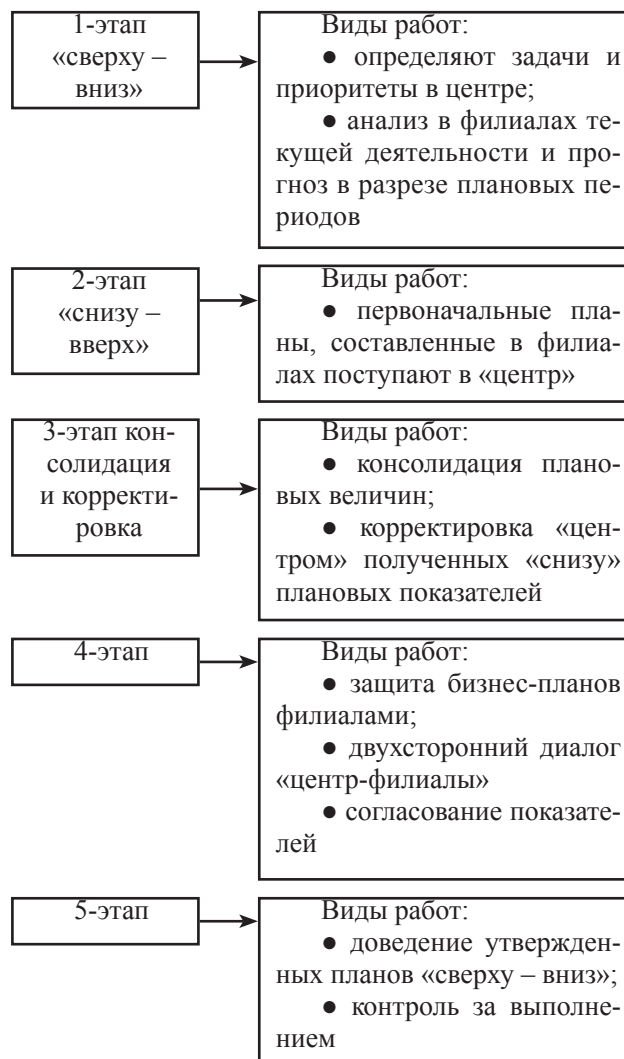

Рис.3. Концептуальная модель бизнес-планирования в страховой организации

Итак, планов деятельность в страховой организации может вестись по двум направлениям:

- первое – в центральном офисе составляется прогноз ожидаемых страховых премий на следующий период;
- второе – в филиалах происходит формирование плановых показателей, составляется прогноз заключения новых договоров и пролонгации действующих.

Управление филиальной сетью можно назвать эффективным в том случае, если достигаются следующие результаты:

- деятельность сети филиалов рентабельна;
- страховой портфель формируется в соответствии с плановыми показателями;
- качество сопровождения договоров страхования – высокое, в том числе отсутствуют нарекания клиентов; применяются единые стандарты обслуживания по всем подразделения филиальной сети.

Рассмотрим аспекты, оказывающие существенное влияние на эффективность управления филиальной сетью.

Постановка задач. Задача страховой организации складывается из задач филиальной сети по таким направлениям:

- формирование страхового профиля по видам страхования в разрезе территорий;
- расчет плана первичных продаж осуществляется с учетом приоритетных видов страхования в целом по страховой организации;
- обоснование и достижение определенного уровня пролонгации ранее заключенных договоров страхования.

Взаимосвязь блоков страхования. Организация страховой деятельности – это сложное взаимодействие блоков страхования и урегулирования. Экономический блок решает вопросы убыточности, формирования тарифов, дает представление о наиболее привлекательных сегментах страхования.

Система планирования и прогнозирования целевых ориентиров: страхового профиля, в том числе профилей рисков; структуры портфеля; убыточности; других показателей.

В бизнес-плане филиала отражаются показатели, характеризующие отдельные стороны его деятельности. Это количественные и качественные показатели; в табл. 1 приведены индикаторы бизнес-планирования.

Таблица 1.

Индикаторы бизнес-плана филиала страховой организации.

Предмет анализа, в том числе:	Перечень индикаторов, заложенных в бизнес-план филиала, в том числе:
• структура страхового портфеля	<ul style="list-style-type: none"> • количество видов страхования в портфеле; • динамика продаж по конкретному сегменту (страховому продукту); • динамика продаж по территориям .
• объем продаж	первичные продажи по видам страхования с дифференциацией уровней продаж.
• пролонгация ранее заключенных договоров страхования	<p>в разрезе видов страхования рассчитываются:</p> <ul style="list-style-type: none"> • уровень пролонгации договоров, в %%; • уровень дебиторской задолженности по пролонгированным договорам; • доходы от пролонгации.

• финансовый результат	<ul style="list-style-type: none"> • финансовый результат, исчисляемый кассовым методом; • финансовые результат, исчисляемый методом начисления с выделением авансов по договорам, срок действия которых более 1 года; • финансовый результат с учетом и без учета перестрахования.
• качество сопровождения страхового портфеля	<ul style="list-style-type: none"> • уровень ошибок по страховым полисам в разрезе видов страхования; • отсутствие клиентских жалоб на своевременность обслуживания, запросов и пр.

При высоком уровне качества анализа текущего страхового портфеля, а также опираясь на планы в среднесрочной и долгосрочной перспективе, можно выделить наиболее прибыльные сегменты, оценить возможный или приемлемый уровень расходов на мотивацию.

Мотивация персонала построена по системе ключевых показателей результатов деятельности (система KPI). Это позволяет осуществлять контроль результативности и эффективности работы как подразделений, так и страховой организации в целом. Для филиалов выставляются около десяти показателей, которые характеризуют выполнение планов с учетом соблюдения следующих правил.

1. Показатели взаимосвязаны со стратегическим планированием.

2. Система оценочных показателей увязана с отчетностью.

3. В процессе применения филиалами данной системы показателей усилия переносятся на главные (приоритетные) направления.

4. Филиалам выделяются ресурсы для выполнения показателей, результаты контролируются.

В табл.2. дан пример построения бизнес-плана с использованием системы показателей KPI; мотивация персонала рассчитывается исходя из оклада руководителя.

Таблица 2.

Вариант построения бизнес-плана филиала (подразделения)

№ п/п	Показатели	Критерии	Бонус
1.	Структура страхового портфеля, % к окладу; в том числе:		
а)	Количество видов страхования	Не менее 10%	100% оклада
б)	Доля застрахованных отечественных ТС	Не менее 50%	50 % оклада

2.	<i>План по объемам продаж, в том числе:</i>		
а)	Каско	Не менее 1 млн.руб.	50% оклада
		1,5 млн. руб. и более	100 % оклада
б)	Имущество физических лиц	Не менее 1 млн.руб.	50% оклада
		1,5 млн. руб. и более	100 % оклада
в)	Прочие виды корпоративного страхования	Не менее 1 млн.руб.	50% оклада
		1,5 млн. руб. и более	100 % оклада
3.	<i>Пролонгация ранее заключенных договоров, в том числе:</i>		
а)	Уровень пролонгации	Не менее 40%	10% оклада
		42% и более	50% оклада
б)	Доходы от пролонгации	Не менее 5 млн.руб.	30% оклада
		6 млн руб. и более	80% оклада
4.	<i>Финансовый результат, % к премии; в том числе:</i>		
а)	Кассовым методом	5% и более	100% оклада
б)	С учетом авансов	более 1 млн.руб.	150% оклада
в)	С учетом перестрахования	более 0.8 млн.руб.	120%оклада

Изложенный подход позволяет ориентировать филиалы на достижение задач в целом страховой организации, одновременно контролируя результат деятельности путем проведения анализа. Разделение по направлениям обусловлено тем, что на деятельность страховой организации в целом и ее филиальной сети оказывают воздействие внутренние и внешние факторы, которые надо учитывать при планировании и прогнозировании. Какие же основные факторы внешней среды, влияют на деятельность филиалов страховой организации в регионах? Это:

- конкурентная среда, включающая все финансовые институты;

- состояние промышленного производства с наличием страховых рисков и, соответственно, потребность предприятия в управлении рисками, минимизации их за счет страхования;

- состояние и развитие региона – низкий уровень платежеспособности влияет на спрос страховых продуктов, в результате развитие филиалов затруднено;

- уровень жизни и доходы населения определяют спрос на добровольные виды страхования;

- политика мегарегулятора страхового рынка оказывает воздействие на деятельность филиалов через территориальные органы;

- при страховании жизни, страховании от несчастных случаев, страховании ипотеки и финансовых рисков интересы страховых организаций и банков соприкасаются, в этой ситуации большое значение имеет развитие банковского сектора;

- особенности налогообложения в разных регионах, разная налоговая нагрузка на страховые организации, что влияет на деятельность филиалов;

- нормативно-законодательная база непосредственно воздействует на развитие региональной деятельности страховщиков.

Какими бы совершенными не были бы методы и подходы планирования и прогнозирования, без применения программных инструментов невозможно обработать всю информацию о деятельности «центра» и филиальной сети страховой организации, не обойтись возможностями только электронных таблиц типа MS Excel. Постановка автоматизации ведется по нескольким вариантам, в зависимости от используемых вариантов системы бухгалтерского и управленческого учета, используемых программных продуктов.

Первый вариант – развитие существующей программной инфраструктуры и расширение ее за счет новых моделей планирования и бюджетирования. В этом случае целесообразно использовать сторонних разработчиков для расширения уже применяемых модификаций, что связано с затратами и зависит от состояния взаимодействия между заказчиками и разработчиками.

Второй вариант – наличие в страховой организации квалифицированного штата программистов, способных собственными силами автоматизировать бизнес-процесса. Это экономит время и финансовые ресурсы.

Третий вариант – закупка специализированной сторонней программы с постепенной ее адаптацией к существующим условиям страхования.

Сейчас на рынке существующие программные продукты, которые охватывают все стороны финансового планирования, в том числе:

- формирование бюджетов;
- составление смет затрат, плана, калькуляции;

- разработку платежных календарей;
- ведение управленческого учета.

Таким образом, при использовании простых и доступных методов планирования в страховании возникают трудности в организации бизнес-планирования. Эти трудности возрастают с ростом филиальной сети, отдаленности филиалов от «центра» и масштабов деятельности. Поэтому правильная организация информационных потоков, распределение бизнес-функций между подразделениями – вот ключевые факторы формирования точных планов при решении

приоритетных задач организации бизнес-планирования страховой организации с филиальной сетью.

Литература

1. Алякина Д. Эффективная мотивация. Ж. Современные страховые технологии. №1 –II? 2014.
2. Никулина Н.Н. и др. Страховой менеджмент: Учеб. пособие. М.: ЮНИТИ, 2011.
3. Легкий Н.И. Особенности организации бизнес-планирования в страховой компании с филиальной целью. Ж. Страховое дело. № 4, 2007.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ: КОГНИТИВНЫЕ ПРЕДЕЛЫ ПОНЯТИЙНОГО ДИСКУРСА В ИССЛЕДОВАНИЯХ СОЗНАНИЯ

СЕРГЕЙ РИФАТОВИЧ АБЛЕЕВ,

доктор философских наук, начальник кафедры философии

Московского университета МВД России

Научная специальность 09.00.01 – онтология и теория познания

Рецензент: доктор философских наук, доцент Золкин А.Л.

E-mail: ASR028@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются проблемы научного языка в философских и специальных исследованиях сознания. Прослеживается возникновение определенного когнитивного барьера между реальными объектами и понятийной репрезентацией рационального знания. Указывается на то, что слабые стороны рациональной вербализации в работах современных авторов все чаще невольно компенсируются расширением символизма и метафоричности научного дискурса.

Ключевые слова: сознание, проблема научного языка, научный дискурс, научная метафора.

Annotation. The article is devoted to the problem of scientific language in philosophical and specialized consciousness research. The author pays attention to the origin of certain cognitive barrier between real objects and conceptual representation of rational knowledge. Therefore the weak points of rational verbalization in works of modern authors are often unintentionally compensated by means of widening symbolism and metaphoric character of scientific discourse.

Keywords: consciousness, the problem of scientific knowledge, scientific discourse, scientific metaphor.

Важное место в современных исследованиях сознания занимает так называемая *проблема языка*. Она возникает как частный случай общей проблемы языка научного описания действительности, но дополнительно осложняется спецификой сознания как объекта исследования. Научный язык, как известно, стремится к объективности. По крайней мере, это формулируется как цель научного знания. Но сознание по своей сути представляет собой *субъективную реальность*. Возникает противоречие: как возможно объективное описание субъективной реальности? Безусловно, есть ряд аспектов проблемы сознания, которые вполне доступны объективному изучению. Например, это всевозможные исследования работы мозга. Однако, нейрофизическая активность мозга и внутренний семантический опыт сознания – это совершенно разные явления. Более того, если даже физики начали предполагать влияние субъекта на

процесс наблюдения явлений микромира, то в сфере сознания всякое наблюдение есть субъективный процесс изучения субъективного опыта.

Первое на что необходимо обратить внимание – это относительность и когнитивная условность научного знания. В Новое время появилось убеждение, что научное знание как альтернатива религиозным догматам и метафизическим доктринам является объективным и совершенно адекватным природной действительности. На самом деле это является заоблачным идеалом, к которому стремятся научные теории. В действительности между теорией и природной реальностью всегда существует семантическая дистанция. Научный язык порождает бесчисленное множество теоретических конструкций, которые имеют весьма условное отношение к реальности. В одних случаях в когнитивном смысле они могут быть вполне эффективными, в других –

совершенно неэффективны. Однако, во всех случаях неизбежно сохраняется определенный гносеологический барьер между реальными объектами и понятийной репрезентацией рационального знания. В этой позиции нет ни капли агностицизма. Она только подчеркивает простой, но еще мало осознанный факт: *природная действительность сложнее рациональных научных теорий*. В своей глубинной основе действительность является принципиально невербализуемой. Тем более, если речь идет о рациональном дискурсе с его произвольной понятийной базой, выдуманной человеком на основе своего ограниченного опыта.

Исследователи, которые находятся на переднем крае науки, это почувствовали уже давно. Слабые стороны рациональной вербализации невольно компенсируются расширением *символизма* и *метафоричности* научного дискурса. Но эта особенность научного языка еще мало рефлексирована научным сознанием. Возьмем для примера физику. Почти вся современная физика говорит исключительно математическим языком. В чем причина? Без математических символов познание природы оказывается невозможным. Но математическое описание действительности фактически представляет собой чистую абстракцию. Ее уровень иногда настолько высок, что, получив математический результат решения системы уравнений, исследователь не знает, как это можно интерпретировать в физическом смысле. Проще говоря, он не всегда представляет, как связана математическая абстракция и реальная действительность.

Вот одна небольшая иллюстрация. В квантовой теории, говорит известный математик и физик-теоретик Роджер Пенроуз, *«материальные частицы – это не что иное, как информационные «волны»*¹. Какая вообще может быть связь между *«информационной волной»* и материальным объектом? Эта проблема имеет исключительно математический характер или за ней стоит реальная физическая закономерность? Подобные неординарные утверждения могут иметь самые различные объяснения. Именно так возникает проблема интерпретации результата формализованного исследования. Получив некий абстрактный результат предельно отвлеченного исследования, мы должны понять, что он означает в действительности?

Однако, даже такого мощного орудия, как математика уже недостаточно для научного описания природы. Наука нуждается в *понятиях*. Но то, с чем она сталкивается, невозможно выразить простыми понятиями обыденного человеческого языка. Появляются *научные неологизмы*, которые, во многих случаях, представляют собой очевидные или скрытые *метафоры*. Если бы наивный реформатор философии Огюст Конт почитал со-

временные научные работы, он бы впал в состояние глубокой депрессии. Вдохновленная им в XIX в. борьба позитивистов против надуманных, абстрактных, размытых понятий философской метафизики закончилась тем, что строгая физика XX–XXI вв. начала выдумывать свой новый метафизический язык, ничуть не менее абстрактный, размытый и условный, чем язык классической метафизики прошлого.

Обратите внимание на привычные для научного сообщества понятия физики: *«поле тяготения»*, *«электрический ток»*, *«электронные облака»*, *«квантовые струны»*, *«изюм в пудинге»* (название одной из моделей атома), *«странные кварки»*, *«очарованные кварки»*, *«синие и красные кварки»*, *«темная материя»*, *«частица Бога»* (бозон Хиггса) и так далее. Все эти и многие другие понятия являются не более чем научными метафорами или неологическими символизмами. Их физический смысл предельно условен и конвенционален. В своем буквальном, рациональном (позитивистском) понимании они либо бессмысленны, либо вводят человека в глубокое заблуждение. Так, *кварки* не имеют и не могут иметь никакой действительной цветовой окраски, так как представляют собой не маленькие цветные шарики (как думают некоторые гламурные блондинки), а нечто вроде колебаний физического вакуума. Да и само понятие *«кварк»* буквально не несет никакой смысловой нагрузки. Как известно, оно было заимствовано не лишними юмора физиками из литературного произведения, в котором крик чаек озвучивался английским словом, звучащим как «кварк».

Но это только, как говорится, половина беды. Вот еще одна иллюстрация. Физики до сих пор используют старое греческое слово *«атом»*. Буквально оно означает *«неделимый»*. Античные натурфилософы Левкипп и Демокрит ввели это понятие для обозначения мельчайших неделимых частиц, из которых, по их убеждению, состоит весь природный мир. До конца XIX в. все научное сообщество думало примерно так же: атомы есть изначальные, вечные и неделимые кирпичики мироздания. Но оказалось, что в действительности атом имеет очень сложную структуру и является продуктом квантовой эволюции микрочастиц. Таким образом, когда современный физик говорит *«атом»*, он подразумевает нечто противоположное изначальному и буквальному смыслу этого понятия – т.е. частицу, которая делится на составные части (протоны, нейтроны, электроны). Получается забавная ситуация. Это равносильно тому, что вы вслух говорите «белый», а имеете в виду «черный», но коллеги вас понимают так, как надо, т.е. наоборот. Вот так выглядит строгий и безупречный язык современной науки, взирающей свысока на религиозное, метафизическое и мистическое знание!

Мы обратили внимание на эти особенности научного языка не для того, чтобы укорить научное знание в ненаучности. Наука имеет свои безусловные достоинства и, к сожалению, такие же безусловные недостатки. Они диалектично связаны как две стороны медали. Нам же в контексте решения поставленной задачи важно установить тенденции развития научного знания и научного языка. По всей видимости, существует принципиальная нетождественность *действительности* и *языка вообще* как средства выражения мысли. Оказывается, не только общее философское, но и частное научное описание действительности невозможно без высокого символизма, абстрактности и определенной метафоричности. Фундаментальные свойства природной реальности *не поддаются простому вербальному описанию*, так как выходят за рамки человеческого опыта и человеческого языка.

Если эту особенность приходится учитывать при изучении физической реальности, то, тем более, она актуальна в исследованиях реальности психической. Здесь весьма полезно принять во внимание философский и практический опыт классической мысли Востока, которая открыла немало существенных черт феномена сознания. Так, в частности, в буддийских философских школах махаяны давно была сформулирована идея о невозможности истинного описания реальности средствами человеческого языка. Реальность имеет несемантическую природу и недоступна логико-понятийному выражению. Всякая метафизическая или научная система предполагает порождение понятийных средств выражения мысли. Но эти понятийные средства подобны *произвольным ярлыкам*. Поэтому известный российский исследователь восточной мысли Е.А. Торчинов совершенно справедливо подметил, что человек в своем познании сначала навешивает на реальность *ярлыки*, а потом внимательно изучает их, принимая за истинную реальность². Теперь это начинают понимать и некоторые представители естествознания. Если мы предполагаем некую цельность природного бытия, говорит автор голодинамической гипотезы Вселенной физик Дэвид Бом, то разделение реальности на части и последующее присвоение этим частям имен или названий всегда *произвольно и условно*³.

Тут уместно вспомнить античного философа Зенона, который одним из первых в своих апориях показал противоречия между явлениями действительности и их логическим описанием. Оказалось, что, например, *движение* невозможно логически объяснить ни как непрерывное, ни как прерывистое. И в том и в другом случае возникали неразрешимые логические противоречия. Ответом человеческой мысли на эти противоречия явилось последующее формирование диалектики. Но она лишь немного смягчает проблему, а не снимает ее совсем.

Проблема научного языка обострилась в XX столетии, когда физика вышла на глубинные уровни строения материи. Выдающийся теоретик, один из отцов квантовой механики, Вернер Гейзенберг первым откровенно заявил, что *невозможно говорить о структуре атомов на обычном языке*⁴. А если это так, то какой же язык должна применять наука в изучении основ природной реальности? Этот вопрос достоин серьезного философского осмысления. Подобные проблемы когнитивной коммуникации все чаще приводят современных авторов к буддийскому взгляду на суть вещей: окончательная сущность реальности выходит за пределы человеческого языка (М. Талбот⁵).

Поэтому следует признать, что все описания сознания как особой психоментальной реальности универсума являются принципиально реляционными (относительными) и условными. Даже самые лучшие теории должны восприниматься как карты-схемы большого масштаба, которые дают общее направление мысли, но не могут дать детальное и исчерпывающее описание. *Ноуменальная реальность* (в том числе сознание) не редуцируется к человеческому опыту и вербальным средствам выражения мысли. Ее познание требует включения не только рациональных, но и иррациональных способностей сознания. Не случайно некоторые исследователи сознания вполне обоснованно отмечают, что претензии западной рационалистической психологии на абсолютную объективность и универсальность – не более, чем иллюзия (А.В. Иванов⁶).

Традиционный подход к решению проблемы языка предполагал строгость научной терминологии и ее освобождение от всех метафизических понятий, логически и эмпирически необоснованного знания. Эта позиция восходит к позитивистам XIX в. и в настоящее время развивается в рамках аналитической философии. Вторая позиция предполагает свободу научного дискурса от барьеров застывшего рационально-понятийного языка. Она начала оформляться в работах представителей восточной метафизики и западного психоанализа. Символ первого подхода – строгий научный *Термин*. Символ второго подхода – свободная семантическая *Метафора*. Таким образом, проблема языка в исследованиях сознания может быть выражена предельно кратко: Термин или Метафора? Если во времена классической науки, как правило, побеждал Термин, то ближе к середине XX в. ситуация начала изменяться. Метафора, занимавшая центральное место в религиозных и метафизических текстах, все активнее стала вторгаться в сферу научного знания.

Одним из первых недоверие строгой научной терминологии выразил Карл Юнг⁷. Сознание, полагал он, невозможно анализировать строгими научными методами и средствами. Оно не поддается

рациональному определению. Значит, нужно уйти от определений и описывать сознание с помощью образных картин и метафор. Мы не во всем согласны с Юнгом и полагаем, что научными методами сознание исследовать вполне возможно. Однако, психолог справедливо подчеркивает качественную специфику сознания как особой психической реальности, которая с трудом поддается традиционным подходам и методам исследования. Это обстоятельство уже в XIX столетии порождает феноменологическую методологию исследования сознания как крайнюю разновидность эмпиризма. Как известно, феноменология уходит от традиционного спекулятивного теоретизирования в сторону непосредственного наблюдения и описания содержания элементов опыта в том виде, как он является сознанию (Ф. Брентано, Э. Гуссерль)⁸.

В XX в. позиция Юнга получила поддержку со стороны философии. Внимательные философы стали замечать фундаментальные проблемы языка в вопросах изучения сознания (О. Шпенглер, Ж.П. Сартр, С. Аскольдов, М. Мамардашвили и др.). В современной российской философии предельно четкое решение проблемы «Термин – Метафора» было сформулировано А.В. Ивановым и В.В. Мироновым, которые приходят к важному выводу: *метафоричность языка в исследованиях сознания неизбежна*⁹.

Этот вывод справедлив не только в психологических контекстах изучения сознания, которые предполагал Юнг. Даже физические подходы к исследованию сознания невозможны в пределах строго понятийного дискурса и неизбежно порождают в процессе описания определенную метафорическую пелену. Так, например, существует убеждение, что теоретический аппарат даже такой серьезной теории, как квантовая механика, может применяться для объяснения сознания лишь в качестве комплекса метафор (Р. Джан, Б. Данн). Зависимость вполне понятна и очевидна: чем дальше погружается научная мысль в глубины бытия и сознания – тем выше становится символизм научного дискурса. Вполне возможно, что высший предел науки как теории – это существование *теории на грани метафоры* (Л.В. Суркова¹⁰).

Эта зависимость порождает загадочную трансформацию науки, которая начинает говорить с человеком языком нового квазимистического знания. Ведь мистический дискурс традиционно отличался высоким символизмом и метафоричностью. Мы не видим в этом ничего ужасного. Есть множество альтернативных форм познания бытия, но его закономерности во всех случаях остаются неизменными. Сущность глубинных уровней космического универсума не поддается полной и строгой понятийной формализации ни в религии, ни в философии, ни в частной науке. В таких случаях

требуются другие семантические инструменты познающего духа, включающие ресурсы образного мышления, аналогии и интуиции. Такими инструментами, по всей видимости, являются Символ и Метафора. Даже само *понятие сознания* в своем высшем значении выступает не столько научным термином, сколько философской метафорой особой (духовной, идеальной, информационной, психоментальной) сферы реальности и символом виртуального смыслового кода Вселенной.

Литература

1. *Аблеев С.Р.* Универсум Сознания. М., 2012.
 2. *Деннет Д.* Онтологическая проблема сознания // Аналитическая философия: становление и развитие. М., 1998.
 3. *Джан Р.Г., Данн Б.Д.* Границы реальности, роль сознания в физическом мире / Пер. с англ. М., 1995.
 4. *Дубровский Д.И.* Проблема идеального. Субъективная реальность. М., 2002.
 5. *Иванов А.В., Миронов В.В.* Университетские лекции по метафизике. М., 2004.
 6. *Патнэм Х.* Философия сознания / Пер. с англ. М., 1999.
 7. *Прист С.* Теории сознания / Пер. с англ. М., 2000.
 8. *Полозова И.В.* Метафора как средство философского и научного познания: Диссертация ... доктора философских наук. М., 2003.
 9. Проблема сознания в философии и науке / Под ред. проф. Д.И. Дубровского. М., 2009.
 10. *Чалмерс Д.* Сознательный ум: В поисках фундаментальной теории. М., 2013.
- ¹ *Пэнроуз Р.* Тени разума. В поисках науки о сознании / Пер. с англ. М., 2004. П.1.3.
- ² *Торчинов Е.А.* Введение в буддизм: Курс лекций. СПб.: Амфора, 2005. С. 94, 126.
- ³ *Талбот М.* Голографическая Вселенная: Новая теория реальности / Пер. с англ. М.: София, 2008. С. 68.
- ⁴ *Гейзенберг В.* Физика и философия: часть и целое / Пер. с нем. М.: Наука, 1989.
- ⁵ *Talbot M.* Mysticism and the New Physics. L., 1981.
- ⁶ *Иванов А.В.* Как возможна объективная теория сознания // Философия сознания: история и современность. Материалы научной конференции, посвященной памяти профессора МГУ А.Ф. Грязнова. М., 2003.
- ⁷ *Юнг К.Г.* Архетип и символ. М.: Прогресс, 1991. Юнг К.Г. Феномен духа в искусстве и науке / Собр.соч. Т.15. М.: Наука, 1992.
- ⁸ *Брентано Ф.* Избранные работы. М., 1996; *Гуссерль Э.* Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология // Вопросы философии. 1992. № 7. С. 136–176; *Прист С.* Теории сознания. // Пер. с англ. М.: Идея-Пресс, ДИК, 2000. С. 230–232.
- ⁹ *Иванов А.В., Миронов В.В.* Университетские лекции по метафизике. М.: Современные тетради, 2004. Лекция 22.
- ¹⁰ *Суркова Л.В.* Сознание в квантовом мире: новый диалог философии и науки // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2007. № 6. С. 57.

КРИТИКА ПРИНЦИПА ДЕТЕРМИНИЗМА В ГУМАНИТАРНОМ ЗНАНИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ «ФИЛОСОФИИ ЖИЗНИ»

НАТАЛИЯ ВИКТОРОВНА ГАЛАНИНА,

кандидат философских наук доцент кафедры философии

Московского университета МВД России

Научная специальность 09.00.11 – социальная философия

Рецензент: доктор философских наук Аблеев С.Р.

E-mail: Natgal2411@rambler.ru

Аннотация. Перенос из естествознания в гуманитарные науки принципа жесткого детерминизма пагубно сказывался на понимании сущности и специфики исторического процесса; представители «философии жизни» вывели иррациональные составляющие социального бытия, которые отрицают его закономерность и последовательность, чем помогают более глубокому осмыслению исторической реальности.

Ключевые слова: научный закон, детерминизм, исторический процесс, иррациональное, судьба, логика жизни.

Annotation. Transfer from natural sciences in the humanities of the principle of a rigid determinism harmful affected on understanding of essence and specifics of historical process, representatives «life philosophies» removed irrational components of social life which deny its regularity and sequence, than help deeper judgment of historical reality.

Keywords: scientific law, determinism, the historical process, irrational, fate, the logic of life.

Научное обществознание XIX в. задавалось вопросом о существовании в социальном процессе устойчивых форм его воспроизводства, о средствах их изучения, использования, управления ими. К этому подталкивали и пример естествознания, выявлявшего закономерные зависимости в природе, и образы естественных законов, воплощенные в культурных традициях, и понятия о законах юридических, становящихся опорой общества. Политический строй, его традиционная культура рассматривались как совокупность естественных связей, которые формируют человека и к которым человек должен приспособлять свое поведение. «Критическое отношение к общественному порядку содержало обычно идею о естественных условиях и законах сосуществования людей и ориентировало на изменение сложившегося строя жизни, приближения его к некоей естественной норме, иными словами, люди вписывались в действия законов как существа подчиненные, находящие свободу в подчинении «осознанной необходимости»¹.

Концепция социального детерминизма Маркса, так или иначе, всегда подвергалась справедливой критике. Критика эта обычно акцентировала внимание на трех пунктах. Во-первых, не устраивала полная безличность общественных законов, из-за которой люди практически не имеют значения. Во-вторых, критиковалось сведение общественных законов только к действию материальных факторов, так как значение духовного фактора в марксизме хотя и признается, но очень слабо разработано. И, в-третьих, сами законы

общественного бытия у Маркса носят неконкретную формулировку, как правило, только историческую.

На Западе уже в XIX в., как своеобразная реакция на жесткость и односторонность классического детерминизма, именно в науках об обществе появляются концепции, которые выводят на первое место индивидуальную волю, трактуют ее как автономную силу, неподвластную никаким законам, и утверждают, что принципы причинности неприменимы к объяснению человеческого поведения.

Например, у Ф. Ницше отвергается любая система объективных норм и форм. Человеческая жизнь, с его точки зрения, не подчиняется никаким абстрактным общезначимым установлениям, а все вечно значимые системы ценностей разоблачаются как абстрактно-формальные установления лишённого жизни духа. Нет никаких надвременных идей, определяющих жизнь духа, такие идеи – лишь конструкции рационалистического интеллекта, который отделился от своей витальной первоосновы. Вследствие этого, история не может быть объяснена посредством каких бы то ни было законов, имеющих всеобщий характер и действующих на всем ее протяжении.

Ницше постулирует, что все находится в постоянном, непрекращающемся движении. Нет никакого устойчивого бытия и никакой системы вневременных законов. Абсолютная реальность, «бытие в себе» есть, по мнению Ницше, не субстанция, не бытие, а гераклитовское становление, свободное и ничем не обусловленное, кроме свободной воли человека.

Справедливая критика детерминизма в общественной жизни получает развитие и обоснование в «академической» философии жизни у В. Дильтея и Г. Зиммеля. Через все творчество Дильтея проходит идея радикального различия естественнонаучного и гуманитарного знания. Он считал, что в естествознании, где изучается движение тел природы, допустимо использование и абстрактных символов, и причинных объяснений, что же касается наук о духе, т.е. гуманитарных наук, «то их предметом является жизнь, понятие которую можно только из нее самой, в непосредственном переживании, из которого рождается понимание»². Понимание, в отличие от принятого в естествознании объяснения, иррационально, и потому ни причинное объяснение, ни логика в нем роли не играют. Понять нечто можно, лишь повторно пережив это. Исторический процесс имеет такой же индивидуальный, неповторимый и непредсказуемый характер. Дильтей писал, что каждая действующая в истории связь имеет в себе самой свой закон, а каждая эпоха – свои действующие связи. Он отмечал, что в историческом движении господствует некая иррациональная фактичность, бесосновная воля, которая творит из самой себя.

Сходные взгляды развивает Г. Зиммель. По его мнению, жизнь как бесконечный поток, как творческий процесс, постоянно сбрасывающий старые формы и созидаящий новые, исключает всеобщность и закономерность. На место всеобщего закона Зиммель ставит «индивидуальный закон», который он называет судьбой. Концепцию судьбы Зиммель противопоставляет материалистическому пониманию истории, где важнейшую роль играет признание объективных исторических законов. В жизни, по Зиммелю, всеобщее невозможно, потому что она по сути своей индивидуальна. Она реализует себя как непрерывная смена поколений, «но, ее носителями оказываются индивиды, т.е. замкнутые в себе, имеющие в себе свой центр, однозначно обособленные друг от друга существа»³.

Своей концепцией судьбы Зиммель пытается разрешить кантовскую антиномию свободы и необходимости, преодолеть разрыв между детерминированностью человека в мире феноменальном и его свободой в мире ноуменальном. Правда, Зиммель тут же признает, что материал для созидания мира не творится нами, а все-таки нам дан, «его содержание не может быть конструировано только из духа»⁴, а потому в мире присутствует нечто темное, неразрешимое... В любой жизни есть некий «остаток», который не есть наша судьба и о котором мы, правда, целенаправленно большей частью не думаем, кроме тех случаев, «когда субъективно нежелательная для нас судьба напо-

минает нас о его влиянии». Это убеждение Зиммель отстаивает и в своих трудах по социологии и философии истории. В сфере социального знания невозможны никакие общие принципы и законы; всякие утверждения, претендующие на подобный статус, ошибочны, и ошибка состоит в том, что «либо частную истину обобщают, придавая ей абсолютную значимость, либо из наблюдения некоторых фактов делают заключения о целом, что было бы невозможно, если бы наблюдение продолжалось дольше»⁵. Кроме того, важную роль играет чрезвычайная сложность социального материала, не поддающегося, вследствие этой сложности, никаким расчетам. «Поэтому нельзя говорить о законах социального развития. Конечно, каждый элемент общества движется по естественным законам, но для целого законов нет»⁶. В истории, по мнению Зиммеля нет места детерминизму в подлинном смысле слова, ибо объективная причинная связь нам недоступна. Будучи знакомым с материалистической концепцией истории, разработанной Марксом, Зиммель в своей критике детерминизма в исторической науке имеет в виду именно эту теорию. Он признает за ней право быть одной из гипотез, но полагает ее недоказуемой, как и любую другую гипотезу.

Особую известность и влияние получила философия истории О. Шпенглера. О. Шпенглер так же отрицает закономерный характер исторического процесса и возможность построения истории как подлинной науки. «Наука всегда есть естествознание»⁷, – утверждает он. Что же касается истории, то она «тем значительнее, чем менее она принадлежит собственно науке»⁸. Концепция Шпенглера содержит категорическое неприятие переноса на историю схем научного объяснения, выработанных и апробированных естествознанием. Причина и закон выражают для него логику неживого, ставшего.

Но Шпенглер совершенно не желает, чтобы исторический процесс рассыпался на несвязанный хаос разрозненных событий. Он желает сохранить целостность истории, ее внутреннее единство. Выражением этих моментов единства, целостности и внутреннего самоопределения жизненного пути культур и является у него судьба. В отличие от Зиммеля, для которого судьба всегда индивидуальна, у Шпенглера судьба определяет бытие больших социальных организмов. Правда, для каждого такого организма она уникальна и неповторима; нет народов с похожей судьбой. Судьба чужда причинности и детерминизму, но она также чужда случайности и обладает какой-то своей логикой – логикой жизни; она направляет историю как некое определение, коренящееся в ее прафеномене. Судьба несет в себе некую необходимость, только это совсем другая необходимость, недоступная рациональному мышлению.

Как и древнюю «мойру», постичь ее нельзя, ее можно только выразить. «Логика истории, направленная, трагическая необходимость бытия, властвующая в этой области, это не логика природы, это не число и закон, не причина и действие, вообще не что-либо осязаемое и познаваемое. Мы говорим о логике пластической группы, совершенного стихотворения, мелодии, орнамента. Это имманентная логика всех религий»⁹. В конечном счете, оказывается, что роль судьбы в истории культур играют идеи, прежде всего религиозные, а судьба каждого народа фактически совпадает с той идеей судьбы, которая доминирует в культуре этого народа. Как мы видим, у Шпенглера, прослеживается та же дилемма, что и у предыдущих авторов, – с одной стороны, вполне объяснимое нежелание принять детерминистскую модель научного объяснения как непригодную и несвойственную для жизни общества, с другой, – потребность выразить единство и самообусловленность исторического процесса и жизненного пути человека, обозначив некое активное начало (интенция Зиммеля, «судьба» Шпенглера), которое вносит в жизнь и историю человека некое конституирование. Но характер этой «интенции» не раскрывается; она оказывается чем-то первичным, не допускающим упрощенного рационального определения и «прояснения» и имеет глубокий интегральный характер, имеющий некую внутренне обусловленную цель.

Проведенный нами анализ концепции «философии жизни», критикующей распространение объективных законов и принципа детерминизма на обще-

ство, говорит о том, что мы имеем здесь, помимо бесспорного неприятия детерминистской модели истории и науки, и некий поиск, попытки вписать в науку о человеке ряд важнейших моментов, которые не в состоянии был выразить детерминизм XVII–XIX столетий. «Прежде всего, это отчетливое понимание того, что все действующие модели детерминизма сформировались на естественнонаучном материале и потому не могут схватить важнейшие особенности процессов обусловливания в мире человека»¹⁰.

Отсюда, рядом с отрицанием закономерных причинных связей, настойчивые поиски некоей «органической логики», «логики жизни» и тому подобного. Эта логика принципиально не может быть выражена методами рациональной науки применимой в естествознании.

¹ Галанина Н.В. Социальная детерминация в структурах самоопределения: Дисс... канд. филос. наук. М. Ижевск. 2004. С. 23.

² Дильтей В. Введение в науки о духе. //Зарубежная эстетика и теория литературы XIX – XX в.в. М. 1987. С. 126.

³ Зиммель Г. Избранное. М.: Юрист, Т. 2. 1996. С. 15.

⁴ Там же. С. 209.

⁵ Там же. С. 306.

⁶ Там же. С. 310.

⁷ Шпенглер О. Закат Европы. Новосибирск: Сибирская издательская фирма, 1993. С. 220.

⁸ Там же. С. 223.

⁹ Там же. С. 206.

¹⁰ Галанина Н.В. Социальная детерминация в структурах самоопределения: Дисс... канд. филос. наук. М. Ижевск. 2004. С. 30.

Грядовой Дмитрий Иосифович.

Философия. Общий курс: учебник для студентов вузов / Д.И. Грядовой. 4-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2014. 463 с.

Дается содержательная характеристика основных разделов философского знания. Философские идеи, концепции, теории рассматриваются посредством их систематизации в наглядном и удобном для читателя виде.

Учебник позволит студентам в предельно сжатые сроки систематизировать и конкретизировать знания, приобретенные в процессе изучения философии; сосредоточить свое внимание на основных понятиях и категориях, их специфике и особенностях; сформулировать примерный план ответов на возможные экзаменационные вопросы.

Для студентов высших учебных заведений, а также для аспирантов и соискателей, изучающих дисциплину «История и философия науки».

СМУТНЫЕ ПОИСКИ РОССИИ: СМУТА В КОНТЕКСТЕ РОССИЕВЕДЕНИЯ

ПАВЕЛ ПЕТРОВИЧ МАРЧЕНЯ,

кандидат исторических наук, доцент,

заместитель начальника кафедры философии

Московского университета МВД России

Научная специальность 09.00.11 – социальная философия

Рецензент: доктор исторических наук, доцент Чертищев А.В.

E-mail: marchenyap@mail.ru

Аннотация. «Смута» рассматривается как основополагающая проблема россиеведения, в которой сосредоточены все ключевые конфликты российской истории. Взаимодействие масс и власти рассматривается как основной фактор генезиса и преодоления русской смуты. Вопрос о легитимности власти решается массами в системе архаических координат «свой–чужой». Автор сравнивает противостояние «двух России» в Смуте 1917 г. и в Смуте рубежа XX–XXI вв.

Ключевые слова: смута, революция, империя, массы, массовое сознание, идентичность, россиеведение.

Annotation. «Smuta» is considered as an essential problem of the Russian studies, in which concentrated all key conflicts of Russian history. The interaction of the Masses and the Power is considered as the main factor determining the genesis and overcoming of Russian strife. The question of the legitimacy of Power is solved by the Masses within the system of ancient oppositions «native–opposite» («friend-or-foe»). The author compares confrontation between the «two Russias» Troubles in 1917 and in the Troubles at the turn of XX–XXI centuries.

Keywords: «Smuta» (Time of Trouble, Distemper, Strife), revolution, empire, masses, mass consciousness, identity, Russian studies.

Сегодня особую актуальность для российского общества и отечественных ученых в области социогуманитарного знания вновь обрела старая проблема цивилизационной идентичности России, ее власти и ее народа. Нерешенность этой проблемы в настоящее время порождает мучительные теоретические поиски идейной формулы «подлинной» России – «России, которую мы потеряли» в прошлом и которую мы хотим «найти» в будущем. В течение только последнего столетия Россия уже по крайней мере два раза оказывалась на грани утраты исторической идентичности, из промежуточного положения «между “Империей” и “Смутой”»¹, срываясь в «безвременье»² последней. И дважды за один век Россия заплатила за непонимание собственной природы и механизма возникновения и развития общенародной смуты распадом исторически сложившейся имперской государственности: сначала царской, затем и советской.

Такая повторяемость системных кризисов выглядит даже одной из идентификационно значимых особенностей России, имманентно устойчивой характеристикой ее трансцендентно «неисповедимого» пути, требующего специальной теории и терминологии. Как образно, например, сформулировал поэт А. Кривенко, «русского можно отличить от грека способностью войти в одну и ту же реку»³. В современной науке отечественные кризисы/смуты не только уже признаны «естественной формой пространственно-временного существования России», но и становятся центральной темой проективного

россиеведения в целом, ибо «сравнительное изучение периодов нестабильности российской системы с учетом особенностей массовой психологии может сказать о ее природе больше, нежели любая – как всегда претендующая на универсализм – теория»⁴.

В этой связи закономерным выглядит возвращение в научный оборот непереводаемого на иностранные языки термина «Смута», первоначально употребляемого в дореволюционной литературе преимущественно по отношению к известным событиям рубежа XVI–XVII вв. Периодическое рассыпание и повторное складывание всей системы взаимодействия власти и общества сверху донизу, увы, оказалось характерно и для новейшей истории России. Такие циклы дезинтеграции–реинтеграции комплекса связей, образующих самобытное цивилизационное единство России, сопровождаются всенародным мучительным отторжением власти «чужой» и поиском «своей», «новой–старой» власти, способной дать адекватные ответы на новые вызовы истории – но при этом сохранить историческую преемственность. Смута начала XX в., ознаменовавшая распад Российской империи и ее возрождение в формате Советского Союза, и Смутное время, в котором до сих пор, по мнению многих ученых⁵, пребывает наша государственность после распада СССР с конца XX в.), показали исключительную значимость осмысления феномена «Смуты» для понимания судеб России не только в ее прошлом, но и в ее настоящем и будущем. Более того, от ответа на вопрос: «Что такое Смута?» –

в немалой степени зависит и ответ на вопрос: «*Что такое Россия?*».

Вобравший в себя трагическую противоречивость русской исторической судьбы концепт «смуты», похоже, навсегда прописался в саморефлексирующей культуре России. И, несмотря на его терминологическую неоднозначность (или благодаря ей), вряд ли возможно подобрать другую лексему, способную столь же органично «вписаться» в руссиеведческий дискурс. Вообще, по мнению, например, А.И. Фурсова, если «в качестве метафоры образ “смута” может применяться далеко за пределами русской истории – как некое “time of trouble” в США 70-х годов, в Китае XVII в. или в Древнем Египте эпохи переходных периодов», то «в научном плане... “смута” есть термин, отражающий совершенно определенную русскую ситуацию. Суть в следующем. Русская власть носит автосубъектный характер по сути, а функционально стремится к моносубъектности, т.е. к недопущению появления иных властных субъектов. Властный субъект может быть только один-единственный. Появление второго (третьего, четвертого и т.д.) разрушает эту власть и строй, системообразующим элементом которого она является»⁶.

Однако, теоретические поиски смысла *Смуты* оказываются нерасторжимо сплавлены с осмыслением *Империи* – и как генератора стратегических целей и исторической судьбы России, и как системы взаимодействия власти и народа, имеющей свои иммунные механизмы и способы обеспечения цивилизационной идентичности и социокультурной преемственности.

Если отвлечься от всевозможных негативных коннотаций термина «Империя» и оставить главное в метафизическом смысле этого слова, то *Империя* (во всяком случае, в русском историософском осознании) призвана быть земным оплотом *Императива*, равно как *Держава* должна выступать силой, *сдерживающей* Зло. Соответственно, Власть в Империи призвана служить, в первую очередь, не инструментом согласования частных интересов, а выразителем коллективной воли и миссии народа. Это дает и обществу, и индивиду социальный смысл жизни как Служения, позволяет ощутить причастность надындивидуальной целостности, найти надежную опору, находящуюся вне времени – тем более, вне всяких *смутных времен*.

«Империя Россия» представляет собой не столько форму организации пространства, сколько форму организации массового сознания. Поэтому «Имперскость» России предполагает особое *единение власти и народа*. Народ выступает не только строителем Империи, но и является ее цивилизационным фундаментом, хранителем базового минимума державных ценностей. Власть не только реагирует на новые вызовы времени, но и обеспечивает историческую преемственность Империи, согласовывая относитель-

ность инновационных действий с безусловностью непрерывности нормативно-ценностного единства со своим народом. Если действия элит открыто вступают в антагонизм с фундаментальными ценностями народа, ставят под угрозу само бытие Империи – наступает Смутное время. При этом системообразующий вопрос всяких смутных времен – вопрос о легитимности либо «самозванности» претендующих на власть сил – решается в массовом сознании, в системе архаических координат «*свой – чужой*». Народ берется «за вилы» лишь тогда, когда власть в очередной раз наступает на уже забракованные отечественной историей «грабли», провоцируя смуту⁷.

Смутные времена могут быть интерпретированы как периоды своеобразной «переоценки ценностей» в имперской истории, обусловленной необходимостью обновления базового комплекса идеологием (восстановления соразмерности соотношения между сакральными сверхзадачами и реальными земными ценностями, между метафизическим смыслом Империи и его официальным выражением) и воссоединения живой психологической связи между обществом и властью (возрождения самосознания имперского общества как целостного субъекта истории, возвращения утраченной цельности переживания жизни как осмысленного *служения*). *Смута* начинается с идеологического банкротства государства и психологического отчуждения масс от властной элиты, утратившей в их сознании имперско-историческую легитимность, и заканчивается с приходом к власти политической силы, идеологически и психологически адекватной массам, изоморфной Имперской традиции⁸.

Таким образом, массовое сознание в итоге оказывается не только ареной борьбы различных политических сил, но и решающим критерием фактической жизнеспособности и этих сил, и представляемых ими политико-правовых режимов, и, так называемых, «исторических альтернатив». Именно массовому сознанию принадлежит доминантная роль в механизме возникновения, развития и преодоления смут и революций в России⁹.

В этой связи несправедливый интерес представляет ставшая модным трендом современного руссиеведения формула «две России». Так, если под «*первой Россией*» мы будем подразумевать совокупность ориентированных на Запад элит, приватизировавших доступ к национальным ресурсам и основные материальные блага, а под «*второй Россией*» будем иметь в виду совокупность ориентированных на почвеннические ценности массовых слоев нашего населения, отстраненных от контроля над распределением ресурсов и сохраняющих относительную автономию собственных социальных миров от миров властной бюрократии и крупного бизнеса, то в таком случае следует признать факт взаимного нигилистического противостояния «*двух России*».

Тогда между смутой нынешней и смутой, пик которой пришелся на 1917 г., можно провести вполне определенные параллели.

Либерально-демократические идеологемы в 1917 г. при сопоставлении с императивами массового сознания образовывали целую систему бинарных архаических оппозиций «двух России» по принципу «чужой – свой» (конституция – царь, правовое государство – правый государь, закон – обычай, законопослушность – властебоязнь, личность – община, гражданское общество – служилое государство, демократия – авторитаризм, многопартийность – соборность, плюрализм – единство, собственность – антисобственничество, буржуазность – антибуржуазность, буржуазное равенство (как основа правового строя) – социальный иерархизм (как основа естественного порядка), буржуазный индивидуализм – авторитарный коллективизм, рыночная экономика – моральная экономика, протестантская (накопительская) трудовая этика – православная (потребительская) трудовая этика, накопительство – самовоспроизводство, социальная конкуренция – круговая порука, политическая интеграция – общинный партикуляризм, индустриальное общество – традиционное общество, успешность – эгалитаризм, договорной характер власти – патернализм, секулярность – религиозность... и т.д.). В результате, российская, якобы «демократическая», власть образца 1917 г. оказалась в «противофазе» с массовым сознанием – и, не будучи подкреплена обращением к традиционным имперским ценностям, – была сметена стихией массового протеста. Его выразителем стал на время большевизм, основой успеха которого явился резонанс историческому пульсу не желавшей погибать Империи¹⁰.

В фактическом противостоянии «двух России» на рубеже XX–XXI вв. можно выделить параметры, очевидно сходные с ситуацией 1917 г. И из модернизационного проекта современной России жизненно важно исключить наступание на уже опробованные грабли отечественной истории.

В таком контексте, «Смута» не только остается мерой понимания России, но само преодоление Смуты – как преодоление, главным образом, конфликта идентичностей власти и народа – является главной задачей России в ее настоящем и ближайшем будущем. С ним связана и реальная пригодность отечественной государственности остаться субъектом управления бывшей/грядущей сверхдержавой, находящейся перед необходимостью совершить новый исторический рыбок в достойное ее будущее, и само выживание России как единого государства, способного сохранить су-

веренный контроль над огромной территорией и богатейшими ресурсами.

Большинство нашего народа, заставшее начало последней Смуты – развала Советского Союза (как превращенной формы Российской империи) – не оставляет надежды увидеть обратный процесс – процесс возрождения Державы и преодоления кризиса идентичностей власти и народа. Важные шаги к новой идентичности властью сделаны. Весной 2014 г., пожалуй, впервые за последнюю четверть века значительная часть народа России вновь ощутила единение с властью, с удовольствием признав ее «своей», вспомнив подзабытые чувства национальной гордости и государственного патриотизма. Русская идеологема: «Крым наш!» – так возмутившая бандеровскую часть Украины и обеспокоившая русофобский Запад и агентов его влияния внутри самой России – на самом деле не просто всколыхнула историческую память народа о русской крови, пролитой за этот полуостров. Она возродила надежду миллионов на обретение своего утраченного – отнятого – Отечества, на возвращение исторического смысла общественной и государственной жизни России, на восстановление ее физического и метафизического единства. Время покажет, сбудутся ли эти надежды – или слова «Единая Россия» останутся лишь временным названием партии, не оправдавшей своего имени.

¹ См., напр.: *Кара-Мурза А.А.* Между «Империей» и «Смутой». М., 1996.

² См., напр.: *Кондаков И.В.* «Смута»: эпоха «безвременья» в истории России // *Общественные науки и современность*. 2002. № 4. С. 55–67.

³ Цит. по: *Тульская М., Вознесенский А.* Политехнический Вознесенский // *РГ*. 2004. 12 мая. № 3473.

⁴ *Булдаков В.П.* Системные кризисы в России: сравнительное исследование массовой психологии 1904–1921 и 1985–2002 гг. // *Acta Slavica Japonica. Hokkaido*, 2005. Т. 22. Р. 95.

⁵ См., напр.: *Народ и власть в российской смуте: сборник научных статей участников Международного круглого стола / под ред. П.П. Марченя, С.Ю. Разина.* М.: ВВА им. проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина, 2010. 348 с.

⁶ *Фурсов А.И.* Смуты и революции: диалектика внутреннего и внешнего // *Обозреватель. Observer*. 2012. № 3. С. 29.

⁷ *Марченя П.П., Разин С.Ю.* Народ и власть в русской смуте: «Вилы» и «грабли» отечественной истории // *Обозреватель. Observer*. 2010. № 7. С. 96–103.

⁸ См.: *Марченя П.П., Разин С.Ю.* «Империя» и «Смута» в современном россиеведении // *Новый исторический вестник*. 2011. № 4 (30). С. 89–96.

⁹ *Марченя П. П.* Политические партии и массы в России 1917 года: массовое сознание как фактор революции // *Россия и современный мир*. 2008. №4. С. 82–99.

¹⁰ См.: *Марченя П.П.* Империя, партии и массы в русской смуте // *Власть*. 2010. № 3. С. 105–110.

ПРАВО И СОЦИАЛЬНАЯ ЭТИКА В ФИЛОСОФИИ
РУССКОГО КОНСЕРВАТИЗМА

АНДРЕЙ ЛЬВОВИЧ ЗОЛКИН,

доктор философских наук профессор кафедры философии

Московского университета МВД России

Научная специальность 09.00.13 – философская антропология,

философия культуры

Рецензент: доктор философских наук Аблеев С.Р.

E-mail: az20042004@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются основания права в философии русского консерватизма; право предстает как феномен культуры. Анализируется социальная, духовная природа права; определяются отношения права и социальной этики.

Ключевые слова: консерватизм, право, мораль, социальная этика, ценности, юридическая наука, философия.

Annotation. The article is dedicated to foundations of law in the philosophy of Russian emigration. The article dwells on the law as a phenomenon of culture. The social and spiritual essence of law is analyzed, the relations between law and social ethics is specified.

Keywords: conservatism, law, morality, social ethics, values, juridical science, philosophy.

Двадцатое столетие относилось к консервативной идеологии достаточно критично и даже высокомерно, будучи полностью уверенным в правоте либерализма или коммунизма. Время породило существенные сомнения в этих идеологических доктринах. В результате, сегодня консерватизм начинает осознавать себя не столько как программа консервации настоящего или реставрации прошлого, сколько как проект восстановления прерванной «связи времен». Сегодня консерватизм претендует на духовную революцию, возрождающую связь человечества с собственной культурной традицией, разорванной либералами и радикалами. И эта революция предполагает существенное переосмысление всех аспектов социальной и культурной практики, в том числе морали, права, государства.

Основы правовой доктрины российского консерватизма заложил Н.М. Карамзин. Особым объектом его критики стал проект Гражданского уложения М.М. Сперанского, в котором при «множестве ученых слов и фраз, почерпнутых в книгах», Н.М. Карамзин не увидел «ни одной мысли, почерпнутой в созерцании особенного гражданского характера России»¹. В результате, он пришел к идее характерного для консервативного мирозерцания традиционализма, утверждая, что «законы народа должны быть извлечены из его собственных понятий, нравов, обыкновений, местных обстоятельств»².

Н.М. Карамзин отрицал просветительский дух априорного, не опирающегося на исторический опыт и народные обычаи, «законоделания», позволяющий «умам легким» думать, что «надобно только велеть, – и все сравняется». Только время, по мнению историка, «подвигает вперед разум народов, но тихо и медленно: беда законодателю облетать его»³.

Основные положения идейной программы Н.М. Карамзина присутствовали во многих течениях русского консерватизма. Русские консерваторы сформулировали ряд положений по поводу природы права, государства и их функций в общественной жизни, которые неразрывно связаны с ценностными характеристиками консервативного мировоззрения. Исходные представления об идеале общества, государства и права обосновываются консерваторами с помощью ценностных суждений, поэтому можно говорить о специфической аксиологии, разработанной в рамках консерватизма. Если либералы стремились к рациональному обоснованию идеала права и государства, марксисты ставили своей целью разработку естественноисторического понимания государства и права, то мыслители – консерваторы, прежде всего, стремились к выработке ценностной позиции, обосновывая идеалы государства и права на основе представления о ценностях.

Приоритетной социальной ценностью в консерватизме является не индивидуальная свобода, как в либерализме, не равенство, как в социализме, а братство, восходящее к идеалам христианства. В либеральных учениях о праве и государстве консерваторы видели «одно из проявлений идейной дискредитации институтов и ценностей традиционного общества, выставлявшихся чем-то подавляющим не только индивидуальную свободу, но и саму истину»⁴. Консерваторы отвергали либеральную точку зрения, требующую от законов соответствия запросам меньшинства общества. Законодатель и правоприменитель должны опираться лишь на те правовые идеи, которые соответствуют национальному правосознанию.

Поведение, утверждаемое консерваторами в качестве образцового, следует обозначить как эти-

ку долга. Защищая первенство индивидуальных обязанностей над индивидуальными правами, консерваторы спорят с теми, кто считал лучшим ориентиром для поведения индивида стремление к достижению субъективного счастья, а не стремление к социальной полезности этого поведения. Консерватизм отвергает все попытки создания «этического эгоизма», поскольку одно лишь чувство долга приносит в жизнь человека подлинный смысл. Стремление же человека к счастью за счет исполнения им своего долга есть зло, а все попытки достижения коллективного «счастья» путем насаждения «рациональных» социальных, политических и правовых институтов также оцениваются как этическая антиценность.

Превосходство требований этики социальной над требованиями этики индивидуальной диктует человеку совершать только те действия, которые несут социальное благо, а не просто являются юридически разрешенными. Именно чувством долга, уверяли консерваторы, должны скрепляться отношения человека с государством, но отнюдь не основанием личного интереса. Поэтому и право представляет собой духовный феномен, поскольку, по выражению И.А. Ильина, «является восприятием, переживанием и осуществлением верховной, объективной ценности»⁵. Связь между духом и правом можно выразить так: необходимые формы духа составляют основы правосознания. В основе права всегда лежит живое и правое притязание человека на духовность, притязание на духовно-необходимые формы жизни, теоретическим выражением которых являются аксиомы правосознания. К аксиомам правосознания И.А. Ильин относил закон духовного достоинства, закон автономии и закон взаимного признания.

Именно проблема правосознания является для мыслителя центральной проблемой юридической науки. Правосознание не может рассматриваться лишь как совокупность отвлеченных знаний. В основе правосознания должно лежать осмысление реального правового опыта. Поэтому И.А. Ильин далек от идеализации социально-политических и социокультурных реалий России.

Исторический опыт России, по мнению философа, должен быть осмыслен как органическое крушение самодержавия и как разложение созданного им уклада духовной жизни. Сущность этого уклада И.А. Ильин и видел в систематическом отлучении «подданного» от власти и от государственного дела. И именно это отлучение в корне подрывает самую сущность государства и правосознания, поскольку политическая жизнь не только не исчерпывается пассивным подчинением чужой воле, но прямо исключает такое подчинение. Сущность политической жизни мыслитель видел в самоуправлении, при котором каждый гражданин осознает в законе присутствие своей воли и своего

разумения. Отлучение же народа от власти ставит его во внеполитическое состояние. «Народ, лишенный государственного правосознания, – писал И.А. Ильин, – может создавать только видимость государства, и политическое единение его призрачно и эфемерно»⁶.

Историческую миссию русской интеллигенции мыслитель связывал с пониманием и познанием дефектов и недугов своего и общенационального правосознания. Задача русского правоведения – прийти в этом на помощь интеллигенции и всему народу: юристы должны осуществить это самопознание прежде всех и глубже всех и повести по этому пути за собой интеллигенцию и народ. «Этот процесс и должен стать основой государственного обновления России».

Однако, проблема не ограничивается только тем, чтобы русское национальное правоведение поставило перед собою эти задачи; но и в том, чтобы оно нашло для них правильное разрешение. Для этого И.А. Ильин, считает необходимым, прежде всего, испытать, увидеть и понять, что право и государство, которые регулируют, конечно, не внутренние, а внешние деяния человека, тем не менее живут именно внутренними, душевными состояниями его, и притом не безразлично какими, а именно душевно-духовными. «Строить право, – писал И.А. Ильин, – не значит придумывать новые законы и подавлять беспорядки; но значит воспитывать верное и все углубляющее и крепнущее правосознание»⁷.

Человек творит право и государство именно чувством, волею и сознанием, не «просто» внешними поступками, но длительными, устойчивыми и содержательно-верными напряжениями души и духа. Юристу, способному только к формальным анализам, и политику, стремящемуся к максимальному расширению публичных полномочий, конечно, может казаться, что сущность юриспруденции сводится лишь к поиску надежного механизма, регулирующего внешние возможности и поступки человека. Фактически же, такой подход приводит к тому, что дефекты правосознания принимаются как своего рода норма и право субъекта. А именно субъект права привлекает главное внимание мыслителя. «Право и государство живут, – писал И.А. Ильин, – по существу, в субъекте права, им, субъектом, – его душою, его духом. Но субъект права – это не только понятие, или категория, или абстрактная точка для умственного приложения полномочий и обязанностей; субъект права – это, прежде всего, духовно организованная душа. Юридически квалифицироваться в качестве субъекта права и подлинно быть субъектом права – не одно и то же»⁸. Настоящий, нефиктивный субъект права, по убеждению мыслителя, способен чувствовать, желать и мыслить предметную цель права и государства, он способен

переносить духовные напряжения своей личности на право и государство.

Итак, консерватизм, обосновывая право, стремится подчинить его высшим нормативным системам, прежде всего религии и социальной этике. Подобная позиция долгое время рассматривалась как выражение сугубо религиозного мироощущения русских мыслителей, как их, на первый взгляд, бесперспективное стремление противопоставить христианские ценности логике развития современной цивилизации, которая утверждает самодостаточность исключительно нормативистского понимания мира, выдаваемого за высшую реальность. И все же высшая нормативность не может характеризоваться исключительно в юридических терминах. Подобно тому, как грех, зло и преступление так и не стали сугубо юридическими категориями, их метафизическая сущность остается непреодолимой, постольку и метафизический, нравственный порядок мироздания не может быть исчерпан одними лишь юридическими понятиями. Поскольку исходные представления об идеале общества, госу-

дарства и права обосновываются консерваторами с помощью ценностных суждений, постольку для них характерен примат социальной этики, тесно связанной с национально-культурной традицией, над правом. Актуальность философии консерваторов сегодня зависит от способности современного человечества осмыслить этот метафизический порядок мироздания.

¹ Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России. СПб., 1914. С.106 – 108.

² Там же. С. 107.

³ Карамзин Н.М. Избр. соч. В 2 т. М.; Л., 1964. Т. 2. С. 293.

⁴ Карцов Ф.С. Правовая идеология русского консерватизма, М., 1999. С. 51.

⁵ Ильин И.А. О сущности правосознания // Собр. соч. в десяти тт. Т.4. М., 1994. С. 309.

⁶ Ильин И.А. Корень зла // Собр. соч. в десяти тт. Т. 9–10. М., 1999. С.1 97.

⁷ Ильин И.А. Основные задачи правоповедения в России // Собр. соч. в десяти тт. Т. 9–10. М., 1999. С. 221.

⁸ Ильин И.А. Указ. раб. С. 222.

САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ ИНДИВИДА CONTRA ХАОС И ПРОИЗВОЛ ВОЛЬНОСТИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ГРАЖДАНСКОЙ КУЛЬТУРЕ

НАТАЛЬЯ ФЕДОРОВНА МЕДУШЕВСКАЯ,

доктор юридических наук, кандидат философских наук,

доцент кафедры философии Московского университета МВД России

Научная специальность 09.00.11 – социальная философия;

Рецензент: доктор исторических наук Чертушцев А.В.

E-mail: Sapfo2@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются специфические особенности российской истории, связанные с привычностью хаоса социальной жизни и пониманием свободы как неограниченной волюнтаризма; их влияние на становление современного гражданского общества в России. Отмечается, что условием развития гражданской культуры является самоидентичность индивидов и их ответственность.

Ключевые слова: гражданское общество, самоидентичность, самость, ценность, личность, право, государство, власть, хаос, волюнтаризм, свобода, гражданская культура.

Annotation. The article considers specific features of Russian history connected with the familiarity of chaos in social life and understanding of freedom as unlimited liberty, their influence on the development of civil society in Russia. It is noted that self-identity of individuals and their responsibility are the condition of development of civil culture.

Keywords: civil society, self-identity, selfness, value, personality, right, state, power, chaos, liberty, freedom, civil culture.

С развитием индустриальной цивилизации традиционные связи человека и общества с природой претерпели существенные изменения, культура стала пониматься не как способ реализации природной сущности людей, а как продукт истории, в ходе которой происходит формирование самости и самоидентификация человека, что становится ус-

ловием роста самостоятельности и самодостаточности индивидов. Понятие самости используется для объяснения механизма достижения нарушенной целостности «Я» или способа ее формирования, что весьма актуально для отечественного правосознания, поскольку в силу целого спектра причин эта целостность оказалась в России нарушенной.

Влияние образа «Я» на деятельность личности, выбор поступков, определение жизненных программ и реализацию жизненных практик можно рассматривать как механизм самодетерминации, наряду с другими формами обусловленности поведения. Представления человека о самом себе, оценка им жизненного пути как свободного личного выбора, его установки, убеждения и личностные идеалы, усвоенные нормы и цели – все это компоненты одной из ипостасей той же сущности «Я», формы глобальной организации, которые взаимосвязаны друг с другом. Итак, проблема выявления самости связана с самоидентификацией индивида, осуществляемой в микро- и макромире. «Самоидентификация – это, по буквальному смыслу, процесс достижения тождества с собой, или самоотождествление»¹.

Личность формируется в процессе социализации в социально организованном обществе, в котором есть твердый правовой и государственный порядок, структурированность общественной жизни, гражданская культура и ответственность индивида за себя и свои поступки. Там, где царит хаос, человек становится бунтарем или анархистом, совершает безумные поступки, руководствуясь звериными инстинктами. Вспомним описание хаоса первых послереволюционных лет, о котором писал М. Горький в своем произведении «Несвоевременные мысли».

Российская история изобилует примерами, когда хаос становился нормой социальной жизни, которую П.Я. Чаадаев характеризует следующим образом: «Это все еще хаотическое брожение предметов нравственного мира, подобное тем переворотам в истории земли, которые предшествовали образованию нашей планеты в ее теперешнем виде»². Анализируя в начале XIX столетия российский путь, он писал, что страна пребывает в хаосе, в ней нет гарантий неприкосновенности собственности, отсутствует свобода и осознание личностью значимости свободы и своих прав, а высшим смыслом бытия остается верность патриархальным устоям. Власть в русской ментальности овевана ореолом сакральности, а семейные отношения распространяются на социальные институты, высшим из которых объявляется государство. П.Я. Чаадаев отмечает: «Мы не говорим, например, я имею право сделать то-то и то-то, мы говорим: это разрешено, а это не разрешено. В нашем представлении не закон карает провинившегося гражданина, а отец наказывает непослушного ребенка. Наша приверженность к семейному укладу такова, что мы с радостью расточаем права: отцовства по отношению ко всякому, от кого зависим»³.

Первые шаги Российской империи сопровождались мерами по правовому оформлению государства с целью преодоления хаоса социальной жизни на основах законности и правопорядка. Многонациональное российское государство нуждалось в

объединяющем принципе, на основе которого могла создаваться структура и социальная организация империи. Таким принципом для Петра I стала толерантность по отношению ко всем народам, населяющим Россию. Он надеялся, что идеальное законодательство, регламентирующее все сферы общественной жизни, будет способствовать воспитанию нравов, стремился к упорядочению всей социальной жизни, включая и новый быт. Будучи «строителем империи»⁴, Петр боролся с хаосом как внутри страны, так и в столкновениях с внешним врагом. Но осуществлялось это путем развития полицейского государства с жесткой регламентацией всех сторон жизни, что не препятствует хаосу социального бытия, не превращает его в организованное единство, где торжествует правопорядок и законность.

В России власть проявляла свое господство и принуждение даже в мелочах, не создавая предпосылок для развертывания самодеятельности подданных. Поэтому народ, лишенный прав и справедливых законов, привык добиваться желаемого силой и произволом. Н.Г. Чернышевский писал: «Основное наше понятие, упорнейшее наше предание – то, что мы во все вносим идею произвола. Юридические формы и личные усилия для нас кажутся бессильны и даже смешны, мы ждем всего, мы хотим все сделать силою прихоти, бесконтрольного решения; на сознательное содействие, на самопроизвольную готовность и способность других мы не надеемся, мы не хотим вести дела этими способами; первое условие успеха, даже в справедливых и добрых намерениях, для каждого из нас то, чтобы другие беспрекословно и слепо повиновались ему. Каждый из нас маленький Наполеон или, лучше сказать, Батый»⁵. Действительно, татарское иго с его произволом также способствовало отречению русского народа от своих прав в пользу власти.

С эпохи Ивана Грозного разрастается движение русской вольницы с пониманием свободы как воли и достигает своего апогея в Смутное время, эпоху Стеньки Разина и Емельяна Пугачева, в идеалах казачества. Казачья вольница формировалась на славянских общинных началах и идеалах, ее отличает полное отсутствие начал права и распределения функций. Поэтому власть в казачьей вольнице не менее деспотична, чем официальная государственная власть.

Русские крестьяне долгое время жили идеалами русской вольницы, казацкого вольного товарищества, что соответствовало стихийности и анархизму отечественного массового правосознания. Эти идеалы не были идеологически оформлены, но нашли отражение в поэтическом творчестве, русском народном героическом эпосе, сказаниях, былинах, песнях. Народная мечта воспевала стихию воли, свободы, вольности. В русских былинах чувствуется высокий накал православной религиозности,

а собственно властные отношения носят случайный характер и отражают свободное согласие. Русь представляется стихией, где свободно и вольно возникают политические отношения, поэтому характер отношений богатырей к князю определяется не долгом повиновения и служения, а свободной волей. Богатыри действуют как бы по воле случая, воспевается мужицкая сила, не знающая стеснения княжеской властью.

Русский народ ощущает силу казацкой стихии, «воровских» людей, дикой вольницы и даже склонен к идеализации этой силы. В казацком идеале преобладает не князь и элита, а народ как главная политическая сила, он символизирует богатырскую силу, но силу анархическую, в которой нет ни организующего начала, ни, тем более, права. Русская история знает примеры воплощения в жизнь идей русской вольности в бунтах, разбойничестве, в избраниях царя-самозванца.

Итак, издавна россияне склонны поэтизировать вольность, бунт, считая их вполне адекватными формами проявления политической активности. Вольность есть рефлексия народа на несправедливость, отсутствие системных принципов правопорядка. Свободу заменяет подавление человека, в правовой системе доминирует карательная практика. Русский человек мечтает и воспевает вольность, понимаемую как произвол, т.е. формальную свободу.

Особенности российского понимания свободы как воли и вольницы привели в XX в. к установлению привычного режима единоличной власти, действующей не в целях охраны свободы частного лица, а от имени целого, в котором человек является винтиком, придатком. Основа авторитаризма - наличие надындивидуалистических структур, в которых свобода вовсе не является доминантой. В России революционные интеллигенты, будучи выходцами из народа, так же опирались на произвол, как и властные структуры, которые, захватив власть незаконными насильственными способами, быстро этот произвол легитимировали. Как отмечал П.Б. Струве, «интеллигентская доктрина служения народу не предполагала у народа никаких обязанностей и не ставила ему самому никаких воспитательных задач»⁶.

Социальная свобода – фундаментальная ценность мировой цивилизации, благодаря которой у индивидов появляется возможность самореализации. Но, как отмечает В.К. Кантор, «вольность / произвол противопоставлены в русской ментальности понятию свободы, имеющей ограничение или продолжение в свободе другого человека»⁷. В России отсутствие внешней свободы компенсируется

утверждением приоритета внутренней свободы, что приводит к готовности принять государственную опеку и попечительство взамен внутренней раскрепощенности и самоволия в частной жизни.

Сильное государство и власть невозможны без развитого гражданского общества и гражданской культуры, которая способна восстановить атомизированное общество на основании общего понимания цели и смысла социального бытия, духовной общности людей. Но, несмотря на несистемность и хаотичность, неорганизованность и отсутствие четко выраженной платформы, а главное, целей и обозначенных перспектив, можно констатировать просыпающиеся сдвиги по части самоорганизации общества и общественной жизни. Правда, «процесс роста политической турбулентности, общественного «разогрева», наметившийся с начала зимы 2011 – 2012 гг., пока охватил лишь отдельные общественные слои, и, как показывают результаты исследований ИС РАН, страна в целом продолжает находиться в состоянии «политического сна», хотя признаки возможного скорого пробуждения налицо»⁸.

Эти споры отражают настроения гражданского общества, состоящего из разных групп, слоев и персонажей. Но идейные дискуссии только тогда плодотворны, когда приводят к консенсусу, вырабатывают общую политическую платформу, основанную на базовых национальных ценностях, представлениях о социальной справедливости и современном видении будущего политического устройства страны, учитывают продуктивные предложения критически настроенной оппозиции, а индивид осознает свою всеобщность, сам ее достигает и обосновывает, т.е. обретает свою собственную самоидентичность.

¹ Теоретическая культурология. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга; РИК, 2005. С. 277.

² Чаадаев П.Я. Сочинения. М.: Правда, 1989. С. 20.

³ Чаадаев П.Я. Сочинения. М.: изд-во «Правда», 1989. С. 201.

⁴ Русская философия права: философия веры и нравственности. Антология. СПб.: «Алетейя», 1997. С. 69.

⁵ Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. Т. VII. М.: ГИХЛ, 1950. С. 616.

⁶ Струве П.Б. Интеллигенция и революция // Вехи; Интеллигенция в России: Сб. ст. 1909 – 1910. М.: Молодая гвардия, 1991. С. 147.

⁷ Кантор В.К. Санкт-Петербург: российская империя против российского хаоса. К проблеме имперского сознания в России. М.: РОССПЭН, 2008. С. 448.

⁸ О чем мечтают россияне: идеал и реальность / Под ред. М.К. Горшкова, В. Крумма, Н.Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2013. С. 79.

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА И СУДЕБНЫЙ ПРЕЦЕДЕНТ В КОНСТИТУЦИОННОМ СУДЕ РФ И ВЕРХОВНОМ СУДЕ РФ

ИЛЬЯ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ ЧИПИГА,

соискатель кафедры Конституционного (государственного)

и международного права Военного университета Министерства обороны РФ

Научная специальность 20.02.03 – военное право;

военные проблемы международного права

Научный руководитель: профессор кафедры Конституционного (государственного)

и международного права Военного университета Министерства обороны РФ,

*доктор юридических наук **Каламкарян Р.А.***

E-mail: ILYA-Archangel@yandex.ru

Аннотация. Исследуется и определяется место прецедента и судебной практике в российской правовой системе. Анализируются позиции юристов и применение российскими судами решений Европейского Суда по правам человека.

Ключевые слова: судебная практика, судебный прецедент, международное право.

Annotation. The article is devoted to the study and determination of the place precedent and judicial practice in the Russian legal system. The author analyses the positions of lawyers and application by the Russian courts of judgments of the European Court of human rights.

Keywords: judicial practice, judicial precedent, international law.

В связи со вступлением России в Совет Европы, перед Россией появилась необходимость решения следующего вопроса: Европейский Суд по правам человека относится к англо-саксонской системе права, система права России относится к романо-германской, и нам необходимо решить вопрос о взаимодействии этих систем права. Юридическая наука России довольно по-разному отнеслась к появлению нового для нашей правовой системы явления – судебного прецедента Европейского Суда по правам человека. Большинство теоретиков и практиков разделяют точку зрения о невозможности признания того факта, что, в данном случае, Европейский Суд по правам человека может издавать решения, являющиеся источником права.

Судебный прецедент выступает источником права в англо-саксонской системе права, но чтобы стать таковым, и чтобы этому правилу, который прецедент устанавливает, следовали, необходимо, чтобы это решение было вынесено высокими судами. Более того, это подразумевает наличие правовой нормы, закрепляющей это правило. И получается, что решения Европейского Суда по правам человека не имеют в некотором смысле статуса правовой нормы, по крайней мере, для стран романо-германской системы права. Ни одна из статей Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод не указывает на то, что ЕСПЧ имеет функцию правотворческой деятельности, он только толкует и применяет ЕКПЧ, имея определенную позицию в понимании статей Конвенции.

Более того, Европейский Суд по правам человека исходит только из европейских стандартов, которые одинаковы от Рейкьявика до Петропавловска-Камчатского, и чем быстрее мы их полностью поймем, будем их применять и даже предугадывать, а может быть даже обгонять, тем скорее мы будем более продвинутой, в области права, страной. Хотя у судей Европейского Суда по правам человека догматизма хоть отбавляй, на что указывает и в отставке судья Европейского Суда по правам человека Анатолий Ковлер в интервью «Разговор без протокола с Анатолием Ковлером».

Многочисленный ряд отечественных ученых, таких как Г.И. Тункин, А.Б. Венгеров, разделяет именно ту точку зрения, что ЕСПЧ никак не может заниматься правотворческой деятельностью, так как не существуют в международных отношениях какие-либо органы, которые могли бы обязать субъекты международного права выполнять чью-либо волю, кроме той, что они сами изъявили. И только сами государства могут создавать нормы, которые в последствии будут исполнять¹.

Более того, в подтверждение позиции вышеуказанных ученых, применяя принцип суверенного равенства государств, один из важнейших принципов международного права, составляющий основу современных международных отношений, который отражен в Декларации о принципах международного права, в соответствии с Уставом ООН 1970 г., гласит, что каждое государство обязано выполнять полностью и добросовестно свои международные

обязательства и жить в мире с другими государствами, что безусловно подразумевает согласие государства в отношении обязательств в выполнении определенной правовой нормы.

Но, увы, всё больше и больше появляется ученых, разделяющих точку зрения о том, что решения Европейского Суда по правам человека являются источником права. И эти решения-прецеденты всё более подробно объясняют статьи Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Разберем момент, когда судебная практика является источником права, а когда нет, в отношении Европейского Суда по правам человека. Например, В.А. Туманов считает, что однозначно статус и последствия решений Европейского Суда по правам человека указывают на то, что у суда присутствует правотворческая функция. На эти решения ссылаются, при рассмотрении аналогичных ситуаций, в международных договорах, что говорит о непреложном статусе этих решений.

Вообще, довольно неоднозначно понятие прецедента. Многие теоретики и практики в этом понятии видят различное. Ведь это может быть и всего лишь примером или рекомендацией для аналогичных дел, что схоже в российских судах с судебной практикой. Так же это может быть обязательным правилом для нижестоящих судов, от которого они не могут отступить, как, скажем в Англии. Или же третий вариант, прецедент играет роль неких определенных правовых принципов, которые являются и правилом поведения, обязательным, а так же базисом при создании норм, правил поведения в будущем, не отрицая тот факт, что будут способствовать для совершенствования системы права.

Что касается решений Европейского Суда по правам человека, то в российской правовой литературе применяются такие понятия как правовые стандарты или же правовые позиции, гораздо реже судебный прецедент или просто прецедент. Притом стандарты и позиции считаются примерно одинаковыми по значимости терминами. Но по отношению к ЕСПЧ в основном применяют словосочетание: правовая позиция.

Словосочетание «правовая позиция» представляется ближе нам ввиду того, что Конституционный Суд РФ сам часто использует это понятие в своей деятельности по толкованию Конституции РФ; в российской правовой литературе мы часто с этим сталкиваемся, читая Постановления Конституционного Суда РФ.

В Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод в ст. 32 закреплено положение Европейского Суда по правам человека о том, как толковать положения Конвенции и что она является единственным органом, имеющим право на осуществление данной функции². Интересно выразился по поводу толкования Конвенции В.А. Ту-

манов, который определил, что нормы Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод работают именно так, как они будут определены и истолкованы Европейским Судом по правам человека. В.А. Туманов выразился предельно точно, и на основании этого, предопределение актуальности исследования правовой позиции Европейского Суда по правам человека для нас будет важным. Как он ее истолкует, так и будет применять; на основании их Европейский Суд по правам человека и рассматривает дела и его правовые позиции – это то, на что требуется обратить особое внимание.

Перенесем наше внимание на российскую судебную систему, и на Конституционный Суд РФ в частности. Пункт 5 ст. 25 Конституции РФ определяет, что Конституционный Суд РФ даёт толкование Конституции РФ. В этом прослеживаем некую схожесть в функциях Конституционного Суда РФ и Европейского Суда по правам человека. Без обращений к Конституционному Суду РФ невозможно в полной мере понять смысл Конституции РФ. Для уяснения статей Конституции РФ мы обращаемся именно к его правовым позициям.

В своих определениях Конституционный Суд РФ часто использует понятия: «прецедент», реже: «конституционно-правовой прецедент», часто ссылается на международное право, решения Европейского Суда по правам человека. В мотивировочной части он их как раз и располагает. В резолютивной части пишет о соответствии законодательства Конституции РФ или нет. Притом неоднократно опирается, в том числе, и на международное право, разъясняя более аргументировано свои позиции, чтобы смысл Конституции был более чем понятен. Очень часто в своих постановлениях Конституционный Суд РФ обращает внимание на решения Европейского Суда по правам человека, на его позиции по конкретным рассматриваемым делам. И, кстати, М.В. Баглай говорил, что судебные прецеденты Европейского Суда по правам человека для нас – источник права³.

Ни для кого не секрет, что в Европе есть грамотные юристы, особенно в Европейском Суде по правам человека, которые выносят большое количество решений, служащих прецедентами. Поэтому думаю, все самое мудрое мы должны перенимать; сформулированные ранее решения, позиции, которые, на наш взгляд, являются удачными, грамотными, объясняющими ранее не рассматриваемые вещи. Поэтому судьи Конституционного Суда и заимствуют опыт европейских коллег, и возможно, до поры до времени.

Рассмотрим постановления Конституционного Суда РФ по сути это и есть Конституция РФ, нормы, которые уточняют ее, делают более объективной и понятной для всех и каждого. Все соглашаются в общеобязательности этих постановлений. И решения Конституционного Суда РФ хоть всеми и при-

знаются, но от этого нормами права не становятся, по крайней мере, официально не признаются.

А вот судья Конституционного Суда Б.С. Эбзеев считает, что решения Конституционного Суда РФ фактически имеют прецедентное значение. Например, решение Конституционного Суда РФ касательно регистрации в г.Москва граждан России. Неоднократно мэру Москвы Конституционный Суд РФ указывал на то, что запрещено каким-либо образом ограничивать перемещение и проживание граждан в Российской Федерации, определенное Конституцией РФ.

В своих решениях Конституционный Суд РФ ведет политику предсказуемости по правам и свободам закрепленным в Конституции РФ, что бы граждане и гости нашей страны в полной мере понимали, что правовое поле в России всегда поддерживается на должном уровне через решения Конституционного Суда РФ. Только через определенную стабильность в экономической, политической, социальной и других сферах возможно процветание страны, и это достигается через вполне конкретные конституционные позиции Конституционного Суда РФ в отношении всех норм права.

Что же касается Верховного Суда РФ, то и там мы наблюдаем черты судебного прецедента. Например, В.М. Жуйков говорил, что хоть официально решения судов и не являются источниками права, но на практике мы как раз видим правотворчество Верховного Суда РФ, исходя, в том числе, и из того, что нижестоящие суды пользуются опубликованной практикой Верховного Суда РФ по факту, именно как источником права. Эта практика Верховного Суда РФ используется всеми нижестоящими судами для устранения пробелов в российском законодательстве, а так же считается судами неким ориентиром; Верховный Суд РФ уточняет и объясняет применение и толкование права⁴.

Если мы этот аспект перенесем в плоскость нашего членства в Совете Европы, а именно ратификации Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод, то получается, что определенность в использовании или неиспользовании решений Европейского Суда по правам человека в судах идентична ситуации с Котом Шрёдингера, австрийского физика-теоретика, т.е. понимание Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод происходит именно с вероятностью наступления того или иного события, а так же понимания судом. И мы не сможем порой правильно понять норму законодательства, пока Европейский Суд по правам человека не укажет нам, как же именно надо её понимать, столкнувшись с конкретным вопросом.

Рассматривая Постановления пленумов Верховного Суда РФ, мы также видим, что он играет роль некоего толкователя права, который систематизирует

свои постановления и следит, чтобы нижестоящие суды следовали в соответствии с его решениями. Получается, что Верховный Суд РФ выступает как суд с полномочиями издавать прецеденты или решения, на прецедент похожие. Обратимся к Конституции РФ. В ст. 126 установлено, что Верховный Суд РФ осуществляет в предусмотренных федеральным законом процессуальных формах судебный надзор за деятельностью судов общей юрисдикции и дает разъяснения по вопросам судебной практики. Как мы видим, на основании мнения Верховного Суда РФ происходит разъяснение применения права и, что важно, дает нижестоящим судам разъясняется что нужно и как нужно. Невооруженным взглядом видим некую аналогию решений Верховного Суда РФ в своих Постановлениях пленума и Европейского Суда по правам человека в своих решениях по толкованию Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Получается, под воздействием Европейского Суда по правам человека идет формирование устойчивых навыков касательно прецедента. И хоть официально считается, что суды не имеют правотворческой деятельности, реально она существует и через Конституционный Суд РФ и Верховный Суд РФ оказывает влияние на трансформацию права в соответствии с правовыми позициями судов.

И даже если Конституция РФ не придает какому-либо статусу решениям Верховного Суда РФ, но в практике судов существуют традиции, согласно которым решения Верховного Суда РФ выступают ориентиром не менее влиятельным, чем нормативные акты России. То, что разъясняет Верховный Суд РФ для всех российских судов, оказывает сильное влияние на вынесение решений судами; судьи смотрят, что и как определяет практика Верховного Суда РФ.

Литература

1. Конституция Российской Федерации. Консультант плюс. 2013.
2. Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. Консультант плюс. 2013.
3. Венская Конвенция о праве международных договоров от 23 мая 1963 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1986. № 37. Ст. 772.
4. Федеральный Конституционный закон от 21 июля 1994 г. «О Конституционном Суде Российской Федерации». Консультант плюс. 2013.
5. Федеральный Конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» от 31 декабря 1996 г. Консультант плюс. 2013.
6. Федеральный закон от 30 марта 1998 г. «О ратификации Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» // СЗ РФ. 1998. № 14. Ст. 1514.
7. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 5 2003 г. «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и меж-

дународных договоров Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2003. № 12.

8. Тункин Г.И. Теория международного права. М.: Зеркало, 2000. 75 с.

9. Доклад Уполномоченного по правам человека за 2012 г. Российская газета. Федеральный выпуск № 6044.

10. Витрук Н.В. Конституционное правосудие. М., 1998. С. 316–321.

¹ Тункин Г.И. Теория международного права. М.: Зеркало, 2000. 75 с.

² Витрук Н.В. Конституционное правосудие. М., 1998. С. 316–321.

³ Интернет-конференция Председателя КС РФ Баглая М.В. 29 января 2003 г.

⁴ Жуйков В.М. Судебная защита прав граждан и юридических лиц. М., 1997. 145 с.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ ЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

АННА ЮРЬЕВНА ЗВОНАРЕВА,

адъюнкт кафедры теории и социологии

управления органами внутренних дел Академии

управления МВД России

Научная специальность 22.00.08 – социология управления

Научный руководитель и рецензент:

доктор социологических наук Коробов В.Б.

E-mail: zvonareva.a.u@yandex.ru

Аннотация. Анализируются проблемы осуществления общественного контроля за деятельностью органов внутренних дел.

Ключевые слова: общественный контроль, общественное мнение, органы внутренних дел.

Annotation. The article analyzes the problems of public control implementation over the internal affairs agencies activities.

Keywords: public control, public opinion, internal affairs agencies.

Одним из приоритетных направлений деятельности органов внутренних дел, как было отмечено Министром внутренних дел, генерал-полковником полиции В.А. Колокольцевым на расширенном заседании коллегии МВД России 21 марта 2013 г., является принятие целенаправленных мер по усилению общественного контроля за деятельностью ОВД, осуществлению конструктивного диалога с институтами гражданского общества. В 2013 г. были обновлены составы Общественных советов, проводился постоянный мониторинг мнения граждан и средств массовой информации о работе полиции, принята новая система оценки деятельности территориальных органов МВД России¹.

Система общественного контроля включает в себя внутренний и внешний общественный контроль. Внутренний общественный контроль – деятельность общественных формирований системы МВД России (общественных и наблюдательных советов и т.п.), направленная на выявление недостатков, ошибок и злоупотреблений в их работе и принятие на этой основе необходимых решений. Внешний общественный контроль – организованный процесс наблюдения гражданами и их объединениями за должным и легитимным исполнением

органами внутренних дел своих функций, принятие необходимых мер по изменению этой деятельности в целях защиты интересов общества и граждан, реализации их потребностей[3]

Изучение общественного мнения является одной из форм внешнего общественного контроля, наряду с непосредственным участием граждан в охране общественного порядка, деятельностью внешних специализированных организаций и т.д.

По мнению П.В. Десятых, основная теоретическая проблема в осуществлении общественного контроля за деятельностью органов внутренних дел заключается в специфической трактовке категории «контроль».

Традиционно контроль определяется как систематический процесс, посредством которого регулируется деятельность системы, организации, обеспечивается их соответствие планам, целям и нормативным показателям. Обязательными элементами в содержании контроля являются: установление стандартов деятельности системы, подлежащих проверке; сопоставление достигнутых результатов с ожидаемыми результатами; корректировка управленческих процессов, если достигнутые результаты существенно отличаются от установленных стандартов.

Категория «общественный контроль», хотя и имеет родственные свойства с понятием «контроль», но, вместе с тем, применение многих управленческих принципов контроля в сфере взаимоотношений общества и государства невозможно. Отличие, не позволяющее механически применить в сфере организации общественного контроля основные нормы и положения соответствующего раздела теории управления, в том, что здесь не установлены общественно одобряемые стандарты деятельности системы ОВД, подлежащие общественной проверке; не определены критерии измерения достигнутых результатов, соответствующих общественным ожиданиям; не разработаны пути корректировки управленческих процессов, если достигнутые результаты деятельности ОВД не удовлетворяют общество.

А.Г. Воробьева выделяет два вида общественного контроля за деятельностью органов внутренних дел, полиции [1]:

- *стихийный* (осуществляемый гражданами, общественностью);

- *сознательно организованный* (Общественные наблюдательные комиссии по контролю над обеспечением прав граждан в местах принудительного содержания; Общественная палата; Общественные советы; Общественные объединения).

Субъекты общественного контроля указаны в ст. 50 «Общественный контроль за деятельностью полиции» Федерального закона от 7 февраля 2011 г. №3-ФЗ «О полиции».

Особое внимание в системе МВД России уделяется деятельности Общественных советов при органах внутренних дел. Анализ практики их функционирования позволяет сделать вывод о «сознательной иллюзии взаимодействия ОВД и общества» [2] в связи со следующими причинами:

- инициатива комплектования советов, установление условий допуска и использования информации исходит от органов внутренних дел;

- в деятельности советов практикуется применение ряда сопроводительных, нормативно ориентированных разъяснений (толкований), преследующих конкретно фиксированные целевые установки для обеспечения безопасности и сохранности конфиденциальной информации подразделений полиции, а также ограничивающих свободу выбора способов осуществления общественного контроля;

- слабая мотивационная заинтересованность членов совета в отстаивании общественных интересов;

- в деятельности членов общественных советов заложен механизм хронических противоречий ввиду специфики получаемой информации и введенных ограничений на её распространение, что предполагает наложение на человека определенных обязательств по нераспространению данных и, по сути, делает работу советов внешне атрибутивной;

- вертикаль управления органами внутренних дел накладывает отпечаток на сформированные при них советы и обесценивает идею о какой-либо независимости и самостоятельности Общественных советов;

- решения советов носят рекомендательный характер, поэтому они реализуются на усмотрение руководителей органов внутренних дел, при которых общественные советы учреждены.

Все сознательно организованные, по ранее нами приведенной классификации Воробьевой А.Г., субъекты общественного контроля зависимы от органов государственной власти и управления, что свидетельствует о невозможности осуществления ими общественного контроля в Российской Федерации в том смысле, в котором категория «общественный контроль» применяется в рамках международного законодательства.

Стихийное или инициативное осуществление гражданами и общественностью общественного контроля сопряжено с рядом трудностей, проблемами в законодательстве. В настоящее время в Государственной Думе рассматривается проект федерального закона «Об основах общественного контроля»², который мог бы существенно дополнить и систематизировать нормативную правовую регламентацию в этой сфере.

Кроме того, существуют трудности реализации общественного контроля в связи со специфическими характеристиками российского общества (низкой общественной активностью, патерналистской позицией по отношению к государству, широко распространенным конформизмом и т.д.). Поэтому его проявление не получило широкого распространения, в отличие от зарубежных стран.

Следует отметить, что зарубежный опыт реализации общественного контроля в Российской Федерации в настоящее время широко не востребован в силу культурно-исторической специфики миссии органов внутренних дел России и зарубежных стран. Так, за рубежом полиция нацелена, прежде всего, на выполнение сервисной функции для общества, в связи с чем, должна быть прозрачной и подотчетной обществу. В России полиция осуществляет государственные функции в сфере внутренних дел, а ее подотчетность и открытость для общества вызвана, прежде всего, интеграцией в международное сообщество. Как отмечает Типало Е.Е., «проблемы становления в России общественного контроля во многом обусловлены спецификой отечественного восприятия государства как субъекта властного действия, управляющего обществом при помощи механизма принуждения, отличается от западного объяснения государства как правопорядка, в равной степени обязательного для граждан и аппарата публичной политической власти» [4].

Для осуществления эффективного общественного контроля за деятельностью органов внутренних дел крайне важно: во-первых, устранить пробелы в законодательстве: регламентировать организацию и осуществление общественного контроля за деятельностью органов государственной власти в целом; во-вторых, урегулировать границы информационного поля взаимодействия ОВД и общества с учетом служебной тайны; в-третьих, определить объем общественного контроля, исходя из специфики деятельности органов внутренних дел.

Литература

1. Воробьева А.Г. Социальный контроль как фактор повышения эффективности деятельности полиции (на примере Московской области): Автореф. Дисс. ... канд. социолог. наук: 22.00.08, М., 2013.
2. Грошева И.А. Особенности нормативного обеспечения

общественного контроля в России // «Совершенствование деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью в современных условиях». Материалы международной научно-практической конференции (1–2 ноября 2013 г.). Вып. 10. Ч. 1. Тюмень: ТГАМЭУП, 2013.

3. Десятых П.В. Организация и правовое обеспечение общественного контроля за деятельностью органов внутренних дел: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.11, М., 2009.

4. Титало Е.Е. Общественная палата Российской Федерации как институт гражданского общества: Автореф. дисс. ... канд. социолог. наук: 22.00.04, Ростов-на-Дону, 2011.

¹ См. Приказ МВД России от 31 декабря 2013 г. № 1040 «Вопросы оценки деятельности территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации»

² В соответствии с п. «г» ст. 84 Конституции Российской Федерации Президент РФ В.В. Путин 12 марта 2014 г. внес в Государственную Думу проект федерального закона «Об основах общественного контроля в Российской Федерации»

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИИ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ МИХАЙЛОВ,

кандидат социологических наук, доцент,

доцент кафедры управления в органах внутренних дел

Уфимского юридического института МВД России

Научная специальность 22.00.08 – социология управления

E-mail: mihailov-vi@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме индивидуального подхода в воспитательной работе с сотрудниками органов внутренних дел. Рассматриваются основные этапы процесса организации и проведения индивидуальной воспитательной работы.

Ключевые слова: индивидуальная воспитательная работа; цели; формы; методы; планирование.

Annotation. The article is devoted to the problem of an individual approach in educational work with officers of the internal affairs bodies. It considers the main stages of the process of organizing and conducting individual educational work.

Keywords: individual educational work; aims; forms; methods; planning.

В условиях развития рыночных отношений и обострения социально-экономических противоречий в российском обществе наблюдается рост организованной преступности. В этой связи актуальной задачей органов внутренних дел (ОВД) остается – обеспечение безопасности граждан и общества в целом, наступательная борьба с криминальной угрозой. В складывающейся ситуации при возросших требованиях к кадрам ОВД возникла необходимость улучшения индивидуальной воспитательной работы с каждым членом служебного коллектива. С одной стороны, ее следует рассма-

тривать как эффективный метод оказания помощи сотруднику в формировании необходимых профессиональных и нравственных качеств, средство его мобилизации на решение оперативно-служебных задач, а с другой – как способ предупреждения возможных коррумпированных связей, нарушений трудовой дисциплины, законности, других видов негативного поведения. На такие подходы к месту и роли индивидуальной воспитательной работы в системе работы с сотрудниками нас ориентируют выступления Президента Российской Федерации, Министра внутренних дел Российской Федерации,

факторы политико-правового, социально-экономического и духовного характера.

Под индивидуальной воспитательной работой с сотрудниками следует понимать систему целенаправленных мер индивидуального воспитательно-воздействующего со стороны руководителей и общественных объединений на конкретную личность. Сущность этой работы состоит в том, чтобы на основе глубокого и всестороннего изучения личных качеств сотрудников, их особенностей – интересов, потребностей, способностей, характера, темперамента и т.д. – наилучшим образом расставлять и использовать подчиненных в интересах службы, развивать и формировать у них необходимые качества для успешного выполнения служебных задач, соблюдения дисциплины и законности, способствовать всестороннему развитию личности. Эта работа должна отвечать определенным требованиям, а именно: проводиться систематически в рамках системы воспитательной работы; строиться в единстве содержательных и организационных сторон; осуществляться в тесной связи с конкретными служебными задачами; базироваться на рекомендациях педагогики и психологии; проводиться с учетом особенностей каждого сотрудника, его профессионального и культурного уровня [1, с. 143–145].

Анализ состояния работы с сотрудниками и потребности развития ОВД в настоящее время позволяют, по нашему мнению, сформулировать следующие приоритетные цели индивидуальной воспитательной работы: осознание необходимости поиска новых подходов, форм и средств повышения эффективности своей деятельности; сознательное отношение к выполнению своего служебного и гражданского долга; повышение уровня дисциплины, организованности, соблюдение законности; выработка иммунитета к отрицательным воздействиям; повышение уровня профессионализма и овладение передовыми приемами правоохранительной деятельности; усиление трудовой бдительности; воспитание патриотизма.

Таковы, на наш взгляд, требования и основные цели, с учетом которых организуется и проводится индивидуальная воспитательная работа.

Успешное проведение и совершенствование индивидуальной воспитательной работы определяется рядом предпосылок и условий, наиболее важными из которых являются следующие: высокие личные моральные и деловые качества руководителя, его чуткое и внимательное отношение к подчиненным; знание руководителями основ педагогики и психологии, а также тех нравственных и профессиональных качеств, психологических особенностей, которыми должны обладать сотрудники ОВД для успешного решения служебных задач; дифференцированный подход к различным категориям сотрудников с точки зрения их индивидуальных особенностей; нали-

чие со стороны руководителя постоянных контактов и целенаправленных бесед с подчиненными, повседневный контроль за исполнением ими функциональных обязанностей в форме личной проверки исполнения трудовых функций, своевременности и качества исполнения заданий и т.д. Именно в процессе общения, в ходе обмена информацией, передачи знаний и навыков, жизненного опыта происходит сложный процесс формирования необходимых нравственных и профессиональных качеств сотрудников [2, с. 108–109].

Являясь сложным видом деятельности, индивидуальная работа с сотрудниками требует соответствующей организации. И с этой точки зрения руководитель решает ряд задач. Прежде всего, следует определить и назначить лиц, ответственных за проведение индивидуальной работы с сотрудниками, сформулировать их задачи и функции, наметить общую схему организации индивидуальной работы в ОВД, зафиксировав указанные моменты в соответствующем управленческом решении (приказе, указании и т.д.). Далее, на наш взгляд, следует позаботиться о том, чтобы вопросы воспитательной работы нашли отражение в плане работы ОВД.

Реализуя управленческое решение (план, приказ), целесообразно в порядке контроля вопросы индивидуального воспитания систематически рассматривать на оперативных совещаниях, а также по итогам работы за различные периоды времени. Кроме этого, одним из важных аспектов деятельности руководителя является постановка задач воспитательной работы в конкретных ситуациях или на определенный период. В решении указанных задач начальнику оказывает помощь аппарат по воспитательной работе, опираясь на который первый руководитель ОВД направляет и контролирует усилия других руководителей, общественных объединений на организацию индивидуальной работы с сотрудниками.

Наряду с этим руководителю ОВД целесообразно лично вести индивидуальную работу с конкретными сотрудниками. Руководителю целесообразно проводить лично индивидуальную работу со своими заместителями и с другими сотрудниками, намеченными по собственному усмотрению, заместителям – с соответствующими начальниками структурных подразделений, а последним – с соответствующими сотрудниками. Это, конечно, примерная организационная рекомендация, которая может иметь и другую схему.

Аппараты по воспитательной работе с привлечением необходимых специалистов призваны оказывать руководящему составу методическую помощь в выборе методов и средств индивидуального воспитания сотрудников, организуют обучение субъектов управления, консультируют их.

Индивидуальную воспитательную работу как сложный процесс целесообразно рассмотреть в виде ряда взаимосвязанных этапов (элементов), включающих в себя:

- всестороннее изучение сотрудников, выбор конкретных лиц для индивидуального воздействия, постановку конкретных воспитательных задач в отношении выбранного сотрудника, то есть определение соответствующих знаний, умений, навыков, которые необходимо сформировать или развить, или же скорректировать какие-то отрицательные качества;

- выбор методов, средств и форм индивидуально-воспитательной работы, исходя из особенностей личности сотрудника;

- планирование и учет индивидуально-воспитательной работы.

Рассмотрим поэтапно вышеназванный процесс. Важнейшей необходимой предпосылкой для успешного проведения воспитательной работы является изучение индивидуальных особенностей сотрудников. Основная цель изучения заключается в том, чтобы познать сотрудника как личность. Однако эта задача непростая и требует творческого подхода, ибо человек сам по себе многообразен, многие его качества непрерывно изменяются: одни появляются, другие развиваются, третьи исчезают. Поэтому изучать сотрудника необходимо всесторонне, выделяя нравственные и деловые качества, а также существенные психологические особенности, их обуславливающие. Для решения указанной задачи наука и практика рекомендуют разрабатывать программу изучения личности (сотрудника), то есть порядок того, какие качества нужно изучать и с чем сравнивать имеющиеся у подчиненного. В основе такой программы находится модель личности сотрудника, то есть система свойств и качеств, относительно которых будут изучаться индивидуальные особенности, включая требования, предъявляемые спецификой различных подразделений и должностей [3, с. 105–110].

На основании обобщения имеющейся практики можно предложить следующую программу изучения индивидуальных особенностей личности сотрудника:

- изучение биографических данных, жизненного опыта, семьи, ближайшего социального окружения, общественной работы, служебной деятельности, особенностей физического развития и состояния здоровья;

- направленность мировоззренческих взглядов и устремлений личности, убежденность в необходимости качественно трудиться, соблюдения законности, цели и мотивы профессиональной деятельности, ценностные ориентации, установки, привычки, определяющие отношение к труду (трудолюбие, исполнительность, дисциплинированность, чувство

долга и др.), к товарищам и коллегам (общительность, справедливость, умение сопереживать, доброты и др.), к самому себе (самокритичность, организованность, требовательность к себе и т.д.);

- уровень профессионального мастерства (уровень профессиональных знаний и навыков, опыта, результаты деятельности);

- уровень общего культурного развития (знание литературы и искусства, отношение к науке, национальным предрассудкам и т.д.);

- психологические особенности интеллектуальной сферы – характера, темперамента, эмоциональности, воли, мотивов деятельности и поведения.

Успех реализации программы изучения в значительной мере определяется избранными методами. Основными и оправдывающими себя методами изучения сотрудников являются: биографический метод, суть которого состоит в анализе и оценке фактов биографии, раскрывающих особенности личности; индивидуальная познавательная беседа, которая, как правило, направлена на выявление взглядов, мнений по различным вопросам и помогает лучше узнать сотрудника; метод обобщения независимых характеристик, суть которого заключается в опросе, изучении мнений различных лиц о личности изучаемого (руководителей и подчиненных, коллег по работе, представителей общественных объединений, родственников и т.д.); наблюдение – целенаправленное систематическое накопление данных о поведении, поступках подчиненного в динамике повседневной жизни (в учебе, работе, быту и т.д.); изучение результатов деятельности в динамике, оценка выполнения конкретных поручений; экспериментальные психологические методы (тесты), которые предназначены для выявления уровня определенных свойств личности (внимание, память, быстрота реакции и т.д.). Как показывает практика, наилучшие результаты изучения индивидуальных особенностей сотрудника приносят комплексное применение указанных методов.

Переходя к краткому изложению основных форм индивидуальной воспитательной работы, следует отметить, что наиболее распространенной и действенной формой является беседа, обладающая значительным воспитательным потенциалом. Здесь в качестве средства личного общения, воспитательного воздействия выступает живая речь руководителя, умение вести доверительный, откровенный разговор. Беседа может носить различный характер, преследовать разные цели, затрагивать многообразные вопросы служебной и личной жизни. Она может иметь информационную, побуждающую или ориентирующую направленность. Первому руководителю, всему руководящему составу важно уметь владеть этими особенностями направленности бесед, так как различные ситуации и причины требуют разного разговора. Однако, несмотря на это, при

подготовке и проведении бесед целесообразно придерживаться определенных общих правил, соблюдение которых позволяет повысить эффективность бесед. Вот некоторые из них: запланировать беседу; четко сформулировать цель и задачи беседы; предварительно составить план беседы; установить время и место встречи с подчиненным; перед началом беседы создать обстановку взаимного доверия; в ходе всей беседы придерживаться основного направления в соответствии с поставленной целью; обязательно фиксировать полученную информацию в письменном виде, иначе может быть забыто содержание конкретной беседы или перепутано с другими беседами.

Действенной формой индивидуальной воспитательной работы является поручение. Поручение дает возможность не только изучить особенности подчиненного, но и контролировать эффективность воспитательного воздействия. Поручение позволяет руководителю индивидуально в нужном направлении воздействовать на подчиненных. Оно приносит весомые результаты при условии его систематического и последовательного применения, соблюдая принцип перехода от простого к сложному. Выполнение поручений, если они целенаправленны, проникнуты интересами дела, службы, жизни всего подразделения, обуславливает формирование и развитие у подчиненных высоких нравственных и профессиональных качеств.

Результативность этой формы работы во многом определяется умением руководителя четко и ясно формулировать поручение, разъяснять подчиненному значение поставленной перед ним задачи, показать ее практическое значение для служебной деятельности, наметить возможные пути ее решения, умение убедить подчиненного, придать ему уверенность в возможности успешного выполнения поручения. Очень важно побудить подчиненного к активности, стимулировать творческое и инициативное отношение к выполнению поручения, в случае необходимости – оказать помощь и обязательно оценить достигнутый результат.

Получила распространение и такая форма индивидуальной воспитательной работы, как рабочее общение. Оно предполагает изучение сотрудника не только в процессе выполнения функциональных обязанностей, но и во рабочее время, знание бытовых условий жизни подчиненных, круга их интересов, форм проведения ими свободного времени, отношений в семье. На этой основе руководитель может оказывать влияние на формирование потребностей подчиненного, рациональную организацию досуга, правильных отношений в семье и в целом на его нравственно-духовный облик. Поэтому руководителям целесообразно посещать, естественно, с соблюдением необходимого такта, общежития и семьи сотрудников, постоянно интересоваться их

бытом, досугом, поведением вне подразделения, предупреждая тем самым возможность ведения «двойной жизни» и возникновения порочащих связей.

В процессе индивидуальной воспитательной работы руководящему составу ОВД следует использовать разнообразные методы этой работы – убеждение, поощрение, принуждение, наказание, положительный пример [4, с. 36–40]. При этом значительным потенциалом индивидуального воспитательного воздействия располагают различные общественные объединения, на которые в своей деятельности целесообразно опираться руководителю. Они своей разнообразной деятельностью содействуют улучшению воспитательной работы, являясь общественными формированиями, способствуют формированию общественного мнения и целенаправленного воспитательного воздействия на личность сотрудника [5, с. 139–141].

В проведении индивидуальной работы руководителям следует учитывать возрастающие воспитательные возможности аттестационных комиссий. Оправдывают себя периодические отчеты сотрудников о выполнении ими функциональных обязанностей и отдельных поручений на оперативных совещаниях.

В индивидуальной воспитательной работе руководители должны широко пропагандировать успехи лучших сотрудников. Это можно осуществить посредством рассмотрения и обсуждения их опыта на специальных семинарах, служебных совещаниях, освещения в стенной и многотиражной газетах, размещения фамилий и фотографий лучших сотрудников на Доску почета.

Важным средством индивидуально-воспитательной работы является дисциплинарная практика, которая реализуется в форме поощрений и взысканий. Ее умелое использование способствует укреплению дисциплины, воспитанию чувства ответственности за порученное дело, стремлению к повышению профессионального мастерства.

Возрастающая роль в индивидуальной работе с молодыми сотрудниками принадлежит наставникам. Руководитель организации, аппарат по воспитательной работе призваны следить за качественной организацией наставничества, обеспечивать необходимый контроль, направлять деятельность наставников, заботиться об обобщении и распространении положительного опыта их работы.

Важной составной частью организации индивидуальной воспитательной работы является ее планирование. Руководителю ОВД с помощью аппарата по воспитательной работе целесообразно планировать свою индивидуально-воспитательную работу и нацелить на такой же плановый подход и руководителей других уровней. Индивидуальную воспитательную работу следует планировать, пре-

жде всего, с молодыми специалистами, сотрудниками, имеющими низкие служебные показатели в деятельности, допускающими нарушения по работе, неправильно ведущими себя в быту. Вместе с тем нельзя упускать из виду и остальных сотрудников. Поэтому желательно в планах намечать работу, интересоваться служебными и личными делами и «благополучных» работников. На практике помимо плана некоторые руководители и наставники ведут журнал (дневник, карта, тетрадь) индивидуально-воспитательной работы, в котором учитывается вся проводимая работа. Данные процедуры помогают начальнику действительно лучше организовать дело воспитания подчиненных, если к нему не относиться формально.

Важная роль в воспитательной работе может и должна принадлежать представителям церковных конфессий, которые уделяют большое внимание формированию нравственных качеств сотрудников ОВД.

Однако, главным субъектом индивидуального воспитательного воздействия на подчиненного является руководитель ОВД, т.к. он в первую очередь знаток психологии человеческих взаимоотношений. Руководителям всех рангов важно постоянно учитывать моральное и психологическое состояние, нравственное сознание и умонастроение подчиненных на основе глубокого и всестороннего изучения их материальных и духовных запросов, преобладающих позитивных и негативных мнений.

Таким образом, организация и проведение индивидуальной воспитательной работы с личным составом ОВД по вышеописанной схеме, в осно-

ве которой находятся «идеи соблюдения и защиты прав человека, служения народу, гражданской ответственности и патриотизма, верности служебному долгу, гражданственности, уважения к закону, общепринятым нормам морали и нравственности, толерантности и самодисциплины» [6, с. 7], в целом будет способствовать формированию высококвалифицированного кадрового потенциала правоохранительного ведомства, способного эффективно решать задачи, стоящие перед органами внутренних дел.

Литература

1. Основы управления персоналом (кадрами) в органах внутренних дел: Учебно-методическое пособие. Издание 2-е, переработанное и дополненное / Под общ. ред. З.З. Абубакирова. М.: ИМЦ ГУК МВД России, 2003. С. 143–145.
2. Афоночкин С.Н., Михайлов В.И., Фаттахов С.Г. Теория и практика управления персоналом в органах внутренних дел: Монография. Уфа: ОН и РИО УЮИ МВД РФ, 2005. С. 108–109.
3. Дерешко Б.Ю., Рыбин В.А. Содержание и организация индивидуальной воспитательной работы в органах внутренних дел: Учебно-методическое пособие / Под общ. ред. канд. пед. наук В.Л. Кубышко. М.: ЦОКР МВД России, 2010. С. 105–110.
4. Там же. С. 36–40.
5. Организация воспитательной работы с личным составом органов внутренних дел. М.: ДГСК МВД России, 2012. С. 139–141.
6. «Дорожная карта» дальнейшего реформирования органов внутренних дел Российской Федерации // Популярно-правовой альманах МВД России «Профессионал». 2013. № 1. С. 7.

Профессиональная этика и служебный этикет: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальностям «Юриспруденция», «Правоохранительная деятельность» / [И.И. Аминов и др.]. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2015. 271 с.

Этот учебник — один из немногих опытов разработки проблем профессиональной этики сотрудников органов внутренних дел. Его главная задача — способствовать повышению нравственной и правовой культуры работников криминальной полиции и полиции общественной безопасности.

С современных позиций рассматриваются основные этические проблемы: сущность морали, категории этики, история нравственных начал в деятельности царской полиции и советской милиции. Даются рекомендации по формированию у сотрудников общих и профессиональных компетенций, убеждений, умений и навыков соблюдения моральных и правовых норм в профессиональной деятельности и повседневном поведении.

Особое внимание уделяется анализу Типового кодекса профессиональной этики и служебного поведения в контексте той или иной главы.

Для учащихся и преподавателей образовательных учреждений МВД России. Учебник может быть использован в процессе служебной подготовки сотрудников полиции.

КОМПОНОВКА ПЕРСПЕКТИВНОЙ СТРУКТУРЫ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ СВЯЗЕЙ И ПОДДЕРЖКИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НАУЧНЫХ, ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ, ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ СТРУКТУР В РАМКАХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНО- НАУЧНО-ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ СЕТИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ РАЗЛИЧНЫХ ФОРМ ГЧП

НОДАРИ ДАРЧОЕВИЧ ЭРИАШВИЛИ,

*доктор экономических наук, кандидат юридических наук,
кандидат исторических наук, профессор
E-mail: nodari@unity-dana.ru;*

ЕВГЕНИЙ ЛЕОНИДОВИЧ ЛОГИНОВ,

*доктор экономических наук
Заместитель генерального директора Института экономических стратегий
E-mail: evgenloginov@gmail.com;*

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ РАЙКОВ,

*доктор технических наук, профессор, Ведущий научный сотрудник
Института проблем управления РАН
E-mail: anraikov@mail.ru;*

ДИОНИСИЙ НИКОЛАЕВИЧ ЕФРЕМОВ,

*эксперт, Министерство образования и науки Российской Федерации
E-mail: instityteb@mail.ru*

Аннотация. Рассматриваются проблемы построения организационного механизма управления развитием наукоемких производств на основе создания распределенной образовательно-научно-производственной сети путем интеграции производственных, научных и образовательных структур на сетевых принципах и организации процессов взаимодействия органов государственного управления и бизнес-структур.

Ключевые слова: экономика, производство, наука, образование, образовательно-научно-производственная сеть.

Annotation. The problems of building the institutional mechanism for management of development of high-tech industries by creating a distributed educational, scientific and industrial networks by integrating production, scientific and educational institutions in the network and the principles of organization of the processes of interaction of government and business structures.

Keywords: economy, industry, science, education, educational, research and production network.

Качественный скачок в развитии информационно-телекоммуникационных технологий и информационно-вычислительных сервисов, наложившись на многократно ускорившиеся процессы смены поколений высокотехнологичной наукоемкой продукции (с соответствующей сменой оборудования, технологических решений и инженерных подходов, опирающихся на фундаментальные и прикладные научные исследования), определили необходимость упреждающего развития ключевых областей знания с динамичной сменой пакета базовых навыков и компетенций специалистов в научно-образовательной и научно-производственной сфере.

При этом наблюдается ярко выраженная конвергенция процессов научных исследований, процес-

сов формирования и внедрения новых технологий и производственных процессов [1]. Это одновременно требует перманентного упреждающего обновления теоретических знаний и практических навыков специалистов в различных сферах деятельности как функционального, так и организационно-управленческого характера, что определяет успешность формирования национальной технологической базы и наукоемких производств в промышленности России [2].

В основе развития новой индустриальной базы лежат новые стратегические тренды НТП, которые определяются усилением взаимосвязей между различными отраслями науки, которые затем через НИ-ОКР и инновации транслируются в производственную сферу [9].

Фокусировка пула наук позволяет структурировать организационное ядро научных (инновационных) объединений [11]. Такая структуризация позволяет поставить вопрос о компоновке перспективной структуры организационных связей и поддержки ведущих научных (а также образовательных, проектных, производственных и т.п.) структур, позволяющих реализовать политику занятия лидирующих позиций в определенных областях НТП [7]. Этим программируется занятие ключевых рынков высокоприбыльной, наукоемкой продукции, обладающих наибольшей прибыльностью и добавленной стоимостью [6].

В сложившихся условиях для успешности процессов формирования новой технологической базы требуется создание принципиально новой структуры – распределенной образовательно-научно-производственной сети применительно к различным уровням иерархии управления хозяйственными образованиями в промышленности России для реализации процессов кластерной интеграции образовательных, научных и производственных структур в рамках технологических платформ и иных форм государственной структуризации приоритетов научно-технического развития.

Такая сеть должна решать задачи сбора, обобщения и анализа информации из любых возможных источников для выработки управляющих воздействий в отношении проведения фундаментальных и прикладных научных исследований, реализации опытно-конструкторских разработок, внедрения новых технологий и организации индивидуальных и массовых производств с параллельным обучением, переподготовкой, повышением квалификации соответствующих кадров на уровне мировых стандартов [5].

Структуризация в общей массе хозяйствующих субъектов «функционального ядра» предприятий и организаций определяет необходимость формирования матричных образовательных, научных, производственных структур как своего рода объединений в рамках образовательно-научно-производственной сети с организацией процессов взаимодействия органов госуправления и хозяйствующих субъектов, входящих в такое «функциональное ядро» на основе использования различных форм ГЧП.

Можно привести примеры сетевых проектов, реализованных в России:

- **Российская сеть трансфера технологий (RTTN)** – объединяет 75 российских инновационных центров (из 27 регионов РФ и стран СНГ), специализирующихся в сфере трансфера технологий. Это – составная часть национальной инновационной инфраструктуры, позволяющая эффективно распространять технологическую информацию, оказывать услуги по трансферу технологий, включая поиск национальных и международных партнеров для реализации инновационных проектов, а также их сопровождение.

Сеть RTTN – это проект, который был инициирован Региональным Инновационным Технологическим Центром (РИТЦ) наукограда Обнинска и Инновационным Центром наукограда Кольцово (ИЦК) в рамках реализации проекта TACIS FINRUS 9804 «Инновационные центры и наукограды Российской Федерации». Работа сети RTTN основывается на использовании адаптированных методологий Европейской сети IRC [8];

- **Национальная нанотехнологическая сеть Российской Федерации.** Наиболее близким проектом, к предлагаемой идеологии сетевой организационной интеграции образовательных, научных, производственных структур является Концепция формирования национальной нанотехнологической сети Российской Федерации, разработанная в развитие президентской инициативы «Стратегия развития nanoиндустрии» (утверждена 24 апреля 2007 г. № Пр-688) и Программы координации работ в области нанотехнологий и наноматериалов в Российской Федерации, одобренной распоряжением Правительства Российской Федерации от 25 августа 2006 г. № 1188-р. Однако, данный проект пока не завершен и, в связи идущей кардинальной реорганизаций «Российской корпорации нанотехнологий», перспективы его завершения предсказать сложно.

При этом, вышеперечисленные, а также иные проекты формирования организационных сетей за рубежом и в России не решают комплексной проблемы сетевой интеграции образовательных, научных, производственных структур [12]. Нужна новая организационная модель.

Такая организационная модель должна быть сформирована с использованием следующих понятий:

- *«распределенная образовательно-научно-производственная сеть»* – сетевым образом взаимосвязанная совокупность разнопрофильных хозяйствующих субъектов всех форм собственности, обеспечивающая выполнение образовательных, научных, производственных и т.п. функций в общих интересах для обеспечения необходимых условий для смены или модернизации оборудования, внедрения новых технологических решений и инженерных подходов на базе упреждающего развития ключевых областей знания с динамичной сменой пакета базовых навыков и компетенций специалистов в научно-образовательной и научно-производственной сфере;

- *«сетевая интеграция управленческих и функциональных компетенций в образовательной, научной, производственной сфере»* – комплексное объединение совокупности управленческих и функциональных компетенций как системно структурированной групповой матрицы компетенций (методов, процессов, процедур и пр.) при осуществлении образовательной, научной, производственной деятельности как элементов достижения единой групповой цели оптимизации образовательно-научно-производ-

ственной цепочки с выходом на расширение общих организационных и финансовых возможностей.

При этом экономическая активность и динамика развития национальной технологической базы и наукоемких производств обусловлены различными видами выработки управленческих компетенций, необходимых для формирования комплекса научных программ, призванных обеспечить создание требуемых технологий и оборудования, основанных на фундаментальных разработках и обладающих максимальным потенциалом наращивания добавленной стоимости и прибыли, посредством которых создаются и используются инновации и повышается конкурентоспособность национальных товаропроизводителей.

Сегодня требуется создание мощных образовательно-научно-производственных объединений, построенных по кластерному типу и тесно связанных с ведущими вузами и научно-исследовательскими институтами на основе объединения организационных ресурсов и функциональных возможностей образовательных, научных, производственных структур в рамках образовательно-научно-производственной сети с использованием различных форм ГЧП.

Для успешного внедрения ГЧП, в первую очередь, необходимо осуществить изменения в законодательстве.

При условии утверждении законопроекта № 238827-6 «Об основах государственно-частного партнерства в Российской Федерации» (далее – Законопроект) значительных изменений в законодательстве не требуется.

Данный Законопроект является рамочным документом, например, в ст. 7 Законопроекта указывается, что ГЧП может осуществляться в иных формах, не запрещенных законодательством Российской Федерации [10].

Частный и публичный партнеры вправе принимать на себя иные обязательства, необходимые для реализации соглашения о ГЧП, не противоречащие законодательству Российской Федерации.

Кроме того, в ст. 8 Законопроекта указано, что федеральными законами могут устанавливаться особенности реализации отдельных форм ГЧП, а также видов соглашений о ГЧП.

Подобный рамочный характер Законопроекта предоставляет значительные возможности для внедрения новых форм ГЧП.

С целью использования ГЧП в предлагаемых организационных механизмах целесообразно утвердить нормативно-правовой акт Правительства Российской Федерации в рамках следующего тематического блока: «О мерах государственной поддержки механизма государственно-частного партнерства в целях интеграции российских научно-исследовательских организаций, высших учебных заведений и предприятий в рамках образовательно-научно-производственной сети» (далее – НПА Правительства РФ).

Предполагаемый НПА Правительства РФ должен предписывать:

- заинтересованным органам исполнительной власти Российской Федерации создать Межведомственную рабочую группу по интеграции российских научно-исследовательских организаций, высших учебных заведений и предприятий в рамках образовательно-научно-производственной сети (ответственный исполнитель Минобрнауки России);

- межведомственной рабочей группе разработать методику формирования образовательно-научно-производственной сети (или рассмотреть возможность сетевой интеграции российских научно-исследовательских организаций, высших учебных заведений и предприятий в рамках инновационных территориальных кластеров), выявить наиболее значимые кластеры;

- заинтересованным органам исполнительной власти Российской Федерации (ответственный исполнитель Минобрнауки России) утвердить методику сетевого взаимодействия инновационных и производственных кластеров, разработанную Межведомственной рабочей группой и утвердить типовое положение об Образовательно-научно-производственной сети, показатели оценки эффективности сетевой организационной интеграции научно-исследовательских организаций, высших учебных заведений и предприятий в рамках образовательно-научно-производственной сети с целью принятия решения о необходимости разработки и определения содержания соглашения о ГЧП.

Кроме того, НПА Правительства РФ должно утвердить Типовое соглашение о ГЧП при сетевой организационной интеграции научно-исследовательских организаций, высших учебных заведений и предприятий в рамках образовательно-научно-производственной сети и Типовую дорожную карту по его реализации [3].

Особенно отметим, что основным условием для эффективного внедрения разработанной формы ГЧП является включение в ст. 18 Налогового кодекса Российской Федерации формулировки «система налогообложения при выполнении соглашения о государственно-частном партнерстве» [4].

Таким образом, в налоговом законодательстве будет закреплена возможность для частного партнера возврата вложенных средств.

Активизация институциональных, организационных и коммуникативных инноваций в сфере научно-технического развития должна сопровождаться разработкой новых организационных инструментов на основе упорядоченной последовательности действий, что на уровне региона может быть реализовано в рамках формирования матричных образовательных, научных, производственных структур в рамках образовательно-научно-производственной сети с использованием различных форм ГЧП (рис.1).

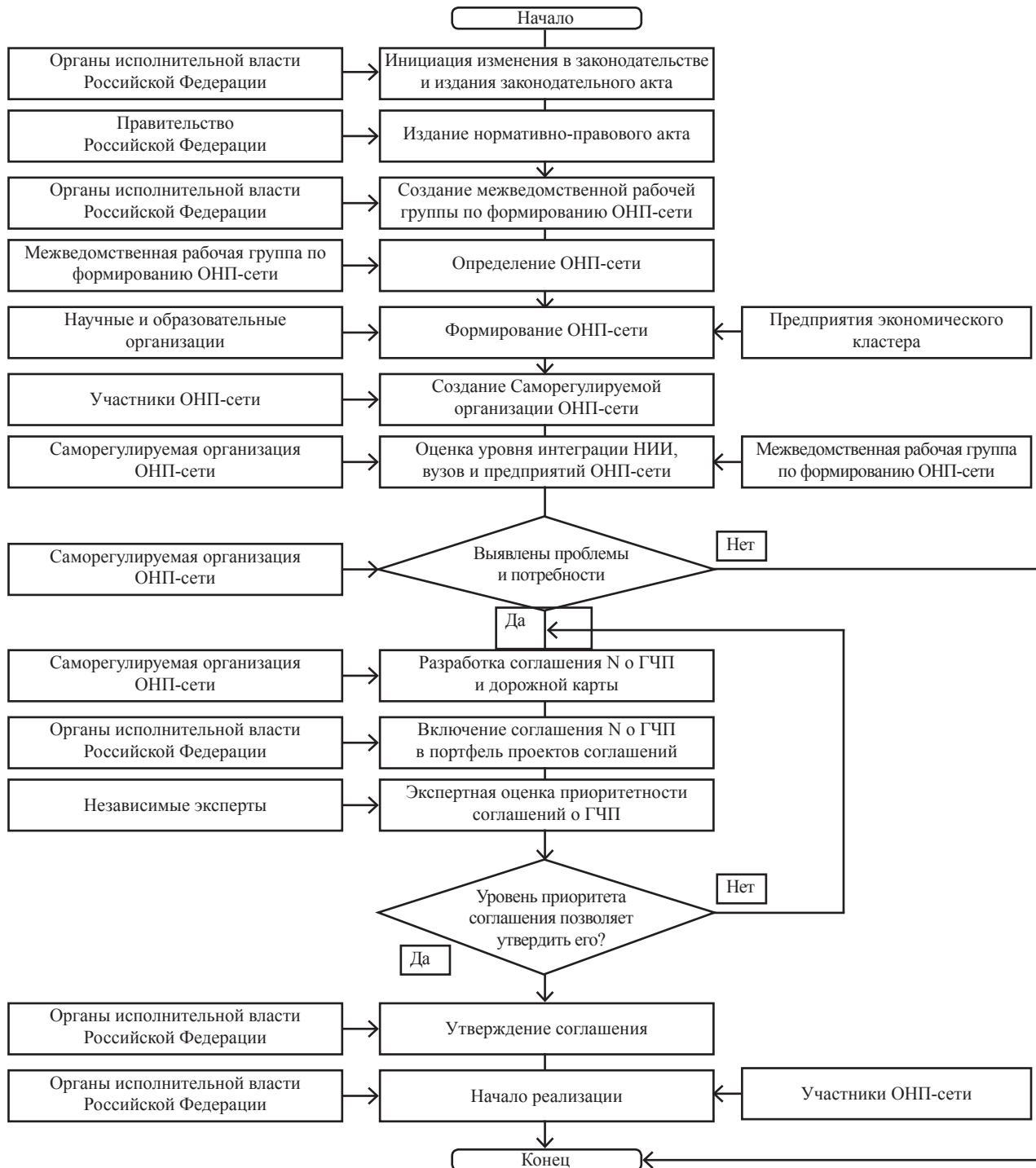

Рис. 1. Алгоритм внедрения многообъектной формы ГЧП в рамках «функционального ядра» предприятий и организаций как своего рода сетевых организационных объединений в рамках образовательно-научно-производственной сети (ОНП-сети)

Реализацию мер построения интегрированного комплекса образовательных, научных, производственных структур на сетевых принципах для перехода высокотехнологичных производств в промышленности России на инновационную модель развития с опорой на формирование новой технологической базы для выхода на новый уровень кон-

курентоспособности целесообразно осуществлять в три укрупненных этапа с соответствующей детализацией:

- *первый этап:* сетизация имеющихся хозяйствующих субъектов в образовательной, научной и производственной сферах, формирование телекоммуникационной и информационно-вычислительной

базы для сетевого взаимодействия хозяйствующих субъектов (2014–2015 гг.).

• *второй этап*: реализация различных форм ГЧП, в том числе с участием зарубежных образовательных, научных организаций и производственных компаний, а также иностранных инвесторов (2016–2017 гг.)

• *третий этап*: формирование на основе образовательно-научно-производственной сети единой информационно-организационной среды научно-технического развития в промышленности России с отрывом по комплексным факторам конкурентоспособности от зарубежных инновационных и производственных объединений (2018–2020 гг.)

Мероприятия должны быть скоординированы на межведомственном уровне, прежде всего, с учетом «Стратегии развития наукоемких производств Российской Федерации на период до 2020 года», «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» и государственной программы РФ «Развитие образования на 2013–2020 годы», а также с учетом реализации «Концепции формирования в Российской Федерации электронного правительства».

Литература

1. Агеев А., Логинов Е. Нооэкономика: определенная экономика в неопределенном будущем // Экономические стратегии, 2011, №11. С. 24–31.
2. Безопасность России. Правовые, социально-экономические и научно-технические аспекты. Анализ рисков и управление безопасностью: в 4-х ч. Ч. 3. Прикладные вопросы анализа рисков критически важных объектов / Науч. руковод. К.В. Фролов. М.: МГФ «Знание», 2007. 816 с.
3. Ефремов Д.Н. Проблемы развития новой технологической базы в индустриальном секторе российской экономики с опорой на ГЧП // Вестник экономической интеграции, 2013, № 8. С. 22–26.
4. Ефремов Д.Н. Типология форм государственно-частного партнерства в сфере образования России // Экономический журнал, 2012, № 25. С. 120–128.
5. Логинов Е.Л. Атомный энергопромышленный комплекс в мировой энергетике: стратегические тренды в посткризисный период // Национальные интересы: приоритеты и безопасность, 2012. № 28. С. 2–10.
6. Логинов Е.Л., Логинов А.Е. Глобальный кризис как новый формат борьбы за мировое экономическое лидерство // Финансы и кредит, 2010, № 18. С. 22–27.
7. Логинов Е.Л., Логинов А.Е. Новые тренды силового форматирования экономической реальности // Национальные интересы: приоритеты и безопасность, 2010, № 13. С. 11–18.
8. Лукиа О., Пильнов Г., Тарасова О., Яновский А. Российская Сеть Трансфера Технологий, как составная часть национальной инновационной системы: методология, практика, перспективы // http://www.rtt.ru/_files/fileslibrary/9939b80df8_213.pdf
9. Макаров В.Л., Агеев А.И., Зеленский В.А., Логинов Е.Л. Системные основы решения управленческих задач взаимодействия фундаментальной и прикладной науки с производственным сектором как основной фактор новой индустриализации России // Экономические стратегии, 2013. № 2. С. 108–117.
10. «Об основах государственно-частного партнерства в Российской Федерации» / Проект // Сайт Государственной Думы Российской Федерации [Электронный ресурс] / <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28SpravkaNew%29?OpenAgent&RN=238827-6&02>
11. Проблемы управления национальной экономикой на основе стратегического оперирования инвестиционными факторами. Краснодар: Кубанский социально-экономический институт, 2004. 251 с.
12. Шевченко И.В. Электронно-финансовая гиперматрица как среда банковских операций в условиях глобализации // Финансы и кредит, 2010, № 8. С. 16–20.

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: БОНДАРЬ Н.С. РОССИЙСКОЕ ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК КОНСТИТУЦИОННАЯ ЦЕННОСТЬ: НАЦИОНАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ И КОСМОПОЛИТИЧЕСКИЕ ИЛЛЮЗИИ

ЛЕОНИД ГАРРИЕВИЧ БЕРЛЯВСКИЙ,

*доктор исторических наук кандидат юридических наук,
профессор кафедры конституционного и муниципального права
Ростовского государственного экономического университета «РИНХ»
E-mail: berleonid1@gmail.com*

Проблемы российского юридического образования привлекают к себе самое пристальное общественное внимание, они давно стали предметом обсуждения в научном, преподавательском и экспертном сообществах. В частности, Президентом Российской Федерации издан Указ от 26 мая 2009 г. № 599 «О мерах по совершенствованию высшего юридического образования в Российской Федерации»¹, что свидетельствует об особой государственной значимости профессиональной подготовки правоведов.

Вместе с тем, зачастую обсуждение этих проблем сводится к теме «юристов и экономистов», количественно преобладающих в составе современного студенчества. Данная тема представляется довольно надуманной, поскольку это профессии, наиболее тесно связанные как с рыночной экономикой, так и с развитием современного государства. Например, в США около двух процентов занятых в сфере экономики составляют те, кто оказывает юридические услуги, т.е. юристы. Примерно такой же удельный вес (около двух процентов) занимает доля юридических услуг в ВВП США (с. 7).

Среди других причин подлинного бума юридического образования последнего 20-летия можно назвать: стремление большей части абитуриентов овладеть правозащитными знаниями, умениями и навыками, реализовать впоследствии свое право на доступ к государственной службе. Сыграло определенную роль искусственное сдерживание роста юридических кадров в советский период, а также кажущаяся некоторым до сих пор «простота» освоения дисциплин юридического профиля. На одну из причин указал в одном из романов Д.А. Корецкий, описывая беседу криминальных авторитетов, один из которых советует своим соратникам отдавать своих чад на коммерческие отделения юридических факультетов, поскольку

это даст им возможность впоследствии работать в прокуратуре, других правоохранительных органах и оказывать практическое содействие своим родителям.

Н.С. Бондарю удалось избежать традиционных подходов к заявленной теме, поскольку его «авторская цель – привлечь внимание к нынешнему состоянию юридического образования как проблеме конституционной безопасности государства, общества, личности» (с. 9). В основу исследования положен аксиологический аспект, анализ конституционных ценностей, которые стали предметом изучения автора².

В главе первой (с. 14–22) юридическое образование как конституционная ценность рассматривается с точки зрения сочетания публичных и личностных начал. В публично-правовом плане юридическое образование, будучи включенным в общую систему профессионального образования страны, представляет собой важную сферу социальной государственности и одновременно – государственной политики по подготовке кадров для судебных, правоохранительных, иных государственных и муниципальных органов, субъектов хозяйственной деятельности и т.п. В этом качестве юридическое образование проявляет себя как составляющая одной из основ конституционного строя, институциональное средство кадрового обеспечения законности и правопорядка, защиты суверенной российской государственности.

В субъективно-личностном плане конституционная ценность юридического образования представлена автором как имеющая двуединые характеристики. Они связаны, с одной стороны, с самой природой получаемого человеком юридического образования как субъективно значимого для данного лица блага, являющегося результатом реализации этим лицом конституционного права на образование и во многом предопределяющего

социально-правовой статус данного лица в обществе и государстве как обладателя профессионально-юридических знаний, с другой стороны, речь идет об ориентации профессиональной юридической деятельности в первую очередь, на личность, защиту ее прав и свобод, составляющих высшую ценность российского конституционализма (ст. 2 Конституции РФ).

В развитие данных положений автора хотелось бы обратить внимание на ч. 1 ст. 48 Конституции РФ, согласно которой каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи. Акцент Основного закона России на этом далеко не случаен, поскольку это одно из базовых прав и свобод человека и гражданина. При этом реализация данного права возможна только при участии субъекта, обладающего соответствующей квалификацией, установленной Конституцией. Иными словами, лица, оказывающие квалифицированную юридическую помощь, обладают рядом характеристик субъектов со специальным конституционным статусом.

Одна из таких характеристик – наличие высшего профессионального образования в сфере юриспруденции, вторая – квалификация, позволяющая выполнять правозащитные функции. Обе они имеют не только формально-юридические основания (наличие диплома о высшем юридическом образовании, статуса адвоката, нотариуса, сотрудника правоохранительных органов и пр.), но и содержательные, которые позволяют сделать вывод о том, насколько квалифицированной является юридическая помощь, оказанная гражданину, предприятию, государственному или муниципальному органу, общественной организации³.

Именно на содержательных характеристиках сосредоточил свое внимание автор рецензируемой работы, который обозначил наиболее болезненные проблемы современного юридического образования. Среди важнейших – противоречие между национальными традициями юридического образования и космополитическими устремлениями, которые были заложены Болонской декларацией, имевшей исключительно рекомендательный характер.

Н.С. Бондарь указывает на то, что каждое из крупных государств Евросоюза – Великобритания, ФРГ, Франция, Испания, Италия – подписывали документы с многочисленными оговорками, стремясь интегрировать в Болонский процесс собственные традиции с возможно меньшими для себя потерями. Более того, многие крупные негосударственные университеты вообще находятся вне Болонского процесса; он для них не имеет императивного, юридически обязательного значения. «Не потому ли в таких государствах (например, в ФРГ) подготовка юристов по программам

первого уровня (бакалавриат) осуществляется в своей основе лишь для... третьих стран; национальные же кадры проходят профессиональную юридическую подготовку (в среднем до 6 лет) по своим университетским программам со сдачей квалификационных экзаменов, стажировкой и т.д.» (с. 30–31).

Однако, с подписанием в 2003 г. документов о присоединении России к Болонскому процессу, ему фактически была придана обязательная сила для всех отечественных высших учебных заведений. Причина этого, как представляется, кроется в явлении, которое видный методолог и философ науки М.К. Петров назвал «научно-технической контрреволюцией», главным агентом которой он считал государство⁴. Государственные органы способны не только придавать импульс развитию науки и образования, но и выступать механизмом их торможения.

Автор отмечает, что поскольку теперь это требование закона, все обязаны его исполнять, пока закон сохраняет свое действие. Критическая оценка, по его мнению, необходима для понимания того, к каким последствиям, связанным с утратой наших национальных традиций в области юридического образования, можем прийти, если: а) не сможем минимизировать на практике разрушительные последствия внедрения этой системы в нашу национальную сферу юридического образования и б) не выработаем свою, национальную, доктрину юридического образования.

С точки зрения Н.С. Бондаря, национальное юридическое образование не вмещается в прокрустово ложе Болонского процесса, чему посвящена третья глава публикации. От традиций российского юридического образования совершенно целесообразно отказываться; переход на двухуровневую систему резко понизил качество обучения студентов-правоведов.

Водораздел между Болонской и нашей, национальной, моделями подготовки юристов проявляется в том, что на основе Болонского процесса кардинально меняется понимание самой сущности и целей юридического образования: на смену ориентирам, основанным на требованиях единства образования, науки и воспитания и осуществления на этой базе широкой, фундаментальной (в том числе гуманитарной) подготовки будущих юристов, приходит новая формула: юридическое образование – это процесс подготовки практикующего юриста как узкого специалиста в конкретной сфере правоприменения. Отечественная системе образования предлагается, таким образом, принципиально новая мировоззренческая основа – философия юридического прагматизма (с. 38).

По поводу последнего утверждения хотелось бы подискутировать с автором. Как известно, ос-

новоположник ведущего направления в прагматизме – инструментализма – Дж. Дьюи не сводил все к абсолютизации практики, а развивал такие пути совершенствования эмпирического познания, как социальную реконструкцию, совершенствование мышления, применение к опыту глубоко разработанных научных методов «высоких технологий». Философия прагматизма была невероятно популярна в среде западных юристов, особенно первой половины XX в., в частности, классик американской конституционной юриспруденции Луис Д. Брандайс внимательно изучал сочинения Дж. Дьюи⁵. Однако, как «юрист для народа» Брандайс, так и его коллеги по Верховному суду США Оливер Холмс и Бенджамин Кардозо не остановились на философии прагматизма, а перешли к интенсивному развитию социологического направления в американской юриспруденции, в частности, правового реализма⁶.

В любом случае, отечественной системе образования навязывается как мировоззренческая основа не философия юридического прагматизма, имеющая собственную логику, а философия *юридического примитивизма*, для которой свойственны следующие характеристики:

- ориентация не на творческое, а на репродуктивное юридическое мышление;
- приоритет в образовательном процессе отводится не освоению фундаментальных юридических знаний, а развитию и тренингу практических профессиональных навыков и умений;
- подготовка к выполнению ограниченных профессиональных функций в сфере права. Как тут не вспомнить стряпчих в пореформенных российских судах, образы которых великолепно представлены в пьесах А.Н.Островского. От этих ходатаев по частным делам не требовалась высокая профессиональная квалификация, исполнение норм профессиональной этики, а зачастую и следование моральным устоям.

Особое место автор рецензируемой работы отводит правовой компаративистике и ее значению для интеграции юридического образования в международное образовательное пространство. Правовая компаративистика призвана выполнять важные функции двуединого характера. С одной стороны, это ярко выраженное информационно-мировоззренческое назначение; с другой, – в рамках отдельных тем и учебных дисциплин, ориентированных либо базирующихся на материале правовой компаративистики, безусловно, присутствует профессионально-образовательная составляющая. Хорошо известная юристам всех старших поколений дисциплина конституционного права зарубежных стран имеет, прежде всего, мировоззренческую направленность (с. 47,48).

Необходимость усиления внимания к сравнительному правоведению по мере развития общества обусловливается многими объективными и субъективными факторами. С объективной стороны это предопределяется самой природой и логикой исторической эволюции различных народов и стран, которые по мере развития науки, культуры, новых технологий, совершенствования производственных процессов и образования, объективно, помимо воли и желания (если таковые возникают) отдельных лиц или даже сообществ в историческом контексте не только не отделяются друг от друга, а наоборот, все более «переплетаются» друг с другом и сближаются. С субъективной стороны необходимость повышенного внимания к сравнительному правоведению обусловливается осознанием различными народами и странами своей общности со всем остальным мировым сообществом, пониманием ими важности и необходимости в своих собственных интересах развития разносторонних связей со всеми остальными народами и странами, а также пониманием пагубности для экономического, социально-политического и иного развития отдельно взятой страны, ее изоляции от других стран⁷.

Думается, что для современного компаративиста остается актуальной задача, поставленная основоположником отечественного сравнительного правоведения М.М.Ковалевским – изучать не столько ход развития законодательства, направленного на решение экономических и общественно-государственных вопросов, «сколько процесс развития той доктрины, которая была положена в основу развития этого законодательства»⁸.

На практике же курсы сравнительно-правового профиля в учебных планах современных юридических вузов и факультетов буквально единичны или вовсе исчезли. А ведь именно они призваны познакомить будущих юристов с юридическими механизмами ВТО, глобализацией в праве, правовыми системами современного мира.

В этой связи положение компаративистов сходно с ситуацией, в которой оказался уже упоминавшийся М.М.Ковалевский, будучи избранным в начале XX в. в состав Государственного Совета. Когда этот выдающийся правовед-компаративист упомянул в своей речи Б.Констана, председательствующий в Госсовете запретил ему говорить о революции. На замечание ученого, что цитируемый мыслитель не был революционером, последовал ответ: «Прошу мне не возражать и следовать моим указаниям»⁹.

Н.С. Бондарем выделены три оригинальные модели юриста. Однако, модель юриста советской эпохи, названная им как «*правоохранительно-криминальная*», была скорее моделью госслужащего широкого профиля при полном отсутствии

иных специальностей подобного рода в вузах. Юридическое образование советского времени прошло длительный, противоречивый путь развития¹⁰. Активный и достаточно проблемный процесс развития современного отечественного юридического образования заставляет нас внимательно всмотреться в истоки, эволюцию и традиции российской и советской высшей правовой школы. До настоящего времени остается актуальной поставленная в свое время Е.А. Скрипилевым задача – создать капитальный труд по истории советской юридической мысли. «Без правдивого, объективного освещения этой истории, чему должна предшествовать «инвентаризация» всего созданного в области юриспруденции, трудно понять, как мы оказались там, где мы находимся. А без этого немислимо определить и перспективы развития»¹¹.

Пожалуй, наиболее значимым и востребованным работодателем в конце 80-х – 90-е гг. прошлого века оказался подход, связанный с выработкой «рыночно-цивилистической», предпринимательской модели юриста. При наличии позитивных ориентиров в такой подготовке юристов автор видит и очевидные издержки: цивилистическая модель юриста неизбежно базируется на приоритете частно-правовых ценностей (с. 41).

Одну из фундаментальных задач в аспекте реформирования юридического образования Н.С. Бондарь видит в переходе к конституционной модели современного юриста. «Она имеет конституционное обоснование во всех своих квалификационно-профессиональных характеристиках: в основе всех ее составляющих должны лежать конституционные ценности демократической правовой государственности России» (с. 44). Думается, что автор рецензируемой публикации прав, выделяя сердцевину конституционной модели – правозащитную деятельность юриста в разных сферах.

Автор со знанием дела анализирует проблемы подготовки юристов в условиях двухуровневой системы образования. С его точки зрения, первый опыт реализации магистерских программ по юриспруденции свидетельствует, что их подготовка во многих вузах превращается в профанацию: ведь в соответствии с нашим действующим законодательством степень «магистр юриспруденции» доступна для обладателя любого диплома бакалавра или специалиста, независимо от базового образования. Н.С.Бондарь задает риторический вопрос: «Не ведут ли такие «новации» к подрыву самих основ национального юридического образования?» (с. 35).

В этой связи хотелось бы обратить внимание на то, что понятие «магистр» фигурировало в проектах законодательных актов советского вре-

мени. В проекте постановления Совета Народных Комиссаров СССР «Об ученых степенях и званиях» для определения квалификации научных работников устанавливались две ученые степени: магистра (первая степень) и доктора (высшая степень)¹². В последующих обсуждениях степень магистра без разъяснения причин заменили на практически забытую в России в течение полувека степень кандидата наук (она предусматривалась еще университетским уставом 1863 г.)¹³.

Двухстепенная система (кандидат – доктор наук) учреждена постановлением Совета Народных Комиссаров СССР от 13 января 1934 г.¹⁴ и с тех пор остается неизменной. Кстати, первоначально Государственный ученый совет высказался за установление единой ученой степени – доктора наук. В архивах не удалось обнаружить каких-либо внятных объяснений перехода к двум ученым степеням. Можно предположить, что сталинское руководство искусственно решило установить иерархию в среде научной и творческой интеллигенции по типу: заслуженный артист – народный артист, даже в созданном после войны обществе «Знание» первоначально были также учреждены две категории: член-соревнователь – действительный член общества. Возможно, в качестве примера были избраны два вида членства в Академии Наук СССР.

До настоящего времени от ученой степени кандидата наук отказались все страны, где она длительное время имела место. Сейчас она сохраняется только в нашей стране, и это – явный анахронизм особенно в условиях перехода к двухуровневой системе образования, в которой в нашем случае явно присутствует лишнее звено: либо магистр, либо кандидат наук.

Н.С. Бондарем обозначен вопрос о государственном квалификационном экзамене. При резком снижении качества обучения этот вопрос рано или поздно приобретет особую актуальность. Однако, «это проблема заключительного этапа проверки знаний; она вторична по отношению к самому процессу обучения. Если не навести порядок в подготовке специалистов в системе обучения, может сложиться ситуация, когда на выходе и проверять-то будет нечего» (с. 37).

Кроме того, опыт США, Индии, Израиля и других стран свидетельствует, что сдача государственного квалификационного экзамена является основанием получения лицензии на право заниматься адвокатской (профессиональной юридической) деятельностью. Введение подобного экзамена неизбежно должно сопровождаться реформированием правового статуса юриста.

Одним словом, публикация Н.С. Бондаря «Российское юридическое образование как конституционная ценность: национальные традиции

и космополитические иллюзии» является хорошим стимулом к дискуссии о путях и судьбах современного юридического образования в профессиональном сообществе правоведов.

¹ СЗ РФ. 2009. № 22. Ст. 2698.

² См.: Бондарь Н.С. 1) Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. М.: Норма, 2011. С.165–218; 2) Аксиология судебного конституционализма: конституционные ценности в теории и практике конституционного правосудия. М.: Юрист, 2013.

³ Квалификация представляет собой оценку уровня качества оказанной юридической помощи, ее соответствие развитию современной правовой науки и практики.

⁴ Научно-техническая контрреволюция: стенограмма обсуждения книги В.П. Макаренко «Научно-техническая контрреволюция: идеи М.К. Петрова как источник мысли» // Политическая концептология. 2012. № 2. С. 222–246.

⁵ *Strum P. Brandeis: Beyond Progressivism.* University Press of Kansas, 1993.

⁶ См.: Берлявский Л.Г. 1) Луис Брандайс и его роль в развитии конституционного права США // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2011. № 2 (8). С. 103–108; 2) *Вклад Л.Д. Брандайза в разви-*

тие конституционного права Соединенных Штатов Америки // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2013. № 2. С. 313–320.

⁷ *Марченко М.Н.* Сравнительное правоведение. Общая часть. М., 2001. С. 1, 2.

⁸ *Ковалевский М.М.* Происхождение современной демократии. Т. 1. М., 1895. С. VI.

⁹ Воспоминания М.М. Ковалевского // История СССР. 1969. № 5. С. 88.

¹⁰ См.: Берлявский Л.Г. 1) Кризисный период развития отечественного юридического образования (1917–1920 гг.) // Юридическое образование и наука. 2010. № 4. С. 17–20; 2) Возрождение отечественного юридического образования в 20-е – начале 30-х годов XX века // Юридическое образование и наука. 2012. № 3. С. 22–26; 3) Правовое положение научных работников и преподавателей высших учебных заведений в 1917–1920 гг. // Право и образование. 2010. № 9. С. 73–82; и др.

¹¹ *Скрипичев Е.А.* К разработке истории советского правоведения // Государство и право. 1992. № 12. С. 30.

¹² РГАСПИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 486. Л. 130.

¹³ Подробнее см.: Берлявский Л.Г. Правовое регулирование науки и научной деятельности в Советском государстве (1917–1941 гг.). М.: Юрлитинформ, 2012. С. 156–158.

¹⁴ СЗ СССР. 1934. № 3. Ст. 30.

Бондарь Николай Семенович.

Конституционная модернизация российской государственности: в свете практики конституционного правосудия / Н.С. Бондарь. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2014. 198 с. (Серия «Библиотечка судебного конституционализма». Вып. 5).

Новый выпуск авторской серии «Библиотечка судебного конституционализма» посвящен обоснованию современной доктрины конституционной модернизации российской государственности, в связи с чем анализируется социокультурное и политико-правовое значение Конституции РФ как нормативной основы соответствующих процессов и на этой основе обосновывается уникальная роль Конституционного Суда как универсального института развития модернизационных процессов в современной России. Вытекающие из решений Конституционного Суда основные направления и способы модернизации социально-экономических и политических институтов, правозащитных отношений рассматриваются в контексте общих закономерностей развития судебного конституционализма в России.

В условиях глобализации, углубляющегося кризиса современного конституционализма, включая транснациональные, междуна-

родно-правовые его институты, особое значение приобретает проблема поиска баланса национальных (социокультурных) и универсальных (общедемократических) начал, стабильности и динамизма в конституционном развитии власти, собственности, свободы как фундаментальных начал современного общества и государства. В этих условиях поиск баланса конституционных ценностей и разрешение на этой основе социальных противоречий и правовых коллизий является важнейшей задачей конституционного правосудия.

Адресована широкому кругу читателей, интересующихся проблемами современного российского конституционализма, перспективами модернизации российской государственности, повышения конституционной культуры.